УЗЛОВЫЕ СОБЫТИЯ XX ВЕКА

1956 год

Российско-болгарские дискуссии

1956 г. Будапешт. Патруль повстанцев

Российская академия наук
Институт славяноведения

Комиссия историков России и Болгарии

1956 год
Российско-болгарские научные дискуссии

Сборник статей

Москва
2008

Редакционная коллегия:

академик РАН *Г. Г. Литаврин*,
доктор исторических наук *Т. В. Волокитина*,
доктор исторических наук *Р. П. Гришина*,

Рецензенты:

доктор исторических наук *Л. С. Лыкошина*,
кандидат исторических наук *Е. Л. Валева*

1956 год: Российско-болгарские научные дискуссии. Сборник статей. — М.: Институт славяноведения РАН, 2008. — 496 с.

ISBN 978-5-75-76-0219-6

Авторы сборника статей — участники прошедшей в октябре 2006 г. в Москве международной российско-болгарской конференции, посвященной 50-летию событий 1956 года — XX съезду КПСС, складыванию и разрешению кризисной ситуации в Восточной Европе, выразившейся в попытке реформирования социализма. Конференция была организована в Институте славяноведения РАН в соответствии с планом двустороннего научного сотрудничества Российской и Болгарской академий наук.

В центре внимания авторов — исследование на новых архивных материалах отражения событий 1956 г. в обществе стран «социалистического лагеря». Предыстория XX съезда КПСС, задачи, которые был призван решить «секретный» доклад Н. С. Хрущева, влияние польских событий и венгерской революции на общество Восточной Европы, вопросы взаимоотношения власти и интеллигенции, мотивация политического поведения национальных лидеров и их связи с Москвой, особенности психологической войны Запада против СССР и стран советского блока — эти и многие другие вопросы явились предметом всестороннего рассмотрения авторов с привлечением широкого круга архивных материалов.

Сборник адресован всем интересующимся политической историей XX в.

ISBN 978-5-75-76-0219-6

© Институт славяноведения РАН, 2008

К читателю

Предлагаемая вниманию читателя книга — попытка с позиций сегодняшнего дня и современного уровня знания осмыслить события 50-летней давности. 1956 год вошел в историю минувшего столетия как год XX съезда КПСС, оказавшего большое влияние на все мировое коммунистическое движение, вызвавшего к жизни надежды на демократическое обновление социализма. Вместе с тем это был год, когда проявлявшиеся ранее симптомы нарастания кризисной ситуации в Восточной Европе привели к реализации усиливавшихся центробежных тенденций внутри восточного блока под лозунгами гуманного, обновленного социализма, независимости от диктата Москвы. Реакция советского политического руководства на события в Польше и венгерскую революцию стала зримым проявлением полного несоответствия между установками XX съезда на отказ от сталинской политической практики и признание многообразия форм перехода к социализму и традиционной силовой политикой СССР. Мировое сообщество было поставлено перед фактом неприятия Советским Союзом даже слабопрогнозируемых с точки зрения эффективности мер по реформированию политической системы социализма, готовности силой оружия пресекать любые попытки отхода от «классического» образца — советской модели общественно-политического устройства. В долгосрочной перспективе такая позиция неизбежно вела к стагнации режима и усилению кризисных тенденций в социалистической системе. События 1956 г. по праву можно считать прологом к крушению «реального социализма».

Не случайно поэтому, что при реализации научного проекта «Узловые события XX века и общественное мнение Болгарии и России», инициированного Комиссией историков обеих стран и включенного в План научного сотрудничества между Российской и Болгарской академиями наук на 2006—2008 гг., его участники отнесли к числу «узловых» события 1956 г. При этом, естественно, учитывалось, что в 2006 г. им исполнилось 50 лет. Временна́я дистанция открыла дополнительные возможности для серьезного и всестороннего анализа исторического прошлого.

Не впервые ученые обеих стран сосредоточивают внимание на актуальной в научном и политическом плане проблематике истории XX столетия. Преодолевая с конца 1990-х годов немалые трудности в процессе поддержания творческих контактов, болгарские историки и российские «болгаристы», смогли найти эффективную форму взаимодействия — осуществление совместных научных проектов. Серьезным результатом их усилий явились публикации в Софии и Москве сборников статей сравнительно широкого исследовательского диапазона[1].

В соответствии с намеченным сторонами планом работы по вышеназванному проекту в октябре 2006 г. в Москве была проведена научная конференция «1956 год. СССР, Болгария и другие страны "социалистического лагеря"». Представленные и обсужденные на ней доклады легли в основу предлагаемого издания. Материалы болгарских историков даны в переводе на русский язык. Своими размышлениями в русле означенной тематики поделились также и коллеги из других академических институтов и научных учреждений, любезно согласившиеся принять участие в настоящем издании.

Проблемно-тематический диапазон сборника достаточно широк. На суд читателя выносятся результаты внимательного изучения авторами предыстории XX съезда КПСС, принятых на нем документов, в том числе и внешнеполитического характера. Тщательно проанализированы задачи, которые был призван решить «секретный» доклад Н. С. Хрущева, восприятие решений и «духа» съезда в странах советского блока с учетом их специфики. Влияние событий в Польше и Венгрии на внутриполитическое развитие Болгарии, Румынии, Албании, Чехословакии, реакция в этих странах на кризисные явления в рамках «социалистического лагеря», сложнейшие проблемы взаимоотношения власти и отдельных слоев общества, реформаторские настроения, носителями которых активно выступала творческая интеллигенция, политическое поведение национальных лидеров в контексте их отношений с Москвой, борьба за власть на партийном и государственном уровне, наконец, методы обеспечения стабильности режимов, намеренное ограничение каналов информации, особенности ведения психологической и информационной войны Запада против стран восточноевропейского региона — эти и многие другие вопросы исследуются на современной источниковой базе. Предложенная в статьях авторская интерпретация архивных документов, дискуссионность подходов к освещению тех или иных сюжетов, спорный характер отдельных выводов и констатаций не только отражают современный уро-

вень исследований указанной проблематики, но и позволяют сопоставить результаты исследований ученых двух стран, наметить перспективы дальнейшей работы.

Примечание

[1] България в сферата на съветските интереси (Българо-руски научни дискусии). София, 1998; България и Русия през XX век: Българо-руски научни дискусии. София, 2000; Человек на Балканах в эпоху кризисов и и этнополитических столкновений XX века. М., 2002.

I. 1953—1956. Преддверие

В. Тошкова,
(Институт истории БАН)

Противостояние США и СССР в 50-е годы XX века: эпизоды психологической войны

В состязании за геополитическое превосходство в Европе после Второй мировой войны США и СССР участвовали с переменным успехом. Тем не менее нельзя не согласиться с утверждением проф. В. Мастны, что в конце 40-х годов XX в. усилия Вашингтона по разложению политической системы в восточной части Старого континента оказались более результативными, нежели попытки Москвы вызвать сотрясения на западе Европы. По его мнению, патологическая подозрительность Сталина провоцировала обвинения в «предательстве», выдвинутые по отношению к видным деятелям коммунистического движения. Прошедшие в странах Восточной Европы судебные процессы означали, что Сталин собственноручно подрывал основы советского могущества, причем с большей эффективностью, чем прогнозировала американская сторона[1].

Уязвимость Советского Союза была усилена недальновидно начатой в 1948 г. конфронтацией с Югославией. И хотя советско-югославский конфликт ускорил «советизацию» восточноевропейских сателлитов, плохо просчитанные военные демонстрации (блокада Берлина в 1948 г. и Корейская война 1950 г.) дали лишний шанс США для ведения постоянной и результативной психологической войны, которую они развернули против блока стран народной демократии. Ее содержание, воздействие, наконец, ее инициаторы — тема, нашедшая достаточное освещение в иностранной историографии и пока слабо представленная в болгарской. Автор задался целью детально осветить намерения американской администрации, направленные на подрыв единства «социалистического лагеря», показать, какими методами болгарские власти пытались блокировать влияние западной пропаганды на население, слушавшее иностранные радиостанции — «Голос Америки» (ГА) и «Свободная Европа» (СЕ)[2].

Пропагандистские передачи обеих радиостанций отражали конкретные пункты хорошо продуманной политической программы, созданной в результате координации усилий Государственного департамента, ЦРУ, Департамента обороны и других организаций, и направленной на дестабилизацию советской сферы влияния в Восточной Европе. Намерения

Вашингтона в отношении восточноевропейских сателлитов Москвы нашли отражение в аналитической записке Совета национальной безопасности (СНБ) от 8 декабря 1949 г. В комментарии к этому документу, вышедшему из-под пера заместителя государственного секретаря США Джеймса Вэбба и датированному 2 февраля 1950 г.[3], «долгосрочная цель» — создание в Восточной Европе «нетоталитарных правительств», которые хотели бы приспособиться к «общности свободного мира», охарактеризована как трудноосуществимая. Препятствия виделись в дислокации в регионе советских воинских частей и наличии национальных служб государственной безопасности. Именно поэтому авторы записки рекомендовали США ориентироваться на такую политику и пропаганду, которые поддерживали бы «имевшиеся антикоммунистические настроения и надежды некоммунистического большинства». Было признано целесообразным вести обработку общественного мнения с помощью радиопередач, официальных действий в структурах Объединенных Наций, а также будируя вопрос о правах человека дипломатическими и иными представительствами США в странах региона. С точки зрения достижения более быстрых результатов авторы записки отдавали предпочтение «краткосрочным целям». Последние заключались в ухудшении отношений между Москвой и ее союзниками и, как следствие, в ослаблении советского контроля. Были отмечены и первые результаты — проведение «чисток» среди коммунистов и беспартийных, которые свидетельствовали об испытываемом советским руководством беспокойстве по поводу ненадежности его «коммунистических марионеток».

Задача подготовки конкретных политических обращений к отдельным странам Восточной Европы была возложена на Госдепартамент. В подготовленном им конфиденциальном документе предусматривалось более эффективное использование ГА и других средств массовой информации, проводивших информационную политику в США и за границей. Важно отметить, на чем акцентировалось особое внимание в инструкциях по проведению пропагандистских операций. Для того, чтобы слушатели доверяли передаваемой информации, ее авторам следовало обращать внимание на «относительно слабые и сильные стороны» США и СССР. С учетом общественных настроений в регионе конкретные требования сводились к констатации ненависти к советскому господству и указаниям на возможный разрыв, который уже существует или возникнет в будущем между Москвой и отдельными коммунистическими партиями. Были намечены и приоритеты в работе аналитических подразделений Госдепартамента — обнаружение в экономике советских сателлитов «узких

мест» и «экономических факторов», используя которые можно было бы нарушить единодействие между Советским Союзом и его союзниками.

Необходимость определения ближайших и отдаленных целей политики Соединенных Штатов по отношению к советским сателлитам в Восточной Европе проявилась в тот период, когда противостояние между Востоком и Западом приняло опасные масштабы. Виновниками госсекретарь Дин Ачесон счел правительства Болгарии, Румынии и Венгрии, объявив в официальном заявлении для печати 24 февраля 1950 г., что именно они способствовали «существенному ухудшению отношений с Соединенными Штатами». Действия правительств этих стран, подчеркнул Ачесон, свидетельствовали об их намерении «оторвать» свои народы от «свободного мира» и лишить их надежды на «иной выбор судьбы», кроме уготованного им «их господами». Они преследовали цель «уничтожить все признаки и символы западного влияния». Госсекретарь оправдал меры, которые правительство США «было вынуждено принять», чтобы адекватно отреагировать на обстановку в Восточной Европе, созданной «беспринципными действиями» властей[4]. Наиболее ярким проявлением таких действий, бесспорно, стал разрыв дипломатических отношений между Болгарией и США в результате выдвинутых против полномочного министра Дональда Хита обвинений в несанкционированных связях с осужденным впоследствии и приговоренным к смертной казни Трайчо Костовым.

Американская сторона предприняла также санкции, которые нанесли финансовый ущерб указанным странам, — заблокировала их авуары. Был создан комитет по претензиям пострадавших от национализации в Болгарии, Румынии и Венгрии американских граждан[5]. Ответом втянутых в конфликт восточноевропейских стран стали определенные санкции, в частности, сокращение американского дипломатического и технического персонала в Бухаресте, Будапеште, Варшаве и Праге. Госдепартамент Соединенных Штатов был вынужден смириться с этим. По мнению заместителя государственного секретаря Раска, данная акция была результатом «советской тактики», направленной, как легко можно было предположить, на «сокращение до минимума всех американских представительств в странах-сателлитах Восточной Европы». Приведенные данные свидетельствовали, что в Венгрии «персонами нон грата» были объявлены три американских военных атташе. В Бухаресте персонал посольства сокращен более чем на 50%, т. е. с 41 до 24 человек, в Чехословакии — с 67 до 51 сотрудника. Имелись также сведения об «ограничениях» по отношению к американским дипломатам, что во все большей степени

блокировало возможности получения разведывательной информации. В Польше на протяжении двух последних лет персонал посольства США был сокращен с 53 до 37 сотрудников, причем отзывы дипломатов из страны продолжались[6].

Растущее напряжение в отношениях между Вашингтоном и столицами восточноевропейских государств заставили государственного секретаря провести 5 апреля 1950 г. пресс- и радиоконференции. Центральный вопрос — планирует ли Москва удалить американских дипломатических представителей изо всех стран-сателлитов? — повис в воздухе: Д. Ачесон не скрывал, что не может точно охарактеризовать намерения Москвы[7]. Отсутствие публичных критических выступлений против инициированной Кремлем антиамериканской кампании вовсе не отменяло серьезных дискуссий о содержании политики Белого дома по отношению к «советским сателлитам в Восточной Европе». Именно поэтому в Государственном департаменте всесторонне обсуждались подготовленные материалы, призванные уточнить американскую позицию на предстоящих переговорах с министрами иностранных дел Великобритании и Франции в Лондоне (11—13 мая 1950 г.) и на предварительных встречах (американо-британской и американо-британско-французской) 25 и 28 апреля 1950 г. Документы дают представление, как о непосредственных, так и о долгосрочных намерениях Соединенных Штатов в отношении стран советской сферы безопасности. С полным основанием можно утверждать, что дух примирения (и безысходности), ощущавшийся на упомянутой выше пресс-конференции 5 апреля, сменился решимостью воевать за «спасение» восточноевропейских народов.

Эта решимость отразилась в аналитическом материале «FM D B-22a» от 11 апреля 1950 г. В разделе «Главные цели США» четко формулировалась «принципиальная задача» американской политики в восточноевропейском регионе — ослабление советского контроля с конечной целью «устранить преобладающую там советскую власть». С учетом быстрой «советизации» стран региона предусматривались меры по сохранению там остатков западного влияния, намечались мероприятия, призванные продемонстрировать американскую озабоченность правами и благополучием населявших регион народов. Описывая события, предварявшие установление «монолитных режимов абсолютного коммунистического контроля», авторы документа не обошли вниманием и кампании по искоренению западного влияния. «Пиком» этих кампаний стали «шпионские процессы», аресты и притеснения граждан западных стран. Особо упоминалась Болгария, где действия властей против дипломатической

миссии США привели к разрыву дипломатических отношений. К числу неблагоприятных факторов были отнесены незаинтересованность стран-сателлитов в развитии торговых отношений с Западом и нежелание участвовать в международных организациях — Всемирном банке, Международном валютном фонде, Всемирной организации здравоохранения, Организации по продовольствию и земледелию. Наряду с откровенным дистанцированием от «свободного мира» констатировалось и усиление пропагандистского наступления против Запада. Подобные условия создавали предпосылки для отзыва дипломатических миссий США и других западных стран и превращения региона в «советский заповедник». С некой долей отчаяния авторы документа прогнозировали и такой вариант развития событий: «если Советы установят полный контроль в этих странах, а Запад окажется не способным причинить им там какое-либо... неудобство, то лучше было бы [Москве] направить свои усилия на отделение Германии и Западной Европы». Вместе с тем, однако, признавалось, что поощрение стремления к «самоопределению народов» замедлило бы и даже предотвратило тенденцию к полному поглощению Восточной Европы Советским Союзом.

Определяя позицию Запада в регионе как «импотенцию», американские аналитики признавали трудности приобщения Восточной Европы к западным стандартам. В силу этого они рекомендовали сохранить, хотя бы на элементарном уровне, отношения со странами советской сферы влияния, для чего признавалось необходимым:

— сохранение любой ценой дипломатических представительств с целью: а) собирать полезную информацию; б) демонстрировать, что Запад не намеревается отказываться от собственных интересов в регионе или отдавать эти страны под полный советский контроль и в) использовать в собственных целях любой неожиданный поворот событий, как, например, в Югославии в 1948 г.;

— принятие мер против сателлитных правительств, нарушающих права западных дипломатических миссий и отдельных граждан;

— проведение Западом мощного пропагандистского наступления против коммунистических режимов в Восточной Европе, в первую очередь средствами радиовещания. Его цели — поддержание нравственных устоев населения; недопущение установления полного советского контроля; разоблачение силовых действий Москвы, направленных на обеспечение ее господства в регионе, требование вывода советских войск;

— использование институций ООН для доказательств попрания независимости стран Восточной Европы и основных прав человека;

— разоблачение нарушений статей в защиту прав человека, включенных в Мирные договоры с Болгарией, Румынией и Венгрией;

— подчеркивание бесспорной принадлежности народов региона к европейскому сообществу; привлечение к сотрудничеотву политической эмиграции, которая, не имея официального статуса, может, тем не менее, действовать в интересах западной политики;

— использование конфликта между Кремлем и Югославией, поощрение любых проявлений «титоизма» в странах-сателлитах, опираясь на факт противостояния большинства населения «всем вариантам коммунизма»;

— продолжение экспортного контроля по отношению к советским сателлитам в соответствии с интересами безопасности Запада; признание необходимости торгового обмена между Востоком и Западом в целях поддержания западноевропейской экономики, но не допуская какой-либо ее зависимости от Востока[8].

Инструкции по проведению массированной пропаганды на СССР и страны Восточной Европы легли в основу деятельности созданного в декабре 1949 г. Радио «Свободная Европа» (РСЕ), передачи которого начались уже в июле 1950 г. с радиостанции, расположенной на территории Западной Германии[9]. Не остался в стороне и Государственный департамент. По инициативе сотрудника Группы политического планирования Роберта Джойса была проведена встреча руководителей отделов и экспертов Госдепартамента и ЦРУ, на которой обсуждался характер будущих контактов с РСЕ. Участники встречи признали целесообразным, чтобы на «политическом уровне» связь между Госдепартаментом и РСЕ поддерживал Джойс. По ходу обсуждения были сформулированы следующие основные положения по организации деятельности РСЕ:

— представитель Государственного департамента будет следить, чтобы в передачах не было отклонений от общей политики;

— передачи должны записываться и по требованию Государственного департамента передаваться в его отделы в переводе;

— большинство материалов для РСЕ будут поступать из открытых и официальных источников и от некоммерческих СМИ; частичное использование оперативной информации возможно с разрешения Государственного департамента;

— Государственный департамент является высшим органом, утверждающим материалы РСЕ; ответственность за содержание материалов возлагается на территориальные отделы департамента;

— механизмы проверки будут разработаны позднее на встрече с представителями заинтересованных отделов.

При осуществлении наблюдения за деятельностью РСЕ сотрудники Госдепартамента опирались на результаты ситуационного анализа положения в странах-сателлитах, их отношений с СССР и адекватности проводимой Вашингтоном политики по отношению к странам Восточной Европы.

26 мая 1950 г. исполняющий обязанности госсекретаря Джеймс Вэбб представил в СНБ меморандум об американской деятельности в Восточной Европе в соответствии с рекомендациями, содержавшимися в упомянутой выше справке Совета[10]. В меморандуме констатировалась тенденция усиления зависимости сателлитов от Москвы, подкрепленная советским военным присутствием в Польше, Венгрии и Румынии. Д. Вэбб обратил внимание на продолжавшиеся в странах региона «драматические чистки»: из властных структур устранялись «сомнительные элементы», место которых занимали «наиболее доверенные агенты Москвы». Характеризуя как успешные для советской стороны итоги борьбы против возможного копирования сателлитами югославского курса, Вэбб, вместе с тем, указал и на возможность столкновения Москвы с «националистическим сопротивлением». Более того, его быстрое подавление советской стороной ставилось под сомнение. В меморандуме было зафиксировано продолжение кампании по устранению западного влияния в регионе. Лишение (или ограничение) естественных источников информации предлагалось компенсировать усилением пропаганды и «другими средствами». Удобными объектами в этом отношении считались Болгария и Албания (Тирана также не имела дипломатических отношений с США). Для решения «долгосрочной задачи» — прихода к власти «свободных правительств» Государственный департамент особенно рассчитывал на проведение пропагандистских операций и в первую очередь через «Голос Америки». Следовало также подключить радиостанции, вещавшие в США от имени эмигрантских национальных комитетов. Немалые надежды американские эксперты связывали с конфликтом между Сталиным и Тито. «Полноценное использование» конфликта, о чем шла речь в меморандуме, означало распространение информации об успешном сопротивлении Белграда Москве и попытках углубить раскол в международном коммунистическом движении.

Каждое изменение конфигурации восточноевропейского блока диктовало необходимость принятия новых пропагандистских установок и рекомендаций для отдельных стран с учетом их специфики. Основные направления антисоветской пропаганды — доказательства «эксплуатации» стран-сателлитов Москвой и возрождения «националистического духа»

среди их населения. В общем виде указанная задача формулировалась в меморандуме следующим образом: «Цель нашей пропаганды — увеличить смятение, подозрительность и страх коммунистических лидеров и партий в этих странах, а также усилить антикоммунистическое сопротивление масс».

Серьезность намерения американской администрации в борьбе за выведение государств Восточной Европы из-под советского контроля отразило создание специальной рабочей группы, задачи которой заключались в анализе поступавшей разведывательной информации и разработке конкретных мер по расколу советского блока. В группе были представлены все американские разведывательные органы — Разведывательный отдел Военного департамента, службы морской и воздушной разведки, ЦРУ, служба разведывательных исследований при Государственном департаменте. Дискуссии, направленные на выяснение причин недостаточной эффективности американской пропаганды в противостоянии с СССР, велись непрерывно с начала 1950 г. Особо острыми они были в апреле—мае т. г. Рабочие материалы и итоговые документы отражают сильное беспокойство правящей американской элиты, вынужденной признать, что дипломатические и пропагандистские усилия СССР успешно ограничивают контакты США со странами за «железным занавесом». Характерны названия досье документов совещаний: «Ответные действия против ограничений СССР и стран-сателлитов в отношении информационных материалов США» (6 апреля 1950 г.); «Мероприятия Соединенных Штатов по завладению инициативой в области психологии» (документ без даты, был направлен для обсуждения в Государственный департамент 14 апреля 1950 г.); «Внешняя информационная программа Соединенных Штатов и планирование психологической войны» (4 мая 1950 г.)[11]. Вышеупомянутые дискуссии шли по заранее сформулированной проблеме «Борьба с ограничениями против США в ходе реализации Программы информационного и образовательного обмена с СССР и странами-«сателлитами». Неоднократно повторялся тезис о том, что Кремль решил блокировать нормальные каналы общения между «советским миром и Соединенными Штатами». Разрыв дипломатических отношений с Болгарией рассматривался в Вашингтоне как индикатор, показывающий, до каких пределов готово дойти советское правительство, возлагая при этом вину на Соединенные Штаты. Участники обсуждения рассмотрели и возможные последствия подобной политики — Москва, действуя такими методами, вероятно, рассчитывала продолжить интеграцию сателлитов в советскую систему. И, что еще важнее, стремилась вну-

шить им, что Америка «списала» их со счетов как «потерянных» для Запада. Было высказано предположение, что СССР стремился «вынудить» американское правительство инициировать меры, запрещающие «движение идей и информации» между различными государствами.

В советах Вашингтону противодействовать преобладало желание не допустить искусственную изоляцию США (читай: Запада) от контактов с правительствами и народами «советского мира». Американская администрация не должна была поддаваться на провокации и отказываться (за исключением возникших экстремальных ситуаций) от разоблачения советской конфронтационной политики. Овладение инициативой в психологической войне предусматривало проникновение американской пропаганды в те районы, которые были лишены свободного доступа информации, и ознакомление населения с правдой о намерениях США и всего «свободного мира».

В развернувшуюся пропагандистскую кампанию включился и президент Трумэн, призвавший «объединить усилия — наши и других свободных народов — в реализации долгосрочной и сильной программы, чтобы утвердить дело свободы против пропаганды порабощения. Мы должны сделать так, чтобы в мощной кампании борьбы за правду нас услыхал весь мир».

Глубоко уязвленная симпатиями мирового сообщества, завоеванными Советским Союзом при проведении международной кампании в защиту мира, американская администрация приступила к осуществлению информационной программы психологической войны, одобренной Г. Трумэном 10 марта 1950 г.[12] Соответствующее решение 4 мая было разослано в 64 дипломатических представительства Соединенных Штатов. Государственный департамент счел необходимым привлечь к участию внешнеполитические ведомства Великобритании и Франции. Во время встреч в Париже и Лондоне в начале мая 1950 г. был согласован основной тезис пропагандистской кампании — «народы Восточной Европы не отторгнуты и признаются членами европейского сообщества»[13].

Опасения, что США теряют международный престиж, вынуждают Государственный департамент искать возможности дополнительного бюджетного финансирования Программы информационного и образовательного обмена. В 1951 г. на ее реализацию было выделено 32 700 000 долларов[14]. Исходя из уровня стабильности в советской сфере влияния и прочности американских позиций были определены четыре зоны, куда следовало направлять средства. Естественно, что СССР и «порабощенные» страны за «железным занавесом» — Албания, Болгария,

Китай, Чехословакия, Восточная Германия, Венгрия, Северная Корея, Маньчжурия, Польша, Румыния, Тибет вошли в зону, охарактеризованную как «прочное ядро советского коммунизма». К «критической периферии» были отнесены Финляндия, Греция, Турция, Югославия, Западная Германия и Австрия. В «опасной зоне» Европа была представлена только Францией и Италией. Констатируя, что русские «хорошо подготовились к сражениям на психологическом фронте», Д. Вэбб 23 июня 1950 г. доложил президенту, что в Государственном департаменте разработан «новый план психологического наступления», призванного сократить «превосходство русских» и способствовать «оттеснению русских назад»[15].

Летом 1950 г. все институции Вашингтона публично и в категоричной форме объявили о готовности американской администрации осуществлять в мировом масштабе Программу информационного и образовательного обмена. Мотивация задействована старая — Запад должен «противостоять успехам коммунистической пропаганды в соревновании за умы и лояльность людей». Часть намеченных мероприятий соответствовала резолюции 243 Сената от 5—7 июля 1950 г., предлагавшей применить план Маршалла в сфере идей. Другие должны были противостоять Стокгольмскому воззванию в защиту мира или поддержать «кампании правды» в качестве «духовного наступления против Кремля»[16].

На этом этапе следует констатировать отставание США в пропагандистском противостоянии Востока и Запада. Москве удалось напугать Вашингтон размахом и эффективностью кампании по сбору подписей в защиту мира. Об этом свидетельствует одна из серии специальных американских инструкций по информационной политике. 27 июля 1950 г. группа советников Государственного департамента по общественным проблемам подготовила директиву № 50, в которой подробно изложила советские цели и способы противодействия им. Документ свидетельствовал о том, что муссировавшийся в мировом общественном мнении и, главное, воспринятый им, вывод об агрессивных намерениях США вызвал смущение и раздражение американской стороны. Приведенные в указанной директиве контраргументы были призваны разоблачить СССР как «предателя дела мира». В частности, предлагалось скомпрометировать кампанию по сбору подписей под Стокгольмским воззванием, сея сомнение в «достоверности статистики»[17].

Одной из неотложных и трудно решаемых задач являлось предпринимавшееся советскими техническими службами глушение американских радиостанций «Голос Америки» и «Свободная Европа». На это указывалось в одной из еженедельных оперативных справок Государственного

департамента под названием «Текущее экономическое развитие». Отрывок соответствующего документа, посвященный глушению «Голоса Америки», был разослан 4 декабря 1950 г. в дипломатические миссии США[18]. Ущерб, причиняемый советской стороной при передаче информации и оказании психологического воздействия на народы, лишенные контактов (личных и культурных) с Западом, оценивался американскими экспертами как «огромный». Содержавшееся в рассматриваемом документе признание, что без «Голоса Америки» Соединенные Штаты почти не могут «дойти» до населения в странах «советской орбиты», объясняет требование к Конгрессу предоставить Государственному департаменту «мандат на использование всех возможностей, чтобы рассказать миру о миролюбивых намерениях американской внешней политики». Тревожные констатации были услышаны: Вашингтон решил усилить психологическое наступление путем осуществления на радиостанции «Голос Америки» «смелой, новой программы». Ее реализация с помощью модернизированных технических средств должна была обеспечить доступ информации во все районы мира. В целях оказания психологического давления специально оговаривалась необходимость создания «климата доверия и спокойствия». Для этого предстояло формировать у радиослушателей объективное представление о США, снизить накал критики советских агрессивных замыслов и международного влияния СССР, но «не теряя чувства меры»[19].

* * *

Воспринятый в американской пропаганде курс с необходимыми корректировками сохранялся и в последующие годы. Поиск «слабых мест» в отношениях между Москвой и «народными демократиями» был призван ограничить возможности советского контроля. В 1951 г. особое беспокойство связано с вероятностью нападения СССР на Югославию[20]. Объектом постоянного внимания являлась также зависимость восточноевропейских стран от СССР. В сводках ЦРУ (NIE-33) за 7 ноября констатировалось, что «советский контроль над сателлитами выглядит полным, обеспечивая... подчинение этих стран СССР и их стабильность, как в экономическом, так и в военном отношениях»[21]. Существовавшие в Восточной Европе проблемы, хотя и являлись для московского руководства раздражителем, но не угрожали советскому господству. К числу неприятных проекций исторического наследия были отнесены «национализм, традиционная ненависть к России (за исключением Чехослова-

кии и Болгарии), западная культурная традиция (особенно в Польше, Чехословакии и Венгрии), религия, территориальные конфликты, этнические и религиозные меньшинства». Вполне адекватно оценивалась глубина социально-политических преобразований в Восточной Европе после Второй мировой войны, выразившаяся в установлении советской политической системы. Вместе с тем учитывалось снижение жизненного уровня населения в странах региона. Аналитики, однако, не допускали, что Кремль позволит имевшей место «критике» перерасти во враждебность и поколебать советскую гегемонию.

При реализации пропагандистской программы США в восточной части Старого континента доминация советского влияния превратилась для Вашингтона в вызов. Реагируя на него, американская сторона пришла к выводу о необходимости кардинально пересмотреть вопрос о координации деятельности и обмене информацией между правительственными службами и Конгрессом в сфере оказания помощи «нелегальной деятельности в коммунистических странах»[22]. Были подготовлены конкретные рекомендации, направленные на изменение их просоветской ориентации. Эта проблема обсуждалась на особом совещании «руководителей восточноевропейских миссий» в Париже 6 марта 1952 г.[23] Среди способов ослабления «советских объятий» значились пропаганда и секретные операции. В качестве исполнителей информационной программы были определены «Голос Америки» и Радио «Свободная Европа». Четко определялись их различные функции по отношению к восточноевропейской аудитории. Если РСЕ должно было поддерживать контакт «непосредственно с сателлитами», сосредоточившись на том, что называется «злобой дня», то на ГА возлагалась задача сообщать всемирные новости, анализировать «единство и мощь свободного мира», разъяснять американскую политику, опровергать коммунистическую пропаганду под лозунгом «ненависти к Америке». С ГА связывались и расчеты на поддержание «оппозиционного духа» и «пассивного сопротивления». Так, например, в вещании на Венгрию призывы следовало адресовать «венгерскому национализму», «чувству западной идентичности» как «основе надежд на освобождение». Не были забыты глубокая религиозность венгров, неприятие ими коллективизации, жесткий и раздражающий контроль государства за всеми видами деятельности населения[24]. Вместе с тем информационным службам не следовало стимулировать «нереальные и преждевременные действия или подпитывать надежды на освобождение, которые не могли быть осуществлены».

Подходящим поводом для усиления антисоветской пропаганды стали волнения рабочих в Восточном Берлине и советской зоне Германии 16—17 июня 1953 г. В Совете национальной безопасности 18 июня рассматривалась возможность цепной реакции и в других странах советского блока. На заседании СНБ 25 июня президент Д. Эйзенхауэр предложил всесторонне обдумать возможность вынесения вопроса о «преступных русских репрессиях» против германских повстанцев на обсуждение в ООН. Трезвой оценке следовало подвергнуть и требование проведения «свободных выборов», выдвинутое немецкими рабочими. Существовало опасение, что оппозиция против канцлера К. Аденауэра могла воспользоваться ситуацией и добиться отсрочки ратификации договора о создании Европейского оборонительного сообщества[25].

Появившиеся в монолитном коммунистическом блоке трещины не давали, тем не менее, Вашингтону основания заключить, что властная структура советского образца в Восточной Европе начала распадаться. Наоборот, было высказано предположение, что за фасадом амнистий и иных проявлений либерализации процесс советизации продолжается и притом быстрыми темпами. Тем не менее государственный секретарь Дж. Ф. Даллес потребовал от американских диппредставительств в Праге, Варшаве, Бухаресте и Будапеште четкого ответа на вопрос, может ли «хроническое народное недовольство» режимами в этих странах принять «открытую и более смелую форму»[26]. Полученная информация не предвещала радикального варианта развития событий. В сообщениях даже указывалось на определенное замедление процесса «советизации» и более гибкие действия советского правительства после смерти Сталина[27].

Осторожные оценки об отсутствии тенденций к открытому сопротивлению, исходившие из дипломатических кругов, не отменяли операций по оказанию помощи блокированному Берлину. Сдержанностью отличались и выводы пространного доклада, представленного Фондом политического планирования при СНБ от 11 декабря 1953 г.[28] Не отказываясь от поддержки «демократических антикоммунистических элементов», США делали ставку на «национальные коммунистические движения». При благоприятных условиях Вашингтону следовало ясно дать им понять, что имеются возможности для их сохранения «вне советского блока» по примеру Югославии.

Тезис о том, что исповедующие коммунистическую идеологию силы смогут существовать и без поддержки Москвы, явился удачной пропагандистской находкой, рассчитанной на длительную перспективу. Подобно «югославо-греко-турецкой Антанте», он был рассчитан на ослабление со-

ветского контроля над «балканскими сателлитами» и появление альтернативы «советскому господству». Исследования американской политики в Восточной Европе позволяют выявить ее основную цель — в максимальной степени обслуживать национальные интересы и безопасность США. Поэтому среди многих прочих рекомендаций важное место принадлежало сохранению дипломатических представительств Соединенных Штатов в Польше, Чехословакии, Венгрии и Румынии, причем «на такой срок, который требовали интересы США». Не была забыта и Болгария, в отношении которой предполагалось изучить возможности восстановления дипломатических отношений. Позиция Белого дома встретила, однако, враждебную реакцию Конгресса, продемонстрировавшего непонимание преимуществ пребывания американских дипломатов в восточноевропейских столицах[29]. За этим стояли опасения, что сохранение дипломатических отношений могло быть истолковано в некоторых кругах как признание легитимности коммунистических режимов, а также помешать проведению секретных операций против просоветских режимов.

* * *

23 декабря 1953 г. президент Д. Эйзенхауэр одобрил директиву СНБ (NSC-174) о политике США в отношении советских сателлитов в Восточной Европе. Архивные материалы показывают, что ее осуществление систематически анализировалось. Так, 7 июля 1954 г. в докладе рабочей группы Фонда координации операций в числе последних достижений отмечался ввод в эксплуатацию на территории Германии передатчика мощностью в 1 мегаватт, что дало возможность существенно увеличить аудиторию слушателей. В докладе дублировались прежние рекомендации по приему и размещению эмигрантов их стран Восточной Европы, созданию «яркого контраста» между Восточным и Западным Берлином путем осуществления специальной продовольственной и инвестиционной программы. Констатируя, что советский контрольный механизм в регионе продолжал действовать эффективно, авторы доклада подчеркивали, что уничтожить этот механизм могли лишь военная интервенция Запада или «внутренний коллапс СССР». Однако ни один из этих вариантов не считался возможным в обозримом будущем. В силу этого неприступность границ, глушение западных радиостанций и внутренний «полицейский режим» в странах советского блока предлагалось компенсировать «открытыми дипломатическими действиями». С их помощью следовало поощрять «пассивное сопротивление» и поддерживать «живую» надежду

народов на освобождение. Главная ставка при этом, как и прежде, делалась на распространение информации и пропаганду американских инициатив через популярные западные радиостанции.

На фоне продолжавшейся конфронтации между Востоком и Западом[30] Москву не могли не беспокоить упорные попытки Вашингтона подорвать «монолитность» восточноевропейского блока. В очередном анализе рабочей группы Фонда от 30 декабря 1954 г.[31] речь шла о новом плане согласованной акции по отрыву от советского блока «одного из значимых участников». Выбор пал на Восточную Германию и Чехословакию. Аргументы в пользу ГДР — возможность ее объединения с ФРГ путем переговоров, существовавшие в стране благоприятные условия для американского давления, незначительная позитивная динамика в создании коммунистических властных институтов. Чехословакия также считалась перспективным вариантом, но в силу иных факторов — наличие «сильных западных традиций» и условий для быстрого проникновения западного влияния (общая граница с ФРГ), отсутствие в стране советских войск. Подходящим объектом представлялась также и Венгрия, руководство которой допустило серьезные ошибки в управлении страной. Здесь Соединенные Штаты могли проводить более твердую политику с тем, чтобы увеличить трудности внутреннего характера. И наоборот — могли ослабить давление и получить «концессии» в интересах «свободного мира». В указанных материалах рабочей группы «мягкий» вариант расценивался как малоэффективный с точки зрения обеспечения столь желаемых США перемен в природе коммунистических режимов. Поэтому предпочтение отдавалось «твердой позиции», позволявшей сохранить «баланс», избежать военного столкновения и вместе с тем использовать возможную советскую слабость. В рассматриваемые годы, однако, ни одна из стран советского блока не имела «необходимого» количества «узких мест» для возможного освобождения от советского влияния. Именно поэтому авторы доклада были вынуждены констатировать, что в настоящее время США не в состоянии спровоцировать подобную акцию невоенными методами.

В действие, однако, были приведены полувоенные приемы ведения психологической войны. Существенный результат дала реализация «психологического оперативного плана» по работе с перебежчиками из советской зоны, одобренного Экспертной группой психологической стратегии 20 декабря 1951 г.[32] По ее данным в 1945—1951 гг. Восточную Европу покинули 12 тыс. человек, а прогноз на 1952 г. составлял шесть тысяч. План предусматривал не только прием и размещение но и максимально эф-

фективное использование перебежчиков, в частности через их рекрутирование в армию США и другие военные структуры, предназначенные для НАТО. В апреле 1952 г. на реализацию этой программы было отпущено 4 300 000 долларов. Периодически заслушивались отчеты о работе с эмигрантами. После прохождения «добровольцами» 6-месячной военной подготовки был организован их переезд в США[33]. Забота о полноценном использовании таких кадров в борьбе против коммунизма отразилась в предложении Д. Эйзенхауэра о формировании Добровольческих корпусов свободы (Volunteer Freedom Corps). Дальнейшее развитие это предложение нашло в меморандуме президента, адресованном исполнительному секретарю СНБ Лею 14 февраля 1953 г.[34] 15 февраля этот документ был вынесен на обсуждение Совета. Основная идея заключалась в мобилизации воли населения к сопротивлению режиму в странах «коммунистического рабства». Основным условием реализации этого замысла объявлялась, помимо соответствующего законодательного оформления, подготовка молодых «добровольцев», прибывших из стран «за железным занавесом», лишенных на родине гражданства, не обремененных семьями и демонстрировавших антикоммунистические убеждения. Кампания набора контингента возлагалась на армейские структуры совместно с Государственным департаментом при участии специального помощника президента по проведению операций холодной войны. В меморандуме нашло отражение и разочарование президента медленными темпами набора: к 30 октября 1952 г. из 6 008 кандидатов было отобрано только 395.

Адаптация эмигрантов к новым условиям жизни протекала со значительными сложностями психологического характера, которые проявлялись в демонстративном игнорировании западных стандартов, примитивных запросах. Несомненно, срабатывала и коммунистическая пропаганда, сообщавшая о плохом отношении американской администрации к нелегальным эмигрантам. Все эти вопросы рассматривались в особой инструкции, адресованной дипломатическим и консульским службам США в Европе[35]. Помимо главной задачи — опровергать пропагандистские установки коммунистов, следовало увеличить объем распространявшейся информации о работе с эмигрантами в США и одновременно избегать наплыва «любых перебежчиков». Указывалось на необходимость стимулировать выезд из СССР и стран-сателлитов людей, находившихся на ключевых постах и обладавших «специфическими знаниями и информацией». Специально запрещалось раскрывать имена эмигрантов до получения гарантий, что их близкие не подвергнутся репрессиям. Каналы и контакты, использованные на пути «к свободе»,

должны были сохраняться в тайне. Не следовало также разглашать информацию о том, что программа по работе с эмигрантами имела и другое, кроме гуманитарного, назначение. И, наконец, авторы документа напоминали, что перебежчиков с Востока нельзя было называть «дезертирами».

Текущие оценки кампании по созданию Добровольческих корпусов свободы, однако, отличались умеренностью. Сомнения рождали мирные инициативы Москвы. Они противостояли американскому замыслу и, по всей вероятности, преследовали цель побудить «врага» вернуться к изначальной воинственности[36].

Хотя обсуждение проекта создания Корпусов продолжалось, до практической реализации замысла дело не дошло. Конкретных сведений о результатах задуманной операции до конца 1954 г. у нас нет, как нет их, судя по всему, и у составителей сборника документов и материалов по внешней политике США[37].

Американская администрация последовательно решала задачу разрушения единства внутри советского блока. Она настойчиво искала для этого слабые места. Информация от начала января 1955 г. свидетельствовала об отсутствии каких-либо симптомов возможного выхода хотя бы одной страны из-под опеки СССР[38]. При любом намеке на малейшую дестабилизацию в регионе (наподобие волнений в Восточном Берлине 17 июня 1953 г.) Служба политики и программ при Отделе советского влияния Информационного агентства США была обязана предать соответствующую информацию огласке. Было дано также указание ограничить вмешательство США «выражением сопричастности, пассивным поощрением и моральной поддержкой, связанными с определенными политическими шагами, подходящими и эффективными в конкретных условиях». И, что крайне важно, прозвучало предостережение против моральной поддержки участников выступлений, «которые могли вызвать ненужные человеческие жертвы»[39].

Существенные изменения в Европе, наступившие в 1954—1955 гг. (решения о создании Западноевропейского союза, принятые в Париже 23 октября 1954 г., вступили в силу 6 мая 1955 г.), прекращение оккупационного режима в ФРГ, трехстороннее соглашение о присвоенных правах в Германии, конвенция об иностранном военном присутствии в ФРГ подпитывали ожидания Вашингтоном перемен во внутриполитической ситуации в Венгрии, Польше, Чехословакии[40]. В первую очередь, речь шла об усилении американского влияния на политику «умеренных и националистов». В помощь им планировалось проведение «атак» средств

массовой информации Запада против «доктринерских элементов» и «антинационалистических тенденций» режима. Важным для Венгрии с практической точки зрения считалось оказание помощи продовольствием. При отказе от нее официального Будапешта позиция Запада все равно должна была найти отклик у венгерской общественности. В перспективе подобная демонстрация «доброй воли», особенно в условиях ослабления «хватки» московских доктринеров, могла бы успешно воздействовать на политические настроения в Венгрии.

Отношение к Венгрии отчетливо проявлялось в содержании американских пропагандистских материалов, призванных повлиять на настроения населения. «Голос Америки», например, напоминал слушателям о том, что Ракоши «представляет Советы», а не Венгрию. В связи с этим в телеграмме Государственного департамента № 272 от 21 марта 1955 г.[41] подчеркивалось, что хотя для «Голоса Америки» нападки на режимы в странах-сателлитах как выразителей интересов Кремля — «повторение пройденного», однако этот пропагандистский тезис следует использовать умеренно, не разрушая надежд и чувства самоуважения венгров. Нежелательной признавалась и оценка достигнутых в Париже в 1954 г. договоренностей в контексте «ухудшения американо-советских отношений».

Политические перемены в Венгрии в первой половине 1955 г. выдвинули эту страну на первое место в перечне «национальных разведывательных оценок» (НРО) СНБ. В аналитической записке НРО (NIE 12.5-55), составленной сотрудниками ЦРУ, разведотделов Государственного департамента, департаментов армии, флота, ВВС и Объединенного комитета начальников штабов, были отражены «преимущества и слабости» коммунистического режима в Венгрии[42]. Проанализировав управленческий потенциал коммунистического руководства, авторы записки отметили очевидные признаки существовавшей в стране «политической дисгармонии, экономического хаоса и народного недовольства». Большинство населения было настроено враждебно к коммунистическому правительству. Воспринятый с середины 1953 г. «новый курс» обещал бульшую религиозную свободу, защиту личной безопасности, приостановку выселений, ликвидацию концлагерей, общую амнистию. Однако эти мероприятия реализовывались в ограниченном объеме и с запозданием, вызывая разочарование населения.

Несмотря на отмеченные трудности функционирования советской политической модели, авторы НРО не позволяли себе делать необоснованные оптимистические прогнозы будущего страны. Режим располагал развитой сетью специальных служб. В случае массовых беспорядков к их

подавлению «по приглашению или без такового» могли быть привлечены и дислоцированные в стране советские воинские части. При необходимости имелась также возможность быстрого введения в Венгрию дополнительного воинского контингента. Окончательный вывод американских аналитиков сводился к тому, что по соображениям собственного престижа Кремль будет воевать за сохранение монолитности советского блока и приложит все силы для сохранения режима в Венгрии. Политическим оценкам был подвержен и внешнеполитический курс страны: ожидалось его усиление после отстранения премьер-министра Имре Надя[43]. Прогнозировался переход к некому «среднему курсу», сочетавшему грубые приемы доктринеров типа «а-ля Ракоши» и «чрезмерный» либерализм Надя.

Создание в мае 1955 г. военно-политического оборонительного союза европейских социалистических государств — Организации Варшавского Договора (ОВД) было охарактеризовано американской стороной как акт «тактического значения» для отношений между Востоком и Западом[44]. Визит Н. С. Хрущева в Югославию 26 мая — 2 июня 1955 г. рассматривался в контексте процесса смягчения напряженности в восточноевропейском лагере. Возобновление советско-югославского диалога являлось элементом более реалистического подхода к оценкам ситуации после смерти Сталина. Конечной целью этого нового подхода должно было стать сохранение советского контроля и влияния в регионе. В известной степени благоприятную, хотя и с оттенком удивления, реакцию вызвало приглашение (7 июня) советского правительства германскому канцлеру К. Аденауэру посетить Москву для обсуждения перспективы установления дипломатических, торговых и культурных отношений между СССР и ФРГ[45].

Советские международные инициативы вызвали беспокойство американской администрации в связи с растущей популярностью СССР среди европейских государств. Вашингтон решил вынести вопрос о «советском контроле в Восточной Европе» на четырехстороннюю встречу в Женеве 18—23 июля 1955 г.[46] 11 июля президент Эйзенхауэр одобрил директиву СНБ (NSC 5524/1) с формулировкой задачи «вытеснения Советов из Центральной и Восточной Европы» и достижения «полного освобождения сателлитов от советского господства». Подчеркивалось, что США будут использовать любую возможность, чтобы «ослабить или устранить советский контроль» над частью или всей сферой влияния СССР. С этой целью Америке предстояло по-прежнему действовать «гибкими методами» и не отказываться от них ни при каких обстоятельствах.

В Женеве советской стороне удалось воспрепятствовать намерению США обсудить вопрос о советском контроле над Восточной Европой. Официальные итоги конференции сконцентрировались в выводе об «общем ослаблении напряженности» в отношениях Запада с СССР. Однако это вызвало сильную обеспокоенность американских экспертов в области пропаганды и психологической войны, прогнозировавших, что коммунистические режимы в Восточной Европе укрепятся после встречи в Женеве (уже использовано определение «дух Женевы»). В указаниях Информационному агентству США и Радио «Свободная Европа» рекомендовалось в материалах для «свободного мира» акцентировать драматизм положения Восточной Европы, «физический ужас», рождаемый режимами «за железным занавесом». В пропагандистских материалах следовало нанести удар по «тайной полиции», «трудовым лагерям», отсутствию свободы деятельности советских профсоюзов, права на забастовки и перемену места работы и пр. К объектам критики следовало отнести и «отсутствие свободы деятельности академических учреждений» в странах советской сферы влияния. Речь шла в первую очередь об университетах. Настойчиво поднимался вопрос о доступе в эти учебные заведения «лекторов-гостей» с Запада, которые могли освещать проблемы коммунистического учения. Критике подлежали также отсутствие свободы передвижения, ограничение религиозной свободы, нехватка продовольствия и товаров широкого потребления, помощь международному революционному движению и пренебрежение национальными интересами.

Вместе с тем американская сторона отчетливо понимала, что «дух Женевы» требовал известной корректировки содержания антисоветской пропаганды. В целом, не отказываясь от требования «политической свободы», эксперты предлагали «объективно» комментировать внутреннее развитие стран советского блока, поощрять процессы либерализации, настойчиво ставить вопрос о расширении контактов населения Восточной Европы со «свободным миром» (обмен печатной продукцией, поездки на Запад, прекращение глушения западных радиостанций). Но с пропагандистского вооружения не сняты и старые установки о национализме и религии, политической эмиграции, правах человека, источниках финансирования советской экономики и пр.

На этом этапе особое внимание Вашингтон уделяет Собранию порабощенных европейских народов (СПЕН-ACEN), созданному в сентябре 1954 г. под эгидой Комитета за свободную Европу[47]. Информация о периодических дискуссиях СПЕН с высокопоставленными чиновниками Государственного департамента благодаря Радио «Свободная Европа»

доходила до радиослушателей в Восточной Европе. Так, например, стало известно о встрече 9 января 1956 г. с участием представителей болгарской политической эмиграции (вице-президент д-р Г.М. Димитров), а также эмигрантов из Албании, Чехословакии, Эстонии, Венгрии, Литвы, Польши и Румынии. Пессимистическим настроениям в их кругах в связи с предпринятой советской стороной кампанией по репатриации эмигрантов, восстановлением торговых отношений с Западом, «возвращением» Югославии в советский блок, неослабевающем советским контролем государственный секретарь противопоставил заверения, что для США судьба стран-сателлитов — основное условие сохранения мира, что американское правительство будет по-прежнему защищать права человека, свободу, справедливость и независимость малых наций.

В разведывательных материалах начала 1956 г. было отмечено наличие фракций в руководствах восточноевропейских коммунистических партий, критически оценивавших политику Москвы. Недовольство выражали также и некоторые рядовые коммунисты, настаивавшие на отказе от политического террора и улучшении снабжения товарами широкого потребления. Дополнительные трудности для советской стороны представляли националистические настроения в коммунистических кругах. Однако американские прогнозы не предвещали каких-либо угроз власти, сосредоточенной в руках промосковски настроенных коммунистов, как и советской политике в регионе в целом[48]. Более того, несмотря на начавшееся в 1955 г. потепление отношений между Востоком и Западом, возможности непосредственного влияния Соединенных Штатов на внутриполитическое развитие стран Восточной Европы американские эксперты признавали ограниченными. Еще менее значительными они были при организации «пассивного сопротивления». Неуспешными оказались и усилия Запада во время конференции министров иностранных дел в Женеве достичь соглашений о широком и более свободном обмене идеями, информацией, новостями, развитии деловых, научных и туристических контактов.

Критический анализ американской политики в Восточной Европе привел к известной корректировке целей внешнеполитических программ Вашингтона.. Было решено более наглядно демонстрировать преимущества западного образа жизни. В ходе обсуждения 22 марта 1956 г. президент Эйзенхауэр высказался за превращение Западного Берлина в «витрину богатства», увеличив снабжение города продовольствием. При этом учитывалось, что, по мнению части экспертов, Западный Берлин являлся «эпицентром антикоммунизма в мире»[49].

В первой половине 1956 г. особое внимание Вашингтона, как свидетельствуют материалы, было направлено на Польшу, Румынию и неожиданно на Болгарию. Показательна инструкция Государственного департамента посольству США в Варшаве (март 1956 г.), центральным тезисом которой стало опровержение заключения британской дипслужбы о том, что политика поляков «начинала приобретать самостоятельность»[50]. По мнению американской стороны, подобные перемены были невозможны до наступления «резких изменений» в характере советской политики или в силовом балансе между «свободным миром» и советским блоком. Поэтому имевшие место некоторое «смягчение» обстановки вследствие реорганизации структуры госбезопасности, «оттепель» в польской литературе, «польский путь к социализму», отразили значимые и примечательные перемены в коммунистической тактике, но никак не являлись доказательствами независимости польской политики. Вместе с тем в Вашингтоне признавали, что преобладающая часть польского населения настроена антикоммунистически и является потенциальным полезным союзником свободного мира в будущем. Поэтому предусматривалась поддержка и стимулирование любой тенденции к «независимости и освобождению от власти Москвы», которая проявилась бы в партии и правящих структурах. Государственный департамент занимал особую позицию и в вопросе о тональности радиопередач «Голоса Америки» на Польшу: он не советовал смягчать содержание и тональность в расчете, что это приведет к отмене радиоглушения. Напротив, в департаменте считали, что поляков следовало информировать и поддерживать «энергичным, выразительным и ясным языком» радиопередач, не вводя сознательно в заблуждение и не подстрекая к «прямому и бесполезному сопротивлению».

Весна 1956 г., по мнению государственного секретаря США, была неподходящим моментом для усиления работы по созданию Добровольческих корпусов свободы[51]. Возражения Дж. Ф. Даллеса были продиктованы новой советской политикой. Даллес полагал, что в Москве сделали ставку на широкомасштабное политическое, экономическое и психологическое наступление против Запада за счет временной нейтрализации военных аспектов советской «агрессивной программы». В этом же контексте оценивалась и предпринятая советской стороной кампания по возвращению эмигрантов на родину. Эта проблема обсуждалась на заседании СНБ 17 мая 1956 г. вместе с сообщением о том, что ЦРУ располагает секретным докладом Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС[52]. Полученная информация побудила американцев к подготовке специального документа с указаниями, как использовать антисталинизм для ослабления

связей между Восточной Европой и СССР[53]. Возможности обращения процесса десталинизации на пользу американским планам дестабилизации восточноевропейского блока, которые предоставил доклад Хрущева, практически сразу же были использованы Государственным департаментом. Наряду с представителями ЦРУ, Информационного агентства США и Фонда координации операций, чиновники Госдепартамента вошли в сформированную в мае 1956 г. рабочую группу по сталинизму[54]. Группа стала преемницей Специального комитета, но ее функции были расширены за счет особых задач в отношении СССР и его союзников. Большое значение придавалось отслеживанию ситуации в Венгрии. Возвращение к власти Ракоши и отстранение Надя создавало, как указывалось в телеграмме американского посольства в Будапеште от 24 мая 1956 г., «оптимальную обстановку» для наступления[55]. Предполагалось развернуть критику действий Ракоши и «его тайной полиции», а также способствовать усилению разногласий в правящих кругах Венгрии.

Дипломатические представительства США в Польше, Румынии и Чехословакии внимательно отслеживали политические настроения населения. В донесении из Варшавы констатировались «поверхностные перемены», свидетельствовавшие об относительной либерализации режима, что производило тем не менее сильное впечатление на иностранных корреспондентов[56]. В донесениях из Бухареста и Праги речь шла, главным образом, о состоянии отношений с США. Намерения сторон были, по этим оценкам, взаимно доброжелательными[57].

* * *

Надежды на перемены в Восточной Европе как следствие определенной разрядки международной напряженности «неожиданно» оказались подкрепленными выступлением рабочих в Познани летом 1956 г., начавшимся демонстрацией под экономическими лозунгами улучшения условий труда. Однако они стремительно трансформировались в политические требования «независимости, религиозной свободы и прекращения советского контроля над Польшей». Выступления были подавлены 28—29 июня силами госбезопасности и танковыми частями.

События в Польше в очередной раз выдвинули на повестку дня обсуждений в СНБ вопросы политики США по отношению к советским сателлитам. Таков, например, материал, подготовленный 6 июля 1956 г.[58] Характерно, что принципиально новых оценок задач в Восточной Европе он не содержал. Ставка снова делалась на антикоммунизм и национа-

лизм. Учитывались новые подходы Москвы к борьбе за власть в странах-сателлитах после смерти Сталина. Подчеркивались обязанности дипломатических миссий США выступать в защиту права народов региона на независимость. Разумеется, особо оговаривалась роль пропаганды, призванной поддерживать веру в грядущее освобождение. В отношении Венгрии констатировались определенные позитивные перемены — либерализация экономики и более мягкое отношение к интеллигенции, нормализация диалога с США, хотя и оговаривалось, что позитивы не следует преувеличивать. В материалах посольства США в Будапеште указывалось на более стремительные, нежели ожидалось, темпы развития событий в стране и формулировался риторический вопрос: чего следует ожидать в ближайшие полгода и не превзойдут ли венгры поляков в усилиях ограничить советское влияние? Высокую оценку получили и передачи «Голоса Америки», во многом способствовавшие оживлению чувства независимости у «порабощенных народов»[59].

Нараставшее брожение в Венгрии до известной степени потеснило, или, по крайней мере, уравняло, интерес Государственного департамента к польским событиям. Информация посольства США о митингах в Будапеште 16 и 22 октября 1956 г. сосредоточивалась вокруг «впервые открыто выдвинутого венграми требования вывода советских войск из страны»[60], а в комментариях содержалась рекомендация средствам массовой информации быстро реагировать на это требование. Дипломаты настаивали на пересмотре Государственным департаментом прежней позиции хранить «официальное молчание по вопросу о законности пребывания в Венгрии советских частей». На основании зафиксированных сотрудниками посольства антисоветских настроений венгерского населения посол Барнс сообщил в Вашингтон, что не возражает против распространения СМИ информации об антисоветских проявлениях в Венгрии, но советовал избегать комментариев подстрекательского характера.

В дальнейшем Вашингтон получал подробные донесения о развитии вооруженного конфликта, практически день за днем, о настроениях населения. В телеграмме из посольства за № 154 от 23 октября сообщалось, например, об анонимных телефонных звонках. Абоненты информировали сотрудников о числе убитых венгерских граждан (около 60 человек), просили выступить в качестве посредников и потребовать у правительства прекратить убийства[61]. В Вашингтон сообщалось также, что «умеренное» обращение И. Надя с балкона Парламента было встречено собравшимися «очень холодно». Барнс посоветовал СМИ воздержаться от оценок поведения Надя. Он не считал целесообразным упоминать и о поступивших в посольство США телефонных звонках.

Сочувствие недовольству поляков, естественно, распространявшееся и на венгров, выразил 23 октября в 22 часа 15 минут Д. Эйзенхауэр[62]. В своем обращении к Ассоциации столяров и декораторов он заявил о «миссии» Америки — быть «защитником человеческой свободы». Это, по его мнению, означало оказание помощи тем «свободолюбивым народам, которые в ней нуждаются, хотят и могут успешно ее использовать».

Иными словами, американский президент официально заявил об обязательствах Соединенных Штатов в антисоветских брожениях в Восточной Европе. Но на практике содействие ограничивалось, главным образом, моральными призывами, поощрявшими растущее недовольство с помощью пропагандистских операций и организации локальных групп сопротивления. Показателен комментарий государственного секретаря в связи с уличными боями в Венгрии и участием в них советских воинских подразделений, отразивший прежде всего нерешительность американской администрации, не готовой занять активную позицию: «[...] Когда... наши друзья готовы восстать и умереть... мы дремлем и ничего не делаем», — заявил Джон Ф. Даллес в телефонном разговоре с представителем США в ООН Лоджем 24 октября[63].

Аналогичные признания сделал и директор мюнхенского радиоцентра при Международной службе радиовещания Д. Алессандро 24 октября в телеграмме ответственному сотруднику Информационного агентства США[64]. Д. Алессандро считал, что до тех пор, пока американское правительство не предложило альтернативный вариант действия, оно не могло ни поощрять, ни оценивать как «напрасные» принесенные жертвы. Поэтому для мюнхенского центра целесообразным оставался «средний курс» — через «Голос Америки» ясно показать, что США присоединяются к «справедливым стремлениям венгерского народа», осуждают интервенцию, переросшую в «агрессию» советских войск против гражданского венгерского населения. Директора явно встревожила неадекватная реакция венгерской редакции «Голоса Америки» в Вашингтоне на происходящее — в радиопередачах не находили отражения события в Будапеште, где люди погибали на улицах, зато сообщалось об арктическом шельфе или выборах в СССР и пр. Явно возмущенный неактуальными и неуместными в создавшейся обстановке передачами, он потребовал, чтобы в них отражались текущие политические события, а Информационное агентство США подготовило новые указания о ведении пропаганды на страны советской сферы влияния.

Стало очевидным, что в американской администрации растет замешательство в связи с неясностью, как оценивать требования восставших

венгров, чтобы не навредить авторитету США и не нарушить международные нормы. Оказалось, что ответственные американские структуры не имели четкой линии в политике по отношению к Венгрии, оказались не готовыми к развитию событий в этой стране. Наиболее приемлемой оставалась старая идея об оказании гуманитарной помощи. В инструкциях, адресованных посольству США в Будапеште, разрешалось только выражать сочувствие и в обязательном порядке оперативно информировать американское правительство о происходящем[65].

Более определенно позиция Вашингтона в защиту «порабощенных народов» была выражена Дж. Даллесом на заседании Совета по мировым делам в Далласе 27 октября 1956 г. Предварительно его речь была одобрена президентом США[66]. Госсекретарь резко критиковал «советский империализм», стремившийся сохранить «противоестественную тиранию путем подавления человеческих устремлений [...] и сокрытия истины...» Послание содержало обещание «искренней и бескорыстной дружбы» американского народа, для которого народы Восточной Европы являлись частью «единой Европы».

События конца октября — начала ноября 1956 г., вступление в Венгрию советских регулярных частей, подавление восстания обострили советско-венгерские отношения[67]. Развеяны иллюзии Вашингтона, навеянные советской декларацией от 30 октября 1956 г., о «дальнейшем укреплении дружбы» с другими социалистическими странами, о готовности Москвы «изменить сущность отношений с восточноевропейскими сателлитами». Потерпев фиаско, американская администрация с еще бо́льшим рвением готова продолжить атаку на самые слабые места в отношениях Москвы с восточноевропейскими странами.

Очередная проверка адекватности радиопропаганды, призванной способствовать целям американской внешней политики, была проведена на конференции в Вене 10—11мая 1957 г.[68], на которой присутствовали руководители дипломатических миссий США в Восточной Европе. Повестка дня свидетельствовала о большом внимании Вашингтона к советскому блоку. Предметом обсуждения являлись текущая политическая ситуация в каждой из стран региона, советские намерения (долгосрочные и краткосрочные), экономические связи США и перспективы оказания странам блока американской помощи, роль и эффективность радиопередач ГА, РСЕ, РС на Восточную Европу, программы культурного и научного обмена, проблемы политэмигрантов. Среди материалов встречи — доклад «Политика Радио Свободная Европа в отношении Болгарии», датированный 1 апреля 1957 г.

Пропагандистский огонь против Восточной Европы поддерживался не только регулярными радиопередачами. Было решено отметить первую годовщину венгерского восстания 23 октября 1956 г. Не будучи убежденными в целесообразности такого шага, президент и государственный секретарь тем не менее отступили перед нажимом директора ЦРУ Аллена Даллеса[69]. 23 октября 1957 г. было опубликовано обращение президента, в котором он напомнил о попытке венгерского народа установить «свободное управление» по собственному выбору, попытке, «безжалостно и предательски подавленной вооруженными силами его коммунистических угнетателей»[70]. Прошедший год дал повод для формулировки новых внешнеполитических задач. Приоритетом объявлялась активизация дипломатических контактов и культурный и туристический обмен.

Эти общие сформулированные положения нашли дальнейшую разработку у экспертов-аналитиков Государственного департамента. Они констатировали, что негативные характеристики режима после разгрома восстания не изменились. Правительство Я. Кадара было «физически консолидировано», а советские войска по-прежнему оккупировали страну. Стабилизация власти проходила, несмотря на организованную США международную изоляцию Венгрии и хлесткие характеристики венгерского правительства как «непредставительного и полностью подвластного Советскому Союзу». Еще более тревожным был вывод об уменьшавшихся возможностях американцев оказывать давление на венгерские власти через мировое общественное мнение. Чтобы изменить данное положение, эксперты Службы по восточноевропейским делам советовали поставить более реалистичные задачи, при решении которых можно было рассчитывать на осознание венграми преимуществ «национальной ориентации», противостоявшей «тотальному советскому контролю». Продолжение «крайне суровой политики» США по изоляции Венгрии оценивалось как нецелесообразное, предлагалось отказаться от некоторых взаимных ограничений в деятельности дипломатических представительств и расширить общественные контакты. В этом виделась возможность сформулировать альтернативу полной зависимости режима от Москвы[71].

В перспективном проекте по уменьшению напряженности между Востоком и Западом значилась и Болгария. Считалось желательным обсудить «преимущества» и «недостатки» возможного восстановления межгосударственного диалога. Однако болгарский режим (как и албанский) продолжал сопротивляться проникновению западного влияния. С учетом «национальных целей» США Болгария рассматривалась в одной

связке с Румынией и Чехословакией, которые, следуя в фарватере советской политики, время от времени сигнализировали о необходимости усиливать контакты с Западом и положить конец «холодной войне». Но они все еще находились «за железным занавесом», продолжали глушение американских радиостанций и запрещали распространение американских газет, книг и журналов.

Вопрос о восстановлении болгаро-американских дипломатических отношений обсуждался в Государственном департаменте вновь в начале апреля 1956 г. (впервые он рассматривался в СНБ 23 декабря 1953 г. вместе с «возражением» Конгресса против подобного акта)[72]. В комментариях экспертов выражалось опасение, что нормализация отношений может ослабить «группы сопротивления в Болгарии» и тем самым скомпрометировать США. Отправка американской миссии в контролируемую Москвой страну, способная поколебать авторитет Вашингтона, должна была нивелироваться соответствующими мероприятиями американских СМИ.

В рабочих материалах к обсуждению кратко прослеживалась история разрыва и принимавшиеся меры к восстановлению дипломатических отношений. Зондажи начались после принятия НРБ в ООН в декабре 1955 г. через посольство Болгарии в Париже. Согласие американской стороны мотивировалось потребностями разведывательного характера, желанием иметь в стране своих представителей на случай событий «огромного значения» для Болгарии, защитой американских граждан и собственности, поощрением националистических настроений, демонстрацией заинтересованности американцев в благосостоянии болгарского народа. Оговаривались и условия, которые американская сторона считала необходимым предъявить заранее. Они касались снятия обвинений в адрес американского полномочного министра, приведших к разрыву отношений, принятие болгарами на себя ответственности за нанесенные обиды, предоставление гарантий, что болгарское правительство будет соблюдать дипломатические правила.

Отсутствие дипломатических отношений затрудняло сбор информации о Болгарии. Это обстоятельство не уменьшало интереса американских пропагандистских центров к положению в стране, особенно в связи с событиями в Польше и Венгрии. С неменьшим вниманием болгарское правительство следило за действиями западных дипломатических представителей и влиянием иностранных радиопередач на настроения населения. В справках различных управлений органов госбезопасности (ГБ) часто констатировалось, что, по мнению западных дипломатов, повторе-

ние венгерских событий в Болгарии было невозможно. Этот вывод обосновывался сильными позициями БКП и якобы «лучшим», по сравнению с другими странами, жизненным уровнем болгарского народа. Вместе с тем признавалось известное оживление в стране «вражеского контингента» под влиянием информации о волнениях в Польше и Венгрии, распространявшейся через РСЕ, Би-Би-Си и ГА. Воздействие «вражеской радиопропаганды» постоянно отслеживалось соответствующими подразделениями ГБ. Оценивалась эффективность реализации «директив» и «инструкций» оппозиционным силам в болгарском обществе от имени «IV Интернационала» и различных «комитетов» в Афинах, Риме, Париже. Подобные материалы поступали в страну по почте, доставлялись воздушными шарами и самолетами. В отчетах ГБ характеристики распространявшихся печатных материалов варьировались от «мелкобуржуазных» до «анархической мути»[73]. Подтверждались опасения, высказанные на заседании ЦК БКП 30 октября 1956 г., что подобные материалы вселяли растерянность, ориентировали общественное мнение на выдвижение требований «нового курса» и «нового руководства» БКП и БЗНС, формировали «массовое недовольство населения, дискредитировавшее партию»[74]. Примечательно, что в обобщенных аналитических материалах ГБ признавалась эффективность воздействия западных пропагандистов. Им удалось нащупать действительно болевые точки для болгарского общества и особенно тех его слоев, от имени которых руководство БКП управляло страной. Указывалось, что «враждебная радиопропаганда» призывала «завалить» ЦК и Совет министров требованиями увеличения зарплат и иных выплат, организовывать стачки и демонстрации протеста, ломать уборочные машины, поджигать амбары, вооружаться. В печатных материалах и радиопередачах содержались призывы осуществлять диверсии на производстве, террористические акции, сколачивать вооруженные группы, внедрять «врагов народа» в советы ОФ и пр. Однако до середины 1956 г. в воззваниях не шла речь о «прямых контрреволюционных действиях». Такой тактической линией, воспринятой вслед за Радио «Горянин», были недовольны «враги» в стране. По их мнению, это сыграло сдерживающую роль для болгарской контрреволюции.

Усилия по активизации оппозиции и перенесению на болгарскую почву недовольства слабой социальной политикой и ограничениями в сфере культуры, искусства, науки, естественно, вызвали контрнаступление высшей коммунистической номенклатуры. Согласованные с Москвой ответные меры предусматривали нейтрализацию «вражеского контингента» и превентивные действия против левой оппозиции. Особое вни-

мание отводилось операциям по внедрению агентуры в нелегальные структуры, действовавшие в стране, и в заграничные эмигрантские центры. Данные инструкции базировались на информации о растущем влиянии радиопередач «враждебных станций» — «Горянин» и «Свободная Европа» на молодежь из «социально близкой нам (БКП. — *В. Т.*) среды». Стыдливо признавалось, что критика «общественной несправедливости и непорядков» встречает одобрение у членов БКП и ДСНМ[75].

Интерес к деятельности болгарской политической эмиграции был обусловлен расчетами США использовать эмигрантские организации в качестве альтернативы существовавшим в Восточной Европе правительствам. В письме американских конгрессменов президенту Эйзенхауэру от 9 февраля 1957 г. указывается на их связи с Собранием порабощенных народов Восточной Европы (СПЕН). Авторы настаивали на расследовании «русского вмешательства» в государственные дела стран Восточной и Южной Европы с тем, чтобы моральным давлением вынудить Россию «уйти» из этих стран. Не менее наступательным характером отличались и резолюции, принятые на сессиях СПЕН. В декабре 1954 г. было принято решение о присоединении «порабощенных народов» к европейскому сообществу после их «освобождения от коммунизма». Распространялись эти призывы «к народам порабощенного мира» через радиостанции ГА и СЕ. Наблюдение за деятельностью этих двух радиоцентров входило в оперативные планы Первого и Второго управлений болгарской госбезопасности. Из материалов болгарских спецслужб следует, что они располагали детальной информацией о функционировании мюнхенского филиала «Голоса Америки»[76]. Радиопередачи оценивались как ведение «злостной пропаганды» против стран социалистического лагеря для подготовки «свержения народно-демократического строя». Был известен также состав болгарской редакции — в основном политэмигранты — (в документах они именовались «болгарскими предателями»). Упоминались дикторы и комментаторы Христо Огнянов, Стефан Попов, д-р Владимир Ватев, Крыстю Зарев. По агентурным каналам были получены сведения о прошедшем во время венгерских событий совещании руководителей болгарских редакций в РСЕ — Милю Милева, Евгения Селянова, Тодора Дамянова и ГА — д-ра Александра Димитрова. Предположительно речь на этой встрече шла о согласовании действий. Авторы одной из справок подчеркивали, что политическая линия радиопрограмм определялась и ежедневно контролировалась Государственным департаментом. С этой целью Вашингтон каждый день курьерской почтой получал записи передач и направлял свои указания.

* * *

Несомненно, существенную роль в американской пропаганде на Восточную Европу играла политическая эмиграция. США предоставляли убежище «перебежчикам» из Восточной Европы не только во время Второй мировой войны, но и по ее окончании. Интерес к этой категории эмигрантов был обусловлен растущими неблагоприятными для американцев тенденциями в положении советских сателлитов, прежде всего укреплением коммунистических режимов. В этой ситуации внимание к эмигрантским организациям преследовало главную цель — ослабить «советские объятья»[77]. В силу этого американские власти изменили прежнее «официальное» отношение к руководимому д-ром Г. М. Димитровым Болгарскому национальному комитету (БНК). Отныне его следовало превратить в «источник надежды» болгарского народа и «раздражающую потенциальную угрозу» для болгарских коммунистов. Указание руководства Госдепартамента отказаться от былой практики «любезных, но кратких протокольных благодарностей» поступило в связи с поздравительной телеграммой д-ра Димитрова президенту Трумэну по случаю национального праздника США 4 июля 1950 г. Рекомендации менее официально относиться к БНК аргументировались необходимостью демонстрировать моральную поддержку со стороны американского правительства, чтобы помешать коммунистам «подорвать единство в среде эмигрантов»[78]. Кроме того, предполагалось включить сообщение о переписке между Государственным департаментом и БНК в радиопередачи РСЕ, что должно было усилить психологическую войну США против коммунистического правительства Болгарии. Текст ответного письма, одобренный заместителем директора Отдела восточноевропейских дел и парафированный членом Группы политического планирования Робертом Джойсом, действительно, сломал официальный куртуазный стиль. От имени президента государственный секретарь выразил озабоченность американского правительства «правами и процветанием» болгарского народа. Особо подчеркивалось, что с помощью БНК и радиопередач «свободного мира» болгары преодолеют изоляцию, в которую их ввергло коммунистическое правительство. Была обещана поддержка американской стороны в выполнении договоренностей, достигнутых в Ялте, относительно создания «свободно избранных правительств»[79].

Использование «вражеской эмиграции» для дестабилизации Восточной Европы неоднократно обсуждалось членами СНБ. В аналитических материалах за 1958 и 1959 гг. о политике США в странах советского блока повторялись старые установки: абсолютизировался «советский физиче-

ский контроль», осуществлявшийся с помощью дислоцированных там воинских частей, отмечалась политическая и экономическая координация на правительственном уровне по линии СЭВ, указывалось на «антикоммунистические» и «антирусские» настроения «большинства населения», фиксировались факты ограничения личной и религиозной свободы, низкий жизненный уровень, сильные националистические чувства, проявлявшиеся «даже» коммунистами. США отказывались признать совместимость установленных в регионе режимов с принципами свободы личности и самоопределения наций. Важным элементом политики Вашингтона стал отказ применить силу, как для устранения советского контроля, так и в поддержку «революционных движений». Американские аналитики не пропустили позитивные симптомы либерализации после смерти Сталина, проявившиеся в критике культа личности как «единственного источника идеологической власти», в восстановлении партийного контроля над силовыми структурами, в возрождавшейся концепции «национальных путей к социализму».

Радикализация внутриполитической обстановки в Польше и Венгрии в 1956 г. наложила свой отпечаток на оценки перспектив развития Восточной Европы. В период с 24 мая 1958 г. по 15 июля 1959 г. Фонд координации операций регистрировал «относительный баланс» между военной мощью «свободного мира» и советского блока[80]. Наличие баланса требовало принятия новой концепции реализации американских планов в советской сфере безопасности. Тезис «освобождения» уступил место понятию «эволюционного развития». Абстрагируясь от возможных упреков в конформизме, американское руководство совмещало две позиции в подходе к странам региона — отказ признать статус-кво советского контроля и осуществление «прямого контакта» не только с населением, но и с правящими режимами Восточной Европы, без посредничества Москвы. Достичь указанные цели предполагалось путем взаимного расширения информационной и культурной деятельности. Одновременно 12 июля 1959 г. Комитет координации операций сформулировал и «особые оперативные указания»[81]. В соответствии с принятым шаблоном указания содержали долгосрочные и краткосрочные цели. Среди первых — удовлетворение права народов иметь избранные ими «представительные правительства». Ко вторым были отнесены поддержка «мирной эволюции» в направлении к «национальной независимости и внутренней свободе» и «уменьшение вклада угнетаемых наций в укрепление советской мощи», а также ослабление «монолитного фронта и внутренней сплоченности советского блока». В документе отмечалась и изменения советской поли-

тики. Они характеризовались как «эксперимент» по поиску некого «среднего курса» между ставкой на репрессивную политику и на предоставление странам блока большей «автономии и независимости». Аналитики предполагали, что оказавшийся перед такой дилеммой Кремль, вероятно, разрешит «угнетенным народам» расширить «выборочно контролируемые контакты с Западом», стремясь, таким образом, поднять престиж коммунистических режимов и воздействовать на мировое общественное мнение. Указывалось и на прагматичную цель — путем более свободных контактов получить доступ к западным технологиям и рынкам и снять, таким образом, экономическое напряжение. Одновременно это позволило бы расширить связи с миром, что отвечало чаяниям интеллигенции. Констатируя наступившую стабилизацию, хотя и «поверхностную», в странах советской сферы влияния, авторы документа прогнозировали, что этот процесс продолжится и, по всей вероятности, сохранит атмосферу перемен и «ферментации». В целом улучшение международного климата должно было открыть перед Западом новые возможности влиять на режимы в Восточной Европе путем активизации частной и официальной деятельности в сфере туризма, культурного обмена, экономики, торговли.

Указания очерчивали новые задачи американской стороны. Ей предстояло выявить среди партийной и государственной бюрократии «личности» или «группы», склонные к самостоятельному мышлению, отличавшиеся националистическими стремлениями или готовые использовать свое влияние для отказа от подчинения Москве. Одновременно авторы указаний рекомендовали решать имевшиеся проблемы путем переговоров между США и отдельными странами, проявлять заботу об активно действовавших на пользу американской политике эмигрантских группировках. Особое внимание уделялось деятельности «Голоса Америки». Подчеркивалось, что для Албании, Болгарии, Румынии, Венгрии и Чехословакии, «Голос Америки» оставался «основным средством» воздействия на широкие слои населения, особенно городского, несмотря на сильное глушение радиопередатчика. В передачах на указанные страны в обязательном порядке рекомендовалось пользоваться достоверной информацией о жизни в Америке и «свободном мире». Не следовало проходить мимо важных событий в истории «коммунистического мира», которыми сознательно пренебрегают СМИ в восточноевропейских странах, или которые предлагаются слушателю в искаженном виде. Широким диапазоном отличались намеченные мероприятия, которым предстояло стать частью пропагандистско-культурной программы дипломатических представительств в странах Восточной Европы: распространение печат-

ных материалов (книг, журналов, альбомов), в том числе и среди правительственных служащих и редакций газет и журналов, организация кинопросмотров, выставок, концертов, гастролей известных американских исполнителей, открытие читален при дипломатических представительствах, оказание помощи в изучении английского языка.

Таким образом, арсенал методов и инструментов ведения психологической войны против СССР и советских сателлитов, действительно, был разнообразным. Основной целью было предотвратить интеграцию стран Восточной Европы в «советскую империю», стать «рупором внутренней оппозиции», «сохранить нравственность порабощенных народов и таким образом помочь их освобождению». Предпринятое наступление, однако, не всегда успешно. Иногда результат бывал для американской стороны плачевным: негативная реакция национального руководства еще теснее сближала его с Москвой и собственным населением. Критика в адрес коммунистических лидеров как «агентов иностранной силы» нередко инициировала «массированные советские репрессии». Более того, во время венгерских событий РСЕ не смогла удержаться на позициях объективности и превратилась в «рупор все отрицавших правых экстремистов». Четко проявились и «предрассудки» американской стороны по отношению к коммунистическим лидерам. Подтверждение тому — поспешно выраженное недоверие к Имре Надю, фактически обрекшее его на гибель[82].

И все же, вопреки ошибочным оценкам и неадекватным решениям, аналитики и разработчики американских политических программ, нацеленных на подрыв монолитности советской зоны безопасности в Восточной Европе, правильно определили ее «слабые места». Целенаправленное и многовекторное воздействие на них подготовило эрозию социалистической системы и добровольный отказ от нее прежних идеологических протагонистов.

Примечания

[1] *Mastny V.* Europe in US — USSR Relations. A Topical Legacy // Problems of Communism. January—February 1988. P. 27—29.

[2] *Holt R. T.* Radio Free Europe. Minneapolis, 1958; *Michie A. A.* Voices through the Iron Curtain. The Radio Free Europe story. New York, 1963. Подробный историографический анализ и оригинальную интерпретацию проблем истории западной радиопропаганды см.: *Granville J.* «Caught with Jam in our Fingers». Radio Free Europe and the Hungarian Revolution of 1956 // Diplomatic History. Vol. 29. № 5 (November 2005). P. 811—839.

[3] Foreign Relations of the United States (далее — FRUS). 1950. Vol. IV. Central and East Europe; the Soviet Union. Washington, 1980. P. 7—9.

[4] Editorial Note // FRUS. Vol. IV. P. 8—9.

[5] Ibid. P. 9—10.

[6] Ibid. P. 10—12.

[7] Ibid. P. 13—14.

[8] Ibid. P. 14—17.

[9] Ibid. P. 19—20.

[10] Ibid. P. 31—33.

[11] Ibid. P. 290, 296, 305.

[12] Ibid. P. 305.

[13] Ibid. P. 306—307.

[14] Ibid. P. 311—312.

[15] Ibid. P. 313—314.

[16] Ibid. P. 315—317.

[17] Ibid. P. 320—326.

[18] Ibid. P. 333—336.

[19] Ibid. P. 336.

[20] National Intelligence Estimate (далее — NIE)-29-51: Probability of an Invasion of Jugoslavia (March 20, 1951) (Nara RG 263).

[21] Централен държавен архив на Република България (далее — ЦДА). КМФ-19. Инв. № 945. ЦДА. КМФ-19. Инв. № 945. NIE-3/7.XI. 1951.

[22] FRUS. 1952—1954. Washington, 1988. Vol. VIII. P. 5—6, 8—10.

[23] Ibid. P. 12—16.

[24] Ibid. P. 44—50.

[25] Editorial Note // FRUS. Vol. VIII. P. 65—69.

[26] Ibid. P. 69.

[27] Ibid. P. 70—74.

[28] Ibid. P. 110—128.

[29] Ibid. P. 133—137.

[30] Ibid. P. 140—141, 141—142.

[31] Ibid. P. 142—157.

[32] Ibid. P. 161.

[33] Ibid. P. 176—178.

[34] Ibid. P. 180—182.

[35] Ibid. P. 185—188.

[36] Ibid. P. 211—213.

[37] Ibid. P. 238. См. примеч. 2.

[38] FRUS. 1955—1957. Vol. XXV. P. 4—5.

[39] Ibid. P. 10—11.

[40] Ibid. P. 12—15.

[41] Ibid. P. 15—16.

[42] Ibid. P. 16—23.

[43] Ibid. P. 25—33.

[44] Ibid. P. 33—34.

[45] Ibid. P. 37—39.

[46] Ibid. P. 46—47.

[47] Ibid. P. 109—114.

[48] Ibid. P. 115—118.

[49] Ibid. P. 128—129.

[50] Ibid. P. 131—138.

[51] Ibid. P. 160—161.

[52] Ibid. P. 163—167.

[53] Ibid. P. 167.

[54] Ibid. P. 170—171.

[55] Ibid. P. 168—170.

[56] Ibid. P. 172—174.

[57] Ibid. P. 176—180.

[58] Ibid. P. 198—209, 213, 217.

[59] Ibid. P. 243—244.

[60] Ibid. P. 260—263.

[61] Ibid. P. 263—265.

[62] Ibid. P. 265.

[63] Ibid. P. 275.

[64] Ibid. P. 274—277.

[65] Ibid. P. 280—286.

[66] Ibid. P. 317—318.

[67] Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М.; 1998. С. 501—502, 537—538.

[68] FRUS. Vol. XXV. P. 2—3.

[69] Ibid. P. 678.

[70] Department of State Bulletin. 1957. November 11. P. 748.

[71] FRUS. Vol. XXV. P. 685—690.

[72] Ibid. P. 138—146.

[73] Архив на Министерство на външните работи на Република България (далее — АМВнРБ). Ф. 13. Оп. 1. А. е. 1327. Л. 3—32.

[74] ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 5. А. е. 233. В сокращенном виде стенограмма протокола опубликована в сборнике: 1956. Прекрасният повод (Документи за отражението на Унгарската революция в България) / Съст. проф. М. Семков. София, 2006. С. 41—78.

[75] АМВР на РБ. Ф. 13. Оп. 1. А. е. 1435. Л. 1—14. О деятельности радиостанции «Горянин» см.: *Шарланов Д.* Горяните? Кои са те? Из строго секретните архиви на Дирекцията на държавната сигурност. София, 1999. С. 167—185, 201—202.

[76] АМВнРБ. Ф. 2. Оп. 1. А. е. 799. Л. 1—6.

[77] FRUS. Vol. IV. P. 14—15.

[78] Ibid. P. 354—355.

[79] Ibid. P. 358—359.

[80] Ibid. 1958—1960. Vol. X. Part 1. P. 95—98.

[81] Ibid. P. 79—94.

[82] *Granville J.* Op. cit. P. 818, 838—839.

Л. Огнянов
(Софийский государственный университет)

Сталинизм в политической жизни Болгарии (1948—1956 годы)

После Второй мировой войны в странах Восточной Европы утвердилась советская модель общественного развития. В современной исторической науке эта система все чаще определяется как сталинистская (сталинская), а процесс радикального переустройства общества на пути к утверждению коммунистических режимов — как сталинизм или сталинизация общественной жизни. При этом сталинизм не противопоставляется существовавшей до конца 80-х годов XX в. политической системе социализма в странах Восточной Европы, а рассматривается в качестве ее разновидности, некоего специфического этапа ее развития. Понятие «сталинизм» распространяется как на внутриполитическую жизнь восточноевропейских стран, так и их экономику, культурную политику, социальные отношения и международные связи[1].

Политическая модель сталинизма обычно характеризуется как система «диктатуры пролетариата», при которой властная монополия принадлежит коммунистической партии. Одновременно этой модели присуще отсутствие политического плюрализма, строгая централизация управления, слияние государственной и партийной власти и всеохватный партийный контроль во всех сферах политической жизни. Другими ее чертами являются слияние законодательной, исполнительной и судебной власти, превратившееся в основной конституционный принцип, формальный парламентаризм, особая роль силовых министерств, ограничение местного самоуправления, обезличивание общественных организаций, игнорирование прав и свобод граждан, полная гегемония коммунистической идеологии в политической жизни, реализация «классово-партийного подхода» в кадровой политике, тотальная милитаризация общества, подчинение национальных интересов интернациональным целям коммунистического движения[2].

В Болгарии сталинизм в качестве политической модели утверждается сравнительно быстро. Объяснить этот факт можно прежде всего победой Советского Союза во Второй мировой войне, укреплением авторитета СССР как великой державы и самого Сталина как партийного и государ-

ственного руководителя страны в военное время. В числе причин следует указать также на оккупацию Болгарии Красной Армией в 1944—1947 гг. и включение страны в сферу советского влияния, что предопределило историческую судьбу болгар на десятилетия вперед и восприятие советского образца политического устройства. Определенное значение имели, кроме того, массированная просоветская пропаганда в Болгарии после установления власти Отечественного фронта (ОФ), репрессивный характер политического режима в конце 1940 — начале 1950-х годов и приход к управлению страной кадров, долгие годы находившихся в СССР и воспринимавших сталинскую модель как единственно возможную в условиях перехода от капитализма к социализму[3].

В качестве политической практики сталинизм проявился в Болгарии уже в первые два-три года после государственного переворота 9 сентября 1944 г., однако как целостная система утвердился в конце 1947 г. после создания Коминформа и открытого провозглашения Болгарской рабочей партией (коммунистов) (БРП(к)) основной цели — построения социалистического общества в стране[4]. Именно поэтому предлагаемая вниманию читателя статья посвящена прежде всего влиянию сталинизма на политическую жизнь Болгарии в конце 40 — первой половине 50-х годов XX в.

* * *

В соответствии с политическим курсом, начертанным Коминформом в октябре 1947 г., ЦК БРП(к) произвел ревизию предыдущей деятельности и принял решение перейти к окончательной ликвидации оппозиции в стране, переработать проект Конституции в социалистическом духе и превратить ОФ из коалиции политических сил в единую общественно-политическую организацию. До конца 1947 г. была принята новая Конституция, сформированы высшие органы государственной власти, созданы новая судебная система и единый Союз молодежи, осуществлена национализация промышленности, шахт и банков[5].

Разрыв между СССР и Югославией в 1948 г. и исключение КПЮ из Коминформа своеобразно отразились на руководстве БРП(к) — возникли опасения за возможную критику политического курса партии. Вследствие этого пленум ЦК БРП(к) в июле принял резолюцию, в которой раболепие перед СССР, ВКП(б) и лично советским лидером обрело крайние формы выражения. В документе говорилось, что болгарский народ будет воспитываться в духе «непоколебимой верности» Советскому Союзу,

что БРП(к) будет твердо следовать «мудрым советам» И. В. Сталина. В связи с этим подчеркивалось, что в Болгарии была допущена недооценка сталинского тезиса о «неизбежности обострения классовой борьбы в переходный период от капитализма к социализму», выражалась готовность БРП(к) усилить «революционную бдительность» и провести чистку парторганизаций от «чуждых» и «вражеских» элементов[6].

Летом 1948 г. в Болгарии начинаются чистки партийного и государственного аппарата в центре и на местах. Постепенно они приобрели массовый размах и репрессивный характер. Чистки сопровождались усилением борьбы между «внутренними» (находившимися на нелегальном положении в стране до государственного переворота) и «внешними» (вернувшимися из эмиграции из СССР после 9 сентября 1944 г.) партийными кадрами, между «стариками» и партийной молодежью, между быстро делавшими политическую карьеру и чувствовавшими себя незаслуженно обойденными партийными функционерами и пр. Эта борьба развернулась в обстановке широкого внедрения сталинской модели общественно-политического развития и советского опыта 1920—1930-х годов по подавлению «внутрипартийной оппозиции»[7].

Что касается болгарской политической оппозиции, то ее судьбу решили советы Сталина, в соответствии с которыми был вынесен смертный приговор Н. Петкову, запрещены деятельность руководимого им Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС) и издание оппозиционных газет и журналов[8]. Судебные процессы над популярным деятелем БЗНС Д. Гичевым и руководителем оппозиционной социал-демократической партии К. Лулчевым весной и осенью 1948 г. преследовали уже иную, демонстративно-предупредительную цель[9].

Собравшийся в конце 1948 г. V съезд БРП(к) воспринял сталинскую концепцию построения социалистического общества, базировавшуюся на «трех китах», — «социалистической индустриализации», переустройстве сельского хозяйства на «социалистических основах» и «социалистической культурной революции». Была воспринята установка Сталина, согласно которой народная демократия и советский режим суть две формы одной и той же власти и переход к социализму невозможен без диктатуры пролетариата. На съезде БРП(к) была переименована в Болгарскую коммунистическую партию (БКП)[10].

По указанию Кремля в начале 1949 г. окончательно была ликвидирована многопартийная система в Болгарии. На национальной конференции 19 февраля 1949 г. Народный союз «Звено» постановил прекратить свое самостоятельное существование и влиться в ОФ. Аналогичное реше-

ние было принято 6 марта 1949 г. на XXIII съезде Болгарской радикальной партии. Болгарская рабочая социал-демократическая партия еще летом 1948 г. приостановила свою деятельность. Часть ее членов перешла в компартию, другая предпочла членство в ОФ. Формально только БЗНС продолжил свою деятельность как политическая партия, однако он превратился в организацию-сателлит, воспринявшую политическую программу БКП и сообразовывавшую свою деятельность с руководящим положением коммунистов в обществе[11].

Все основные политические, экономические, социальные, культурные и внешнеполитические вопросы решались в ЦК БКП. Однако более деятельным, более оперативным и постоянно действующим органом являлось Политбюро ЦК, наиболее важные решения и постановления которого, как правило, только формально утверждались на пленумах ЦК. На местах руководство осуществлялось околийскими, городскими и районными комитетами БКП. Государственные органы и общественные организации были обязаны выполнять партийные решения и указания. Дело значительно облегчалось тем, что одни и те же лица занимали руководящие должности и в партийном, и в государственном аппарате.

Одним из наиболее значительных политических событий в Болгарии в 1949 г. стала инсценировка процесса по «делу» Трайчо Костова. Сама по себе она показательна с точки зрения масштабов и последствий сталинизации БКП, моральных качеств членов высшего партийного руководства, реализации навязанного Москвой курса на поиск «врага с партийным билетом», наконец, личного вмешательства Сталина в кампанию расправы с видным партийным функционером. Позиции Тр. Костова по ряду внутри- и внешнеполитических вопросов, особенно его установки об особенностях перехода от капитализма к социализму в Болгарии, были с неодобрением встречены руководством ВКП(б) и лично Сталиным. При реальной перспективе занятия Костовым постов главы правительства и генерального секретаря ЦК БКП (после смерти Г. Димитрова) в его адрес начали открыто выражаться сомнения и подозрения. Очевидно, Костова считали неподходящей политической фигурой для утверждения сталинской модели социализма в Болгарии и осуществления полной сталинизации БКП. Сталин испытывал недоверие к так называемым «местным» партийным деятелям в странах Восточной Европы, то есть к тем, которые не получили длительной большевистской «закалки» в Советском Союзе и по разным поводам высказывались в поддержку теории «национальных путей к социализму»[12].

Импульс к расправе с Тр. Костовым был дан самим Сталиным во время встречи с болгарской партийной делегацией, прибывшей в Москву для консультаций с советским партийным руководством в связи с подготовкой к V съезду партии. Сталин обвинил Костова, занимавшего пост заместителя председателя Совета министров, в намерении распространить действие Закона о государственной тайне, принятого Великим Народным собранием, на отношения с Советским Союзом, в сокрытии от советских дипломатов в Софии цен, по которым Болгария продавала свои товары на Запад[13].

Нет никаких сомнений, что политическая судьба Тр. Костова решалась за пределами Болгарии. Однако абсурдный политический спектакль был разыгран внутри страны, и в качестве главных режиссеров выступали Васил Коларов и Вылко Червенков. Ведомые властолюбивыми амбициями, вдохновляемые интернациональным принципом верности Советскому Союзу и преисполненные решимости доказать «правоту» сталинских идей о «затаившемся враге», о «враге с партийным билетом» или «пятой колонне» в партии они стали исполнителями чужой воли и главными проводниками постулатов сталинизма в политической жизни Болгарии[14].

* * *

С конца 1940-х годов в Болгарии реализовывалась сталинская модель парламентаризма. Согласно действовавшей Конституции и избирательным законам граждане пользовались «большими правами и свободами», а парламент (Народное собрание) располагал «широкими полномочиями»[15]. Однако на практике государственный механизм гарантировал политическое господство правящей коммунистической партии. Ее центральные органы контролировали деятельность всех государственных институтов, включая парламент и Президиум Народного собрания. Министры, депутаты и другие государственные деятели высшего эшелона власти принадлежали к числу «номенклатурных кадров» ЦК БКП. Считалось недопустимым, чтобы парламент не принял внесенный правительством законопроект или не проголосовал «единодушно» за поступившие из Совета министров предложения. В силу вышесказанного парламентаризм утратил свою принципиальную сущность, а Народное собрание превратилось в послушный инструмент, призванный придавать юридическую форму предварительно принятым решениям. В цепочке парламент — Президиум Народного собрания — Совет министров первым звеном формально считался парламент, но над ним всегда негласно стоял ЦК БКП.

Списки кандидатов в депутаты парламента подготавливались, а, точнее, оформлялись, Отечественным фронтом, политическими партиями (БКП и БЗНС) и общественными организациями, но последнее слово оставалось за ЦК БКП. Для демонстрации большей представительности парламента в него помимо коммунистов избиралось определенное число «земледельцев» (членов БЗНС) и беспартийных. Для парламентских выборов в рассматриваемое время было характерно такое положение, когда, по словам одного из исследователей, «выборы есть, но нет выбора»[16].

18 декабря 1949 г. по пропорциональной системе прошли выборы в Первое Народное собрание (ныне после восстановления преемственности оно именуется Народным собранием 27-го созыва). За ОФ было подано 97,59% голосов. Две трети депутатов составляли коммунисты, а остальные являлись членами БЗНС и беспартийными. Предварительно проведенный тщательный подбор депутатов обеспечил представительство всех социальных слоев болгарского общества[17].

Избирательный закон от 17 февраля 1953 г. ввел мажоритарную систему. Территория страны была поделена на избирательные округа с 30 тыс. жителей в каждом. От каждого округа следовало избрать одного депутата (народного представителя), кандидатура которого определялась соответствующим комитетом БКП. Как и прежде, действовало запрещение выдвигать в кандидаты лиц с «фашистскими или иными антинародными проявлениями». Сохранялась также возможность отзыва депутатов, «не оправдавших доверия своих избирателей»[18].

Согласно опубликованному в печати сообщению, за кандидатов в депутаты Второго Народного собрания (28-го созыва) было подано 99,80% голосов. По предварительно установленным ЦК БКП квотам в парламенте был представлен определенный процент рабочих, крестьян-кооператоров, партийных функционеров, общественных деятелей, представителей науки, культуры и образования, военнослужащих и пр. Кроме того, примерно 16% депутатских мандатов выделялось для женщин и около 6% — молодежи в возрасте до 25 лет[19].

Конституция 1947 г. установила, что «верховным исполнительным и распорядительным органом государственной власти» является Совет министров[20]. С 22 ноября 1946 г. по 2 июля 1949 г. его возглавлял генеральный секретарь ЦК БРП(к) — БКП Георгий Димитров, а после его кончины в течение нескольких месяцев — Васил Коларов. С 1 февраля 1950 г. по 17 апреля 1956 г. во главе правительства находился Вылко Червенков[21]. Одновременно он был лидером Болгарской коммунистической партии и председателем Национального комитета ОФ. Сосредоточив

в своих руках все важнейшие рычаги управления обществом и государством, Червенков установил «личный режим». Он пользовался полной поддержкой Сталина и выполнял все указания, поступавшие из Москвы.

После 9 сентября 1944 г. болгарские правительства, особенно два из них, руководимые Червенковым, делали все возможное, чтобы вести страну по пути, обозначенному Сталиным. С этой целью обеспечивалось присутствие советских советников во всех звеньях государственного аппарата (включая Совет министров), многочисленные болгарские делегации направлялись в Советский Союз для изучения советского опыта, а советские специалисты приглашались в Болгарию, финансовую поддержку получала деятельность советско-болгарских обществ, проводились месячники болгарско-советской дружбы, десятки различных народнохозяйственных объектов носили имя Сталина, в Софии и Пловдиве были воздвигнуты памятники в честь Советской армии, массовыми тиражами распространялась советская периодика и литература. Так планомерно и последовательно осуществлялась советизация болгарского общества. Безграничная вера Червенкова в правильность политики и действий советского вождя и стремление во всем подражать ему привели к тому, что в начале 1950-х годов его стали называть «болгарским Сталиным»[22].

Деятельность правительства при Червенкове отличали чрезмерная централизация, сильный бюрократизм и огромных масштабов бумаготворчество. Без его решения и подписи в стране не решался ни один важный вопрос. По требованию Червенкова все министры и руководители центральных учреждений были обязаны направлять в его аппарат копии протоколов заседаний коллегий министерств, а также копии решений и указаний, адресованных подведомственным институтам и организациям[23].

Совет министров наиболее полно использовал свое право законодательной инициативы. Хотя, согласно ст. 23 Конституции, инициировать обсуждение и принятие законопроектов имели право и депутаты парламента, если это предложение было поддержано не менее $^1/_5$ состава депутатского корпуса[24], на практике такая возможность не использовалась. Характеризуя взаимоотношения между правительством и Президиумом Народного собрания, который выполнял функции коллективного «главы государства», следует подчеркнуть, что ведущие позиции всегда принадлежали Совету министров.

Из всех государственных институций наибольшее внимание ЦК БКП и правительство уделяли Министерству внутренних дел (МВД) и Министерству народной обороны (МНО). Совет министров принимал многочис-

ленные постановления, распоряжения и решения о кадровых назначениях, о предотвращении каких-либо попыток организовать политическое сопротивление и противодействие, об организации систематической партийно-политической работы в армии и среди сотрудников МВД и т. д.

В условиях «холодной войны» и блокового противостояния Дирекция государственной безопасности (ГБ), входившая в структуру МВД, представляла собой наиболее важное силовое ведомство — опору политического режима в стране. В конце 40 — начале 50-х годов XX в. «органы» рассматривались как «вооруженный отряд БКП и ее Центрального комитета», «железные рыцари коммунистической партии», «партийный кулак в борьбе с классовым врагом», как «глаза и уши партии и народной власти». От них требовалась «беспредельная верность и преданность» БКП и правительству, партии большевиков и Советскому Союзу, руководителям двух партий и государств — Иосифу Сталину и Вылко Червенкову. И «органы» последовательно и неуклонно выполняли волю советского и болгарского партийного и государственного руководства — чаще всего путем осуществления указаний советских советников-силовиков в системе МВД. Именно с помощью органов госбезопасности Червенкову удалось установить личную диктатуру в правящей коммунистической партии и государстве[25].

Особое место в структуре МВД занимали следственные органы, действовавшие в рамках особого отдела Дирекции государственной безопасности. В те годы в основу ведения следствия по линии ГБ был положен принцип строгой секретности. Прокуратура фактически была отстранена, подследственные не имели права на адвокатскую защиту. Для получения «признаний» использовались различные насильственные методы[26]. При этом болгарские следователи исходили из сформулированного еще во второй половине 1930-х годов прокурором СССР А. Я. Вышинским постулата, согласно которому признание есть «царица доказательств»[27].

Хотя в начале 1951 г. была проведена полная смена руководства МВД, существенных изменений в стиле и методах деятельности органов ГБ не произошло. Они по-прежнему ориентировались на преследование «изменников Родины», обезвреживание «контрреволюционных элементов» и «шпионских гнезд» в стране и разоблачение «затаившегося врага» в БКП. По данным, приведенным в докладе министра внутренних дел Г. Цанкова на заседании Политбюро ЦК БКП 8 ноября 1953 г., с начала 1951 г. до конца августа 1953 г. было разоблачено 1 019 «шпионов», арестовано 2 666 сторонников Н. Петкова, проведена оперативная разработка 1 547 членов БКП (из которых 172 арестованы за «вражескую деятель-

ность»). Результаты следственной работы за 1952 г. были следующими: проведено расследование в отношении 3 312 человек. Из них осуждены 1 857 (смертных приговоров 100), направлен в трудовые лагеря 391, освобождены 763, оставлен под арестом 301 подследственный. Интересно, что основная масса арестованных в начале 1950-х годов лиц отнесена к категории «трудящихся», т. е. это были рабочие, бедные и средние крестьяне (в 1951 г. они составили 56%, в 1952 г. — 51,6%, в 1953 г. — 40,6% от общего числа арестованных)[28].

Органы госбезопасности стремились раскрыть и такие мелкие проявления «вражеской деятельности», как, например, распространение слухов «антинародного» содержания[29].

Чтобы скрыть истинное положение в стране и информацию о жизни на Западе, был установлен жесткий контроль за перепиской, осуществлявшийся органами цензуры. Податель корреспонденции был обязан представить письменное объяснение, с кем и для чего он поддерживает связь, передавать письма, готовые к отправке за рубеж, в незапечатанном конверте и выполнять любые указания должностных лиц. Органы госбезопасности имели право возвращать письма, уничтожать их, подводить подателя под судебную ответственность или запрещать дальнейшую переписку[30].

Отправка в трудовые лагеря, выселение из крупных городов, пребывание в тюрьме и освобождение из лагерей и тюрем находились под непосредственным контролем ГБ[31].

В целях реорганизации болгарской армии по советскому образцу в Министерство народной обороны, Генштаб и в различные рода войск направлялись советские военные инструкторы, задача которых заключалась в содействии укреплению обороны Болгарии и «усилении боеспособности и боеготовности армии»[32].

С начала 1949 г. политическая и агитационно-массовая работа в армии велась полностью в духе сталинизма. Основной формой политического и идеологического воздействия на военнослужащих являлись политзанятия, политинформации, собрания и митинги, группы и кружки политпросвещения. Подводя итоги массовой политработы, руководство МНО заявило, что «борьба за политическое завоевание армии окончательно завершена» и что «БКП в политическом отношении может полностью на нее рассчитывать»[33].

В марте 1950 г. ЦК БКП принял постановление, согласно которому «Болгарская народная армия должна быть организована, обучена и воспитана так, как организовывалась и организуется, обучалась и обучается, воспитывалась и воспитывается героическая Советская армия»[34]. Это оз-

начало, что и в военном деле следовало полностью копировать советский опыт.

По соглашению с советским правительством каждый год в военные академии, училища и на годичные военные курсы в СССР направлялись десятки болгарских офицеров, а советские преподаватели вели занятия в болгарских военных училищах[35].

Систематический характер приобрели поездки военных делегаций обеих стран, особенно с целью изучения опыта Советской армии в партийно-политической работе[36].

Во всех частях болгарской армии были созданы политотделы, поддерживавшие тесные связи с соответствующими комитетами БКП. По данным на октябрь 1950 г., в политотделах работали более 2 тыс. офицеров, половина из которых являлись бывшими сотрудниками областных, околийских, городских и районных комитетов БКП или секретарями первичных партийных организаций[37]. Для подготовки политработников в 1950 г. было открыто Народное военно-политическое училище имени И. В. Сталина, а в 1951 г. — Военно-политическая академия[38].

Механическое применение советского опыта нередко вело к непродуманным, поспешным действиям, как, например, создание в 1951 г. Народного военного суворовского училища в Софии и Народного военно-нахимовского училища в Варне, которые просуществовали только до лета 1955 г.[39]

В условиях усиления влияния сталинизма в Болгарии офицеры и особенно руководящие кадры МНО превратились в объект «особого внимания» органов госбезопасности. Сложные взаимоотношения между двумя силовыми министерствами завершились победой МВД, которое распространило свою деятельность и на военные структуры.

В 1950 г. в Дирекции государственой безопасности при МВД был создан Специальный отдел (Спецслужба), занимавшийся вопросами болгарской армии[40]. Иными словами, представители госбезопасности открыто внедрились в армейские подразделения. И результаты деятельности Спецотдела и Управления кадров МНО не заставили долго ждать. Началась длительная разработка военного руководства. Ряд генералов и офицеров были арестованы, другие уволены в запас без объяснения причин[41].

В начале 1950-х годов проведено следствие по «делам» генералов Петра Вранчева, Тодора Тошева, Крума Лекарского, Стояна Трендафилова, Славчо Трынского, полковников Денчо Знеполского, Здравко Георгиева, Делчо Симова и др. От них, активных участников переворота 9 сентября 1944 г., требовали признаний в «провокаторской» деятельности и прина-

длежности к «Военному центру» якобы руководимой Тр. Костовым подпольной организации, готовившей в стране контрреволюционный заговор[42]. Некоторые из подследственных под пытками признали все, что им инкриминировалось, но впоследствии отказались от своих показаний. До суда дело не дошло, но следствие оставило глубокий травматический след в их жизни. Некоторые (генералы Тошев, Трендафилов, Лекарский, полковник Знеполский) прошли через оскорбления и унижения в трудовых лагерях[43].

Все болгарское государственное и партийное руководство во главе с В. Червенковым, как и Сталин и его окружение в Кремле, были хорошо информированы о положении в болгарской армии, однако указанные события полностью соответствовали надуманной и пропагандировавшейся ими теории «обострения классовой борьбы в переходный период от капитализма к социализму» и, как следствие, необходимости пресечения «вражеской деятельности» в армии. Поэтому органы госбезопасности непрерывно «разоблачали» шпионаж, вредительство, саботаж, «пресекали» диверсионную деятельность, антикоммунистическую агитацию и пропаганду, «раскрывали» случаи нарушения воинской дисциплины, выдачи военной тайны, выноса оружия из казарм, бегства за границу и пр.[44]

Подобно другим компонентам политической системы органы судебной власти в Болгарии в конце 1940 — первой половине 1950-х годов находились под непосредственным влиянием сталинизма. Советская правовая теория и практика изучалась и внедрялась следователями, прокурорами, судьями и адвокатами во всех судебных инстанциях и на всех уровнях.

Наиболее показательный пример прямого советского вмешательства и приведения судебной системы Болгарии (следственные органы, прокуратура, суд) под политический контроль руководителей БКП и их вдохновителей в Москве — десятки сфабрикованных на протяжении 1949—1953 гг. политических процессов. Помимо вышеупомянутого процесса по «делу» Тр. Костова и группы из 10 партийных и хозяйственных деятелей, осужденных вместе с ним, назовем другие наиболее показательные процессы:

март 1949 г. — процесс 17 «левых сектантов» («группа троцкистов»)[45];

июль 1949 г. — процесс 16 руководителей Федерации анархистов Болгарии и молодежной Федерации анархистов[46];

апрель 1950 г. — процесс по «делу» 12 руководителей хозяйственных предприятий, торговых представителей и членов руководящих органов хозяйственных организаций («группа промышленников»)[47];

август 1950 г. — процесс по «делу» 12 заместителей министров, главных директоров и директоров государственных хозяйственных объединений[48];

апрель—май 1951 г. — процесс четырех членов и кандидатов в члены ЦК БКП, бывших министров (Петко Кунин, Манол Секеларов, Иван Масларов, Петр Семерджиев)[49];

сентябрь 1951 г. — процесс трех ответственных работников Дирекции госбезопасности (Стефан Богданов, Георгий Ганев, Николай Задгорский)[50];

январь, декабрь 1952 г. — процесс 17 инженеров-строителей[51];

сентябрь 1953 г. — процесс 14 инженеров горнодобывающей промышленности[52].

Только Софийский окружной суд провел в 1950 г. 13 крупных политических процессов, число подследственных на которых превысило 100 человек[53].

В 1949—1953 гг. в Болгарии были организованы и другие судебные процессы. В результате развернувшейся в стране «шпиономании» приговоры, чаще всего смертные, были вынесены десяткам групп, охарактеризованных судебной властью как «трайчокостовские», «николопетковские», «лесные», «бандитские» или же как «титовские шпионы и диверсанты», «агенты» иностранных разведок (американской, английской, французской, итальянской, ватиканской, греческой, турецкой и пр.) и т. д.[54]

Для репрессивной системы в Болгарии в годы сталинизма характерно еще одно типичное для тоталитарных государств явление — применение различных форм принудительного труда[55]. Массовый характер приобрели случаи совершения преступлений и грубого нарушения законности местными государственными и партийными органами. Чаще всего это выражалось в незаконных арестах и задержании граждан органами МВД, нанесении побоев представителями местных органов власти, невыполнении распоряжений прокуратуры и т. п.[56]

Судебные политические процессы в Болгарии в годы сталинизма проводились с нарушениями элементарных норм судопроизводства. По всем наиболее важным процессам предварительно выносились соответствующие решения высших партийных органов — ЦК, Политбюро или Секретариата ЦК БКП. В отдельных случаях особой важности партийными решениями назначались прокуроры — участники процесса и состав суда, формулировался текст обвинительного заключения, заранее определялась мера наказания и пр. Старание и послушание многих следователей, прокуроров и адвокатов были вознаграждены стремительной карьерой,

продвижением по служебной лестнице в судопроизводстве, госаппарате и руководящих органах БКП.

В области религиозной политики внедрение сталинской модели общественно-политического развития означало ликвидацию независимости Болгарской православной церкви (БПЦ) и проведение массированной атеистической пропаганды в стране. 8 июня 1948 г. Национальный комитет ОФ предъявил Св. Синоду БПЦ ряд требований, содержавших под видом «констатаций» и «рекомендаций» фактический ультиматум. Руководству БПЦ предлагалось отстранить от церковной деятельности священников, поощрявших антиправительственные или антисоветские «враждебные настроения и деятельность», запретить религиозную пропаганду среди детей, проводить курс на «полное сотрудничество церкви с народной властью» в изданиях Св. Синода и Союза священников Болгарии, отменить запрещение священникам вступать в ОФ и участвовать в органах государственной власти, прекратить массовое поклонение верующих праху царя Бориса в Рильском монастыре, якобы превратившееся в «демонстрацию против народной власти»[57].

Наступление власти на церковь вынудило председателя Св. Синода экзарха Стефана 6 сентября 1948 г. подать в отставку. Спустя два дня отставка была принята правительством и Св. Синодом, и Стефан был «освобожден» от должности экзарха Болгарского и митрополита Софийского. Официально отставка объяснялась «состоянием здоровья» Стефана и «соображениями сугубо церковного характера»[58]. Канонический болгарский экзарх был интернирован в село Баня Карловской околии, где оставался до своей кончины в 1957 г.[59]

Насилие в религиозной сфере проявлялось и по отношению к другим конфессиям. Осенью 1948 г. по обвинению в «предательстве и шпионаже» была арестована группа протестантских пасторов[60]. Процесс по их «делу» проходил с 25 февраля по 8 марта 1949 г. На скамье подсудимых оказались 15 членов Верховного совета Объединенных евангелических церквей Болгарии, представлявших руководство входящих в это объединение методистской, баптистской, конгрегационной евангелических церквей и церкви пятидесятников. Главный прокурор республики Димитр Георгиев поддержал предъявленное священникам обвинение в сборе и передаче иностранной разведке различных сведений военного, экономического и политического характера[61]. Обвиняемым инкриминировались также «незаконные валютные сделки», аморальный образ жизни, подстрекательство прихожан к невыполнению нарядов, распространение слухов и клеветы на народную власть (например, об осуждении не-

виновных Народным судом, о попрании всех свобод в стране, изъятии земли у крестьян, о вывозе продовольствия из Болгарии в СССР, в результате чего болгары голодают, и пр). Четверо подсудимых (Васил Зяпков, Янко Иванов, Никола Михайлов и Георгий Чернев) были приговорены к пожизненному заключению в тюрьме строгого режима, штрафу в 1 млн левов, конфискации всего имущества и полному пожизненному поражению в правах. Двоих осудили условно, а остальные получили разные сроки тюремного заключения[62]. Главная «вина» осужденных состояла в отказе от требования Дирекции вероисповеданий при МИД Болгарии подписать декларацию о признании коммунистического режима в стране. Подлинные цели процесса, сформулированные в Москве, заключались в том, чтобы запугать евангелическую церковь в Болгарии и подразнить американцев в условиях «холодной войны».

В этот период БПЦ вынуждена была выразить «полное одобрение политики правительства и Национального совета ОФ по религиозному вопросу» и заявить, что будет «честно и лояльно» содействовать торжеству внутренней и внешней политики страны[63].

Вмешательство государства в церковные дела нашло яркое проявление и в принятом 24 февраля 1949 г. Великим Народным собранием Закона об исповеданиях. Согласно закону, уставы религиозных организаций утверждались министром иностранных дел, который имел право отклонить представленный ему документ, если, по его оценке, то или иное исповедание не соответствовало закону. Руководящий орган каждой конфессии должен был нести ответственность перед государством, а священнослужители, поддерживающие канонические связи с заграницей, не могли вступать в должность без утверждения министра иностранных дел. По предложению последнего церковные служители, которые «нарушают законы, общественный порядок и поведение которых не соответствует добрым нравам», а также те, кто «выступают против демократических распоряжений государства», могли быть временно отстранены от занимаемой должности или уволены. Центральные руководящие органы конфессии были обязаны зарегистрироваться в МИД Болгарии, а руководства на местах — в соответствующих народных советах. Религиозные организации не имели права вмешиваться в воспитание детей и молодежи, в деятельность детских и молодежных организаций, им запрещалась любая организационная работа в детской и молодежной среде. Запрещалась благотворительная деятельность: открытие больниц, детских приютов и прочих подобных заведений. Контакты с родственными конфессиями за рубежом допускались только по предварительному разрешению министра иностранных дел. Лица, образовывавшие политические организа-

ции на религиозной основе, использовавшие церковь и религию для пропаганды против народной власти и ее мероприятий через проповедь, печать или другими способами, подлежали суровому наказанию[64].

Св. Синод был также вынужден принять поправки, внесенные правительством в проект Устава БПЦ, подготовленный в 1950 г. Через Дирекцию вероисповеданий Св. Синоду были предъявлены следующие требования, которые надлежало внести в Устав: назначаемые церковным руководством митрополиты и кандидаты на занятие патриаршего престола проходят процедуру предварительного одобрения Советом министров; в составе Церковно-народного собора по выборам патриарха должны участвовать три представителя государственной власти; назначение архиерейских наместников осуществляется по согласованию с Министерством иностранных дел. Впоследствии власть потребовала внести и некоторые другие изменения в проект Устава. В результате стороны пришли к взаимному компромиссу, и 31 декабря 1950 г. Устав БПЦ был утвержден заместителем председателя Совета министров Владимиром Поптомовым, курировавшим в то время вопросы религиозной политики правительства[65].

С целью компрометации политики Ватикана и дискредитации позиций католицизма в стране в 1952 г. было проведено несколько процессов против деятелей Католической церкви. По обвинению в организации «шпионской и заговорщической католической организации», связях с иностранными разведками и «антинародной деятельности» к смерти были приговорены епископ Евгений Босилков, священники Йосафат Шишков, Павел Джиджов, Камен Вичев, Йосиф Тончев и д-р Петко Момчилов. В ходе следствия умер священник Фортунат Бакалский. К различным срокам тюремного заключения были приговорены священники д-р Дамян Гюлов (основатель и редактор католической газеты «Истина»), Роберт Прустов, Гавриил Беловеждов, Стефан Цоков (помощник настоятеля католического храма Св. Йосифа в Софии) и еще 44 человека. Не все из них вышли на свободу: в тюрьме умер епископ Иван Романов[66].

В мае 1953 г. в столице был проведен Третий церковно-народный собор БПЦ, завершивший каноническое устройство Православной церкви. Восстановленный по решению Собора патриарший престол занял митрополит Пловдивский Кирилл[67]. Однако восстановление патриаршества и приведение всей деятельности и организации церкви в соответствие с ее новым Уставом, утвержденным центральной исполнительной властью, не положило конец сложностям в отношениях между государством и БПЦ. Власти по-прежнему вмешивались во внутреннюю жизнь

церкви. Это проявлялось в контроле за чином богослужения, проведением церковных праздников, отправлением церковных обрядов и таинств, в использовании православных храмов местными народными советами и сельскохозяйственными кооперативами в своих целях, уничтожении церковного имущества, отчуждении имущества храмов и монастырей, препятствовании открытию новых молитвенных зданий, размещении в монастырях домов отдыха и детских летних лагерей, возложении на священнослужителей многочисленных общественных и административных обязанностей, перемещении священников в другие приходы по требованию местных народных советов или органов МВД из-за «неприличного поведения» или «враждебных высказываний», лишении духовенства пенсий за «фашистскую деятельность» до 9 сентября 1944 г. и пр.[68]

Большую роль в организации и проведении политических репрессий в Болгарии сыграли советские советники в МВД (Митя Трифонов, генералы Владимир Чернов, Леонид Филатов и др.), которые фактически создали в министерстве параллельное руководство и согласовывали свои действия непосредственно с Москвой[69]. Все это происходило с одобрения В. Червенкова.

В феврале 1956 г. на XX съезде КПСС, осудившем культ личности Сталина, тогдашнее советское руководство предприняло попытку отмежеваться от преступлений, извращений и деформаций сталинского режима[70].

На съезде присутствовала и болгарская партийная делегация во главе с В. Червенковым[71]. В то время он исполнял обязанности «руководителя Политбюро ЦК БКП». Эта не предусмотренная Уставом партии должность давала ему возможность сохранить свое лидерство в БКП, поскольку в начале 1954 г. по требованию советского руководства Червенков был вынужден отказаться от поста генерального секретаря ЦК[72]. Пост первого секретаря ЦК, официально учрежденный на VI съезде БКП в 1954 г., вплоть до апреля 1956 г. имел, скорее, организационно-оперативный характер. Занял его Тодор Живков[73].

После возвращения болгарской делегации из Москвы началась подготовка пленума ЦК БКП, на котором предполагалось ознакомить членов партийного руководства с ходом работы и итогами XX съезда КПСС. За написание доклада взялся Червенков[74], а подготовка проекта резолюции была поручена Секретариату ЦК, в котором первую скрипку играл Живков. В подготовленном проекте резолюции нашли место оценки и выводы, с которыми Червенков был категорически не согласен. Острое столкновение позиций и личных властных амбиций сделало необходимым проведение спешных консультаций в Москве. В конце марта 1956 г. со-

стоялась встреча в Кремле между представителями Политбюро ЦК БКП и Президиума ЦК КПСС[75]. Советское партийное руководство приняло сторону Живкова, предрешив, таким образом, вопрос о будущем лидере БКП. Итогом визита явилась передача подготовки доклада на предстоящем пленуме первому секретарю ЦК БКП[76].

Пленум ЦК БКП проходил 2—6 апреля 1956 г. в обстановке секретности. В докладе Т. Живкова содержалась критика таких проявлений культа личности В. Червенкова, как превращение его в «хозяина в партии и стране», приписывание всех результатов деятельности правительства и политики компартии одному Червенкову, единоличное решение им основных вопросов жизни страны, наделение его исключительными качествами, незнание Червенковым подлинной ситуации в Болгарии и т. д. На Червенкова возлагалась основная вина за нарушение органами МВД законности, за извращения в функционировании судебной системы, преследование партийных кадров, противопоставление партийных и государственных структур. По словам докладчика, именно культом личности были порождены неблагополучное положение в сельском хозяйстве, «поражения» на идеологическом фронте и отрыв науки, культуры и искусства от «социалистической практики». О вине и ответственности других партийных функционеров упоминалось вскользь. От Червенкова требовалось «решительно и без колебаний» осудить культ личности, отказаться от любых проявлений «вождизма» и включиться в борьбу за «полное искоренение» вредного влияния культа личности во всех сферах жизни общества[77].

Червенков занял примирительные, противоречивые, а до некоторой степени и выжидательные позиции. Одобрив основные установки доклада, он попытался, однако, найти объяснение причин, сделавших возможным утверждение культа личности в Болгарии, подчеркнув усердие «радетелей» подобной практики внутри БКП[78].

6 апреля 1956 г. пленум ЦК БКП принял резолюцию в поддержку решений XX съезда КПСС, в которой осудил теорию и практику культа личности В. Червенкова и наметил ряд мероприятий по ликвидации их последствий[79].

Пленум принял также решение по кадровым вопросам: Червенков был освобожден от должности председателя Совета министров и назначен заместителем нового главы правительства — А. Югова. Руководство Политбюро было поручено первому секретарю ЦК Т. Живкову. Увеличилось число заместителей председателя Совмина — с 5 до 6 и секретарей ЦК БКП — с 3 до 5 человек[80]. Хотя перемены в государственном и партийном аппарате были важными, но, как нетрудно заметить, они не выш-

ли за рамки прежней управленческой «команды», которая находилась у руля власти в стране и до апреля 1956 г. В этих условиях вряд ли следовало рассчитывать на быстрый и коренной поворот в политике. Тем более что борьба за окончательное распределение и перераспределение постов в высших органах власти продолжалась и в последующие годы.

Именно в этот важный и напряженный период исторического развития болгарского общества, ожидавшего разрыва со сталинизмом и восприятия принципов демократии, руководство БКП дало понять, что не хочет решительно порвать со своим прошлым, не может отказаться от тоталитарных методов управления, что ему чужды идеи предоставления гражданам реальных политических прав и свобод.

Много позднее Т. Живков следующим образом оценил политическую ситуацию в стране в 1956 г.: «Апрельский пленум был в основе своей неосталинистским. О коренных изменениях в той обстановке, как в социалистическом сообществе, так и в мире в целом, нельзя было и думать. Конкретное доказательство тому — события 1956 года в Венгрии. Не проще складывались дела и внутри страны. Я был молод. Не имел достаточного авторитета и опыта. В конце 50-х — начале 60-х годов в Политбюро все еще находились люди старого поколения, глубоко связанные с политическим курсом, проводимым до 1956 года. Более того. Они открыто пытались проводить эту политику»[81].

К подобному выводу пришел и посол Великобритании в Софии Ричард Спейт. В своем годовом докладе, представленном в Министерство иностранных дел в Лондон, он отметил, что пленум ЦК БКП в апреле 1956 г. открыто раскритиковал Червенкова за его «диктаторские методы» управления и внес предложения о проведении реформы, «основанной на русской модели» (имелись в виду направления и методы реформирования экономической и политической системы, обсуждавшиеся на XX съезде КПСС. — *Л. О.*). Однако, по мнению посла, Червенков остался «главной фигурой» в управлении страной, несмотря на то, что нажим Москвы сделал невозможным сохранение за «таким явным сталинистом» председательского кресла в болгарском правительстве[82].

* * *

Политические события в Болгарии в 1956 г. показывают, что после XX съезда КПСС болгарское общество ожидало существенных изменений в политической, экономической и культурной жизни страны, но не получило их. Апрельский пленум ЦК БКП осудил отдельные проявления культа личности и отмежевался от крайностей в политической практике

сталинизма. Однако он не сделал углубленных выводов, характеризовавших развитие Болгарии после 1944 г. и особенно в 1949—1956 гг., как и не произвел необходимых комплексных перемен в руководстве компартии, а затем и во всех звеньях государственного аппарата. В очередной раз был продемонстрирован разрыв между словом и делом, между теорией и практикой, между идеалами и политической реальностью. Очевидно, что Болгария была еще очень далека от тех процессов, которые в 1956 г. имели место в Польше и Венгрии. Ожидаемая либерализация политической жизни страны наступила лишь спустя 33 года, в условиях изменившейся коренным образом международной обстановке.

Примечания

[1] *Исусов М.* Сталин и България. София, 1991. С. 7—12; *Баева И.* България и Източна Европа. София, 2001. С. 18—28, 106—111; *Марчева И.* Тодор Живков — пътят към властта. Политика и икономика в България. 1953—1964. София, 2001. С. 5—6; *Калинова Е., Баева И.* Българските преходи. 1939—2002. София, 2002. С. 96—102; *Луджев Д.* Град на две епохи. История на обществените групи в българските градове в средата на XX век. София, 2005. С. 25—29.

[2] *Драганов Д.* В сянката на сталинизма. Комунистическото движение след Втората световна война. София, 1990. С. 57—80; *Баева И.* Източна Европа след Сталин. 1953—1956. София, 1995. С. 23—25; *Михайлов С.* Сталинисткият тоталитаризъм. София, 2000. С. 75—161; *Мигев В.* За характера и облика на комунистическия режим в България. 1944—1989 // България след 1944 — история, проблеми, тенденции. Шумен, 2002. С. 14; *Вълканов В.* История на България. 1944—1989. Лекции и изследвания. Варна, 2006. Ч. 1. С. 118—126.

[3] *Исусов М.* Последната година на Трайчо Костов. София, 1990. С. 139—148; *Цачевски В.* Българският комунизъм. София, 1993. С. 175—188; *Мигев В.* Утвърждаване и разгръщане на сталинския модел на социализма. 1948—1953 // Страници от българската история. Събития, размисли, личности. София, 1993. Ч. 2. С. 60; *Михайлов С.* Указ. соч. С. 316—318; *Баева И.* Българският социализъм — идеи и проблеми // Сборник в чест на доц. д-р Минчо Минчев. Велико Търново, 2006. С. 51—54.

[4] *Огнянов Л.* Държавно-политическата система на България. 1944—1948. София, 2006. С. 189—234.

[5] Там же. С. 192—201.

[6] Там же. С. 211—216.

[7] Борби и чистки в БКП. 1948—1953. Документи и материали / Съст. Л. Огнянов. София, 2001. С. V—VI, 9—31.

[8] *Исусов М.* Политическият живот в България. 1944—1948. София, 2000. С. 295—316.

[9] *Цветков Ж.* Съдът над опозиционните лидери. София, 1991. С. 151—192.

[10] *Исусов М.* Политическият живот... С. 376—394.

[11] *Огнянов Л.* Указ. соч. С. 219—220, 234.

[12] Борби и чистки в БКП... С. 36—109; *Христов Б.* Изпитанието. Спомени за процеса и съдбата на Трайчо Костов и неговата група. София, 1995. С. 57—118; *Исусов М.* Последната година... С. 21—99; *Драганов Д.* Указ. соч. С. 72—75; *Огнянов Л.* Сталинизацията на Българската комунистическа партия през 1948—1949 г. // Сталинизмът в Източна Европа след края на Втората световна война. София, 2005. С. 193—227.

[13] Централен държавен архив на Република България (Далее: ЦДА). Ф. 1Б. Оп. 5. А. е. 33. Л. 68—71; Вести на Висшия съвет на БСП. 1990. № 1. С. 120—122; *Исусов М.* Сталин и България. С. 203—205; *Волокитина Т. В.* Москва и политические репрессии в Восточной Европе в конце 40-х годов (По документам российских архивов) // България в сферата на съветските интереси. София, 1998. С. 60.

[14] *Червенков В.* За основните поуки от разкриването на трайчокостовската банда и борбата за нейния разгром. Доклад пред пленума на ЦК на БКП (16 януари 1950 година). София, 1950. С. 5—47; *Огнянов Л.* Васил Коларов и политическата съдба на Трайчо Костов // Шуменци — строители на съвременна България. Шумен, 2004. С. 199—208.

[15] Българските конституции и конституционни проекти / Съст. В. Методиев и Л. Стоянов. София, 2003. С. 44—47, 52—54; *Аврамов Л.* Избирателно право и законодателство за избиране на парламент в България. 1879—2001 (Исторически аспекти). Варна, 2003. С. 19—70.

[16] *Аврамов Л.* Очерци по социалнополитическа история на България. Варна, 1998. С. 65.

[17] Работническо дело. 1949.20.XII; *Цураков А.* Енциклопедичен справочник «Народното събрание. 1879—2003». София, 2003. С. 134.

[18] Известия на Президиума на Народното събрание. 1953.17.II. № 4.

[19] Работническо дело. 1953.24.XII, 1954.16.I; *Цураков А.* Указ. соч. С. 138.

[20] Българските конституции... С. 47.

[21] *Ташев Т.* Министрите на България. 1879—1999. Енциклопедичен справочник. София, 1999. С. 587—591; *Цураков А.* Енциклопедия «Правителствата на България». Хронология на политическия живот. София, 2001. С. 267—305.

[22] *Марчева И.* Указ. соч. С. 20—41.

[23] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А. е. 195. Л. 97—98; Ф. 136. Оп. 10. А. е. 434. Л. 1. Оп. 22. А. е. 453. Л. 1—2; Оп. 23. А. е. 326. Л. 64—68.

[24] Българските конституции... С. 45.

[25] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А. е. 54. Л. 122—125; А. е. 1305. Л. 22—23; Архив на Министерство на вътрешните работи (далее — АМВР). Ф. 1. Оп. 1. А. е. 1739. Л. 32—34, А. е. 3258. Л. 1. 16—37; А. е. 3259. Л. 1—4, А. е. 3683. Л. 11—12, А. е. 3734, Л. 4—6; Строго секретно! Документи за дейността на Държавна сигурност. 1944—1989 / Съст В. Ангелов. София, 2007. С. 234.

[26] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А. е. 220. Л. 248—249, Оп. 6. А. е. 3258. Л. 2—113. Ф. 265Б. Оп. 2 (не обработана); Ф. 362. Оп. 3. А. е. 4. Л. 82—498. Ф. «Спомени». № 3012. Л. 414—415, 465—469; АМВР. Ф. 1. Оп. 1. А. е. 4622. Л. 1—3; Строго секретно!... С. 147—148; *Радулов Т.* Гувернантките на властта. Варна, 1992. С. 16—26; *Трънски С.* Невъзможни истини. София, 1994. С. 81—141.

[27] *Ваксберг А.* Царицата на доказателствата. Вишински и неговите жертви. София, 1996. С. 187—188.

[28] Строго секретно!.. С. 229—238.

[29] АМВР. Ф. 1. Оп. 1. А. е. 1118. Л. 45—46, А. е. 2561. Л. 191—193.

[30] HU OSA (Архив Открытого общества — Будапешт), 300/20/1/171.

[31] *Стоянова П., Илиев Е.* Политически опасни лица. Въдворявания, трудова мобилизация, изселвания след 1944 г. София, 1991. С. 17—21, 59—73, 102—149.

[32] ЦДА. Ф. 136. Оп. 8. А. е. 54. Л. 1—5; *Зафиров Д.* Съветските военни инструктори в БНА след 9 септември 1944 г. — причини и проблеми // Военноисторически сборник. 1996. № 4. С. 90—95; *Носкова А. Ф.* Возникновение системы советских советников в странах Восточной Европы (1949—1953 гг. // България в сферата на съветските интереси. С. 39—52.

[33] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 6. А. е. 570. Л. 4—6.

[34] Там же. Оп. 5. А. е. 62. Л. 135.

[35] Там же. Оп. 6. А. е. 1622. Л. 8.

[36] Там же. Л. 9—14.

[37] Там же. Оп. 5. А. е. 642. Л. 1—4, Оп. 6. А. е. 570. Л. 29.

[38] Там же. Оп. 6. А. е. 1075. Л. 1—3. Ф. 136. Оп. 8. А. е. 54. Л. 1—4.

[39] Там же. Ф. 1Б. Оп. 6. А. е. 1416. Л. 2, 28—36, А. е. 2612. Л. 16—17. Ф. 136. Оп. 8. А. е. 429. Л. 1—3; Оп. 9. А. е. 829. Л. 1, 12—51, Оп. 11. А. е. 27. Л. 1—3; А. е. 636. Л. 1—2, Оп. 19. А. е. 282. Л. 17.

[40] Там же. Ф. 1Б. Оп. 6. А. е. 933. Л. 1—7.

[41] АМВР. Ф. 1. Оп. 1. А. е. 2067. Л. 1—3; ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 6. А. е. 834. Л. 1—3; А. е. 1658. Л. 1—2, А. е. 2885, Л. 1, 4—7, Оп. 8. А. е. 1890, Л. 1—3. Ф. 136. Оп. 5. А. е. 448, Л. 1, 7—8, Оп. 6. А. е. 712. Л. 1.

[42] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А. е. 220. Л. 297—301, А. е. 221, Л. 153—156, А. е. 223. Л. 212—236, А. е. 224. Л. 127—188, А. е. 225. Л. 31—198, А. е. 226. Л. 11—187, Оп. 6. А. е. 1719. Л. 77—78, А. е. 1768. Л. 1, 3, 63, А. е. 3258. Л. 2—13; Ф. 136. Оп. 12. А. е. 1426. Л. 1—2. Ф. «Спомени». № 3104. Л. 2—4; *Митев Т.* Истината за един от големите удари на сталинизма през 1951 г. срещу генералитета на България // Военноисторически сборник. 1993. № 6. С. 135—155; *Трънски С.* Указ. соч. С. 81—155; *Знеполски Д.* Посмъртна изповед. София, 1997. С. 357—422.

[43] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 35. А. е. 1388. Л. 7; *Трънски С.* Указ. соч. С. 159—160; *Знеполски Д.* Указ соч. С. 423—480.

[44] АМВР. Ф. 1. Оп. 1. А. е. 1950. Л. 1—7, А. е. 2305. Л. 12—19, А. е. 2671. Л. 1—3.

[45] *Шарланов Д.* Тиранията. Жертви и палачи. София, 1997. С. 189—190.

[46] ЦДА. Ф.«Спомени». № 3012Б. Л. 476—477.

[47] *Никова Г.* Политически процеси в България. 1949—1953 г. // България в сферата на съветските интереси. С. 67—68.

[48] АМВР. Ф. А1. Оп. 3. А. е. 1. Т. 1. Л. 2—67; Работническо дело. 1950.27.VIII; Съвременен показател. 1990. № 33. С. 34—35.

[49] Вести на Висшия съвет на БСП. 1990. № 9. С. 16—17.

[50] Там же. С. 15—16; *Богданов С.* Две смърти няма, а без една не може. София, 1991, С. 63—77; *Наумов Д.* Конвой. Документи (свитък първи). София, 1992. С. 3—13.

[51] АМВР. II съд — 4586. Л. 201—215; II съд — 4591. Т. 2. Л. 21—61.

[52] Там же. II съд — 2900. Том 1. Л. 5—50; Т. 2. Л. 208—254; *Василев В. Н.* Персин — позорът на България. София, 1995. С. 35—109.

[53] ЦДА. Ф. 362. Оп. 3. А. е. 3. Л. 487—490.

[54] Архив на Министерство на външните работи (далее — АМВнР). П. 12. Оп. 8. А. е. 106. Л. 2—5, П. 79. Оп. 4. А. е. 1144. Л. 1—115, П. 89. Оп. 6. А. е. 1718. Л. 3—7, А. е. 1719. Л. 2—3; П. 106. Оп. 8. А. е. 1064. Л. 1—5, А. е. 1065. Л. 2—7; Работническо дело. 1950.2, 5.II; 1951.4, 12.VII, 6.IX, 13, 15.XI, 7.XII.

[55] АМВнР. П. 110. Оп. 8. А. е. 1129. Л. 1—13.

[56] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А. е. 88. Л. 1—23, 143—146.

[57] Изгрев. 1948.4VII.

[58] Църковен вестник. 1948.21.IX.

[59] Отечествен вестник. 1992.3.VI.

[60] *Исусов М.* Сталин и България. С. 193.

[61] АМВнР. П. 3. Оп. 2. А. е. 35. Л. 104, 131—134.

[62] Работническо дело. 1949.11, 12, 26, 28.II, 5, 6, 9.III.

[63] АМВнР. П. 60. Оп. 1. А. е. 715. Л. 2—9.

[64] Държавен вестник. 1949.1.III.

[65] ЦДА. Ф. 549. Оп. 2. А. е. 1. Л. 12—13, 118—252, 374—424, 517—518.

[66] АМВнР. П. 79. Оп. 4. А. е. 1142. Л. 2—46, 318—370, А. е. 1148, Л. 11—18; П. 106. Оп. 8. А. е. 1079. Л. 2—10; Работническо дело. 1958.4.X; *Цветков Ж.* Разпятието. Съдебната разправа с дейци на Католическата църква в България през 1952 г. София, 1993. С. 9—109.

[67] ЦДА. Ф. 549. Оп. 2. А. е. 7. Л. 379—380; Църковен вестник. 1953.28.V; *Калканджиева Д.* Българската православна църква и «народната демокрация» (1944—1953). София, 2002. С. 302—325.

[68] ЦДА. Ф. 549. Оп. 1. А. е. 4. Л. 194—309, А. е. 17. Л. 24—287, А. е. 32. Л. 16—206. Ф. 579. Оп. 1. А. е. 43. Л. 18—19, 218—337. Оп. 2. А. е. 7. Л. 471, А. е. 9. Л. 591.

[69] *Исусов М.* Сталин и България. С. 206—218.

[70] *Хрушчов Н.* За култа към личността и за последиците от него. Доклад на първия секретар на ЦК на КПСС през XX конгрес на партията // Тайният доклад на Хрушчов пред XX конгрес на КПСС — 1956 г. София, 1991. С. 6—75.

[71] Работническо дело. 1956.17.II.

[72] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 55. А. е. 127. Л. 27—28, А. е. 131. Л. 8; Вести на Висшия съвет на БСП. 1990. № 7. С. 87.

[73] Българската комунистическа партия в резолюции и решения на конгресите, конференциите и пленумите на ЦК (далее — БКП в резолюции и решения). Т. IV (1944—1955). София, 1955. С. 473.

[74] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А. е. 195. Л. 27.

[75] Вести на Висшия съвет на БСП. 1990. № 7. С. 98—99.

[76] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А. е. 195. Л. 27.

[77] Априлският пленум на ЦК на БКП — 1956. Пълен стенографски протокол. София, 2002. С. 32—41.

[78] Там же. С. 15—16.

[79] БКП в резолюции и решения... Т. V (1956—1962). София, 1965. С. 9—16.

[80] Там же. С. 15—16.

[81] *Живков Т.* Срещу някои лъжи. Бургас, 1993. С. 75.

[82] Съветска България през три британски мандата. 1956—1963. Из архива на Форин офис за събития и личности в България / Съст. Д. Димитров. Лондон, 1994. С. 5.

В. В. Волобуев
(Институт славяноведения РАН)

Зарождение и развитие ревизионизма как оппозиционной марксистской мысли в Польше в 1950-е годы

Одними из главных постулатов официальной пропаганды ППР—ПОРП вплоть до XX съезда КПСС являлись утверждение о наличии вражеского окружения (буржуазии и ее союзников) и вера в безгрешность партии. В связи с этим, когда после смерти И. В. Сталина повеяло «оттепелью» и начала звучать осторожная критика некоторых явлений в жизни Народной Польши, критика эта не была направлена против ПОРП, а, наоборот, высказывалась от имени партии и общества (как например в известной «Поэме для взрослых» Адама Важика, 1955). Воплощением всех темных сторон процесса строительства социализма стала так называемая бериевщина, под которой понималось то, что потом получило название «сталинизм». Разница однако заключалась здесь не только в определениях. Если бериевщина рассматривалась как явление, совершенно чуждое коммунистическому движению и в сущности не отличавшееся от прочих «уклонов» вроде троцкизма и гомулковщины, то развенчание сталинизма означало разрыв с целой традицией и низвержение одного из основополагающих принципов мировоззрения коммунистов. Поэтому XX съезд КПСС и осуждение культа личности стали переломным моментом для многих коммунистов, после чего они были вынуждены искать другую точку опоры для своей идеологии. Для редколлегии еженедельника «По просту», который был главным идейным рупором молодых польских коммунистов в 1956 г., иной основой мировоззрения стали работы молодого К. Маркса. То есть они, с одной стороны, не вышли за границы официальной идеологии, с другой же, дали выход своей революционной энергии. Такая линия, впрочем, быстро привела к полному неприятию всего наследия послевоенной Польши и критике партийно-государственного аппарата как класса, оторванного от народа[1]. В связи с этим события 1956 г. оценивались деятелями этого направления как новая революция, которая должна была свергнуть господство очередного эксплуататорского класса и, наконец, передать власть трудящимся массам[2].

Поначалу казалось, что новая правящая элита, пришедшая к власти в ПНР в 1956 г., соответствует этим чаяниям. С самого начала она воспринималась как оппозиционная (ее руководители — жертвы борьбы с «правонационалистическим уклоном»), так как акцентировала внима-

ние на тех пунктах, которые отличали ее от сталинской бюрократии: внутрипартийная демократия (отсюда большая свобода в отношениях с партийной верхушкой и почти неприкрытая фракционная борьба в руководстве); внимание к уважению национальных интересов (характеристика сталинизма как «левого уклона»); признание права на существование иных мировоззрений, кроме коммунистического; принципиальное разделение функций партии и государства (не соблюдавшееся, впрочем, на практике). Но очень скоро наступило разочарование. Главной причиной этого оказались как сохранение Гомулкой старого партийно-государственного аппарата, так и противодействие процессу создания рабочих советов. Серьезным ударом по идеалам коммунистических вольнодумцев было также сохранение прежней линии поведения нового руководства ПОРП во взаимоотношениях с Советским Союзом, особенно во время венгерского кризиса. Именно в подходе к проблеме так называемого международного коммунистического движения разница в понимании марксистской идеологии «оппозиционерами» оказалась наиболее явной. Леворадикальная интеллигенция, потрясенная утратой в образе сталинизма незыблемой основы, на которой строилась вся стратегия социалистической революции, начала воспринимать марксизм как одно из направлений философии, имевшее свои плюсы и минусы. Иначе говоря, марксизм перестал быть для них догмой и преобразовался во что-то вроде общей идеи, внутри которой возможны были споры, расхождения и разнообразные течения. Одно из таких течений, по убеждению левых радикалов, попробовали воплотить в жизнь венгерские социалисты. Советский Союз же положил конец этой попытке, показав тем самым, что не собирается мириться с демократическими тенденциями в марксизме[3].

В свою очередь В. Гомулка и его окружение в своей политике исходили из предпосылки, что существует только один марксизм[4], а следовательно не может быть споров внутри марксистской идеологии, но могут быть дискуссии относительно разных путей строительства социализма. Такие дискуссии могут проводиться между компартиями, однако во внешней политике соцлагерь должен придерживаться общей линии, учитывающей интересы СССР, так как советский ядерный щит прикрывает все страны народной демократии от агрессии империалистических государств[5].

То же самое касалось и концепции партии. Руководство ПОРП отвергало образ партии социал-демократического типа, т. е. партии, имеющей течения и фракции. Основой своей внутренней политики правящая элита ПНР как до 1956 г., так и после него считала постулат диктатуры пролетариата, выражавшийся в руководящей роли партии (хотя этот принцип был включен в Конституцию лишь в 1976 г., он нередко фигурировал

в высказываниях членов Политбюро и раньше[6]). Разумеется, что партия, допускавшая внутри себя «буржуазные свободы», не в состоянии была бы осуществлять руководящую роль в обществе. Оппозиционные марксистские журналисты, ученые и деятели культуры со своей стороны придерживались мнения, что сомнению следует подвергать любой абсолют — будь то марксизм, католицизм или что-то еще[7]. В сущности, они старались обосновать мысль, что идейные течения в марксистской партии неизбежны и необходимы, поскольку во-первых, без постоянной критики развитие любой философии останавливается, а во-вторых, в идеологии ПОРП не существует канона, который ясно бы определял, что является генеральной линией партии, а что — отступлением от нее. Выдвигались даже предложения организовать несколько марксистских партий вместо одной, чтобы они соперничали друг с другом, ведя дискуссии о методах и путях строительства социализма в Польше[8].

Политбюро ЦК ПОРП определяло такие взгляды понятием «ревизионизм», под которым подразумевало любые идеи, направленные на подрыв руководящей роли партии. «Никакой революции у нас не было. Мы лишь изменили методы нашей работы. И если использовать понятие "обновление", с ним можно согласиться», — заявил Гомулка по поводу событий 1956 г.[9] Чтобы понять, что имел в виду новый первый секретарь ПОРП, говоря об изменении методов работы, вернемся в период между смертью Сталина и XX съездом КПСС, так как однажды партийная верхушка уже осуществляла такую смену.

После смерти Сталина руководство ПОРП, откликаясь на перемены, происходившие в Москве, провело некоторые политические реформы. Они касались прежде всего ситуации в органах безопасности. Изменился также подход к культуре. Если раньше, невзирая на постоянные заверения членов Политбюро в важности литературы и искусства для построения социализма, они фактически приносились в жертву ускоренной индустриализации страны, а сами деятели культуры подвергались неусыпному контролю со стороны партийных органов, то начиная с 1954 г. режим несколько изменил свою культурную политику. Цели остались те же (воспитание бойцов за коммунизм), но методы воздействия на творцов (а через них — и на общество) были уже иные. Вместо подавления каждого несанкционированного властью высказывания начали поощрять критику (если она исходила из собственного лагеря) с целью убедить сомневающихся в правильности линии партии. Иначе говоря, власть отказалась от механического вбивания в головы людей решений правительства и Политбюро и поставила на утверждение среди деятелей культуры коммунистического восприятия окружающей действительности как сознательного выбора. Секретарь ЦК Ежи Моравский так сформулировал

эту политику: «Мы за свободу слова и обмен мнениями, но чтобы при этом побеждала партийная и коммунистическая точка зрения»[10]. На заседаниях Союза польских литераторов (СПЛ) и других творческих объединений начали проходить дискуссии, где часто критиковались исполкомы первичных парторганизаций, сами парторганизации и некоторые их деятели, особенно жестко внедрявшие когда-то сталинскую политику. Прозвучала также критика некоторых постановлений правительства предыдущих лет. Партийные функционеры, хотя и с подозрением встретили некоторые заявления, считая их проявлением «безответственности», а иногда даже наступлением «враждебной идеологии», отмечали, однако, что «сам обмен мнениями положительно характеризует пленум»[11].

Изменилось отношение к прессе. Ее стали рассматривать как источник пробуждения общественной активности (разумеется, в пользу еще более «ударного строительства социализма»). Наиболее ярким примером этого был упоминавшийся уже еженедельник «По просту», преобразованный в сентябре 1955 г. из органа Союза польской молодежи в издание «студентов и молодой интеллигенции» с целью оживить общественную жизнь в провинции и поддержать там молодых марксистов. Редакция газеты предлагала методологию такой поддержки в виде создания в провинции клубов молодой интеллигенции (естественно, марксистской)[12]. Клубы интеллигенции стали одной из форм внедрения в общество марксистской ментальности. Подобные клубы уже существовали в послевоенные годы, но позднее были распущены в соответствии с традиционной сталинской политикой. После смерти Сталина власть решила возродить эту практику, тем более что фактически такие клубы уже начала создавать некоммунистическая интеллигенция. Наиболее известным был организованный весной 1955 г. «Клуб кривого колеса», который объединил людей самых разных идеологических взглядов. На заседаниях клуба обсуждались экономические, политические и культурные вопросы. Возникли также новые журналы о культуре, главным образом, в провинции.

Вскоре, однако, руководство ПОРП стала беспокоить возросшая независимость творцов. В апреле 1955 г. ЦК направил в первичную организацию СПЛ письмо, где предостерегал писателей перед опасностью правой идеологии. Летом же партийные органы предприняли так называемое наступление в первичных парторганизациях, бичуя в основном такие позиции, завоевавшие тогда популярность среди деятелей культуры, как отрицание руководящей роли партии в культурном процессе; теория имманентного зла в социализме; убеждение, что марксизм не является сам по себе достаточной интеллектуальной системой для описания мира; недооценка правой опасности как таковой. Идеологическими мерами воздействия власть не ограничилась. Главный редактор журнала «Новая

культура» Р. Хоффман за публикацию «Поэмы для взрослых» А. Важика был снят со своего поста, а редакция реорганизована. Следует отметить, что сами партийные творцы отнеслись к «наступлению» с большой опаской и неохотой, боясь возрождения сталинских традиций[13].

XX съезд КПСС и разоблачение культа личности сломали существовавшие до той поры взаимоотношения между партией и деятелями культуры[14]. Теперь уже не власть притесняла творцов, а наоборот, писатели и представители изобразительных искусств оказывали давление на режим, требуя свободы искусства и политических реформ. Власть устами секретаря ЦК Ежи Моравского вынуждена была, по сути, отказаться от политики усиленного внедрения социалистического реализма и признать ценность других направлений искусства[15], однако для деятелей культуры, в том числе входивших в ПОРП, этого уже было недостаточно. Культурная политика власти рассматривалась ими теперь как часть общей политики режима в отношении общества в сталинский период. На этой основе начала нарастать критика правящей элиты как таковой и требование вернуть Гомулку в высшие сферы власти* [16].

Имя Гомулки ассоциировалось для широких народных масс в то время с подлинным социализмом, т. е. с национальным суверенитетом, демократизацией политической жизни и изменением экономического курса. В связи с этим после возвращения Гомулки на пост лидера партии стали раздаваться призывы перейти ко второму этапу «революции» как логическому продолжению начатых перемен. Второй этап однако (в понимании так называемых ревизионистов) не наступил. Даже изменения в составе ЦК и Политбюро были весьма невелики и ограничились исключением нескольких людей, наиболее отождествлявшихся с предыдущим периодом. Это произошло не из-за пресловутого сопротивления консервативных элементов или угрожающей позиции СССР, который как раз тогда раздавил подлинную революцию в Венгрии, а в силу того, что в принципиальных вопросах новая элита твердо следовала политическим догмам КПСС, руководствуясь постулатами диктатуры пролетариата, руководящей роли партии, социалистического интернационализма и признания ведущей роли СССР в мировом социалистическом лагере. На практике это, в частности, выражалось в стремлении подавить любую

* В. Гомулка был освобожден от обязанностей Генерального секретаря ЦК ППР и выведен из состава Политбюро ЦК на августовско-сентябрьском пленуме 1948 г., как сторонник «правонационалистического уклона», под которым в тот период понималась приверженность «национальному (в данном случае, польскому. — *В. В.*) пути к социализму». С именем сменившего Гомулку на посту руководителя партии Б. Берута связан переход к реализации советской, сталинской, модели построения социализма в Польше.

общественную активность, неподконтрольную партии, и не допустить дискуссий по общественно-политической проблематике, даже ограниченных рамками марксизма. Именно это имел в виду новый первый секретарь, говоря об изменении методов, а не цели.

Неудивительно поэтому, что главную угрозу для своей концепции социалистического строительства Гомулка видел в лице ревизионистов, а не консерваторов. Он заявил об этом уже на IX пленуме ЦК в мае 1957 г., когда поименно назвал людей, отношение которых к партийной линии не соответствовало, по его мнению, официальной идеологии (публицист Роман Зиманд, поэт Виктор Ворошильский, философ Лешек Колаковский). В этих трех личностях лидер партии как бы осудил три направления развития ревизионистской критики. Р. Зиманд из редакции «По просту» отождествлялся с радикальной концепцией передачи власти в руки советов на всех уровнях и во всех областях, будь то экономика, культура или наука. В. Ворошильский приобрел известность репортажами из Венгрии, в которых содержалось немало острой критики по адресу Советского Союза. В свою очередь, Л. Колаковский был одним из первых коммунистических философов, предпринявших критику марксизма как идеологической доктрины, а кроме того, он выступал с требованиями политических реформ, суть которых видел не в строительстве особой социалистической демократии, а в расширении достижений буржуазной демократии на основе системы равенства и подлинного народовластия[17].

IX пленум ознаменовал собой начало нового периода во взаимоотношениях между властью и обществом. С одной стороны, население страны воспринимало правящую элиту уже не как чуждую себе, но как собственную, и в силу этого — более ответственную перед обществом. С другой же, цели этого режима остались прежние, а в качестве единственного способа их достижения, как и раньше, понималась жесткая диктатура ПОРП. В отношениях между левой интеллигенцией и властью этот конфликт выразился в несоответствии марксистской теории и гомулковской практики. Столкновение двух этих явлений привело к разочарованию самой партией, а иногда — и самим марксизмом, которое в 1950—1960-е годы охватывало все большее число партийных творцов и ученых. Причина разочарования не только в режиме, но и в идеологии, как нам кажется, заключалась в том, что марксистская интеллигенция столкнулась с нарушением того условия, которое позволяло левой интеллигенции приветствовать смену правящей элиты - провозглашение свободы творчества. Вероятно, сыграло свою роль и смягчение образа «врага» — крайне важного в революционной идеологии постулата — вследствие признания концепции мирного сосуществования. В довоенной Польше враг был четко очерчен: буржуазия и крупные магнаты. В послевоенной

Польше роль врага играли разнообразные силы, выступавшие против народной власти. Борьба с этими силами была марксистам понятна, и хотя они не всегда могли принять политику партии, особенно в области культуры, авторитет Советского Союза как первого социалистического государства и Сталина как лидера этого государства заставлял их, если не участвовать активно в этой политике, то, по крайней мере, не противиться ей. Развенчание культа личности показало деятелям искусства бессмысленность их жертвенности, поскольку выяснилось, что они посвящали себя служению преступному режиму. В результате большая часть творцов левой ориентации отошла от концепции тоталитарного государства как единственного метода строительства социализма и начала выступать за расширение независимой общественной инициативы[18]. В области культуры это выразилось в отрицании соцреализма как единственного направления прогрессивного искусства и постулате свободы творчества. Поэтому особенно болезненным для деятелей культуры было осознание того, что даже после событий «польского Октября» партия не собиралась мириться с неконтролируемой общественной активностью, а, следовательно, пыталась продолжать в этой сфере берутовскую политику. Потрясение оказалось тем более сильным, что теперь главным врагом для левой интеллигенции вместо буржуазии и империалистических сил волей-неволей становилось уже само социалистическое государство, иначе говоря — собственный строй[19].

Примечания

[1] В наиболее развитом виде эта мысль была выражена в конце апреля 1956 г. в статье молодого журналиста КАТа (К. Т. Теплитца), опубликованной в еженедельнике «Новая культура» (KAT. Z wiasnego prawa bez nadania // *Władyka W.* Na czołówce. Prasa w październiku 1956 roku. Warszawa-Łódź, 1989. S. 228—230). В качестве интересного примера, иллюстрирующего мировоззрение молодых польских коммунистов того периода, может служить рассказ В. Гомулки о разговоре с неким журналистом (вероятно, Р. Зимандом), состоявшемся в декабре 1956 г. Журналист заявил, что в СССР не было и нет никакого социализма, а, следовательно, надо создать новую партию вместо ПОРП, так как последняя состоит из людей, воспитанных на советском опыте. На вопрос, почему же он тогда по-прежнему состоит в партии, журналист ответил: «Потому, что я — коммунист» (Российский государственный архив новейшей истори. Ф. 5. Оп. 28. Д. 398. Л. 31—39).

[2] Приблизительно то же самое говорил в марте 1956 г. сотрудник В. Гомулки Владислав Беньковский. Этот факт указывает на популярность подобных взглядов среди польских коммунистов в 1956 г. (См.: Archiwum Akt Nowyck (далее AAN). PZPR KC. Wydziai Kultury. 237/XVIII-108. S. 46—47).

[3] См. статьи Р. Зиманда, Х. Адамецкой, В. Ворошильского и М. Белицкого, опубликованные в польских изданиях в период с конца октября до декабря 1956 г.

[4] AAN. PZPR. Sekretariat I Sekretarzy KC. XIA/5. S. 252—253.

[5] Ibid. S. 41, 254—256; XIA/42. S. 45—53.

[6] Архив внешней политики РФ. Ф. 122. Оп. 3. П. 747. Д. 1383. Л. 342, 469. О недопустимости замалчивания руководящей роли ПОРП в проекте нового устава Демократической партии прямо говорил правлению ДП член Политбюро ЦК ПОРП З. Клишко в 1965 г. (См.: AAN. PZPR KC. Sekretariat I Sekretarzy. XIA/217. S.7).

[7] *Колаковский Л.* Похвала непоследовательности. Firenze, 1974. С. 22—63; Co robić dalej? // *Władyka W.* Op. cit. S. 385—416. См. также высказывание *Р. Турского* (*Turski R.* O współpracy marksistów i katolików // Po Prostu, 1957, № 14).

[8] *Friszke A.* Opozycja polityczna w PRL. 1945—1980. London, 1994. S. 103.

[9] *Юсупов Р. Р.* Польская интеллигенция в период народной демократии (1944—1989). Казань, 1998. С. 256.

[10] *Rykowski Z., Władyka W.* Polska próba: Październik 56. Kraków, 1989. S. 160.

[11] *Jarosz D.* Polacy a stalinizm. 1948—1956. Warszawa, 2000. S. 175—177; AAN. PZPR KC. Wydziai Kultury. 237/XVIII-107. S. 6—10, 150—153, 200—207.

[12] *Wiadyka W.* Op. cit. S. 58.

[13] AAN. PZPR KC. Wydziai Kultury. 237/XVIII-107. S. 42—62, 144—299; 237/XVIII-108. S. 1—21.

[14] Известный писатель-коммунист Юлиан Стрыйковский говорил позднее, что до XX съезда КПСС он питал «слепое доверие» к партии, а свою идеологию основывал на работах Сталина. Но поскольку партия сама признала, что может совершать ошибки, продолжал Стрыйковский, следовательно, можно ее критиковать (См.: AAN. PZPR KC Kancelaria Sekretariatu. XI/961. S. 54—55).

[15] *Jarosz D.* Op. cit. S. 180.

[16] Именно такой настрой характеризовал, например, резолюцию первичной парторганизации варшавского отделения СПЛ, направленную в ЦК ПОРП 28 сентября 1956 г. (См.: AAN. PZPR KC Wydziai Kultury. 237/XVIII-153. S. 103—104).

[17] *Kołakowski L.* Tendencje, perspektywy i zadania // Życie Warszawy, 1957.4.II; *Колаковский Л.* Похвала... С. 2—21.

[18] В связи с этим левая интеллигенция критиковала «малую стабилизацию» Гомулки, усматривая в ней вырождение общественной активности в пользу конформизма и потребительства (См.: *Toeplitz K. T.* «Normalność» // Przegląd Kulturalny. 1962. № 32; *Kijowski A.* Kto nas budzi? Kto usypia? // Ibid. 1962. № 36; *Beylin P.* Niepokoje amerykańskie i nasze // Ibid. 1963. № 1).

[19] Нужно заметить, что в сути этого конфликта отдавали себе отчет не только деятели оппозиции, но и сторонники власти. Один из них, литератор Тадеуш Голуй, говорил на IV общем съезде СПЛ в декабре 1958 г., что конфликт заключается не в спорах между писателями и цензурой, а в антагонизме между принципом доминирования партии в каждой сфере общественной деятельности и стремлением писателей к максимальной свободе творчества (См.: AAN. PZPR KC. Komisja Kultury. 237/XVIII-180. S. 62—64).

М. Г. Лёшин
(Институт военной истории Министерства обороны РФ)

Участие Группы советских оккупационных войск в Германии в разрешении кризиса 1953 года в ГДР: фактор риска или залог стабильности?

Кризис летом 1953 г. в Восточной Германии был первым политическим кризисом в странах народной демократии после смерти И. В. Сталина. До сих пор у исследователей нет единой точки зрения на то, как оценивать произошедшие события. Некоторые называют их реваншистским путчем, бунтом, мятежом, другие — народным восстанием, одним из центральных, ключевых событий германской истории второй половины XX века, первым шагом восточных немцев на пути к единству страны. В ФРГ вплоть до объединения двух Германий день 17 июня — самый напряженный день кризиса — ежегодно отмечался как День немецкого единства*. В память событий 17 июня была названа одна из центральных улиц Западного Берлина, берущая свое начало от Бранденбургских ворот.

Кризис имел достаточно продолжительную предысторию, которую условно можно разделить на несколько этапов[1]. В течение первого (лето—осень 1952 г.) в экономике Восточной Германии начали проявляться признаки нестабильности финансовой сферы. Второй (ноябрь 1952 — начало февраля 1953 г.) характеризовался нарастанием проблем в экономике, вследствие чего правительство ГДР было вынуждено искать выход из создавшегося положения и принять новый стратегический курс в области общественного строительства, утвержденный на X (ноябрьском) пленуме ЦК Социалистической единой партии Германии (СЕПГ). Третий этап (начало февраля — середина апреля 1953 г.) ознаменовался ухудшением экономического положения в ГДР, что вызвало сокращение расходов на социальные нужды одновременно с повышением цен. Следующий, четвертый, этап (апрель — начало июня 1953 г.) включает в себя неудачную попытку правительства временно приостановить курс на «ускоренное строительство социализма» с целью переломить негативную ситуацию в экономике. И, наконец, последний, пятый, этап (начало июня — 17 июня 1953 г.) — это эскалация внутриполитического кризиса, вылившаяся в массовые беспорядки на всей территории Восточной Германии.

---

* После объединения Германии Днем немецкого единства стало 3 октября.

Рассмотрим подробнее каждый из вышеуказанных этапов.

Еще в ходе составления бюджета ГДР на 1952 г. в первой половине того же года стало очевидным, что одной из основных проблем в экономике страны является несбалансированность доходной и расходной частей главного финансового документа республики. Правительство страны параллельно с составлением бюджета, который был окончательно принят в виде закона в середине июня 1952 г., искало возможность любыми способами увеличить его доходную часть. Характерно, что окончательная редакция бюджета уже имела расхождения с планом развития народного хозяйства страны на 1952 г., принятым всего четырьмя месяцами раньше.

Среди дополнительных мер, обсуждаемых в руководстве ГДР в тот период и частично воплощенных в жизнь, были замедление темпов снижения цен, сокращение социальных выплат работникам государственного сектора, уменьшение управленческих расходов в госаппарате и на государственных предприятиях, сокращение строительных программ в ряде крупных городов, увеличение налоговых отчислений предприятиями всех форм собственности, перераспределение инвестиций между отдельными отраслями экономики, погашение задолженности населения по взносам в фонд социального страхования, увеличение акцизных сборов и т. д.[2]

Положение осложнялось тем, что в начале апреля 1952 г. из Москвы поступило указание о начале подготовки к созданию национальной армии и оборонной промышленности[3]. Но при принятии бюджета на 1952 г. еще никому не было известно, сколько на это потребуется денег. Только поздней осенью удалось подсчитать, что на развитие казарменной полиции и создание военной инфраструктуры из бюджета 1952 г. нужно будет выделить 1,26 млрд марок ГДР вместо запланированных 200 млн, т. е. в шесть раз больше[4]. Еще 27 млн марок только в 1952 г. потребовалось потратить на восстановление авиационной промышленности[5].

26 мая 1952 г. в Бонне был подписан «Общий договор», отменявший оккупационный режим на территории Западной Германии, а на следующий день в Париже — договор о создании Европейского оборонительного сообщества с включением в него военного контингента ФРГ. В ответ на эти акции Восточная Германия ввела ограничения на внутригерманской границе, к востоку от которой началось создание пятикилометровой «санитарной зоны», 500-метрового «охранного пояса» и 10-метровой контрольной полосы. Демаркационную линию можно было перейти только со специальным пропуском через установленные контрольно-пропускные пункты. 24 июля правительство ГДР приняло решение об осуществ-

лении молодежной военно-патриотической программы «Служу Германии», в рамках которой молодежь, проживая в трудовых лагерях, должна была строить казармы и квартиры для служащих казарменной полиции. В течение года на эту программу планировалось истратить свыше 650 млн марок, из них 120 млн — во втором полугодии 1952 года[6].

В середине 1952 г. в ГДР появились признаки энергетического кризиса, который ни в коем случае нельзя было допустить. Дополнительных расходов потребовала также перестройка государственного заготовительного и закупочного аппарата, вызванная изменением территориально-политического деления страны. Возникли трудности в целом ряде ведущих отраслей экономики, под угрозой оказались репарационные поставки в СССР.

Советская контрольная комиссия (СКК), образованная решением Совета министров СССР 10 октября 1949 г. после расформирования Советской военной администрации в Германии, с лета 1952 г. выражала озабоченность в связи с положением дел в экономике ГДР. Только в конце августа — начале сентября 1952 г. председатель СКК В. И. Чуйков направил заместителю премьер-министра ГДР Г. Рау целый ряд меморандумов по этому вопросу с конкретными пожеланиями и предложениями. В начале октября того же года начальник финансового отдела СКК В. К. Ситнин представил план мероприятий по укреплению бюджета ГДР под названием «О сокращении дотаций и других мерах по обеспечению режима экономии в ГДР». План основывался на наличии в республике «крупных скрытых резервов»; его составители предлагали, кроме прочего, изменить структуру цен, снизить дотации на сырье и энергоносители, скорректировать заработную плату и социальные выплаты, повысить эффективность функционирования важных сфер производства и управления[7]. Однако в плане не затрагивались проблемы, связанные с репарациями, созданием оборонной промышленности и подготовкой к созданию вооруженных сил ГДР, поскольку эти вопросы не входили в сферу компетенции СКК.

Со своей стороны, восточногерманское руководство до конца октября не торопилось принимать какие-либо ответственные решения, поскольку председатель Совета министров ГДР О. Гротеволь, а также генеральный секретарь ЦК СЕПГ В. Ульбрихт находились в это время на отдыхе и лечении в Советском Союзе. Внимание властей ГДР также отвлекала перестройка административного аппарата, проводившаяся в связи с введением нового территориально-политического деления страны.

Положение в Германии внимательно анализировалось в созданном в январе 1952 г. в США управлении психологической стратегии. В июле того же года сектор «F» указанного управления подготовил документ «Национальная стратегия в отношении Германии», который в конце лета был одобрен руководством и получил кодовое наименование «PSB D-21». Что касается ФРГ, этот документ предусматривал ускорение ее интеграции в западное сообщество, а в отношении ГДР была запланирована программа политических и подрывных акций, направленных на «уменьшение силового потенциала Советов в Восточной Германии», причем особенно подчеркивалась роль Западного Берлина как «витрины демократии» и базы для операций психологической войны против всей Восточной Европы. В качестве основной цели программы называлась «контролируемая подготовка к активизации сопротивления»[8].

Эта программа полностью соответствовала взглядам будущего президента США Д. Эйзенхауэра[9] и будущего государственного секретаря Дж. Ф. Даллеса. Еще во время предвыборной кампании во второй половине 1952 г. они высказывались за активизацию подрывных и пропагандистских действий против Советского Союза и стран Восточной Европы и, несмотря на отказ от прямого военного вмешательства на Востоке, твердо стояли на позиции «освобождения порабощенных народов» и «отбрасывания» коммунизма. Специальный советник президента Эйзенхауэра по операциям психологической войны Ч. Д. Джексон вспоминал позднее, что лидер США в те годы оценивал психологическую войну как «почти уникальную возможность выиграть третью мировую войну, не начиная ее»[10].

К концу осени руководство СЕПГ еще более усугубило ситуацию в экономике ГДР, приняв на X пленуме ЦК СЕПГ 20—22 ноября 1952 г. решения, которые имели тяжелые экономические и политические последствия. Основные из этих решений — переход к строительству социализма, подготовка к созданию национальных вооруженных сил и пресечение попыток реставрации капитализма — были озвучены еще в июле 1952 г. на II конференции СЕПГ[11]. Теперь же на пленуме фактически было объявлено об изменении отношения правящей партии к частному сектору национальной экономики. Если ранее партия выступала за сохранение ее многоукладного характера, о чем открыто заявлял В. Ульбрихт в том числе и на второй партконференции, то с середины декабря того же года борьба с «эксплуататорами» в городе и на селе выдвинулась в число приоритетных задач. Эта новая стратегия партии, сформулированная на конференции и принятая в уточненном виде на пленуме

ЦК СЕПГ в 1952 г., позднее получила название «ускоренное строительство социализма».

В течение декабря 1952 г. правительством Восточной Германии был также принят ряд решений по обеспечению режима экономии и сокращению расходов, вытекавших из предложений СКК, сделанных ранее. Среди мер, получивших наиболее негативный резонанс у населения, можно назвать отмену рождественских выплат рабочим и служащим, повышение цен на некоторые виды сырья и ограничения на продажу масла, животных жиров и сахара[12].

17 декабря 1952 г. был принят план развития народного хозяйства ГДР на 1953 г., который в разделе, посвященном промышленному производству, содержал самые общие показатели. Это произошло потому, что многие принципиальные вопросы к тому моменту еще не были согласованы с советской стороной. 9 января 1953 г. тяжелое положение в экономике ГДР, а также просьбы руководства страны о помощи стали предметом рассмотрения на встрече руководства СЕПГ с представителями СКК в Берлине. Последние пообещали учесть часть пожеланий немцев, в том числе те, которые касались судостроительной промышленности, но одновременно указали, что более ранние рекомендации СКК все еще не полностью претворены в жизнь, в том числе приведение заработной платы в соответствие с производительностью труда, а также введение новых норм выработки. Была подвергнута критике и программа «Служу Германии». После данного совещания политбюро ЦК СЕПГ 20 января 1953 г. еще более ужесточило меры для обеспечения режима экономии. Планировалось, что это пополнит бюджет приблизительно на 1,5 млрд марок ГДР[13].

Согласно опубликованным записям президента ГДР того периода В. Пика, в середине января советская сторона выдвинула дополнительные требования по увеличению поставок в СССР[14]. На проведении жесткой линии в этом вопросе настаивал, прежде всего, руководитель советских акционерных обществ в Германии Б. З. Кобулов, являвшийся доверенным лицом Л. П. Берии.

В ходе встречи Пика, Гротеволя, Ульбрихта и председателя Государственной комиссии ГДР по планированию Б. Лейшнера с Чуйковым, которая состоялась 6 февраля 1953 г., председатель СКК был проинформирован о том, что в экономике ГДР складывается тяжелая ситуация с тенденцией к дальнейшему ухудшению. Чуйков в ответ заявил, что не допустит блокирования народного хозяйства ГДР[15]. Со складов Группы советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ) было выделено топливо для населения. 27 февраля председатель СКК проинформировал Гротеволя

о решении правительства СССР досрочно поставить в ГДР 300 тыс. т зерна. Эксперты СКК также разработали комплекс мероприятий по поэтапному (до конца 1953 г.) снижению дотаций на поддержание розничных цен на продукты питания и полной отмене продуктовых карточек. Продуктовые карточки частных предпринимателей (более 600 тыс человек) рекомендовалось аннулировать немедленно. Предлагалось отменить и дополнительные карточки для примерно 2 млн человек. По карточкам на мясо советская сторона рекомендовала выдавать больше рыбы и яиц, карточки на сахар частично покрывать кондитерскими изделиями, а раздачу масла ограничить. Советские эксперты советовали также ввести лимиты на выделение муки частным пекарням и вообще ограничить ее продажу, а также отменить карточки на текстильные товары при одновременном повышении цен на последние. Предполагалось, что вышеуказанные мероприятия позволят создать государственный резерв в объеме 90 тыс. т мяса, 35 тыс. т жиров, включая 14 тыс. т масла, 80 тыс. т сахара[16].

В феврале 1953 г. правительство ГДР ужесточило меры наказания в отношении крестьян, подозреваемых в саботаже и имеющих задолженности по поставкам своей продукции государству. Все это не могло не отразиться на политических настроениях сельского населения[17]. А после того как в том же месяце было оглашено решение Совета министров ГДР о новых принципах ценовой политики, количество нелегальных беженцев из республики резко возросло. Если в феврале было зарегистрировано 22 289 нелегальных переходов границы, то в марте их число составило уже 30 845[18]. Беглецы опасались, что предстоящее повышение норм выработки приведет к значительному сокращению как номинальной, так и реальной заработной платы. На некоторых предприятиях с декабря 1952 г. начались забастовки[19]. По информации профсоюзов, рабочие все чаще связывали введение системы «аккордной оплаты» с подготовкой к созданию национальных вооруженных сил и развитием оборонного производства. В знак протеста против решений правительства рабочие стали выходить из профсоюзов.

В конце марта 1953 г. руководство СЕПГ было вынуждено пойти на замедление темпов социальных преобразований, поскольку трудности со снабжением все более обостряли политическую ситуацию в стране. Приостановилось наступление на частный сектор, скорректированы мероприятия, проводимые в рамках реформы системы снабжения. Вопреки рекомендациям СКК было решено не повышать цены на сахар и сохранить карточную систему снабжения. Однако уже 9 апреля 1953 г., видимо, под влиянием обстоятельств, правительство ГДР приняло постановление

под названием «Меры по обеспечению снабжения населения важнейшими продуктами питания», в котором с 1 мая того же года исключило предпринимателей, лиц свободных профессий, домовладельцев, а также оптовых и розничных торговцев из системы снабжения продовольствием по карточкам. Кроме того, отменялись карточки на текстильные товары и обувь. А через несколько дней были повышены на 10—15% цены на некоторые виды мясной продукции и на 12—50% — на продукты, содержащие сахар[20].

13 апреля 1953 г., вскоре после смерти Сталина, руководство СЕПГ получило послание советского правительства, в котором — в ответ на неоднократные просьбы немецкой стороны — сообщалось об уменьшении суммы репарационных платежей ГДР, изменении и сокращении состава ее товарных поставок в СССР, а также снижении нагрузки на судостроительную промышленность, производителей оборудования и предприятия промышленности основных материалов.

Несмотря на это, экономическая ситуация в республике оставалась далекой от нормализации. 6 мая 1953 г. Л. П. Берия представил Президиуму ЦК КПСС доклад о положении в Восточной Германии (был рассмотрен 9 мая), в котором предлагал предпринять ряд организационных и политико-воспитательных шагов по укреплению государственного аппарата ГДР. О необходимости снижения нагрузки на экономику республики в докладе ничего не говорилось. Вместе с тем в нем в качестве одной из главных причин бегства населения из страны называлась «активная работа» западногерманских промышленных концернов «по переманиванию инженерно-технических работников». Причем, как писали авторы записки, «ЦК СЕПГ и ответственные государственные органы ГДР не ведут достаточно активной борьбы против деморализующей работы, проводимой западногерманскими властями». Другие причины массовых побегов на Запад увязывались с «нежеланием отдельных групп крестьян вступать в организуемые сельскохозяйственные производственные кооперативы, а также с опасением мелких и средних частных предпринимателей в отношении отмены частной собственности и конфискации принадлежащего им имущества, стремлением части молодежи избежать службы в вооруженных силах ГДР, испытываемыми затруднениями в продовольственном и промтоварном снабжении населения страны...»[21]

Несколько с другой точки зрения ситуация в Восточной Германии рассматривалась в записке, подготовленной МИД СССР 8 мая 1953 г. (обсуждалась на заседании президиума ЦК КПСС 14 мая) для Г. М. Маленкова и Н. С. Хрущева за подписью В. М. Молотова. В ней содержа-

лась резкая критика выступления В. Ульбрихта 5 мая того же года с тезисом о том, что ГДР является государством «диктатуры пролетариата». В записке подчеркивалось, что Ульбрихт не только не согласовал свое выступление с советской стороной, но и поступил вопреки полученным ранее рекомендациям. Дело в том, что со второй половины апреля 1953 г. в МИД СССР было разработано несколько проектов советской политики по германскому вопросу. Красной нитью через них проходила идея создания общегерманского правительства при временном сохранении правительств обоих государств и одновременном выводе из Германии всех вооруженных сил оккупационных держав[22]. Выступление Ульбрихта, конечно, шло вразрез с этими планами.

18 мая 1953 г. Чуйков, политический советник СКК П. Ф. Юдин и его заместитель И. И. Ильичев по заданию Москвы подготовили и направили председателю Совета министров СССР Г. М. Маленкову свой подробный доклад о ситуации в Восточной Германии[23]. В нем они сообщали, что в течение первых четырех месяцев 1953 г. ГДР нелегально покинули 120 109 человек. Главной причиной бегства из страны, по мнению авторов доклада, была политика СЕПГ, направленная на вытеснение «капиталистических элементов» из промышленности, торговли и сельского хозяйства. Отмечалось, что она осуществлялась без необходимой политической и экономической подготовки и не нашла поддержки у широких слоев населения. Также сообщалось о чрезмерно жестоких преследованиях в рамках борьбы с экономическими преступлениями. Критиковалась политика СЕПГ по отношению к церкви.

При этом в докладе вновь не были названы главные причины дестабилизации внутриполитической обстановки в ГДР, лежавшие в сфере экономики. В нем опять говорилось о необходимости неукоснительного выполнения плана на 1953 г. и пятилетку, а также отмены к осени 1953 г. карточной системы. Чуйков предлагал в течение месяца разработать план увеличения производства потребительских товаров, чтобы оживить местную промышленность и ремесленное производство.

В тот же день, 18 мая 1953 г., Берия представил в Москве проект постановления президиума Совета министров СССР под названием «Вопросы ГДР»[24]. В документе предлагалось отказаться от курса на строительство социализма в Восточной Германии, создания сельскохозяйственных кооперативов, борьбы с капиталистическими элементами, а также снизить в целом нагрузку на экономику республики.

Примерно в это же время начинает меняться политика СКК в вопросах снабжения населения ГДР[25]. Советские представители признали не-

целесообразным аннулирование карточек для частных собственников и предложили восстановить их для определенных категорий населения. Опираясь на эти рекомендации, политбюро ЦК СЕПГ 26 мая 1953 г. решило восстановить с 1 июля продуктовые карточки для всех предпринимателей и ремесленников, имеющих договоры с государственными организациями и учреждениями. 28 мая правительство ГДР приняло постановление об увеличении норм выработки строительных рабочих на 10% и изменении системы обеспечения по карточкам. Причем второе решение даже не было обнародовано, так как в германской политике Советского Союза возникли неожиданные изменения.

27 мая германский вопрос обсуждается на заседании президиума Совета министров СССР. Мы не будем подробно останавливаться на описании хода этого заседания, поскольку существует, как минимум, пять разных версий того, как оно проходило, причем все они записаны его непосредственными участниками или с их слов[26]. Главное, что по результатам заседания принимается важное решение о роспуске СКК и введении в Германии по аналогии с западными зонами оккупации поста Верховного комиссара СССР, который занял В. С. Семенов, прибывший в Берлин 5 июня. Также начинается работа над проектом постановления Совмина «О положении в ГДР», завершившаяся принятием 2 июня распоряжения Совета министров СССР № 7576 «О мерах по оздоровлению политической обстановки в ГДР», в котором осуждался курс СЕПГ на ускоренное строительство социализма[27].

31 мая уполномоченный МВД СССР в Германии генерал-майор М. К. Каверзнев представляет Берии аналитическую записку о внутриполитическом положении в ГДР, в которой критикует не только политику правящей партии и правительства Восточной Германии за проведение «недостаточно продуманных мероприятий» в 1951—1953 гг. и отказ или задержку в ряде случаев реализации «правильных рекомендаций» СКК, чем наносился экономике республики «колоссальный ущерб», но и деятельность самой СКК, которая «в ряде экономических мероприятий, которые она рекомендовала правительству ГДР в 1953 г., поступила не совсем правильно»[28].

Советские руководители с каждым днем все больше начинают понимать, насколько опасна сложившаяся в ГДР ситуация. 2 июня 1953 г. в Москву срочно вызывают высокопоставленную делегацию ГДР во главе с Ульбрихтом и Гротеволем[29]. В записи беседы с советским руководством, сделанной Гротеволем 3 июня 1953 г., приводятся следующие высказывания: Г. М. Маленков: «Будем исходить из того, что надо изменить

существующие условия в ГДР»; Л. П. Берия: «Мы все наделали ошибок»; В. М. Молотов: «Ошибок много; поэтому исправлять так, чтобы это увидела вся Германия»; Маленков: «Если мы сейчас не поправим положение, то наступит катастрофа... Нужно действовать быстро»[30].

Несмотря на то что с обеих сторон было понимание необходимости принятия в ГДР срочных мер, пути решения кризиса виделись из Москвы и из Берлина по-разному. Недоумение у немецкой делегации, прежде всего, вызвал тезис о том, что главной целью советской внешней политики является объединение Германии[31]. Восточногерманское руководство считало, что на этой идее уже давно и обоснованно поставлен крест. Также настороженно была воспринята прозвучавшая критика в адрес республиканских руководителей. В дополнение ко всему Москва не предложила никаких радикальных мер по облегчению положения населения ГДР. Вопросы о снижении норм выработки и повышении заработной платы трудящихся остались за рамками переговоров.

Это было не случайно, поскольку в первом проекте распоряжения Совмина, который подписан Семеновым и датирован 31 мая 1953 г., говорилось о необходимости «улучшения положения трудящихся и прежде всего рабочего класса», для чего предлагалось «тщательно исследовать причины большого количества случаев перехода рабочих ГДР в Западную Германию, не исключая рабочих частных предприятий. Принять меры по улучшению положения рабочих, по борьбе с безработицей, особенно рабочих текстильной и бывшей оружейной промышленности, по борьбе с нарушениями правил охраны труда и техники безопасности, а также по борьбе за улучшение социально-бытовых условий рабочих ГДР, особенно в перенаселенных промышленных районах и на балтийском побережье»[32]. Но в окончательном варианте распоряжения, принятом Совмином, эти строчки отсутствуют.

Итоги визита в Москву стали предметом рассмотрения на заседании политбюро ЦК СЕПГ 6 июня. Открывший дискуссию Гротеволь признался, что был ознакомлен с «совершенно другой картиной положения в ГДР, чем мы ее представляли до сих пор». Одновременно он подверг критике некоторые прежние рекомендации СКК, действия народной полиции, ограничения на поездки восточных немцев в ФРГ и преследование посетивших Западную Германию лиц, а также стиль руководства Ульбрихта. В ответ Ульбрихт согласился с тем, что распоряжение Совета министров СССР — «это самая сильная и острая критика нашей работы и моей личной деятельности». «Мы повели дело к ускоренному строительству социализма, — признался он, — но массы за нами не пошли»[33].

На очередном заседании политбюро ЦК СЕПГ 9 июня было принято решение об исправлении допущенных ошибок и о принятии «нового курса» во внутренней политике, основанного на распоряжении Совмина СССР от 2 июня[34]. 11 июня это решение в виде постановления правительства было опубликовано, причем весь партийно-государственный аппарат среднего и низшего звена не был предварительно оповещен о столь резкой смене политического курса и оказался практически парализованным. Недовольство рабочих вызвало то, что, например, частному бизнесу были предоставлены отсрочки по уплате налоговых недоимок, возникших с 1950 г., и другие льготы, а вопрос об отмене повышения норм выработки для трудящихся так и не был решен. Многие восприняли «новый курс» как доказательство слабости позиций правящей партии, капитуляцию перед Западом. Начались забастовки и волнения на отдельных предприятиях в Восточном Берлине, городах Бранденбург, Лейпциг, Галле и других населенных пунктах.

Ряд исследователей, например, ветеран советской внешней разведки генерал-лейтенант П. А. Судоплатов, российский германист А. М. Филитов, американский историк Дж. Гэддис и др., высказывает предположение, что перед лицом возможного германского единства руководство ГДР, опасаясь как минимум потери всех своих постов, могло сознательно пойти на риск дестабилизации ситуации в стране с целью сохранения для себя статус-кво. «Расчет, — предполагает Филитов, — был циничен и прост: спровоцировать массовое недовольство, беспорядки, тогда вмешаются советские войска, и уж, конечно, будет не до либеральных экспериментов»[35].

В докладе «О событиях 17—19 июня 1953 г. в Берлине и ГДР и некоторых выводах из этих событий», подписанном 24 июня 1953 г. начальником Генерального штаба ВС СССР маршалом В. Д. Соколовским, В. С. Семеновым и его заместителем П. А. Юдиным и разосланном членам президиума ЦК КПСС, сообщалось: «14 июня органы госбезопасности ГДР и берлинский горком СЕПГ получили сведения о подготовке забастовки против повышения норм выработки строительных рабочих в Берлине, в частности, на строительстве Сталиналлеи. Однако этим сообщениям они не придали никакого значения и не доложили о них руководству ЦК СЕПГ и СКК... Вечером 15 июня строительные рабочие в Берлине предъявили категорическое требование отменить повышение норм выработки... На это требование рабочих берлинская организация СЕПГ и магистрат Восточного Берлина никак не реагировали»[36].

Довольно скептически оценивал ситуацию в ГДР отдел восточных дел в аппарате верховного комиссара США в Германии. Весной 1953 г. его сотрудники докладывали в Вашингтон: не следует ожидать, что «восточные немцы пожелают или будут в состоянии совершить революцию даже в случае призыва к ней, если такой призыв не будет сопровожден объявлением войны со стороны Запада или твердым обещанием западной военной помощи». Даже в донесении от 2 июня говорится, что «нет оснований считать, что ситуация (в ГДР. — *М. Л.*) достигла масштабов катастрофы или что правительство ГДР не в состоянии предотвратить катастрофу»[37].

И вот наступило 16 июня. В Восточном Берлине началась забастовка строительных рабочих, переросшая в стихийную демонстрацию. Бастующие направились к правительственному кварталу, чтобы вручить петицию премьер-министру ГДР Гротеволю. Однако тот отказался выйти к ним. Что касается Ульбрихта, то в докладе от 24 июня сообщалось: «На заседании политбюро ЦК СЕПГ 16 июня Ульбрихт открыто заявил, что в партии имеется неуверенность в связи с новым курсом, поскольку нет надлежащей аргументации. В беседе с Семеновым перед этим заседанием Ульбрихт сказал, что он прекратил руководство аппаратом ЦК СЕПГ ввиду вмешательства в его функции со стороны Гротеволя... и что аппарат ЦК не знает, что ему теперь делать. Ульбрихт заявил Семенову, что новые методы работы, которых добиваются члены политбюро ЦК, являются неправильными и что он, Ульбрихт, не будет следовать этим методам, а подождет четыре дня, пока товарищи не убедятся в том, что методы работы, применявшиеся Ульбрихтом, лучше обеспечивают интересы партии, чем то, что предлагается теперь. Также и на заседании политбюро ЦК СЕПГ 16 июня Ульбрихт капризничал, заставлял себя уговаривать при принятии отдельных поручений ЦК и вообще вел себя не как руководитель партии». Вывод составителей доклада выглядит следующим образом: «Бурное развитие событий 17—18 июня породило у руководителей ГДР растерянность, приведшую на некоторое время к бездеятельности Политбюро ЦК и правительства ГДР»[38].

Корреспондент газеты «Правда» в Берлине П. А. Наумов, непосредственный свидетель событий 16 и 17 июня, отмечал, что сначала требования демонстрантов касались, в основном, экономических проблем — отмены повышения производственных норм, снижения цен, обеспечения жильем, пенсией и т. д. По его утверждению, 16 июня не было провозглашено ни одного лозунга против Советского Союза[39]. Бросалась в глаза и пассивность властей: «на всем пути шествия колонны не появился ни

один народный полицейский. Даже регулировщики движения сразу же снимались со своих постов при приближении колонны». Американская радиостанция РИАС из Западного Берлина «беспрестанно повторяла объявление, что всеобщая забастовка намечена на 17 июня на 7 часов утра»[40]. Можно предположить, что первая половина дня 16 июня была тем последним рубежом, когда еще можно было предотвратить дальнейшую непредсказуемую эскалацию событий.

Во второй половине дня 16 июня экономические лозунги демонстрантов сменились политическими: «Долой эксплуатацию», «Долой правительство голода», «Долой СЕПГ», «Нам не нужны национальные вооруженные силы», «Мы требуем свободных выборов и единого Берлина», «Долой коммерческую торговлю, цены и нормы». Рабочие требовали также провести перевыборы фабрично-заводских комитетов на всех берлинских предприятиях, отменить ограничения движения между секторами внутри Берлина, а также между ГДР и ФРГ. Участниками демонстрации были разбиты две агитационные машины с радиоустановками, а прибывшая позднее третья захвачена. Избивались члены СЕПГ, пытавшиеся повлиять на демонстрантов. Принятое в эти часы запоздалое решение политбюро ЦК СЕПГ об отмене постановления правительства ГДР от 28 мая о повышении норм выработки практически не повлияло на развитие ситуации. Вышедшие к демонстрантам с объявлением решения политбюро министр тяжелой и горнорудной промышленности Зельбман и статс-секретарь министерства строительства Вольф были освистаны, и им не дали говорить. Вечером демонстранты попытались остановить автомашину Ульбрихта, возвращавшегося с заседания берлинского городского партактива. Камнями были забросаны машины Гротеволя и других руководителей СЕПГ[41].

В целях недопущения роста масштабов волнений руководство ГДР в тот же день приняло решение о введении патрулирования на улицах и об усилении охраны важнейших объектов в городе. Ответственность за поддержание порядка была возложена на министра государственной безопасности ГДР В. Цайссера. В помощь силам полиции, находившимся в Берлине, были вызваны отряды казарменной полиции из Ораниенбурга и Потсдама численностью 1 100 человек. Со своей стороны Группа советских войск по просьбе восточногерманского руководства — Ульбрихта, Гротеволя и Цайссера — выделила 450 человек на автомашинах для патрулирования районов сосредоточения важных государственных объектов. Предварительно с немецкой стороной было оговорено, что «советские войска могут быть привлечены к активному участию в поддержании

порядка лишь в исключительном случае крайней необходимости»[42]. Несмотря на то что в Берлине с инспекцией находился Маршал Советского Союза Л. А. Говоров, руководство советскими войсками в столице ГДР взял на себя главнокомандующий ГСОВГ генерал-полковник А. А. Гречко.

Следует подчеркнуть, что в описываемый период Группа советских оккупационных войск в Германии выполняла свои задачи на основе принципов послевоенного устройства Германии, выработанных на Ялтинской и Потсдамской конференциях союзных держав, а также закрепленных в других совместных документах, подписанных представителями союзников. Так, например, в тексте Декларации о поражении Германии и взятии на себя верховной власти от 5 июня 1945 г. правительства четырех держав-победительниц закрепили за собой право «размещать вооруженные силы и гражданские органы в любой или во всех частях Германии по своему усмотрению» и предпринимать любые меры, «какие они сочтут необходимыми для будущего мира и безопасности». Все германские власти и германский народ должны были «безоговорочно выполнять все требования представителей союзников», причем к последним относились также «лица или органы, должным образом назначенные действовать по их уполномочию». В случае отказа германских властей или народа выполнять свои обязательства, представители союзников были уполномочены предпринимать «любые действия, которые они сочтут целесообразными при этих обстоятельствах»[43].

После передачи в октябре 1949 г. правительству ГДР функций управления, принадлежавших ранее Советской военной администрации в Германии (СВАГ), ответственность за выполнение обязательств, вытекающих из совместно принятых решений четырех держав, перешла к государственным органам ГДР. Но при этом общий контроль за выполнением указанных решений был возложен на Советскую контрольную комиссию — преемницу СВАГ. В соответствии с особым Положением СКК, кроме прочего, была уполномочена обеспечивать выполнение в восточной зоне Германии установленных соглашениями между союзными державами задач оккупации. После прекращения деятельности СКК в конце мая 1953 г. контрольные функции перешли к созданному аппарату Верховного комиссара СССР в Германии.

Кстати, все эти годы формально СССР по-прежнему находился в состоянии войны с правопреемниками бывшей Германии — ФРГ и ГДР, поскольку с ними не был заключен мирный договор. Согласно нормам международного права, капитуляция (в том числе и безоговорочная) не прекращает состояния войны между государствами. Такое положение со-

хранялось до 25 января 1955 г., когда Советский Союз в одностороннем порядке прекратил состояние войны с Германией.

В ночь с 16 на 17 июня положение в Восточном Берлине продолжало оставаться напряженным. Было разгромлено несколько магазинов коммерческой торговли. Из американского сектора Западного Берлина радиостанция РИАС призывала к забастовкам и демонстрациям. Утром 17 июня уполномоченный МВД СССР в Германии полковник И. А. Фадейкин докладывал Берии, что восточногерманская «полиция не справляется с наведением порядка... Министр государственной безопасности Цайссер весь день 16 июня заседал на Политбюро, переложил всю работу по обеспечению государственной безопасности на своего заместителя Мильке. Последний в течение всего дня 16 июня недооценивал всей серьезности создавшегося положения и не обеспечил проведения необходимых мер к выявлению и аресту зачинщиков и активных участников демонстрации, ссылаясь на запрещение со стороны Ульбрихта прибегать к арестам. В течение всего дня и ночи 16 июня органами полиции и МГБ (министерство государственной безопасности ГДР. — *М. Л.*) арестовано 15 чел., главным образом, рядовых участников демонстрации». В связи с этим с 6 часов 30 минут 17 июня радиостанция, почта, телеграф, вокзал, мосты были взяты под охрану советскими войсками[44].

В первой половине дня 17 июня в Берлине бастовало около 30 предприятий общей численностью до 25 000 человек. В это же время на улицах города находились около 50 000 демонстрантов, которые стали закидывать полицейских и советские воинские патрули камнями. Кроме того, поступила информация, что в Западном Берлине объявлен созыв демонстрации солидарности и существует вероятность, что ее участники попытаются проникнуть в Восточный Берлин и принять участие в беспорядках. Были получены данные и о том, что забастовки и демонстрации охватили также и другие города ГДР[45].

В 14 часов Фадейкин докладывал в Москву: демонстранты в Берлине «ворвались и заняли здание ЦК СЕПГ. Одновременно участники демонстрации стали подвергать разгрому здание правительства ГДР на Лейпцигерштрассе, бьют стекла, вырывают двери и пытаются смять полицейскую охрану и занять здание. Часть демонстрантов вооружилась оружием, которое было отобрано у полицейских. Одновременно идет разгром здания национального фронта на площади им. Тельмана. Демонстрантами подожжено здание таможенной службы ГДР на межсекторной границе... Демонстранты ворвались в здание общества германо-советской дружбы и в дом центрального совета профсоюзов. Эти дома захвачены.

Занято также здание центрального правления союза свободной немецкой молодежи на Унтер ден Линден, недалеко от здания советского посольства»[46]. Около 11 часов был сорван и сожжен советский флаг, установленный на Бранденбургских воротах в 1945 г. Члены правительства ГДР в 10 часов 30 минут были вывезены из опасных районов и находились у советского Верховного комиссара В. С. Семенова в Карлсхорсте. В 14 часов они выпустили обращение к немецкому народу с разъяснением своей точки зрения на происходившие события.

После анализа сложившейся обстановки советским руководством было принято решение о более активном привлечении войск Группы к наведению порядка[47]. В 13 часов 17 июня было введено военное положение в советском секторе Берлина и принято решение о передислокации в город к 18 часам дополнительных воинских соединений (двух механизированных и одной танковой дивизий, на вооружении которых находилось всего около 600 танков). Этим соединениям была поставлена задача к 21 часу 17 июня восстановить порядок в столице. Советскими войсками были освобождены и взяты под охрану все основные правительственные и общественные здания в Берлине. Также было объявлено военное положение в городах Магдебург, Лейпциг, Дрезден, Галле, Герлиц и Бранденбург, где демонстранты громили правительственные и общественные учреждения, захватывали тюрьмы, здания полиции и МГБ. Советские войска имели разрешение на открытие огня, но пользовались им крайне осторожно. Оружие, как правило, применялось только для самообороны или защиты важных государственных объектов. При этом стрельба велась в большинстве случаев поверх голов демонстрантов. Глава представительства МИД ФРГ в Западном Берлине Мейнен сообщал вечером 17 июня в Бонн, что советские войска и народная полиция стреляли в основном в воздух[48]. Именно это позволило избежать в ходе волнений больших жертв среди демонстрантов.

Ближе к вечеру в Берлин прибыл начальник Генерального штаба Советской Армии — первый заместитель министра обороны СССР Маршал Советского Союза В.Д. Соколовский (с 1946 по 1949 г. главнокомандующий ГСОВГ), вскоре после чего (в 19 час. 30 мин.) командующим армиями ГСОВГ был направлен боевой приказ, подписанный главнокомандующим Группой и его начальником штаба генерал-полковником А. П. Тарасовым, в котором с целью наведения твердого общественного порядка было предписано по боевой тревоге вывести войска из лагерей и к 3 часам 18 июня занять крупные и важные населенные пункты ГДР, в которых были отмечены или ожидались беспорядки[49].

Как видно из доклада А. А. Гречко министру обороны[50], по состоянию на 23 часа 17 июня в советском секторе Берлина и большинстве городов ГДР порядок в основном был наведен. Сообщалось, что оккупационные войска, дислоцировавшиеся в Западном Берлине, а также подразделения западноберлинской полиции приведены в состояние боевой готовности. Граница с западными секторами Берлина закрыта и контролируется с восточной стороны советскими войсками.

Западные военные коменданты Берлина реагировали на события в ГДР достаточно сдержанно. На своем заседании в 11 часов 17 июня они подтвердили, что их задача состоит прежде всего в поддержании «законности и порядка». При этом было принято решение удерживать берлинцев, «насколько возможно, от того, чтобы вмешиваться в чреватые кровопролитием беспорядки, имеющие место в Восточном Берлине». На межсекторальной границе были выставлены заслоны из военнослужащих западных гарнизонов и западноберлинской полиции, запрещена запланированная профсоюзами и Социал-демократической партией Германии демонстрация солидарности вблизи границы американского сектора. Вызванные на заседание второй бургомистр В. Конрад и начальник полиции Й. Штумм услышали от комендантов напоминание, что «Берлин находится по своему статусу под ответственностью союзников», а также предупреждение о «тяжких последствиях» в случае проявления неуважения к прерогативам оккупационных властей[51].

На повторном заседании во второй половине дня коменданты приняли решение воздержаться от использования военной силы до тех пор, пока волнения не распространятся на западные сектора Берлина. Причем решение о применении войск должно было быть принято на общем совещании западных комендантов, и только в случае чрезвычайного положения в одном из секторов комендант этого сектора мог использовать находившиеся в его распоряжении военные части для наведения порядка исключительно на территории своего сектора оккупации[52]. Радиостанция РИАС, видимо, получив соответствующие указания, вечером стала призывать жителей Берлина подчиняться всем распоряжениям советских властей. 18 июня коменданты приняли решение не вводить в западных секторах режим чрезвычайного положения, поскольку, во-первых, в этом не было необходимости и, во-вторых, могло вызвать панику среди населения Западного Берлина. В телеграмме, направленной в МИД Великобритании в 23 часа 35 минут 18 июня, военный комендант английского сектора Западного Берлина генерал К. Колиман сообщал, что во время событий советские войска и народная полиция ГДР действовали «явно сдержанно, следуя, безусловно, указаниям о применении силы в как можно меньшем объеме»[53].

Указанные оценки, конечно, не предназначались в то время для посторонних глаз. Совсем по-другому ситуация представлена в официальном письме западных комендантов своему советскому коллеге от 18 июня: «Мы заявляем о серьезном беспокойстве в связи с событиями, имевшими место в последние дни. Мы не одобряем того, что Вы опрометчиво ввели в действие военные силы, вследствие чего было убито и тяжело ранено значительное количество берлинцев, включая жителей наших секторов. Мы протестуем против незаконных мер советских властей, которые привели к прекращению сообщения между секторами и нарушению свободы передвижения по Берлину»[54].

Узнав об отправке данного письма, премьер-министр Великобритании У. Черчилль, пытавшийся организовать новую четырехстороннюю встречу в верхах, не сдержал своего раздражения и направил английскому военному коменданту Западного Берлина следующее послание: «Если советское правительство как оккупационная держава столкнулось с масштабными, судя по Вашему описанию, уличными беспорядками, то у него, естественно, есть право объявлять военное положение, чтобы предотвратить анархию, и если оно действовало, по Вашим же словам, с "очевидной сдержанностью и умеренностью", то не было нужды в заявлениях. В целях местной пропаганды мы не должны делать заявления, которые не соответствуют фактам, в поисках выхода из наших многочисленных трудностей»[55].

Со своей стороны, маршал Соколовский, как вспоминал позднее В. С. Семенов, «сразу отдал приказание усилить наблюдение за западными пределами ГДР. Наши военные не отметили каких-либо серьезных передвижений по ту сторону границы. Тогда Соколовский, не запрашивая Москву, приказал посадить самолеты, поднявшиеся у границы, и отодвинуть сгруппировавшиеся бронетанковые войска. Он говорил мне, что нужно избежать провокаций и случайностей, могущих повести к третьей мировой войне»[56].

17 июня министру обороны СССР было направлено донесение, подписанное маршалами Соколовским и Говоровым[57]. В нем они высказывали предположение, что события в ГДР были подготовлены заблаговременно. С их точки зрения, это подтверждалось следующими фактами:

— беспорядки начались практически одновременно во многих крупных городах Восточной Германии;

— демонстрантами применялась одинаковая тактика действий (прекращение работы, стремление захватить одни и те же объекты — райкомы, учреждения госбезопасности, тюрьмы);

— выдвигались одинаковые лозунги.

Кроме того, в донесении отмечалось, что события явились неожиданностью как для правительства ГДР, так и для наших представителей в Германии, но при этом высоко оценивались активные действия восточногерманской полиции (несмотря на ее слабое вооружение). Замедленная реакция наших войск на события оправдывалась тем, что все войска находились в лагерях вдали от крупных городов.

Уже на следующий день, 18 июня, в Москву докладывалось, что положение в Берлине спокойное и потерь среди личного состава ГСОВГ нет. Сообщалось также, что, по предварительным данным, в течение 17 июня в Восточной Германии бастовали примерно 170 000 человек. В Берлине из 350 заводов прекратили работу 162 с общим числом бастовавших около 66 000 человек[58].

Для изучения обстановки на месте по указанию Берии в Берлин в 7 часов утра 18 июня прибыли начальник 3-го управления МВД СССР (военная контрразведка) С. А. Гоглидзе и начальник 1-го главного управления МВД СССР (контрразведка) П. В. Федотов с группой сотрудников.

В докладной на имя Берии от 19 июня Гоглидзе сообщал: «В течение дня 18 июня отношения между советскими солдатами и населением Берлина заметно улучшилось. Наши солдаты за все время событий вели себя дисциплинированно. Уже вчера можно было наблюдать на улицах Берлина мирные беседы советских военнослужащих с населением». По его информации, забастовки на ряде промышленных предприятий ГДР (в связи с решением восточногерманского правительства о повышении норм выработки на 10%) начались в последних числах мая. 12 июня среди строительных рабочих, занятых на восстановлении Сталиналлее в Берлине, пошли разговоры о том, что они не признают новые нормы и при необходимости объявят забастовку. Об этих настроениях стало известно Центральному правлению Свободных немецких профсоюзов и ЦК СЕПГ 15 июня, однако своевременных предупредительных мер принято не было[59].

По данным командования ГСОВГ на 20 июня, за время событий было арестовано 8029 человек, убито из числа участников беспорядков 33 и ранено 132 человека. Приговорено к расстрелу по приговору военно-полевого суда 6 активных провокаторов. Среди сторонников демократической власти убито 17 и ранено 166 человек[60]. По информации представителей МВД СССР в Берлине на 12 часов 29 июня, всего за время событий было задержано 9 344 участника антиправительственных выступлений, из них в процессе фильтрации освобождено 5 122 человека, оформлен арест на 2 196 человек, закончены следствием и переданы в судебные органы дела на 1 063 человека, осуждены судебными органами ГДР 294 человека, из них 259 — на разные сроки наказания и 35 оправданы[61].

В связи с этим интересна выдержка из донесения А. А. Гречко в Москву от 10 июля: «Некоторая часть работников народной полиции выражает недовольство тем, что целый ряд, по их мнению, вражеских элементов освобождается из-под ареста, а также и тем, что полиция задерживает преступников, а прокуратура не дает санкций на их арест»[62].

Дело, возможно, объяснялось указаниями верховной прокуратуры и министерства юстиции ГДР следственным и судебным органам округов «обратить серьезное внимание на тщательное установление виновности привлеченных к ответственности лиц, обеспечив наказание действительных зачинщиков и подстрекателей беспорядков и, прежде всего, из Западного Берлина, и вместе с тем, исключить возможность массовых репрессий против рядовых участников беспорядков»[63].

Вечером 19 июня командование Группы войск сообщило в Москву, что забастовки продолжаются, хотя уличные беспорядки по всей территории ГДР прекратились, что позволило в тот же день разрешить гражданам Восточного Берлина, оказавшимся во время событий в западных секторах Берлина, возвратиться домой.

Соответствующая статистика на основе доклада Гречко Булганину от 1 июля 1953 г., выглядит следующим образом: за период с 19 по 29 июня возвратилось из западных секторов 22 758 граждан ГДР, оказавшихся там после 17 июня, и 1 511 человек из ушедших до известных событий[64]. Для жителей ГДР, продолжавших оставаться на территории Западного Берлина, во французском и английском секторах были созданы специальные лагеря с бесплатным питанием и пособием в 20 западных марок в неделю. Среди них велась активная агитация за невозвращение в Восточную Германию. Изъявившие желание остаться отправлялись самолетами в ФРГ.

24 июня Гоглидзе информировал Берию, что участились случаи обращения в советские комендатуры и правительственные органы ГДР делегаций и отдельных общественных, научных и религиозных деятелей с просьбой прекратить аресты и быстрее освободить задержанных случайно. В докладе это было проиллюстрировано следующим фактом: 23 июня в комендатуру г. Потсдама явился представитель главы евангелической церкви в Германии и сделал следующее заявление: «Последние 10 дней я ездил по городам ГДР и наблюдал происходившие события и настроения народа. Народ выражает благодарность советским оккупационным войскам за наведение порядка. В результате этого ничего плохого не произошло. Поэтому сейчас можно жить и работать спокойно. Я хочу, чтобы и впредь Советская Армия также обеспечивала спокойную жизнь, но не

допускала ненужных арестов, кроме криминальных случаев... Вина за все события лежит не на советских войсках, а на немецкой политической власти. Авторитет Советской власти не может быть запачкан той виной, которая лежит на немецкой политической власти»[65].

Следует отметить, что диверсионно-пропагандистская деятельность, осуществляемая в период рассматриваемых событий с территории западных оккупационных зон, не прекратилась и после наведения порядка в Восточном Берлине. В отчетах представителей министерств обороны и внутренних дел, направленных из Берлина в Москву летом и осенью 1953 г., а также в протоколах допросов задержанных лиц можно найти десятки фактов, подтверждающих это. Несколько мощных радиостанций из Западной Германии вели антисоветскую пропаганду на русском языке, призывая военнослужащих к бунту и переходу в ФРГ. В этих передачах участвовали и изменники родины из числа бывших советских граждан. В Магдебурге в начале августа по подозрению в шпионаже было арестовано 18 человек, у которых было изъято 6 радиостанций. В городе Шенебек под Магдебургом на строительной верфи были обнаружены подложенные заряды взрывчатых веществ[66].

Вместе с тем на заседании СНБ США 18 июня директор ЦРУ А. Даллес заявил, что Соединенные Штаты «никоим образом не причастны к возникновению волнений»[67]. Советник президента Джексон сформулировал «наитруднейший вопрос» для собравшихся на указанном заседании следующим образом: «как далеко готовы мы зайти, если все там начнет по-настоящему трещать?» В ответ на предложение поддержать восставших оружием Эйзенхауэр заметил: «Если результатом таких поставок будет только большее кровопролитие, то нет. Если, напротив, будет реальный шанс на успех, можно было бы попытаться. Проблема в том, чтобы подсчитать шансы». В итоге собравшиеся пришли к общему мнению, что восстание «поставило перед американским правительством крайне сложные проблемы»[68].

Срочно проведя по поручению президента США анализ событий в ГДР, управление психологической стратегии подготовило к 24 июня 1953 г. меморандум «Политика и акции Соединенных Штатов по использованию волнений в государствах-сателлитах». В нем были названы цели США, которые сводились к следующему: «усилить сопротивление коммунистическому гнету», «подорвать авторитет марионеточных режимов» и «использовать волнения в Восточной Европе в качестве очевидного доказательства начала краха советской империи». Эти цели предлагалось

достичь в два этапа. В течение двух ближайших месяцев следовало выдвинуть новые инициативы по германскому вопросу, «стимулировать подрывные акции и настроения», «по мере возможности создать надежные ячейки движения сопротивления, способные быстро распространить свое влияние». Кроме того, предлагалось организовать проведение «черной радиопропаганды» с призывами ухода на Запад и «ликвидации важнейших фигур из среды марионеточных политиков». После этого предполагалось перейти к «организации, обучению и вооружению подпольных организаций, способных к осуществлению, по получении соответствующего приказа, отдельных акций, либо к ведению длительной широкомасштабной партизанской войны». Второй этап должен был поддерживаться «широкой и систематической пропагандистской кампанией с помощью воздушных шаров», а также созданием «новых форм подрывных организаций»[69].

26 июня 1953 г. президент США одобрил с небольшими поправками программу действий в отношении стран Восточной Европы, разработанную Советом национальной безопасности. В окончательном виде документ получил название «Временный план психологической стратегии США по использованию волнений в европейских сателлитах» и шифр PSB D-45. На его основе 29 июня была издана директива СНБ США NSC 158 «Цели и акции Соединенных Штатов по использованию волнений в государствах-сателлитах»[70]. Директива среди прочего предусматривала завершение создания «Добровольческого корпуса свободы» из бывших граждан восточноевропейских государств, готовых в случае повторения беспорядков в какой-либо из стран советского блока принять в них самое активное участие.

1 июля управление психологической стратегии в одном из своих документов предположило, что события в ГДР являются первым звонком, за которым последуют аналогичные волнения в Чехословакии, Румынии, Венгрии и Албании. В этом же документе выражалась надежда на то, что уступки, сделанные восточногерманскими властями, окажут стимулирующее влияние на развитие оппозиционных настроений в других восточноевропейских странах. Восстание в ГДР, писали авторы документа, создало «наилучший шанс для реализации политики отбрасывания» коммунизма. Несколько иной точки зрения придерживались сотрудники аппарата верховного комиссара США в Германии. В своем рабочем документе от 25 июня 1953 г. они выступали не за интенсификацию психологической войны, а за достижение «честного и оправданного компромисса с Советами, преследующего цель постепенного освобождения угнетенных народов путем эволюционного, а не революционного процесса»[71].

В это время в Восточной Германии, по мере нормализации обстановки в целом, советские оккупационные власти отменяли военное положение на ее территории. В большинстве населенных пунктов ГДР оно было снято с 24 часов 25 июня. В остальных городах, включая Берлин, Магдебург, Лейпциг, — с 24 часов 11 июля (комендантский час в Восточном Берлине был отменен 2 июля). Решением правительства ГДР с 24 часов 8 июля были сняты ограничения транспортного сообщения между западными и восточным секторами Берлина, а с 4 часов утра 9 июля восстановлено движение электропоездов между секторами. 11 июля из Берлина в пункты постоянной дислокации были выведены советские военные части, находившиеся в городе в связи с событиями 17 июня[72].

Давая оценку действиям советских войск в ходе кризиса, верховный комиссар Соединенных Штатов в Германии Дж. Б. Конэнт в докладе Государственному департаменту США от 25 сентября 1953 г. писал: «Советская Армия продемонстрировала способность к быстрой мобилизации и подавлению волнений по первому приказу... Советские войска продемонстрировали чрезвычайно высокую дисциплину, самообладание и выдержку, что явилось неожиданностью для всех, но в первую очередь для восточных немцев... Советский Союз не будет испытывать колебаний, прибегать ли к помощи вооруженных сил в случае необходимости, в частности, для защиты своей сферы влияния в Восточном Берлине и ГДР. Это говорит о том, что 17 июня Советский Союз, не задумываясь, соответствующим образом ответил бы на любое вторжение западных вооруженных сил из Западного Берлина. В будущем в подобных ситуациях он также будет действовать таким же образом»[73].

Похожие оценки можно найти и в свидетельствах официальных представителей других государств. «Если бы русские не вмешались со всей решительностью, — докладывал в Лондон военный комендант английского сектора Западного Берлина в телеграмме от 19 июня 1953 г., — для меня нет никаких сомнений в том, что ГДР была бы уже повержена»[74]. «В Берлине, — добавляет он же через несколько дней, — русские войска действовали сдержанно, и их настроение в целом как в Берлине, так и во всей зоне было скорее приветливым и добродушным. Хотя, к примеру, в Берлине по нашим меркам была сосредоточена чрезвычайно большая мощь, не возникло впечатление, что их действия выходят за рамки исключительно оборонительных внутренних мероприятий по обеспечению безопасности»[75].

Анализируя сложившуюся к 17 июня и в последующие месяцы 1953 г. обстановку в ГДР на основе международно-правовых актов, документов и материалов российских и зарубежных архивов, воспоминаний очевидцев, можно сделать вывод, что применение советских (на тот момент все еще оккупационных) войск для наведения общественного порядка на территории Восточной Германии было правомочным и вызывалось реальной необходимостью. При этом действия войск были адекватными, соответствовали обстановке и помогли избежать гражданской войны в ГДР с непредсказуемыми последствиями и жертвами, а также с перспективой ее распространения на территорию Западной Германии и вероятностью вовлечения в нее четырех оккупационных держав и их союзников.

В долгосрочной перспективе события в ГДР заставили великие державы внести серьезные коррективы в свою политику как в отношении Германии, так и всей Восточной Европы.

Уже 26 июня 1953 г. Совет министров СССР принял решение о дополнительных поставках в ГДР в июле—августе 10,5 тыс. т сливочного масла, 8,5 тыс. т животных жиров и 11 тыс. т растительного масла. В октябре—ноябре предусматривалось поставить 20 тыс. т мяса и 1500 т сыра, а в конце года — 7 тыс. т хлопка. Всего в 1953 г. Советский Союз поставил в ГДР почти 1 млн т зерна[76]. Продовольствием и товарами народного потребления помогли восточным немцам и другие страны — союзницы СССР.

В августе 1953 г. состоялся первый официальный визит в Москву государственной делегации ГДР во главе с премьер-министром. По итогам переговоров советская сторона объявила, что с января 1954 г. она прекращает взимать с ГДР репарации[77], безвозмездно передает республике 33 советских акционерных общества с известными торговыми марками и налаженными экспортными связями, шесть научно-технических и одно конструкторское бюро[78]. Предприятие по добыче урана «Висмут» преобразовывается в советско-германское акционерное общество. Размеры расходов, связанных с пребыванием на территории Германии советских войск, ограничиваются 5% годового бюджета ГДР, что уже в 1954 г. позволило республике сэкономить по сравнению с 1953 г. 360 млн марок. В октябре 1953 г. дипломатические миссии СССР и ГДР были преобразованы в посольства. 26 июня того же года объявляется амнистия для немецких военнопленных и других граждан Германии, осужденных и отбывающих наказание в Советском Союзе, кроме лиц, совершивших особо тяжкие преступления. В результате этой инициативы 6 994 человека были переданы властям ГДР[79].

После неудачного завершения четырехсторонней конференции министров иностранных дел, состоявшейся в январе—феврале 1954 г. в Берлине, 25 марта того же года СССР предоставил Восточной Германии полный суверенитет, в том числе и во внешней политике, включая «отношения с Западной Германией». Согласно директиве Генерального штаба ВС СССР от 26 марта 1954 г., ГСОВГ была преобразована в Группу советских войск в Германии (ГСВГ). В августе 1954 г. утратили силу все приказы и распоряжения, изданные СВАГ. А после подписания в октябре 1954 г. документов о вступлении ФРГ в НАТО советские руководители окончательно отказались от идеи создания единой, независимой, нейтральной Германии и сосредоточились на оказании всемерной поддержки ГДР и ее правящей партии — СЕПГ. 14 мая 1955 г. ГДР стала полноправным членом Организации Варшавского Договора и приступила к созданию национальной армии — ННА.

Свои выводы из событий в Восточной Германии сделали и на Западе. Так, например, американский верховный комиссар в Германии Конэнт в августе 1953 г. в одной из своих телеграмм в Вашингтон сформулировал известный наиболее оптимальный на тот период, с его точки зрения, курс американской политики на перспективу в отношении ГДР и Восточной Европы: «держать котел на медленном огне, у точки кипения, но, не переходя за нее»[80].

Несколько иной позиции придерживалось большинство американских послов в восточноевропейских странах, которые на конференции в Люксембурге в сентябре 1953 г. пришли к следующему мнению: «Мы ни в коем случае не должны рассчитывать на то, что Восточная Европа может быть освобождена применением методов политической войны, сколь бы тщательно ни планировались и сколь бы энергично не проводились соответствующие операции». Планы психологической войны, указывалось в итоговом меморандуме конференции от 1 октября, «никогда не должны опережать процесс выработки и формулирования четких политических целей, иначе возникнет опасная ситуация, при которой соображения психологической войны будут определять политику, вместо того, чтобы обслуживать ее». В качестве примера послы привели ГДР: долгосрочная цель американской политики состоит в том, чтобы добиться ухода советских войск из Восточной Европы, в то время как «призывы к сопротивлению и подстрекательства к беспорядкам в духе метафоры о “кипящем котле” могут в долгосрочном плане, напротив, лишь задержать вывод советских войск»[81].

30 сентября 1953 г. Государственный департамент разослал всем зарубежным представительствам циркулярное письмо, в котором, наряду с фразой о наличии благоприятных возможностей для поддержания «психологической атмосферы сопротивления», имелись следующие указания: «мы не намерены идти на риск преждевременного открытого массового восстания и нести ответственность за его последствия»; американские должностные лица «не уполномочены призывать восточных немцев к стачкам и массовым выступлениям», пропаганда не должна преследовать цели «повторения событий 17 июня». В указанном документе были четко определены приоритеты американской внешней политики по германскому вопросу: «любые попытки отбросить советскую систему в ГДР должны постоянно соизмеряться с тем воздействием, которое таковые могут оказать на наши усилия по интеграции Федеративной Республики (Германии. — *М. Л.*) в западное сообщество». Та же мысль содержится и в одном из рабочих документов Госдепартамента, относящемся к осени 1953 г.: «В случае конфликта между нашей политикой ослабления советской власти в советской оккупационной зоне и нашей политикой интеграции Федеративной Республики в западное сообщество, приоритет принадлежит последней». А восточные немцы «должны примириться с перспективой долгой-долгой борьбы»[82].

Что касается англичан и французов, то их представители в Германии в конце лета — начале осени 1953 г., несмотря на официальную поддержку стратегической линии США, неоднократно и настойчиво высказывались об опасности проводимой американцами активной политической войны против Восточной Германии и советских оккупационных властей. Лондон и Париж, в частности, заблокировали невыгодный с точки зрения их колониальной политики американский проект обсуждения в ООН вопроса о нарушениях прав человека в ГДР[83].

Рассмотрев предысторию и ход событий в ГДР летом 1953 г., можно с уверенностью утверждать, что первый политический кризис в странах Восточной Европы в постсталинскую эпоху был вызван целым рядом причин, на первое место среди которых, безусловно, следует поставить тяжелое экономическое положение молодой республики, усугубившееся во второй половине 1952 г. после принятия ее руководством преждевременных, как потом показала практика, и не учитывавших национальных особенностей планов ускоренного перехода к строительству социализма на немецкой земле. Развернувшаяся борьба с частным сектором, игравшим далеко не последнюю роль в экономике республики, нерегулируемый стремительный рост сельских кооперативов с почти повсеместным

нарушением принципа добровольности, осуществление мероприятий в рамках программы «режима экономии» еще больше обострили политическую обстановку в стране.

В течение всех первых лет своего существования ГДР хронически не выполняла годовые планы развития экономики страны. Советские контрольные органы объясняли это плохой организацией труда, нехваткой рабочей силы, низким уровнем механизации, слабой трудовой дисциплиной, несвоевременным вводом новых и плохим освоением уже имеющихся мощностей, отсутствием технической документации. Для ГДР того периода были характерны непосильные объемы капитального строительства, недостаточные темпы роста легкой и пищевой промышленности. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов и последствия Второй мировой войны — послевоенную разруху, демонтаж промышленных предприятий, репарации, большие расходы на содержание оккупационных войск. И все это — на фоне непризнания ГДР ведущими западными державами и ФРГ, ее экономической изоляцией в условиях все усиливавшейся психологической войны. Свою лепту внесла и открытость границы с Западным Берлином.

Стремясь избежать социального взрыва, в начале лета 1953 г. власти Восточной Германии были вынуждены объявить об изменениях в политическом и экономическом курсе страны. Но желаемый результат достигнут не был. Мало того, что одна часть населения восприняла «новый курс» лишь как временную уступку, уловку партийно-правительственного аппарата, а другая часть, включая церковь, как поражение или, как минимум, ослабление позиций правящей партии; изменения во внутренней политике не решили основной социальной проблемы — не были отменены вводившиеся в стране в административном порядке с апреля 1953 г. повышенные нормы выработки, применение которых автоматически привело к снижению заработной платы и, как следствие, к всплеску протестных настроений трудящихся, вылившихся в середине июня 1953 г. в открытые массовые волнения населения на большей части территории ГДР. Как вспоминал позднее Верховный комиссар СССР в ГДР В. С. Семенов, «власти на какое-то время разомкнулись с рабочим классом. И он, а не фашисты (хотя действовали рядом и они), вдруг встал во всю свою исполинскую силу и показал нам, что шутить с собой он не позволит»[84].

Вмешательство советских войск, вызванное слабостью народной полиции, масштабами волнений и имевшимися у Советского Союза международными обязательствами по сохранению порядка в своей оккупационной зоне, выразилось, главным образом, лишь в демонстрации воен-

ной силы, что помогло избежать большого количества жертв среди демонстрантов и бастующих. Западные оккупационные державы де-факто признали легитимность действий советских оккупационных властей и отказались от прямого вмешательства в события. Что, тем не менее, не помешало им использовать момент и резко усилить психологическую войну против ГДР. По итогам событий как на Востоке, так и на Западе были сделаны серьезные выводы, приведшие к корректировке политики великих держав в германском вопросе, а также в отношении стран Восточной Европы.

Сильный удар был нанесен по планам создания единой Германии: с одной стороны, используя благоприятную ситуацию, был ускорен процесс интеграции ФРГ в западное сообщество, с другой — укреплен режим СЕПГ во главе с В. Ульбрихтом, который вскоре после событий 1953 г. одержал победу над внутрипартийной оппозицией, консолидировавшейся вокруг руководителя госбезопасности В. Цайссера и главного редактора центральной партийной газеты «Нойес Дойчланд» Р. Херрнштадта. Раскол Германии, ясно проявившийся еще в ходе Берлинского кризиса 1948 г., продолжал углубляться.

Примечания

[1] *Шерстяной Э.* Вызревание политического кризиса в ГДР в 1953 году. По материалам высших партийных и государственных органов ГДР и Советской Контрольной Комиссии в Германии // Новая и новейшая история. 2006. № 2. С. 36; *Scherstjanoi E.* Der Weg in die Kriese // Das Jahr 1952: Europa am Scheideweg. Vergebliche Suche nach Alternativen in Ost und West. Jena, 2002. S. 265—283.

[2] *Шерстяной Э.* Указ. соч. С. 36—37, 39.

[3] *Giese D.* Die SED und ihre Armee: die NVA zwischen Politisierung und Professionalismus 1956—1965. München, 2002. S. 36.

[4] *Dietrich T., Wenzke R.* Getarnte Armee. Die Geschichte der Kasernierten Volkspolizei der DDR 1952—1965. Berlin, 2001. S. 307.

[5] Ibid. S. 292.

[6] *Шерстяной Э.* Указ. соч. С. 38.

[7] Там же. С. 39—40.

[8] *Остерманн К.* США и события 17 июня 1953 года в ГДР // Вопросы истории. 1999. № 11—12. С. 50; PSB D-21,9/10/52 // Foreign Relations of the United States. 1952—1954. Vol. VII. Pt. I. P. 370—380.

[9] Д. Эйзенхауэр стал 34 президентом США в январе 1953 г. До избрания, в 1950—1952 гг., он был первым Главнокомандующим Объединенными вооруженными силами НАТО.

[10] Цит. по: *Остерманн К.* Указ соч. С. 51.

[11] Вторая конференция Социалистической единой партии Германии. 9—12 июля 1952 года. Берлин, 1952. С. 43.

[12] *Bartel H.* Versorgungskriese // Brüche, Krisen, Wendepunkte. Neubefragung von DDR — Ges. Leipzig etc., 1990. S. 110—117.

[13] *Шерстяной Э.* Указ. соч. С. 44—45.

[14] Wilhelm Pieck — Aufzeichnungen zur Leutschlandpolitik 1945—1953. Berlin, 1994. S. 414—416.

[15] Ibidem.

[16] *Шерстяной Э.* Указ. соч. С. 46—47.

[17] Там же. С. 47.

[18] Там же. С. 49.

[19] *Roesler J.* Der 17. Juni 1953. Aufstand gegen die Norm? Berlin, 2003. S. 29—31; Документы Центрального архива ФСБ России о событиях 17 июня 1953 г. в ГДР // Новая и новейшая история. 2004. № 1. С. 79.

[20] *Шерстяной Э.* Указ. соч. С. 50—52.

[21] Цит. по: *Филитов А. М.* СССР и ГДР: год 1953-й // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 124—125; Германия, июнь 1953 года: уроки прошлого для будущего. Материалы «круглого стола», состоявшегося в Институте Европы РАН 27 марта 2003 г. М., 2003. С. 18 (Выступление С. А. Кондрашова); см. также: *Шерстяной Э.* Указ. соч. С. 52.

[22] *Филитов А. М.* Указ. соч. С. 125; The Post-Stalin Succession Struggle and the 17 June 1953 Uprising in East Germany: the Hidden history. Declassified documents from U.S.? Russian and other European Archives. Washington, 1996. Doc. 6 (Меморандум «О дальнейших мероприятиях советского правительства по германскому вопросу» от 28 апреля 1953 г.).

[23] Uprising in East Germany 1953. The Cold War, the German Question and the First Major Upheaval behind the Iron Curtain. Budapest; New York, 2001. P. 100—109; *Ostermann Ch. F.* «This is not a Politburo, but a Madhouse». The Post-Stalin Succession Struggle, Soviet Deutschlandpolitik and the SED: New Evidence from Russian, German and Hungarian Archives. Documentation // Cold War International History Project. Bulletin 10. Washington DC, March 1998. P. 74—78.

[24] *Пихоя Р.* Медленно тающий лед (1953—1958 гг.) // Международный исторический журнал. 2000. № 7.

[25] *Шерстяной Э.* Указ. соч. С. 54—55.

[26] См., например: *Филитов А. М.* Указ. соч. С. 126.

[27] Там же. С. 127. На нем. яз. текст постановления опубликован: *Stöckigt R.* Ein dokument von grosser historischer bedeutung vom mai 1953 // Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung. 1990. H. 5. S. 651—654.

[28] Текст записки см.: Документы Центрального архива ФСБ России о событиях... С. 75—82. На документе имеется резолюция Л. П. Берии о направлении копии записки в Президиум ЦК КПСС.

[29] О визите в Москву и переговорах подробнее см.: *Otto W.* Die SED im Juni 1953. Interne dokumente. Berlin, 2003.

[30] Ксерокопия собственноручных записей О. Гротеволя, сделанных по ходу беседы, опубликована: The Post-Stalin Succession Struggle... Doc. 11.

[31] Черновик речи Г. М. Маленкова перед делегацией СЕПГ 2 июня 1953 г. опубликован на нем. яз.: Die Kirchen im Umfeld des 17.Juni 1953. Stuttgart, 2003. S. 49—51.

[32] Цит. по: *Филитов А. М.* Указ. соч. С. 129.

[33] Цит. по: *Платошкин Н. Н.* Жаркое лето 1953 года в Германии. М., 2004. С. 266—267.

[34] Коммюнике по итогам заседания Политбюро ЦК СЕПГ см.: The Post-Stalin Succession Struggle... Doc. 12.

[35] *Филитов А. М.* Указ. соч. С. 129—130; *Судоплатов П. А.* Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930—1950-е годы. М., 1997. С. 564.

[36] Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 06. Оп. 12а. П. 51. Д. 301. Л. 5.

[37] Цит. по: *Остерманн К.* Указ. соч. С. 52.

[38] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 12а. П. 51. Д. 301. Л. 34—35.

[39] Об этом же сообщал в донесении в Москву в ночь с 16 на 17 июня 1953 г. уполномоченный МВД СССР в Германии полковник Й. А. Фадейкин (См.: Документы Центрального архива ФСБ о событиях... С. 87).

[40] Цит. по: *Филитов А. М.* Указ. соч. С. 13. По оценке первого американского комиссара в Германии Дж. Макклоя, РИАС в те годы являлась «духовным и психологическим центром сопротивления в закрытом для нас [США] регионе коммунистических режимов» (Цит. по: *Hagen M.* DDR, Jini's 1953. Die erste Volkserhebung im Stalinismus. Stuttgart, 1992. S. 30).

[41] Документы Центрального архива ФСБ России о событиях... С. 83—87.

[42] The Post-Stalin Succession Struggle... Doc. 14. P. 3.

[43] За антифашистскую демократическую Германию. Сборник документов. 1945—1949. М., 1969. С. 64—65.

[44] Документы Центрального архива ФСБ России о событиях... С. 88.

[45] Там же. С. 89; Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее — ЦАМО РФ). Ф. 16. Оп. 3139. Д. 155. Л. 6—7.

[46] Документы Центрального архива ФСБ России о событиях... С. 89.

[47] ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 3139. Д. 155. Л. 8—9.

[48] *Платошкин Н. Н.* Указ. соч. С. 309.

[49] ЦАМО РФ. Ф. 48. Оп. 2286. Д. 2. Л. 9—10.

[50] The Post-Stalin Succession Struggle... Doc. 15.

[51] *Остерманн К.* Указ. соч. С. 53.

[52] Uprising in East Germany... P. 198—199.

[53] Текст телеграммы военного коменданта английского сектора Западного Берлина в МИД Великобритании от 18 июня 1953 г. в переводе на нем.яз. см.: *Beier G.* «Wir wollen freie Menschen sein». Der 17.Juni 1953: Bauleute gingen voran. Köln, 1993. S. 127.

[54] АВП РФ. Ф. 082. Оп. 14а. П. 280. Д. 93. Л. 32.

[55] Цит. по: *Ostermann Ch. F.* The United States, the East German Uprising of 1953 and the limits of Rollback. Washington, 1994. P. 21.

[56] *Семенова Е. В.* Интервью с В. С. Семеновым (http://www.grad-kirsanov.ru/persons.php?id=vsemenov#.)

[57] ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 3139. Д. 155. Л. 4—5.

[58] Там же. Л. 21.

[59] Документы Центрального архива ФСБ России о событиях... С. 97.

[60] The Post-Stalin Succession Struggle... Doc. 20.

[61] Документы Центрального архива ФСБ России о событиях... С. 124.

[62] ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 3139. Д. 155. Л. 140.

[63] Там же. Ф. 48. Оп. 2286. Д. 2. Л. 9—10.

[64] Там же. Ф. 16. Оп. 3139. Д. 155. Л. 103.

[65] Документы Центрального архива ФСБ России о событиях... С. 111.

[66] ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 3139. Д. 155. Л. 25, 28—29, Ф. 48. Оп. 2286. Д. 1. Л. 132, Д. 2. Л. 101—102.

[67] Это утверждение спорное, хотя, по некоторым сведениям, глава аппарата ЦРУ в Германии генерал Л. Траскотт вместе с заместителем 16 июня находился в Нюрнберге в связи с напряженным положением на границе ФРГ с Чехословакией. См.: *Bailey G., Kondraschow S. A., Murphy D.* Die unsichtbare Front. Der Krieg der Geheimdienste im geteilten Berlin. Berlin, 1997. S. 218.

[68] The Post-Stalin Succession Struggle... P. 8—9.Doc. 16.

[69] Цит. по: *Остерманн К.* Указ. соч. С. 55.

[70] Там же.

[71] Там же. С. 56, 63.

[72] ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 3139. Д. 155. Л. 71, 133, 144.

[73] Германия, июнь 1953 года: уроки прошлого для будущего. Материалы «круглого стола»... С. 44 (Выступление В. А. Гаврилова).

[74] Текст телеграммы военного коменданта английского сектора Западного Берлина в МИД Великобритании от 19 июня 1953 г. в переводе на нем. яз. см.: *Beier G.* «Wir wollen...». S. 129—130.

[75] Ibid. S. 159—160. См.: текст телеграммы от 22 июня.

[76] *Новик Ф. И.* «Оттепель» и инерция «холодной войны» (Германская политика СССР в 1953—1955 гг.). М., 2001. С. 79; *Платошкин Н. Н.* Указ. соч. С. 355.

[77] Цена вопроса составляла 2537 млн долларов США.

[78] Перечисленные объекты производили 12% промышленной продукции ГДР.

[79] *Платошкин Н. Н.* Указ. соч. С. 371. Интересно, что большая часть мероприятий, осуществленных советским руководством после 17 июня в отношении ГДР, была еще в апреле 1953 г. разработана сотрудниками МИД СССР с целью создания благоприятных условий в связи с планами объединения Германии. Подробнее см.: The Post-Stalin Succession Struggle... Doc. 6.

[80] Цит. по: *Остерманн К.* Указ. соч. С. 63.

[81] Там же.

[82] Там же. С. 64—65.

[83] Там же. С. 62.

[84] *Семенова Е. В.* Указ. соч.

Т. В. Волокитина
(Институт славяноведения РАН)

Борьба за политическое лидерство в СССР и Болгарии. 1953—1956 годы. (Исторические параллели)

Проблема политического лидерства занимает одно из ключевых мест в современной политологии, отражая объективную потребность людей в упорядочивании и согласовании разнородных социальных интересов и меняясь вместе с развитием общества. Хотя как социальный институт лидерство существует издавна, четкого определения, кого считать политическим лидером, нет. Синонимический понятийный ряд отличается значительным диапазоном: «руководитель», «вождь», «правитель», «глава», «управляющий» — это далеко не полный перечень. При характеристике политического лидера оценивается его способность возглавить и мобилизовать массы, направлять их действия, обладая для этого необходимыми средствами и владея приемами для осуществления намеченной цели. Однако нельзя не заметить, что и эти «показатели» с трудом поддаются объективной оценке. Историку, обратившемуся к феномену политического лидерства, привычнее рассматривать его через призму взаимосвязи лидера (естественно, учитывая характеристики самой личности) и его окружения в контексте конкретной ситуации, в которой лидерство осуществляется. В общем плане отправной точкой при анализе феномена политического лидерства является констатация достижения некоего *взаимодействия*, при котором лидер в той или иной степени выражает интересы своих последователей (отсюда масштабы его влияния), а те добровольно передают ему часть своих властных полномочий для осуществления лидером целенаправленного представительства и реализации общих интересов.

Особое значение проблема лидерства приобретает в переходные периоды истории, когда политический лидер призван, помимо прочего, стать фактором стабильности режима.

В послевоенной истории СССР и стран «социалистического лагеря» один из таких периодов, безусловно, связан со смертью в марте 1953 г. советского харизматического лидера И. В. Сталина. С его кончиной завершилась целая эпоха, тяготы которой к началу 1950-х годов, как свидетельствует многообразная литература, ощущались не только партий-

но-государственным руководством Советского Союза, но и частью национальных коммунистов стран восточного блока.

Ко времени смерти Сталина советская политическая и экономическая система, утвердившаяся в 30-е годы XX в., фактически исчерпала возможности своего развития, что выразилось в возникновении серьезных экономических трудностей и социально-политической напряженности в обществе. На повестку дня неумолимо выдвигались задачи уточнения экономической стратегии, определения масштабов и характера общественных преобразований, прекращения репрессий, пересмотра внешнеполитических приоритетов. В недемократической системе, где главная роль принадлежала группировкам, сложившимся на основе личной преданности, споры и дискуссии, которых можно было ожидать при рассмотрении экономических и социально-политических перспектив, решающим образом зависели от развития и исхода борьбы за власть. Хотя единоличной власти бывшего советского лидера была противопоставлена альтернатива «коллективного руководства», в действительности сталинское окружение оказалось перед необходимостью установить при дележе властного «пирога» определенный баланс между превосходством одного из «соратников» и принципом коллегиальности[1].

Исследователи единодушно признают, что начало борьбы с культом личности было положено самой смертью советского лидера[2]. Более того, по некоторым наблюдениям, определенная ревизия сталинских волевых решений имела место уже в последние часы его жизни. Входившему в состав ЦК партии писателю К. М. Симонову, присутствовавшему 5 марта на совместном заседании ЦК, Совета министров и Президиума Верховного Совета в Кремле за несколько часов до смерти Сталина, бросилось в глаза появление на сцене не 25 членов Президиума ЦК КПСС, избранных по предложению Сталина на XIX съезде партии, а 10 руководящих деятелей, в том числе и опальных В. М. Молотова и А. И. Микояна[3]. На этом же заседании в окружении Сталина произошли определенные подвижки: Президиум ЦК лишился сталинских выдвиженцев последних месяцев, кроме «хозяйственников» М. Г. Первухина и М. З. Сабурова, и был сокращен до 10 членов и четырех кандидатов. 10 марта на заседании Президиума нового состава, состоявшемся поздно вечером после похорон Сталина, Маленков констатировал: «...У нас были крупные ненормальности по линии культа личности» и, критикуя печать, подчеркнул: «Считаем обязательным *прекратить* (курсив мой. — *Т. В.*) политику культа личности». Секретарю ЦК П. Н. Поспелову, курировавшему вопросы пропаганды, было поручено контролировать прессу, а Н. С. Хрущеву —

проследить за материалами о Сталине, готовившимися к публикации[4]. Однако еще раньше, как вспоминал Д. С. Шепилов, аналогичная установка была дана редакторам столичных газет, спешно собранным в Кремле в ночь с 5 на 6 марта 1953 г.[5]

В новой формирующейся партийно-государственной иерархии Г. М. Маленкову были отведены первые роли в правительстве и Секретариате ЦК. Л. П. Берия возглавил воссоединенное МВД, куда влилось и МГБ, В. М. Молотов вернулся на пост главы внешнеполитического ведомства. Кроме того, Берия и Молотов вместе с министром вооруженных сил Н. А. Булганиным и Л. М. Кагановичем замещали Маленкова в правительстве, К. Е. Ворошилов занял пост формального главы государства — председателя Президиума Верховного Совета СССР. Примечательно, что у истоков этого, по определению Р. Г. Пихои, «тихого переворота», совершенного в день смерти Сталина[6], стоял Берия: именно он подготовил 4 марта записку о распределении важнейших государственных постов, которую согласовал с Маленковым[7].

Г. М. Маленков, В. М. Молотов и Л. П. Берия поначалу заняли ведущие позиции. Их активность, продемонстрированная уже в первые дни после смерти Сталина[8], давала все основания предполагать, что основная борьба за власть развернется внутри этого «триумвирата». Н. С. Хрущев предпочитал пока оставаться в тени, вел себя осторожно и властных амбиций не проявлял. Однако наиболее наблюдательные и способные к анализу современники событий думали на этот счет иначе. Еще в ноябре 1952 г. корреспондент газеты «Нью-Йорк Таймс» Г. Солсбери, указав в своем дневнике на высокое положение Хрущева, в том числе и как «московского партийного босса», заметил: «Многие склонны недооценивать Хрущева. Я бы не стал... Я не знаю, где еще может так засиять звезда партийного лидера, — если, конечно, у него есть способности, — как не в Москве»[9].

Вывод этот начал подтверждаться уже к середине марта 1953 г. Очевидное преимущество Маленкова, Берии и Молотова вызвало недовольство других членов Президиума ЦК. И 14 марта 1953 г. на внеочередном партийном пленуме произошло фактическое разделение партийной и государственной власти, прежде сосредоточенной в одних руках, в данном случае у Маленкова. Его полномочия были урезаны: оставив за собой руководство правительством, он передал Секретариат ЦК Хрущеву. Это решение оказалось судьбоносным: не вызывавший в то время подозрений в сталинском окружении по части особых претензий на роль лидера Хрущев утвердился на ключевом посту, имея прямой выход на всю пар-

тийную «вертикаль», в первую очередь, на обкомы КПСС — главную опору ЦК. Новое по составу ядро власти теперь олицетворяла собой «четверка» — бывший «триумвират» и присоединившийся к нему Хрущев.

Итак, пришли иные времена. Был распущен личный секретариат Сталина, отстранен от дел его неизменная правая рука — А. С. Поскребышев. 27 марта последовал указ об амнистии заключенных, чьи сроки не превышали пяти лет. Политических заключенных указ практически не коснулся, поскольку «политическая» 58 статья предусматривала, как правило, не менее 10 лет заключения. О том, какой контингент массово попал под амнистию, ярко показано в фильме «Холодное лето 53-го года». Не случайно следствием указа явилось приведение в повышенную готовность подразделений МВД для контроля над криминогенной обстановкой в городах и населенных пунктах по всей территории СССР. Однако сводить амнистию 1953 г. только к освобождению уголовников было бы неверным. На свободу вышли 1 млн 200 тыс. осужденных, или более трети советских заключенных, в том числе совершившие должностные преступления, женщины, имевшие детей до 10 лет, несовершеннолетние, тяжелобольные и престарелые[10].

В начале апреля страна узнала о «недопустимых и строжайше запрещенных советскими законами приемах следствия», применявшихся в «деле врачей-вредителей». Сообщение МВД, инициированное его руководителем Л. П. Берией, как и другие предложения главы министерства — об изменениях в сфере национальной политики, сельского хозяйства, международных отношений и пр., отразило намерение главного «силовика» провести определенную коррекцию механизма власти. Смысл предлагавшихся Берией изменений заключался в «очищении» прежних властных конструкций от наслоений, порожденных культом личности Сталина[11]. Особая роль «органов» в жизни общества при этом не ставилась под сомнение, а оперативная перестановка кадров в высшем звене, смена руководства МВД на уровне республик, автономных образований, краев и областей (соответствующее решение Секретариат ЦК принял по инициативе Берии 19 марта), а затем и в среднем руководящем звене министерства свидетельствовала о намерении министра в спешном порядке укрепить силовую вертикаль лично преданными ему людьми.

Вопрос о том, как далеко был готов идти Берия в процессе либерализации общественно-политической жизни, насколько искренними были его намерения, и по сей день остается, на наш взгляд, не до конца ясным. Не случайно французский историк Н. Верт считает роль Берии после смерти Сталина двусмысленной[12]. Широкий диапазон предлагавшихся

им мероприятий реформаторского характера дал основание некоторым исследователям сделать вывод о наличии у Берии «продуманной программы действий»[13]. Нельзя, однако, не заметить, что ее реализацию Берия связывал с единоличным лидерством и старался испытанными методами обеспечить его.

Маленков также претендовал на роль инициатора серьезных перемен. Именно он предложил в апреле 1953 г. созвать внеочередной пленум по вопросу о культе личности. Проекты подготовленного им весьма лаконичного, написанного в тезисной форме доклада и резолюции были разосланы членам Президиума ЦК, но поддержки с их стороны не встретили. Российский историк Ю. Н. Жуков считает, что в тот момент среди противников Маленкова оказались, в частности, Берия и Хрущев[14], не желавшие укрепления позиций одного из членов «четверки».

К лету 1953 г. в МВД были накоплены материалы, дискредитировавшие бывшее сталинское окружение и, прежде всего, Маленкова и Хрущева[15]. Не исключено, что информация об этом каким-либо образом дошла до «соратников», а, возможно, их просто напугала активность Берии, распространявшего свое влияние за пределами силового министерства. В начале июля 1953 г. Берия был арестован, его «дело» вынесено на рассмотрение пленума ЦК КПСС (2—7 июля). Однако Р. Г. Пихоя, тщательно анализировавший разного рода партийные материалы, подметил, что пленум, посвященный в той или иной степени кадровым вопросам, по определению не мог не раздвинуть рамки повестки дня: он охватил значительно более широкий круг вопросов, в том числе и о культе личности Сталина[16]. Но посмотрим, в каком контексте. Обвинения Берии в «преступных антипартийных и антигосударственных действиях... направленных на подрыв советского государства в интересах иностранного капитала...», провозглашение его «врагом коммунистической партии и советского народа» фокусировали внимание общества на непопулярной и одиозной фигуре, отодвигая в тень преступления сталинского режима. Назвав Берию главным виновником, партийный форум фактически зафиксировал двойственный характер сложившейся после смерти Сталина ситуации в партийном руководстве.

С одной стороны, пленум отразил, что примечательно, полное отсутствие у части членов ЦК ясности в этом вопросе. Свидетельством тому были обвинения Берии в попытках якобы «подорвать культ личности товарища Сталина» (!), «похоронить» его имя. «Появился откуда-то вопрос о культе личности, — говорил, например, член Политбюро А. А. Андреев. — Что это за вопрос? Этот вопрос решен давным-давно в марксистской ли-

тературе, он решен в жизни, миллионы людей знают, какое значение имеет личность, которая руководит движением, какое имеет значение гений во главе движения, а тут откуда-то появился вопрос о культе личности. Это его [Берии] проделки»[17]. Прямым обвинением прозвучали и слова А. И. Микояна: «В первые дни после смерти товарища Сталина он [Берия] ратовал *против* культа личности»[18]. Стремясь не допустить критики Сталина, Андреев, вопреки фактам, поспешил поведать о «такой слабости» его, как «доверчивость», воспользовавшись которой Берия «втерся в доверие» лидера[19]. Под аплодисменты зала Л. М. Каганович заявил: «Считаю, что мы сейчас должны, безусловно, узаконить Сталина в его правах быть в рядах великих учителей рабочего класса и вести за собой духовно народ»[20]. Иными словами, прежде всего «старой гвардией» под сомнение была поставлена не только обоснованность критики понятия «культ личности», но и его «привязка» к фигуре «вождя».

С другой стороны, на пленуме была предпринята попытка «внести ясность» в вопрос о культе личности Сталина (в первую очередь, в выступлении и заключительном слове Г. М. Маленкова). Оценка, данная этому явлению как «уродливой форме», «извращению марксизма»[21], надолго закрепилась в партийных и пропагандистских документах. Вместе с тем Маленков в объяснении причин, породивших культ личности, не смог подняться выше констатации «слабости» человеческой натуры, которая может проявиться и у «великих людей»[22]. В целях недопущения подобных явлений в будущем был предложен универсальный рецепт — коллективность руководства в партии, критика и самокритика во всех партийных звеньях вплоть до вершины партийной «пирамиды» — ЦК и его Президиума. Выступление на июльском пленуме Хрущева — главного «ниспровергателя» Сталина впоследствии — было сфокусировано на фигуре Берии. Хрущев воздержался (сознательно?) от публичной критики Сталина и его культа. В целом, пленум, явившись, по образному выражению одного из авторов, своеобразной «"фотографией общественного мнения" партийной верхушки в тот момент, когда официальную партийную точку зрения еще не успели закрепить и канонизировать»[23], задал определенные параметры критики культа личности, акцентировав внимание на политическом осуждении Берии и замкнув вопрос о необоснованных репрессиях единственно на нем. Даже бериевскую амнистию Хрущев отнес на счет ЦК партии, следовательно, себя, как первого секретаря.

Устранением Берии завершилась первая фаза в борьбе за политическое лидерство в партии и государстве, но главное сражение, теперь уже в рамках «дуумвирата» Маленков — Хрущев, было впереди. (Молотова,

сосредоточившегося, главным образом, на международных делах и не располагавшего реальными рычагами власти, его «соратники» начали постепенно отодвигать в тень[24]). Маленков рассчитывал, что принцип «коллективного руководства» откроет возможность «разбавить» состав Президиума ЦК представителями исполнительной власти, создать некий «баланс сил» и ограничить амбиции партаппарата. Будучи в прошлом партийным канцеляристом, сотрудником Оргаспредотдела ЦК ВКП(б), «телефонщиком», как называли его «соратники», Маленков в соответствии с веяниями времени считал главным источником власти государственные институты, а пост главы правительства более ценным, нежели секретаря ЦК КПСС. Хрущев, напротив, основную ставку в борьбе за власть сделал на партийный аппарат*. На июльском (1953 г.) пленуме ЦК любое посягательство на принцип партийного руководства он назвал «бериевской ересью». Хрущев неоднократно подчеркивал необходимость следовать «ленинско-сталинскому принципу» демократического централизма, что в условиях «партийного государства» неизбежно вело к усилению роли первого лица в партийной иерархии. Но, несмотря на столь принципиальные различия, оба члена «дуумвирата» избрали в качестве своего главного оружия критику культа личности.

«Прикладной» характер такого подхода становится очевидным, если принять во внимание явный разрыв между осуждением «верхами», хотя и непоследовательным, проявлений культа личности и конкретной идеолого-пропагандистской линией, реализовывавшейся на протяжении 1954—1955 гг. Центральный партийный орган газета «Правда» по-прежнему связывал все достижения и успехи советской страны с именем Сталина, по-прежнему дни его рождения ознаменовывались присуждением международной Сталинской премии «За укрепление мира и дружбы между народами». В декабре 1954 г. было широко отмечено 75-летие бывшего советского руководителя. (Указания о публикации панегирических статей о Сталине принадлежали Хрущеву). Авторитет Сталина по-прежнему сохранялся в международном коммунистическом движении, хотя масштабы обожествления этой политической фигуры несколько сократились. Понятно, что и в общественном сознании перемены не могли стать

* В мае—июне 1953 г. по инициативе Маленкова была повышена оплата («в конвертах») аппарату исполнительной власти — от руководства министерств до райисполкомов. Накануне сентябрьского пленума ЦК, на котором Хрущев был избран первым секретарем, он добился увеличения денежного довольствия для партийных функционеров высшего и среднего звена. Для партократии он стал после этого выразителем и защитником ее интересов.

стремительными и всеобъемлющими. Более того, сложилась парадоксальная ситуация, на которую обратили внимание исследователи: понятие культа личности и сама личность — Сталин существовали как бы независимо друг от друга. Дело доходило до того, что на партийных собраниях коммунисты задавали вопросы, о ком, собственно, идет речь, в чем конкретно проявлялась пропаганда культа личности[25].

Состояние неопределенности «работало», прежде всего, на более искушенного в аппаратных играх Хрущева, который в январе 1955 г. на очередном пленуме ЦК предпринял открытую атаку на Маленкова. Прозвучали обвинения в отсутствии у него опыта хозяйственной и советской работы, необходимых знаний, а «новый курс» Маленкова, предусматривавший сокращение расходов на тяжелую, в первую очередь, военную, промышленность и ускорение за счет этого развития легкой промышленности и производства товаров широкого потребления, был расценен как «теоретически неправильное и политически вредное противопоставление»*. Характерно, что явно для усиления тяжести обвинений Хрущев вновь обратился к фигуре Берии. Маленков вкупе в Берией объявлялся виновным не только в фабрикации политических «дел» и устранении видных партийных и государственных кадров, но и в прямом обмане Сталина**. (Заметим, что и в современной историографии зафиксирована дискуссионная точка зрения, отводящая ключевую роль в сталинских репрессиях именно Маленкову[26]. Другое дело, что далеко не безгрешным был и сам Хрущев.) Брутальный характер хрущевских обвинений еще более очеви-

* Речь Маленкова на V сессии Верховного Совета СССР в августе 1953 г. о приоритетном развитии легкой промышленности Хрущев назвал «дешевкой», преследовавшей популистские цели. Отклоняя основательный упрек Маленкова, что эту речь предварительно читали члены руководства и соответствующие решения принимали сообща, Хрущев заявил: «Да, читали. И я читал. Несу ли ответственность за эту речь? Да, несу ответственность, но с автора полагается спросить больше» (Цит. по: *Пыжиков А. В.* Опыт модернизации советского общества в 1953—1964 годах: общественно-политический аспект. М., 1998. С. 105).

** Показателен в связи с этим комментарий Хрущева к «ленинградскому делу». Имея в виду Маленкова и Берию, Хрущев говорил: «...довели Сталина до такого состояния. Ведь Сталин подписал, чтобы уничтожить Вознесенского, Кузнецова и других, потому что он глубоко верил, что они враги партии, враги советского государства. Постоянно получая такие материалы, он не мог иметь других соображений. Ведь он не знал, что все эти материалы добыты нечестным и недостойным путем. И каждый из нас, располагая такими материалами и не имея оснований не верить им, поступил бы, вероятно, так же» (РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 138. Л. 109).

ден, если принять во внимание, что до XX съезда КПСС оставался всего один год. В январе же 1955 г., сознательно выведя Сталина из-под огня критики и временно «забыв» о самом понятии «культ личности», Хрущев смог избавиться от главного на том этапе политического соперника. Победа, однако, не была окончательной. Уступив пост главы правительства Н. А. Булганину, Маленков перешел на ступень ниже, став заместителем председателя Совета министров, и остался в составе Президиума ЦК КПСС.

Двойственность оценок личности и деятельности Сталина продолжала сохраняться в партийно-государственном руководстве вплоть до XX съезда. Она проявилась во время визита советской делегации в Белград в мае—июне 1955 г., в ходе которого Й. Б. Тито ясно дал понять, что не верит в вину Берии за разрыв отношений между Советским Союзом и Югославией. Хрущев, возможно, осознавал неубедительность своих доводов («с одной стороны», «с другой стороны»), и это могло явиться для него дополнительным стимулом к ревизии сталинской политики. Не следует, на наш взгляд, недооценивать и факт назначения Хрущева в том же 1955 г. председателем комиссии по изучению архива Сталина*[27]. Об этом эпизоде его политической биографии практически ничего не известно, но на том этапе знакомство Хрущева с конкретными документами, если оно имело место, было, скорее всего, единоличным: в июне 1957 г. на пленуме ЦК Молотов критиковал Хрущева за то, что комиссия ни разу не собиралась. Гипотетически уместно предположить, что почерпнутая из архивных материалов информация укрепила намерение первого секретаря ЦК подвергнуть критической оценке правление Сталина. Именно к концу 1955 г. позиция Хрущева становится в этом вопросе более определенной. В это время по его предложению Президиум ЦК образовал специальную комиссию во главе с П. Н. Поспеловым с задачей расследовать деятельность Сталина.

Комиссия занималась изучением документов о массовых репрессиях 1937—1938 гг., и итогом работы ее стали рукописные материалы «О культе личности и его последствиях». Они и легли в основу будущего «секретного» доклада Хрущева на XX съезде КПСС. По воспоминаниям Д. Т. Шепилова, он и Хрущев в частных беседах «много обговаривали этот вопрос по всем параметрам». Не случайно к подготовке «секретного» доклада

*Еще раньше, непосредственно после смерти Сталина, Бюро Президиума ЦК поручило Маленкову, Берии и Хрущеву «принять меры» по приведению «в должный порядок» документации Сталина, как текущей, так и архивной.

был привлечен именно Шепилов, который, с его слов, «два с половиной дня» работал над текстом, имея под рукой только вышеупомянутые материалы Поспелова[28]. Однако окончательный вариант был скомпонован и отредактирован кем-то еще. Кто приложил руку к тексту на заключительной стадии доработки доклада, остается пока не известным.

Накануне открытия XX съезда, 13 февраля 1956 г., на пленуме ЦК КПСС было принято решение провести закрытое заседание с докладом Хрущева о культе личности. К этому моменту Хрущеву удалось переломить настроения «старой гвардии» (Ворошилов, Каганович, Молотов), выступавшей против разоблачения сталинских преступлений[29].

14 февраля 1956 г. XX съезд начал свою работу. Вопрос о культе личности поднимался дважды — в отчетном докладе ЦК КПСС в контексте общих рассуждений теоретического порядка* и в «секретном» докладе Н. С. Хрущева. Отмеченная выше двусмысленность проводимой ранее критики культа личности отразилась и на характере прений по отчетному докладу ЦК и докладу Н. А. Булганина как главы правительства. Из 85 выступивших вопрос о культе затронули всего 8 ораторов, причем лишь А. И. Микоян, говоря об ошибочных установках Сталина, закрепленных в «Экономических проблемах социализма в СССР» и «Кратком курсе истории ВКП(б)», связал культ личности с именем бывшего советского лидера. В большинстве выступлений, авторы которых не знали о новых веяниях в высшем руководстве, как и в самом отчетном докладе, акцент вновь был сделан на фигуре Берии — «матером агенте международного империализма», вероломном ставленнике «фашистско-провокаторской банды», сумевшем «пролезть» в руководство партии и государства. Подобная постановка вопроса четко свидетельствовала о намерении партийной элиты объяснить причины появления «бериевщины» внешним фактором, оградив от возможной критики советскую общественно-политическую систему.

Примечательно, что если отчетный доклад был, как всегда, сделан от имени ЦК, то «секретный» доклад сразу же прочно «сросся» с именем Хрущева. Взяв на себя ответственность за развенчание культа личности Сталина, первый секретарь ЦК, несомненно, проявил гражданское мужество и качества лидера. Но вряд ли целесообразно исключать при анализе ситуации и такой фактор, как возможный расчет Хрущева на единолич-

---

*Культ личности был охарактеризован как чуждое духу марксизма-ленинизма явление, умаляющее роль партии и народных масс, принижающее роль коллективного руководства и пр.

ную «славу», его понимание (или ощущение), что осуждение сталинских преступлений откроет перед ним новые перспективы на пути утверждения единовластия.

Уже первые робкие попытки обсудить экономическую стратегию СССР, перспективы развития колхозной деревни, предпринятые еще при жизни Сталина, показали необходимость пересмотра ряда теоретических постулатов. Однако сделать это было проще в русле компрометации Сталина не как теоретика марксизма-ленинизма, а в первую очередь как носителя культа личности в его крайних, преступных формах. После XX съезда развитие советского государства оказывалось в жесткой зависимости от решения вопроса о партийно-государственном лидерстве. Объективно критика культа личности вновь выступила как испытанный инструмент в борьбе за властный Олимп.

Видимо, опасениями вызвать неконтролируемую реакцию в обществе объясняется то, что ход закрытого заседания не стенографировался, делегатам было запрещено делать какие-либо записи, а выступление Хрущева в открытой печати не было опубликовано. «Этот вопрос, — подчеркнул Хрущев, — мы не можем вынести за пределы партии, а тем более в печать. Именно поэтому мы докладываем его на закрытом заседании съезда. Надо знать меру, не питать врагов, не обнажать перед ними наших язв»[30].

Тем не менее слухи об этой речи разнеслись, прежде всего, в столице, моментально. Уже «на следующий день, вспоминает Г. А. Арбатов, о том, что "Хрущев разоблачил Сталина", говорила вся Москва. А еще пару дней спустя — вся страна»[31]. Замалчивать доклад было не только бессмысленно, но и неосмотрительно, и 5 марта 1956 г., в третью годовщину смерти Сталина, Президиум ЦК КПСС принял постановление, предлагавшее обкомам, крайкомам и ЦК союзных республик ознакомить с докладом всех коммунистов, комсомольцев и беспартийный актив. Знаменитая красного цвета брошюра, сменившая гриф «строго секретно» на «не для печати», начала зачитываться на партийных и комсомольских собраниях по всей стране. Инициированное «сверху» обсуждение доклада следовало направить в нужное русло и, пригасив эмоции, придать ему теоретический характер. И 28 марта в «Правде» появилась установочная статья «Почему культ личности чужд духу марксизма-ленинизма?», дублировавшая основные положения «секретного» доклада. Однако вскоре задуманная идеологическая кампания перехлестнула допустимые рамки: «снизу» зазвучали требования не ограничиваться осуждением только бывшего вождя, но и привлечь к ответственности всех виновных в массо-

вых репрессиях. В партийных организациях, в первую очередь, объединявших научную интеллигенцию, открыто ставились вопросы о системе, породившей разного рода извращения, о советском бюрократическом аппарате, «минусах» однопартийности, слияния партийного и государственного аппарата и пр. Власть расценила это как «непонимание курса партии» и отреагировала в привычном стиле. Возникли «персональные дела» коммунистов, имелись отдельные случаи роспуска первичных парторганизаций. Так, в частности, произошло в Теплотехнической лаборатории АН СССР[32].

Стремлением ввести критику культа личности «в берега» объясняется появление 5 апреля 1956 г. в «Правде» новой установочной статьи под характерным заголовком — «Коммунистическая партия побеждала и побеждает верностью ленинизму». Заявив, что под видом критики культа личности «отдельные гнилые элементы...пытаются поставить под сомнение правильность политики партии», авторы утверждали, что эта политика была ленинской «*во все периоды* (курсив наш. — *Т. В.*) истории партии», и призвали парторганизации вести решительную борьбу с любыми отступлениями от марксистско-ленинской идеологии. Таким образом, перед критическими выступлениями, хоть мало-мальски затрагивавшими политику ВКП(б)—КПСС, был зажжен красный свет. Намерение снизить «градус» критики и обозначить ее границы объяснялось также и неоднозначным отношением к разоблачению культа личности Сталина в международном коммунистическом движении, прежде всего в компартии Китая. Отсюда явно неадекватное реалиям утверждение, содержавшееся в указанной статье, о единстве КПСС в одобрении «мудрой ленинской политики» (читай: в развенчании и осуждении культа личности).

В сложившихся условиях советское руководство посчитало, что пришло время обсудить итоги дискуссии о культе личности. С этой целью предполагалось созвать в мае—июне 1956 г. пленум ЦК КПСС по идеологическим вопросам. Но в контексте сказанного ранее представляется, что истинное намерение «верхов» заключалось в том, чтобы фактически подвести черту в критике культа личности. Празднование очередной, 86 годовщины со дня рождения В. И. Ленина с традиционным торжественным заседанием в Кремле было использовано в качестве репетиции. Докладчиком был определен Д. Т. Шепилов, который, естественно, остановился на решениях XX съезда, вызвавших в мире, как подчеркивалось в выступлении, взрыв антисоветизма со стороны «духовных оруженосцев империализма». Осудив культ личности Сталина с позиций решений

съезда, Шепилов одновременно подчеркнул «выдающуюся роль» советского руководителя в «отстаивании ленинского идейного наследства» и его «крупный вклад в дело строительства социализма»[33].

Весной 1956 г. идеологическая обстановка в СССР кратко могла быть охарактеризована одним словом — «откат». По инициативе руководства начался явный пересмотр отношения к Сталину и его правлению. Наиболее отчетливо это виделось «со стороны». Характерную в этом плане запись сделал в дневнике посол Югославии в Москве В. Мичунович: «Поднятая XX съездом волна разбилась о сталинистский утес советской системы и общества. Ныне она откатывается назад, унося с собой и кое-что из того, что было поднято на поверхность»[34]. Югославский дипломат, которого вряд ли можно было считать почитателем Сталина, весьма критически оценивал действия советского руководства. Своим «секретным» докладом на съезде, писал Мичунович, Хрущев поставил делегатов перед фактом. Ныне так поступают со всей Россией — сообщают в низовые организации о принятых решениях, лишая коммунистов возможности выразить свое мнение. «Именно так было и при Сталине». Ответственность за «ошибки» Сталина, справедливо полагал дипломат, должны разделить и нынешние руководители, которым явно недостает «самокритичности»: ведь действуя в одной команде с вождем, они, «так или иначе, совершали преступления»[35].

В апреле 1956 г. советской общественности стала известна «особая» позиция китайского руководства по отношению к «секретному» докладу, которая была встречена большинством рядовых граждан с пониманием. Основной акцент китайское руководство делало на необходимости для нынешних советских «верхов» работать иначе, чем Сталин, лучше, чем Сталин, не повторять его методы и не ограничиваться осуждением советского лидера. Мнение китайской стороны было исключительно важным, поскольку в то время наметилась тенденция к утверждению совместной — СССР и Китая — гегемонии в рамках «социалистического лагеря». Кроме того, на протяжении мая—июня предстояли поездка советской партийной делегации в Албанию и встреча с Й. Б. Тито в Москве. Будучи полностью противоположными в отношении культа личности Сталина, позиции Тираны и Белграда совпадали по части критики тогдашнего советского руководства. По всей вероятности, учет внешнего фактора и обусловил решение последнего не проводить пленум ЦК КПСС по идеологическим вопросам, а ограничиться принятием развернутого постановления по итогам борьбы с культом личности[36] по окончании визита Тито.

30 июня 1956 г. постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий», сформулировавшее окончательную позицию партийного руководства по этому вопросу, было принято. 2 июля оно появилось на страницах «Правды». Трактуя преступления сталинского режима как «некоторые ограничения внутрипартийной и советской демократии, неизбежные в условиях ожесточенной борьбы с классовым врагом», постановление рассматривало культ личности через призму только личных качеств Сталина, причем его заслуги явно перевешивали негативы. В международном разделе постановление, исходя из прежних установок о противостоянии двух антагонистических блоков и намерении империалистов силой уничтожить революционные движения и их завоевания*, предлагало в качестве ответной меры сплотить единство компартий, рабочего класса и всех передовых сил. Закрепив явное отступление советского руководства от более радикальных установок и самого духа XX съезда, этот документ, по оценке Н. Верта, надолго стал манифестом послесталинского консерватизма[37].

Москву к тому времени серьезно беспокоила обстановка в тех странах «социалистического лагеря», где нарастали критические настроения по отношению к политике национального руководства, наблюдались брожения, время от времени выливавшиеся в более серьезные проявления недовольства. Особенно богатым событиями оказалось лето 1953 г.: антиправительственные выступления в Чехословакии в связи с денежной реформой, политический кризис в ГДР. Советскому руководству поступала также информация о неблагополучной обстановке в партийном и государственном руководстве Польши, Венгрии, Румынии, Чехословакии[38]. Москва стремилась повлиять на ситуацию и добиться внесения определенных коррективов в политику правящих партий. Так произошло, к примеру, в отношении компартии Венгрии: дважды, в мае и июне 1953 г., советская сторона в переговорах с венгерским руководством, в том числе лично с М. Ракоши, пыталась добиться смягчения правительственного курса[39].

Развернувшиеся после смерти Сталина во всех странах Восточной Европы процессы либерализации политических режимов советского типа,

---

* Именно в таком ключе оценивались в то время события в польском городе Познани в конце июня 1956 г., накануне которых рабочие выдвинули экономические требования. Но поскольку незадолго до этого в городе проходила международная ярмарка, главной причиной выступления были объявлены подрывная деятельность и происки «международного империализма».

придания им более гибких и цивилизованных форм обозначили начало этапа десталинизации. Москва не намеревалась выпускать эти процессы из-под контроля, стремилась сохранить просоветский внешнеполитический курс стран «социалистического лагеря», их тесные дружественные контакты с СССР, обеспечив тем самым внутриполитическую стабильность восточного блока. Кто в национальных руководствах персонально станет гарантом решения этих задач, по большому счету, отходило на второй план. Реальные шансы стать опорой Москвы, завоевать ее доверие имели в новых условиях и те ортодоксальные коммунисты, которые утвердились у власти на рубеже 1940—1950-х годов в результате внутрипартийной борьбы и «второй большевизации»[40], т. е. убежденные сталинисты. Парадокс ситуации заключался в том, что, следуя за советской стороной в утверждении «коллективных методов руководства», национальные лидеры оказались перед перспективой развертывания борьбы против культа собственной личности, реального или мнимого.

Подлинный культ личности основан на харизме. На наш взгляд, ни один из национальных лидеров Восточной Европы не стал для своего народа харизматической личностью. «Сила общественного мнения, лежащая в основе величия вождей», о чем в свое время писал М. Вебер, не подняла в сознании людей до поистине божественных высот ни Э. Ходжу, ни Г. Георгиу-Дежа, ни К. Готвальда, ни М. Ракоши... Восточноевропейская модификация культа личности — это, прежде всего, искусственно созданная и культивируемая окружением уродливая демонстрация особых качеств, якобы присущих той или иной личности, «всенародной любви», «почитания», «уважения» и пр. При этом фигура «вождя» не являлась естественным продуктом некой благоприятной политической среды. Ее взращивали и заботливо пестовали, широко используя все средства пропаганды, что изначально облегчалось присущей ментальности человека склонностью к мифологизации лидера. В условиях же обладавших определенным тоталитарным потенциалом режимов советского типа с их принципом вождизма и сращиванием партийного и государственного аппарата этот процесс, что называется, был обречен на успех.

В Болгарии понятие культа личности идентифицировалось не с именами Тр. Костова, В. Коларова или Г. Димитрова[41], чья политическая деятельность в послевоенное время развертывалась на этапе народной демократии, при коалиционном способе реализации власти. Это подтверждает имманентную связь «культа» с однопартийной советской политической моделью. Утверждение последней в Восточной Европе началось по мере

свертывания народной демократии и датировалось рубежом 1948—1949 гг. «Декоративная» многопартийность, существовавшая в странах региона, ничего не меняла в сущностных характеристиках политических режимов авторитарного типа. Именно в это время началось формирование культа личности В. Червенкова в Болгарии. В болгарской исторической литературе принято считать, что в отчетливых формах о культе личности можно говорить уже в 1950 г., когда по всей стране прошло торжественное чествование 50-летия Червенкова и его имя было присвоено столичной Медицинской академии, авторемонтному заводу и одному из районов Софии. 16 ноября 1950 г. специальное постановление Политбюро ЦК БКП № 413 упорядочило процесс присвоения имен вождей населенным пунктам и предприятиям. Носить имя Червенкова, в частности, могли лишь «хорошо изученные и подходящие объекты», являвшиеся примером для всех остальных[42]. На одном из заседаний Политбюро именно в 1950 г. Червенков впервые был назван «учителем и вождем болгарского народа»[43].

Рецепт насаждения культа личности в Болгарии во многом повторял советский опыт. Так, для демонстрации своей компетенции Червенков начал выступать с докладами, статьями и, по примеру Сталина, с разъяснениями в виде ответов на «письма трудящихся» по самому широкому кругу вопросов общественной жизни и социалистического строительства. На страницах теоретического органа БКП журнала «Ново време» были опубликованы «Ответ тов. Странскому», «Ответ тов. Т. Павлову», «Открытое письмо тов. Пиронкову», «Ответ тов. Дели Иордановой» и др. Нашлись, естественно, и толкователи этой переписки: так, в № 11 журнала за 1951 г. была помещена статья К. Добрева «Значение писем товарища В. Червенкова тов. Павлову и Странскому для развития нашей науки». Быстро распространилась практика рапортов трудовых коллективов «учителю и другу болгарского народа». Все это способствовало складыванию имиджа Червенкова как «маленького болгарского Сталина». По свидетельству одного из современников, с лета 1952 г. в партийных кругах о Червенкове открыто заговорили как о «хозяине»[44].

Известие о смерти советского лидера была встречено в Болгарии отнюдь неоднозначно: смешались и скорбь, и страх, и ненависть. «Почти сразу стало ясно, — писал позднее известный журналист В. Топенчаров, — что смерть Сталина — факт жизни всего мира»[45]. Это осознавал и В. Червенков. Личному секретарю Н. Доневой запомнились его слова: «Ничто не будет таким, как прежде. Сталин держал в железном кулаке не только

Советский Союз, но и весь социалистический лагерь. Сейчас начнется борьба за его пост! Это перенесется и в наши страны...»[46]

Непосредственная реакция властей в мартовские дни 1953 г. — беспрецедентные меры безопасности на предприятиях, в учреждениях, жилых кварталах. Повсеместно были введены ночные дежурства. Меры казались своевременными: настроения части общества выразились в попытке, хотя неумелой и неудачной, взорвать памятник Сталину в Парке свободы в Софии. Для власти это, несомненно, был тревожный сигнал, пусть и единичный.

Уже 13 марта 1953 г. Секретариат ЦК БКП принял решение «Об изучении материалов, опубликованных в связи со смертью товарища Иосифа Виссарионовича Сталина». Партийные организации обязаны были тщательно проштудировать обращение ЦК КПСС, Совета министров и Президиума Верховного Совета СССР ко всем членам партии и трудящимся Советского Союза, траурные речи Маленкова, Берии, Молотова, обращение ЦК БКП к членам партии, Отечественного фронта и трудящимся, речь В. Червенкова на траурном митинге в Софии 6 марта, его статью «Всепобеждающие идеи Ленина и Сталина озаряют путь к социализму». Пропагандистская кампания преследовала цель подчеркнуть «твердую решимость БКП и народа Болгарии быть всегда при всех обстоятельствах верными и преданными КПСС и Советскому Союзу, расширять и укреплять всеми силами болгаро-советскую дружбу»[47].

Однако настроения болгарского общества не укладывались в «прокрустово ложе» официальной пропаганды, были гораздо более сложными. Проявилось это, в частности, в реакции на сообщение о прекращении в СССР «дела врачей-вредителей», освобождении и реабилитации подследственных. В кругах болгарской интеллигенции, например, этот шаг власти рассматривался как определенная ревизия советской государственной политики, в частности, как устранение из нее антисемитской составляющей, означавшее компромисс Москвы с Западом. При этом в журналистских кругах распространились слухи, что осужденного и расстрелянного бывшего заместителя министра госбезопасности М. Д. Рюмина, объявленного главным виновником беззакония, якобы «спрятали», «отправили куда-то в Китай». — «На Западе хотят уступок — вот им уступка!»[48] Такого рода заключения свидетельствовали, на наш взгляд, о том, что определенная часть болгарского общества считала пересмотр «дела врачей» мерой вынужденной и не особенно была склонна верить в искренность намерений советского руководства.

Из-за отсутствия документальных источников не ясно, каким был резонанс советской стороны на экономическую забастовку табачников Пловдива в мае 1953 г. или решение Политбюро ЦК БКП от 4 июля 1953 г. об освобождении из концлагерей заключенных, не представлявших опасность для общества, в первую очередь, политических[49]. (Напомним, что в Советском Союзе бериевская амнистия оставила основную массу осужденных по «политическим» статьям в лагерях вплоть до XX съезда.) В целом, судя по всему, обстановка в Болгарии советскую сторону не беспокоила. Когда в июле после пленума ЦК КПСС «по Берии» болгарская делегация была приглашена в Москву (целью встречи было «правильно» сориентировать «друзей»), никакой критики в свой адрес она не услышала. Позднее В. Червенков вспоминал, что в ходе беседы было также «бегло упомянуто о существовавших... в КПСС неправильных методах руководства, связанных с культом личности Сталина»[50]. Иными словами, первый, хотя и робкий намек на грядущие перемены прозвучал. А был ли он услышан?

Болгарская исследовательница И. Марчева подчеркивает важное значение июльской встречи для Червенкова, у которого якобы возникла иллюзия, что ему удастся тихо и незаметно избавиться от представления о себе в Москве как о «болгарском Сталине» и превратиться в «болгарского Маленкова»[51]. На наш взгляд, данный вывод нельзя считать адекватным реальной обстановке лета 1953 г. и настроениям Червенкова.

Вскоре после отъезда болгарской делегации в Отделе ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями по поручению Н. С. Хрущева была подготовлена и 30 июля передана ему обстоятельная справка о политическом и экономическом положении Болгарии за подписью заместителя заведующего сектором европейских стран народной демократии В. И. Лесакова и референта Отдела М. Е. Позолотина[52]. Авторы указали на «совершенно исключительное положение» Червенкова в стране, «неправильные взаимоотношения» в руководстве республики («Не только рядовые сотрудники, но и члены Политбюро боятся тов. Червенкова»), констатировали неоправданные славословие и популяризацию имени Червенкова в печати и пр. Таким образом, уже к концу лета 1953 г. в Москве начал накапливаться материал о «культовских» проявлениях болгарского руководителя, но в то время этой информации не был дан ход.

После принятия в августе 1953 г. в СССР «нового курса» на социальную, политическую и экономическую либерализацию болгарское руко-

водство незамедлительно последовало советскому примеру. Уже 18 августа Политбюро ЦК БКП постановило издать доклад Маленкова отдельной брошюрой тиражом 200 тыс. экземпляров, предусмотрев возможность дополнительного тиража, оперативно распространить брошюру среди населения и организовать коллективное чтение и изучение доклада коммунистами[53]. По инициативе Червенкова был принят ряд важнейших экономических решений в духе советского «нового курса» — о снижении темпов индустриализации и улучшении снабжения населения, о перспективах развития сельского хозяйства и обеспечении легкой и перерабатывающей промышленности необходимым сырьем и пр.[54] Поскольку новый подход кардинально отличался от положений перспективного плана экономического развития, разработанного Государственной плановой комиссией в начале 1953 г. и традиционно исходившего из приоритета тяжелой промышленности, в Софии ощущали острую необходимость в консультациях с советской стороной.

28 октября 1953 г. болгарская сторона обратилась к советскому руководству с просьбой принять в Москве делегацию в составе В. Червенкова, Г. Чанкова, А. Югова и Р. Дамянова. «В связи с вопросами второго пятилетнего плана и долгосрочного соглашения с Советским Союзом мы бы очень хотели посоветоваться», — говорилось в письме[55].

В Москве на эту просьбу отреагировали положительно. В конце декабря 1953 г. к приезду делегации был подготовлен для внутреннего пользования ряд документов, в том числе информационная записка Отдела ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями (ее подписали заместитель заведующего Отделом И. Т. Виноградов и В. И. Лесаков) и две записки посла СССР в Софии М. Ф. Бодрова и заведующего IV Европейским отделом МИД СССР М. В. Зимянина В. М. Молотову — о двухлетнем плане развития народного хозяйства и отдельно об обстановке в партийно-государственных «верхах» Болгарии. В документах был поднят вопрос о нарушении принципов коллективного руководства, сосредоточении основных партийно-государственных постов в руках малочисленной группы партийных руководителей и «продолжающейся» пропаганде культа личности Червенкова[56]. Бодров и Зимянин подчеркивали чрезмерную самостоятельность Червенкова при публичной оценке им международного положения (действовал, «не советуясь по существу этих выступлений с правительством СССР»[57]). Данная констатация недвусмысленно напоминала об инициативах Й. Б. Тито и Г. Димитрова в международных

делах и взаимоотношениях между странами формировавшегося восточного блока*, вызвавших в 1947—1948 гг. резкую критику Сталина. В глазах Москвы Червенков, вероятно, был близок к тому, чтобы встать на скользкий путь, чреватый «националистическими» проявлениями. Нельзя исключать, что это обстоятельство добавило впоследствии остроты в критику по адресу болгарского руководителя. При этом был найден внешне беспроигрышный повод — «культовские» проявления.

В конце декабря 1953 г. болгарская делегация прибыла в советскую столицу. Уже на первой встрече в центре внимания оказались вопросы политического характера. Тон задавал Хрущев. «Держа в руках объемистую кипу машинописных листов и, время от времени, заглядывая в бумаги, [он] говорил о некоторых отрицательных явлениях в нашей, БКП, работе, — вспоминал В. Червенков. — Они, советские люди, отдают себе отчет в том, что эти явления не наши, не БКП, собственные творения, что они восприняты у них ("Патент не ваш, патент — наш", — заявил Маленков), но их опыт показывает, что нужно принять меры, чтобы эти явления устранить. ...С нами, разумеется, никто из собирателей этих фактов предварительно не говорил»[58]. Во время встречи, по словам Червенкова, «Хрущев не выбирал выражений»: «учительская нотация, грубоватый нагоняй первоклассникам со стороны строгого и беспощадного, хотя и не безгрешного учителя» — такова была ее общая тональность. «Нас позвали в Москву, чтобы поставить на вид за то, что мы с усердием стремились учиться на опыте КПСС...»[59] Червенкова обвинили в насаждении не только собственного культа, но и культа личности Сталина в Болгарии (!), настаивали, чтобы всю вину он взял на себя, оградив, таким образом, от возможных упреков Политбюро ЦК БКП. Вряд ли это означало, что советская сторона уже имела в то время на примете на сме-

* В августе 1947 г. правительства Болгарии и Югославии официально заявили о согласовании ими двустороннего договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, фактически проигнорировав указание Сталина о сроках подписания такого договора — после вступления в действие мирного договора с Болгарией. В январе 1948 г. без согласования с Москвой Г. Димитров сделал заявление перед иностранными журналистами о перспективах заключения таможенной унии и создания федерации/конфедерации всех имеющихся и даже будущих (Греция) стран народной демократии. В январе 1948 г. Тито без уведомления советского руководства запросил согласие албанского руководителя Э. Ходжи на ввод в страну югославской дивизии и получил его. Подобная самостоятельность «друзей», чреватая для советской внешней политики непредсказуемыми осложнениями, и готовность некоторых восточноевропейских лидеров действовать явочным путем, ставя Москву перед фактом, решительно ею пресекались.

ну Червенкову кого-то из состава действовавшего руководства. Но для претендентов на власть возникли благоприятные условия: вести огонь критики против «болгарского Сталина» они отныне могли из-за широкой спины Москвы[60].

Вернувшись из советской столицы, Червенков начал борьбу с собственным «культом». Уже 19 января 1954 г. на отчетно-выборной партийной конференции Димитровского района Софии он уделил значительное внимание этому вопросу. Реагируя на критику, Червенков специально остановился на практике скандирования в честь первого руководителя*. «Скандирование, — говорил он, — пришло к нам от наших агиток, от эстрады в нашей агитации, дошло извне, и мы здесь, очевидно, и я лично в этом много повинен, долго это терпели. Необходимо изгнать из партии скандирование как вредное мелкобуржуазное проявление...». Червенков призвал поднимать, уважать, укреплять авторитет партии. Именно таков правильный, марксистский, большевистский, ленинский подход, а все иное — «эсеровщина и идолопоклонство»[61]. (Оратор не был оригинален в этих оценках: эсеровщиной, кстати, ссылаясь на Сталина, «культовские» проявления назвал ни июльском пленуме 1953 г. А. И. Микоян). Эти установки Червенков развил на специально созванном 26 января 1954 г. пленуме ЦК БКП по вопросу о культе личности. Пленум принял ряд решений о кадровых перестановках с оговоркой, что после предстоящего съезда партии новый ЦК вновь вернется к вопросу о составе Секретариата. Состоявшееся на пленуме освобождение («по личной просьбе») Червенкова, Чанкова и Дамянова от обязанностей генерального секретаря и секретарей ЦК было обставлено, как стремление покончить с практикой сосредоточения многих постов в одних руках, укрепить коллективность руководства и дать указанным лицам возможность сконцентрировать усилия на работе в правительстве. Пленум утвердил в качестве секретарей ЦК Т. Живкова, Е. Стайкова и Д. Ганева. Пост генерального секретаря был упразднен как не имевший глубоких традиций в партии. «Нет необходимости титулом генерального секретаря подчеркивать... роль одного лица, — объяснял Червенков. — ...С точки зрения дальнейшего укрепления коллективности в руководстве партии должность генераль-

*О «бесконечном скандировании», сопровождавшем не только выступления Червенкова, но и само его появление в зале или на трибуне, сообщали И. Т. Виноградов и В. И. Лесаков в вышеупомянутой информационной записке (См.: Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953 гг. Документы. Т. 2. 1949—1953. М., 2002. С. 851).

ного секретаря может быть даже некоторым препятствием». В определении сущности культа личности Червенков не поднялся выше эмоционально-пропагандистских характеристик («мещанское коленопреклонение перед личностью», «признак слабости, проявление беспомощности, неверия в силы партии и народа», «злокачественная бородавка на лице партии»). Крайне осторожно, явно выражая привычный пиетет, оратор коснулся личности Сталина: «...Культ личности, даже когда речь идет об исключительно сильной и великой личности, является вредной практикой. Тем более она вредна, когда дело касается руководителей и деятелей не масштаба великих деятелей, а средних или немного выше средних руководителей и деятелей. В таких случаях культ личности в еще большей мере может создать искусственное положение и еще шире открыть путь к извращениям». О том, что культ личности в представлении Червенкова не являлся производной от политического режима, а имел «надстроечный» характер, свидетельствовало и прозвучавшее на пленуме заверение в непоколебимой верности и преданности болгарских коммунистов «всепобеждающему учению Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина»[62].

Критику культа личности Червенков продолжил на VI съезде БКП (18 февраля — 3 марта 1954 г.), политические решения которого повторили основные выводы январского пленума. В съездовских материалах нашли непосредственное отражение рекомендации советской стороны, сделанные во время пребывания в Москве болгарской делегации в декабре 1953 — январе 1954 г. Об этом прямо говорилось в записке П. Н. Поспелова и И. Т. Виноградова на имя Н. С. Хрущева от 8 марта 1954 г. В документе, в частности, подчеркивалось, что по возвращении из Москвы болгарский руководитель принял меры, чтобы «основательно поправить положение»[63].

Итак, весной 1954 г. советская сторона в целом позитивно оценивала ситуацию в болгарском руководстве. А между тем убежденный сталинист и «носитель» культа личности Червенков в результате минимальных и чисто «косметических» кадровых изменений[64] остался по государственной линии во главе правительства, а по партийной — членом Политбюро, причем руководившим его работой. Кроме того, именно Червенков возглавил комиссию по подготовке новой программы партии[65]. Думается, что советскую сторону, в первую очередь, удовлетворила продемонстрированная болгарскими «друзьями» готовность ступать след в след, сверять свои часы с московским временем.

Начавшееся одновременно возвышение Т. Живкова (введение в состав Политбюро ЦК БКП и избрание первым секретарем ЦК), хотя и не

означало реального ослабления позиций Червенкова, заслуживает внимательного изучения, прежде всего с точки зрения «техники». Утверждение болгарских авторов, что уже в то время фигура Живкова привлекла внимание Хрущева, якобы одобрившего его кандидатуру[66], документально не подтверждается. Сам Живков попытался в мемуарах обосновать самостоятельную, не зависевшую от «советского фактора», роль в событиях тех лет, «подать» себя читателю как едва ли не «диссидента». В ноябре 1961 г. в узком кругу членов ЦК БКП он вспоминал, как в начале 1950-х годов примкнул к группе функционеров, не довольных политикой и поведением Червенкова. Группа была малочисленной — Е. Стайков, Д. Генев, Г. Дамянов, В. Поптомов (руководитель). После смерти Поптомова в мае 1952 г. Живков якобы даже возглавил группу, но ее деятельность свелась, главным образом, к «терпеливому выжиданию». Обсуждение обстановки в стране и потенциальных союзников, которое будто бы имело место*, не стало прологом к конкретным политическим действиям[67]. Вообще, для каких-либо качественных перемен, как показали события впоследствии, Софии требовался импульс извне. Таковым явилась рекомендация советской стороны провести разделение государственных и партийных постов.

Современная болгарская историография констатирует случайность выдвижения кандидатуры Т. Живкова на пост первого секретаря ЦК БКП[68], хотя он и не был единственным претендентом. Его реальным соперником являлся Р. Дамянов, в поддержку которого высказывался Червенков, однако Г. Чанков убедил последнего в преимуществах «молодого, инициативного и энергичного» Живкова[69].

В середине 1954 г. оценки советской стороной обстановки в Болгарии начали меняться. На прошедшей в июне V сессии СЭВ стране было предложено специализироваться на производстве традиционных сельскохозяйственных культур и развивать легкую и пищевкусовую промышленность. Это шло вразрез с планами индустриализации, имевшими горячих сторонников в болгарских хозяйственных и политических кругах[70]. Особая позиция болгарской делегации, выразившей несогласие с коллективным мнением участников сессии, насторожила советскую сторону. Масла

*Достоверность этой информации требует подтверждений и, прежде всего, в силу такого явления, как «модернизация» воспоминаний, предпринимаемая в конъюнктурных целях. «Признания» Живкова в 1961 г. были призваны не только обосновать окончательное отстранение В. Червенкова, но и скомпрометировать Г. Чанкова, стоявшего на пути Живкова к единоличной власти.

в огонь добавила шифртелеграмма из советского посольства в Софии в августе 1954 г. о «серьезных недостатках» в руководстве сельским хозяйством со стороны ЦК БКП. На основе этого документа в Отделе по связям с иностранными компартиями был подготовлен проект письма ЦК КПСС в ЦК БКП. 25 августа документ, подписанный М. А. Сусловым и В. П. Степановым, был разослан членам Президиума ЦК КПСС и секретарям ЦК. Констатировав трудности с хлебозаготовками в стране и слабую оперативность руководства, авторы письма основное внимание сконцентрировали на обстановке в Политбюро ЦК БКП. Критике подверглось отсутствие «необходимой коллективности в работе и свободного обсуждения вопросов», пассивность членов руководства «из-за боязни допустить ошибку и впасть в опалу». Заключал письмо «товарищеский совет» — «...в ближайшее время провести в ЦК БКП откровенный обмен мнениями об отношениях между членами Политбюро, обеспечить подлинную коллегиальность и свободный обмен мнениями в Политбюро с тем, чтобы на заседаниях Политбюро каждый член Политбюро по любому вопросу мог свободно высказывать свои соображения»[71]. Хотя ни одно имя в документе не было названо, очевидна его «античервенковская» направленность, поскольку, как говорилось выше, именно он непосредственно руководил работой Политбюро. До болгарской стороны, однако, письмо не дошло: в связи с предстоящей поездкой правительственной делегации СССР в Болгарию Президиум ЦК КПСС 26 августа 1954 г. принял решение отклонить предложение Суслова и Степанова обратиться к болгарам[72].

В это время Т. Живков проявил немалую активность в установлении тесных связей с послом Ю. К. Приходовым, причем, судя по содержанию записей бесед, передававшихся в Москву, Живков был готов к рассмотрению широкого круга вопросов, четко и энергично формулировал задачи и выводы, что, по всей видимости, производило благоприятное впечатление на советского дипломата. Особое значение Живков придавал информированию Приходова о положении дел в Секретариате ЦК БКП, которым руководил, заостряя внимание на необходимости перестройки работы этого органа, чья роль, по его оценке, была «явно принижена». Довольно прозрачными выглядели попытки Живкова связать с собственным именем перемены в стиле работы окружных комитетов партии, происшедшие якобы под влиянием «изменившейся обстановки в ЦК»[73]. По предложению Живкова была введена практика ознакомления советского посла сначала с наиболее важными партийными решениями, а затем, опять-таки по его инициативе, — с решениями *по всем вопросам* практи-

ческой работы ЦК БКП[74]. Так, незаметно для окружающих, но, как оказалось, эффективно для себя Живков использовал имевшиеся у него возможности для установления доверительных отношений с советским представителем. Позднее они переросли в тесные дружеские контакты.

Тем временем после отставки Маленкова в январе 1955 г. положение Червенкова серьезно осложнилось. Критика на пленуме ЦК КПСС ошибочности «нового курса» с неизбежностью должна была рикошетом ударить и по «болгарскому Маленкову». Следует иметь в виду, что намерение Хрущева и его окружения пересмотреть советскую экономическую стратегию обусловливалось новыми внешнеполитическими реалиями. Расширение в 1954—1955 гг. НАТО за счет вступления в него Германии и Италии вновь актуализировало задачу форсированного развития советской оборонной и тяжелой промышленности, добывающих отраслей. Понятно, что к предстоящим изменениям предстояло адаптироваться и странам советского блока. Болгарий в нем отводилась роль поставщика сырья и сельскохозяйственной продукции[75]. Положение Червенкова было непростым: понуждаемый интересами блока к новому пересмотру направлений стратегического развития Болгарии он не мог не сознавать, что в его окружении это может быть истолковано (невольно или сознательно — другой вопрос) как возврат к прошлому, к «временам Сталина» и использовано в борьбе против него.

До настоящего времени остается не ясным, на каком этапе Т. Живков получил поддержку советской стороны и расценил ее как прямой посыл к более активным действиям. Мнения на этот счет расходятся. Историк Б. Кастелов, например, склонен назвать точную дату. Он, в частности, сообщает, что после визита (27 мая — 2 июня 1955 г.) в Белград Хрущев на обратном пути домой задержался в Софии на два дня и 3—4 июня провел в болгарской столице как гость ЦК БКП. Именно в эти дни состоялась конфиденциальная беседа с сопровождавшим его Т. Живковым. Откровенному разговору способствовала и неофициальная обстановка — они выехали на охоту в живописные окрестности г. Тырговиште. Кастелов ссылается на признания самого Живкова в ноябре 1989 г., что именно в июне 1955 г. советский гость «предложил» ему стать партийным лидером. Якобы именно после этого Живков и начал готовить атаку против Червенкова, организовав «фракцию» из числа единомышленников[76]. И. Баева с пребыванием Хрущева в Софии, напротив, связывает зримое изменение поведения и настроения В. Червенкова: если в апреле 1955 г. он ставил вопрос об отказе от руководства работой Политбюро, то теперь «забыл» об этом[77]. Столь противоречивая информация дает основание

предположить, что в Москве либо еще не сделали окончательный выбор, либо, что вероятнее, не считали нужным форсировать события.

В августе 1955 г. Хрущев снова приехал в Болгарию, на сей раз инкогнито. После июльского пленума ЦК КПСС, на котором рассматривался «югославский вопрос», и прозвучала острая критика в адрес В. М. Молотова, советский руководитель решил лично проинформировать руководства ряда социалистических стран о беседах с Тито и выводах пленума. Отдыхая в Евксинограде, он встречался с членами Политбюро и провел несколько конфиденциальных бесед с Червенковым. Речь в них шла, несомненно, и о болгарских делах. При отъезде Хрущев оставил Червенкову стенограмму июльского пленума «почитать». 18 сентября 1955 г. в письме Хрущеву тот подчеркнул важность полученных от него «убедительных разъяснений, информации и советов по многим, глубоко нас интересовавшим и волновавшим вопросам». «Очень бы хотелось, — писал Червенков, — чтобы подобного рода встречи и беседы бывали почаще». А вот как он передал свое настроение после общения с высоким гостем: «Мне самому хочется теперь работать непременно лучше, более настойчиво преодолевать недостатки в собственной работе, еще энергичнее помогать всестороннему дальнейшему укреплению коллективного руководства нашей партии»[78].

Болгарский историк Д. Желев, считает, что этот визит стал знаковым в судьбе болгарского руководителя: Хрущев, якобы уже тогда задумавший проведение съезда КПСС с постановкой вопроса о культе личности Сталина, рассчитывал привлечь к реализации своего замысла кого-либо из иностранных коммунистов и предложил Червенкову написать критическую статью. Тот отказался и выдвинул контрпредложение — обсудить «вопрос о Сталине» на международном совещании коммунистических и рабочих партий. Желев считает, что строптивость болгарина не понравилась Хрущеву, который начал искать способ отстранения Червенкова[79]. Эта версия документально ничем не подкреплена, вследствие чего принципиальный вывод об инициирующей роли советской стороны в смещении Червенкова остается недоказанным. Более того, версия противоречит конкретным фактам. Прежде всего, как говорилось выше, только в конце 1955 г. Хрущев решился подвергнуть принципиальной оценке период правления Сталина, для чего и была создана комиссия П. Н. Поспелова. Сильные колебания в связи с оглашением «секретного» доклада на партийном форуме руководство, в том числе и Хрущев, испытывало до последней минуты, поэтому трудно поверить в реальность его намерения *заранее* расширить круг информированных лиц, пусть даже и из числа

первых лиц «братских» партий. Наконец, в высшей степени сомнительным кажется само согласие Червенкова летом 1955 г. на публичную критику Сталина. Болгарским исследователям хорошо известна его острая реакция на постановку вопроса о культе личности советского лидера на XX съезде, ставшую для Червенкова полной неожиданностью.

В конце октября 1955 г. Хрущев в записке в ЦК КПСС изложил соображения о развитии стран советского блока. Перспективы Болгарии он, как и упоминавшаяся выше июньская (1954 г.) сессия СЭВ, однозначно связал с развитием сельскохозяйственного производства и пищевой промышленности. Создание тяжелой индустрии, особенно черной металлургии и машиностроения, было признано нецелесообразным. Ставя задачу превращения Болгарии в «витрину социализма», особенно для соседних Турции и Греции — членов НАТО, Хрущев считал, что болгарам следовало ускорить кооперирование сельского хозяйства, завершить его в ближайшие два-три года. Хотя письмо было направлено из Москвы в ЦК БКП для ознакомления[80], оно стало для болгарской стороны руководством к действию. Прошедшие в декабре 1955 г. два пленума ЦК БКП, на которых Червенкову удалось преодолеть критический настрой части делегатов, оформили указания и советы Москвы как собственные решения. Уже в первые месяцы 1956 г. волна кооперирования охватила горные и предгорные районы страны, сопровождаясь сильными перегибами при одновременном всестороннем поощрении трудовых сельскохозяйственных кооперативов — ТКЗХ[81].

Навязанная извне несбалансированная экономическая стратегия принесла горькие плоды: в стране возник экономический кризис. На его фоне фигура Червенкова стала обрастать в глазах Москвы негативными характеристиками. Припомнились его «культ», притязание стать «болгарским Маленковым». А теперь ему, похоже, не очень удавалось превратить страну в стабильного советского внешнеэкономического партнера.

Осуждение культа личности Сталина на XX съезде КПСС стало для болгарских коммунистов психологическим потрясением. Червенков окружавшим его людям казался сломленным. «Впервые в жизни, — вспоминал позднее занимавший в то время пост министра внешней торговли Ж. Живков, — я увидел, как всесильная личность, обладавшая неограниченной властью, буквально оцепенела и была не в состоянии что-либо предпринять»[82]. Сам Червенков позднее писал: доклад Хрущева «явился для меня потрясением, вывел из равновесия. Я не мог осознать и воспринять прочитанное»[83]. Первая защитная реакция Червенкова, известная его окружению: «Этого не может быть!» На смену ей пришла демонстри-

ровавшаяся им убежденность, что в Болгарии с культом личности покончено еще в январе 1954 г. после «самокритики» на партийном пленуме. Червенков исходил при этом из коллективного мнения членов Политбюро о том, что необходимые уроки из опыта КПСС извлечены и руководство «идет с ней в ногу в новых условиях...»[84] Политическое чутье, однако, подвело болгарского руководителя, и он допустил серьезную тактическую ошибку — предложил на предстоящем пленуме ЦК БКП, призванном ознакомить высший эшелон партии с решениями XX съезда, в качестве главного пункта повестки дня рассмотреть «экономический проект» Хрущева, в первую очередь, в части сельского хозяйства. Созыву пленума должно было предшествовать обсуждение указанного вопроса на Политбюро.

Ошибкой Червенкова немедленно воспользовался Т. Живков, который, как указано в его мемуарах, через советское посольство информировал Хрущева о возникшей в болгарском руководстве «напряженности». Результатом обращения якобы стал личный звонок Хрущева Живкову с предложением встретиться в Москве. Члены Политбюро, проинформированные Живковым о приглашении, понятно, не возражали[85]. Иначе описывает эти события И. Марчева. Она отмечает, что приглашение в Москву было передано Червенкову и Живкову послом Ю. К. Приходовым, сообщившим о сомнениях главного идеолога КПСС М. А. Суслова в способности болгар принять на предстоящем заседании Политбюро адекватные решения. Ясно, что не вопросы сельского хозяйства волновали Москву в первую очередь. Беспокойство вызывало возможное (скорее, неизбежное) обсуждение на Политбюро ранее проводившейся в стране репрессивной политики, роли в ней советских советников и боязнь, что болгарская сторона «не справится» с оценками[86]. В любом случае важно констатировать, что первоначальным источником информации для советской стороны о готовившемся заседании Политбюро был Т. Живков.

В марте 1956 г. болгарская делегация прибыла в Москву. Червенков тщательно подготовился к выступлению. Он не знал, что сразу по прибытии Живков через заведующего Отделом по связям с иностранными компартиями Б. Н. Пономарева обратился в ЦК КПСС с просьбой «при рассмотрении вопроса о положении в руководстве ЦК БКП... предоставить сначала ему возможность изложить суть дела, а затем рассмотреть все необходимые вопросы совместно с Президиумом ЦК КПСС»[87]. 22 марта 1956 г. докладная записка Пономарева была рассмотрена на заседании Президиума ЦК, причем, судя по помете на документе, «без протокольной записи».

О дальнейшем узнаём из воспоминаний В. Червенкова. 25 марта 1956 г. при открытии совместного заседания членов Президиума ЦК КПСС и болгарской делегации Хрущев, хорошо знавший, что за работу Политбюро ЦК БКП отвечал Червенков, тем не менее, спросил, кто будет докладывать. Червенков поднял было руку, но в этот момент встал Живков и заявил, что Политбюро поручило сделать доклад ему. Присутствовавшие Г. Чанков, А. Югов и Р. Дамянов поддержали Живкова. «Я сидел, как ошпаренный, — вспоминал Червенков. — За моей спиной, тайком, с ведения советских товарищей, товарищей из аппарата Международного отдела ЦК КПСС было подготовлено это действо»[88]. Живков, не скупясь на выражения, ярко описал обстановку в стране: наличие неограниченной личной диктатуры Червенкова, его «культа», пренебрежительное отношение к назревшим задачам, «закручивание гаек» и пр. Всю вину за то, что в Болгарии культ личности Сталина пустил якобы самые глубокие корни, по сравнению с другими социалистическими странами, докладчик возложил на Червенкова. Вывод был очевидным: нужны решительные меры[89].

Оказавшись в положении обороняющегося, болгарский руководитель вынужден был оправдываться. Сосредоточив на нем всю критику, участники встречи смогли вывести из-под удара как «советский фактор», так и соратников Червенкова, среди которых находился потенциальный новый лидер. Правда, по совету Хрущева, практическое решение этого вопроса следовало несколько отсрочить. Видимо, советская сторона хотела избежать возможных обвинений в диктате и прямом вмешательстве во внутренние дела Болгарии.

Критика, прозвучавшая в Москве, означала, что политическая звезда Червенкова как первой в руководящей иерархии фигуры фактически закатилась. Последовавшее за визитом в советскую столицу негласное отстранение Червенкова от руководства работой Политбюро открыло оперативный простор, прежде всего, перед Живковым, который своего шанса не упустил.

Подготовка очередного пленума ЦК БКП сосредоточилась уже целиком в его руках как первого секретаря ЦК, к которому сходились все нити, связывавшие парторганизации на местах с центром.

В повестке открывшегося 2 апреля 1956 г. партийного форума значился единственный пункт — «XX съезд КПСС и его уроки для нашей партии». Как и следовало ожидать, отнюдь не экономические, а сугубо политические вопросы стали предметом обсуждения. Основой доклада Т. Живкова, в работе над которым активно участвовал посол Ю. К. При-

ходов[90], стал расширенный вариант выступления первого секретаря в Москве. Всю вину за допущенные в управлении страной «ошибки» как следствие культа личности докладчик возложил на Червенкова, в результате чего он теперь уже «на законных основаниях» был отстранен от руководства работой Политбюро. Была высказана рекомендация и об отставке Червенкова с поста главы правительства. Однако он, как в свое время Г. М. Маленков, не сразу сошел с руководящей «орбиты» — остался (по предложению Живкова) в составе Политбюро и впоследствии был назначен заместителем председателя Совета министров и куратором Министерства внешней торговли. Некоторые авторы подчеркивают, что умеренность решений апрельского пленума якобы получила одобрение в Москве. Хрущеву, в частности, приписывают фразу: «Вы поступили правильно, не отдав Червенкова на растерзание»[91]. Хотя, если такая оценка и прозвучала, то ее, на наш взгляд, не следует считать показателем самостоятельности болгарского руководства в принятии окончательных решений «по Червенкову». Из вышеизложенного следует, что *в процессе отстранения* последнего имело место согласование конкретных шагов, их последовательности и радикальности, а о самостоятельности болгарской стороны уместно говорить лишь в плане добровольного и точного, шаг за шагом, копирования ею «антикультовских» мероприятий Москвы. Заметим, что по советскому примеру, работа пленума, а впоследствии и его материалы, были строго засекречены. Вопрос об этом поднял сам Живков, по ходу пленума призвавший не давать поводов «поджигателям новой войны и реакционным силам» для критики болгарского социализма[92]. Впервые фрагменты из протокола увидели свет в середине 1990 г.[93], а полностью материалы были опубликованы только в 2002 г.

Пленум положил начало многолетней активной пропаганде и превозношению принятых решений, именовавшихся «апрельской линией», «апрельской политикой» партии. Название партийного форума в нарушение правил грамматики стали писать только с заглавной буквы — Апрельский пленум, а единственным творцом, «архитектором» «апрельского курса» был провозглашен Т. Живков.

Перемены, связанные с апрельским пленумом, осуществлялись в границах старой бюрократическо-административной модели, вслед за XX съездом КПСС и по его «кальке». Критика культа личности велась вне связи с сущностными чертами режима, а поэтому не стала поводом для серьезного анализа причин политической деформации, социальных противоречий и репрессивной политики. Более того, идеологическая зашоренность болгарского руководства и концентрация критического потенци-

ала на фигуре Червенкова не только обусловили сохранение старой системы управления, но и способствовали созданию предпосылок для укрепления заложенных в ней авторитарных тенденций. Вскоре это отчетливо проявилось в стремлении болгарского руководства не допустить накопления на волне осуждения культа личности критической массы, опасной для властей предержащих.

Вместе с тем нельзя не констатировать относительную «мягкость» борьбы за политическое лидерство в Болгарии в 1953—1956 гг., объясняемую сложным переплетением многих внутренних и внешних факторов, в частности, пониманием неприемлемости сталинских методов. В ходе ее отчетливо проявилось еще одно обстоятельство, которое, на наш взгляд, заслуживает специального рассмотрения.

Современное конкретное знание позволяет констатировать большое сходство характера, ментальности, привычек и соответствовавших им поведенческих стереотипов обоих лидеров. (Кроме того, хорошо известно, что Живков открыто подражал Хрущеву). Оба являли собой тип «крестьянского» руководителя с вытекавшими отсюда реакциями и проявлениями. Сходным оказался и путь обоих к политической «вершине».

Выходец из сталинского окружения Хрущев, как вспоминают современники, был среди всех наиболее покладистым. Сталин считал его «самым верным человеком», не видел в этой политической фигуре для себя никакой опасности[94]. Хрущев, как и другие соратники Сталина, приложил немало усилий к формированию культа его личности, несомненно, являлся убежденным сталинистом. По-другому и быть не могло, иначе он попросту не выжил бы физически. В свою очередь, за Т. Живковым прочно закрепилось прозвище «послушника» В. Червенкова, немало сделавшего для насаждения культа личности последнего и даже объявившего в свое время, что «популяризация [его] авторитета — не личные вопросы товарища Червенкова, а вопросы Центрального комитета»[95]. Червенков сознательно ориентировался на слабо известного в партийных и государственных кругах Живкова, учитывая, что в спину ему «дышали» А. Югов и Г. Чанков. Последние также поддерживали Живкова как человека «временного» и посему, как они считали, не опасного в сложной подковерной игре за власть[96].

Современники и ближайшее окружение Хрущева неоднократно отмечали его необразованность («дремучую», по словам Шепилова), отсутствие теоретической подготовки, нежелание читать и неспособность писать. Эти очевидные и фатальные для политика недостатки, однако, до известной степени восполнялись острой интуицией, крестьянской прак-

тической хваткой, «хорошей» головой. Знаменитая хрущевская фраза «Я нюхом чую» была призвана подменить отсутствие знаний и аргументированных доводов[97]. Что касается Живкова, то он также отличался проницательностью, способностью быстро оценить и ситуацию, и собеседника. Для характеристики этих качеств его внучка Евгения не случайно воспользовалась определением «особый, редкий нюх»[98]. Думается, что в значительной степени именно интуиция помогла обоим руководителям не только понять значение критики культа личности как важнейшего в их политической карьере инструмента борьбы за единоличную власть, но и правильно выбрать своего главного союзника в лице партаппарата. Во многом интуитивно они ощутили необходимость вовремя регулировать процесс десталинизации, с тем, чтобы ее волны не превратились в мощный вал, способный смести на своем пути и самих ее осторожных инициаторов.

Вошедший в многочисленные анекдоты неграмотный язык болгарского руководителя, оценивавшийся в кругах интеллигенции как «языковая катастрофа», отражал его представления о «казарменном» социализме: любимые слова — «эшелон» («Мы из первого эшелона»), «погоны» («Мне погоны не позволяют»). Но это был и язык узкой партийной касты. Присущий Хрущеву командно-административный стиль проявлялся в любимых им характеристиках «наше» — «не наше», которыми он постоянно пользовался. По аналогии с известной установкой «Кто не с нами, тот против нас», хрущевские оценки отражали, хотел он того или нет, готовность к насилию и даже произволу в защиту «нашего», «в интересах общества», «в интересах социализма».

Болгарские авторы подметили «аллергию на письмо», полное отсутствие этого дара у Живкова, которые восполнялись диктовкой помощникам отдельных мыслей. Затем их развивали и оформляли на бумаге «старательные ребята» из его аппарата. Результатом явились почти 40-томная «тодориада» — собрание сочинений и другие издания, общий тираж которых превысил 102 млн экземпляров[99]. Диктовать свои мысли предпочитал и Хрущев, причем, рожденные таким путем тексты (в аппарате ЦК их называли «задиктовками»), как пишет Г. А. Арбатов, подчас «выдавали не очень образованного и грамотного, но целеустремленно грубого автора»[100]. Хрущев, знавший о своей малограмотности, несомненно, испытывал, как и Живков, определенный комплекс интеллектуальной недостаточности. Как-то он с горечью заметил, что «всего две зимы учился у попа за пуд картошки»[101], и, судя по всему, не склонен был преувеличивать свои знания, полученные в Промышленной академии. Во всяком случае, никогда не пытался предстать более образованным, чем был на самом де-

ле. А вот Живков этим время от времени грешил. Существовавший малопопулярный миф об учебе на юридическом факультете Софийского университета даже претерпел, не без его ведома, определенные изменения: сначала говорилось, что Живков «прослушал курс лекций», но напряженная и опасная партийная работа не дала возможности завершить образование. А во время посещения Ватикана (1975 г.), как вспоминал переводчик А. Марчевский, Живков попросил его в случае, если встанет вопрос об образовании болгарского гостя, ответить «для алиби», что он, дескать, «...[учился] праву... слушал какие-то лекции», после чего ему «выдали диплом»[102]. Хозяева, однако, об образовании не спросили...

Болгарские авторы единодушно отмечают желание Живкова компенсировать пробелы в образовании умением окружить себя знающими, профессионально подготовленными людьми, его великолепную память и хватку, помогающую быстро и в сравнительно широком диапазоне входить в круг новой для себя проблематики.

Акцентировавшаяся близость к «простым» людям (Живков, например, любил напоминать, что он — «человек из народа») выражалась в пристрастии обоих лидеров к фольклору, незамысловатым, подчас «соленым», шуткам и анекдотам. Во время международных встреч они нередко ставили в тупик переводчиков. Но, если Живков не требовал буквального воспроизведения сказанного, полагался на знания, профессионализм и такт переводчиков, которые стремились, по мере возможности, заранее подготовиться к «нештатной» ситуации[103], то Хрущев, напротив, считал, что каждое его слово должно быть донесено до собеседника. Дело не ограничивалось всем известной «кузькиной матерью», хотя поначалу это рождало у слушателей-иностранцев закономерный вопрос: «Кто такой Кузька и насколько влиятельна его мать?» Д. Т. Шепилов вспоминал, как во время встречи с шахом Ирана прозвучавшая из его уст похвала по поводу советских успехов вызвала ответную реплику Хрущева: «А вы что думали, мы тут ноздрями мух давили?»[104] Можно себе представить состояние переводчика...

Интересно, что принципиальное сходство оба лидера демонстрировали и в личной жизни (скромность быта, равнодушие к роскоши), и даже в своих гастрономических пристрастиях. Оба любили простую «народную» пищу. Хрущев в одном из выступлений с высокой трибуны со смаком вспоминал о гречневой каше с молоком, а Живков до последних дней предпочитал фасоль, брынзу, болгарскую баницу*.

* Слоеный пирог, чаще всего, с брынзой.

Как многие люди, мечтавшие о большой власти и добившиеся ее, оба лидера бывали капризными, грубыми, нетерпимыми, порой безжалостными. Но вместе с тем такие их качества, как открытость к общению, доступность, знание обыденной жизни, к слову, охотно демонстрировавшиеся и Хрущевым, и Живковым, несомненно, привлекали к себе, вызывали, особенно в начале их политической карьеры, теплые чувства у населения, являлись своего рода общественным авансом с его стороны. (Другое дело, как лидеры этим авансом распорядились.) Очевидное же совпадение ментально-психологической «амплитуды» обоих руководителей создавало определенное взаимное *притяжение,* которое стало, на наш взгляд, дополнительным фактором в процессе смены политического лидера в Болгарии, фактором, несомненно, позитивным для Живкова, успешно использовавшим в своих целях неформальные контакты с советским руководителем.

В 1958 г. Хрущев, отступив от ранее защищавшегося им принципа разделения партийной и государственной власти, сосредоточил обе эти «ветви» в своих руках. Живков оказался более терпеливым и расчетливым: после апрельского пленума последовательно убирая с дороги политических соперников, он продвигался к единовластию еще долгих семь лет, вплоть до ноября 1962 г.

Характерная для советского человека *персонификация власти*, т. е. отождествление коллективных органов управления с их руководителями, конкретными политическими фигурами и одновременно выделение из них одного, главного, «вождя», помогает понять, почему симпатии и доверие населения к Хрущеву сохранялись известное время[105]. Лишь к середине 1960 г. социологи зафиксировали нарастание недовольства его волюнтаристскими методами, непредсказуемостью заявлений и поступков, явным поощрением создания собственного «культа». После отставки, воспринятой большинством населения с удовлетворением, хрущевское «десятилетие», как и он сам, были подвергнуты почти полному забвению. Теплые чувства болгар к Т. Живкову, напротив, проявились не в период его утверждения во властных структурах и единоличного «царствования», а после ухода с властного Олимпа[106], на пути к которому он сделал весной 1956 г. важный шаг.

Примечания

[1] *Верт Н.* История советского государства. 1900—1991. М., 1992. С. 337.

[2] См., например: *Tucker R.* The soviet political mind. London, 1972. P. 196; *Рубин Н.* Лаврентий Берия. Миф и реальность. Москва—Смоленск, 1998. С. 362.

[3] *Симонов К. М.* Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине. М., 1989. С. 247.

[4] *Пихоя Р. Г.* Советский Союз: История власти. 1945—1991. М., 1998. С. 119.

[5] «И примкнувший к ним Шепилов». Правда о человеке, ученом, воине, политике. М., 1998. С. 123—124.

[6] *Пихоя Р. Г.* Указ. соч. С. 97.

[7] Пленум ЦК КПСС (июнь 1957 г.): Стенографический отчет. С. 12—13.

[8] *Жуков Ю. Н.* Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М., 2000. С. 601—604.

[9] *Солсбери Г.* Сквозь бури нашего времени. Воспоминания. М., 1993. С. 445.

[10] *Пихоя Р. Г.* Указ. соч. С. 105.

[11] *Пыжиков А. В.* Опыт модернизации советского общества в 1953—1964 годах: Общественно-политический аспект. М., 1998. С. 101.

[12] *Верт Н.* Указ. соч. С. 339.

[13] См.: *Наумов В., Сигачев Ю.* Введение // Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999. С. 9.

[14] *Жуков Ю. Н.* Указ. соч. С. 621.

[15] Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма... С. 10.

[16] *Пихоя Р. Г.* Указ соч. С. 113—114.

[17] Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма... С. 209.

[18] Там же. С. 311.

[19] Там же. С. 206.

[20] Там же. С. 139.

[21] Там же. С. 352—354.

[22] Там же. С. 354.

[23] *Пихоя Р. Г.* Указ. соч. С. 113.

[24] Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 338, 348.

[25] *Пыжиков А. В.* Указ. соч. С. 36.

[26] См., например: *Пихоя Р. Г.* Указ соч. С. 57, 74 и др.; Комсомольская правда. 1993, 18 июня.

[27] *Фурсенко А. А.* Россия и международные кризисы. Середина XX века. М., 2006. С. 39.

[28] «И примкнувший к ним Шепилов»... С. 124—126.

[29] *Аксютин Ю. В., Волобуев О. В.* XX съезд КПСС: новации и догмы. М., 1991. С. 194—198.

[30] О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н. С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 166.

[31] *Арбатов Г.* Человек системы. Наблюдения и размышления очевидца ее распада. М., 2002. С. 63, 64.

[32] XX съезд КПСС в контексте российской истории. «Круглый стол» ИРИ РАН // Отечественная история, 2007. № 1. С. 198 (Выступление *Ю.В. Аксютина*); *Бурлацкий Ф. М.* Вожди и советники. О Хрущеве, Андропове и не только о них... М., 1990. С. 98.

[33] Правда. 1956 г. 23 апр.

[34] *Mićunović V.* Moskovske godine. 1956—1958. Zagreb, 1977. S. 54.

[35] Ibid. S. 54—55.

[36] *Чуканов М. Ю.* Постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий» в контексте своего времени // Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе (1917—1990-е годы). М., 1999. С. 156.

[37] *Верт Н.* Указ. соч. С. 354.

[38] См., например: Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953 гг. Т. 2. 1949—1953 гг. Москва—Новосибирск, 1998. С. 866—871, 883—885, 918—926, 935—937, 939—942, 951—954; Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953 гг. Документы. Т. 2. 1949—1953 гг. М., 2002. С. 685—687, 711—713, 717—720, 743—745, 788—792 и др.

[39] *Мусатов В.* Предвестники бури. Политические кризисы в Восточной Европе. 1956—1981. М., 1996. С. 18—21; *Ижак Л.* Политическая история Венгрии. 1944—1990. М., 2006. С. 186—187.

[40] Подробнее см.: *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1944—1953 гг. М., 2002. С. 495—546.

[41] См., например: Георги Димитров между възхвалата и отрицанието. Студии и статии. София, 2003.

[42] Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 575. Оп. 1. Д. 134. Л. 43.

[43] *Марчева И.* Тодор Живков — пътят към властта. Политика и икономика в България. 1953—1964 г. София, 2000. С. 30.

[44] *Топенчаров В.* Бесове на моето време. Кладенецът на спомените. София, 1993. С. 119.

[45] Там же. С. 156.

[46] Вълко Червенков през погледа на негови съвременници. София, 2000. С. 106.

[47] Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 5. Оп. 28. Д. 16. Л. 2.

[48] *Топенчаров В.* Указ. соч. С. 156.

[49] *Стоянова П., Илиев Е.* Политически опасни лица. Въдворяване, трудова мобилизация, изселвания в България след 1944 г. София, 1991. С. 22.

[50] Вълко Червенков за себе си и своето време. София, 2000. С. 72.

[51] *Марчева И.* Указ. соч. С. 31.

[52] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 16. Л. 34—50.

[53] Там же. Л. 89—90.

[54] Българската комунистическа партия в резолюции и решения на конгресите, конференциите, пленумите и Политбюро на ЦК (далее — БКП в резолюции...). Т. IV. 1944—1955. София, 1955. С. 409—410.

[55] Архив Президента Российской Федерации (далее — АП РФ). Ф. 3. Оп. 64. Д. 275. Л. 64.

[56] Советский фактор в Восточной Европе... С. 851—854.

[57] Там же. С. 853.

[58] Вълко Червенков за себе си... С. 73.

[59] Там же. С. 75, 74.

[60] *Марчева И.* Указ. соч. С. 32.

[61] АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 289. Л. 100—106.

[62] Там же. Л. 93—98.

[63] Там же. Л. 92.

[64] *Калинова Е., Баева И.* Българските преходи. 1939—2002. София, 2002. С. 129—130.

[65] БКП в резолюции... Т. IV. С. 470.

[66] *Калинова Е., Баева И.* Указ. соч. С. 130.

[67] *Баева И.* Тодор Живков. София, 2006. С. 22; *Она же.* Тодор Живков и властта // Историята. 2007. Бр. 2. Живковизмът. С. 5.

[68] *Кастелов Б.* Тодор Живков — мит и истина. 563 щриха към портрет. София, 2005. С. 88; *Баева И.* Прагматикът, управлявал 35 години България. Тодор Живков // Българските държавници. 1944—1989. София, 2005. С. 191.

[69] *Кастелов Б.* Указ. соч. С. 102.

[70] *Никова Г.* СИВ и България. 1949—1960. София, 1989. С. 69.

[71] АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 289. Л. 109, 112.

[72] Там же. Л. 108.

[73] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 290. Л. 33, 52.

[74] Там же. Л. 96.

[75] *Марчева И.* Указ. соч. С. 90.

[76] *Кастелов Б.* Указ. соч. С. 104—105.

[77] *Баева И.* Източна Европа след Сталин. 1953—1956. Полша, Унгария, Чехословакия и България. София, 1995. С. 68.

[78] АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 289. Л. 114—114об.

[79] Вълко Червенков през погледа... С. 196, 201.

[80] *Марчева И.* Указ. соч. С. 91.

[81] *Мигев В.* Колективизацията на българското село. 1944—1958. София, 1995. С. 235.

[82] *Живков Ж.* Кръглата маса на Политбюро. 16-та република. Случаят «Кремиковци». Разгромът на «Текстим». Чехословашките събития. Крах на едноличната власт. София, 1991. С. 14.

[83] Вълко Червенков за себе си... С. 78.

[84] Там же. С. 76.

[85] *Живков Т.* Мемоари (2-ро доп. изд.). София, 2006. С. 469.

[86] *Марчева И.* Указ. соч. С. 39.

[87] АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 289. Л. 115.

[88] Вълко Червенков за себе си... С. 80, 79.

[89] Там же. С. 81.

[90] Априлският пленум на Централния комитет на Българската комунистическа партия. 1956. Пълен стенографски протокол. София, 2002. С. 7.

[91] Цит. по: *Живков Ж.* Указ. соч. С. 21.

[92] Априлският пленум... С. 149.

[93] См.: Вести на Висшия съвет на Българската социалистическа партия. 1990. № 7. С. 86—102, 102—110.

[94] «И примкнувший к ним Шепилов»... С. 132 (Беседа Д. Т. Шепилова с журналистом Н. Барсуковым 23 февраля 1989 г.).

[95] Цит. по: *Кастелов Б.* Указ. соч. С. 91.

[96] Там же. С. 101—102.

[97] «И примкнувший к ним Шепилов»... С. 120, 123, 126, 129.

[98] *Кастелов Б.* Указ. соч. С. 709.

[99] Там же. С. 375, 369, 147, 126, 148.

[100] *Арбатов Г.* Указ. соч. С.

[101] «И примкнувший к ним Шепилов»... С. 130.

[102] *Марчевски А.* Италиански потайности. Записки на преводач (5-то изд.). София, 2005. С. 106.

[103] Там же. С. 188.

[104] «И примкнувший к ним Шепилов»... С. 125.

[105] *Грушин Б. А.* Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. В 4-х кн. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. М., 2001. С. 537, 110—111.

[106] *Баева И.* Тодор Живков — политик и държавник, прагматик и хитрец или всичко заедно? // *Кастелов Б.* Указ соч. С. 782.

II. 1956, февраль. XX съезд. Что это было?

Ю. С. Новопашин
(Институт славяноведения РАН)

Доклад Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС: внешнеполитические аспекты

Что касается зарубежных дел, к ним не шибко грамотный Н. С. Хрущев до кончины И. В. Сталина отношения не имел и даже знаком не был с такими «зубрами» этой сферы парт- и госслужбы, как В. В. Воровский, А. А. Иоффе, А. М. Коллонтай, М. М. Литвинов (Валлах), И. М. Майский (Ляховецкий), Ф. Ф. Раскольников, А. П. Розенгольц, Г. В. Чичерин и другие европейски образованные большевики-интеллигенты. Но когда при дележе власти после ухода «хозяина» на Никиту Сергеевича, уже являвшегося в то время одним из секретарей ЦК КПСС, «сбросили» все партийные дела, а на сентябрьском (1953 г.) пленуме не только подтвердили его полномочия, но и сделали первым секретарем[1], то, как говорится, положение уже обязывало... Надо было не только участвовать в партийно-государственных визитах в другие страны, а нередко и возглавлять их, не только зачитывать по бумажке составленные «белыми неграми» тексты правительственных заявлений и соответствующих речей. Следовало также «вносить вклад» в сокровищницу марксизма-ленинизма — без этого не обходилось по неписаному цековскому правилу зачисление в ранг «выдающихся» (а то и «гениальных») деятелей международного коммунистического и рабочего движения.

И Хрущев не замедлил себя проявить. Уже в Отчетном докладе ЦК XX съезду, с которым он выступил, имели место кое-какие новации, перенесенные затем в документальную часть съездовской стенограммы. В частности, заявлялось, что «главную черту нашей эпохи составляет выход социализма за рамки одной страны и превращение его в мировую систему»[2]. Насколько можно судить, в данном случае понятие «мировая система социализма» появляется в теоретико-пропагандистском обиходе советских коммунистов впервые, и не в последнюю очередь по чисто прагматическим соображениям. Дело в том, что ко времени XX съезда в широком ходу было понятие «социалистический лагерь», но оно в 1955 г. подверглось критике с югославской стороны. Последняя подчеркивала, что, хотя идет на нормализацию отношений с СССР и его восточноевропейскими союзниками, но ни в какой «лагерь» вступать не собирается и полагает достаточным называть государства, вставшие на путь созида-

ния нового, неэксплуататорского общества, просто социалистическими странами.

Хрущев и его коллеги по Президиуму ЦК КПСС считали югославское предложение в принципе приемлемым, но недостаточным, поскольку оно, дескать, упускает из виду интернационалистский аспект в качестве одной из важнейших *системных* характеристик новой международной, межгосударственной общности. Отсюда и появление на XX съезде, что называется, согласительного (или примирительного) предложения насчет мировой системы социализма. Хотя и в Отчетном докладе, и в резолюции по итогам его обсуждения используется также старая терминология о «все возрастающем влиянии на ход мировых событий международного лагеря социализма», который, «насчитывая более 900 миллионов человек», находится в состоянии «неуклонного укрепления»[3] и т. п.

Определенной новацией в Отчетном докладе стало выдвижение на первый план в советской зарубежной политике не классового критерия непримиримой борьбы с империалистическими странами, а налаживания с ними всесторонних связей на базе «известных пяти принципов, выдвинутых Китайской Народной Республикой и Индийской республикой и поддержанных Бандунгской конференцией и широкой международной общественностью». Эти пять принципов, по мнению Н. С. Хрущева, могли бы регулировать «мирные отношения между всеми государствами в любой части земного шара»[4]. В резолюции по Отчетному докладу упомянутые принципы — взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета, ненападение, невмешательство во внутренние дела друг друга, развитие межгосударственных отношений на основе равенства и взаимной выгоды, мирное сосуществование и экономическое сотрудничество — определены как «наилучшая в современных условиях формула» международного взаимодействия[5].

Правда, чтобы дремучие ортодоксы не усмотрели в трактовке курса на мирное сосуществование в качестве стержня внешнеполитической стратегии КПСС некой подмены ленинизма ревизионистской ересью, Хрущев делает в докладе следующую оговорку: «Не подлежит сомнению, что для ряда капиталистических стран насильственное ниспровержение буржуазной диктатуры и связанное с этим резкое обострение классовой борьбы являются неизбежными»[6].

Но дальше опять встречается весьма расширительное толкование ленинских идей, когда к ним подверстывается допущение победы социализма мирным путем, если «рабочий класс, объединяя вокруг себя трудящееся крестьянство, интеллигенцию, все патриотические силы», получит таким образом «возможность нанести поражение реакционным антина-

родным силам, завоевать прочное большинство в парламенте и превратить его из органа буржуазной демократии в орудие действительной народной воли»[7]. Ленин же, как известно, рассматривал буржуазный парламент в качестве конторы, где лишь обманывают рабочих и крестьян, считал его историческое утверждение прогрессивным только в сравнении с феодально-средневековыми порядками, а по отношению к социалистическим — однозначно реакционным. То есть Ленин и его соратники пребывали в этом вопросе в плену сектантско-революционаристских воззрений, а Хрущев со товарищи заняли на XX съезде более трезвую и перспективную позицию.

Если говорить о действительных взглядах В. И. Ленина, а не о приписывании ему того, что диктуется политико-пропагандистской злобой дня, хотя и отсутствует в литературном наследии большевистского вождя, то надо отметить восстановление в своих правах на страницах Отчетного доклада и в итоговых документах XX съезда ленинского положения о многообразии путей к социализму и его конкретных форм[8]. Подобное положение в условиях абсолютизации российского революционного опыта замалчивалось, и как раз со времени XX съезда начинает развертываться обратный процесс деабсолютизации этого опыта и системы советского типа в народно-демократических странах.

Вот, пожалуй, и все новации общетеоретического плана, содержавшиеся в хрущевском докладе, в частности в его 6-м разделе, имевшем подзаголовок «Некоторые принципиальные вопросы современного международного развития», а также в основной резолюции XX съезда. Конечно, этого для многочасового оглашения упомянутого доклада первым секретарем ЦК КПСС было микроскопически мало. С точки зрения рядового члена партии данные новации почти не просматривались. Так что былая популярность XX съезда обусловливалась не оригинальностью отчетного доклада или какой-то необычной оживленностью обсуждения последнего, заранее — как всегда — срежиссированного. XX съезд стал событием для партии и страны после заключительного заседания 25 февраля, на котором Н. С. Хрущев выступил со вторым докладом, содержавшим критику злоупотреблений властью со стороны доселе непогрешимого вождя, отца и учителя всех трудящихся И. В. Сталина. И хотя критика эта носила вроде бы закрытый характер (заседание прошло без глав делегаций «братских» коммунистических и рабочих партий, других иностранных гостей, без допуска представителей отечественной и зарубежной прессы, радио и телевидения), о необычной ее направленности сразу же стало известно: «секретный» доклад обсуждался едва ли не на каждой кухне...

И надо прямо сказать, что в этих неформальных обменах мнениями, участником которых был, в частности, и автор данных строк, меньше всего всплывали какие-то внешнеполитические проблемы. Не на них был сделан акцент во втором хрущевском докладе, в тексте которого имелся всего один соответствующий абзац, перекочевавший затем в постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «Последствиями культа личности, как известно, были некоторые серьезные ошибки в руководстве различными отраслями деятельности партии и Советского государства как во внутренней жизни Советской страны, так и в ее внешней политике, — говорилось в отмеченном абзаце. — Можно, в частности, указать на серьезные ошибки, допущенные Сталиным в руководстве сельским хозяйством, в организации подготовки страны к отпору фашистским захватчикам, на грубый произвол, приведший к конфликту в отношениях с Югославией в послевоенный период. Эти ошибки нанесли ущерб развитию отдельных сторон жизни Советского государства, тормозили, особенно в последние годы жизни И. В. Сталина, развитие советского общества, но, само собой разумеется, не увели его в сторону от правильного пути развития к коммунизму»[9].

Приведенное охранительное по своему духу положение осталось неразвернутым, лишенным аналитического разбора, бескомпромиссных выводов из рассмотрения конкретных примеров негативного воздействия сталинского руководства на политику тех или иных государств, особенно стран Центральной и Юго-Восточной Европы. После смерти «отца народов» советские власти вознамерились подтолкнуть эти страны к либерализации их коммунистических режимов, чтобы последние могли избавиться, по примеру Кремля, от репрессивно-догматической заскорузлости, встать на путь некоторой десталинизации.

Но тут были свои «подводные камни». Либерализация коммунистических режимов, разворот в сторону некоторой их десталинизации не могли не инициировать процесс партийно-государственной демократизации, что в свою очередь усиливало в общественно-политической жизни значение принципов парламентарного плюрализма, всеобщей выборности, а это не исключало ситуации, когда коммунисты могли быть отодвинуты от государственного кормила. Механизм же влияния КПСС и правительства СССР на народно-демократические страны тесно увязывался как раз с нахождением местных компартий у власти — всякое их оттеснение от этой власти неизбежно повело бы к уменьшению советского влияния.

Таким образом, возникло явное противоречие между тенденцией к десталинизации коммунистических режимов и, следовательно, ослаб-

ления влияния КПСС и советского правительства, с одной стороны, и стремлением СССР к удержанию и укреплению контрольных позиций в этом регионе и в целом на Европейском континенте в качестве одного из главных победителей во Второй мировой войне — с другой. Неизвестно, осознавали ли Хрущев и его соратники данное противоречие во всей его серьезности — на это в материалах XX съезда нет никаких указаний, — но послесъездовские события в восточноевропейском регионе и характер реагирования на них кремлевских правителей однозначно свидетельствовали о том, что решение было принято тупиковое: держать и не пущать!

Можно смело утверждать, что, руководствуясь решением примерно такого типа, советские власти в июне 1953 г. «умиротворяли» с помощью танков недовольное население ГДР, в ноябре—декабре 1956-го опять же с помощью своих вооруженных сил разбирались с «венгерским вопросом», а несколько раньше, в октябре того же года, использовали все возможности давления на ПНР (от угрожающих передвижений танковых соединений, получивших приказ идти на Варшаву, и до появления на рейде Гданьска советских боевых кораблей), с тем чтобы ее руководители не только убрали с улиц и площадей многочисленных демонстрантов, выражавших недовольство своей жизнью, но и решительно противодействовали всем иным протестным, в том числе антисоветским, проявлениям так называемого «польского октября».

Сложившаяся тогда международная ситуация со всей очевидностью свидетельствовала, что попытки советских властей декларировать иную, чем в предыдущий период, политику в отношении народно-демократических государств оказались весьма робкими, непоследовательными, демагогическими по своему характеру. Ведь что получалось: 31 октября 1956 г. публикуется Декларация советского правительства о существе новых отношений с этими государствами, перечисляются общедемократические принципы международного сотрудничества (равноправие, невмешательство во внутренние дела друг друга, безусловное уважение национального суверенитета и т. п.), а 4 ноября огромное количество войск «большого брата» вторгается в венгерские пределы, совершает марш на Будапешт и, как говорится, огнем и мечом «наводит там порядок».

После такого выполнения Советским Союзом своего интернационального долга все заверения его «коллективного руководства» в решительном развороте к открытости, добрососедству и другим демократическим нормам международного права не без оснований стали квалифицироваться не только на Западе, но и в народно-демократических странах как беспардонное лицемерие, внешнеполитический макиавеллизм в худ-

шем его виде. Особенно, конечно, всем этим был нанесен сильнейший удар по реноме Н. С. Хрущева, пытавшегося на XX съезде противопоставить свой курс прежним властям (как будто сам не был их неотъемлемой частью!), осуждавшего в «секретном» докладе Сталина за волюнтаризм во внутренней и внешней политике. Уже тогда, в конце 1956 г., первого секретаря ЦК КПСС стали называть болтуном, решившимся на критику своего политического кумира по конъюнктурным соображениям, прежде всего в целях продвижения к единовластию.

Очевидные удары в то время по международному престижу Н. С. Хрущева и всего «коллективного руководства» СССР, разброд и шатания в народно-демократических странах не могли не беспокоить данное руководство. Решили активизироваться в этом отношении не по межгосударственной, а по межпартийной линии. Я имею в виду Совещание представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран (именно на нем стали впредь именовать народно-демократические страны социалистическими), состоявшееся после празднования в Москве 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции, 14—16 ноября 1957 г. Присутствовали на Совещании делегации Албанской партии труда (АПТ), Болгарской коммунистической партии, Венгерской социалистической рабочей партии, Партии трудящихся Вьетнама, Социалистической единой партии Германии, Компартии Китая (КПК), Трудовой партии Кореи (ТПК), Монгольской народно-революционной партии, Польской объединенной рабочей партии, Румынской компартии, КПСС и Компартии Чехословакии. Всеми двенадцатью этими делегациями была принята Декларация, где излагался вопрос о главных закономерностях социалистической революции и социалистического строительства, присущих, как там говорилось, «*всем странам, вступающим на путь социализма* (курсив мой. — *Ю. Н.*)», и об учете национальных особенностей различных государств. В ней также заявлялось о необходимости укрепления единства социалистических стран и о принципах их взаимоотношений; о великом историческом значении мировой социалистической системы и о коллективной задаче ее дальнейшего укрепления (кстати, само понятие мировой социалистической системы обрело свою международную жизнь тоже на этом совещании, заменив вызывавшее разночтения понятие социалистического лагеря). Наконец, сюда перекочевало из Отчетного доклада ЦК КПСС XX съезду положение о различных формах перехода стран к социализму.

В качестве комментария к этому документу остановлюсь только на том, о чем у нас воздерживались говорить и писать в минувшие времена,

а именно на расчетах верхушки КПСС на *дисциплинирующее* влияние предпринятой по ее инициативе международной кодификации главных закономерностей социалистической революции и социалистического строительства, являвшихся на самом-то деле слепком прежде всего с советского опыта.

С одной стороны, Н. С. Хрущев в духе своего «реформаторства», намерения демократизировать и внутрипартийную обстановку в КПСС, и поведение партии на коллективных форумах, заявил о ненужности подчеркивать руководящую роль КПСС, о том, что она отказывается от подобной роли, а с другой — стремился сохранить какой-то легальный рычаг (кроме тщательно скрывавшейся денежной подпитки многих партий) воздействия на братские страны, какую-то «дубинку» для так называемых отступников. В этом смысле упомянутая кодификация закономерностей социалистической революции и строительства социализма в СССР определенную роль, конечно же, сыграла, тем более, что руководство КПСС, пытаясь повысить степень международного признания данной кодификации, устроило обмен мнениями и на Совещании делегаций коммунистических и рабочих партий 64-х стран, приехавших на празднование 40-летия Октября (16—19 ноября 1957 г.). В целом эти делегации высказались по обсуждавшемуся вопросу вполне одобрительно*.

А подтверждений тому, что эта кодификация «работала» в качестве весомого довода для отеческого вразумления братьев по классу и дубинки для отступников, немало можно найти в литературе, связанной с советско-китайским конфликтом 1960—1970-х годов, с нападками хрущевской камарильи, например, на XXII съезде КПСС на Албанию, в материалах как советско-югославской полемики второй половины 1950 —

* Можно отметить, что одобрение упомянутым Совещанием распространялось и на такой вопрос (который вынесла на обсуждение венгерская делегация), как «высшая мера» наказания Имре Надя, дерзнувшего возглавить правительство первой в Восточной Европе антитоталитарной революции. Лидеры компартий, включая М. Тореза, П. Тольятти и др., дружно проголосовали за смертный приговор. Лишь В. Гомулка позволил себе усомниться в целесообразности столь жестокой расправы. Но его возражения так и остались «гласом вопиющего в пустыне». Верховный суд ВНР, когда позднее выносил обвинительное решение, опирался, конечно, в числе прочего и на это мнение международной партноменклатуры. И. Надь, как известно, окончил свои дни 16 июня 1958 г. на виселице во внутреннем дворике центральной тюрьмы Будапешта (См.: Черная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии. 2-е изд., испр. М., 2001. С. 314).

первой половины 1960-х годов, так и травли в брежневские времена «Пражской весны», за время которой с января по август 1968 г. обвинений по адресу партийно-государственного руководства ЧССР, интеллигенции этой страны столько сыпалось со страниц советской печати, что с лихвой хватило на оперативно подготовленные Политиздатом так называемую белую книгу «К событиям в Чехословакии. Факты, документы, свидетельства прессы и очевидцев» (М., 1968) и несколько томов пропагандистского издания «Марксизм-ленинизм — единое интернациональное учение» (М., 1968. Вып. 1—5).

Теперь о московском Совещании 1960 г. представителей 81 коммунистической и рабочей партии. В аспекте моих размышлений о XX съезде это Совещание интересно тем, что состоялось в преддверии XXII съезда КПСС (до его открытия оставалось меньше года), на котором предполагался новый виток критики сталинского культа личности и разоблачения его негативных последствий, а также предание гласности дискуссии в мировом коммунистическом движении, начавшейся на фоне позитивного или негативного отношения к этим разоблачениям. Позиция делегации КПСС по проблемам войны и мира, закономерностей социалистической революции и строительства нового общества (делегации АПТ, КПК, ТПК, компартии Австралии и некоторых других) не убедила ее оппонентов, в необходимости, согласно намерениям Хрущева, углубить на очередном съезде критику сталинского руководства, расширить плацдарм этой критики. Предложенное они встретили весьма сдержанно, если не сказать враждебно. К слову, вышеупомянутое заявление главы делегации КПСС о том, что не нужно подчеркивать руководящую роль в комдвижении его партии, что она отказывается от подобной роли, было сделано именно на этом Совещании в контексте развернувшейся на нем дискуссии. И хотя результирующие документы (Заявление коммунистических и рабочих партий, Обращение к народам мира) были подписаны всеми представителями компартий, каждый остался при своих убеждениях. Например, первые лица Народной республики Албании (Э. Ходжа, М. Шеху) покинули Москву до упомянутой заключительной церемонии, избежав таким образом личного в ней участия. Свою подпись под общими документами поставил лишь Хюсни Капо в качестве третьего (и последнего) члена албанской партийной делегации, остававшегося на Совещании до официального его закрытия.

Не составляло секрета, что взгляды тех делегаций, которые оппонировали Хрущеву на Совещании 1960 г., имели немало невольных сторонников среди партийно-государственной номенклатуры СССР. Укреплению

позиций этой пассивной до поры до времени внутренней оппозиции курсу первого секретаря ЦК КПСС содействовал, как это ни парадоксально, сам первый секретарь непоследовательностью реформаторских начинаний и собственных антикультовских убеждений, неспособностью сбросить уже ставшую ему тесноватой сталинскую шинель. Выступая перед московской интеллигенцией немногим более чем за год до снятия со всех постов, Хрущев высказывался в столь консервативном духе, что это повергало буквально в шок его последовательно антисталинских сторонников. Он подчеркивал, что КПСС «отдает должное заслугам Сталина перед партией и коммунистическим движением. Мы и сейчас считаем, что Сталин был предан коммунизму, он был марксистом, этого нельзя и не надо отрицать. Его вина в том, что он совершил грубые ошибки теоретического и политического характера, нарушал ленинские принципы государственного и партийного руководства, злоупотреблял доверенной ему партией и народом властью. Когда хоронили Сталина, то у многих, в том числе и у меня, были слезы на глазах. Это были искренние слезы»[10].

Если, как полагал Хрущев, смена в СССР политических элит с помощью государственно-репрессивного механизма была обычной революционной практикой, к которой прибегали все ответственные работники, не испытывая каких-либо моральных неудобств, то понятно, что он подобную практику уголовно наказуемой не считал, а потому и за Сталиным готов был признать только ошибки теоретического и политического характера, но никак не преступления, тем более уголовные. Как тут не вспомнить известное выражение, что убийство одного человека — это тяжкое уголовное преступление, а загубленные миллионы — большая политика. Упаси нас бог от такой политики героев вчерашних дней, от государственной машины, где, по словам Б. Г. Бажанова, бывшего сталинского помощника, сумевшего в конце 1920-х годов бежать на Запад, «убийство, насилие, массовое истребление вводятся в закон». Быть может, жестковато, но ведь не без оснований он подчеркивал, что «коммунистическая партия как аппарат создания этого нового государства, или, если хотите, социализма с волчьей мордой, сама построена по принципу волчьей стаи. Здесь нет ни друга, ни брата, здесь есть только "товарищ". Что такое "товарищ"? Это тот, кто идет с вами рядом (волк волку тоже товарищ), но до известного момента; он может двадцать лет идти с вами рядом, участвовать с вами в боях и невзгодах, но если он нарушил закон волчьей стаи или стал почему-то стае не подходить, на него набрасываются и мгновенно его загрызают (вам это ничего не напоминает из истории коммунистической партии?): он не друг, не брат, он только "товарищ", не больше»[11].

Горькие в общем-то слова, и они действительно о многом заставляют задуматься. О том, например, что Хрущев пролил слезу в своем втором докладе о погибших в потоке репрессий прежде всего из высшего и среднего звена советской гражданской и военной бюрократии, т. е. говорил только о терроре 1936—1938 гг. Но это ведь была далеко не основная часть репрессированных, можно сказать, капля в море народного страдания. А вот о государственном терроре, коснувшемся простого люда, когда результатом одной только коллективизации (и ее страшного следствия — массового голода в первой половине 1930-х годов на Украине, в Краснодарском и Ставропольском краях, на всем Северном Кавказе, в Поволжье и Казахстане, на Урале и других местах) стало от 15 до 17 миллионов человеческих жертв, он не проронил ни слова[12]. Выходит так, что всяких там постышевых, эйхе, варейкисов и шеболдаевых с блюхерами, тухачевскими и уборевичами жалко, а, скажем, крестьян-кормильцев страны не жалко. Ну, получилась, дескать, в хлеборобах убыль от репрессий, так бабы еще нарожают...

А что касается «товарищей» по партии, номенклатурных страдальцев, так ведь, как справедливо отмечал А. И. Солженицын, «большинство их, стоявших у власти, до самого момента собственной посадки безжалостно сажали других, послушно уничтожали себе подобных по тем же самым инструкциям, отдавали на расправу любого вчерашнего друга или соратника. И все крупные большевики, увенчанные теперь ореолом мучеников, успели побыть и палачами других большевиков (уж не считая, как прежде того они все были палачами беспартийных)». Может быть, — заключает писатель, сам бывший зэк, — тридцать седьмой год и нужен был для того, чтобы показать, как мало стоит все их *мировоззрение*, которым они так бодро хорохорились, разворашивая Россию, громя ее твердыни, топча ее святыни, — Россию, где *им самим* такая расправа никогда не угрожала. Жертвы большевиков с 1918 по 1936 гг. никогда не вели себя так ничтожно, как ведущие большевики, когда пришла гроза на них. Если подробно рассматривать всю историю посадок и процессов 1936—1938 гг., то отвращение испытываешь не только к Сталину с подручными, но — к унизительно гадким подсудимым, омерзение к душевной низости их после прежней гордости и непримиримости»[13].

О том же неоднократно говорил и покойный В. Т. Шаламов, около 20 лет проведший в лагерях, в том числе колымских, и ссылке. В частности, он свидетельствовал, что «бить на следствии начали во второй половине 1937 г., когда побои следователей быстро вышибали интеллигентский героизм». Подчеркивал, что «в лагере только религиозники были

сравнительно стойкой группой». А что касается партийцев и людей интеллигентных профессий, «они разлагались раньше других». Возвращаясь к этой теме в другом месте, Шаламов вспоминал: «Я видел людей — и много, — которые приказывали расстреливать, — и вот сейчас их убивали самих. Ничего, кроме трусости, кроме крика — тут какая-то ошибка, я не тот, которого надо убивать для пользы государства, — я сам умею убивать»[14].

Думается, комментарии к свидетельствам этих выдающихся русских писателей совершенно излишни. Но вернемся к международной тематике. Выше уже упоминался XXII съезд КПСС, проходивший с 17 по 31 октября 1961 г. В контексте моих размышлений этот съезд интересен так называемым вторым витком критики сталинского культа личности и его негативных последствий сверху, критики представителями номенклатуры, Ведь известно, что еще летом 1956 г. планировался пленум ЦК КПСС, посвященный идеологическим вопросам. На нем предполагались доклады Г. К. Жукова и Д. Т. Шепилова. Судя по сохранившимся проектам этих докладов, именно данный пленум задумывался как второй виток процесса десталинизации: министр обороны Жуков должен был развернуто и аргументированно довести до сведения собравшихся, что натворил генералиссимус в военной сфере, а секретарю ЦК Шепилову предстояло разобраться с «грехами» почившего в бозе вождя в партийной области. И хотя пленум тогда отменили без всякого объяснения причин, Хрущев в интересах утверждения в верхах своего фактического лидерства не оставил намерения вернуться к антикультовским вопросам, «подверстав» их к тематике XXII съезда с тем, чтобы и дальше использовать в качестве орудия борьбы против старых соратников, не признававших в нем нового вождя.

Задумывался этот второй виток осенью 1961 г., как можно предполагать, гораздо масштабнее, чем получилось на самом деле. Масштабнее — в смысле намерения «копнуть глубже». Но столкнувшись на Совещании 1960 г. с известным афронтом своим антикультовским идеям, а также памятуя о наличии многочисленных внутренних недоброжелателей, первый секретарь ЦК КПСС, председатель Совета министров СССР со своим окружением решили, видимо, несколько притормозить, ибо характер критических выступлений на XXII съезде различных парт- и госчиновников был таков, что никакого «углубления вопроса» не просматривалось, а чувствовались, напротив, жесткая дозированность критики сталинского культа, стремление так о нем сказать, чтобы не возникло каких-нибудь ненужных аналогий. Ведь вовсю уже разворачивалось восхваление Хру-

щева, оттеснившего к тому времени от властных рычагов политических конкурентов в лице Маленкова, Молотова, Кагановича и тем самым обеспечившего себе по существу диктаторские полномочия. Так, первый секретарь Московского горкома партии П. Н. Демичев, открывший обсуждение отчетного доклада ЦК, проекта новой партийной программы и отчетного доклада ЦРК КПСС, «запел» сразу же о «выдающемся ленинце, неутомимом борце за коммунизм Никите Сергеевиче Хрущеве, уверенно ведущем наш народ к новым и новым высотам». В том же духе «расшаркивались» перед первым лицом глава коммунистов Украины Н. В. Подгорный, председатель Совмина РСФСР Д. С. Полянский, заведующий Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам Л. Ф. Ильичев и др. Но всех перещеголял в царедворском подхалимаже председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, шесть раз в своем небольшом выступлении возвращавшийся к ритуальным поклонам «нашему дорогому Никите Сергеевичу»[15].

Эта все нараставшая волна славословий по адресу первого лица была, конечно, не стихийным проявлением чувств делегатов съезда, с которым его руководители не знали как справиться, а неотъемлемым ритуалом, отработанным за долгие годы подготовки и проведения подобных общепартийных спектаклей. Их режиссеры прекрасно понимали, что они делают, ибо мощь упомянутой волны раболепного, верноподданнического подобострастия всегда оказывалась обратно пропорциональной деловому съездовскому настрою, решимости ставить сложные вопросы, требовать от начальства ясных на них ответов и т. д. Не избежал подобной участи и XXII съезд, на котором вдумчивого обсуждения проблем сталинского культа личности и путей преодоления его негативных последствий по большому счету не получилось. (Да оно, такого рода обсуждение, никому, как видно, и не было нужно.) Каждый из записанных выступить на данную тему высоких сановников отбарабанил свое заранее заготовленное выступление, направленное, главным образом, на дальнейшую дискредитацию уже поверженных противников Хрущева и на холуйско-услужливую констатацию его безоговорочного главенства в партии и государстве. Иных сюжетов никем не предлагалось, ибо инициатива снизу тут никак не поощрялась, да и не было желающих спонтанно, так сказать, выйти на трибуну (народ в только что отстроенном Дворце съездов сидел дисциплинированный, давно уже отвыкший от какой-либо самодеятельности).

Правда, что касается делегатов, не обремененных начальственными должностями и, более того, подвергавшихся в недалеком прошлом государственным репрессиям, то одно-единственное выступление такого рода

члена партии с 1902 г., ленинградки Д. А. Лазуркиной было запланировано. Говоря об обстановке в партии в 1937 г., она отметила, что «господствовал не свойственный нам, ленинцам, страх. Клеветали друг на друга, никому не верили, клеветали даже на себя. Создавали списки для ареста безвинных людей». В лагере, по словам Лазуркиной, они боролись с произволом. Какими средствами боролись, Дора Абрамовна уточняет: «Мы писали, писали до бесконечности. Если посмотреть архив моих писем, то можно насчитать тома. Я писала Сталину до конца. Писала и другим, писала в партконтроль. Но, к сожалению, и наш партийный контроль оказался в то время не на высоте, поддался общему страху и тоже не рассматривал наших дел». Обращаясь в заключении своей речи к оценке Сталина, эта представительница покорных лагерных благомыслов* заявила, что генсек «имел заслуги в прошлом, до 1934 г., но рядом с Лениным быть не может»[16]. На мой взгляд, это было выступление типичной упертой большевички, которую и лагерь ничему не научил. Впрочем, речей иного характера на том съезде и быть не могло.

Еще один аспект съездовской тематики. Я уже говорил, что Хрущев и его окружение предполагали предать гласности факт своей полемики на Совещании 1960 г. с делегациями КПК, АПТ и некоторых других компартий. Однако решили китайцев не упоминать, а ограничиться антиалбанскими сюжетами. И поскольку последние оказались вмонтированы в речи Л. И. Брежнева, И. И. Бодюла, Н. Г. Игнатова, Н. А. Косыгина, О. В. Куусинена, А. И. Микояна, Н. А. Мухитдинова, Б. Н. Пономарева, П. Н. Поспелова, М. А. Суслова, а также в заключительное слово Н. С. Хрущева по итогам обсуждения отчетного доклада ЦК, т. е. затрагивались в выступлениях 11 высших партийных и государственных деятелей СССР, любой, даже не искушенный в политике человек понимал, что основной целью кремлевских полемистов являлись власти не маленькой Албании, а куда более влиятельной державы.

Сейчас можно спорить, так ли уж необходимо было этой тяжелой партийной артиллерии обрушивать свой шквальный огонь на Энвера Ходжу, Мехмеда Шеху и других албанских коммунистов, но факт остается фактом: межпартийные и межгосударственные отношения с этой небольшой балканской страной были прерваны после XXII съезда по инициативе именно Хрущева и отсутствовали почти тридцать лет (с декабря 1961 по апрель 1991 г.).

---

*Термин А. И. Солженицына (См.: *Солженицын А. И.* Архипелаг ГУЛАГ. 1918—1956. Опыт художественного исследования. Части третья и четвертая // *Солженицын А. И.* Собр. соч. в 9-ти томах. М., 2000. Т. 5. С. 302).

* * *

Если бы великодержавные замашки хрущевского «коллективного руководства» ограничивались только этим примером, не стоило бы даже чернила тратить на изложение всего вышесказанного. Но, к сожалению, примеров было куда как больше. Н. С. Хрущев осудил сталинское единовластие, протянувшее свои щупальца далеко за пределы СССР, но сохранил по существу карательно-диктаторскую форму правления. Справедливо отмечал российский ученый В. П. Наумов*, что «со смертью Сталина — главного вдохновителя и организатора массовых репрессий — не был положен конец этим преступлениям. Конечно, террор не принимал прежних чудовищных масштабов, которые практиковал Сталин, но в принципе репрессии сохранились, и их применение руководством партии считалось вполне правомерным и необходимым. Репрессии явились составной, неотъемлемой частью той административной системы, которая установилась в обществе после октября 1917 года»[17]. То есть ленинско-сталинские взгляды на репрессии как необходимое орудие руководства страной разделяли и все последующие большевистские лидеры (Хрущев, Брежнев, Андропов), видевшие свою главную задачу в сохранении любой ценой того строя, где монопольная власть принадлежала партгосноменклатуре, которую они возглавляли. И это достигалось не только организационной работой, высоким искусством массовой «промывки мозгов», но и насилием в отношении тех, кто придерживался иных взглядов. Почти до конца «коммунодержавия» такая диктаторская позиция, констатировал тот же Наумов, «молча воспринималась партией как должное. Без сопротивления воспринимала беззакония и страна в целом»[18].

Совсем не удивительно поэтому, что Хрущев во внешней политике, как, впрочем, и внутри страны, предпочитал опираться на «проверенные» кадры сталинских времен. А они, эти кадры, всегда смотрели с подозрением на свою восточноевропейскую вотчину, никогда не доверяли полностью тамошним коммунистам (а объективные основания не доверять были тоже не единичными) и потому пытались повсеместно настаивать на своем. XX и XXII съезды КПСС в этом смысле ничего не изменили. А после них на целую четверть века вообще исчезли из лексикона правителей СССР такие понятия, как «либерализация», «гласность»,

---

*Длительное время доктор исторических наук, профессор В. П. Наумов был ответственным секретарем Комиссии при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий.

«десталинизация», «демократизация» и пр. И неудивительно также, что движение за антидиктаторские изменения в общественно-политической и социально-экономической системе стран Центральной и Юго-Восточной Европы, как и реформаторское течение внутри мирового коммунизма, по справедливому замечанию одного чешского историка, «тем самым постепенно вступали на путь противостояния советской политике»[19].

Как данное противостояние нарастало в 60—80-х годах прошлого века и чем закончилось — это уже другая тема. Отнюдь не предвосхищая ее конкретную разработку, подчеркну в заключение следующее: чрезвычайно малая способность кремлевского коммунистического режима в любом его личностном воплощении к демократическим переменам всегда была ферментом подспудного антисоветского брожения в странах социалистического содружества и во всем мировом коммунизме. Антикультовские речи на XX и XXII съездах породили в упомянутых странах известные надежды на преодоление в СССР феномена нереформируемости авторитарной властно-управленческой структуры и такого ее неотъемлемого атрибута, как имперская, экспансионистская внешняя политика. Но подобные надежды времен хрущевской «оттепели», как позднее и горбачевского перестроечного периода, не оправдались. Советский строй рухнул, так и не изменив по большому счету своей ленинско-сталинской природы. Под его обломками оказались погребенными все начинания партийных реформаторов, в том числе и хрущевские, подчас больше тормозившие, чем способствовавшие развитию страны, росту ее международного влияния.

Надо прямо сказать, что непродуманные, неудачные преобразования Н. С. Хрущевым внутриобщественной сферы, его экстравагантные, отнюдь не от большого ума выходки в ООН, опасные авантюры на мировой арене отпечатались в народной памяти куда более рельефно, чем что-либо другое. И до сих пор, если заходит соответствующий разговор, тут же извлекаются на свет божий перлы неугомонной мысли «дорогого Никиты Сергеевича» вроде утопии об общенародном государстве и построении коммунизма к 1980 г., кукурузной панацеи для нашей страны и иных благоглупостей. «Как это ни обидно, — размышлял видный отечественный литератор В. Ф. Тендряков, — но ум и проницательность среди высоких политических деятелей, тех, кто возглавляет людей, руководит жизнью, — скорее исключение, а не нормальное явление. Да, сам по себе Хрущев был безрасчетно, упоенно глуп, глуп с русским размахом, но, право же, он принципиально ничем не отличался от других видных политиков, страдал их общей бедой»[20].

Однако с точки зрения интеллигенции, политических, научных и культурно-образовательных кругов Н. С. Хрущев занял свое место в истории не только в виде *негативного* примера вседержавной самонадеянности, которая, по словам Тендрякова, «нравственно калечила общество, воспитывала лжецов, льстецов, жестоких, беспардонных прохвостов типа "рязанского чудотворца" Ларионова, делающих карьеру на чиновном разбое»[21]. Российской и международной демократической общественностью имя этого партийного и государственного деятеля выдвигалось и будет выдвигаться на передний план в качестве прежде всего позитивного примера эпохального для времени XX съезда КПСС разоблачения человеконенавистнического, истребительного характера коммуно-большевистской системы, пусть во многом и невольного. Этот характер адепты системы пытались всячески скрывать за плотным занавесом поистине иезуитской демагогии и откровенной лжи. Когда же первый секретарь ЦК попытался несколько приоткрыть занавес (главным образом, как я считаю, в своих карьерных целях), система получила удар, вызвавший в ее организме необратимые изменения. Их общий знаменатель — утрата доверия значительной части населения к власти и к олицетворявшим ее лидерам, что нельзя определить иначе, чем началом смертельной агонии «реального социализма», растянувшейся, правда, в российских условиях на долгие три с половиной десятилетия.

Примечания

[1] Пленум ЦК КПСС. 3—7 сентября 1953 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд, доп. и испр. Т. 8 (1946—1955). М., 1985. С. 303.

[2] XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14—25 февраля 1956 года. Стенограф. отчет. В 2-х т. М., 1956. Т. 1. С. 10; Т. 2. С. 410.

[3] Там же. Т. 1. С. 22, 40; Т. 2. С. 411.

[4] Там же. Т. 1. С. 36.

[5] Там же. Т. 2. С. 412.

[6] Там же. Т. 1. С. 39.

[7] Там же. Т. 1. С. 40; Т. 2. С. 415—416.

[8] Там же. Т. 1. С. 38—39; Т. 2. С. 414—415.

[9] О преодолении культа личности и его последствий. Постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 9 (1956—1960). М., 1986. С. 122.

[10] Высокая идейность и художественное мастерство — великая сила советской литературы и искусства. Речь товарища Н. С. Хрущева на встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства 8 марта 1963 года // Правда. 1963. 10 марта. С. 2.

[11] *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М., 1990. С. 169.

[12] За 1930 — начало 1937 г. потери населения СССР начальник ЦСУ в хрущевские времена В. Н. Старовский определял в 16,7 млн человек (См.: Вестник статистики. 1964. № 11. С. 11). Английский историк Р. Конквест писал о 14,5 млн погибших за указанный период, уточняя, что «поскольку к началу 1937 г. не было массового уничтожения других социальных категорий, исключая малые величины в десятки тысяч убитых, то в действительности все эти потери населения приходятся на крестьянство» (*Conquest R.* The Harvest of Sorrow. Soviet Collectivization and the Terror-Famine. New York—Oxford, 1986. P. 301, 306). Я воспользовался именно этими цифрами, округлив их с учетом «малых величин» в десятки тысяч жертв, не попавших в статистические донесения, до 15—17 млн человек.

[13] *Солженицын А. И.* Архипелаг ГУЛАГ. 1918—1956. Опыт художественного исследования. Части первая и вторая // *Солженицын А. И.* Малое собрание сочинений. М., 1991. Т. 5. С. 119.

[14] *Шаламов В. Т.* Воспоминания // Знамя. 1993. № 4. С. 127; *Он же.* Из «колымских рассказов» // Знамя. 1989. № 6. С. 21.

[15] XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17—31 октября 1961 года. Стенограф. отчет. В 3-х т. М., 1962. Т. 1. С. 258, 268, 340, 342, 344, 345, 351, 352; Т. 2. С. 44, 188—189; Т. 3. С. 130 и др.

[16] Там же. Т. 3. С. 120.

[17] *Наумов В. П.* Н. С. Хрущев и реабилитация жертв массовых политических репрессий // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 25.

[18] Там же.

[19] *Рейман М.* Н. С. Хрущев и европейские страны «социализма»: заметки на важную тему (1953—1957 гг.) // Славянские народы: общность истории и культуры. М., 2000. С. 422.

[20] *Тендряков В.* На блаженном острове коммунизма // Новый мир. 1988. № 9. С. 29—30.

[21] Там же. С. 30.

А. Ф. Носкова
(Институт славяноведения РАН)

XX съезд КПСС и «секретный доклад» Н. С. Хрущева: что это было?

Прошедшие 50 лет со времени крупных политических событий минувшего столетия — XX съезда КПСС и первых системных кризисов социализма — серьезный повод для взвешенного, объективного, подлинно научного анализа прошлого. Принципиально важно, что политические перемены и начавшаяся в 1990-е годы в нашей стране и странах бывшего советского блока «архивная революция» дают возможность на новой документальной базе реконструировать историю социализма, отбросив ненужную ее политизацию и идеологизацию.

С XX съездом КПСС многие исследователи связывают начало постепенной, с приливами и отливами, трансформации того этапа в существовании тоталитарного политического режима левого толка в СССР и странах Восточной Европы, на который пришлось правление Сталина. Тогда одним из характерных приемов удержания власти правящей группировкой во главе с вождем стали массовые, как правило, псевдополитические репрессии представителей разных социальных слоев. Они превратились в важнейший инструмент устрашения и подчинения общества власти. За этим тяжелым временем в жизни многих поколений людей закрепилось название сталинизм.

Длительный период в коммунистической идеологии и марксистско-ленинской исторической науке господствовал «тираноборческий» тезис, а точнее миф, согласно которому разрушение тоталитарных режимов происходит в результате сопротивления народа. В настоящее время, возвращаясь к истории социальных потрясений при социализме и наблюдая на рубеже 1980—1990-х годов XX в. его «уход» в прошлое, политологи уделяют все большее внимание другой проблеме. Анализируется роль «прогрессивной» части политических элит в «организации», по сути дела, разрушительных общественно-политических процессов. Причем, этим процессам задается такие содержание и направление, где даже ценой политических кризисов или экономических потрясений открываются возможности воспроизводства и легитимизации власти, обновленной, прежде всего, персонально.

Борьба элит за власть, а также клановые противостояния внутри этих социально-политических групп, в свою очередь порождают противоречивые, лишь на первый взгляд, тенденции в обществе. С одной стороны, борьба политических группировок провоцирует появление и возрастание общественного запроса на вмешательство представителей власти в ход событий, на реформы и наведение некоего порядка, в том числе и «твердой рукой». С другой стороны, борьба в среде политической элиты, эксплуатирующей этот запрос в своих интересах, питает постепенно проявляющееся или набирающее силу недовольство «низов», вплоть до рождающегося отторжения режима народом. В этих условиях побеждающая часть элит получает шанс закрепиться во власти ценой смягчения самого политического режима, непоследовательных либерализации экономической политики, демократизации, «гласности». Рано или поздно из стихийного во многом недовольства возникают ростки оппозиции режиму, который, в конечном счете, постепенно продвигается к краху, в том числе усилиями той части политической элиты, которая следует за логикой общественного процесса[1].

Такая политологическая модель представляется перспективной применительно к проблеме, которая в настоящее время, в связи с 50-летием XX съезда КПСС, широко обсуждается отечественными и зарубежными исследователями. Она позволяет на конкретно-историческом материале рассмотреть борьбу внутри советской политической элиты как один из главных факторов, повлиявших на стабилизацию власти и сохранение советского политического режима еще на 40 лет и одновременно в итоге приведших этот режим к исчезновению.

Итак, XX съезд и так называемый секретный доклад Н. С. Хрущева... Что же это было?

И партийный съезд, и этот доклад использовались в советской пропаганде как идеологический инструмент для обоснования происходивших в стране перемен и смягчения политического режима. Но разрушительный для сталинской системы потенциал, заложенный в докладе и, следует подчеркнуть, в поступке Хрущева, вопреки, казалось бы, пониманию и замыслу этого политика, довольно быстро был заблокирован. Уже в мае 1956 г. А. Т. Твардовский с горечью отметил в своем дневнике: « ...Как все ясно и понятно — что нужно и чего не нужно — и как невозможно высказать это, не натолкнувшись на стену иезуитски и демагогически "идейно-выдержанных" коллег, утверждения которых наверняка будут более доступны, привычнее слуху руководства. В лучшем случае — дай бог — добиться "сосуществования с ними"»[2].

Эту характеристику неоднозначных настроений и политической атмосферы в президиуме Союза писателей СССР с полным основанием можно распространить на партийно-государственный аппарат, а также на значительную часть рядовых членов партии и комсомола. Пройдет несколько лет, и одним из аргументов в борьбе «узкого» советского руководства с Хрущевым станет антисталинский «секретный» доклад на XX съезде КПСС. И его автор, и сам доклад надолго будут преданы политическому забвению. Лишь во времена «гласности» ситуация в стране и партии начала постепенно меняться, что создавало условия для новой «жизни» доклада как исторического события своей эпохи.

Тем не менее в СССР текст доклада был опубликован впервые в журнале «Известия ЦК КПСС» в 1989 г.[3] Этому предшествовали газетные его публикации, но документы съезда оставались на секретном хранении в архиве ЦК КПСС. Возобновление после революционных событий 1991 г. в Москве процесса реабилитации жертв политических репрессий и замысел постсоветской элиты организовать суд над КПСС послужили импульсом к работе ученых и архивистов. Но время, отпущенное новой власти для использования доклада с политическими и воспитательными целями, оказалось скоротечным, что определило судьбу доклада, прежде всего, как предмета научных исследований и документальных публикаций.

В середине 1990-х годов материалы съездов КПСС были рассекречены и поступили на государственное хранение. Они стали доступны историкам. Усилиями архивистов и ученых из небытия извлекались тысячи еще недавно сугубо секретных документов. Они составили основу фундаментальных сборников документов. Самые важные публикации пришлись уже на XXI в. Наиболее ценным среди них является издание в серии «Культура и власть от Сталина до Горбачева» текста доклада, который лег в основу выступления Хрущева на съезде 25 февраля 1956 г., и всех выявленных его вариантов и редакций, созданных до и после этого события, а также 200 с лишним документов, связанных с докладом. Издание — плод совместных усилий российских и немецких исследователей[4].

Необычайно богата отечественная мемуарная литература. За последние 15 лет не единожды выходили из печати мемуары Н. С. Хрущева[5]. Опубликованы десятки воспоминаний представителей советского руководства (В. М. Молотова, А. И. Микояна, Л. М. Кагановича, Д. Т. Шепилова, А. А. Громыко и др.), деятелей культуры и науки, военачальников, разведчиков, партийных идеологов и пропагандистов тех лет[6].

Таким образом, сегодня в России ученые имеют объемную группу доброкачественных источников, которая служит и может служить в даль-

нейшем основой для фундаментальных исследований истории XX съезда КПСС и его эпохи.

Постепенно сложился и коллектив российских ученых — исследователей времени правления Хрущева. Вот некоторые из них: Р. Г. Пихоя, Ю. В. Аксютин, А. А. Данилов, А. В. Пыжиков, М. Ю. Прозуменщиков, В. А. Козлов, Е. Ю. Зубкова и др.[7] На мой взгляд, при некоторых нюансах в научных позициях этих исследователей нет принципиальных расхождений в оценке XX съезда КПСС и доклада о «культе личности». Считается, что тогда произошло, несомненно, исключительное событие в истории СССР и КПСС, которое отразило стремление части советской элиты во главе с Хрущевым освободить политический режим от наиболее жестоких его проявлений, а также избавиться от людей из сталинского «ближнего круга» и тем самым подвести некую черту под репрессивным прошлым страны. Утверждение Хрущева новым лидером партии связывается со стабилизацией ситуации в партии, с ослаблением роли органов насилия и укреплением позиций партийных структур в управлении государством, т. е. с обновлением политического курса.

Вместе с тем труды российских ученых нередко содержат и некий «заряд» дискуссионности. Есть сторонники более «узкого» толкования целей Хрущева, а также тех, кто его поддерживал уже до съезда. Делается акцент на том, что, выступая с «секретным» докладом, Хрущев решал, в первую очередь, собственную задачу — укрепиться на посту главы партии и тем самым закончить в свою пользу процесс борьбы за лидерство в постсталинской элите. Представляется, что, особенно в этой последней авторской позиции, есть элемент «недоговоренности», непременно вызывающий у читателя вопросы. Каковы были цели той жесткой критики, с которой Хрущев обрушился на Сталина на XX съезде? Только ли речь шла о подавлении политических противников — конкурентов Хрущева? Ради чего Хрущев боролся за высшую власть в СССР? Каким он видел ближайшее будущее страны? Замышлял ли он перемены, видел ли их возможные пределы? Было ли прозвучавшее на съезде осуждение массовых репрессий началом процесса десталинизации политического режима? Наконец, предпринималась ли Хрущевым, дважды выступавшим на съезде, попытка, сказав делегатам съезда то, о чем не принято было говорить вслух, определенным образом предупредить выросшую при Сталине партийную номенклатуру, или он использовал трибуну съезда прежде всего и только в личных политических интересах? Все это достаточно активно обсуждаемые в отечественной и зарубежной науке вопросы. Ответы на них, как правило, разбросаны по страницам книг, но редко аккумулируются в четкую авторскую позицию.

Пытаясь ответить на некоторые из поставленных вопросов, вернемся в 1953 г. Тогда подавляющее большинство советских людей восприняло смерть Сталина, с которым в массовом сознании репрессии напрямую не ассоциировались, как глубокую личную и коллективную трагедию. Лишь немногие в масштабах многомиллионной страны, может быть десятки тысяч, связывали с этой смертью избавление от тирана и наступление времени перемен, но не они, и это надо признать, определяли в ту пору характер массового сознания. Таков был исторический контекст «внизу».

А «вверху»? Распалась единоличная власть. Сталин не обозначил преемника. Сознательно или просто не успел — это вопрос для иного исследования. Наличие нескольких претендентов на место вождя предполагало перегруппировку сил в Кремле, сделало жесточайшую борьбу за лидерство в высшей советской элите одной из ведущих тенденций политического развития страны на ряд лет. Причем, стержнем, вокруг которого она разворачивалась, немедленно, буквально сразу после похорон Сталина, стала тема «культа личности» и репрессий, а ее автором — всемогущий Л. П. Берия, располагавший не только самой обширной и подлинной информацией «на всех и каждого», но и острым политическим чутьем. Весной 1953 г. он представил членам ЦК КПСС некоторые документы о роли Сталина в организации политических репрессий за истекшие год-два, и обозначил, но не назвал имя их главного виновника и носителя «культа»[8]. Согласились ли с ним члены ЦК — не суть важно. Значительно важнее другое — «наверху» был предложен путь к переменам, а именно к ослаблению террора в стране. Это был путь, болезненный для некоторой части сталинской элиты, но не гибельный для самого режима.

Современные российские исследователи, например Ю. В. Аксютин, считают именно весну 1953 г. временем начала десталинизации страны, вкладывая в это понятие отдельные, хотя и «внешние», но порой весьма заметные проявления смягчения режима[9]. При таком подходе можно согласиться с тезисом Аксютина. Действительно, замыслы и действия Берии были направлены на устранение того, что грубо дискредитировало систему (многие миллионы арестованных — отсюда амнистия, освобождение врачей — сигнал к прекращению антисемитской кампании и политических репрессий на ее основе, некоторая либерализация национальной политики — успокоение «окраин», постановка проблемы советников — намек союзникам и другие, в том числе внешнеполитические новации).

Если же десталинизацию понимать как демонтаж ряда важнейших компонентов созданной Сталиным системы управления обществом (абсолютная, деспотическая власть вождя, и насилие как важнейший метод

руководства страной — отсюда всеобщий контроль, политический сыск и массовые репрессии, внесудебные расправы, атмосфера страха и доносительства), то в применимости этого термина к весне 1953 г. можно согласиться при весьма существенной оговорке. Происходившие сразу после смерти Сталина персональные перестановки на властном Олимпе вызывали интерес, но не меняли общих настроений в стране. Вера в вождя оставалась в массовом сознании непоколебимой, как и нормы общественного поведения. Берия обозначил направление возможных действий элиты по реабилитации режима, но политическая «жизнь» элиты и ситуация в «верхах», и не только там, продолжали формироваться по канонам сталинской эпохи. Сохранялись сложившиеся при Сталине представления о целях, принципах и допустимых инструментах политической борьбы. Это подтвердила деятельность и судьба самого Берии.

Быстрое превращение Берии (с его реформаторскими проектами, обладанием всеобъемлющей информацией и контролем над силовыми ведомствами) в самую мощную фигуру «коллективного руководства», непредсказуемую, а потому в высшей степени опасную для партийно-государственной и военной элиты, также ответственной за то, что происходило в стране при Сталине, было прервано посредством типично советского, откровенного спектакля. Арест недавнего соратника, специальный пленум ЦК КПСС в начале июля 1953 г.[10] и закрытый суд по столь привычному для сталинского времени обвинению в «шпионаже и агентуре в пользу империализма», наконец, расстрел — все это было взято из эпохи 1930—1940-х годов и демонстрировало отсутствие перемен в политическом менталитете и действиях представителей высшей власти. Критика «культа личности» прозвучала, но все беззакония были записаны на счет Берии[11].

Тем не менее искушенные в партийных интригах советские политики уже могли понять, не только то, что скоро, возможно, будет назван основной виновник репрессий — Сталин, но и то, что главным инициатором темы «культа» станет Н. С. Хрущев. Участник июльского пленума, талантливый советский писатель и партийный функционер «от литературы» К. М. Симонов, прослушав обвинительное в адрес Берии выступление Хрущева, сделал вывод, что будущий критик Сталина «оказался проницательней, талантливей, энергичней и решительней, чем все остальные». Симонов отметил и оценил «глубоко природную, чисто мужицкую, цепкую хитрость» Хрущева, «здравый смысл и силу его характера»[12], что ярко продемонстрировали затем XX съезд КПСС и победа Хрущева на этом съезде.

1954—1955 годы были отмечены некоторыми переменами во внешней (ослабление «железного занавеса») и внутренней (новые акценты в развитии экономики) политике партии. Они вошли в историю Советского Союза, в том числе как время первой, недолгой «оттепели» с «заморозками» в духовной жизни общества, в настроениях и деятельности творческой интеллигенции. Что касается темы «культа личности», она возникала, но, как и прежде, открыто, публично не связывалась с главным носителем зла. Имя и образ Сталина, как отмечают историки, непременно присутствовали в речах советских руководителей, в пропагандистской литературе, в официальных документах правительства и партии. Авторитет его охранялся практически до XX съезда КПСС. Исключение имени диктатора из советского политического лексикона, прекращение его прославления в официальных речах, печати и на радио исследователи относят лишь к первым дням февраля 1956 г.[13]

Однако российские ученые считают, что уже после политического и публичного осуждения Берии советское общество, вряд ли удивившись случившемуся разоблачению (обвинения в шпионаже были привычным приемом на политических процессах 1930—1940-х годов), как будто начинало просыпаться от долгой спячки и главное — оно переставало быть монолитом. Для подтверждения этого важна констатация, что решение об освобождении Г. М. Маленкова от должности председателя правительства в январе—феврале 1955 г., т. е. следующее резкое политическое действие Хрущева, вызвало различные, далеко не всегда одобрительные отклики в отдельных социальных группах советского общества, что в эпоху Сталина трудно было даже предположить. В научной литературе и источниках приводятся многочисленные конкретные примеры «несогласия» и среди них можно отметить обсуждение итогов январского (1955 г.) пленума ЦК КПСС на партсобрании философского факультета МГУ. Здесь были лица, «неправильно выступавшие», но за такие «проступки» они теперь отделались только взысканиями[14]. По советским меркам, это были слишком мягкие политические наказания за смелость критиковать решения партийных «верхов», что можно истолковать как симптомы десталинизации политического режима. В ту пору она была возможна лишь при активной позиции той части советской элиты, которая осознавала необходимость критического осмысления деятельности Сталина как средства собственного политического спасения. С этой точки зрения новый политический лидер — Н. С. Хрущев, как позднее и В. Гомулка в Польше[15], оказывался востребованным для доказательства возможности обновления существующего политического режима, для убеждения масс заново в его легитимности и стабильности, наконец, для реабилитации идей социализма.

Одним из проявлений движения советской элиты в таком направлении были заметные перемены во внешней политике и среди них важнейшая для рассматриваемой проблемы — инициатива Хрущева по примирению с Югославией[16]. В данном случае обойти вопрос об ответственности Сталина, казалось, было невозможно. Хрущев нашел выход. Настояв на визите советской делегации в Белград, он разделил вопрос о признании вины Сталина за разрыв советско-югославских отношений в 1948 г. на «внутренний» и «внешний». Попытка югославской стороны на переговорах в Белграде в мае 1955 г. назвать Сталина главным виновником конфликта, что соответствовало истине, была Хрущевым заблокирована. Он предложил не ворошить прошлое и не нападать на Сталина: «Мы не дадим его в обиду, защищать будем...»[17] — и получил поддержку маршала Й. Тито, который сам был в Югославии не меньшим диктатором, чем Сталин в СССР. Тито мог предположить возможные последствия такой критики для себя лично.

В Москве все выглядело по-другому. Как показывают материалы июньского и июльского (1955 г.) пленумов ЦК КПСС, обсуждение истории советско-югославского разрыва сопровождалось жесткой критикой В. М. Молотова, в свое время главного соратника Сталина и министра иностранных дел СССР, теперь упорно перечившего Хрущеву. Ему припомнили многое, в том числе ответственность за пакт 1939 г. с Германией и войну с Финляндией. Хрущев прямо указал на виновников этих и других внешнеполитических «грехов»: сначала Сталин и затем Молотов[18]. Таким образом, тема «культа личности» как тема ответственности за прошлое вновь была использована Хрущевым для подавления следующего его политического противника. Но уже тогда на партийных форумах решались более крупные вопросы, чем только политическая судьба даже столь влиятельного человека, как Молотов.

Речь шла о корректировке внутреннего курса, о цене за сплочение советской элиты или части ее вокруг нового лидера и о консолидации, как тогда говорили, системы социализма. Присутствовавший на пленуме ЦК КПСС в июле 1955 г. А. Твардовский таким увидел Хрущева на обсуждении доклада по промышленности: «Все смело, правдиво, даже с перехлопом — в отношении отставания от США, недоиспользования наших социалистических возможностей, неумелости, некультурности, излишеств централизации и фантастической бессмыслицы наших встречных перевозок и т. п. Но кажется, что частности все верны, а общего ключа ко всему вроде и нет... Какой бы из него был могучий критикан этой стихийности, не будь он во главе дела? Живописен, умен, форсист, груб, но смотрит в корень и хочет добра»[19].

При всей точности описания фигуры Хрущева Твардовский не увидел того «ключа», необходимого для перемен в стране, который уже был в руках Хрущева. В первую очередь это был вопрос вины Сталина за широкие репрессии во всех слоях советского общества. Обвинение вождя вновь прозвучало, правда, пока в узком кругу членов пленума и при поддержке не всех его участников.

После восстановления отношений с Югославией размежевание в советской партийной элите по вопросу оценки прошлого, а значит и определения будущего, проступало все отчетливей. Как считают отечественные авторы новейших монографий, перелом в действиях Хрущева наступил в декабре 1955 г.[20] К этому времени дело нейтрализации конкурентов и удаления из партийной элиты упорных сторонников Сталина проходило для Хрущева довольно успешно. После уничтожения Берии и ряда преданных ему генералов из госбезопасности политические возможности этого ведомства были ограничены. Среди населения стал несколько снижаться «уровень» страха перед государством и его репрессивным аппаратом. Отстранением Маленкова народу показали, что главная роль в управлении обществом возвращается из правительства (госбезопасность) в ЦК партии, членами которой были миллионы людей.

Между тем общая обстановка в стране оставалась сложной. Все более открыто выражалось недовольство острым жилищным вопросом, тяжелым материальным положением, на которое оказывали скромное воздействие меры по стимулированию экономики и снижению розничных цен. В Кремле осознавалась опасность появления широкого недовольства и признаков отторжения режима. Не могли там не понимать и того, что массовые репрессии для подавления недовольства теперь уже были невозможны. Освобождение политзаключенных и их реабилитация порождали, особенно среди интеллигенции, вопрос, что происходило и происходит в стране, и кто в этом виноват? На 1 января 1956 г. в лагерях еще оставалась $^1/_3$ политических заключенных, но, говоря словами А. Ахматовой, две России: та, что сажала, и та, которую посадили, уже глядели в глаза друг другу[21].

Стабилизировать ситуацию (и это не вполне осознавали Хрущев и его ближайшие сторонники) могли мероприятия или события, которые дали бы надежду и перспективу на лучшее будущее. Таким событием должен был стать очередной, XX съезд КПСС. Съезд и отчетный доклад готовились с весны 1955 г. В начале апреля было принято решение о созыве съезда 14 февраля 1956 г. и, хотя предполагалось огласить на нем почти революционные установки, например о мирном сосуществовании и мно-

гообразии форм перехода к социализму, сценарий и повестка дня работы партийного форума оставались в рамках сложившихся идеологических и политических традиций. В духе этих традиций было и принятое на заседании Президиума ЦК КПСС 5 ноября 1955 г. решение отметить в печати и на радио день рождения вождя[22].

Тема «культа личности» Сталина и его вины за массовые политические репрессии, уже достаточно «привычная» для советской партийной элиты, была стремительно, 9—13 февраля 1956 г., т. е. в канун открытия съезда, введена Хрущевым в повестку дня сначала пленума ЦК КПСС и затем съезда партии в качестве отдельного, закрытого доклада Хрущева[23]. Чем это можно объяснить? Несомненно, свое воздействие оказали итоги работы и доклад специальной комиссии ЦК КПСС, созданной 31 декабря 1955 г. для установления причин массовых политических репрессий в стране и возглавлявшейся секретарем ЦК П. Н. Поспеловым. Доклад этой комиссии на заседании президиума ЦК 9 февраля 1956 г. был наполнен многочисленными фактами и документами, которые свидетельствовали о безудержном политическом терроре в стране[24]. Приводимые материалы не могли не оказать эмоционально негативное воздействие на членов Президиума. Но только Хрущев и немногие его сторонники интуитивно смогли осознать большее: существует вероятность возможно наступления политического «момента истины», который откроет уникальную возможность, сделав Сталина единственным виновником недавних трагических событий в стране, «отделить» партию от сталинских преступлений, снять вину за прошлое с партийного руководства и с себя лично, убедить, оказав давление, партийную элиту поддержать нового лидера в его уже обозначившемся политическом курсе.

С этой целью накануне выступления Хрущева с текстом «секретного» доклада, который уже во время работы съезда диктовался, дописывался и редактировался Хрущевым, были в перерыве между заседаниями 22 февраля 1956 г. ознакомлены члены Президиума ЦК КПСС. Напомним, знали о закрытом докладе Хрущева и члены пленума ЦК КПСС, а это около 300 из 1 500 делегатов съезда[25]. Хрущев, взяв всю ответственность за содержание доклада и смелость его оглашения на себя, давал понять представителям партийного аппарата, не проявлявшего особой готовности расстаться со сталинскими порядками, что их союз с Хрущевым и отказ от сталинского «наследия» для них не опасны, напротив, они политически перспективны. Такой союз был необходим и главе партии для реализации нововведений во внутренней и внешней политике, изложенных в отчетном докладе и ни в малейшей мере не посягавших на фундаментальные принципы советского строя и власть партии.

Итак, 25 февраля 1956 г. на трибуне XX съезда стоял человек, многие годы преданно служивший Сталину. Но это был уже другой сталинист, сталинист нового времени, который рисовал правдивую, хотя далеко не полную, картину чудовищных недавних преступлений. В зале сидели тоже сталинисты, которым были известны многие из приводившихся зловещих фактов. Большинство делегатов съезда в разной мере были ответственны за подобные деяния, но прежде молчание служило способом их самосохранения. Теперь Хрущев говорил обо всем вслух, и это настораживало и ошеломляло. Советский философ Ю. П. Францев, заместитель главного редактора «Правды» так, переходя порой на шепот, описывал сослуживцам свои впечатления со съезда: «Я мог думать, что это произойдет когда-то, должно произойти, но никогда не ожидал, что до этого доживу»[26].

Почти сразу после съезда, 5 марта 1956 г., Президиум ЦК принял решение ознакомить всех коммунистов и комсомольцев, «а также беспартийный актив рабочих, служащих и колхозников» с докладом Хрущева, произнесенным на закрытом заседании XX съезда КПСС. Его вариант прослушали семь миллионов коммунистов и 15 млн комсомольцев[27]. Таким образом, основное содержание «секретного» доклада стало известно широким партийным кругам, а вскоре и многим миллионам беспартийных граждан СССР.

Хотя в стране и ранее знали об арестах, ссылках в лагеря и смертных приговорах сталинского времени, далеко не все представляли себе масштаб репрессий и лживость обвинений. Поэтому как гром среди ясного неба, как сенсацию, как глубокое потрясение воспринимали доклад Хрущева миллионы простых советских людей, далеких от политики и занятых сугубо земными проблемами своей нелегкой жизни. Не менее ошеломляющим было впечатление от доклада и у людей, относившихся к советской творческой элите и знавших меру вины Сталина за ситуацию в стране. Уже упоминавшийся А. Т. Твардовский вскоре после съезда записал в своем рабочем дневнике: «Ужасный месяц после доклада о культе — голова не вмещала всего...Нет, все хорошо, нужно жить и исполнять свои обязанности. Процесс социализма — естественный процесс — как вода, как трава, — что ни делай — найдет путь, пробьется, прорастет. Правда нужна потому, что иначе мир перестанет быть управляемым, хотя бы в той малой степени, как это доступно людям»[28].

Но реакция в советском обществе на поступок Хрущева, разоблачение преступных деяний Сталина, и новые идеи лидера партии были неоднозначной. Партийные функционеры, рядовые члены партии и беспартий-

ные граждане разделились на тех, кто считал, что Хрущев и съезд покусились на «святая святых», и тех, кто одобрял и поддерживал Хрущева. Ожесточенный, национально-политический характер приняли демонстрации в защиту Сталина в начале марта 1956 г. в Грузии. Вылившиеся в массовые беспорядки, они были подавлены с применением оружия и бронетехники. Пролилась кровь[29].

Но российские исследователи приводят примеры и совсем другого восприятия советскими людьми доклада Хрущева о культе личности. Коммунисты и беспартийные на многих закрытых и открытых партийных собраниях говорили, что Сталину нельзя простить «неоправданное уничтожение кадров». Еще недавно вождя теперь люди называли «преступником перед человечеством», требовали посмертного суда над ним. Было распространено сравнение происходившего в СССР с испанской инквизицией[30]. Весь XX съезд партии стал ассоциироваться в общественном мнении с разоблачением, прежде всего, культа Сталина, а не с новыми, по тем временам революционными, идеями о сосуществовании разных социально-политических систем и возможности избежать новой мировой войны. Такова была атмосфера в советской стране тех лет.

Можно ли, учитывая это, назвать действия Хрущева только тактическими манипуляциями в борьбе за партийный Олимп? Представляется, дело обстояло значительно сложнее. Было бы удивительным, если бы Хрущев, обладая феноменальной политической интуицией и опытом борьбы за место в советской партийно-государственной элите, не пользовался приемами политической интриги. Важнее вопрос, зачем, почему человеку, не утратившему веры в идеалы коммунизма, могла быть нужна эта личная верховная власть? Может быть, потому, что после победы над фашизмом и затем смерти харизматического лидера, некоторые представители высшего эшелона советской власти (Хрущев в их числе) отчетливо осознали ослабление мобилизующего потенциала патриотических и коммунистических идей для консолидации советского общества. Понимали они и необходимость снижения уровня форс-мажорного состояния людей, вызванного войной и тяготами послевоенного восстановления страны, через смягчение внутренней, в первую очередь карательной политики. Берия — один из первых определил подходящие для этого сегменты политического режима. Хрущев подхватил и политически использовал тему репрессий. На XX съезде КПСС он публично сокрушал «культ личности» и деяния Сталина. Это открывало возможность изъять некоторые элементы из основания режима (прежде всего абсолютизм вождя и массовые репрессии) и тем самым «очистить» и укрепить советскую власть, которой Хрущев был, несомненно, предан.

После XX съезда КПСС террор, внесудебные расправы и казни, в том числе и представителей партийного и государственного аппарата, как одни из главных инструментов подчинения и управления обществом, как способ не уголовного, а политического наказания за малейшую, зачастую выдуманную, провинность, в массовом порядке, что имело место при Сталине, не применялись. Существенно ограничивалась в пользу партийных структур и политическая составляющая карательных функций силовых ведомств. При принятии решений на всех уровнях власти возрастала роль партийного аппарата, но теперь не монолитного и абсолютно послушного, а значит не столь политически безвольного и управляемого из центра, как при Сталине.

К началу 1960-х годов лидер партии уже не мог быть харизматичной личностью. Власть первого лица в партии постепенно переставала быть всеобъемлющей, а роль партийно-государственного аппарата, в особенности республиканского и областного масштаба, после XX съезда КПСС почувствовавшего свою силу и возможности влиять на события в стране, все более становилась решающей. Провозглашенный демократический принцип «коллективного руководства» в реальной практике получил ограниченное применение на уровне Политбюро ЦК КПСС. Но он активизировал позиции и порождал критические настроения среди партийных функционеров и рядовых коммунистов. Таким образом, механизм осуществления власти и управления обществом, сложившийся и действовавший в сталинское время, после XX съезда КПСС постепенно видоизменялся. Как считают российские исследователи, наступило время перехода от жесткого, репрессивного тоталитаризма к более гибкому авторитаризму, был сделан шаг в сторону от сталинизма.

С точки зрения исторической перспективы, важнейшим следствием XX съезда КПСС стало освобождение общественной атмосферы, хотя и не в полной мере, от таких, связанных с политическими репрессиями, нравственно пагубных явлений, как массовое доносительство и всеобщий страх. По мнению современника тех лет Г. А. Арбатова, академика и известного политика эпохи М. С. Горбачева, советское общество уже к середине 1950-х годов становилось «более зрячим, трезво смотрело на себя, освободилось от некоторых иллюзий. Люди начинали думать...» Тот же Арбатов считает, что съезд сыграл в жизни общества некую провокативную роль: «В народе была высечена искра надежды, пробуждены вера, даже искренний энтузиазм, энергия борьбы за очищение общества, за подлинно социалистические идеалы... люди начали самостоятельно мыслить, говорить, писать, что думают...»[31]

Под воздействием происшедшего на съезде и затем драматических событий 1956 г. в Польше и Венгрии на партийных собраниях в инженерно-технических и рабочих коллективах крупных промышленных предприятий, в среде интеллигенции, особенно технической и творческой, среди студенчества все чаще ставились острые политические вопросы. Почему произошло то, что имело место в 1930—1940-е годы, кто виновен в потере миллионов красноармейцев в 1941 г., как избежать всевластия лидера? Рассекреченные документы ЦК КПСС показывают, что в партийных кругах нередко публично говорилось об ответственности самого постсталинского руководства не только за прошлое, но и за настоящее в советском государстве и в странах-союзницах. Критика «верхов» пробуждала инакомыслие, появились «дети XX съезда», затем «шестидесятники». Возникли первые конспиративные группы, например, группа Л. Краснопевцева на историческом факультете МГУ, с деятельностью которой некоторые российские исследователи связывают зарождение политической оппозиции в стране[32]. Тогда они, мои старшие коллеги по факультету, пытались не только понять, осмыслить материалы съезда, но и соотнести их с действительностью. Они искали другую модель социализма, а вовсе не были ниспровергателями советского строя, за что были судимы и восемь—девять лет находились в заключении. Не трудно предположить, какая судьба их ждала бы за такие «преступления» во времена Сталина.

Таким образом, после XX съезда КПСС в стране складывалась новая ситуация. В каком направлении и как будет развиваться страна, это, если разделять суждения современных политологов, во многом зависело в первую очередь от позиции партийной элиты и Хрущева лично. Убежденный коммунист, веривший в превосходство социализма, сокрушительный, но непоследовательный критик Сталина, Хрущев ни в коей мере не был сторонником коренного изменения системы. Он воспринял «брожение» в стране и, в особенности, события в Польше и Венгрии, как угрозу строю, испугался «джиннов, выпущенных из бутылки», почувствовав рождение процесса, который рано или поздно может привести к отторжению народом политического режима, даже освобожденного от вопиющих черт сталинизма. В Советском Союзе началась острая, нередко беспощадная борьба с критическими проявлениями, которые именовались антисоветскими настроениями в обществе, прежде всего, среди творческой интеллигенции. Социальные протесты рабочего класса тоже квалифицировались как покушение на советскую власть. В ответ применялись «старые» и «новые» суровые формы политических репрессий. Они не были связаны теперь с массовым физическим уничтожением и изоляцией

людей, они тормозили, но не предотвращали приближение времени крушения политического режима, основанного на несвободе человека.

XX съезд КПСС и выступление Н. С. Хрущева с «секретным» докладом 25 февраля 1956 г. стали тем рубежом в истории СССР, за которым последовал затянувшийся на десятилетия мучительный и противоречивый процесс избавления от наследия сталинизма, преодоления нашим народом своих, во многом иллюзорных, представлений о советском строе, о возможностях его реформирования в условиях монопольной власти КПСС и при отсутствии соответствовавшего эпохе политического лидера.

Примечания

[1] *Барулин В. С.* Российский человек в XX веке. Потери и обретения себя. СПб., 2000. С. 367—368.

[2] *Твардовскйи А. Т.* Из рабочих тетрадей // Знамя. 1989. № 7. С. 182.

[3] Известия ЦК КПСС.1989. № 3.

[4] Культура и власть от Сталина до Горбачева. Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы / Отв. ред. *К. Аймермахер.* М., 2002.

[5] *Хрущев Н. С.* Воспоминания. М., 1997; *Он же.* Время. Люди. Власть (Воспоминания в 4-х кн.). М.,1999.

[6] *Микоян А. И.* Так было. Размышления о минувшем. М., 1999; Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М.,1991; *Чуев Ф. И.* Молотов: полудержавный властелин. М., 1999; *Каганович Л. М.* Памятные записки. М., 1997; *Громыко А. А.* Памятное. М., 1990. Т. 1—2; *Симонов К. М.* Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине. М., 1989; *Судоплатов П. А.* Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930—1950-е годы. М.,1997; *Трояновский О. А.* Через годы и расстояния. М.,1997 и др.

[7] *Пихоя Р. Г.* Советский Союз: история власти. 1945—1991. М. 1998; 2002; *Данилов А. А., Пыжиков А. В.* Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М., 2001; *Аксютин Ю. В., Пыжиков А. В.* Постсталинское общество: проблема лидерства и трансформации власти. М.,1999; *Аксютин Ю. В.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953—1964 гг. М., 2004; *Прозуменщиков М. Ю.* «Секретный» доклад Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС и международное коммунистическое движение // Культура и власть от Сталина до Горбачева... С. 17—40; *Пыжиков А. В.* Хрущевская «оттепель». 1953—1964. М., 2002; *Козлов В. А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе. Новосибирск, 1999; *Зубкова Е. Ю.* Общество и реформы (1945—1964). М., 1993; *Она же.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945—1953. М., 1999 и др.

[8] *Аксютин Ю. В.* Указ. соч. С. 36.

[9] Там же С. 34.

[10] См.: Россия. XX век. Документы. Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999.

[11] *Пихоя Р. Г.* Указ. соч. С. 111—114, 137.

[12] *Симонов К. М.* Указ. соч. С. 281.

[13] *Пыжиков А. В.* Указ. соч. С. 47, 175.

[14] *Аксютин Ю. В.* Указ. соч. С. 101—102.

[15] См.: *Орехов А. М.* Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: из истории советско-польских отношений. М., 2005.

[16] См.: *Аникеев А. С.* Как Тито от Сталина ушел. Югославия, СССР, США в начальный период «холодной войны» (1945—1957). М., 2002.

[17] Цит. по: *Аксютин Ю. В.* Указ. соч. С. 115.

[18] Там же С. 122—139.

[19] *Твардовский А. Т.* Указ. соч. С. 170.

[20] *Пыжиков А. В.* Советское общество: поиск путей модернизации (40—60 годы XX века). М., 2006. С. 139.

[21] *Аксютин Ю. В., Пыжиков А. В.* Указ. соч. С. 121.

[22] Культура и власть от Сталина до Горбачева... С. 167—169.

[23] Там же. С. 238—243.

[24] Там же. С. 185—237.

[25] Там же. С. 241—243; *Аксютин Ю. В.* Указ. соч. С. 166.

[26] Цит по: *Арбатов Г.* Свидетельство современника. М., 1991. С. 28.

[27] Культура и власть от Сталина до Горбачева... С. 253; *Аксютин Ю. В.* Указ. соч. С. 171.

[28] *Твардовский А. Т.* Указ. соч. С. 178.

[29] *Козлов В. А.* Указ. соч. С. 155—183.

[30] *Аксютин Ю. В.* Указ. соч. С. 171—183.

[31] *Арбатов Г.* Указ. соч. С. 27, 34.

[32] См.: «Дело» молодых историков // Вопросы истории. 1994. № 4.

В. В. Марьина
(Институт славяноведения РАН)

XX съезд КПСС и Коммунистическая партия Чехословакии

Решения XX съезда КПСС о преодолении культа личности не были спонтанными. Они возникли не на пустом месте, вызревали постепенно. Процесс, начавшись сразу после смерти И. В. Сталина, шел в течение примерно трех лет. Движение это было не прямолинейным, характеризовалось спадами и подъемами, замедлением и ускорением: слишком велика была инерция прошлого мышления и практики сталинских времен. Сбросить с себя этот груз оказалось непросто. Здравомыслящие слои советского общества ощущали необходимость перемен в жизни загнанной в политический и экономический тупик страны, что осознавала и часть ее руководства, представители которого немедленно начали борьбу за свое утверждение на властном Олимпе.

В этой борьбе обозначились две противостоявшие друг другу группировки, позиции которых по многим вопросам дальнейшей внутренней и внешней политики не совпадали: с одной стороны, Л. П. Берия, Г. М. Маленков и Н. С. Хрущев, с другой — В. М. Молотов, Н. И. Булганин, Л. С. Каганович, К. Е. Ворошилов. «Мотором» первой являлся всевластный министр внутренних дел СССР Берия, который с высоты занимаемого им поста, может быть, более других понимал необходимость и неизбежность некоторого реформирования общества и режима, не изменяя его советской сути. Вторую возглавлял многолетний соратник Сталина Молотов, который, если и признавал нужность преобразований, то в размере «минимум-миниморум», не считая возможным нарушать созданный в сталинские времена порядок и опасаясь «пагубных» последствий вторжения в «святая святых». Простые люди, думается, не очень скорбели о смерти вождя, хотя и находились в некоторой растерянности от, казалось, наступившего «вакуума власти». Представляется, что историки несколько, а, может быть более того, преувеличивают состояние скорби и отчаяния, охватившее тогда народ. Да, в Москве в день похорон Сталина были толпы желающих проститься с ним, да, были, к несчастью, и жертвы, да, были более или менее искренние слезы, но вне столицы, насколько сейчас известно, все обстояло иначе. Конечно, состоялись

траурные митинги, конечно, произносились соответствующие моменту речи, но «скорбь» не выходила за эти ритуальные рамки. Думается, что не особенно «горевала» и интеллигенция, кроме, естественно, приближенных к властям предержащим. Автор этих строк, москвичка, тогда аспирантка Института славяноведения АН СССР, не помнит, чтобы кто-либо из ее окружения, дома или в Институте, проливал слезы по поводу смерти «вождя», хотя, конечно, некоторая растерянность от незнания того, «что теперь будет», и имела место. Полагаю, что еще меньше, за исключением немногих, скорбели рабочий класс, коммунисты, трудящиеся, представители «прогрессивного человечества», как тогда говорилось, за рубежами СССР, в том числе и в европейских странах социалистического «лагеря».

Наоборот, именно тогда появилась надежда, которая в дальнейшем все более крепла, на возможные изменения в методах строительства социализма, отход от его советской модели и сталинских догм, от бездумного подражательства Советскому Союзу и копирования советского опыта. Начались «подвижки» во властном коммунистическом истеблишменте европейских соцстран, обозначилась тенденция разных группировок перехватить инициативу, «перетянуть на себя одеяло». В борьбе за власть между партийными кланами верх брали то сталинисты, то сторонники осторожного отхода от существовавших догм и практики. То есть события развивались примерно так же, как в Советском Союзе, с той лишь разницей, что этот самый партийный истеблишмент, предпринимая какие-либо шаги во внутренней и внешней политике своих стран, постоянно оглядывался на Москву, ожидая ее одобрения либо порицания. События лета 1953 г. в ГДР, тогда же волнения рабочих в связи с денежной реформой в Чехословакии свидетельствовали, что не все в порядке «в социалистическом королевстве», что срочно нужны реформы, однако не затрагивающие основы возводимого по советским рецептам здания социализма. Надо было подновить, подправить это здание, не раскачав его фундамента. Но как это сделать, пока никто не знал. Ответ как бы напрашивался сам собой: посмотреть, что будет делать «старший брат», Советский Союз, и следовать его примеру.

Чехословакия тогда считалась одним из самых верных и надежных советских сателлитов. Случилось так, что спустя девять дней после смерти Сталина, 14 марта 1953 г., простудившись в Москве во время его похорон, скончался на 57 году жизни президент ЧСР и председатель КПЧ К. Готвальд. В Пражском Граде, как и в Московском Кремле, началась «подковерная борьба» его соратников, желающих занять опустевшее кресло главы партии и государства. «Над ковром» оказались трое: А. Запотоцкий,

В. Широкий, старые соратники Готвальда по партии, и А. Новотный, молодой и амбициозный руководитель пражской организации КПЧ. Этот триумвират и встал у руля страны: Запотоцкий в качестве президента, Широкий в качестве премьер-министра (эти двое склонны были поддерживать друг друга) и Новотный с сентября 1953 г. в качестве первого секретаря ЦК КПЧ (пост председателя партии упразднялся) и вице-премьера. Между ними и началась борьба за то, кто станет первым среди равных в коллективном руководстве. Все трое склонны были подчиняться Кремлю и руководствоваться его советами, но особенно, как представляется, в этом преуспел Новотный. «В связи со смертью К. Готвальда, — сообщал он в Москву, — создалась серьезная ситуация, и ЦК КПЧ потребуется помощь со стороны ЦК КПСС»[1]. Однако вначале чехословацкое трио еще слабо ориентировалось в перегруппировке сил в московской верхушке и изменении тренда в политике КПСС.

А в СССР, между тем, сразу после смерти Сталина обозначились явные изменения, прежде всего во внутренней политике. Уже 27 марта 1953 г. Президиум Верховного Совета СССР принял постановление о широкой амнистии, в результате которой летом того же года на свободу вышли не только политзаключенные, но и многие уголовники. Закрылись «дела» «врачей-вредителей», ряда руководящих работников авиапромышленности и госбезопасности и т. д. Но реабилитация оказалась неполной и непоследовательной. Несколько позже, в августе был провозглашен «новый курс» в экономической политике, нацеленный на «максимальное удовлетворение потребностей народа», на развитие легких отраслей промышленности, сельскохозяйственного производства и жилищного строительства. Произошли изменения и во внешней политике, направленные на ослабление международной напряженности и противостояния двух враждующих лагерей: в июле 1953 г. окончилась война в Корее, обозначились тенденции к нормализации отношений СССР и Югославии, были восстановлены дипломатические отношения с Израилем. Но после ареста Берии в июне того года и связанного с этим падения влияния Маленкова процесс десталинизации в Советском Союзе стал резко тормозиться и фактически сошел на нет. Естественно, что все эти события с большим или меньшим опозданием находили отражение и во внутренней жизни Чехословакии, одной из самых надежных опор Москвы в советском блоке. Что касается внешних факторов, то несомненное влияние на модификацию политической линии чехословацких элит оказали кровавые события в Берлине в июне 1953 г., где произошло столкновение демонстрантов с властями, и смещение в то же время в Венгрии с поста премьер-

министра сталиниста М. Ракоши, занятого представителем реформистского крыла венгерской компартии И. Надем.

Из внутренних событий несомненное значение для изменения политического курса правящего триумвирата имели упомянутые выше рабочие демонстрации и забастовки, связанные с проведением денежной реформы. Обеспокоена этим была и Москва[2]. Через советского посла в Праге А. Е. Богомолова Молотов передал чехословацкому руководству: «Положение в Чехословакии... является неблагополучным, требующим для его исправления серьезных мер как со стороны партии, так и со стороны государственных органов. В Москве складывается мнение, что чехословацкие друзья явно недооценивают сложности внутриполитического положения в стране и не сделали для себя должных выводов из происшедших событий, и это чревато новыми еще более серьезными трудностями в дальнейшем». «Чехословацким друзьям» было рекомендовано «хорошенько разобраться» в теперешних хозяйственных планах, как в отношении промышленности, так и сельского хозяйства и внести в эти планы «необходимые серьезные поправки»[3]. Рекомендации были приняты, и Запотоцкий попросил согласия на приезд в Москву чехословацкого руководства, чтобы «посоветоваться по поводу своих планов»[4]. Согласие было получено, и во время встреч в Кремле в июле 1953 г. президент ЧСР и чехословацкое руководство подверглись серьезной критике за чрезмерное развитие тяжелых отраслей промышленности, невнимание к подъему ее легких отраслей и сельскохозяйственного производства, а также к вопросам повышения жизненного уровня населения[5].

Учтя критику и рекомендации, политсекретариат ЦК КПЧ инициировал разработку, а затем одобрил тезисы об экономическом и политическом положении Чехословакии и задачах партии на ближайший период. Направленные в Москву тезисы были в основном ею одобрены, но подверглись критике за то, что они «носят покаянный характер, причем ЦК КПЧ и правительство каются сверх всякой меры, допускают неправильные и вредные формулировки». Указывалось, что «в случае публичных выступлений руководителей партии с подобного рода покаянными и неправильными утверждениями может быть нанесен серьезный ущерб партии, подорвано доверие к ее руководству»[6]. Тезисы предлагалось доработать, а Богомолов получил указание постоянно информировать МИД СССР о ходе реализации в Чехословакии сделанных рекомендаций[7]. Учтя замечания, ЦК КПЧ на заседании 4 сентября 1953 г. одобрил «новый курс», направленный на изменение политики в области промышленности, сельского хозяйства, жилищного строительства, социальной сферы[8].

Несмотря на то что выправить положение сразу не удалось, население одобрило «новый курс», олицетворением которого стал президент ЧСР А. Запотоцкий, наиболее значимая и авторитетная фигура чехословацкого руководства. В этой обстановке властный триумвират не мог сохраниться как прочное коллективное руководящее ядро. Особо острое соперничество развернулось между Запотоцким и Новотным, который опирался на возглавляемый им партаппарат и смог заручиться симпатиями Н. С. Хрущева, набиравшего силу в советской верхушке после ареста Берии и падения влияния Маленкова. Широкий чаще всего склонялся на сторону Запотоцкого. Мировоззренческих противоречий между членами триумвирата не существовало. Речь шла о лидерстве и о том, какими методами претворять в жизнь «новый курс». Запотоцкий считал, что приоритет в его реализации должны иметь государственные органы, а Новотный — партийные; президент полагал, что коллективизация деревни должна быть временно прекращена и упор сделан на хозяйственно-организационном укреплении уже созданных кооперативов при допущении выхода из них всех желающих это сделать, первый секретарь ЦК настаивал на продолжении кооперирования при снижении его темпов.

В своем противоборстве с Запотоцким Новотный решил прибегнуть к помощи Москвы. На встрече в Кремле 6—8 апреля 1954 г. Запотоцкому было указано, что он насаждает культ президента и не подчиняется руководству партии. Президент ЧСР принял критику, не сопротивляясь и понимая, что его и до того довольно шаткие позиции в Москве еще более ослабли, а авторитет молодого и энергичного Новотного, решительно претендовавшего на руководство страной, поднялся. X съезд КПЧ, собравшийся в июне 1954 г., подтвердил правильность как «нового курса», так и генеральной линии на строительство социализма в стране. Хрущев, который присутствовал на съезде в качестве гостя, информировал руководство КПЧ о нарушениях «социалистической законности» в СССР, возложив при этом всю вину на Берию. В связи с этим съезд указал на вредность «культа личности» без конкретизации этого понятия и на необходимость соблюдения «социалистической законности». Однако на практике правопорядок восстановлен не был. Противозаконные политические процессы не подлежали осуждению, а потерпевшие реабилитации. Наоборот, в 1954 г. состоялось множество судебных процессов, как по начатым, так и по вновь открытым делам. В апреле состоялся закрытый суд по делу «словацких буржуазных националистов»: Г. Гусака приговорили к пожизненному заключениию, остальные получили от 10 до 22 лет тюрьмы. Прошел процесс против бывших членов социал-демо-

кратической партии, которые обвинялись в антигосударственной деятельности и измене родине, завершились процессы по делам работников Министерства иностранных дел, государственной безопасности, государственного аппарата, генералов и офицеров и пр.[9]

За два года, с середины 1953 до середины 1955 г., в результате мер, принятых в экономической и социальной сферах, положение в стране удалось несколько стабилизировать. Фасад возводимого в Чехословакии «социалистического здания» оказался несколько подновлен и покрашен блекло-розовой краской. Руководство КПЧ пришло к выводу, что созданы условия для нового фронтального наступления с целью завершения процесса построения основ социализма. Снова были подняты вопросы о продолжении курса развития тяжелой промышленности, кооперирования деревни с целью его завершения, необходимости борьбы с мелким товаропроизводителем. 6—8 февраля 1956 г. состоялся очередной пленум ЦК КПЧ, рассмотревший вопросы о внешней политике ЧСР и подготовке к весеннему севу. Пленум постановил созвать на июнь 1956 г. общегосударственную конференцию КПЧ для обсуждения проекта директив ЦК КПЧ о втором пятилетнем плане развития народного хозяйства на 1956—1960 гг. В феврале принимались также решения о работе среди женщин и детей, о поднятии технического уровня промышленности[10].

И тут вдруг, как гром среди ясного неба, грянули решения XX съезда КПСС, к которым невозможно было не прислушаться. Как и весь коммунистический мир, они шокировали КПЧ, застав руководство партии врасплох. Во-первых, съезд затронул некоторые коренные вопросы мирового развития: о мирном сосуществовании государств с различным общественным строем и экономическом соревновании между ними, что отрицало понимание войны как фатальной неизбежности, о разнообразии форм перехода различных стран от капитализма к социализму, что, по существу, означало возврат к отвергнутой в конце 1940-х — начале 1950-х годов формуле «национального пути к социализму». Говорилось об установлении более равноправных отношений СССР со странами советского блока, а также о более терпимом отношении к западноевропейским социалистическим партиям. Во-вторых, и это самое главное, в закрытом докладе Хрущева на съезде осуждался культ личности Сталина и говорилось о необходимости преодоления его последствий. Образ непогрешимого «вождя» перестал существовать, «коммунистический идол» ниспровергался с пьедестала, на который он возводился собственными усилиями и стараниями соратников.

Коммунистические партии всего мира разом вроде бы и «осиротели», и в то же время, как выросшие дети, почувствовали себя свободными от опеки престарелого родителя. Текст закрытого доклада Хрущева был передан руководителям делегаций 13 компартий, присутствовавших на съезде[11], для информации, но не для ознакомления с ним широких партийных масс. Получил его и А. Новотный. Мировая общественность узнала о докладе немедленно. КПЧ оказалась в сложном положении: с одной стороны, следовало информировать коммунистов о ходе и результатах XX съезда КПСС, с другой, ничего не говорить о ниспровержении культа Сталина. Письмо, подготовленное ЦК КПЧ для зачтения на местах, вызвало больше вопросов, чем ответов. Коммунистов интересовал именно доклад Хрущева, но «посланцы» из центра ничего не могли сказать вразумительного по этому поводу, поскольку и сами мало что знали[12]. Многие или нет, сказать трудно, но коммунисты, прежде всего старые члены КПЧ, и сами следили за ходом XX съезда КПСС, черпая сведения об этом из печати и других СМИ. В частности, об этом свидетельствует письмо председателя уличной организации КПЧ в г. Теплице Й. Гала, направленное на съезд. Автор выражал несогласие с выступлением «правого Микояна, которое является оскорблением светлой памяти Сталина, живущей в сердцах всех классово-сознательных рабочих, и будет радостно воспринято всей буржуазией». «Нас воспитал Сталин», — так заканчивалось письмо[13].

Между тем в стране широко обсуждались события в СССР. 6 марта временный поверенный в делах СССР в ЧСР М. Д. Сытенко сообщал в МИД СССР: «XX съезд КПСС получил огромные отклики среди самых широких слоев населения Чехословакии. Издания, в которых публиковались и публикуются материалы съезда, раскупаются немедленно и обсуждаются повсеместно». Больше всего толков, по словам автора, «вызвали, особенно после выступления на съезде т. Микояна, вопросы о культе личности и коллективном руководстве». «Имя И. В. Сталина, — писал Сытенко, — исключительно популярно в Чехословакии в самых широких слоях населения, его считают освободителем чехословацкого народа от фашизма, первым помощником в деле строительства социализма в Чехословакии и т. п. Поэтому острая критика на съезде культа личности, критика отдельных теоретических положений, выдвинутых И. В. Сталиным, а также то, что его имя не было упомянуто в докладах т. Хрущева Н. С. и Булганина Н. А. и ни в одном выступлении на съезде, вызвали множество различных разговоров по всей стране. Некоторые высказываются о том, что они не могут понять, как, мол, случилось, что в течение 20 лет

не было коллективного руководства, и что только теперь это заметили, несмотря на то, что, мол, те, которые сейчас выступают с критическими замечаниями в адрес И. В. Сталина, были членами ЦК КПСС и ранее». Сравнивают, писал автор, материалы XIX и XX съездов КПСС, «обращая внимание на разногласия в высказываниях отдельных товарищей (например, тов. Микояна), по адресу И. В. Сталина». Сытенко зафиксировал и такие высказывания: «Критика Сталина, якобы, не послужит укреплению доверия к партии, что И. В. Сталин имеет большие заслуги в рабочем движении, и что ЦК КПСС в значительной степени сам виноват в том, что в течение столь длительного времени в СССР процветал культ личности». Поднимались вопросы о том, «будут ли и дальше изучаться работы Сталина, не следует ли в связи с критикой культа личности и ряда теоретических положений Сталина пересмотреть и некоторые положения и высказывания К. Готвальда по отдельным вопросам, не следует ли теперь снять недавно воздвигнутый в Праге памятник И. В. Сталину и что вообще не нужно было строить этот памятник, так как вместо него можно было построить больницы или квартал жилых домов и т. п.». «По нашему мнению, — писал Сытенко, — чехословацким друзьям следовало бы оказать соответствующую помощь в организации более глубокого изучения материалов XX съезда КПСС, как среди членов партии, так и среди остального населения страны путем присылки дополнительных материалов, разъясняющих отдельные важнейшие положения, высказывания в докладе т. Хрущева Н. С., а также опубликования в советской печати отдельных статей по этим вопросам». Резолюция на письме (подпись неразборчива) гласила: «Т. Пашенко Г. С. направить в ЦК КПЧ. 14.03.1956»[14].

О политических настроениях в стране и, в частности, в армии сообщалось и в Записке Главнокомандующего Объединенными вооруженными силами стран—участниц Варшавского Договора И. С. Конева, направленной в ЦК КПСС 22 марта 1956 г. Он писал, что опубликованные материалы XX съезда КПСС «вызвали большой интерес и восприняты основной массой... положительно». Внимание, как следует из Записки, привлекли положения о мирном сосуществовании, о возможности предотвращения войн, о формах перехода от капитализма к социализму, «которые расцениваются как дальнейшее творческое развитие марксизма-ленинизма». «В целом, — писал Конев, — XX съезд КПСС оценивается как крупное историческое событие в жизни КПСС и международного рабочего движения». Наряду с этим сообщалось о том, что возникает «много неясных вопросов», на которые даются «не всегда правильные и исчерпывающие

ответы». Больше всего, говорилось в Записке, возникает вопросов о культе личности и оценке роли Сталина. Далее следовал перечень таких вопросов. Приведем некоторые из них: считать ли Сталина классиком марксизма-ленинизма, можно ли пользоваться «Кратким курсом истории ВКП(б)», а также работой «Экономические проблемы строительства социализма в СССР» и другими трудами Сталина по теоретическим вопросам; можно ли считать Сталина полководцем, какова его роль в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.; как пользоваться материалами о Великой Отечественной войне, преподаваемыми по оперативному искусству в академиях; почему при жизни Сталина члены политбюро не указывали ему на его ошибки, а на съезде их выступления по вопросу о культе личности, в частности выступление А. И. Микояна, не были самокритичными; почему т. Микоян на XIX съезде КПСС восхвалял «Экономические проблемы строительства социализма в СССР», а на XX съезде критиковал их и т. д. В Военно-политической академии некоторые офицеры предлагали снести памятник Сталину в Праге[15].

Эту атмосферу удивления, непонимания случившегося, а подчас возмущения им, несомненно, ощущало и руководство КПЧ, которое само пребывало в состоянии шока, стремилось свести часто несводимые концы с концами и найти ответы на те же вопросы, которые волновали общество. Об определенной растерянности руководства КПЧ свидетельствует, думается, и тот факт, что пленум ЦК КПЧ, рассмотревший вопрос об итогах XX съезда КПСС, собрался лишь 29—30 марта 1953 г., т. е. месяц спустя после завершения его работы. Возможно, к этому времени уже подоспела «помощь» из Москвы, о которой говорилось в вышеуказанном письме Сытенко. С сообщением о XX съезде и выводах, вытекающих из его решений для КПЧ, выступил Новотный. В прениях участвовало всего 17 человек, что было нехарактерно для такого рода форумов. В обширной резолюции, принятой пленумом, говорилось о единодушном согласии с решениями съезда, который делегаты расценили, как «самый значительный съезд КПСС со времен Ленина». «XX съезд КПСС, — отмечалось в резолюции, — имеет для нас огромное значение потому, что он обобщил опыт не только КПСС, но и всего международного рабочего движения и в свете творческого ленинизма проанализировал новые факты и события мирового развития, дав ясный, научный ответ на принципиальные вопросы истории человечества. Принципиальные вопросы современного международного развития — мирное сосуществование социалистической и капиталистической системы, возможность предотвращения войны и формы перехода различных стран к социализму, —

глубоко проанализированные XX съездом КПСС, касаются жизненных интересов человечества, а, следовательно, и жизни наших народов...

Из ленинского указания XX съезда КПСС о решении основной экономической задачи СССР — догнать и перегнать в исторически короткий срок в ходе мирного экономического соревнования самые развитые капиталистические страны мира в производстве [продукции] на душу населения — мы делаем важные выводы и для нашей республики, которая с точки зрения своей развитой социалистической экономики и творческих сил своего народа располагает всеми условиями для решения этой задачи...

Центральный комитет поведет партию к тому, чтобы у нас были претворены все ленинские нормы партийной жизни, развивалась внутрипартийная демократия, чтобы всегда и во всем гарантировалось осуществление наивысшего партийного принципа — коллективности руководства и было окончательно покончено с культом личности...»[16]

В полном соответствии с решениями XX съезда КПСС делались выводы о направлениях внешней политики ЧСР: союз и дружба с СССР, политическое и экономическое сотрудничество со странами социалистического лагеря, развитие и укрепление политического и экономического сотрудничества с Федеративной Народной Республикой Югославией, на принципе «равный с равным» развивать экономическое сотрудничество и торговлю со всеми странами, оказывать экономическую и техническую помощь слабо развитым странам, которые стремятся к укреплению национальной независимости, налаживать сотрудничество с социалистическими и прогрессивными кругами капиталистических стран, бдительно следить за происками империалистических кругов против мира и безопасности. Подчеркивались достижения СССР в области экономики, что являлось свидетельством, по мнению составителей резолюции, «о постепенном переходе советской страны к коммунизму». ЦК КПЧ приветствовал «осуществление координации планов стран социалистического лагеря», считал важным неустанно заботиться о повышении жизненного уровня населения, обращал внимание на необходимость укреплять силу рабочего класса и руководящую роль коммунистической партии. В области государственного строительства намечалось преодоление «сильных элементов бюрократического централизма», установление гармоничных отношений между «централизованным управлением и самой широкой самостоятельностью и инициативой на местах», разработка вопроса «о расширении правомочий словацких национальных органов, поскольку политическая и экономическая структура существенно изменилась, количественно возрос словацкий рабочий класс».

Далее речь шла о принципиальном повороте во внутрипартийной работе «на основе последовательного внедрения снизу доверху ленинских норм партийной жизни», о переходе «от декларирования и прокламирования руководящей роли партии к ее практическому осуществлению и все большему проявлению во всей нашей общественной, экономической и государственной жизни». «Необходимо ясно сказать, — отмечалось в резолюции, — что и в нашей партии мы все без исключения не только поддавались [влиянию] культа личности, но и способствовали также его распространению, особенно с тех пор, когда наша партия стала полностью правящей партией в государстве». Говорилось о важности поднятия в партии значения идеологической работы, преодоления ее отрыва от жизни и стагнации теоретической мысли. В связи с этим намечалось изучение материалов XX съезда КПСС, которому следовало уделять «самую большую заботу и внимание». Важные задачи ставились перед марксистско-ленинской философией и историей: «Прежде всего, мы ожидаем развития работы в области изучения истории КПЧ, при которой необходимо широко использовать архивные материалы, из научной и популярной литературы по истории партии устранить все проявления культа личности и немотивированное приукрашивание сложного, но успешного и победоносного пути, которым прошла наша партия. Настойчиво перед нами встает задача создания при ЦК КПЧ института[17] по подготовке теоретических кадров партии»[18].

Немедленно стали претворяться в жизнь мероприятия социально-экономического плана, целью которых являлось внесение успокоения в общество: уже 30 марта 1956 г. были приняты решения ЦК КПЧ и правительства ЧСР о снижении с 1 апреля розничных цен на продовольственные товары и продукцию ширпотреба, а также поднятии в течение 1956 г. заработной платы работников некоторых отраслей промышленности. 16 апреля последовало решение о развитии высшей школы, были учреждены звания кандидата и доктора наук, намечено улучшение материального положения студентов и преподавателей, при одновременном проведении систематической политико-воспитательной работы в вузах в целях подготовки людей, «широко образованных, идеологически зрелых, преданных социалистической родине и готовых к ее защите, людей правдивых, честных, прямых, скромных и настойчивых»[19]. Все это, несомненно, получило положительный отклик в слоях трудящегося населения и воспрепятствовало предполагаемому росту политической напряженности в обществе в связи с решениями XX съезда КПСС. Руководство КПЧ, предугадывая возможное неблагоприятное развитие событий, стремилось предотвратить их.

В течение марта, согласно Записке заведующего Отделом ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями Б. Н. Пономарева, в советские посольства в разных странах поступали вопросы от ЦК компартий о том, какой круг партийных работников можно ознакомить с докладом т. Хрущева на XX съезде КПСС «О культе личности и его последствиях». Пономарев считал целесообразным сообщить послам СССР в странах народной демократии, что с докладом могут быть ознакомлены члены и кандидаты в члены ЦК соответствующих партий, ответственные работники аппарата ЦК, члены Бюро ЦК Союзов молодежи, члены областных комитетов партий, а также руководители министерств и ведомств страны. Предложение получило одобрение секретаря ЦК КПСС М. А. Суслова. В апреле такие разъяснения получили те компартии, которые обращались в советские посольства с подобными просьбами[20]. 19—20 апреля 1956 г. состоялось новое заседание ЦК КПЧ, также обсуждавшее вопросы об итогах XX съезда КПСС и уроках, вытекавших из его решений для компартии Чехословакии. В дискуссии участвовало 44 человека, которые говорили в основном о конкретном претворении в жизнь резолюции ЦК КПЧ от 30 марта 1953 г. Пленум констатировал, что «обсуждение этих вопросов во всех партийных органах и организациях проходят при активном участии членов партии, под знаком острой критики недостатков в партийной и общественной жизни. Партийные организации выражают свою решимость активно содействовать устранению недостатков и действеннее решать задачи по проведению в жизнь генеральной линии партии». Было решено до общегосударственной конференции КПЧ, назначенной на июнь 1956 г., разработать важнейшие мероприятия, касающиеся улучшения планирования народного хозяйства и управления им, снижения числа работников, занятых в хозяйственном и управленческом аппарате, упрощения существующей административной системы, улучшения работы правительства, судов и прокуратуры, проведения дальнейшей децентрализации управления при одновременном повышении роли национальных комитетов, поднятия роли массовых организаций и, прежде всего, профсоюзов. ЦК КПЧ принял решение внести в качестве первого пункта повестки дня общегосударственной конференции (ранее предполагалось обсудить только директивы по второму пятилетнему плану) пункт «Современная ситуация и задачи партии». По предложению Политбюро ЦК КПЧ А. Чепичка (зять К. Готвальда) был исключен из числа членов Политбюро, снят с постов первого вице-премьера и министра национальной обороны «за недостатки и ошибки, допущенные им при исполнении государственных и партийных функций»[21]. Больше никаких передвижек в верхних эшелонах власти не произошло.

Из материалов мартовского и апрельского пленумов ЦК КПЧ следовало, что стратегический курс на завершение строительства основ социализма в стране будет сохранен, споры и предложения касались методов его осуществления. Особое внимание уделялось вопросу о культе личности, который определялся, как система деформаций социализма, вина за что возлагалась на всех партийных функционеров, включая руководящее звено. Критиковалась сталинская «теория об обострении классовой борьбы в период перехода от капитализма к социализму», однако утверждалось, что она продолжается, хотя социальная база реакции сужается. Говорилось о нарушении социалистической законности, и применении «неправильных» методов ведения следствия, в связи с чем министр внутренних дел ЧСР Р. Барак издал приказ об аресте начальника следственного отдела Б. Доубека и его заместителя Б. Когоутека. Приводились примеры ревизии некоторых ранее вынесенных приговоров. При этом вся ответственность за сфабрикованные процессы возлагалась на казненного в 1952 г. генерального секретаря ЦК КПЧ Р. Сланского и некоторых работников органов государственной безопасности, которые «вышли из-под контроля коллективного органа партии». При обсуждении этих вопросов невозможным оказалось избежать оценки роли К. Готвальда, культ личности которого стараниями его соратников непрерывно нарастал после 1945 г. и особенно после 1948 г. В руководстве КПЧ обозначились явные тенденции свести его ответственность за «деформации» до минимума, хотя единства мнений здесь не существовало. В. Копецкий, один из главных творцов культа личности Готвальда, утверждал, что тот совершил некоторые ошибки в результате «интриг» Сланского. Ю. Дюриш был настроен критичнее и считал, что Готвальд после 1948 г. своим влиянием «ограничивал коллективность руководства». Однако оба они соглашались с тем, что в этом плане его нельзя сравнивать со Сталиным[22]. Во время дискуссии поднимался вопрос и об ответственности за деформации самого В. Копецкого, а в Словакии — В. Биляка, П. Давида, О. Еленя, Е. Сикоры и др. Биляк, хотя и удержал свои позиции, но должен был выступить с самокритикой на пленумах ЦК КПС и ЦК КПЧ[23].

На местах в партийных организациях развернулась широкая дискуссия по материалам XX съезда КПСС и решениям мартовского и апрельского пленумов ЦК КПЧ. В мае 1956 г. были проанализированы ее итоги. В целом дискуссия получила положительную оценку, хотя отмечались имевшие место нападки на партию и социализм, выдвижение требований созвать не конференцию, а очередной съезд КПЧ для решения наболевших вопросов. Первый раз оно появилось в резолюции писате-

лей-коммунистов 16 апреля 1956 г., а в конце мая таких требований было уже 425. Особую озабоченность партийных верхов вызывали настроения интеллигенции, часть которой резко критиковала положение в стране и партии. Это нашло отражение в выступлениях на собраниях в вузах, армейских партийных организациях, государственных и научных учреждениях, некоторых творческих союзах. Особенно выразительно указанная тенденция проявилась на втором съезде чехословацких писателей в апреле 1956 г. В письме, направленном съезду ЦК КПЧ, выражалась надежда, что он «станет важным событием в развитии нашей социалистической литературы и серьезным импульсом для всех ее здоровых и свежих сил, стремящихся в художественной форме отразить всю правду, сложность и красоту нашей сегодняшней жизни», что съезд поможет «энергичнее устранять препятствия на широком и свободном пути, по которому идут наши писатели и деятели искусств...» «Бесспорно, — говорилось в письме, — что творческое применение [решений] XX съезда в наших условиях придаст нашим деятелям культуры еще больше сил и отваги и поможет устранить все застывшее и окаменелое, что препятствует творческой работе»[24]. Эти призывы были поняты буквально и не остались без ответа. На съезде подверглись сомнению основные положения марксизма-ленинизма: руководящая роль рабочего класса и КПЧ в строительстве нового общества, а также принцип партийности и классовости в литературном и научном творчестве, что в свою очередь вызвало негативную реакцию в верхах КПЧ. Д. Татарка, например, выступил с концепцией «социалистического демократизма» и призвал, чтобы организация писателей стала «органом общественного мнения, общественного контроля или некоей формой политической оппозиции». Г. Воланска, в частности, коснулась вопроса о борьбе против «буржуазного национализма»: «Существовавший способ борьбы против буржуазного национализма действительное положение дел упрощал, догматически сужал и привел к тому, что о многих вещах открыто не говорится из-за опасения быть означенным как буржуазный националист». Резолюция съезда, значительно смягченная по сравнению с первоначальным проектом, осуждала авторитарное вмешательство в творческие вопросы[25].

В Словакии именно из рядов интеллектуалов раздавались требования пересмотра вопроса о «буржуазных националистах» и ревизии политического процесса по их делу, расширения правомочий словацких национальных органов. Особой активностью в этом плане отличался председатель Словацкой академии наук О. Павлик. Часть словацких писателей также не осталась в стороне, высказываясь критически в адрес верхов

и существующих в стране порядков. Ю. Шпитцер, например, в начале марта заявил: «Дискуссия об искусстве — это дискуссия политическая... дискуссия о всех сторонах жизни, о всех общественных вопросах, о направлении их развития», что, по сути, означало призыв к обсуждению вопроса о направлении общественного развития. На пленарном заседании Союза словацких писателей в июне 1956 г. его председатель Ц. Штитницкий высказался за отмену цензуры, за реабилитацию Л. Новомеского[26].

Весной 1956 г. свое недовольство положением дел в высших учебных заведениях страны высказали студенты. Наряду с требованиями относительно организации учебного процесса выдвигались (например, на физико-математическом факультете Карлова университета в Праге) и серьезные политические требования. Они касались соблюдения принципов «социалистической демократии», «бездумного» копирования опыта СССР, публичного пересмотра политических процессов и наказания тех, кто использовал противозаконные методы при ведении следствия, объективной информации в печати и на радио и т. д. Студенты полемизировали с тезисом Новотного о том, что ЦК КПЧ должен решать самые важные вопросы жизни страны. Резкой критике подвергалась деятельность Чехословацкого союза молодежи. Студентов Карлова университета поддержали учащиеся других пражских вузов и Братиславского университета. Новотный подумывал даже о закрытии высших учебных заведений в связи со студенческими волнениями. В конце концов, с помощью коммунистов, рабочих и отрядов милиции, направленных в студенческие общежития, студентов удалось «усмирить». Этому способствовало и упомянутое выше решение ЦК КПЧ от 16 апреля 1956 г. о дальнейшем развитии высшей школы.

Новые веяния проникли и в среду историков, о чем, в частности, свидетельствовала статья К. Гайяна, Й. Мацека и З. Шолле «К некоторым проблемам нашей исторической науки», опубликованная в партийном журнале «Нова мысль» летом 1956 г. В ней критиковались пренебрежение объективной реальностью, догматизм, преклонение перед политическими авторитетами, подхалимство, не всегда обоснованное восхваление советской исторической науки. Содержались призывы вернуться к действительному марксизму и принципам ленинизма. Подвергались критике допущенные деформации, но одновременно подчеркивалась ведущая роль партии, что и сделало возможным публикацию статьи в журнале. Примерно в таком же духе писали статьи Й. Гаек, М. Гюбл, К. Пихлик, Ф. Яначек, Й. Долежал, Л. Липтак[27], представители когорты историков, позднее, в 1960-е годы, внесших несомненный вклад в подготовку «Пражской весны».

Весной 1956 г. началась дискуссия и о положении в профсоюзах и их задачах. Руководящая роль КПЧ в этой организации не подвергалась сомнению, но говорилось о формах ее осуществления, об отказе от диктаторских методов работы партии в профсоюзах, подчеркивалась необходимость их большей самостоятельности и более активной защиты ими прав и интересов трудящихся. «Неправильные взгляды» части профсоюзных функционеров на роль и задачи профсоюзов подверглись критике со стороны ЦК КПЧ в сентябре 1956 г. В постановлении «О задачах профсоюзов в деле строительства социализма в нашей стране» указывалось: «Задачи профсоюзов часто понимаются так, что профсоюзы должны защищать интересы рабочих в отношении их социалистического государства. Это неправильно, ибо защищать интересы рабочих и других трудящихся при народно-демократическом строе является задачей государства, партии, профсоюзов и всего общества». Намечалось существенно поднять роль профсоюзов в социалистическом строительстве, и обозначались пути к этому. Говорилось о «правильном осуществлении руководящей роли партии» в профсоюзном движении, которая не имеет ничего общего «с опекунством и голым администрированием в нем коммунистов»[28]. Некое подобие активности в ЧСР обнаружили даже партнеры КПЧ по Национальному фронту, демонстрировавшему якобы многопартийность политической системы в стране. Однако здесь желание заявить о своей самостоятельности оказалось минимальным.

Проанализировав в мае ход дискуссии о материалах XX съезда КПСС и вытекающих из них задачах КПЧ, партийное руководство выделило три группы ее участников. К первой, по оценке политсекретариата, самой большой, относились безусловно согласные с генеральной линией партии. Вторую группу составляли «колеблющиеся и нетвердые» партийцы. Третью — те, чьи высказывания выходили «за рамки партийной критики и зачастую отражали взгляды классового врага». Таковыми считались требования ликвидации Национального фронта, разрешения создания оппозиционных политических партий, проведения свободных выборов и т. д. Говорилось об активизации троцкистов, бывших социал-демократов, национальных социалистов, а в Словакии — сепаратистов и буржуазных националистов. Из этого анализа, как пишет словацкий историк М. Барновский, логически вытекали следующие шаги: поддерживать верных, убеждать колеблющихся и ошибавшихся, элиминировать носителей буржуазных взглядов. Решено было провести кадровые изменения в партийных и государственных органах: «слабых и нерешительных» заменить «убежденными и преданными членами партии»[29].

Явно проявившийся дух «вольномыслия», порожденный решениями XX съезда КПСС и сказавшийся на внутрипартийной дискуссии, несомненно, насторожил руководство КПЧ, опасавшееся чрезмерной активности «низов». В связи с этим общегосударственную дискуссию по проекту второго пятилетнего плана решено было не пускать на самотек, а организовать и направлять с помощью партаппарата. Общегосударственная партийная конференция, собравшаяся в июне 1956 г., по настоянию именно этих «низов» первым пунктом обсудила вопрос о «современном положении и задачах партии». Руководство КПЧ настаивало на правильности избранного ею генерального курса на завершение строительства основ социализма в стране. В докладе Новотного констатировалось: «Генеральную линию партии на завершение строительства социализма в нашей стране разработал два года назад X съезд КПЧ. О чем свидетельствуют два года реализации этой линии? Надо ли ее менять в свете решений XX съезда КПСС? В какой мере ее правильность была подтверждена жизнью и фактами? Факты говорят ясно о том, что эта линия была и остается правильной, что в ней мы ничего не должны менять, что мы ее в основном правильно и успешно проводили»[30]. Участники конференции согласились с мнением первого секретаря ЦК КПЧ и подтвердили правильность стратегического курса партии. В постановлении ЦК КПЧ, оценивавшем итоги конференции, говорилось, что в ходе дискуссии по проекту второго пятилетнего плана было подано около полумиллиона замечаний и предложений, касавшихся в основном вопросов управления и планирования промышленности, политики в области заработной платы, капитального строительства, материально-технического снабжения, социалистической перестройки деревни, децентрализации государственного и хозяйственного аппарата, демократизации общественной жизни, соблюдения социалистической законности, устранения недостатков в армии, повышения роли Национального собрания и т. д. Дискуссия в целом оценивалась положительно, но отмечались «некоторые негативные явления», обнаружившиеся в ее ходе: «В высших учебных заведениях, среди писателей, в армии, в органах печати и издательствах дело дошло до проявлений либерализма, беспринципного оппортунизма, мелкобуржуазного радикализма, а в некоторых местах — до распространения взглядов классового врага. В некоторых местах активизировались старые социал-демократические и троцкистские элементы, выступавшие с лживыми утверждениями, что развитие страны якобы подтвердило их правоту, стремившиеся распространять старые троцкистские теории о новом бюрократическом классе и нападать на решения XX съезда и ленинские выводы, сделанные нашей партией для своей работы»[31].

В одобренных конференцией директивах намечалось завершить построение материально-технической базы социализма, акцентировалось внимание на развитии ряда отраслей тяжелой промышленности, прежде всего тяжелого машиностроения, предполагалось завершить кооперирование сельского хозяйства. В числе первоочередных задач значились рост жизненного уровня населения, существенное улучшение материального положения трудящихся, борьба с бюрократизмом и устранение излишней централизации в правомочиях и ответственности органов власти. Последнее, в частности, касалось Словакии[32].

Решения конференции были поддержаны, во всяком случае, внешне, большей частью общества. Однако, нашлись и несогласные: партийная группа Союза словацких писателей, например, требовала разрешения открыто писать о полемике по вопросам культуры и политики, развернувшейся в Польше, Венгрии, Китае, Франции. И. Купец, в частности, поставил под сомнение марксистский характер КПЧ, говорил о переоценке роли государства в строительстве социализма, что считал отходом от ленинской теории, высказался, вместе с В. Миначем и Д. Татаркой, за пересмотр процесса по делу Г. Гусака. О. Павлик предостерегал от настроений против интеллигенции и попыток властей «после короткого периода свободного обмена мнениями...вернуть все на первоначальные рельсы». Новотный в связи с этим указал «на неодинаковое развитие процесса понимания решений XX съезда КПСС в Словакии и Чешских областях», где «открытых нападок на партию избегают, а в Словакии это продолжается»[33].

И все же в целом решения партконференции были восприняты положительно. 14 июля 1956 г. М. Д. Сытенко сообщал в МИД СССР: «XX съезд КПСС оказал огромное влияние на все стороны внутриполитической общественной и хозяйственной жизни Чехословакии. По существу первая половина 1956 года явилась для ЧСР периодом большой активности широких масс трудящихся, которые под влиянием решений XX съезда КПСС проявили небывалый подъем в обсуждении жизненно важных вопросов социалистического строительства, в критике недостатков, в выдвижении инициативных предложений по улучшению всей деятельности партии, государства и хозяйственного аппарата. Вместе с тем реакционные элементы пытались использовать эту активность для своих вражеских целей, под видом критики делались попытки подорвать у широких масс трудящихся доверие к КПЧ и ее политике, подорвать авторитет Центрального Комитета КПЧ». Сытенко писал об усилении враждебной пропаганды по радио, очевидно имея в виду радиостанцию «Сво-

бодная Европа», действительно активизировавшую свою деятельность в связи с событиями в Польше летом 1956 г., о распространении в Праге листовок зарубежного происхождения, подписанных «Ленинско-Сталинский ЦК КПЧ», «Комитет освобождения политических заключенных чехословацких концентрационных лагерей и тюрем», «Чехословацкий центральный комитет освобождения». В последних двух помимо клеветы на СССР и существующий в Чехословакии строй, говорилось в Записке, содержатся призывы «перейти от пассивного сопротивления к действиям», к организации в городах, селах, на заводах и в учреждениях «комитетов освобождения, руководство которыми, как и руководство всем движением сопротивления, возьмет в свои руки временное правительство, которое в ближайшее время будет создано». Поскольку, делал вывод автор, органы госбезопасности не обнаружили существования таких организаций на территории Чехословакии, эти воззвания рассылаются, видимо, отдельным лицам (пакеты с воззваниями в числе более 700 были обнаружены в пражских почтовых ящиках) по заданиям западной реакции. В листовках другого рода делалась ставка на раскол в КПЧ: «При этом реакция пытается использовать то, что Сталин и Готвальд имели исключительную популярность, как в партии, так и в народе» и призывает к созданию комитетов действия для «защиты Сталина и Готвальда, которые якобы оклеветаны нынешним руководством КПСС и КПЧ». Авторы одного из воззваний провозглашали: «Будьте решительны [в отношении] врагов Сталина и Готвальда и продемонстрируйте большевистскую верность! С нами идут сотни тысяч верных и честных членов партии. За нашей борьбой с симпатиями следит пролетариат всего мира...» Такого рода листовки, думается, могли родиться и на чехословацкой земле.

Сытенко сообщал также о реакции в ЧСР на события 28 июня в польском городе Познань, где демонстрации рабочих, выступивших за улучшение условий труда, вылились в подавленные с помощью армии вооруженные беспорядки, во время которых 73 человека погибли и более 300 получили ранения. «Следует отметить, — говорилось в Записке, — что абсолютное большинство населения страны, особенно рабочий класс, осуждают познанскую провокацию и высказываются за повышение бдительности в отношении классового врага, принятие мер к недопущению такого рода провокаций в Чехословакии. В этой связи обращает на себя внимание то, что при обсуждении вопросов, касавшихся познанских событий, во многих местах задавался вопрос о том, был ли прав т. Хрущев Н. С., опровергая на XX съезде КПСС тезис И. В. Сталина об обострении классовой борьбы в период строительства социализма». Речь

шла о собраниях в Пльзеньской, Остравской, Кошицкой, Устецкой областях. Сытенко считал целесообразным помещать в советской печати «больше разъясняющих материалов по этому важному вопросу, которые в свою очередь перепечатывали бы в чехословацкой печати». «Оценивая положение в целом, — писал автор, — посольство полагает, что в настоящее время его можно характеризовать положительно, что ЦК КПЧ и Политбюро правильно оценивают внутреннее положение в Чехословакии и вполне справляются с задачами по дальнейшему укреплению народно-демократического строя и строительства социализма в стране...»[34] По всей видимости, это было действительно так. Общественная волна, поднятая XX съездом КПСС, постепенно сходила на нет, уступая место заботам, касавшимся решению насущных жизненных вопросов. Надо иметь в виду, что в руководстве КПЧ не существовало тогда такого острого противостояния, как, например, в верхушке Венгерской партии трудящихся; упомянутый триумвират в целом действовал довольно слаженно, а оппозиционные КПЧ силы, если и существовали, то были малочисленны и раздроблены и, кроме того, не располагали сколько-нибудь значимой политической фигурой, способной претендовать на роль лидера.

Реализация задач, поставленных общегосударственной партийной конференцией в социально-экономической области, началась немедленно. Уже осенью 1956 г. еще раз снизились розничные цены на товары широкого потребления и продукты питания, повысилась зарплата некоторых категорий рабочих и служащих, до 46 часов в неделю сократился рабочий день, улучшилась система социального страхования и пенсионного обеспечения, повысилось благосостояние многодетных семей. Чтобы «притушить» оппозиционную активность некоторой части словацкого населения, прежде всего интеллигенции, в конце июля 1956 г. был принят конституционный закон о словацких национальных органах, Словацком национальном совете и Корпусе уполномоченных (словацком правительстве), несколько расширявший их полномочия и ослаблявший зависимость от центра. Однако при этом сохранялась подчиненность словацких органов центральному правительству и Национальному собранию. В Словакии закон приняли с определенным удовлетворением, но на практике, по мнению Я. Рыхлика, он реализовывался в минимальной степени, что объяснялось новым «закручиванием гаек» в ЧСР в связи с событиями в Венгрии в октябре—ноябре 1956 г.[35]

Итак, к осени 1956 г., когда «взбунтовалась» Венгрия, чехословацкое общество пришло внешне более или менее умиротворенным и консолидированным: верные (партийцы) были вознаграждены, «вольнодумцы»

(в партии) — нейтрализованы, напуганные возможными карами, народ (простой) — удовлетворен проводимыми в стране социально-экономическими мероприятиями и поднятием жизненного уровня. Кроме того, пражские верхи пошли на то, чтобы, учитывая настроения некоторой части общества, несколько ослабить внешние признаки «тугой» привязанности к Москве, к примеру, отказаться от вывешивания советских флагов во время проведения официальных мероприятий, от исполнения советского гимна после окончания дневных радиопередач, от внедрения «культа рождественского Деда Мороза» и т. д. Все это широкими слоями населения было воспринято с удовлетворением и создавало в их глазах представление о правильном политическом курсе Града.

Но в главном и основном — равнение на опыт СССР и КПСС в деле построения социализма — коммунистическое руководство ЧСР не собиралось отказываться. Об этом свидетельствует, в частности, постановление ЦК КПЧ о партийной пропаганде в связи с началом учебного года в сети партийного просвещения от 1 октября 1956 г. Один раздел документа посвящался международному значению опыта КПСС, которая «была и остается первой ударной бригадой мирового революционного движения». Еще раз подчеркивалась необходимость изучения исторического опыта КПСС, помогающего в решении проблем социалистического строительства: «Мы не должны пробиваться к социализму, идя незнакомым путем, поскольку имеем возможность черпать из богатого ленинского плана построения социализма и коммунизма и из опыта, приобретенного КПСС в борьбе за его осуществление. Однако мы должны решительно покончить с догматическим подходом к изучению и объяснению истории КПСС. Мы должны учиться марксистскому познанию опыта коммунистов Советского Союза, видеть различия между специфическим и общезначимым опытом и правильно его претворять в наших условиях». Указывалось на то, что «принципиальная марксистская критика "Краткого курса истории ВКП(б)" XX съездом КПСС не должна вести к ослаблению изучения истории Коммунистической партии Советского Союза, но должна способствовать глубокому познанию советского опыта и освоению ленинизма, как надежного оружия в борьбе за победу коммунизма»[36].

Между тем назревали события в Венгрии. Москва сначала с подозрением, а затем резко критически относилась к попыткам демократизации режима в этой стране[37]. Руководство КПЧ сразу же поддерживало советскую позицию. Новотный участвовал в заседании представителей коммунистических партий СССР, Восточной Германии, Чехословакии и Болгарии 24 октября 1956 г. в Москве, на котором обсуждалась ситуация в Польше,

где к власти в партии (ПОРП) пришел опальный В. Гомулка, и в Венгрии. Здесь в знак солидарности с происходившей в Польше борьбой за обновление и реформы будапештские студенты предложили провести массовую демонстрацию под лозунгами демократизации социализма в Венгрии. События развивались столь бурно, что вечером 23 октября уже произошли столкновения демонстрантов с полицией, имелись убитые и раненые. На упомянутом совещании в Москве было принято решение о вооруженном вмешательстве в венгерские события, как акте устрашения «бунтовщиков», о введении советских войск, находившихся на территории Венгрии, в Будапешт. Однако это привело к обратному результату: к началу массовых волнений в стране. По возвращении в Прагу Новотный сразу же — в ночь с 24 на 25 октября — доложил о результатах совещания на чрезвычайном заседании политбюро ЦК КПЧ[38], оценивая, вслед за Хрущевым, события в Венгрии, как «контрреволюционный путч», и именуя участников беспорядков в Будапеште бандитами. По словам Новотного, на совещании обращалось особое внимание на вопрос о жизненном уровне населения, играющем важную роль в создании напряженных ситуаций, а Хрущев заявил: «Только идеологическая работа не поможет, если мы не обеспечим поднятия жизненного уровня. Не случайно, что беспорядки произошли в Венгрии и Польше, а не в ЧСР. Это потому, что жизненный уровень в ЧСР несравненно выше»[39]. На заседании подчеркивалась необходимость принятия максимальных мер безопасности в стране, особенно учитывая предстоящие 28 октября торжества по случаю 38 годовщины возникновения Чехословацкого государства, а 7 ноября — по случаю 39 годовщины Октябрьской революции. Обе эти даты широко и торжественно отмечались в ЧСР. Министерству внутренних дел было дано указание объявить на 28 октября стопроцентную готовность всего полицейского аппарата, а секретариату ЦК КПЧ — в случае необходимости привести в готовность Народную милицию и информировать о развитии ситуации в Венгрии и Польше партийный актив, не давая при этом публичных оценок программным заявлениям В. Гомулки и И. Надя. Политбюро также намеревалось «проконсультировать в СССР по линии министерства внутренних дел вопрос о возможности отправки добровольческих отрядов в Венгрию» для борьбы с «контрреволюцией». В связи с венгерскими событиями был отложен визит правительственной делегации ЧСР в Китайскую Народную Республику. Особо обсуждался вопрос о «выправлении» содержания печатных органов и проведении политической работы с главными редакторами в целях обеспечения «правильной линии» публикуемых статей[40]. Это касалось и всех публичных выступлений представителей партий Национального фронта. Одно-

временно давалось указание о проведении интенсивной кампании по организации сбора подписей под резолюциями, как коллективными, так и индивидуальными, осуждавшими деятельность «контрреволюции» в Венгрии. По некоторым сведениям, их число достигло 17 000. 25 октября первую информацию о событиях в Венгрии принесла газета «Руде право», орган ЦК КПЧ. Краткое сообщение было озаглавлено «Важные события в Венгрии» и имело подзаголовок «Контрреволюционные элементы вызвали кровавые беспорядки». Обширная передовая газеты однозначно осудила события в Венгрии как «контрреволюционный путч» с целью свержения коммунистического строя и восстановления капиталистических порядков в стране. Одновременно в этом и последующих номерах сообщалось о митингах и собраниях, прошедших в поддержку политики КПЧ и осуждавших венгерских «контрреволюционеров». Руководства Чехословацкой социалистической партии, а затем Чехословацкой народной партии, состоявших в Национальном фронте, обратились с письмами в ЦК КПЧ с одобрением политики КПЧ и признанием ее руководящей роли в обществе. В том же духе было составлено и опубликовано в «Руде право» письмо ЦК Союза чехословацких писателей, а также открытые письма отдельных представителей чешской и словацкой культуры, отвергавшие сомнения в правильности политической линии Чехословакии[41].

Одновременно с началом широкой пропагандистской кампании власти осуществили некоторые превентивные меры по предотвращению возможных 28 октября эксцессов: был разработан план усиленной охраны центральных партийных и государственных органов в Праге, и даже в некоторых местах размещены танки, арестована группа лиц, готовивших по сведениям Министерства внутренних дел антикоммунистическую демонстрацию на Вацлавской площади, которая должна была перерасти, как и в Венгрии, во всенародное выступление против существующего режима, тем более, что среди студентов, согласно полицейским сводкам, фиксировались симпатии к венгерским событиям. Однако манифестации 28 октября прошли спокойно.

Тем временем развитие ситуации в Венгрии не сулило ослабления напряженности в отношениях между Москвой и Будапештом, хотя, по мнению российского историка А. С. Стыкалина[42], стремление к компромиссу еще доминировало на заседании Президиума ЦК КПСС 30 октября 1956 г., на котором была принята опубликованная на следующий день в «Правде» «Декларация об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами». В ней достаточно самокритично оценивался характер отношений СССР с европейскими социалистическими

странами, указывалось на необходимость большего равноправия, обсуждения спорных вопросов, в том числе и о пребывании советских войск на территории других стран[43]. Однако курсу на компромиссное решение венгерского кризиса не суждено было сбыться из-за кровавых событий в Будапеште 30 октября, жертвами которых стали более 20 человек, самоликвидации ВКП и возникновения новой Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП), провозгласившей программу строительства социализма на основе полного разрыва со сталинским наследием. 31 октября на заседании Президиума ЦК КПСС было принято решение о вооруженной интервенции в Венгрию и создании правительства, полностью контролируемого Москвой. Из числа внешних факторов, оказавших влияние на принятие этого решения, следует отметить чрезвычайную активизацию деятельности радиостанции «Свободная Европа», разыгравшийся тогда же ближневосточный, суэцкий конфликт и позицию коммунистического Китая, выразившего несогласие с выводом советских войск из Венгрии ввиду опасности реставрации там капитализма.

Лидеры социалистических стран, в том числе Новотный и Широкий, получили информацию о новых советских планах в отношении Венгрии во время ряда встреч их представителей с Хрущевым и другими членами политического руководства СССР, состоявшихся в начале ноября 1956 г. Заслушав сообщения первого секретаря ЦК КПЧ и председателя правительства о совещании в Москве, политбюро ЦК КПЧ на заседании 2 ноября приняло единогласное решение о согласии «с проведением всех необходимых мер для сохранения народно-демократического строя в Венгрии» и подчеркнуло возможность активного участия в их реализации в случае необходимости, что означало, по сути, участие в советских военных акциях. Москва, однако, ограничилась пока просьбой о закрытии чехословацко-венгерской границы[44]. Запотоцкий получил поручение политбюро ЦК КПЧ выступить по радио с разъяснением позиции партийно-государственного руководства ЧСР. Появившиеся 1 ноября на страницах чехословацкой печати сообщения об агрессии английских, французских и израильских войск против Египта, слухи о силовом решении венгерского кризиса, о возможном начале третьей мировой войны и введении в связи с этим карточной системы породили панику среди населения, бросившегося скупать в магазинах продовольственные товары: сахар, соль, муку, консервы, крупы, мыло и пр. В полицейских донесениях говорилось об усилении недовольства рабочих и служащих политикой правительства в области заработной платы и даже угрозе забастовок на этой почве[45].

В субботу 3 ноября по радио с очень жесткой речью выступил президент Запотоцкий. Он полностью солидаризировался с Москвой в оценке венгерских событий. «В соседней Венгрии, — говорил он, — в последние дни зреет контрреволюция, которая развязала фашистский белый террор против трудящихся. Ее руки обагрены кровью тысяч убитых рабочих и простых людей из всех слоев населения. Венгерская реакция рука об руку с западными империалистами начала осуществлять долго готовившийся план, направленный не только против народной власти в Венгрии, но и по своим последствиям против всех социалистических стран, против мира во всем мире. В Венгрию съезжаются реакционные элементы, военные преступники, графья, фашисты и др. эмигранты с Запада, которые бежали в 1945 г. от Советской Армии или позднее от народного гнева. В армии активизируются хортистские фашистские офицеры. На свет выползают помещики и капиталистические угнетатели, власть которых была ликвидирована рабочим классом и трудящимися несколько лет назад. Восстанавливаются старые потерпевшие крах политические партии, которые должны разделить народ на враждующие группы. Между ними идет борьба за политические кресла, и с должностей снимается каждый, кто пытается отстаивать интересы трудящихся и социализма... Так сегодня выглядит страна, которая еще несколько дней назад жила спокойным созидательным трудом»[46]. Речь президента, одного из самых авторитетных в стране политиков, обладавшего несомненной харизмой и пользовавшегося любовью «низов», не могла не произвести на них впечатление и бесспорно способствовала тому, что и до этого немногочисленные сторонники поддержки венгерских событий не могли проявить себя сколько-нибудь заметно.

4 ноября началась силовая операция советских вооруженных сил по наведению порядка в Венгрии, встреченная Градом с удовлетворением. В понедельник 5 ноября, когда газеты обычно не выходили, по указанию сверху были напечатаны специальные номера, в которых крупным шрифтом сообщалось, что «венгерские трудящиеся одержали победу над контрреволюцией» и что «чехословацкий народ выстоял во время кризиса». По радио передавались марши, прерываемые сообщениями о действиях советских войск. Несмотря на широкую пропагандистскую кампанию, проводимую в ЧСР по разоблачению «происков венгерской реакции», руководство страны не было уверено, что манифестации по случаю 39 годовщины Октябрьской революции пройдут гладко. В целях предупреждения эксцессов в ряде городов — Праге, Брно, Пльзени — были произведены аресты студентов, которых обвинили в создании антигосу-

дарственных группировок, намерениях превратить манифестации в демонстрации против существующего режима, в прослушивании вражеских радиостанций, прежде всего, «Свободная Европа», и распространении их сообщений среди студентов. Однако, согласно полицейским донесениям, признаков организованного сопротивления властям на местах не было обнаружено. Говорилось лишь о вербальных проявлениях несогласия с режимом и симпатий к революции в Венгрии и реформам в Польше, а также об отдельных листовках и надписях на стенах с враждебными КПЧ и режиму лозунгами. Вместе с тем поступила масса сообщений о прокоммунистических настроениях населения, например, в городах Острава, Готвальдов, Кромержиж, Либерец, о позитивной оценке выступления Запотоцкого по радио и симпатиях к созданному в Будапеште «рабоче-крестьянскому» правительству во главе с Я. Кадаром[47].

Ход манифестаций 7 ноября по стране в целом показал, что власти опасались напрасно. Митинги и демонстрации прошли без каких-либо нарушений порядка. И, наоборот, коммунистические функционеры во всех краях с удовлетворением констатировали, что атмосфера торжеств была лучше, чем в предыдущие годы, несмотря на холодную и ненастную погоду со снегом или сильным дождем на большей части территории ЧСР 6 и 7 ноября[48].

Полицейские донесения и сводки следующих дней содержали вал информации о добровольных акциях в поддержку коммунистического режима в Венгрии, о пожертвованиях в фонд солидарности с венгерским народом, о добровольных рабочих вахтах в помощь подорванной венгерской экономике. Констатировалось, что ситуация в Чехословакии постепенно полностью нормализуется. Например, в сообщении из Братиславы 7 ноября говорилось: «Общую ситуацию в пределах здешнего края можно оценивать положительно. Имеют место лишь отдельные случаи распространения подстрекательских или лживых сообщений враждебно настроенными лицами». Надо иметь в виду, что словаки были напуганы возможностью венгерского ревизионизма и ирредентистских настроений венгерского меньшинства, проживавшего в Чехословакии, и особенно после того, как В. Копецкий заявил в выступлении по радио, что венгерские националисты «точат зубы на Словакию»[49]. Однако, по мнению Я. Пешека, «население венгерской национальности в своем большинстве отрицательно отнеслось к событиям в Венгрии»[50]. Приблизительно так же, как в Братиславе, оценивалась 7 ноября и ситуация в Остраве: «Последние события в Венгрии, установление рабоче-крестьянского правительства трудящимися воспринимаются с успокоением. Только у лиц, крайне враж-

дебно настроенных по отношению к народно-демократическому строю и Советскому Союзу, отмечены высказывания и проявления несогласия с нынешним развитием ситуации». А донесение из Праги от 15 ноября гласило, что интерес к событиям в Польше, Венгрии и Египте по сравнению с прошлой неделей значительно упал, и среди населения начинает преобладать озабоченность повседневными нуждами. Примерно так выглядели полицейские донесения изо всех краев страны. Ситуацию не меняла ни интенсивная деятельность на Чехословакию радиостанции «Свободная Европа», ни появление в значительно большем, чем раньше, количестве ее листовок на территории страны[51].

Сообщения цензоров, просматривавших частную переписку, также свидетельствовали, что большинство авторов писем относилось лояльно к существовавшему режиму в Чехословакии и отрицательно к событиям в Венгрии. Например, в донесении из Брно от 10 ноября значилось, что в прошедших цензуру письмах не зафиксировано ни одного случая одобрения «контрреволюции» в Венгрии или же неблагоприятной оценки сложившейся к тому времени в этой стране ситуации. 20 ноября 1956 г. министр внутренних дел ЧСР Р. Барак издал секретный приказ об отмене чрезвычайных мероприятий, осуществляемых на территории страны с 24 октября.

Во второй половине ноября началось и возвращение воинских частей, размещенных на чехословацко-венгерской границе в конце октября, к местам их постоянной дислокации. В приграничных с Венгрией южных районах Словакии проживало значительное число представителей венгерского меньшинства, и чехословацкие власти вовсе не были уверены в том, что они не захотят поддержать венгерских повстанцев. Первые мероприятия по усилению охраны границ были проведены уже 25 октября[52]. В тот же день министр национальной обороны ЧСР Б. Ломский отдал приказ о разработке военного плана по обеспечению безопасности границы с Венгрией. Войска Министерства внутренних дел, усиленные частями министерства национальной обороны, расположились в основном в предместье Братиславы, чтобы предотвратить проникновение венгерских повстанцев на территорию Словакии. Словацкий участок (579 км) чехословацко-венгерской границы охранялся с особой тщательностью. Все свидетельствовало о том, как считают чешские и словацкие военные историки Й. Билек, В. Пилат и Я. Штайгл, что речь шла о первой координации действий вооруженных сил в рамках Варшавского договора, членом которого была и ЧСР. Чехословакия и Румыния должны были на своих границах создать линию обороны и таким образом закрыть их, что-

бы советские войска могли ликвидировать повстанческие силы, исключив возможность их отхода на территорию других государств[53]. Уже 3 ноября советские части перекрыли австро-венгерскую границу, так что повстанческие силы оказались де-факто в окружении. О координации действий советских и чехословацких вооруженных сил свидетельствует и то, что на заседаниях коллегии Министерства национальной обороны, высшего коллективного органа, решавшего с июля 1956 г. ключевые вопросы строительства чехословацкой армии и ее управления, присутствовали советские военные советники. Так, в частности, в совещании коллегии 3 ноября участвовали генерал-лейтенанты Бойков и Коротков, генерал-майоры Гритчин и Тороненко. 5 ноября Б. Ломский сообщил на коллегии, что обсуждал с генералом армии А. И. Антоновым, начальником штаба Объединенных вооруженных сил стран—участниц Варшавского Договора, некоторые вопросы вооружения чехословацкой армии[54]. К 10 ноября на чехословацко-венгерской границе была достигнута самая высокая концентрация военных сил и средств. 25 тыс. солдат и офицеров заняли созданные здесь две оборонительные линии. Воинским частям были приданы 358 танков, 141 самоходное и 609 прочих артиллерийских орудий, включая минометы, 82 самолета. Следует отметить, что, хотя ни одного прямого вооруженного столкновения с венгерскими повстанцами чехословацкие части не имели, ЧСР, накрепко «заперев» свои границы и изолировав повстанцев, косвенно способствовала советской интервенции в Венгрию. В целом армия, по оценке начальника Главного политуправления чехословацкой армии Я. Земана, проявила себя «на высоком уровне». Однако на 84 офицеров и 46 солдат завели следственные дела по причине их несогласия с действиями ЧСР против Венгрии. 33 офицера были уволены из армии, а некоторые преданы суду[55]. В состоянии боеготовности во время кризиса в Венгрии пребывали и отряды Народной милиции.

Чехословацкие власти решили оказать всемерную помощь восстановлению порядка в Венгрии и укреплению позиций правительства Кадара. 5 ноября политбюро ЦК КПЧ приняло решение о посылке в Венгрию чехословацкой правительственной делегации во главе с Широким. Определялся и ее состав: представители Национального фронта, в том числе один рабочий, один крестьянин-член ЕСХК, один представитель интеллигенции и словацкий министр. Приветствовалась «инициатива трудящихся» помочь ВНР и выражалось согласие с созданием «Фонда солидарности с трудящимися ВНР». Делегация посетила Будапешт 15—16 ноября. Политбюро ЦК КПЧ приняло решение о предоставлении

политического убежища некоторым венгерским политическим деятелям. Новое венгерское правительство получило помощь продовольствием, медикаментами, оружием, пропагандистскими материалами, товарами ширпотреба и т. д.[56] Хотя помощь была принята людьми с удовлетворением, но отношение к Чехословакии нельзя было назвать таковым. Об этом свидетельствовало, в частности, сообщение редактора «Руде право» З. Горжени из Будапешта 13 ноября: «Где только возможно, мы постоянно слышим: вы и русские единственные, кто против нас, весь мир за нас... Мы прибыли в Венгрию с нашим государственным флагом, но в первый же день нам стало ясно, что использование его — большая ошибка...и мы его предпочли спрятать и поднять флаг Чехословацкого Красного Креста. Однажды вечером мы попали в такую ситуацию, что вынуждены были на всякий случай откреститься от чехословацкого гражданства». Корреспондент Чехословацкого телеграфного агентства О. Сверчина сообщал также из Будапешта 14 ноября: «В прошедшие дни я дважды был в парламенте, один раз в секретариате т. Кадара, в другой — у товарища Мюнниха. Пока это было единственным местом, где мы, как чехословаки, были сердечно приняты венграми»[57].

Венгерские события были использованы руководством КПЧ для укрепления своего положения в партии, оправдания грядущего отхода от политики десталинизации, ужесточения внутриполитического курса в стране, а в области идеологии развязывания борьбы против «ревизионизма». 5—6 декабря 1956 г. состоялся пленум ЦК КПЧ. С докладом о международном положении и вытекающих из него задачах партии выступил Новотный. Положение в мире характеризовалось им, как борьба сил мира и социализма с силами агрессии и реакции, которая является, по сути, классовой борьбой между пролетариатом и буржуазией и которую следует оценивать с позиций рабочего класса. Он утверждал, что трагические события в Венгрии произошли из-за «непонимания выводов XX съезда КПСС и прошлых ошибок и недостатков», что было использовано внутренней и внешней реакцией для «насаждения либералистических тенденций, развязывания национализма и оживления ревизионизма». Отсюда следовал логический вывод: гарантией против угрозы повторения развития событий по венгерскому образцу в чехословацких условиях является в первую очередь дальнейшее усиление руководящей роли партии. «Советский Союз последовательно выполнял свои интернациональные обязательства, и мы гордимся тем, что в решающий момент поддержали его», — заявил Новотный. Пленум единогласно одобрил действия партии и правительства в сфере внешней политики, и, прежде всего, позиции в пе-

риод венгерского кризиса. События в Венгрии расценивались в принятой резолюции как попытка контрреволюционного переворота, являющегося «составной частью разветвленного империалистического заговора против социализма и прогресса». Указывалось, что реакция при этом использовала «оправданное недовольство широких масс венгерского населения, вызванное серьезными ошибками в деятельности бывшей Венгерской партии трудящихся и прошлого венгерского правительства». Положительно оценивались результаты VIII пленума ЦК ПОРП, на котором были вскрыты ошибки и недостатки в строительстве социализма и намечены пути их устранения. В то же время критике подверглись как «неправильные и не способствующие развитию международного коммунистического движения, интересам коммунистических и рабочих партий» некоторые высказывания Й. Б. Тито, выступившего в Пульи 11 ноября в связи с событиями в Венгрии. В частности, отмечалось неправильное толкование им вопроса о культе личности, схожее с враждебной пропагандой, которая «стремится доказать, что культ личности является продуктом социалистической системы в Советском Союзе, хотя известно, что именно культ личности находится в прямом противоречии с советским социалистическим строем». В резолюции подчеркивалась руководящая роль партии, которая пользуется все большим доверием и поддержкой народа, а также необходимость улучшения ее идеологической и организационной работы среди всех трудящихся[58].

Итак, события в Венгрии и Польше не получили широкого отклика в ЧСР и поддержки чешской и словацкой общественности. Профессор политологии Института политических исследований в Париже Ж. Рупник обоснованно писал в 1986 г.: «Примечательной чертой чехословацкой ситуации в 1956 г. были пассивность и даже равнодушие населения, и не только в отношении событий в Польше или в Венгрии, но и в отношении демократических требований интеллектуалов»[59]. Однако все же следует отметить, что отдельные факты выражения солидарности с попытками либерализации режимов в соседних с ЧСР странах имели место: осуждение интервенции советских войск, выражение симпатий венгерским повстанцам, согласие с их требованиями, выдвижение собственных требований, касавшихся повышения заработной платы, и даже забастовки (Клатовы, Бржецлав, Комарно и др.), появление антиправительственных листовок и надписей на стенах и т. д. По некоторым данным, до 5 ноября 1965 г. в ЧСР в связи с событиями в Венгрии подверглись преследованиям 674 человека, главным образом, за вербальное выражение своего мнения. В армии, как говорилось выше, в той или иной форме оказались наказанными 130 офицеров и солдат. В среде интеллигенции, прежде всего

чешских и словацких писателей, обнаружилась тенденция солидарности с венгерскими повстанцами и отказы от их осуждения. Появление этих тенденций в Словакии власти связывали с оживлением там националистических настроений, подтверждая тем самым якобы принципиальную правильность осуждения «словацких буржуазных националистов», хотя некоторые из них, например Л. Новомеский, Л. Голдош, в качестве уступки общественному мнению, в начале 1957 г. были отпущены на свободу под подписку о невыезде. Политическим центром сосредоточения оппозиционных настроений объявлялась Словацкая Академия наук, которую возглавлял О. Павлик. Новотный советовал ЦК КПС «дать оппозиционерам понять, где и что они могут критиковать. А если они будут вести себя иначе, то принять соответствующие меры»[60]. Глава словацких коммунистов В. Биляк на заседании ЦК КПС в декабре 1956 г. говорил об опасности, могущей возникнуть, «если внутри партии и в обществе получат перевес вечно колеблющиеся интеллектуалы, которые никогда не понимали и не понимают законы диалектики, которые, колеблясь, сегодня до небес превозносят одно, чтобы завтра это ниспровергнуть, и которые легко становятся игрушкой, инструментом контрреволюции»[61].

Несмотря на то что осенью 1956 г. в Чехословакии в целом царило затишье, власти решили в порядке «профилактики» возможных в будущем эксцессов провести некоторые мероприятия. 19 ноября политбюро ЦК КПЧ отдало тайный приказ Генеральной прокуратуре страны не освобождать политических заключенных. В начале 1957 г. в тюрьмах находилось около 11 000 осужденных «за антигосударственную деятельность»[62]. Таким образом, первые попытки исправить беззаконные акты, пересмотреть политические процессы начала 1950-х годов, — эти тенденции наметились сразу после знакомства с решениями XX съезда КПСС, — завершились раньше, чем начались. Хотя положение в чехословацких вооруженных силах оценивалось как весьма удовлетворительное, решено было провести доскональный анализ их состояния, выявить недостатки и слабые стороны, усилить идеологическую работу среди личного состава, укрепить руководящую роль партии в армии, поднять бдительность. В военных верхах полагали, что настало время для проведения новой чистки в офицерском корпусе[63].

Серьезному анализу подверглась ситуация в органах государственной безопасности. Решения, по сути, были аналогичны тем, которые относились к армии: усилить влияние КПЧ, интенсифицировать идеологическую работу, укрепить Корпус национальной безопасности, повысить его дееспособность и бдительность. Перед работниками госбезопасности была поставлена задача внимательно следить за настроениями в обществе,

анализировать и оценивать их, принимать соответствующие меры, включая преследования и репрессии. Особое внимание надлежало обращать на поведение представителей потерпевших поражение классов, т. е. бывших капиталистов, мелких предпринимателей, крупных земельных собственников, и интеллигенцию. Активизировалась сеть конфидентов госбезопасности, которые должны были смотреть за поведением граждан, их настроением и доносить об этом властям[64].

Таким образом, события в соседних с ЧСР странах чехословацкие власти решили использовать, чтобы окончательно загасить импульсы, вызванные XX съездом КПСС, и положить конец развернувшимся после него дискуссиям об «улучшении социалистического строя», освобождении его от деформаций предыдущего периода. Руководство КПЧ фактически являлось хозяином положения, контролировало ход событий, во всем поддерживая советскую политику и осуществляя меры, направленные на недопущение критики существующего режима и консолидацию общества. Генеральная линия партии на завершение строительства социализма была признана правильной. Консервативные силы в партии укрепили свое положение, в партийной среде возросло число неосталинистов, сторонников «твердого курса», проведения жесткой линии против тех, кто проповедовал немарксистские и «враждебные» взгляды, что касалось в первую очередь интеллигенции.

Небезынтересна достаточно объективная (с точки зрения наших сегодняшних взглядов) оценка положения в Чехословакии в 1956 г., данная английским послом в Праге. Весьма пространная справка, составленная им для МИД Великобритании в январе 1957 г., ныне переведена на чешский язык и опубликована чешским историком В. Пречаном[65]. Приведем выдержки из краткой аннотации документа, составленной сотрудником Форин оффис, и из самой справки. В первой говорилось: «Чехословакия проявила себя в 1956 году как самый прилежный ученик в ряду сателлитов Москвы, однако она не получила за свое хорошее поведение от господина учителя никакого материального вознаграждения... Чешское правительство во время набиравшего силу шторма в Восточной Европе в 1956 году удержалось на плаву, что...помимо традиционной чешской апатии и сносного жизненного уровня объясняется следующим: а) XX съезд КПСС и осуждение Хрущевым Сталина произвели на Чехословакию менее тягостное впечатление, чем на остальных сателлитов [Москвы]. Культ личности здесь не был так очевиден. Не осталось в живых никаких гомулков и надей. Покойный Сланский сыграл роль жертвенного ягненка [при

осуждении] всех прошлых ошибок и отступлений от социалистической законности. Вследствие этого чешским властям удалось погасить первую волну критики весной и летом [1956 г.], пожертвовав одним непопулярным министром; их соседи на севере и на юге не имели такого счастья. б) Власти, таким образом, опять установили полный контроль в стране, причем раньше, чем в октябре разыгрался второй шторм в Польше и Венгрии. Ни интеллигенция, ни какая-нибудь другая группа давления [на власть] не набрала в предшествующие месяцы достаточного разбега для того, чтобы начать новое наступление. Кроме некоторых незначительных жестов и уступок власти не должны были прибегать к каким-либо мероприятиям [по укреплению] безопасности. в) Таким образом, Чехословакия, помимо того, что играла роль пионера в экономическом проникновении всего блока за рубеж, стала еще самым значительным идеологическим рупором Москвы среди сателлитов»[66].

Анализируя события 1956 г., английский посол пришел к выводу, что главным из них являлся XX съезд КПСС, «разоблачения» которого стали «для коммунистов шоковыми». «Адепты режима, — говорилось в справке, — которые усмотрели угрозу существованию бастионов сталинизма, были совершенно огорошены. Они отчаянно пытались, насколько это было возможно, задержать информацию об этих разоблачениях... и выжидали, что предпримет Москва; одновременно они сами приспосабливались к переменам. Напротив, интеллектуалы реагировали чрезвычайно быстро и ухватились за неожиданную возможность реализовать только что обретенную свободу критики... Однако на требование ослабить коммунистическую индоктринацию руководство ответило ориентацией на более глубокое и внимательное знакомство с учением Маркса и Ленина... Пропагандисты и авторы передовиц постепенно становились все более самоуверенными и агрессивными, пока, наконец, не вернулись к привычному лексикону и фразеологии. Рука об руку с этим шла все больше набиравшая силу кампания призыва к бдительности против классового врага». Поскольку, как подчеркивал посол, «главные сталинисты на верхушке власти остались нетронутыми», «в противоположность польскому или югославскому пути к социализму очень решительно подчеркивалась действенность советской модели». Чехословакия, полагал посол, в будущем думает следовать этой модели, «модифицированной в соответствии с потребностями страны», действуя при этом «как можно более осторожно, чтобы своевременно опережать давление чешского общественного мнения в политической и экономической сферах». И все же, по мнению

посла, хотя ЧСР «удалось сохранить внешнее спокойствие, и 1956 год принес Чехословакии меньше перемен, чем ее коммунистическим соседям, последствия событий в этих соседних странах вызвали к жизни процессы, принципиально значимые для будущего этой страны. Прошло еще слишком мало времени, чтобы мы могли представить себе их конечный эффект».

История показала, что английский дипломат был прав: 1956 год, несомненно, дал толчок развитию и углублению процессов, приведших к Пражской весне 1968 года, «застрельщиками» которой являлись именно интеллектуалы, сумевшие увлечь за собой значительную часть общества. Советский Союз обратился, как казалось его руководителям, к надежным и апробированным методам подавления инакомыслия в стане «союзников» и не нашел ничего лучшего, как ввести танки в Чехословакию.

Итак, в чем же причины того, что чехословацкое общество в целом, за исключением отдельных, преимущественно вербальных проявлений несогласия с властями, осталось «равнодушным» к событиям в Польше и Венгрии осенью 1956 г.? Их, как представляется, несколько:

— довольно высокий жизненный уровень и степень социальной защищенности населения; стремление и умение руководящих верхов использовать социально-экономические рычаги для предотвращения назревания недовольства;

— напуганность возможностью кровавого развития событий, подобных польским (Познань) и венгерским (Будапешт); известно, что чехи да и словаки, как правило, предпочитали мирное, компромиссное решение острых вопросов, о чем свидетельствовали, в частности, события 1938, 1948 и 1968 гг.;

— опасения ревизионизма со стороны Венгрии и Польши; отношения Чехословакии с этими странами в ту пору являлись далеко не идеальными: с поляками из-за Тешинской Силезии, вопрос о которой еще не был решен окончательно; венгры же всегда претендовали на южные районы Словакии, и даже на всю ее территорию, и выражали недовольство положением венгерского национального меньшинства в ЧСР, ирредентистских настроений которого боялись пражские и братиславские верхи[67];

— в КПЧ отсутствовали фигуры типа В. Гомулки или И. Надя; все подобные им личности находились либо в тюрьмах, либо были казнены; старый партиец Запотоцкий, пользовавшийся авторитетом и популярностью в стране, не посмел, да и не захотел выступить против Новотного, поддерживаемого Москвой;

— вне партии тоже не существовало ни оппозиции, ни личности, вокруг которой она могла бы сплотиться; партнеры КПЧ по Национальному фронту (некоммунистические партии) являлись, по сути, марионетками, имитирующими многопартийность режима;

— ответственность за все прошлые ошибки и «деформации социализма» руководству КПЧ удалось переложить на «чехословацкого Берию», Р. Сланского, принеся в жертву лишь непопулярного министра, зятя Готвальда А. Чепичку;

— силы, недовольные порядками в стране, — а они имелись, — были раздроблены, изолированы друг от друга и находились под постоянным «присмотром» органов безопасности;

— в ЧСР развернулась широкая пропагандистская кампания, направленная на разоблачение «реакционного характера» венгерских событий при осторожном одобрении курса, намеченного ПОРП; обозначилась перспектива осуществления реформ в области управления и экономики, множились обещания покончить с проявлениями культа личности, нарушениями социалистической законности и вообще с деформациями социалистического строительства, делались уступки общественному мнению в вопросах непринципиальной важности;

— общество в целом оказалось восприимчивым к такого рода политике: основная масса рабочих, больше других общественных слоев выигравших от социалистических преобразований, оказалась невосприимчивой к идеям венгерских повстанцев, крестьянство, получившее в 1953—1956 гг. передышку от ускоренного кооперирования деревни, пока выжидало и вело себя «смирно», большинство интеллигенции, прежде всего творческой, шло за КПЧ и, напуганное возможными карами, тоже снизило (по сравнению с весной 1956 г.) активность и затаилось.

Однако, как уже говорилось выше, события 1956 г. дали в Чехословакии «всходы» позднее, в период подготовки и расцвета «Пражской весны» 1968 г., когда в других странах советского блока наступило относительное затишье.

Примечания

[1] Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953 гг. М.; Новосибирск. 1998. Т. 2. 1949—1953гг. С. 883—884, 885, примеч. 2.

[2] Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. В 2-х кн. М., 2005. Кн. 2. С. 137—138.

[3] Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953 гг. Т. 2. 1949—1953 гг. Документы. М., 2002. С. 768—769.

[4] Там же. С. 770.

[5] *Barnovský M.* Prvá vlna destalinizáce a Slovensko (1953—1957). Brno, 2002. S. 20.

[6] Советский фактор... С. 800—801.

[7] Там же. С. 794—800, 830.

[8] Чехия и Словакия в XX веке. Кн. 2. С. 140—142.

[9] *Kaplan K.* Nekrvavá revoluce. Praha, 1993. S. 364.

[10] Od X do XI sjezdu. Usnesení a dokumenty ÚV KSČ. Praha, 1958. S. 201—232.

[11] Доклад получили: Чжу Де (Китай), М. Торез (Франция), П. Тольятти (Италия), А. Новотный (Чехословакия), В. Червенков (Болгария), Э. Ходжа (Албания), М. Ракоши (Венгрия), Г. Георгиу-Деж (Румыния), Б. Берут (Польша), В. Ульбрихт (ГДР), Цой Ен Ген (Корея,) Д. Дамба (Монголия), Чноне Тинь (Вьетнам) (См.: Культура и власть. От Сталина до Горбачева. Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. М., 2002. С. 252).

[12] *Barnovský M.* Op. cit. S. 58—60.

[13] Культура и власть... С. 609.

[14] Там же. С. 611—612.

[15] Там же. С. 640—642.

[16] Od X do XI sjezdu... S. 246—247.

[17] Именно этот институт, Институт истории партии при ЦК КПЧ, собравший огромный архив и имевший прекрасную библиотеку, стал в 1960-е годы одним из основных «рассадников» диссидентского движения и более других пострадал после 1968 г. в период «нормализации».

[18] Полностью резолюцию см.: Od X do XI sjezdu... S. 246—258.

[19] Ibid. S. 259—289.

[20] Культура и власть... С. 646—647.

[21] Od X do XI sjezdu... S. 290—291.

[22] *Barnovský M.* Op. cit. S. 61—62.

[23] *Marušiak Ju.* Slovenské postoje počas krízy komunistického systému v rokoch 1956—1957 // Krízy režimov sovietskeho bloku v rokoch 1948—1989. Banská Bystrica, 1997. S. 182.

[24] Od X do XI sjezdu... S. 292—293.

[25] *Marušiak Ju.* Op. cit. S. 184.

[26] Ibid. S. 182, 184.

[27] Hanzal J. Cesty české historiografie. 1945—1989. Praha, 1999. S. 101.

[28] Od X do XI sjezdu... S. 425—443.

[29] *Barnovský M.* Op. cit. S. 69—70.

[30] Цит. по: *Rupnik J.* Promeškané setkání. Rok 1956 v pohledu z Prahy. Soudobé dějiny. 1996. N 4. S. 538.

[31] Od X do XI sjezdu... S. 403—406.

[32] Ibid. S. 345—402.

[33] *Marušiak Ju.* Op. cit. S. 187—188.

[34] Культура и власть... С. 747—749.

[35] *Rychlík J.* Češi a Slováci ve 20. století. Česko-slovenské vztahy 1945—1992. Bratislava; Praha. 1998. S. 174—178.

[36] Od X do XI sjezdu... S. 461—462.

[37] См. подробнее: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М., 1998; *Стыкалин А. С.* Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003.

[38] В состав политбюро входили: президент ЧСР А. Запотоцкий, первый секретарь ЦК КПЧ А. Новотный, первый секретарь ЦК КПС К. Бацилек, министр внутренних дел ЧСР Р. Барак, председатель правительства ЧСР В. Широкий, вице-председатели правительства ЧСР Я. Доланский, Л. Янковцева и В. Копецкий, председатель Национального собрания З. Фирлингер, министр-председатель Государственного планового комитета Я. Шимунек.

[39] Vojenská a další opatření Československa v době povstání v Mad'arsku na podzim 1956: Sborník dokumentů. Praha, 1993. Díl 1. S. 32; *Bílek J., Pilát V.* Bezprostřední reakce československých politických a vojenských orgánů na povstání v Mad'arsku // Sousobé dějiny. 1996. S. 500—501.

[40] Vojenská a další opatření Československa ...Díl 1. S. 18—21; *Pernes J.* Ohlas mad'arské revoluce roku 1956 v československé verejnosti//Soudobé dějiny. 1996. N 4. S. 513.

[41] *Pernes J.* Op. cit. S. 513—514.

[42] *Стыкалин А. С.* Прерванная революция. С. 148.

[43] Советский Союз и венгерский кризис 1956 года... С. 464—466.

[44] Vojenská a další opatření Československa ...Díl 1. S. 85; *Bílek J., Pilát V.* Op. cit. S. 502.

[45] *Bílek J., Pilát V.* Op. cit. S. 519—520. 29 ноября 1956 г. было произведено очередное значительное снижение розничных цен на продовольствие и товары ширпотреба (См.: Od X do XI sjezdu... S. 470—473).

[46] Цит. по: *Bílek J., Pilát V.* Op. cit. S. 502—503.

[47] *Pernes J.* Op. cit. S. 518—519.

[48] Ibid. S. 520—522.

[49] *Germuska P.* Najnovšie poznatky o mad'arskej revolúcii roku 1956 a mad'arsko-slovenské vzt'ahy roku 1956 // Krízy režimov... 1997. S. 160.

[50] *Pešek J.* Mad'arské udalosti roku 1956 a Slovensko // Historický časopis. 1993. N 4. S. 432.

[51] *Pernes J.* Op. cit. S. 523—524.

[52] Vojenská a další opatření Československa... Díl 1. S. 32—34.

[53] *Bílek J., Pilát V.* Op. cit. S. 508; *Štaigl J.* Udalosti v Polsku a Mad'arsku na jeseň 1956 z hľadiska vojenskopolitických a vojenských plánov sovietskeho bloku a ich «slovenských» aspektov // Krízy režimov... S. 174.

[54] Vojenská a další opatření Československa... Díl 1. S. 97 (Примеч. 1), 101.

[55] *Bílek J., Pilát V.* Op. cit. S. 505—509.

[56] Vojenská a další opatření Československa... Díl 1. S. 98, 108—112; *Pešek J.* Op. cit. S. 438—440.

[57] Vojenská a další opatření Československa... Díl 1. S. 114—115.

[58] Od X do XI sjezdu... S. 474—482; *Bílek J., Pilát V.* Op. cit. S. 504.

[59] Статья была опубликована Ж. Рупником во Франции в 1986 г., переведена на чешский язык и опубликована в журнале «Современная история» в 1996 г.: *Rupnik J.* Promeškané setkání. Rok 1956 v pohledu z Prahy. S. 535—540.

[60] *Barnovský M.* Op. cit. S. 104.

[61] Цит. по: *Barnovský M.* Op. cit. S. 111.

[62] *Bílek J., Pilát V.* Op. cit. S. 504.

[63] Ibid. S. 509—510.

[64] Ibid. S. 510, 516.

[65] *Prečan V.* Britské velvyslanectví v Praze o Československu 1956 // Soudobé dějiny. 1996. N 4. S. 564—582.

[66] Ibid. S. 566.

[67] См. подробнее: *Germuska P.* Op. cit. S. 151—164.

А. С. Стыкалин
(Институт славяноведения РАН)

XX съезд КПСС: отклики в Венгрии и Австрии

В начале 1956 г. венгерский партийный лидер Матяш Ракоши был приглашен приехать с делегацией в Москву на открывавшийся 14 февраля очередной, XX съезд КПСС, первый после смерти Сталина. Положение в его стране на первый взгляд казалось стабильным. «Во внутренних событиях в Венгрии не ждали чего-либо неожиданного и плохого. Спокойно было», — вспоминал в 1970-е годы Вячеслав Молотов[1]. Еще более благостную картину нарисовал корреспондент «Правды» Сергей Крушинский в своем новогоднем репортаже. «Спокойной и уверенной поступью вступает Венгрия в Новый год», — писала газета 1 января.

На самом деле все было далеко не так гладко. Записи бесед советских дипломатов с венгерскими функционерами, более четырех десятилетий недоступные для исследователей, отражают сильную обеспокоенность и тех, и других настроениями в обществе. «Имеют место разговоры, почему в руководстве партии остаются те люди, которые на протяжении ряда лет допускают серьезные ошибки... Имен этих людей, как правило, прямо не называют, но имеются в виду товарищи Ракоши и Гере», — говорил 20 января секретарь обкома Венгерской партии трудящихся (ВПТ) в Дьере[2]. Общественное мнение отчасти справедливо объясняло сохранявшуюся в экономике стагнацию попыткой возврата команды Ракоши к гибельной для страны индустриальной гигантомании начала 1950-х годов, от которой ненадолго отошли в бытность премьер-министром Имре Надя (июнь 1953 — апрель 1955 г.). Исключенный в декабре 1955 г. из партии, опальный премьер был довольно популярен, особенно среди крестьянства, интеллигенции, молодежи. Надежды на перемены к лучшему многие (даже те, кто в принципе не принимал социализм) связывали с его возвращением к руководству страной. Любой, даже не самый значительный, казалось бы, повод мог дать выход сильным оппозиционным настроениям. Когда летом 1954 г. из Швейцарии пришло известие о том, что главная гордость Венгрии, сильнейшая в мире сборная по футболу, прервала четырехлетнюю серию своих блистательных побед, проиграв команде ФРГ финальный матч чемпионата мира, зревшее в обществе глухое недо-

вольство выплеснулось наружу, тысячи молодых людей вышли поздно вечером на улицу, и органам внутренних дел с трудом удалось удержать ситуацию под контролем. В тот день звучали и антисоциалистические выпады.

История с отстранением Имре Надя наглядно показала мыслящим венграм, что любые перемены в их стране возможны лишь с ведома и согласия Кремля. От прихоти советских лидеров во многом пока еще зависело и пребывание того или иного политика, в данном случае М. Ракоши, во главе братской партии (лишь более, чем через полгода после описываемых событий, в октябре 1956 г., в совершенно новой политической обстановке, В. Гомулка смог стать первым секретарем ЦК ПОРП вопреки массированному давлению «старшего брата»). В Москве же у приехавшего туда последовательного приверженца сталинских политических методов Ракоши поначалу не было серьезных оснований для беспокойств по поводу возможной перемены курса КПСС. «Меня удивила относительно слабая критика Сталина в отчетном докладе... Это бросилось в глаза и другим товарищам», — вспоминал он в 1960-е годы, находясь в СССР в политической ссылке[3].

Приятное удивление, испытанное в первый день работы съезда, было, впрочем, недолгим. Настроение Ракоши не могла не подпортить публикация в «Правде» 21 февраля статьи академика Евгения (Ене) Варги (в 1919 г. народного комиссара Венгерской Советской республики) «Семидесятилетие со дня рождения Бела Куна». Высокие инстанции КПСС позволили известному советскому экономисту и ветерану венгерской партии назвать Б.Куна не только «фактическим руководителем Венгерского Советского правительства» 1919 г., но и выдающимся деятелем международного коммунистического движения. Если учесть, что вся пропагандистская машина ВПТ долгие годы создавала миф о Ракоши как основателе венгерской компартии, вожде Венгерской Советской республики 1919 г., лидере коммунистического движения в 1920-е годы, нетрудно представить себе, что означала для него официальная реабилитация Москвой репрессированного в 1938 г. Б. Куна. Но в нелегком положении оказались и партийные работники всех уровней, которым предстояло давать разъяснения рядовым коммунистам. «Появление статьи в газете "Правда" о Б. Куне и его реабилитация для многих членов партии, даже руководящих работников ЦК ВПТ, были неожиданными, и никто к этому не был подготовлен», — жаловался 23 февраля советскому дипломату заведующий отделом Центрального Руководства ВПТ[4]. А первый секретарь обкома Дьер-Шопрон сетовал несколькими днями позже: «До сих пор в истории ВПТ Кун Бела считался троцкистом и изменником, а сей-

час придется разъяснять в партийных организациях совершенно обратное. Это, конечно, представляет определенную трудность, учитывая сравнительно невысокую политическую сознательность многих членов и кандидатов ВПТ»[5].

Статья Варги, о которой тут же узнали в Венгрии, вызвала там настоящий фурор. Реабилитация Б. Куна стала в те недели едва ли не главной темой обсуждения в ходе бесед советских дипломатов с венгерскими партработниками. Один из секретарей обкома Хевеш сожалел, что статья о Б. Куне появилась не только неожиданно, но и «в форме, которая не давала понять, что же произошло. Не было сказано, что ему были предъявлены в свое время необоснованные обвинения и что в настоящее время он реабилитирован. Из материалов газет стало ясно, что это так, но отсутствие прямого указания на эти факты делало в глазах читателей несолидным сообщение и позицию редакций газет»[6]. Основные упреки в связи со сложившимся положением раздавались в адрес отнюдь не Москвы, но своего, венгерского руководства: «Необходимо было своевременно поставить в известность актив партии о реабилитации т. Бела Куна, тогда появление подобной статьи не вызвало бы недоумений и различного рода разговоров и слухов»[7].

Для самого Ракоши реабилитация Б.Куна не стала, впрочем, неожиданностью. Он знал еще летом 1955 г. о том, что в Москве широким шагом идет работа по пересмотру многих следственных дел репрессированных в 1937—1939 гг. высокопоставленных сотрудников ВКП(б) и Коминтерна, понимал, что дойдет очередь и до Б. Куна. Вопрос этот все настойчивее ставили перед ним и влиятельные ветераны венгерской партии, работавшие с Б. Куном. Буквально накануне отлета на XX съезд Ракоши сообщили по телефону из Москвы о том, что реабилитация состоялась, а, уже находясь в Москве, он должен был принять к сведению намерение газеты «Правда» отметить посмертный юбилей выдающегося коминтерновца. Противостоять ветрам, дующим из Кремля, Ракоши был, конечно, не в силах. Более всего он в этот день опасался, что перепечатка газетой «Сабад неп» опубликованной в «Правде» хотя бы одним днем ранее статьи с признанием заслуг Б.Куна создаст в Венгрии явное впечатление, что, реабилитировав наиболее видного венгерского коммуниста, ЦК КПСС поставил руководство ВПТ перед свершившимся фактом и, таким образом, лишь давление Москвы заставляет венгерских лидеров совершать шаги в том же направлении. Чтобы не дать своим многочисленным венгерским недоброжелателям повода для подобных разговоров, Ракоши срочно дал из Москвы команду об одновременном опубликовании в газете «Сабад неп» статьи аналогичного содержания, что и было сделано[8].

Уже после XX съезда, на мартовском пленуме своей партии, Ракоши, делая хорошую мину при плохой игре, попытался записать факт реабилитации Б. Куна в свой актив, говорил о его заслугах перед венгерским и международным рабочим движением, о том, что тот должен занять в венгерской истории почетное место, ему по праву принадлежащее. Однако не только в Венгрии, но и за ее пределами многим было очевидно истинное значение этого события для дальнейшей судьбы многолетнего лидера ВПТ. Так, в соседней Австрии газета «Ди Пресс» отмечала 22 февраля: «После реабилитации в Венгрии Белы Куна пересмотр процессов Райка в Венгрии и Сланского в Чехословакии становится не более чем вопросом времени. Во всяком случае, это может иметь для "лучшего венгерского ученика великого Сталина Матяша Ракоши" далеко идущие последствия. Ракоши, который является самым динамичным из всех руководителей коммунистических партий и который до сих пор при всех без исключения изменениях в направлении своей партии сумел выходить целым и невредимым, должен теперь напрячь все свои силы, если он хочет спастись».

Если к реабилитации Б. Куна Ракоши был в известной мере подготовлен, то знаменитое выступление Хрущева 25 февраля на закрытом заседании в конце работы XX съезда явилось для него, как он признал впоследствии в мемуарах, полной неожиданностью. Правда, на съезде звучала и критика сталинской политической практики, как правило, без упоминания самого «отца народов». Выступление А. Микояна, которое сегодня воспринимается как не слишком острое, привело в настоящее замешательство зарубежных коммунистических функционеров, совсем не готовых к повороту в оценке деятельности Сталина[9]. «Возможно, что товарищ Сталин совершил некоторые ошибки. Но все же все мы выросли в его эпоху и были им воспитаны. Мы бесконечно уважаем его заслуги перед мировым революционным движением. И то, что сейчас говорится на съезде, мне непонятно. Об ошибках говорить нужно, но поворот сделан слишком резко, он причиняет всем нам огромную боль. Неясно, почему было необходимо ставить вопрос так резко», — говорил на дипломатическом приеме в Восточном Берлине по случаю дня Советской Армии секретарь ЦК СЕПГ Циллер[10]. В Венгрии заведующий отделом информационного агентства МТИ сообщил советскому дипломату о том, что пропагандистские структуры ВПТ поначалу приняли решение не публиковать речь Микояна «как не отражающую официальной точки зрения», хотя это вступало в противоречие с общей установкой печатать выступления членов Президиума ЦК КПСС на съезде[11]. Как бы там ни было, содержа-

ние съездовских речей доходило до венгерской публики. Посольство доносило в Москву: «Имеются сигналы, когда отсталые и враждебные элементы пытаются использовать во враждебных целях критические замечания, которые имелись в выступлениях тов. Микояна А. И. и других делегатов съезда»[12]. Как отмечалось в другом донесении, некоторые венгерские писатели, резко раскритикованные партийным руководством в декабре 1955 г., «увидели в выступлении Шолохова поддержку и заявляют, что их незаслуженно наказали»[13].

Все-таки на основе отчетного доклада, сделанного Хрущевым, у Ракоши, как он позже вспоминал, создалось впечатление, что, кроме уже сказанного, на съезде не будет ничего существенно нового. Однако в последний день работы съезда, 25 февраля, когда деятели КПСС звонили, чтобы попрощаться, «почти все довольно загадочно и не совсем для меня понятно спрашивали о том, что я знаю о событиях прошедшего дня. К полудню я узнал, что состоялось закрытое заседание съезда, на котором был обсужден вопрос о Сталине. Для меня это до некоторой степени было неожиданным, я полагал, что подобного не произойдет», тем более что в декабре 1955 г., накануне очередной годовщины рождения Сталина сотрудники советского посольства просили должным образом отметить в печати эту дату[14].

Как известно, иностранные гости XX съезда не были приглашены на закрытое заседание. Текст секретного доклада Хрущева Ракоши и сопровождавшие его венгерские партийцы получили от сотрудников Международного отдела ЦК КПСС, после прочтения они должны были его вернуть. «Едва начав читать, я сразу понял, что речь идет о документе чрезвычайной важности... Несмотря на то что доклад был предназначен строго для внутреннего пользования, было ясно, что рано или поздно его содержание просочится в открытую печать, и это всех нас беспокоило... Теперь я уже понял, что и статья, опубликованная в связи с днем рождения Белы Куна, и даже реабилитация польской коммунистической партии[15] были частью плана, направленного на то, чтобы показать, какой ущерб причинил Сталин международному коммунистическому движению... Никакая особая необходимость не требовала вынесения этого вопроса на суд общественности в такой форме, и Хрущев оперировал каменным топором там, где нужно было применить тончайший медицинский ланцет»[16].

Опытный Ракоши правильно сумел оценить, какая мина замедленного действия была заложена в выступлении Хрущева. Мина, грозившая подорвать статус и благополучие десятков, сотен и даже тысяч высокопо-

ставленных партократов разных стран, сделавших при Сталине политическую карьеру. Хотя секретный доклад и не предназначался для публикации, руководство КПСС уже в марте сочло необходимым ознакомить с его содержанием не только узкий партактив, но широкие массы рядовых членов партии и даже беспартийных. «Причесанный» текст, разосланный лидерам стран народной демократии для зачитки перед партактивами, из Польши попадает в США. Уже начиная со второй половины марта на него все чаще ссылаются как на сенсацию западные издания. «Реакционная пропаганда, в десятки раз превышая пропагандистские возможности КПА, как из рога изобилия сыплется на головы австрийского населения», — говорил в конце мая советскому дипломату в Вене член ЦК компартии Австрии (КПА) Г. Наглер; получить сколько-нибудь существенную информацию о XX съезде КПСС рядовой австрийский коммунист может только из буржуазной прессы[17].

Через несколько дней агитпропу КПА, как и других западных компартий еще труднее стало решать свои задачи, поскольку секретный доклад Хрущева был 4 июня полностью опубликован одновременно в «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост», причем Госдепартамент США официально подтвердил аутентичность публикуемого документа[18]. Вызвав громадный отклик в мире, доклад Хрущева поставил в очень непростое положение служивших «верой и правдой» официальной Москве партийных лидеров. Правда, разные компартии с неодинаковой степенью готовности вступили в новый этап своей истории; влияло множество факторов — расклад сил на политической арене той или иной страны, характер взаимоотношений коммунистов с их союзниками по левому лагерю, не в последнюю очередь то, в какой мере скомпрометированными оказывались национальные коммунистические лидеры своей причастностью к политике Сталина и его окружения. Если П. Тольятти, решительно взяв курс на опережение официальной линии СССР в критике культа личности, сумел нажить для себя и для своей партии немалый политический капитал как внутри страны, так и в рамках мирового коммунистического движения, то более косное руководство французской компартии, оказавшись в незавидной роли «догоняющего Москву», в первые же месяцы после съезда в значительной мере подорвало свое влияние в кругах левой интеллигенции Франции.

Положение западных коммунистических лидеров было тем сложнее, что в отличие от «буржуазной» прессы официальная Москва явно запаздывала с ознакомлением иностранных коммунистов с докладом Хрущева по каналам межпартийных связей. Так, делегацию австрийской компар-

тии на съезде в составе И. Копленига, Ф. Хоннера и Ф. Фюрнберга о содержании закрытого доклада в общих чертах проинформировал работник аппарата ЦК КПСС. Это происходило за несколько часов до их отъезда из Москвы в Вену в конце февраля и продолжалось всего 10—15 минут[19]. «Наши коммунисты чувствуют себя обойденными, делают вывод, что КПСС не доверяет им, считая их коммунистами "второго сорта"», — с обидой говорил в конце мая советскому дипломату австрийский функционер[20]. К началу июня полный текст доклада имели возможность прочитать лишь председатель КПА И. Копленик и еще два члена Политбюро, приглашавшиеся с этой целью в советское посольство. Другие члены Политбюро знали обо всем только в их пересказе. Когда «Нью-Йорк таймс» опубликовал доклад, у Копленига и его коллег не было никаких сомнений: речь идет не о фальшивке, а о подлинном документе. Член Политбюро ЦК КПА Ф. Фюрнберг, ссылаясь на единодушное мнение всего руководства партии, убеждал советника посольства СССР: доклад Хрущева должен быть опубликован в советской партийной печати. Может быть вначале без некоторых «ужасающих подробностей», добавил он, зато следует поподробнее остановиться на причинах, приведших к возникновению «культа личности». «Это положило бы конец домыслам буржуазной прессы, содействовало бы сплочению рядов иностранных компартий на здоровой политической основе, подняло бы авторитет руководителей компартий и похоронило бы надежды враждебных партий на взрыв внутри компартий и на постепенную потерю ими своих многих членов в пользу социалистических партий», — доказывал он[21]. Для австрийской компартии такие потери уже к лету стали явными, ведь умолчания о сталинских преступлениях, отсутствие должной самокритики социалисты успешно использовали как козырную карту в межпартийной борьбе, развернувшейся в связи с выборами в парламент. Вопрос о «культе личности», особенно потому, что доклад не был опубликован, «потряс компартию Австрии до самого основания», такого кризиса партия не переживала за все почти пять десятилетий своего существования, говорил советскому дипломату деятель КПА[22]. Не имея текста, присланного из Москвы, лидеры австрийской компартии приняли решение об использовании в пропагандистской работе версии американских газет, что было делом непривычным для коммунистов и неслыханным.

Постановка вопроса о причинах культа личности не могла найти понимания представителей СССР; перевод проблемы в эту плоскость был заведомо неприемлем для советских лидеров, поскольку приводил к слишком далеко идущим выводам. Известно, сколь болезненно было воспри-

нято в Кремле известное июньское интервью П. Тольятти о культе личности как системе[23]. Но советский дипломат в беседе с Фюрнбергом вообще пытался отрицать самое очевидное. Встав в позу «старшего брата», он упрекал члена Политбюро, а заодно и всех австрийских коммунистов в «преувеличенной чувствительности к домыслам буржуазной печати»[24]. Принимать публикацию «Нью-Йорк таймс» за подлинный текст доклада Н. С. Хрущева не следует, утверждал он, поскольку эта газета выступила с очевидной политической целью нанести вред демократическому движению. Вместо этого лучше сосредоточить внимание на изучении советской прессы, дающей якобы ответы на все поставленные вопросы. Это была очевидная демагогия, поскольку даже наиболее содержательные из статей «Правды» не только были лишены какой-либо конкретики, но вообще являлись лишь слабым отзвуком доклада Хрущева. Впрочем, и советские дипломаты находились в немалой растерянности, не всегда получая вовремя из Москвы необходимые установки[25].

Вопросов у рядовых коммунистов возникало очень много. В конце марта на пленуме ЦК КПА обсуждение продолжалось с 8 часов 30 минут утра до 9 часов вечера. Речь шла о том, почему столь неожиданно произошел поворот в оценке Сталина, почему от коммунистов долгие годы скрывали и до сих пор продолжают скрывать правду[26]. А 28 мая в большом зале венской консерватории представители руководства КПА встречались с той частью интеллигенции, которая поддерживала компартию. Дискуссия получилась острой. Возникновение культа личности в СССР некоторые выступавшие называли неизбежным следствием диктатуры пролетариата. Спрашивалось: какие радикальные меры нужно предпринять для предотвращения рецидивов культа личности в будущем? Верны ли организационные принципы построения компартии и ее идейные установки? Можно ли считать Сталина классиком марксизма? Подвергалась критике внешняя политика СССР, в частности ставилась под сомнение необходимость заключения советско-германского договора в августе 1939 г. В неменьшей мере собравшихся интересовало влияние культа личности на науку и культуру в СССР[27]. Повсеместно в низовых организациях речь шла и о том, что как Москва, так и ЦК КПА умышленно скрывают содержание доклада, опасаясь критики[28].

Любые попытки дать более глубокие ответы на поставленные вопросы заставляли уклоняться от линии, диктовавшейся из Москвы. Те деятели КПА, которые осмелились на более радикальную и последовательную критику сталинщины, обвинялись в ревизионизме, исключались, в конце концов, из партийных рядов. Такая судьба постигла, в частности,

Эрнста Фишера, выдающегося философа и публициста. Между тем события осени 1956 г. в соседней Венгрии, военное вмешательство СССР дали новые аргументы критикам КПА[29]. В отличие от более самостоятельных в материальном и идеологическом отношении итальянской и французской компартий австрийская партия так и не смогла выйти из перманентного кризиса путем радикального обновления своей доктрины. После подавления в 1968 г. «Пражской весны» она окончательно маргинализируется в австрийском обществе.

Не менее явно кризис коммунистического движения обозначился и в соседней Венгрии — стране советской сферы влияния, где коммунисты находились у власти. Для Ракоши события XX съезда стали началом бесславного краха политической карьеры. Вернувшись из Москвы в Будапешт, «лучший венгерский ученик товарища Сталина» (как называла его пропаганда ВПТ) созвал, хотя и не сразу, пленум. Задача перед Ракоши стояла непростая. Пользуясь тем, что подавляющее большинство партийцев имело самое смутное представление о происходившем в Москве на закрытом заседании, надо было так интерпретировать решения XX съезда, чтобы найти в них оправдание своей прежней политике. Иными словами, убедить товарищей по партии в созвучии собственной политической линии идеям, принесенным из Москвы. Попытка эта потерпела неудачу. Часть информации успела все же просочиться, вопрос о «культе личности» обойти на пленуме было невозможно. Ракоши был вынужден признать, что «дух культа личности» оказал влияние и на Венгрию, где привел к тяжелым последствиям, пока не был ликвидирован. Партийный лидер, таким образом, хотел показать, что речь идет о явлении, в Венгрии якобы уже преодоленном. Вдобавок он возложил едва ли не всю вину за возвеличивание собственной персоны на своих подчиненных: «Товарищи могли заметить, что в ряде мест вместе с портретами Ленина и Сталина стали помещать портрет Ракоши, который в свое время по моему предложению перестали вывешивать»[30]. Восстановление «культа личности», продолжал Ракоши — постоянная опасность, и на этом играют подхалимы, карьеристы и классовые враги. В разных областях жизни «у нас есть местные диктаторы и вожди», которые не терпят возражений, применяют административные меры; вокруг них собирается клика подпевал. Первый секретарь предложил также пересмотреть книги по истории партии, освободив их от наслоений «культа личности». Под влиянием установок, исходивших из Москвы, он предлагал выдвинуть на первый план фигуру Ленина. Впрочем, попытки заменить один культ на другой не находили поддержки в обществе. Так, секретарь парторганизации области Сольнок доносил 1 апреля советскому дипломату: усиленное

выпячивание Ленина вызывает на партсобраниях недоумение рядовых членов партии из числа рабочих[31].

Кстати сказать, попытки известных коммунистических ортодоксов публично отмежеваться от Сталина не всегда внушали доверие — не только в Венгрии, но и в других странах. Так, 4 марта 1956 г. лидер Восточной Германии В. Ульбрихт выступил в «Нойес Дойчланд» со статьей «О XX съезде КПСС», где, в частности, заявил, что «Сталина нельзя считать классиком марксизма-ленинизма». Неожиданно резкие выпады против Сталина со стороны известного своей жесткостью коммунистического политика были расценены многими наблюдателями как тактический ход с целью предупредить наступление внутрипартийной оппозиции на руководство СЕПГ и вызвали скорее негативную реакцию. Корреспондент «Правды» П. Наумов в записке о реакции в компартиях обеих Германий на решения XX съезда КПСС, направленной 12 апреля главному редактору газеты секретарю ЦК КПСС Д. Т. Шепилову и послу СССР в ФРГ В. А. Зорину, писал: «Среднее управляющее звено и партийный актив возмущены тем, что Ульбрихт и Рейман (лидер западногерманских коммунистов. — *А. С.*) говорят об ошибках Сталина в таком тоне, как будто сами они к культу личности не причастны. Они по-прежнему выступают как непогрешимые вожди, рассчитывая, что партийная масса поверит и без доказательств и объяснений каждому их слову»[32].

Немало места в своем выступлении на мартовском пленуме Ракоши уделил критике Имре Надя. Перехватив инициативу у своих оппонентов, которые в послесъездовской атмосфере могли поставить вопрос о пересмотре прежних оценок, Ракоши однозначно заявил, что XX съезд ни в коей мере не оправдал венгерских «правоуклонистов». Более того, все ожидаемые в будущем экономические трудности он заранее попытался списать на счет И. Надя, его «безответственной и демагогической» политики, его сознательной деятельности, направленной на ослабление ведущей роли партии.

Не учтя настроений партактива, Ракоши хотел направить ход работы пленума в привычное русло — заслушать несколько стандартных выступлений, подтверждающих избранную линию, принять заранее подготовленную резолюцию. Однако пленум не пошел по старому пути. На нем с непривычной остротой звучала критика в адрес Политбюро и лично первого секретаря. Речь шла о нарушениях коллегиальности, отрыве от партийных масс, медленных темпах восстановления законности, насилии в проведении кооперирования и о многом другом. Правда, некоторые из выступавших (Й. Реваи, З. Санто) явно стремились воспользоваться новой политической конъюнктурой в целях сведения личных счетов с Ракоши[33].

Но основные события разворачивались все же не на пленуме. Как сообщали советским дипломатам сотрудники партаппарата, никогда прежде в низовых парторганизациях не было такой активности и столь высокой посещаемости собраний. Начала меняться сама внутрипартийная атмосфера: «люди свободнее стали чувствовать себя, свободнее высказывать свои мысли. Стали больше чувствовать себя хозяевами жизни»[34]. Преодолеть психологический барьер было все же нелегко. Один из венгерских собеседников говорил сотруднику советского посольства: многие члены ВПТ еще не верят, что в партии создана обстановка для смелой критики, боятся задавать острые вопросы[35]. Довольно сильна была апатия среди населения. Например, в среде преподавателей Будапештского политехнического института материалы съезда поначалу вызвали интерес, но затем он ослаб, обсуждение приняло довольно вялый характер[36]. Члены партии между собой нередко говорили о том, что за последние три года в Венгрии уже дважды (летом 1953 и весной 1955 г.) происходили кардинальные изменения политической линии, поэтому и теперь не исключены новые перемены: трудно предвидеть, что будет через два-три года — возможно вновь объявят неправильным то, что делается сейчас[37].

Как бы там ни было, в ходе обсуждений остро поднимался вопрос о нарушениях законности в Венгрии, о том, что виновные не понесли наказания, при этом назывались конкретные фамилии людей, занимавших очень высокие должности. Конечно, это не могло не настораживать «верхи». Уже в начале марта функционеры ВПТ с обеспокоенностью говорили советским дипломатам о том, что споры вокруг XX съезда КПСС в рабочей среде иногда принимают «нездоровый» характер, разжигаются «враждебными элементами»[38]. Провести четкую «партийную» линию в разъяснении решений XX съезда партаппаратчикам было тем труднее, что у них самих (по собственному признанию) зачастую не было полной ясности относительно допустимых границ критики Сталина[39]. К тому же многим из них приходилось выслушивать от рядовых коммунистов упреки в том, что в предшествующие годы они тоже вели пропаганду в духе «культа личности», а теперь осуждают подобную практику. Особенно много трудностей возникало в связи с пересмотром дела Ласло Райка (известного коммуниста, казненного в 1949 г.) и начавшимся сближением СССР с титовской Югославией, в 1948 г. отторгнутой от советского блока. Трудящимся непонятно, почему осенью 1949 г. Тито именовали не иначе, как «цепным псом» американского империализма, а теперь называют товарищем, говорил советскому дипломату один аппаратчик[40].

Вообще интерес к идеям XX съезда не ограничивался проблемой «культа личности». Вызвал отклик тезис о мирном сосуществовании как генеральной линии КПСС во внешней политике, причем некоторые из выступавших на собраниях напрямую связывали его с требованием нейтралитета Венгрии. Как читаем в записи одной из бесед сотрудника посольства с функционером ВПТ, среди населения «широко распространен страх перед новой войной, в которой будет применено атомное оружие. В связи с этим в настоящее время все больший отклик находит идея "нейтральной Венгрии", проповедуемая внутренними враждебными силами»[41].

28 марта 1956 г. в «Правде» в ответ на запросы иностранных коммунистов была опубликована большая редакционная статья «Почему культ личности чужд духу марксизма-ленинизма?» Подобного рода установочные статьи, как правило, без промедления перепечатывались или подробно излагались в партийной прессе стран народной демократии, распространяя свой директивный характер на всю советскую сферу влияния. В названной статье содержался призыв «не ослаблять борьбы против пережитков культа личности». Естественно, статья была воспринята сторонниками реформ с воодушевлением, как еще одно свидетельство поддержки их позиции официальной Москвой.

Установленное в конце 1940-х годов требование широко и всесторонне использовать (а по сути дела копировать, механически насаждать) советский опыт неизменно служило орудием массированной сталинизации. Но теперь, после XX съезда КПСС, оно вдруг неожиданно заработало на зарождающуюся внутрипартийную оппозицию, позволило ей, выдвигая свои требования, ссылаться на авторитетный советский пример. Так, в отчете о посещении Дебрецена сотрудники посольства писали, что на различных собраниях «выступающие подчеркивают, что ЦК ВПТ не ставит так смело и открыто вопрос о культе личности в применении к венгерским условиям, как это было в Советском Союзе, хотя подобные ошибки были и в Венгрии. Значительную часть ошибок этого рода выступающие связывали с именем тов. М. Ракоши»[42]. Прямую критику Ракоши на партсобраниях еще месяц назад трудно было себе представить, сейчас же она зазвучала по всей стране. Позиции лидера партии заметно ослабли. В конце марта в одном из выступлений он был вынужден признать полную несостоятельность обвинений против Л.Райка и осужденных вместе с ним в 1949 г. коммунистов.

Итак, на партсобраниях ораторы нередко противопоставляли политике Ракоши и его окружения более решительные действия советских лидеров. Стремление руководства КПСС к обновлению социализма они при

этом часто преувеличивали. В то же время они подчас справедливо указывали на явление, которое лишь едва обозначилось весной 1956 г., зато пышным цветом расцвело тридцатью годами позже, с началом горбачевской перестройки — его условно можно определить как «синдром Хонеккера». Речь идет о возведении восточноевропейскими лидерами преград на пути смертельно опасных для них реформаторских тенденций, идущих из Советского Союза и легитимизированных уже одной лишь своей принадлежностью к «единственно правильному», по официальным установкам, советскому опыту. Показательна приведенная в одном из донесений за март 1956 г. шутка о том, что Ракоши мечтает возвести железный занавес между СССР и Венгрией.

Правда, апеллировать в своих интересах к советскому примеру венгерские реформаторы могли не всегда. Политический климат в Москве не отличался устойчивостью. Ознакомление рядовых партийцев на местах с закрытым докладом Хрущева сопровождалось кое-где острой критикой в адрес членов действующего руководства, что, конечно, не могло понравиться в Кремле[43]. Уже с конца марта начался откат в деле десталинизации. «Правда» 5 апреля к радости сталинистов (отечественных и зарубежных) осудила «отдельные гнилые элементы», которые «под видом осуждения культа личности пытаются поставить под сомнение правильность политики партии». На положении Ракоши, однако, это мало сказалось. Его влияние было окончательно подорвано. Оправиться от удара, нанесенного хрущевским докладом, скомпрометированный венгерский лидер уже не смог. Лишившись поддержки не только широкого круга партийцев, но и своего ближайшего окружения, а затем и Москвы, он был отстранен от должности в июле 1956 г. Впрочем, история падения Ракоши достойна стать предметом особого разговора, как и вся полугодовая предыстория того мощнейшего социального взрыва, который случился 23 октября 1956 г.[44]

Вспоминая XX съезд партии, говоря о его влиянии на эволюцию советской системы и положение в мировом коммунистическом движении, нельзя обойти стороной и вопроса об исторической роли Хрущева. О ней не приходится говорить однозначно. Хрущев был не только сознательным разрушителем сталинского наследия, многими своими действиями выпадавшим из системы, плотью от плоти которой являлся, но человеком, который в силу своей непоследовательности, идеологической зашоренности, торопливости, утопического прожектерства нес значительную долю ответственности за неудачу десталинизации. Можно согласиться с тем, что когда-то, в 1980-е годы, написал известный историк и фило-

соф М. Гефтер: «ослушник сталинской системы», Хрущев не был способен «совладать со Сталиным в самом себе»; «всякая попытка сделать своей программой "анти-Сталина" при помощи его же наследства (бесконтрольности "идеальной" власти) должна была вернуть вспять либо загнать в тупик Хрущева, а вместе с ним и нашу страну»[45]. Однако это уже предмет специальных размышлений.

Примечания

[1] Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 89.

[2] Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 077. Оп. 37. П. 188. Д. 11. Л. 12.

[3] «Людям свойственно ошибаться». Из воспоминаний М. Ракоши / Публ., вступит. ст., ком. В. Т. Середы, А. С. Стыкалина, А. Д. Чернева, А. А. Чернобаева // Исторический архив. 1999. № 1. С. 6.

[4] АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. П. 187. Д. 7. Л. 175.

[5] Там же. П. 188. Д. 11. Л. 28.

[6] Там же. П. 187. Д. 8. Л. 50.

[7] Там же. Д. 7. Л. 183.

[8] Субъективное изложение истории с опубликованием в двух странах статей, посвященных Беле Куну, см.: «Людям свойственно ошибаться»... С. 8—9.

[9] Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы / Отв. ред. К. Аймермахер. Отв. составитель В. Ю. Афиани. М., 2002. С. 243—249.

[10] Там же. С. 630 (Информационное письмо корреспондента «Правды» в ГДР М. В. Подключникова в редакцию газеты о реакции в ГДР на сообщения о XX съезде КПСС. Не позднее 18 марта 1956 г.).

[11] АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. П. 187. Д. 8. Л. 107—109.

[12] Там же. Д. 7. Л. 183.

[13] Там же. Л. 211.

[14] «Людям свойственно ошибаться»... С. 9, 11.

[15] Польская компартия была распущена решением Исполкома Коминтерна в 1938 г. Многие члены ее руководства стали жертвами сталинских репрессий. 19 февраля 1956 г. было опубликовано заявление ЦК компартий Советского Союза, Италии, Болгарии, Финляндии, а также ПОРП о необоснованном роспуске КПП.

[16] Цит. по: «Видел, как возникает культ личности». Матьяш Ракоши о Сталине и о себе // Вестник Архива Президента Российской Федерации. Источник. 1997. № 1. С. 137, 138, 120.

[17] Доклад Н. С.Хрущева о культе личности... С. 712 (Запись беседы второго секретаря посольства СССР в Австрии В. И. Угрюмова с членом ЦК КПА Г. Наглером 30 мая 1956 г.).

[18] Подробнее см.: *Чуканов М. Ю.* Постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий» в контексте своего времени // Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе (1917—1990-е годы). М., 1999.

[19] Доклад Н. С. Хрущева о культе личности... С. 727 (Из записи беседы советника посольства СССР в Австрии А. М. Тимощенко с членом Политбюро, секретарем ЦК КПА Ф. Фюрнбергом 22 июня).

[20] Там же. С. 710 (Запись беседы В. И. Угрюмова с функционером ЦК КПА П. Кесселем 30 мая 1956 г.).

[21] Там же. С. 726 (Из записи беседы А. М. Тимощенко с Ф. Фюрнбергом 22 июня).

[22] Там же. С. 727.

[23] Элемент полемики с П. Тольятти был включен даже в текст постановления ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий». См. также текст письма ЦК КПСС за подписью Н. С. Хрущева в адрес П. Тольятти, утвержденного Президиумом ЦК 30 июня (Доклад Н. С. Хрущева о культе личности... С. 728—730).

[24] Там же. С. 726.

[25] Об этом пишет в своих мемуарах и В. А. Крючков — председатель КГБ в течение ряда лет, а в 1956 г. — третий секретарь и пресс-атташе посольства СССР в Венгрии (*Крючков В.* Личное дело. Часть 1-ая. М., 1996. С. 46).

[26] Доклад Н. С. Хрущева о культе личности... С. 663 (Из записи беседы советника посольства СССР в Австрии А. Г. Колобова с секретарем ЦК КПА Р. Рихтером 30 марта о реакции партии на решения XX съезда КПСС).

[27] Там же. С. 711—712 (Запись беседы В. И. Угрюмова с Г. Наглером 30 мая 1956 г.).

[28] Там же. С. 725. Запись беседы А. М. Тимощенко с Ф. Фюрнбергом 22 июня 1956 г.

[29] Отклику в Австрии на венгерские события 1956 г. посвящен ряд фундированных документальных публикаций и серьезных научных работ. В центре внимания исследователей находились внешняя политика правительства в условиях венгерского кризиса, отношение к «венгерскому вопросу» политических партий и широкого общественного мнения, актуальная для Австрии как в политическом, так и в социальном плане проблема венгерских беженцев. См.: Irátok Magyarország és Ausztria kapcsolatainak történetéhez, 1956—1964. Vál., szerk., jegyzetekkel éllatta és a bevezető tanulmanyt írta Gecsényi L. Bp., 2000; *Murber I.* Flucht in den Westen 1956. Ungarnfluchtlinge in Osterreich (Vorarlberg) und Liechtenstein. Feldkirch, 2002; *Soos K.* 1956 és Ausztria. Szeged, 1999; *Szentési R.* Az 1956-os magyar forradalom

fogadtatása a semleges Aisztriaban // Sic Itur Ad Astra. 2001. 3—4. sz; Die Ungarnkriese 1956 und Osterreich / Hrsg. E.F. Schmidl. Wien—Köln—Weimar, 2003.

[30] АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. П. 190. Д. 35. Л. 42.

[31] Там же. П. 187. Д. 8. Л. 41—42.

[32] Доклад Н. С. Хрущева о культе личности... С. 669.

[33] Подробнее см.: *Стыкалин А. С.* Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003. С. 40—41.

[34] АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. П. 187. Д. 8. Л. 155.

[35] Там же. Л. 115.

[36] Там же. Л. 133.

[37] Там же. Л. 164.

[38] Там же. Д. 7. Л. 204.

[39] Там же. Д. 8. Л. 47—48.

[40] Там же. Д. 7. Л. 42—44.

[41] Там же. П. 188. Д. 11. Л. 19.

[42] Там же. П. 190. Д. 35. Л. 59—60.

[43] «Шли на оттепель в руководстве, в том числе и я в этом коллективе, сознательно. И сознательно побаивались этой оттепели, потому что как бы из этой оттепели не наступило половодье, которое бы захлестнуло и с которым было бы трудно справиться. А это возможно во всяком политическом деле. Поэтому мы как бы сдерживали эту оттепель», — комментировал впоследствии Н. С. Хрущев зигзаги своей политики после XX съезда (Цит. по: *Барсуков Н. А.* XX съезд в ретроспективе Н. С. Хрущева // Отечественная история. 1996. № 1. С. 175).

[44] *Стыкалин А. С.* Указ. соч.

[45] *Гефтер М.* Судьба Хрущева // Октябрь. 1989. № 1. С. 177, 181.

С. А. Шерлаимова
(Институт славяноведения РАН)

XX съезд КПСС и чешская литературная «оттепель»

В жизни общества начала нового тысячелетия литература играет не слишком заметную роль. Для большинства населения она — всего лишь развлечение, для многих специалистов-филологов — подходящий объект применения новых исследовательских методов, для подрастающего поколения — сложная для усвоения школьная дисциплина. Исключения, конечно же, существуют, но они, как известно, положения не меняют, во всяком случае — пока. И сегодня трудно себе представить, что всего полвека назад, как в нашей стране, так и практически во всех странах тогдашнего «социалистического лагеря», из сферы литературы исходили импульсы социально-политического обновления, писатели выступали глашатаями общественного реформирования, к их голосу прислушивались, они были реальной общественной силой.

XX съезд КПСС явился исключительно важной вехой в развитии духовного мира восточноевропейского региона. Разумеется, воздействие этого события на каждую из социалистических стран имело свою специфику, обусловленную особенностями послевоенной действительности и уходящую корнями в историческое прошлое. В межвоенный период там наблюдался широкий спектр политических режимов: от тоталитаризма до относительно развитой буржуазной демократии. Стоит напомнить и о том, что прошло всего только чуть больше десяти лет после окончания Второй мировой войны, в ходе которой эти страны находились по разные стороны фронта. Разными были их национальные культурные традиции. Начиная с 1948 г. взяла верх тенденция унификации: литературы всех находившихся в зоне влияния СССР стран прошли через период введенного административным путем социалистического реализма советского образца. XX съезд положил конец этому периоду. Во второй половине 1950—1960-х годы литературы всего социалистического региона получают возможность более свободного развития и переживают подъем. На этом пути в каждой стране возникали свои трудности, власти стремились остановить или хотя бы затормозить этот процесс, но вектор развития был именно таков. В настоящей статье указанный процесс будет рассмотрен на материале чешской литературы.

Было бы большим преувеличением говорить, что только XX съезд КПСС открыл для чехов правду о репрессиях в СССР. Старшее и среднее поколение было осведомлено о них еще до войны — по прессе, по книгам, по разгоревшимся тогда политическим дискуссиям. Негативное отношение к советским событиям было характерно не только для чешских официальных, консервативных и либеральных кругов, споры шли и в среде левой интеллигенции. В связи с оценкой советских репрессий 1937—1938 гг. произошел раскол в редакции близкого компартии ежеквартальника «У», редактора которого молодого рабочего поэта Яна Ногу, усомнившегося в правоте советских товарищей, сменил ортодоксальный коммунист, поэт, талантливый переводчик русской поэзии Иржи Тауфер; раскололась группа чешских сюрреалистов, которую ее вождь поэт Витезслав Незвал объявил распущенной после того как ведущий теоретик группы Карел Тейге выступил с осуждением репрессий. Разумеется, из «секретного» доклада Н. С. Хрущева на XX съезде стали известны новые факты, особенно поразившие молодых, но главное его воздействие все же заключалось в другом, в том, что достаточно точно передавал быстро прижившийся не только в нашей стране термин Ильи Эренбурга — «оттепель». Начал ослабевать идеологический нажим на общество, было снято табу с многих прежде закрытых тем, в области литературы постепенно создавались более благоприятные условия для творческих исканий.

Период господства в чешской литературе жесткого идеологического диктата и социалистического реализма, своего рода «шоковый период» в культуре и в жизни страны вообще, продолжался сравнительно недолго — с февральского переворота 1948 г. до смерти Сталина и символически последовавшей сразу же за ней смерти Готвальда в марте 1953 г. Что касается собственно литературы, то в ней и в «шоковый период» наблюдалось известное сопротивление официальным нормам, неизменно встречавшееся властями в штыки. Приведу один пример из области поэзии. В ней тогда господствовали бодро-декларативные, переполненные восторженными восклицаниями оптимистические стихи, славившие социалистический строй, Советский Союз, Сталина и Готвальда. Когда же в 1950 г. проникновенный лирик, будущий первый чешский лауреат Нобелевской премии Ярослав Сейферт опубликовал «Песни о Викторке», на него обрушился град обвинений. Между тем он всего лишь перевел на язык поэзии один из мотивов романа «Бабушка», принадлежавшего перу исключительно почитаемого национального классика Божены Немцовой, всего лишь воспел силу безоглядной любви:

Наш мир не может жить без роз,
известно это всем влюбленным,
бредущим среди войн и гроз
и звоном стали оглушенным.

(*Перевод Л. Дымовой*)

Партийная критика узрела в них чуть ли не манифест воинствующего индивидуализма, подрывающий мораль «нового человека». И тем не менее отпор нормативной эстетике социалистического реализма назревал как по линии формы, так и по линии содержания, особенно после знаменательного 1953 г. Так, писатель и критик Ян Трефулка в брненском журнале «Гост до дому» выступил с резко отрицательной оценкой сборника весьма декларативных (в духе официальных пожеланий) стихов популярного молодежного поэта Павла Когоута «Время любви и сражений» (1954). Развернулась целая дискуссия о схематизме в литературе, что предвещало наступление новых порядков, однако поначалу все это ни в коей мере не затрагивало представлений о незыблемости социалистического строя. Наиболее острый и болезненный для Чехословакии вопрос о невиданных в истории этой страны кровавых репрессиях рубежа 1940-х — начала 1950-х годов по-прежнему оставался нерешенным, но 1953 г. и затем XX съезд КПСС открыли возможность для относительно более свободного выражения мыслей и творческого поиска в искусстве.

О новом этапе в развитии чешской литературы можно с уверенностью говорить после Второго съезда Союза чехословацких писателей, который состоялся вскоре после XX съезда КПСС. Общее стремление к переменам, сознание необходимости для искусства быть ближе к обыкновенному человеку и его ежедневным нуждам прозвучало уже в заранее подготовленном и утвержденном партийными инстанциями докладе Витезслава Незвала, где содержался такой, например, пассаж: «Поэзия, в которой не найдется места для слова “чеснок”, как-то отстранена от человека». И далее: «Ничего не могу с собой поделать, но Сейферта — именно за его конкретность, простоту, предметность — я ценю выше других, хотя порой мне и кажется, что он мог бы смелее вмешиваться в нашу жизнь»[1].

И Сейферт, действительно, вмешался, по тем временам весьма смело, заговорив в своем ставшем знаменитым выступлении на съезде писателей не только о творческих, но и о политических вопросах, о том, что в истории чешской литературы часто именно поэты высказывали правду раньше, чем политики: «Прекрасно, если поэты подталкивают политиков, но, посмею сказать, гораздо менее прекрасно, если дело обстоит наоборот»[2]. Сейферт заговорил о писателях как о «совести нации», что прозву-

чало как противостояние готвальдовскому призыву к ним — быть «социалистическими будителями» народа.

Знаменитым стало и выступление еще одного поэта-лирика старшего поколения Франтишека Грубина. Он сравнил придавленную цензурой чешскую поэзию с лебедем, который не может взлететь, потому что его крыло вмерзло в лед. По его словам: «Нездоровым и унизительным для чешской литературы в недавние годы было такое состояние, когда о ее проблемах нельзя было говорить открыто»[3].

С программным заявлением на съезде выступили представители молодого поколения, группировавшиеся вокруг созданного Союзом писателей в 1955 г. журнала «Кветен»: Иржи Шотола, Карел Шиктанц, Мирослав Флориан, Мирослав Червенка. Эти и некоторые другие «кветенцы» впоследствии вошли в ядро реформаторского движения «Пражской весны», а в то время они решительно отказывались от лозунгового и декларативного стихотворчества предшествующих лет, ратовали за «поэзию будничного дня». От лица молодых Шотола призывал «меньше героизировать, прославлять, устраивать манифестации», а вместо этого «открывать подлинную ежедневную жизнь и ее правду». По его убеждению, «поэзия будничного дня» не должна быть серой и банальной, не должна ограничиваться жанровыми зарисовками: «Задача совсем иная: постичь и показать содержание и смысл каждодневного бытия, подлинную атмосферу современной жизни, психологию людей, именно это поставить в центр вдохновенного писательского интереса, превратить в цель первооткрывательских устремлений, восприимчивости, фантазии и экспериментов, в импульс смелых творческих планов...» Ведь именно такая поэзия «сможет вовремя подать предостерегающий сигнал, если кто-нибудь снова начнет авторитетно лгать»[4].

Надо подчеркнуть, что ни на Втором съезде писателей, ни в последующих затем дискуссиях никто не посягал на социалистическую идеологию или социалистический строй, хотя, конечно же, оппозиционные тогдашней культурной политике выступления подверглись суровой критике со стороны представителей официальной партийной линии (Иржи Тауфер, Ладислав Штолл и др.). Но просто вернуться назад уже было невозможно. Главное, что произошло на съезде — ранее назревавшие подспудно тенденции, оппозиционные грубому партийному давлению на литературу и канонам социалистического реализма, прорвались наружу, были, как теперь принято это называть, «озвучены» весомо и громко голосами объединившихся склонных к либерализму старших и рвущихся к свободе молодых. Можно считать, что после проходившего под воздействием XX съезда КПСС Второго съезда чехословацких писателей весьма суще-

ственная, полная сил группа литераторов, в том числе талантливых и «пассионарных» молодых, начинает переходить в оппозицию режиму, пусть пока еще «мягкую».

В «поэзии будничного дня» уже не было места нарочито бодрым мотивам, переполнявшим стихи «шокового периода». Словно подхватив эстафету от Сейферта, молодые писали о любви (поэма И. Шотолы «Думаю о тебе», кстати сказать, переведенная на русский язык Б. Окуджавой, и многие другие произведения молодых поэтов), о городских буднях (пражские зарисовки М. Флориана), о повседневном труде ученых (М. Голуб). Жила в их стихах и горькая память о прошлой войне и ужасах оккупации (посвященная трагедии уничтоженной фашистами чешской деревни Лидице поэма «Гейновские ночи» К. Шиктанца (1960); поэма И. Шотолы «Это было в Европе» (1960)), жила мечта о всеобщем мире. Молодой задор звучал в ставшей популярной «Оде азарту» И. Шотолы из его сборника «Мир наш насущный» (1957), призывавшей снова и снова повторять попытки «попасть в цель» пока есть хоть «несколько мизерных процентов надежды». Мирослав Голуб, микробиолог по профессии, так восславил азарт научного и творческого искания:

Пойди и открой дверь,
и если там только
дрожащая темнота,
и если там только
порыв ветра,
и если там
нет
вообще ничего,
пойди и открой дверь.
По крайней мере, будет
свежий ветер.

Казалось бы, в подобной «поэзии будничного дня» нет решительно ничего «подрывающего устои», и тем не менее она вызывала недовольство высоких партийных кругов и официальной критики. Ведущие позиции в литературной жизни еще длительное время сохранялись за сторонниками прежней культурной политики КПЧ, которые вносили в нее лишь незначительные поправки и оговорки. Постоянным и, нельзя не признать, подчас остроумным, оппонентом пропагандировавшего «поэзию будничного дня» журнала молодых становится критик среднего поколения Иржи Гаек, считавший линию «Кветна» недостаточно гражданственной.

Но в «оттепельной» обстановке программа «поэзии будничного дня» подверглась критическому разбору и с другой стороны. В редакцию «Кветна» поступило письмо дотоле почти никому не известного студента Вацлава Гавела. Публикация этого письма стала первым выступлением в печати будущего драматурга, диссидента, президента постсоциалистической Чехословакии. Гавел увидел связь программы «кветенцев» с концепцией существовавшей во время оккупации «Группы 42», пытавшейся противопоставить гнетущей атмосфере тех лет неизменные ценности обыденной городской жизни. Представлявший следующее за «кветенцами» поколение и, в отличие от них, уже в силу своего происхождения из семьи успешных предпринимателей никогда не испытывавший восторга по отношению к социалистическому строю, Гавел, по сути, высказался за размежевание с нормативами социалистического реализма, насаждавшимися в предшествовавший период. Он пытался отделить «поэзию реалистическую и социалистическую», к которой относил таких известных, опиравшихся на сюрреализм и традиции Уитмена и не пользовавшихся благосклонностью партийных властей поэтов, как Иржи Коларж и Владимир Голан, от социалистического реализма, введенного в 1934 г. и впоследствии еще более суженного. Гавел призывал уточнить программу, полагая, что: «Будущие успехи искусства зависят, и этого нельзя недооценивать, от качества современной теории»[5].

«Кветенцы» весьма резко возражали своему молодому оппоненту, для них он оказался слишком аполитичным. Так, И. Шотола утверждал, что признание обнаруженной Гавелом преемственности их программы по отношению к «Группе 42» было бы возвращением назад, тогда как надо идти только вперед: «От деталей к целому. От правды индивидуума к правде класса, общества. От трезвой конкретности к смелой кантилене и пафосу. Правдивое, вдохновляющее политическое искусство. Не догматическое импотентное уродство. Политическое искусство, общественная творческая сила»[6].

«Кветенцы» пытались убедить партийные власти, что они лояльны, что они полностью поддерживают партийную линию на гражданское социалистическое искусство, но не убедили. В 1959 г. руководство Союза писателей, разумеется, под нажимом партийных инстанций, закрыло журнал. Так и протекала чехословацкая «оттепель» после XX съезда КПСС: то некоторое послабление, то снова заморозки, запреты. Но начало переменам было положено.

С сегодняшней точки зрения бури на и вокруг Второго съезда чехословацких писателей кажутся не слишком значительными, но после них практически перестала существовать декларативно-лозунговая поэзия, поэты «получили право» писать об обычной жизни, ее радостях и горестях, стали гораздо свободнее в области формы. Не забудем и о вкладе в этот процесс предшествовавшей съезду дискуссии о схематизме. Надо вспомнить и поэтические произведения 1950-х годов ныне самого известного в мире современного чешского романиста Милана Кундеры. Теперь он отрекся от своего поэтического творчества, не разрешает перепечатывать его стихи, но это не мешает нам сознавать их новаторское значение в контексте своего времени, особенно сборника «Монологи. Книга о любви» (1957), сразу же получившего широкое читательское признание. Кундера по возрасту и направленности своего тогдашнего творчества был близок «кветенцам», иногда печатался в их журнале, но не входил в их группу, как и ни в какие другие объединения. Однако его стихи в немалой степени способствовали отвоевыванию нового пространства для литературы.

К концу 1950-х годов в литературоведении и критике появляются попытки реабилитировать подвергавшиеся гонениям в «шоковый период» традиции поэтизма — чешского авангардистского течения 1920-х годов, а отчасти и сюрреализма 1930-х, заново пересмотреть оценку пражского литературного структурализма, который в пору жестких соцреалистических канонов был объявлен буржуазным формализмом и идеализмом и от которого тогда отрекся даже его основоположник Ян Мукаржовский.

В «шоковый период» самым официально поддерживаемым прозаическим жанром был так называемый «производственный роман», призванный отразить «успехи строительства социализма», показать «руководящую роль партийной организации». Ныне забытые произведения этого жанра, награждавшиеся престижными премиями, были столь же схематичны и ура-оптимистичны, как и поэзия тех лет. Что же касается характерной для первого послевоенного времени темы войны и оккупации, то она была отодвинута на задний план. С середины 1950-х годов эта тема вновь оказалась в центре внимания писателей и читателей. Новым оказалось обращение к судьбе еврейского населения страны, подвергшегося жестоким преследованиям и в его большой части просто уничтоженного. Среди произведений этой тематики особый успех выпал на долю лирической повести Яна Отченашека «Ромео, Джульетта и тьма» (1958), в которой рассказывалась закончившаяся гибелью героини история любви чешского юноши Павла и еврейской девушки Эстер. В «шоковый период» рез-

кой критике был подвергнут роман Иржи Вейла «Жизнь со звездой» (1949) о трагической судьбе мелкого банковского служащего, работавшего в годы оккупации в аппарате еврейской общины, который был вынужден по приказу фашистских властей заниматься отправкой соплеменников в концентрационные лагеря. Вейла упрекали за то, что его герой, который не в силах что-либо предпринять хотя бы для спасения своей собственной жизни, наделен «отвратительной мелкобуржуазной пассивностью». Критиков не интересовало, насколько этот роман был правдив — в нем не был изображен отважный герой-коммунист, следовательно, автор заслуживал только порицания, а между тем роман Вейла явился предвестником целого большого пласта чешской прозы. Уже после смерти Вейла вышел в свет его роман «На крыше Мендельсон» (1960), в основу которого был положен реальный случай — спасение рабочими статуи композитора, которую фашисты приказали снять с крыши Рудольфинума (впоследствии — пражского Дома искусств) из-за его еврейского происхождения. В романе акцентируется трагикомичность ситуации, когда гитлеровцы не могли опознать, какая из статуй есть Мендельсон и, ориентируясь по длине носа, едва не сбили Вагнера. Этот роман Вейла был воспринят критикой более благосклонно. Очень благосклонно был встречен и роман Ладислава Фукса «Пан Теодор Мундшток» (1963), написанный под очевидным влиянием «Жизни со звездой» Вейла, и произведения с еврейской тематикой Арношта Лустига и других авторов — времена изменились!

Произведения конца 1950 — начала 1960-х годов, посвященные Холокосту, концентрационным лагерям («Картотека живых» Норберта Фрида (1960)) и обычным людям в качестве героев, раздвинули тематические рамки чешской прозы, укрепили тенденции психологизма, представили читателю новую систему героев и конфликтов. Еще большим ударом по канонам социалистического реализма явился первый роман Йозефа Шкворецкого «Малодушные» (1958), в котором до того сугубо пафосная тема освобождения Чехословакии Красной Армией в мае 1945 г. решалась с акцентированием комических моментов.

По возрасту Шкворецкого можно было бы сопоставить со старшими представителями «кветенцев». В 1943 г. он окончил гимназию, работал по мобилизации на военном заводе, увлекался американской литературой и играл на бас-саксофоне в самодеятельной джазовой капелле, после войны окончил Философский факультет Карлова университета, работал учителем, переводил американских писателей, стал редактором в журнале «Светова литература». По его свидетельству, он написал «Малодушных»

еще в 1948—1949 гг., но тогда об издании романа не могло быть и речи. В «потеплевшей» обстановке конца 1950-х это стало возможным.

В романе от лица недавнего выпускника гимназии Данни описываются восемь майских дней в небольшом промышленном чешском городе, когда происходило его освобождение советскими войсками. Показана невообразимая сумятица среди обывателей, которые боятся и то уходящих, то вновь возвращающихся немцев, и неизвестно чем им грозящего прихода Красной Армии, срывают вывески на немецком языке и вывешивают припрятанные чехословацкие флаги, когда немецкие части покидают город, и все снова меняют, если они появляются опять. Подробно раскрываются переживания молодого героя, который вступает в добровольческий отряд, пытается добиться любви нравящейся ему девушки, мечтает об учебе в пражском университете: «Вообще-то меня не пугало, что возможно будет революция и вовсе не так уж хорошо быть на самом деле убитым, мне было даже приятно думать о составлении завещания, героизме и всем прочем». В ироническом ключе нарисовано и вступление в город Красной Армии, бойцы которой напоминают рассказчику героев поэмы Блока «Двенадцать».

Автора романа можно упрекнуть в некотором многословии, в нанизывании подробностей, в известной монотонности повествования, можно сомневаться в точности образа советского генерала, при звуке выстрелов обрывающего свою речь и бегущего в укрытие. Но нельзя не признать, что Шкворецкий правдиво нарисовал поведение в майские дни чешских приспособленцев и обывателей и в то же время смело выступил против официального канона изображения событий 1945 г. и Красной Армии исключительно в благодарственно-героизирующем ключе.

Повторю еще раз, что само по себе издание подобного романа, вызвавшего большой читательский интерес, явилось несомненным доказательством «потепления», меняющейся литературной обстановки, но книга сразу же подверглась разносам со стороны официальной критики, стала предметом пристрастного разбирательства на заседаниях ЦК Союза чехословацких писателей. Опубликованная литературоведом Михалом Бауером в приложении к журналу «Твар» стенограмма двух посвященных этому обсуждению заседаний воссоздает наглядную картину культурной атмосферы Чехословакии на рубеже 1950—1960-х годов.

На обсуждении без конца повторялись обвинения автора в том, что он исказил действительность, не показал роль коммунистов, окарикатурил образ Красной Армии. «Я эту книгу читала, — говорила старейшая чешская писательница Мария Майерова, — и после чтения у меня было такое отвратительное чувство, что я должна была пойти и вымыть руки»[7]. «В этой

книге все типично мелкобуржуазное, не показана роль трудового народа, не говорится о коммунистах, все сосредоточено только на буржуях, якобы они делают революцию», — горячился автор произведений на рабочую тему Вашек Каня[8]. А Ян Дрда, автор широко известного рассказа о периоде оккупации «Высший принцип», искренне удивлялся: «...Он (Шкворецкий. — *С. Ш.*) ссылается на Блока как поэта Октябрьской революции. Для нас поэт Октябрьской революции это Маяковский, а у него там Блок»[9].

Шкворецкого критиковали не только за содержание романа, но и за его форму, упрекали в подражании американским писателям, в употреблении жаргонных выражений, даже в том, что он пишет слишком короткими предложениями.

По неписаным правилам того времени Шкворецкий был вынужден выступить с признанием ошибок и самокритикой. Ему пришлось призвать на помощь авторитет чешской классики, в том числе «Швейка», чтобы хотя бы в отношении языка отвести от себя обвинения в следовании американскому примеру: «"Малодушные" задумывались как роман, написанный короткими предложениями в духе примитивной манеры разговора. Я не осознал, что таким образом нельзя выражаться там, где речь идет уже не о джазе и девочках, а о политике, и где разговаривают люди старшего возраста. Я намереваюсь освоить стиль более длинных фраз, метафор и сравнений».

По отношению к издательству, выпустившему роман, и к автору были приняты административные меры. Шкворецкий был вынужден уйти из редакции журнала «Светова литература». Однако время уже стало другим. Как ни отстаивали приверженные социалистическому реализму писатели и критики свою правду, свою эстетику, опираясь на всесильные партийные власти, постепенно их позиции ослабевали. Да ведь и на обсуждении «Малодушных» большинство участников признавали талант автора, а широкий резонанс романа в обществе с несомненностью свидетельствовал об изменении читательских ожиданий и вкусов.

Перемены отчетливо проявились и в области драматургии, в области театра. Свою лепту здесь внес тот самый Павел Когоут, чьи ура-лозунговые стихи были разгромлены в дискуссии 1955 г. о схематизме. В драме Когоут показал себя способным к смелому для того времени новаторству как с точки зрения формы, так и с точки зрения постановки новых этических проблем. Это в полной мере относится к его пьесе «Такая любовь» (1957), которая имела большой успех не только в Чехословакии, но и за рубежом, в том числе в СССР.

Надо специально сказать о пражских «маленьких театрах», таких, как «Семафор» и «На забрадли». В театре «Семафор» (от «се-мь ма-лых фор-м»), которым руководили Иржи Сухи и Иржи Шлитр, ставились своего рода мюзиклы («Человек с чердака» (1959); «Зузана одна дома» (1960); «Зузана снова одна дома» (1961) и др.), где актеры весело пели, пританцовывали, незатейливо шутили к огромному удовольствию публики. «Семафор» возрождал традиции чешского авангардного театра 1920-х годов, но не только это. На состоявшейся в 1999 г. конференции Института чешской литературы АН ЧР, посвященной литературе 1960-х годов, критик и театровед Владимир Юст следующим образом определил значение этого «маленького театра»: «"Семафор" предложил очень атрактивный и беспроблемный способ, как прилично пережить неприличное время: Швейк предлагал трактирную побасенку, Сухи со Шлитром — ритм, эксцентричность и восторг молодости»[10].

В театре «На забрадли» большой успех выпал на долю первой самостоятельной пьесы Вацлава Гавела «Праздник в саду» (1963), которая представила оригинальный образец интеллектуальной драматургии с использованием приемов театра абсурда. Главный герой пьесы Гуго, который с необыкновенной быстротой и легкостью приспосабливается к любым условиям, в один момент делает карьеру благодаря своему умению весомо произносить пойманные на лету бессмысленные фразы начальства.

Острая сатира на забюрократизированный общественный порядок воплощается в этой и последующих комедиях Гавела не столько в действии, сколько на словесном уровне, в диалогах. Впоследствии, в «Заочном допросе», драматург так писал о своей творческой манере: «Меня интересует язык как организатор жизни, судеб и миров, язык как важнейшее из умений, язык как ритуал и заклинание; слово как носитель драматического развития, как удостоверение личности, как способ самоутверждения и самопродвижения. Меня интересует фраза и ее значение в мире, где вербальная оценка, включение во фразеологический контекст, языковая интерпретация зачастую оказывается важнее, чем сама действительность»[11]. В пьесах Гавела не было адресных политических аллюзий, но в них выпукло показывалась обреченность ставки на вербальную мощь идеологии, остроумно высмеивалось приспособленчество любого рода.

Мы рассмотрели лишь некоторые, хотя, может быть, и наиболее показательные примеры изменения чешской литературной жизни на рубеже 1950-х и 1960-х годов. На самом же деле отход от штампов, расширение тематики, появление новых героев, использование новых художественных

приемов постепенно становится характерным не только для молодого поколения, но для всех сколько-нибудь значащих литераторов. В поэзии в связи с этим следует назвать таких представителей старшего и среднего поколения, как Вилем Завада, Владимир Голан, Ольдржих Микулашек, Ян Скацел. В прозе — это во многом созвучная «поэзии будничного дня» серия книжек молодых авторов «Жизнь вокруг нас»: «Между двумя границами» и «День прошел здорово» (обе —1960) Ивана Климы; «Зеленые дали» (1960) и «Сугроб» (1961) Яна Прохазки; а затем уже и «Смешные любови» (1963), с которых начинается Милан Кундера — прозаик. Большим литературным событием явилось издание в 1962 г. сборника рассказов Богумила Грабала «Жемчужинка на дне», вдохнувших новую жизнь в прославленную Гашеком и Кафкой «пражскую иронию», новаторских с точки зрения стиля и языка.

В области литературной теории и программатики все яснее обозначался пересмотр догматической концепции социалистического реализма. Вехой на этом пути стал выход в свет монографии Кветослава Хватика «Бедржих Вацлавек и развитие марксистской эстетики» (1962). Хватик, как и «кветенцы», как и авторы книжек серии «Жизнь вокруг нас», отнюдь не отказывался от социалистических идеалов. Он стремился показать специфику их воплощения в чешской межвоенной литературе, подчеркнуть близость чешских поэтистов и сюрреалистов к КПЧ и тем самым реабилитировать важную для молодого творчества авангардную традицию. А между тем уже шла подготовка ставшей знаменитой международной конференции о творчестве пражского уроженца Франца Кафки, которая состоится весной 1963 г. в замке Либлице и со времени которой реформаторское движение «Пражской весны» будет неудержимо набирать обороты, не взирая на все противопоставленные ему усилия партийного руководства.

Характерной приметой эпохи после XX съезда КПСС и Второго съезда чехословацких писателей было то, что новаторские литературные произведения, выступления критиков, дискуссии по, казалось бы, «цеховым» проблемам искусства приковывали к себе всеобщее внимание, литературная пресса, прежде всего газета Союза писателей «Литерарни новины», стала своего рода организатором движения «Пражской весны». Достаточно было лишь немного ослабить цензуру, разрешить лишь некоторую самостоятельность литературных сообществ и вернуть процесс в прежнюю колею оказалось уже невозможным.

Можно ностальгически сожалеть, что сегодня литература ни в Чехии, ни в России не играет той будоражащей и организующей роли, какую она играла полвека тому назад, но, наверное, стоит еще раз задуматься, в этом ли состоит ее основное предназначение, во всяком случае, в наши дни. Внимательное изучение чешского опыта 1950—1960-х годов, которое, по существу, еще только начинается, очень важно, в том числе и для понимания смысла существования искусства в современном мире.

Примечания

[1] Literární noviny. 1956. № 17. S. 11.

[2] Ibid. № 19. S. 9.

[3] Ibid. № 18. S. 10.

[4] Ibid. S. 11.

[5] Kveten. 1956. Roč. 2. № 1. S. 30.

[6] Ibid. № 7. S. 264.

[7] *Bauer M.* Zbabelci v lednu. 1959 (1). Edice TVARy. 2000. Sv. 13. S. 9.

[8] Ibidem.

[9] Ibid. S. 18.

[10] Zlata šedesátá. Praha, 2000. S. 339.

[11] *Havel V.* Dálkový výslech. Praha, 1997. S. 167.

С. Миланова
(Институт истории БАН)

Апрельский пленум ЦК БКП 1956 года в восприятии журналистских кругов Болгарии

В историографии проблема десталинизации и либерализации политической модели государственного управления в СССР и странах-союзницах в Восточной Европе относится к числу наиболее разработанных. Научный интерес исследователей объясняется, в числе прочего, ее запросом со стороны общественности, желающей понять суть механизма социального эксперимента партии большевиков, который после Второй мировой войны реализовывался в советской сфере влияния с учетом геополитического фактора. Актуальность указанной проблемы продолжает сохраняться, а открытие ранее засекреченных архивных фондов открывает возможность углубленного ее изучения. Бесспорное значение имеют при этом не только документальные материалы, но и аналитический подход к рассмотрению сущностных черт государственно-политической системы, в которой центральное место принадлежит репрессивному аппарату, однопартийное управление характеризуется всеобъемлющим охватом общества, а коммунистический лидер несменяем. В научной литературе представлены аргументированные теоретические концепции с обобщающими выводами и заключениями, являющиеся результатом исследований социальной практики и серьезных наблюдений. В работах подтвержден тезис, что личность-лидер является частью системы, предопределяющей ее возведение в культ. Культ — это внешнее проявление глубоких деформаций политической модели, в которой отсутствуют симптомы модернизирования, не проводятся реформы, не преодолеваются ошибки и слабости, хотя и имеют место кадровые перестановки в «верхах». Время, прошедшее после смерти Сталина, подтвердило невозможность переустройства системы при сохранении ее основ.

XX съезд КПСС вошел в политическую историю СССР и международного коммунистического и рабочего движения благодаря переоценке правления Сталина. Эта переоценка была зафиксирована в докладе Н. С. Хрушева «О культе личности и его последствиях», зачитанном 25 февраля 1956 г. на закрытом заседании съезда[1]. Хрущев осмелился заявить о негативных сторонах личности Сталина, отбросить миф о его

исключительности и непогрешимости, равнозначной «обожествлению», и придать Сталину черты, свойственные простым смертным с присущими им положительными и отрицательными качествами. Но разоблачительный эффект был сосредоточен на покойном лидере так, чтобы не затронуть политическую систему, партию и ее идеологию.

Силу критики смягчило признание бесспорно больших заслуг Сталина в прошлом по укреплению большевистской партии и классового единства, что фактически отодвинуло в тень возможную постановку вопроса о произволе. Мучительные откровения отразили драму правящих кругов, пытавшихся начать перемены с «вершины» партийной пирамиды, что с самого начала обусловило провал нового стиля управления и, в конечном счете, крах реформаторов. Они не могли порвать с прошлым, являвшимся частью их жизни и деятельности, им не по силам было изменить собственное мировоззрение, ограниченное рамками системы.

В Болгарии интеллигенция оказалась среди первых, кто узнал о секретном докладе Н. С. Хрущева, главным образом, из трансляций западных радиостанций. Общественного мнения как публичного фактора в стране не существовало, печать информировала о работе XX съезда набором официальных идеологических клише. На страницах «Работническо дело» помещались сообщения из партийных источников о ходе заседаний и прениях по различным вопросам, о принятых решениях. 2 марта 1956 г. болгарский центральный партийный орган перепечатал опубликованную в «Правде» директивную статью «Почему культ личности чужд марксизму-ленинизму?»[2] Ее появление в Болгарии симптоматично фактическим намеком на предстоящие перемены во властных структурах. В том же духе написана и редакционная статья «За ленинские нормы и принципы работы», помещенная в «Работническо дело» 17 марта 1956 г.[3] На протяжении марта партийный орган регулярно печатал материалы, разъяснявшие вопрос о культе личности, его влиянии на развитие БКП, применении ошибочных, согласно утверждениям классиков, методов управления. Весь пропагандистский аппарат был нацелен на усиленную агитационную кампанию в русле воспринятого «нового» политического курса, с тем, чтобы создать в обществе представление о начавшейся либерализации. Страны Восточной Европы следовали советскому примеру, поскольку политически были связаны с деятельностью КПСС. По рекомендации Кремля прошли пленумы коммунистических партий, работа которых непосредственно отслеживалась и направлялась советской стороной. Под прямым контролем Москвы находилась и выработка принимаемых решений.

В Болгарии подготовка пленума немного застопорилась в связи с особой позицией В. Червенкова. Обеспокоенный выступлениями советского руководства на XX съезде КПСС, он понимал, что события развиваются в неблагоприятном для него ключе, поскольку в ходе внутрипартийной дискуссии прозвучали требования выявить ошибки управления периода Червенкова и приступить к их устранению. Болгарский лидер попытался замкнуть обсуждение этих вопросов рамками Политбюро, но он уже не располагал достаточными для этого рычагами власти. Такое намерение противоречило и советским указаниям. Печать также уже не была подконтрольна Червенкову.

В научной литературе приведено немало фактов, почерпнутых из разных источников первостепенной важности, которые рисуют объективную картину в Политбюро и ЦК БКП, позиции членов высшего партийного руководства в борьбе за власть[4]. С определенностью можно констатировать, что подготовка апрельского пленума шла весьма напряженно в связи с непрерывными закулисными интригами, которые отдельные группы соратников по партии, бывшие приближенные или противники Червенкова, вели против действующего руководителя.

Заседания пленума ЦК БКП проходили 2—6 апреля 1956 г. в Софии. С основным докладом «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза и его уроки для нашей партии» выступил Т. Живков[5]. В значительной по объему вводной части он подчеркнул значение XX съезда и его влияние на компартии в мировом масштабе. Особое внимание было уделено выводам, которые рекомендовалось сделать в связи с разоблачением культа личности, и мерам по восстановлению ленинских принципов руководства.

Из доклада следовало, что Болгария оказывалась на втором месте за СССР, демонстрируя проявление культа личности в наиболее жестких формах. Это далекое от действительности утверждение носило явно тенденциозный характер, преследуя пропагандистский эффект. Важное место в докладе было отведено последствиям установления личной диктатуры Червенкова. Данное определение формы правления также не соответствовало истине, так как один человек не в состоянии самостоятельно, без единомышленников и помощников утвердить тот или иной режим. Цель докладчика заключалась в том, чтобы отвлечь внимание от членов Политбюро, поддерживавших Червенкова, и возложить ответственность только на первое в партийной «табели о рангах» лицо, как это было сделано руководством КПСС.

В советской политической модели журналистика являлась важным механизмом в системе управления обществом, так как с ее помощью коммунистическая партия организовывала «массы» в целях осуществления программы правительства, транслировала в «народ» свои распоряжения и указания. Пресса выполняла политические и идеологические функции, превратившись в массового пропагандиста решений партии. Свою информационную сущность она в большой степени утратила в связи с цензурными ограничениями, вводимыми на источники информации. В результате строгого контроля за содержанием «новостей» и информационных сообщений в обществе складывалось одностороннее представление о внутренней ситуации в стране и международной жизни. Журналистика характеризовалась тематической одноцветностью и невозможностью откликаться на волновавшие общество вопросы. Партийное вмешательство в работу редакций при Червенкове наложило глубокий отпечаток на развитие болгарской печати, как в результате грубых политических действий, так и недальновидных указаний, полностью повторявших советские образцы. Они блокировали развитие национальной идентичности коллегии журналистов, ограничивали возможности приобретения ею собственного опыта и творческого самовыражения.

В дискуссии на апрельском пленуме несколько членов ЦК БКП — А. Стойков, Е. Стайков и П. Георгиев — профессионально высказались по проблемам печати. А. Стойков, занимая должность заместителя главного редактора газеты «Работническо дело», поддерживал непосредственный контакт с Червенковым: согласовывал публикацию материалов, заручался при необходимости его содействием. Но на пленуме его выступление шло в русле общей критики ошибок впавшего в немилость руководителя[6].

Е. Стайков, главный редактор «Работническо дело», в пространном выступлении негативно оценил деятельность бывшего первого лица и обратил внимание на допущенные ошибки в идеологической сфере. Он считал неприемлемой установку Червенкова, сформулированную им в начале 1954 г. на встрече с главными редакторами центральных ежедневных газет: работу редакций «направляют» соответствующие организации, органами которых являются печатные издания. В этом Стайков усмотрел опасный умысел лишить печать прямого партийного руководства и разрешить изданиям «делать то, что они сочтут нужным»[7]. Возражение Стайкова, направленное против профессиональных амбиций коллективов редакций, преследовавших цель добиться жанрового разнообразия газет, вызвать к ним интерес читателей, явилось показателем формального подхода к ожидаемой либерализации.

Главный редактор центрального печатного органа БКП недооценил идеологическую принципиальность В. Червенкова и в противодействии ему пришел к неправильным утверждениям. Так, он назвал продолжающуюся практику размещения в прессе портретов бывшего генерального секретаря выражением «свободы печати». В качестве примера он указал на газету «Отечествен фронт» (главный редактор В. Топенчаров), поместившую крупным планом фотографии Червенкова на торжественных демонстрациях. Е. Стайков проявил нетерпимость к попыткам идеализации бывшего лидера, несмотря на то, что и сам он как член ЦК и главный редактор партийного органа, в соответствии с полученными указаниями, принял участие в создании его культа. В его позиции проявлялась суть официальной доктрины, а именно: подход к истине и оценка личных качеств — величина переменная. Политики и государственные деятели выдвигаются на высокие посты и лишаются их не избирательным путем, а по решению Политбюро, согласованному с руководством КПСС.

Е. Стайков поддержал вывод о недостаточном партийном контроле над печатью, хотя он противоречил конкретным фактам, поскольку решения Политбюро, напротив, демонстрировали усиление и расширение контрольных и цензурных функций. Основной пафос выступления был в другом — в сфере идеологии следует освободиться от влияния Червенкова. Но до XX съезда КПСС никто не смел открыто противостоять ему. И только когда из Москвы было получено подтверждение о неизбежном удалении Червенкова с первого поста в партии, на страницах печати открыто началось противостояние, однако не непосредственно ему, а культу его личности. Явная конфронтация проявилась только на заседаниях в ходе апрельского пленума и то не со стороны всех. Подобное поведение свидетельствовало о наличии страха репрессий при вероятном повороте событий. Недоверие друг к другу, присущее соратникам по партии, делало их весьма осторожными.

На иных аспектах проблемы заострил свое внимание журналист П. Георгиев, редактор «Работническо дело». Он остановился на утверждении при Червенкове иерархической системы партийного руководства. В соответствии с требованиями в публикациях был установлен четкий порядок перечисления членов Политбюро. В случае ошибки или перемены мест к редакторам применялись санкции. Таким образом, усвоенная еще Г. Димитровым советская практика была продолжена и усовершенствована В. Червенковым. Партийный аппарат после 9 сентября 1944 г. проводил курс на создание авторитета коммунистического лидера, что вело к возвеличиванию его личности. Одновременно создавались предпосылки для проявления разновидностей культа личности и на другом,

более низком уровне в иерархии, но достаточно высоком, если рассматривать его по отношению к обществу в целом.

Отрицательными последствиями прямого вмешательства В. Червенкова в вопросы идеологии, науки и культуры П. Георгиев объяснил утверждение в этих сферах «шаблонов, догматизма»[8]. Но обвинения были сформулированы общл, ошибки не конкретизированы. Вина бывшего лидера видится нам, скорее, в его большевистской ортодоксальности и бескомпромиссности, если речь шла об идеологических постулатах, в грубых манерах и нежелании вести диалог с соратниками по партии и подчиненными, в подражании советскому примеру, Сталину. На мировоззрение и поведение Червенкова оказало многолетнее пребывание в эмиграции в СССР, где доктринальные сталинские установки он усвоил не только в теории, но и наблюдал их реализацию на практике. В. Червенков относился к числу наиболее образованных партийных кадров[9].

Апрельский пленум проходил при закрытых дверях, но частично скудная информация все же просочилась, породив в обществе разные слухи. В структурах БКП культ личности рассматривался как внутрипартийный вопрос, связанный с нарушениями ленинских норм организационной работы и руководства. Прения не предусматривали обсуждения генезиса деформаций, не были выдвинуты по их ходу и предложения реформировать политическую систему, поскольку соответствующие указания не поступили от советской стороны, предлагавшей ограничиться только незначительными кадровыми перестановками. Власть в лице Т. Живкова предупреждала об опасности создания «необоснованных настроений против отдельных руководящих товарищей», что могло вызвать негативные последствия для правящей партии[10]. Материалы пленума оставались недоступными и секретными даже для членов партии высокого ранга, что, по нашему мнению, преследовало цель скрыть правду об иллюзорном характере перемен.

В принятой резолюции ЦК БКП рекомендовал развернуть широкую агитационную работу по разъяснению материалов XX съезда КПСС и уроков, которые следовало извлечь из них БКП. Конкретно предусматривалось проведение совещаний окружных партийных активов с выступлениями на них членов Политбюро и секретарей ЦК БКП и партийных собраний при участии членов и кандидатов в члены ЦК и партийных работников окружных и околийских партийных комитетов. В своих докладах члены высшего партийного руководства должны были информировать о решениях XX съезда и их значении для Болгарии.

Печать опубликовала краткое сообщение о пленуме уже после завершения его работы. Неделю спустя, 17 апреля 1956 г., депутаты Народного

собрания приняли прозвучавшие на пленуме предложения об отставке председателя Совета министров В. Червенкова и проголосовали за нового премьера А. Югова. В зале парламента присутствовали и журналисты столичных газет. Газету «Отечествен фронт» — органа Президиума Народного собрания (председатель Г. Дамянов) и Национального совета Отечественного фронта (председатель В. Червенков) представлял главный редактор В. Топенчаров. Он подготовил проект передовицы, который согласовал с Г. Дамяновым и секретарем Президиума М. Минчевым. Проект обсуждался на заседании редколлегии газеты, где некоторые члены настаивали на умеренности формулировок. А. Нейков предположил, что статья вызовет большой резонанс в обществе.

Публикация Топенчарова под заглавием «Урок» увидела свет 18 апреля[11]. Она отразила не только надежду, но и уверенность в подлинных переменах в политике. Основанием для подобного вывода стали материалы XX съезда КПСС, заявления советских государственных деятелей о готовности либерализовать стиль и методы управления и устранить допущенные деформации. Автор оценил кадровые перестановки в правительстве как начало реформ в стране. По силе проявления авторской позиции статья Топенчарова — наиболее яркое явление в журналистике, вышедшее из-под пера коммуниста после 9 сентября 1944 г.

В статье были подняты существенные проблемы развития политической системы, непосредственно затрагивающие права граждан, но сознательно обойденные участниками апрельского пленума. Топенчаров представил факты нарушения законности как следствие политики культа личности. Внимание при этом было уделено нескольким моментам. Во-первых, утверждалось, что воспринятый Червенковым стиль грубого администрирования и командования распространился на весь управленческий механизм, в результате чего «сковывается, ущемляется инициативность народных масс, ограничивается или смазывается критика “снизу”» и допускается своеволие со стороны отдельных руководителей; во-вторых, указывалось на необходимость восстановить в глазах народа значение конституционного принципа, согласно которому «власть происходит от народа и принадлежит народу», доказать, что это «не пустые слова». В-третьих, была дана положительная оценка критики партийным руководством допущенных нарушений и, наконец, в статье содержался призыв сделать достоянием гласности все и всякие проявления самоуправства отдельных руководителей, пренебрегающих «волей, сотрудничеством, критикой со стороны народных масс»[12]. Статья отразила самостоятельность мышления автора, глубокое проникновение в суть явлений. Сформулированные в ней цели реформ, однако, были свободной журналист-

ской интерпретацией, и, поскольку вопрос о реформах вообще не рассматривался на пленуме, реакция властей на газетную публикацию была отрицательной.

Секретарь ЦК БКП Д. Ганев выразил крайнее недовольство «беспардонной» критикой[13]. Статья, действительно, продемонстрировала расхождение автора с решениями пленума, но это явилось результатом их секретности и недоступности. Не следовало недооценивать и возможность применения санкций по партийной линии, и поэтому 24 апреля 1956 г. Топенчаров опубликовал следующую статью «Еще один урок». Акцент теперь был сделан на «смелости» коммунистических и рабочих партий, с которой они развенчивают культ отдельной личности. Иную тенденцию отразила и содержавшаяся в статье критика: формулировки смягчены, и на первый план выдвинут вклад коммунистической партии в борьбу против культа.

1 мая 1956 г. Топенчаров опубликовал эссе «Интервью с народом о мелочах жизни». Критика в нем была совсем безобидной: речь шла о служебных машинах со шторками как символе разделения общества на «верхи» и «простых людей»; о системе пропусков, которые также служили барьером между народом и «начальниками»; о том, что культ личности — это «собирательное название многих, на первый взгляд, мелочей». Автор приглашал «дружно вместе с партией» преодолевать такие явления, как отчуждение от народа, застой, лакировка действительности[14]. Обращаясь к злободневным вопросам, привлекавшим внимание людей, эссеист вносил в критику новые нюансы.

В первомайском номере газеты, помимо эссе Топенчарова, был опубликован фельетон Г. Узунова «Первомай! Первомай!», с художественно выполненными карикатурами М. Бехара. Не только «Отечествен фронт», но и другие издания откликнулись в эти дни на ожидания читателей: в газете «Патриот» появилась статья «Смело вперед к социализму», в газете «Народна младеж» опубликован фельетон Р. Ралина «Сказка о лестнице», на страницах сатирической газеты «Стършел» («Оса») также нашлось место для критики.

Союз болгарских журналистов (СБЖ) воспользовался условиями относительной свободы слова и направил в Отдел пропаганды и агитации ЦК БКП письмо с просьбой разрешить специальный, разовый выпуск газеты «День печати», приуроченный к 110 годовщине со дня появления первой болгарской газеты. Торжественное празднование этого события было намечено на 5 мая и к нему активно готовились. В письме кратко излагалось содержание материалов, которые предполагалось включить в юбилейное издание. По указанию секретаря ЦК БКП Д. Ганева просьба

Союза журналистов была удовлетворена. В окончательном варианте было решено дать изданию название «Газета газет», что символизировало восстановление преемственности. Выпуск был сделан в формате газеты «Вечерни новини», на 8 страницах, по 6 колонок на каждой, тиражом 50 тыс. экземпляров. Заглавие было набрано красным цветом. В праздничный номер вошли материалы об Иване Богорове и его газете «Български орел», приветствия главного секретаря Международного союза журналистов Я. Кноблоха, Д. Заславского, слово В. Топенчарова, статьи известных журналистов об историческом наследии и задачах современной болгарской печати. В издании были помещены материалы под рубриками «Читатели о наших газетах», «Болгарские корреспонденты за границей сообщают» и др. Специальные страницы были выделены для раздела «Наши интервью»[15].

Эти материалы явились интересной и современной газетной формой диалога, который прежде отсутствовал в болгарской прессе, их появление отразило попытку сломать устоявшийся шаблон. Еще 25 апреля 1956 г. секретарь СБЖ А. Георгиев обратился к государственным и общественным деятелям страны с письмами, в которых сообщал о готовящихся интервью. Указывались три вопроса, которые с небольшими вариантами предлагались всем приглашенным. Среди последних — председатель Совета министров А. Югов и его первый заместитель Г. Чанков, председатель Президиума Народного собрания Г. Дамянов, председатель Центрального совета профсоюзов Т. Прахов. Цель бесед заключалась в стремлении понять позицию «верхов» по вопросу о роли прессы в общественно-политической, экономической и культурной жизни страны и определить возможности журналистов отразить проблемы в соответствующих сферах общественного развития. Предложенные вопросы раскрывали профессиональные амбиции журналистских кругов установить прямой обмен мнениями с властью по волновавшим общество вопросам, а также сократить дистанцию между сторонами.

Речь главного секретаря СБЖ В. Топенчарова на торжественном собрании в Центральном доме Народной армии, опубликованная как передовица в газете «Отечествен фронт» под заголовком «Вперед, всё вперед!», стала его последним выступлением реформаторского характера. Топенчаров в кратком виде следующим образом обобщил слабости печатных изданий: «Следует признать, что в последние годы в нашей печати утвердились такие методы газетной работы, как догматизм изложения, шаблонные формы подачи материала, штампы стиля и языка, примитивизм доказательств, которые неизбежно устанавливают водораздел между печатью и жизнью...»[16] Автор не обошел вниманием и другие

«минусы» — в прессе «не говорится ясно и откровенно» о разных сторонах жизни — об удачах и неудачах. Он позволил себе напомнить о необходимости использования реальных фактов и сведений, что является основой журналистской работы. Топенчаров критически высказался о «закрытости статистики» в области экономики, ее недоступности для читателей и самих газетчиков. Оспаривалась открытость критики и ее избирательность, нивелировавшая проблему «главных виновников слабостей и провалов».

Изложение Топенчарова вышло за рамки дозволенных параметров критики, хотя проблемы рассматривались на профессионально-творческой основе.

Анализ недостатков печати, однако, превысил функции журналистики и приобрел политический характер. Выводы и оценки касались уже запретной зоны, которую автор счел открытой для обсуждения. В результате Политбюро ЦК БКП созвало специальное заседание с единственным вопросом повестки дня: «Положение в редакции газеты "Отечествен фронт"»[17].

По решению высшего партийного органа редколлегия обязывалась опубликовать статью с критикой своей прежней позиции. Длившееся три часа «собеседование» показало журналистам, что они не имеют права высказывать личное мнение, независимо от того, что оно касается вопросов их профессиональной деятельности.

Проект статьи подготовил С. Гергов, затем его несколько раз просматривал член Президиума Народного собрания писатель Г. Караславов, добиваясь «приемлемого» для власти варианта. Наконец, 20 июня 1956 г. в передовой статье газеты «Отечествен фронт» «За правое дело партии до полной победы» свет увидела требуемая «самокритика». Явное запоздание было вызвано ожиданием появления партийных директив.

Еще раньше — 20 мая 1956 г. — газета «Работническо дело» вышла с передовицей «На борьбу за правое дело партии, против мелкобуржуазной распущенности». Ее появление преследовало цель прекратить нежелательные высказывания и публикацию статей, чье содержание расходилось с решениями партии. Негативную реакцию власти усугубило понимание ею, что развенчание культа личности использовалось как повод для критики недостатков социалистического строительства в стране. Статьи В. Топенчарова в газете «Отечествен фронт» подверглись порицанию за «антипартийные» увлечения автора.

Вскоре после пленума проявились некоторые существенные обстоятельства, которые положили начало «апрельскому» периоду в развитии Болгарии: пропагандистскими методами стало преувеличиваться значе-

ние пленума, он характеризовался как поворотный момент в «демократизации» политики, экономики и культуры страны; провоцировался конформизм в кругах интеллигенции путем привлечения ее представителей во властные структуры; руководящая роль БКП все больше приобретала фактический статус конституционного принципа, нарушение которого было чревато опасными последствиями; из общественно-политической жизни исчезло выражение точек зрения, отличных от официальной; в партийных кругах и в печати права гражданства имела только «конструктивная» критика, что значит бесполезная.

Ключевое понятие, связывающее XX съезд КПСС, пленумы компартий стран-сателлитов и отношение общества к происходившим событиям, — либерализация. Однако этот термин правящими кругами и общественностью толкуется по-разному. Для первых уже одно перемещение политических деятелей в структурах власти являлось достаточным обновлением, укреплявшим, по сути дела, монополию партии, а отнюдь не реформировавшим политику управления. Активная же часть общественности, интеллигенция видели в либерализации или «оттепели» разрушение догматизма и скованности, возможность возвращения к общественной, научной и творческой свободе мысли. Наиболее характерный момент в критике с их стороны — четко выраженное понимание, что существовавшие проблемы являлись не порождением личных качеств первого лица в государстве, а следствием деформаций политической системы и необходимости ее демократизации. Параллельное существование обеих тенденций обозначили большое расхождение и огромную дистанцию между управлявшими и управляемыми. В конце концов, власть приняла ограничительные меры, которые положили конец иллюзиям относительно реформирования порядков в стране.

25 мая 1956 г. члены Политбюро провели встречу с секретарями окружных и околийских комитетов БКП. В установочном докладе, с которым выступил Т. Живков, были сформулированы конкретные направления организации и проведения предстоявших отчетно-выборных партийных конференций. Выступление было пространным, и по объему значительно превысило доклад на апрельском пленуме. Была продемонстрирована и смена смыслового акцента прозвучавшей на нем критики. Живков разъяснил, что на XX съезде КПСС «вопрос о культе личности не был главным, центральным вопросом», как это прозвучало в информации на закрытом заседании[18]. Такая интерпретация весьма показательна, так как свидетельствует о твердом желании партийного лидера приостановить дискуссии в обществе и внутри партии по вопросу о культе личности.

Особое внимание Живков уделил «неправильным выступлениям», «неправильным настроениям и неправильному пониманию некоторых вопросов, связанных с решениями апрельского пленума». Он высказался против попыток полемики по проблемам демократизации, которые позволяют «идейно некрепким, неустойчивым товарищам» говорить, что хотят, и допускать политически ошибочные высказывания. Живков отстаивал партийные интересы и одновременно защищал власть от любых попыток подорвать ее устои, проявляя твердость и бескомпромиссность к «реформаторским проявлениям» деятелей науки и представителей творческих союзов. При этом он демонстрировал новый, присущий именно ему тактический ход, отличный от приемов В. Червенкова. «...Ни в коем случае, — подчеркнул Живков, — они не могут и не должны считаться нездоровыми и чуждыми элементами в нашей партии»[19]. Демагогией и лавированием между отрицанием и согласием, терпением и последовательностью действий, согласованных с руководством КПСС, Живков обеспечил себе поддержку Политбюро и сумел освободиться от неудобных для него людей, но сделал это не сразу, а выбрав всесторонне взвешенный и стратегически выгодный для стабилизации его власти подходящий момент.

Основной тезис доклада не означал смену реализовывавшейся в предыдущие годы политики в отношении творческих союзов, оценок их роли, отношения к ним, а лишь повторял произнесенные многократно и по разным поводам слова В. Червенкова — о руководящей роли партии в идеологической сфере, о контроле за творческой деятельностью писателей, художников и журналистов. Докладчик выразил несогласие с парторганизацией редакции газеты «Народна младеж», которая в резолюцию собрания внесла пункт о созыве съезда партии и избрании нового Центрального комитета БКП. Он недвусмысленно подтвердил идеологическую аксиому: коммунистическая партия — не «дискуссионный клуб» для обсуждения уже принятых высшими органами решений.

Реформаторские тенденции, проявившиеся в журналистских кругах, вызывали беспокойство. Для реализации политического курса, намеченного апрельским пленумом, необходимо было завоевать сильные позиции в средствах массовой информации. Это была важная, но вполне достижимая цель. В этом ключе следует оценивать инициативу Секретариата ЦК БКП провести совместное совещание с редакциями столичных газет и журналов. Во встрече участвовали все секретари ЦК — Т. Живков, Е. Стайков, Б. Былгаранов, Д. Ганев и Б. Тасков[20]. С докладом, посвященным популяризации, разъяснению и выполнению решений пленума, выступил Е. Стайков. По ходу обсуждения участники продемонстрирова-

ли повышенную активность. В. Топенчаров в пространном выступлении признал свои заблуждения.

С конца мая началась кампания в партийных организациях по разъяснению политической линии, проводимой после апрельского пленума. На партсобраниях в СБЖ присутствовали Е. Стайков и заведующая Отделом пропаганды и агитации ЦК БКП Е. Аврамова. Они были готовы изложить партийные директивы, чтобы преодолеть возникшую среди газетчиков «дезориентацию» и «дезорганизацию».

Политическая активность, инициированная высшими органами БКП, явилась причиной двух заседаний Правления СБЖ, на которых обсуждалась передовица «Работническо дело» от 20 мая 1956 г. Формальный характер собраний понятен, поскольку одобрение основных положений статьи заранее подготовлено: собравшиеся поддержали критические оценки публикаций в СМИ членов Правления, последние приняли замечания к сведению, собрание подтвердило необходимость соблюдения принципов коллективного руководства Союзом.

Президиум Народного собрания сформировал специальную комиссию во главе с Ф. Козовским для изучения организационной работы в редакции газеты «Отечествен фронт» и подготовки проекта решения[21]. 8 июня 1956 г. было проведено совместное заседание Президиума Народного собрания и Постоянного бюро Национального совета (НС) ОФ. На нем решили снять В. Топенчарова с поста главного редактора газеты. В результате произведенной рокировки Топенчаров временно занял пост своего прежнего заместителя С. Станчева, также временно возглавившего редакцию газеты. Предложено было отозвать из Парижа в Софию советника посольства Болгарии К. Христова и назначить его главным редактором. На Г. Караславова как члена Президиума Народного собрания и Г. Кулишева — заместителя председателя Президиума Народного собрания и члена Постоянного бюро НС ОФ возлагалась обязанность контролировать работу редакции и раз в месяц участвовать в ее заседаниях.

Комиссия также пришла к выводу о необходимости повышать квалификацию журналистов путем обучения их в партийных школах в стране и в СССР, организации специальных курсов. Сформулированная цель — получение «солидной теоретической подготовки» относилась ко всем журналистам, работавшим в СМИ.

13 июня 1956 г. Секретариат ЦК БКП принял решение о включении секретарей первичных парторганизаций редакций газет «Работническо дело», «Отечествен фронт», «Труд», «Народна младеж», «За кооперативно земеделие», «Народна армия», «Йени ишык», «Литературен фронт», «Стършел», а также Радио Софии и Болгарского телеграфного агентства

в номенклатуру кадров ЦК БКП. Предоставленные им в связи с этим привилегии поднимали их в социальном плане над общим уровнем партийного звена и привязывали к власти, заставляя поддерживать официальное мнение[22].

На заседании Правления СБЖ 29 июня 1956 г. председательствующий Б. Нонев огласил письменное предложение М. Николова, предварительно розданное присутствующим. В документе обосновывалось требование освободить В. Топенчарова от должности главного секретаря Союза в связи с «вредными и неправильными оценками политики нашего народного правительства»[23]. На заседании не присутствовали ни М. Николов, ни сам Топенчаров, находившийся в отпуске «по болезни». Вследствие этого обсуждение вопроса было отложено, тем самым Б. Нонев косвенным образом поддержал Топенчарова, что, по сути дела, отвечало позиции партии: с учетом настроений, наблюдавшихся после апрельского пленума, считалось нецелесообразным принимать какие-либо санкции против «провинившихся».

4 июля 1956 г. прошла встреча Е. Аврамовой с членами парторганизации редакции сатирической газеты «Стършел». Цель — положить конец имевшим место после пленума попыткам критического осмысления широкого круга проблем. В правящих кругах считалось идеологически ошибочным обсуждать политику БКП, ее высших органов и руководства, тем более недопустимым — выступать с серьезной критикой их деятельности, да еще рядовым членам партии, выражать какие-либо сомнения, несогласие с принятыми решениями и конкретными мероприятиями.

Беседа, к которой Е. Аврамова хорошо подготовилась, вернула собравшихся к прошедшим дням и старым выступлениям в печати. Сатирики со вниманием отнеслись к политическим событиям, интерпретировали их, прислушиваясь к голосам общественности. Их творческий менталитет обусловил наличие широкой гаммы представлений и оценок. Они недоумевали, по какой причине столь острой критике подвергнуты статьи Топенчарова, не содержавшие никаких особенных ошибок, не понимали, в чем его вина, и пытались найти ответ у вышестоящих партийных деятелей. Коммунисты газеты сочли статью в «Работническо дело» от 20 мая грубой по тональности, неясной и не до конца конкретной, хотя и признали справедливость критики. Выступавшие отметили, что внедрение положений статьи в журналистские круги осуществлялось «попросту насильно», так как ее авторы не смогли убедить своих коллег по цеху в правоте оценок. Прозвучали голоса в пользу того, чтобы ЦК разъяснил сущность партийной критики, определил ее параметры или «потолок», чтобы впредь избежать недоразумений. Было сформулировано требова-

ние к ЦК защитить деятельность журналистов и положить конец использованию обидного определения «гнилая интеллигенция». Все сказанное подкреплялось фактами, в том числе и таким — по возрастному составу редакции в основном молодые, и ошибочно считать, что пресса стремится обуржуазиться. Грубых политических ошибок молодые кадры не допускали[24].

В докладе партийной организации отмечалось, что редакционный коллектив газеты «Стършел» правильно воспринял решения апрельского пленума. За личные высказывания Р. Ралина и других членов партии редакция ответственности не несет. Выступления Ралина раскритикованы, а сам он подвергся порицанию, но антипартийными его позиции не назвал никто. Подчеркивалось, что критика, с которой выступал Ралин, указывала на имевшиеся слабости, с тем, чтобы обновить партию, а не оспорить ее роль и авторитет, чтобы, не отрицая социализм, выявить причины деформаций, чтобы назвать виновных, а не ограничиваться общими фразами и не замазывать факты злоупотреблений со стороны власти.

Именно в таком направлении размышляла часть партийной интеллигенции в оказавшийся коротким период свободомыслия после апрельского пленума. С исторической точки зрения данный факт может быть оценен сугубо положительно, так как надежда на перемены продолжала жить в болгарском обществе. Иллюстрацией к тому времени могут служить слова А. Славова: «Несмотря ни на что, 1956 год был временем политической ферментации и расширения интеллектуального пространства»[25]. Конечно, это пространство было ограниченным, но в нем проявлялись новаторские тенденции, рождавшиеся в творческих союзах, у их отдельных представителей и даже редакций, которые, несмотря на последующее укрепление режима, политические чистки, обвинения в ревизионизме, репрессивные меры и пр., оставались постоянными очагами тревоги для партийных идеологов и партийной верхушки.

Примечания

[1] *Наумов В. П.* К истории секретного доклада Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 147—168; Априлският пленум на ЦК на БКП 1956 г. Пълен стенографски протокол. София, 2002. С. 399—431; *Авторханов А.* Технология на властта. София, 1994. Т. 2. С. 30—90.

[2] Работническо дело. 1956.2.III.

[3] Там же. 1956.17.III.

[4] Априлският пленум... С.359; *Мигев В.* Несъстоялата се Априлска пролет на България — 1956 година // Исторически преглед. 1993. Кн. 4—5. С. 78; *Огнянов Л.*

Митът за «исторически прелом» в България през 1956 г. // История и митове. София, 1999. С. 117—128; *Баева И.* Източна Европа след Сталин. 1953—1956. Полша, Унгария, Чехословакия и България. София, 1995. С. 246—250; *Марчева И.* Тодор Живков — пътят към властта. София, 2000. С. 35—98; *Орлоев Р.* Събития в България през 1956 г. през погледа на полската дипломация // Известия на държавните архиви. 2002. Кн. 84. С. 80—97; Съветска България през три британски мандата. 1956—1963. Из архива на Форин офис за събития и личности в България. Лондон, 1994. С. 2—7.

[5] Априлският пленум... С. 21—23; *Чакъров К.* Втория етаж. София, 1990. С. 81—84.

[6] *Чакъров К.* Указ. соч. С. 69—74.

[7] Там же. С. 185—187.

[8] Там же. С. 257—258.

[9] В. Червенков през погледа на негови съвременници. София, 2000.

[10] Априлският пленум... С. 277.

[11] *Топенчаров В.* Бесове на моето време. Кладенецът на опомените. София, 1993. С. 221—223.

[12] Там же. С. 224.

[13] Там же. С. 226.

[14] Там же. С. 229—231.

[15] Централен държавен архив на Република България (далее — ЦДА). Ф. 158. Оп. 9. А. е. 7, Л. 17.

[16] *Топенчаров В.* Указ. соч. С. 232—234.

[17] *Митов Г.* Организационното развитие на Българската комунистическа партия (април—септември 1956 г.) // Известия на Института по история на БКП. София, 1986. Т. 55. С. 323; *Орлоев Р.* Указ. соч. С. 80—97; *Топенчаров В.* Указ. соч. С. 233.

[18] Държавен архив — София (далее — ДА-С). Ф. 1в. Оп. 23. А. е. 1. Л. 38.

[19] Там же; *Чакъров К.* Указ. соч. С. 86—87.

[20] *Митов Г.* Указ. соч. С. 323—324; *Топенчаров В.* Указ. соч. С. 263; *Орлоев Р.* Указ. соч. С. 83.

[21] *Топенчаров В.* Указ. соч. С. 250—258.

[22] ДА-С. Ф. 1в. Оп. 23. А. е. 1. Л. 10.

[23] ЦДА. Ф. 158. Оп. 1. А. е. 4. Л. 34.

[24] Там же. Ф. 340. Оп. 1. А. е. 7. Л. 15—28; *Христова Н.* Гнездо на стършелите. София, 1995. С. 63—70.

[25] *Славов А.* Българската литература на размразяването. София, 1994. С. 99.

III. 1956. Реакция властных структур и общества социалистических стран на первые удары по сталинизму

Н. В. Васильева
(Институт военной истории Министерства обороны РФ)

Отечественная историография о военной роли СССР в венгерских событиях 1956 года

До настоящего времени в российской историографии практически отсутствуют обобщающие историко-теоретические работы по антикризисной стратегии СССР периода «холодной войны», в которых учитывались бы достижения современной конфликтологии. Именно поэтому особый интерес специалистов вызывают исследования, посвященные военно-силовым аспектам участия СССР в разрешении кризиса в Венгрии в 1956 г.

В работах советского периода упор делался на «контрреволюционный» характер венгерских событий, якобы подготовленных врагами народной власти при поддержке «западных империалистов». Авторы, как правило, обосновывали тезис, что именно вмешательство международной реакции в дела суверенного государства вызвало необходимость военной помощи СССР для разгрома «контрреволюции»[1]. Тенденциозный идеологизированный подход к изучению венгерского кризиса 1956 г. доминировал в отечественной историографии вплоть до конца 1980-х годов.

Вот лишь несколько примеров. В сборнике «Боевое содружество, рожденное Великим Октябрем», подготовленной в 1987 г. сотрудниками Института военной истории Министерства обороны СССР и Военно-историческим институтом Венгерской Народной армии, событиям 1956 г. посвящено всего несколько страниц[2]. По традиции кризис охарактеризован как «контрреволюционный мятеж»; в его подготовке и развязывании важную роль сыграли «хортистско-фашистская и венгерская помещичье-капиталистическая контрреволюция, значительные силы которой действовали в стране подпольно, главные же силы собирались и организовывались в Западной Германии»[3]. В работе голословно утверждалось, что накануне путча разведорганы США забросили в Венгрию большое количество бывших хортистских офицеров, жандармов, нилашистов и других злейших врагов народной власти, причем «активное участие в их подготовке и переброске принимали реакционные венгерские организации, созданные в эмиграции»[4]. Помощь Советского Союза в ликвидации путча однозначно определялась как «выполнение интернационального долга» в целях разгрома врагов социалистической Венгрии. Путч, подчерки-

валось в книге, имел «антинародный характер» и создавал угрозу потери Венгрией независимости; Имре Надь выступал как «лидер ревизионистов»[5]. Аналогичную трактовку причин и характера венгерских событий предлагали и авторы трехтомной «Истории Венгрии». В работе указывалось, что в дни путча в Венгрию было заброшено более 20 тыс. врагов народной власти[6].

Непосредственно «по горячим следам» событий, в 1957 г., свет увидела книга «О событиях в Венгрии. Факты и документы», само название которой претендовало на объективность. Однако суть ее заключалась в тенденциозно составленной хронике; участие советских войск в подавлении «мятежа», в частности, представало как предпринятая по просьбе правительства Венгрии акция, в которой они действовали вместе с венгерской армией. Данная точка зрения надолго стала официальной, не подлежавшей критике и пересмотру. В качестве основного аргумента авторы использовали обращение по радио венгерского правительства к советским частям утром 24 октября с просьбой помочь в восстановлении порядка: «Венгерское правительство просит советские войска в интересах восстановления порядка, поддержать меры по подавлению кровавого нападения... Советские бойцы рискуют жизнью, чтобы защитить жизнь мирного населения. После восстановления порядка советские войска вернутся в свои казармы. Рабочие Будапешта! Встречайте с любовью наших друзей и союзников»[7].

Вместе с тем, помимо официальной, существовали и иные точки зрения, но вплоть до начала 1990-х годов они оставались не известными массовому читателю[8]. Характерный пример — судьба монографии В. М. Алексеева, в которой опровергалась, причем, аргументированно, установочная оценка венгерских событий: подготовленная в 1960—1980-е годы книга была опубликована только в 1996 г.[9]

В новой политической ситуации в России в начале 90-х годов XX в. историки получили возможность выявить и ввести в научный оборот ранее не доступные архивные документы о венгерских событиях. Первыми результатами этой работы стали публикации в журналах «Исторический архив» и «Континент», а также вышедшие в Венгрии на русском языке в 1993 г. сборники «Недостающие страницы истории 1956 года. Документы бывшего архива ЦК КПСС» и «Досье Ельцина». В России была осуществлена публикация В. Т. Середы при участии С. А. Мельчина и Е. Д. Ореховой под названием: «Как решались "вопросы Венгрии". Рабочие записи заседаний Президиума ЦК КПСС. Июль—ноябрь 1956 г.»[10].

В последнее десятилетие XX в. вышел в свет ряд статей и публикаций, объективно воссоздающих общую картину генезиса военно-политического кризиса в Венгрии, в том числе его внутри- и внешнеполитические аспекты[11]. Так, в монографии В. Л. Мусатова «Предвестники бури», изданной в 1996 г., подробно раскрывается предыстория венгерских событий, показана активная деятельность Н. С. Хрущева, стремившегося обеспечить международную поддержку со стороны руководства Китая и Югославии в вопросе о силовом вмешательстве и вводе войск в Венгрию[12].

1990-е годы отмечены появлением мемуарной литературы. Венгерские события отражены в воспоминаниях Н. С. Хрущева[13], а также начальника штаба Объединенных вооруженных сил Организации Варшавского Договора (ОВС ОВД) в 1970-е годы. А. И. Грибкова и исполнявшего обязанности начальника штаба Особого корпуса Е. И. Малашенко[14].

Что касается изучения важнейшего и решающего для венгерского кризиса внешнего фактора — военно-силовой роли СССР, то здесь авторы столкнулись со значительными трудностями. Такие аспекты проблемы, как мотивация принятия советским руководством решения о военном вмешательстве, его международно-правовая оценка, рассмотрение различных фаз военной акции, а также конкретных деталей реализации планов силовой стабилизации ситуации в Венгрии, длительное время оставались без документального обеспечения, а, следовательно, не могли стать предметом объективного анализа. Попытки описать ход боевых действий осуществлялись на основе анализа известных на Западе источников, в первую очередь, материалов специальной комиссии ООН по венгерским событиям[15].

В 1998 г. был опубликован сборник документов «Советский Союз и венгерский кризис 1956 года» с обширными аналитическими вводными статьями, комментариями и репрезентативным научным аппаратом. Основанный на материалах Архива Президента РФ сборник является сегодня фактически единственным в России научным изданием, позволяющим детально изучить военную роль СССР в венгерских событиях, осмыслить и проанализировать различные аспекты советского военно-силового вмешательства[16].

Значительным вкладом в изучение кризиса явилась опубликованная в 2003 г. монография А. С. Стыкалина «Прерванная революция: венгерский кризис 1956 года и политика Москвы». Автору удалось убедительно показать «многослойность» венгерских событий как феномена не только внутриполитической, но и международной жизни, значение которого

вышло далеко за рамки одной страны. Всесторонний анализ событий дан в контексте международной ситуации, включая противостояние двух блоков в «холодной войне», положение в других странах Центральной и Восточной Европы, прежде всего в Польше, влияние Суэцкого кризиса на решения советского руководства. Значительное внимание А. С. Стыкалин уделил и военным аспектам проблемы. В этом плане к монографии примыкают и другие работы отечественных исследователей, например, статья А. М. Кырова «Советская карательная акция в Венгрии (Хроника событий 1956 г. по материалам военного архива)»[17].

Не остались в стороне от изучения указанной проблемы и военные историки. Так, в соответствии с государственной программой патриотического воспитания, в 2004 г. вышла книга «Немеркнущая слава: от воинов-интернационалистов до миротворцев», в которой, помимо прочего, охарактеризованы, хотя и в кратком виде, два этапа советского военного вмешательства в Венгрии. В десятом томе «Книги памяти», посвященном участию советских военнослужащих в вооруженных конфликтах, впервые приведен полный список советских солдат и офицеров, погибших в 1956 г. в Венгрии[18]. В седьмой том «Военной энциклопедии», изданный в 2003 г., включена обширная статья о советской военной акции, в том числе о задачах и ходе операций советских войск под кодовыми названиями «Волна» и «Вихрь», о боевом и численном составе частей; даны также современные оценки советского военного вмешательства[19]. Сведения о потерях с советской стороны опубликованы в вышедшей под грифом Министерства обороны книге «Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных Сил. Историко-статистическое исследование»[20].

В последние годы появились обобщающие работы об участии Советского Союза в локальных войнах и конфликтах второй половины XX в. В первую очередь следует назвать монографию военных историков С. Я. Лавренова и И. М. Попова, в которой операции «Вихрь» посвящена отдельная глава[21], раздел «Антисоветский мятеж в Венгрии (1956г.)» в работе С. Л. Рогозы и Н. Б. Ачкасова «Засекреченные войны. 1950—2000 гг.»[22] и, наконец, изданную в 2005 г. в Саратове книгу «Сражения, изменившие ход истории: 1945—2004», в которой приведена краткая хроника советского участия в венгерских событиях[23].

На 50-летие венгерских событий, отмечавшееся в 2006 г., российская печать и электронные средства массовой информации откликнулись рядом публикаций, среди которых обращают на себя внимание статьи В. А. Гаврилова «"Черный октябрь" 1956-го. Хроника вооруженного мятежа в Венгрии»[24] и А. Широкорада «Советский "Вихрь" над Венгрией. Анти-

коммунистическое восстание было разгромлено за считанные дни»[25]. Авторы сосредоточились на военно-политических аспектах венгерского кризиса и военной роли в нем СССР.

Несмотря на явный количественный рост работ по указанной проблеме, еще далеко не все ее аспекты основательно изучены, ряд из них сохраняют дискуссионный характер и требуют дальнейшего анализа с привлечением документальных источников. К их числу относится, в первую очередь, трактовка международно-правового обоснования военного присутствия советских войск в Венгрии. Некоторые авторы исходят из того, что из подписания Варшавского Договора автоматически вытекало право пребывания советских войск в ряде стран Восточной Европы. Такой позиции придерживается, например, Е. И. Малашенко, подчеркнувший, что после заключения в 1955 г. мирного договора с Австрией «наши войска продолжали находиться на территории Венгрии, основываясь на подписанном Варшавском Договоре»[26]. Из воспоминаний генерала армии А. И. Грибкова следует, что Особый корпус дислоцировался в Венгрии в соответствии с двусторонним соглашением[27]. Той же точки зрения придерживаются С. Л. Рогоза и Н. Б. Ачкасов[28].

Оспаривая эти утверждения, А. С. Стыкалин справедливо отмечает, что военное присутствие СССР в восточноевропейских странах отнюдь не определялось их принадлежностью к Варшавскому Договору; в частности, пребывание и статус советских частей в Венгрии должны были определяться двусторонним соглашением между странами, подписанным *позднее*[29].

К числу дискуссионных относится также вопрос о том, проводились ли советской стороной какие-либо превентивные военные приготовления накануне венгерских событий, и когда, вообще, начались эти приготовления? Аргументированный ответ позволит прояснить, стала ли неожиданной для советского руководства острая кризисная ситуация осенью 1956 г. А. С. Стыкалин пишет, что председатель КГБ И. А. Серов еще 26 июля 1956 г. в донесении советским высшим партийным органам, ссылаясь на агентурные сведения, указал на возможность вспышки в Венгрии через несколько недель «открытых бунтов»[30]. Однако это предупреждение едва ли было принято всерьез Н. С. Хрушевым, лично ознакомившимся 31 июля с донесением Серова[31]. Столь мощного взрыва народного негодования, как тот, что произошел 23 октября, советская сторона явно не ожидала, считает Стыкалин. Он ссылается при этом на свидетельство референта по Венгрии в аппарате ЦК КПСС Н. Т. Дзюбы.

Вместе с тем для командующего Особым корпусом генерал-лейтенанта П. Н. Лащенко, ранее сообщавшего в Москву в Генштаб о возможных вооруженных выступлениях в Венгрии, участие советских войск в операции «по наведению порядка» в стране не явилось неожиданным. 30 июня в Особый корпус прибыла группа генералов во главе с первым заместителем начальника Генштаба, начальником штаба ОВС ОВД генералом армии А. И. Антоновым. По воспоминаниям Е. И. Малашенко, накануне июльского пленума ЦК Венгерской партии трудящихся посол СССР в Будапеште Ю. В. Андропов, выступая перед руководящим составом корпуса в Секешфехерваре, информировал «о возможном направлении развития событий и о том, что венгерское правительство может обратиться к нам за помощью»[32].

В литературе неоднократно указывалось, что советское руководство заблаговременно начало подготовку к военному вмешательству. В июле 1956 г. по указанию из Москвы генерал-лейтенант П. Н. Лащенко разработал «План действий Особого корпуса по поддержанию и восстановлению общественного порядка в Будапеште и на всей территории Венгрии» под названием «Волна»[33]. 20 июля план был утвержден, для его ввода в действие предусматривался сигнал «Компас»[34]. (Заметим, что некоторые авторы иногда допускают досадные ошибки, пишут о *плане* «Компас»[35].)

Весьма интересные подробности, связанные с разработкой плана «Волна», привел Е. И. Малашенко. Он пишет, что советский военный советник в Министерстве обороны Венгрии М. Ф. Тихонов предоставил ему три тома документов — планов венгерской армии, органов госбезопасности и полиции по восстановлению общественного порядка в Венгрии, утвержденных генштабом. Изучив материалы, Малашенко пришел к заключению, что в Будапеште советские войска смогут взять под охрану лишь ряд важнейших объектов, участвовать же в обеспечении порядка при проведении демонстраций и митингов они не будут[36]. В соответствии с предписаниями штаба Особого корпуса подразделениям и частям советской группировки отводилось 3—6 часов для установления контроля над важнейшими объектами в столице и по всей стране. Командование корпуса детально разработало порядок действия частей и подразделений, применения ими оружия, использования войск в городских условиях, установления связи с местными органами власти и командованием Венгерской народной армии. Были также произведены расчеты необходимого количества боеприпасов для танков, артиллерии и стрелкового оружия.

Таким образом, функции советских войск в соответствии с планом «Волна» отнюдь не были вспомогательными, как утверждает А. С. Стыка-

лин. Защищаемый им тезис, что военные действия советских частей в Будапеште не планировались, и задачи сводились лишь к прикрытию южных и западных границ Венгрии, не соответствует фактам[37].

Еще один принципиальный вопрос вызывает сегодня споры исследователей — исходило ли предложение о вводе советских войск в Будапешт от руководства Венгрии, в частности от Э. Герё, или это решение было принято в Москве[38]. Официальный документ о приглашении советских войск, датированный 24 октября, был составлен Ю. В. Андроповым позже и 28 октября подписан А. Хегедюшем задним числом (24 октября Хегедюш был удален с поста премьер-министра). Как отмечают исследователи, в Архиве внешней политики РФ хранится факсимильная копия этого документа. Манипулирование датами понятно: документ готовился к запланированному на 28 октября обсуждению венгерского вопроса в Совете Безопасности ООН. Но с трибуны ООН советский представитель огласил его лишь 19 ноября[39].

Ссылаясь на американских политологов З. Бжезинского и С. Хантингтона, Стыкалин утверждает, что, планируя военную акцию, советский генералитет опирался на опыт, приобретенный в 1953 г. в Восточной Германии: появление советских танков на улицах Берлина и других немецких городов преследовало цель «поиграть мускулами» и оказать на население психологическое воздействие[40]. По аналогии, вступление танковых частей в Будапешт утром 24 октября было призвано продемонстрировать военную силу, приказ войскам открывать огонь отдан не был. Задача советских частей заключалась в разоружении уличных групп и передаче их в руки венгерской полиции. Но акция устрашения, отмечает автор, с самого начала оказалась неэффективной[41].

И мемуары, и архивные документы неоспоримо свидетельствуют, что, находясь под обстрелом, советские войска вначале огня не открывали, хотя «сами несли потери»[42]. Войскам был дан приказ «Огонь открывать только при нападении», ищет Малашенко. Примечательна его констатация, что рассчитывать на помощь венгерской полиции и армии и совместные с ними действия по наведению порядка советским войскам не приходилось[43].

Особая тема исследования — численность советских войск в военной операции. В Будапеште она первоначально не превышала одной дивизии и составляла 6 тыс. человек при общем населении города 2 млн жителей[44]. Всего к 25 августа, как указывается в авторитетной «Военной энциклопедии», в операции было задействовано около 20 тыс. военнослужащих[45]. Эта цифра, однако, расходится с данными, приведенными в Докладной

записке Министерства обороны СССР в ЦК КПСС от 24 октября о действиях советских войск «по оказанию помощи Правительству ВНР в связи с возникшими в стране беспорядками». В документе, в частности, указано: «Всего по боевой тревоге поднято пять дивизий советских войск в составе: людей — 31550, танков и САУ — 1130, орудий и минометов — 615» и т. д.[46]

Военные историки отмечают, что во главе вооруженных отрядов и групп повстанцев часто оказывались люди, знакомые с тактикой ведения уличных боев, бывшие хортистские офицеры и жандармы. Современные венгерские исследователи, однако, предпочитают обходить эти факты молчанием. По мнению Малашенко, тогдашнее венгерское руководство «стремилось переложить тяжелую и неблагодарную миссию — борьбу с вооруженными повстанцами в Будапеште — на советские войска». В результате получалось так, что они, участвуя в боевых действиях по просьбе венгерского правительства, «вели борьбу против демократического движения масс»[47].

Важным объектом исследований по-прежнему остается вопрос о причинах нового витка кризиса после 31 октября и второго этапа военного вмешательства СССР.

В большинстве работ справедливо указывается, что присутствие советских войск в Венгрии Москва увязывала с военно-политическим противостоянием Западу. Возможный после 25 октября вывод войск расценивался частью руководства как ослабление советского влияния в регионе в пользу американского. Поэтому заявление И. Надя о выводе советских частей из Венгрии было охарактеризовано А. И. Микояном и М. А. Сусловым как грубейшая ошибка, ибо их уход неизбежно привел бы к появлению в стране американских войск (см. телеграмму Микояна и Суслова от 25 октября в Москву[48]). В то же время некоторые исследователи отмечают склонность советской стороны на том этапе к компромиссу. В качестве доказательства они ссылаются на принятую 30 октября Президиумом ЦК КПСС «Декларацию Правительства Союза ССР об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами»[49]. На протяжении 30—31 октября советские войска, как известно, ушли из Будапешта.

Другие авторы видят в принятии Декларации не стремление к компромиссу, а лишь тактическую уловку. Особенно категоричен А. М. Кыров, считающий этот документ ширмой для маскировки политических амбиций и негативных намерений кремлевского руководства[50]. Кыров опирается на известный факт, что в день принятия Декларации перебро-

ска дополнительных советских воинских частей в Венгрию продолжалась, а соединения и части 38-й армии получили соответствующие указания и начали подготовку к операции «Вихрь». Иными словами, приведенная в действие советская военная машина не была остановлена[51].

А. С. Стыкалин демонстрирует более гибкий подход, полагая, что, «если 30 октября в Кремле еще продолжали искать мирный путь урегулирования кризиса при условии сохранения у власти коммунистов и выполнения Венгрией союзнических обязательств, то уже на следующий день, 31 октября, положение изменилось». Заслуживает внимания вывод автора о том, что решение о новой советской военной операции было принято под давлением целого комплекса внешних факторов и в значительной мере диктовалось геостратегическими соображениями[52]. Этой же позиции придерживается военный историк В. А. Гаврилов в вышеупомянутой статье «"Черный октябрь" 1956-го...»[53]

В данном контексте весьма важны материалы о консультациях советского руководства с поляками и югославами, имевших место до принятия решения о новом этапе вооруженного вмешательства. Особый интерес в связи с этим представляет статья Л. Я. Гибианского, посвященная обсуждению 2—3 ноября Й. Броз Тито и Н. С. Хрущевым возможности новой советской военной акции. По ходу консультаций Тито одобрил силовое вмешательство СССР в венгерские события[54].

Представляется, что считать закрытым вопрос о причинах второй советской военной операции преждевременно; он требует всестороннего рассмотрения, особенно с учетом Суэцкого кризиса, а затем и позиции китайских лидеров, указавших на опасность «капиталистической реставрации» и не согласных с выводом советских войск из Венгрии.

Думается, что, размышляя над указанным вопросом, не следует упускать из виду факт радикализации позиции венгерского руководства, в первую очередь И. Надя, после получения информации о переброске в Венгрию дополнительного воинского контингента из СССР. 1 ноября венгерская сторона вручила послу Андропову ноту протеста по поводу несанкционированного передвижения советских частей по территории страны. Не получив от Андропова объяснений, венгерское правительство в тот же день приняло решение о выходе Венгрии из ОВД, превращении ее в нейтральное государство и обращении в ООН с просьбой о помощи в защите суверенитета страны.

Могли ли в Москве предвидеть такой поворот событий? Судя по опубликованным документам, при обсуждении положения в Венгрии в Президиуме ЦК КПСС возможность выхода Венгрии из ОВД не рассматри-

валась. Однако на заседании 30 октября Н. С. Хрущев предложил обсудить в рамках ОВД вопрос о пребывании советских войск в странах народной демократии «с учетом мнения той страны, в которой наши войска находятся»[55]. В правительственной Декларации от 30 октября было заявлено о готовности «вступить в соответствующие переговоры с правительством ВНР и другими участниками Варшавского Договора по вопросу о пребывании советских войск на территории Венгрии»[56]. Именно этот пункт Декларации, по всей видимости, послужил формальным поводом для заявления И. Надя по радио 31 октября о решении начать переговоры с правительством СССР о выводе советских войск с территории страны[57]. Однако 31 октября советская сторона уже сделала выбор в пользу вооруженной интервенции[58].

В ряде работ продолжает фигурировать тезис, что основанием для новой военной операции, среди других причин, было прямое вмешательство антикоммунистических сил извне. Тезис о «международном империалистическом заговоре», жертвой которого якобы стала Венгрия в октябре 1956 г., долгие годы являвшийся пропагандистским клише, продолжает фигурировать с определенными нюансами в современных российских публикациях. Так, А. И. Грибков придерживается оценки, что определенные круги на Западе активно содействовали подготовке антиправительственных выступлений[59]. В основе этого утверждения — донесение министра обороны Г. К. Жукова от 1 ноября 1956 г., согласно которому представители «буржуазной и помещичьей реакции» в массовом порядке переправлялись в страну через австрийскую границу[60].

Аналогичную точку зрения высказывают и другие военные исследователи. Так, в упомянутой работе «Засекреченные войны. 1950—2000 гг.» без ссылок на источники указывается, что группы диверсантов из бежавших на Запад хортистов и нилащистов готовились в Западной Германии и перебрасывались самолетами в Австрию, а оттуда на санитарных самолетах и машинах в Венгрию[61]. О подрывной деятельности Запада, в том числе США, и переброске в Венгрию групп боевиков, венгров по национальности, говорится в статье В. А. Гаврилова «“Черный октябрь” 1956-го...»[62]

Александр Широкорад в вышеупомянутой статье «Советский “Вихрь” над Венгрией...», анализируя истоки венгерского кризиса, попытался опровергнуть тезис, согласно которому острота венгерских событий была связана исключительно с предшествующей репрессивной политикой сталиниста М. Ракоши и ошибками венгерского руководства. По его мнению, на ожесточенный характер сопротивления повстанцев влияли такие факторы, как активное участие в восстании профессиональных военных:

на протяжении 1953—1955 гг. венгерские военнопленные численностью до 500 тыс. человек, вернулись в страну. К тому же, подчеркивает автор, подавляющее большинство венгров не считали свою страну виновной в развязывании Второй мировой войны и полагали, что «Москва поступила с Венгрией крайне несправедливо»[63]. Все это усиливало антисоветскую направленность восстания.

Пусковым механизмом венгерского кризиса, несомненно, являлись внутренние факторы и, прежде всего, недовольство населения медленными темпами десталинизации и демократизации, тяжелым экономическим положением, ущемлением суверенитета страны как следствием ее пребывания в советском блоке. Вместе с тем отмеченные выше вопросы, связанные с непосредственной помощью извне венгерским повстанцам, остаются открытыми для дискуссий и не должны выпадать из поля зрения исследователей*.

В отечественной историографии развитие операции «Вихрь», начавшейся 4 ноября 1956 г., нашло отражение в статье А. М. Кырова[64] и воспоминаниях Е. И. Малашенко. Безусловно, ценным источником являются донесения министра обороны СССР маршала Г. К. Жукова, направлявшиеся в период с 4 по 10 ноября в Президиум ЦК КПСС[65]. Главным пробелом при изучения военной стороны событий после 4 ноября является отсутствие у исследователей основополагающего документа — боевой директивы или приказа, определявшего общие цели операции «Вихрь» в целом и задачи отдельным соединениям. По свидетельству ряда историков, в архивах обнаружены только выписки из соответствующего приказа, а также рапорты командиров соединений и начальников политорганов вышестоящему командованию о его выполнении.

По-прежнему существует разнобой в данных о численности советских войск, принимавших участие в операции. Стыкалин, например, приводит цифру 60 тыс. человек и сильно завышенные данные о количестве боевой техники — 6 тыс. танков[66]. Малашенко привел другие цифры, указав, что в ноябре в составе советских войск в Венгрии было 14 дивизий, в том числе семь механизированных, четыре стрелковые, одна танковая и две воздушно-десантные. Общая численность войск, по его подсчетам, составляла около 100 тыс. человек[67]. Он уточнил также факты, связанные с организацией управления операцией. 1 ноября руководство советскими

* В связи с этим заинтересованным исследователям следует обратить внимание на материалы рассекреченного доклада ЦРУ США об операциях американской разведки в Венгрии, размещенные 31 октября 2006 г. на вэб-сайте Архива национальной безопасности Университета им. Дж. Вашингтона (www.nsachive.org).

войсками в Венгрии возглавил Главнокомандующий ОВС ОВД маршал И. С. Конев. Ему были подчинены группа Генерального штаба во главе с М. С. Малининым и все войска — Особый корпус, 8-я механизированная и 38-я армии, 177-я, 195-я авиационные дивизии, а также 7-я и 31-я гвардейские воздушно-десантные дивизии. Назначенный в ноябре комендантом Будапешта К. Е. Гребенник никакого отношения к действиям войск не имел[68]. Изучивший документы ЦАМО РФ А. М. Кыров приводит данные, что в операции участвовали 17 дивизий, из них механизированных — 8, танковых — 1, стрелковых — 2, зенитно-артиллерийских — 2, авиационных — 2 и воздушно-десантных — 2[69]. Имеющиеся разночтения могли бы быть сняты по мере изучения документов военно-оперативного характера, но они, к сожалению, находятся на особом режиме хранения и пока не могут быть введены в научный оборот.

Е. И. Малашенко отмечает, что на втором этапе боевые действия проходили в более благоприятных условиях, чем в конце октября: «Войска не были связаны противоречивыми распоряжениями от венгерского правительства. Советское командование уже не рассчитывало на совместные действия с венгерской армией». Особый корпус, как указывает автор, насчитывал около 30 тыс. человек[70].

Венгерские события показали, пишет генерал, что «привлекать войска, особенно другой страны, для восстановления общественного порядка недопустимо и нецелесообразно. Они для этого не предназначены и не подготовлены. Применяемые способы их действий — огонь, атака, захват объектов — при наведении общественного порядка не всегда возможны и эффективны, приводят к излишним жертвам мирных жителей, разрушению многих зданий, пожарам и большим потерям материальных средств и ценностей»[71].

Жертвы имелись и среди личного состава советских частей. Наибольшие потери советская сторона понесла в основном с 24 по 27 октября и с 4 по 9 ноября, причем во втором периоде жертв было почти вдвое больше[72].

По уточненным данным, за весь период боев в октябре—ноябре безвозвратные потери советских войск (убитые, умершие от ран, пропавшие без вести) составили 720 человек, а санитарные (раненые, травмированные) — 1 540 человек[73]. Среди венгерского населения в результате восстания и военных действий, по данным статистики (по всей видимости, не полным), за период с 23 октября по 31 декабря 1956 г. погибли 2 652 и ранены 19 226 человек[74].

В целом, главным военным итогом операции «Вихрь» явились стабилизация ситуации в Венгрии и обеспечение условий для военного при-

сутствия советских войск в стране. Последнее, как отмечается в ряде работ, было закреплено созданием Южной группы советских войск в соответствии с межгосударственным соглашением, о котором маршал И. С. Конев объявил 24 ноября 1956 г.[75]

Общие оценки характера советского военного вмешательства в отечественной историографии неоднозначны. Они отражают разные подходы, диктуемые подчас политическими и идеологическими пристрастиями авторов. В оценке событий сталкиваются, как правило, два полярных варианта: «кровавая контрреволюция» — «жесткое подавление народного восстания». По мнению А. М. Кырова, действия советских войск являлись «карательной акцией», «одним из тягчайших преступлений XX столетия против человечества», «агрессией против ВНР в форме вооруженного вторжения» в целях защиты интересов «коммуно-большевистского режима», его геополитических и стратегических претензий по предотвращению утраты контроля над восточноевропейскими союзниками по Варшавскому Договору[76].

По оценке А. И. Грибкова, причины военно-силовой акции СССР объяснялись рядом факторов. Во-первых, особым геополитическим положением Венгрии в системе ОВД. Страна оказалась на стыке двух возможных театров военных действий — Западного и Юго-Западного и являлась связующим звеном между ними. Потеря Венгрии и появление на ее территории войск НАТО поставили бы под угрозу стратегическую группировку войск Западного театра военных действий (ТВД) с левого его фланга (Чехословакия, ГДР, Польша) и Юго-Западного ТВД с правого его фланга (Румыния, Болгария). Во-вторых, в действие вступил морально-психологический фактор: при освобождении Венгрии только в Будапештской операции (октябрь 1944 — февраль 1945 г.) советские войска потеряли свыше 320 тыс. солдат и офицеров, «и было бы кощунством с нашей стороны... чтобы спустя одиннадцать лет отдать Венгрию противнику». И, наконец, «потеря Венгрии могла бы стать детонатором для других стран Варшавского Договора»[77].

А. С. Стыкалину принадлежит компромиссный вывод, что «силовое» решение СССР не было предопределенным и обусловливалось внешними факторами. В Венгрии, по его мнению, не было силы, на которую советская сторона могла бы опереться. Оправданием силовых действий СССР было стремление сохранить Венгрию в своей сфере влияния. В то же время военные действия явились свидетельством поражения социализма в Венгрии, так как его ценности и влияние пришлось защищать с оружием в руках[78].

«Военная энциклопедия» зафиксировала официальную точку зрения, согласно которой советская военно-силовая акция в Венгрии — это «военное вмешательство Советского Союза во внутриполитический кризис в ВНР в целях сохранения социалистического строя в стране, недопущения выхода Венгрии из Организации Варшавского Договора»[79]. Как известно, по итогам работы комиссии ЦК ВСРП 1989 г. события 1956 г. в Венгрии были определены как «народное восстание»[80].

20 октября 2006 г. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации выступил со специальным заявлением по поводу венгерских событий 1956 г., в котором, в частности, говорилось: «Венгрия отмечает в эти дни 50-летие драматических событий 1956 года. Порыв венгерского народа к свободе, решимость отстоять право определять свое будущее обернулись большими человеческими жертвами. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от имени россиян воздает дань уважения памяти всех тех, кто пострадал в те трагические дни, и выражает венгерскому народу чувства дружбы и солидарности». Далее в документе подчеркивалось: «На политической карте мира уже давно нет того государства, которое было причастно к венгерской трагедии. Российская Федерация не отвечает за действия советского руководства. Однако движимые чувством чести и достоинства, мы испытываем в душе моральную ответственность за некоторые страницы нашего прошлого, и надеемся, что современное венгерское общество по достоинству оценит искренность нашего сожаления по поводу того, что случилось в Венгрии в октябре—ноябре 1956 года». Российские сенаторы заявили, что «уроки тех событий актуальны и в сегодняшние дни, подтверждая непреложную истину — как тоталитарная система отвергает право выбора, так и демократия не может быть скроена по единому лекалу экспериментальных мастерских какой-либо страны и затем навязана другим»[81].

Подводя итоги, следует отметить, что, принимая решение об использовании военной силы в целях стабилизации обстановки в Венгрии в 1956 г., Москва исходила из оценки кризисных событий с точки зрения угрозы основам существования всей социалистической системы, а также возможного выхода отдельных государств из ОВД. В связи с геополитическим положением Венгрии объективно возрастала уязвимость границ и территории не только этой страны, но и всей восточноевропейской системы безопасности в рамках ОВД, в том числе и СССР.

Наличие дискуссионных и нерешенных вопросов диктует необходимость дальнейшего углубленного изучения роли внешнего военно-силового фактора в разрешении внутригосударственных кризисов, включая

венгерские события 1956 г., не только с познавательной точки зрения, но и с учетом актуальности данной тематики в современных условиях. Это связано с тем, что ныне возросла вероятность коалиционного взаимодействия стран в ходе военных операций в рамках тех или иных военно-политических организаций, действующих (по мандату ООН или без него) под различными предлогами, включая миротворческие операции в целях прекращения внутригосударственных конфликтов в различных регионах мира.

Примечания

[1] См., например: О событиях в Венгрии. Факты и документы. М., 1957; *Долматовский Е. А.* В Венгрии весной 1957 г. М., 1957; *Толкунов Л., Одинец М.* Венгрия сегодня. М., 1957; История Венгрии. В 3-х т. М., 1972. Т. 3.; *Безушко П. П.* Контрреволюционные силы и строительство социализма в Венгрии. М., 1971 и др.

[2] Боевое содружество, рожденное Великим Октябрем: О советско-венгерском боевом содружестве (*Бабин А. И., Жилин П. А., Дёркеи Е.* и др.). М., 1987. С. 295—299.

[3] Там же. С. 295.

[4] Там же. С. 296.

[5] Там же. С. 296—297.

[6] История Венгрии... Т. 3. С. 691.

[7] Цит. по: О событиях в Венгрии... С. 14—15.

[8] См., например: *Любищев А. А.* О смысле и значении венгерской трагедии / Предисловие. М. Д. Голубовского // Знамя. 1991. № 10. С. 173.

[9] *Алексеев В. М.* Венгрия, 1956. Прорыв цепи. М., 1996.

[10] Исторический архив. 1996. № 2, 3.

[11] *Мусатов В. Л.* О венгерских событиях: 35 лет спустя // Кентавр. 1992. № 1—2; *Он же.* Трагедия Имре Надя // Новая и новейшая история. 1994. № 1; *Желицки Б. Й.* Будапешт — Москва: год 1956-й // Советская внешняя политика в годы «холодной войны». 1945—1985. Новое прочтение. М., 1995; *Стыкалин А. С., Орехова Е. Д.* Венгерские события 1956 года и позиция руководства СССР (По материалам ЦХСД) // Славяноведение. 1994. № 3; *Стыкалин А. С.* 1956-й: XX съезд и «венгерские события» // Свободная мысль. 1996. № 10; *Он же.* В преддверии взрыва. Углубление политического кризиса в Венгрии и политика СССР (март—октябрь 1956 г.) // Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран / Отв. ред. Ю. С. Новопашин. М., 1997; *Он же.* Еще раз о трактовке венгерских событий 1956 года // Вопросы истории. 1998. № 10; Венгрия 1956 года. Очерки истории кризиса. М., 1993; Политические кризисы и конфликты 50—60-х годов в Восточной Европе. М., 1993 и др.

[12] *Мусатов В.* Предвестники бури. Политические кризисы в Восточной Европе. 1956—1981. М., 1996.

[13] *Хрущев Н. С.* Воспоминания // Вопросы истории. 1994. № 5.

[14] *Малашенко Е. И.* Особый корпус в огне Будапешта // Военно-исторический журнал. 1993. № 10—12; *Грибков А. И.* Судьба Варшавского Договора. М., 1998.

[15] United Nations. Report of the Special Committee on the problem of Hungary. New York, 1957. Перевод доклада на русск. яз. см.: Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 49. Д. 2—3. Широкий круг источников, включая архивные документы из бывших стран Организации Варшавского Договора, использует в своих изданиях по проблематике холодной войны Архив национальной безопасности — неправительственный исследовательский центр при Университете им. Дж. Вашингтона в США. В сентябре 1996 г. Архив явился одним из организаторов международной конференции в Будапеште «Венгрия в мировой политике. 1956. Новые архивные документы».

[16] Советский Союз и венгерский кризис 1956 года / Ред.-сост. *Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин.* М., 1998.

[17] Статья опубл. в: Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран. М.,1997. С. 107—130.

[18] Книга памяти. Т. 10. 1946—1982. М., 1999. С. 252—270.

[19] Советская военная акция в Венгрии 1956 г. // Военная энциклопедия. М., 2003. Т. 7. С. 539—540.

[20] Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных Сил. Историко-статистическое исследование / Под общей ред. Г. Ф. Кривошеева. М., 2005.

[21] *Лавренов С. Я., Попов И. М.* Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М., 2003. С. 142—185.

[22] *Рогоза С. Л., Ачкасов Н. Б.* Засекреченные войны. 1950—2000 гг. СПб., 2004. С. 73—99.

[23] Сражения, изменившие ход истории: 1945—2004 (*А. В. Баранов, А. А. Герман, Д. М. Креленко, Е. Ю. Лыкова, Ю. Г. Степанов*). Саратов, 2005. С. 421—439.

[24] Опубл.: Военно-промышленный курьер. 2006. 8—14 нояб.

[25] Опубл.: Независимое военное обозрение. 2006. 3—9 нояб.

[26] *Малашенко Е. И.* Вспоминая службу в армии. М., 2003. С. 105.

[27] *Грибков А. И.* Указ. соч. С. 89—90.

[28] *Рогоза С. Л., Ачкасов Н. Б.* Указ. соч. С. 75.

[29] *Стыкалин А. С.* Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003. С. 123. Текст Варшавского договора см.: Организация Варшавского Договора. 1955—1975. Документы и материалы. М., 1975.

[30] *Стыкалин А. С.* Прерванная революция... С. 121.

[31] Там же.

[32] *Малашенко Е. И.* Вспоминая службу... С. 112.

[33] 1956. Осень в Будапеште. М., 1996. С. 90—131; *Кыров А. М.* Советская карательная акция в Венгрии (Хроника событий 1956 г. по материалам военного архива) // Конфликты в послевоенном развитии... С. 108; *Стыкалин А. С.* Прерванная революция... С. 124.

[34] *Малашенко Е. И.* Особый корпус... // Военно-исторический журнал. 1993. № 10. С. 24—25; *Карпиченко Н., Кыров А.* От плана «Волна» к операции «Вихрь» // 1956. Осень в Будапеште. С. 90—131.

[35] Немеркнущая слава: от воинов-интернационалистов до миротворцев. М., 2004. С. 229.

[36] *Малашенко Е. И.* Вспоминая службу... С. 113.

[37] *Стыкалин А. С.* Прерванная революция... С. 124.

[38] Там же. С. 122.

[39] Советский Союз и венгерский кризис... С. 242—243.

[40] *Бжезинский З., Хантингтон С.* Вмешательство: Куба и Венгрия // 1956. Осень в Будапеште. С. 231.

[41] *Стыкалин А. С.* Прерванная революция... С. 126—127.

[42] *Малашенко Е. И.* Особый корпус... // Военно-исторический журнал. 1993. № 10. С. 28—29; Советский Союз и венгерский кризис... С. 373.

[43] *Малашенко Е. И.* Вспоминая службу... С. 123.

[44] Там же. С. 126.

[45] Советская военная акция в Венгрии... С. 539.

[46] Советский Союз и венгерский кризис... С. 367.

[47] *Малашенко Е. И.*Вспоминая службу... С. 145.

[48] Советский Союз и венгерский кризис... С. 386.

[49] Там же. С. 331.

[50] *Кыров А. М.* Советская карательная акция в Венгрии... С. 116.

[51] Там же. С. 117, 116.

[52] *Стыкалин А. С.* Прерванная революция... С. 154.

[53] Военно-промышленный курьер. 2006. 8—14 нояб.

[54] *Гибианский Л. Я.* Н. С. Хрущев, И. Броз Тито и венгерский кризис 1956 г. // Новая и новейшая история. 1999. № 1.

[55] Советский Союз и венгерский кризис... С. 457—458.

[56] Там же. С. 466.

[57] Там же. С. 470—471.

[58] Там же. С. 479—481.

[59] *Грибков А. И.* Указ. соч. С. 90.

[60] Там же. С. 99—100.

[61] *Рогоза С. Л., Ачкасов Н. Б.* Указ. соч. С. 79—83.

[62] Военно-промышленный курьер. 2006. 8—14 нояб.

[63] Независимое военное обозрение. 2006. 3—9 нояб.

[64] *Кыров А. М.* Советская карательная акция в Венгрии... С. 118.

[65] Советский Союз и венгерский кризис... С. 578—638.

[66] *Стыкалин А. С.* Прерванная революция... С. 164.

[67] *Малашенко Е. И.* Вспоминая службу... С. 163.

[68] Там же. С. 170.

[69] *Кыров А. М.* Советская карательная акция в Венгрии... С. 121.

[70] *Малашенко Е. И.* Вспоминая службу... С. 172.

[71] Там же. С. 178.

[72] Книга памяти. Т. 10. С. 252—253.

[73] Россия и СССР в войнах XX века... С. 608.

[74] Советский Союз и венгерский кризис... С. 560; Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и боевых конфликтах. Статистическое исследование / Под ред. Г. Ф. Кривошеева. М., 1993. С. 397.

[75] Советская военная акция в Венгрии... С. 540; Сражения, изменившие ход истории... С. 433.

[76] *Кыров А. М.* Советская карательная акция в Венгрии... С. 124.

[77] *Грибков А. И.* Указ. соч. С. 102—103.

[78] *Стыкалин А. С.* Прерванная революция... С. 217—227.

[79] Советская военная акция в Венгрии... С. 539.

[80] Там же. С. 540.

[81] http://www.nesru.com/russia/20oct2006/regret.html.

В. Мигев
(Институт истории БАН)

Отзвуки венгерской революции 1956 года в Болгарии. (Некоторые аспекты проблемы)

Венгерская революция (23 октября — 4 ноября 1956 г.) явилась первым серьезным ударом по устоям советской системы, созданной после Второй мировой войны. Она оказала определенное воздействие на международное коммунистическое движение и в целом на всю ситуацию в мире.

До настоящего времени отражение венгерских событий в Болгарии не было объектом всестороннего научного исследования. Отдельные сюжеты рассмотрела в своей монографии о процессах, развивавшихся внутри советского блока во второй половине 50-х годов XX в., И. Баева[1], однако ее наблюдения строятся на ограниченной источниковой базе и имеют, скорее, обзорный, иллюстративный характер. В свое время автор этих строк обратился к данной проблеме, сосредоточившись на изучении болгарской общественно-политической жизни середины 50-х годов[2].

Накануне венгерских событий внутриполитическая обстановка в Болгарии была исключительно сложной. После пленума ЦК БКП в начале апреля 1956 г., проведенного в духе XX съезда КПСС, в партийных кругах поднялась волна острой критики негативных проявлений режима и сложившейся на протяжении последних восьми-девяти лет обстановки в стране. Политическое руководство сумело стабилизировать ситуацию лишь с большим трудом[3]. В качестве ответной реакции оно восприняло курс на подавление любых проявлений свободомыслия, что привело к определенной стагнации общества[4]. Только в отдельных партийных организациях творческой и научной интеллигенции продолжала звучать критика, причем кое-где она имела не просто острый, но и обобщающий, т. е. распространяющийся на всю социалистическую систему, характер[5].

В первую неделю революции в Венгрии болгарские граждане получали информацию о происхоивших событиях только из кратких сообщений ТАСС, которые перепечатывались болгарскими газетами дословно и без каких-либо комментариев[6]. Для общественности это был знак, что болгарские руководители не осмеливаются открыто заявить свою позицию и ждут указаний из Москвы. В первую очередь по этой причине у населения усилился интерес к передачам западных и югославских радиостанций[7].

С 25 по 29 октября 1956 г. на специальных собраниях партийный актив был более или менее обстоятельно проинформирован о положении в Венгрии. В оперативно подготовленном материале ЦК БКП главный акцент был сделан на ошибках, допущенных прежним венгерским руководством. В выступлениях присутствовавших на этих собраниях членов партии сквозило недоумение по поводу столь быстрого падения коммунистической государственной системы в Венгрии: до той поры режимы сталинского типа казались непоколебимыми. Звучали требования установить в Болгарии красный террор. Подобные угрозы раздавались и с партийного Олимпа: так, на встрече с партактивом Софии 2 ноября 1956 г. Тодор Живков заявил, что если «враг» поднимет голову в Болгарии, то придется вернуться к чрезвычайным мерам, применявшимся после 9 сентября 1944 г. к «врагам народа»[8], когда репрессии вершились без суда и следствия.

Уже на следующий день после начала венгерской революции болгарская милиция и внутренние войска МВД (жандармерия) были приведены в состояние повышенной боевой готовности, усилена охрана предприятий, введено ночное патрулирование в городах. В этих мероприятиях участвовали члены БКП и Союза молодежи. Секретарям парторганизаций и членам партии с дореволюционного периода (вступившим в БКП до 9 сентября 1944 г.) было роздано оружие. Позднее были сформированы и вооружены так называемые рабочие отряды. Во время их учений имитировалось отражение нападения извне[9].

24 октября службы госбезопасности начали усиленное наблюдение за так называемым вражеским контингентом. Попавшие в этот разряд граждане, опасаясь репрессий, проявляли осторожность. В информации осведомителей госбезопасности указывалось, что в узком дружеском кругу они выражали радость в связи с развитием событий в Венгрии, но считали, что в Болгарии подобное невозможно из-за «рабского духа нашего народа». Более активно реагировала молодежь. В некоторых средних школах появились листовки антиправительственного и антисоветского содержания. В отдельных вузах студенты открыто выступили против преподавания идеологических дисциплин и широкого изучения русского языка, выражали недовольство: «Всегда мы последние, всегда плетемся в хвосте, слепо идем за Советским Союзом». Однако после принятых крутых мер подобные открытые высказывания быстро сошли на нет[10].

Венгерская революция была с радостью встречена и значительными кругами интеллигенции, особенно ее творческой частью. Соответствующие высказывания в узком кругу через информаторов становились известными сотрудникам госбезопасности[11].

В конце 1956 — начале 1957 г. в Болгарии был отмечен рост числа нелегальных групп[12]. В крупных городах в почтовые ящики бросали листовки с угрозами «предстоящей расправы с коммунистами». На дверях некоторых домов появились метки «БЖ» (будущая жертва)[13]. Хотя эти случаи были редкими, в официальной и неофициальной пропаганде они усиленно педалировались в целях оправдания ответных репрессивных мер со стороны власти и для консолидации партийной массы.

Репрессии, действительно, не заставили себя ждать. Рано утром 5 ноября по заранее подготовленным спискам были арестованы 372 человека, которых отправили в восстановленный концлагерь у села (ныне город) Белене. Впоследствии туда доставляли новых арестованных[14] из вышеупомянутого «вражеского контингента», причем подавляющее большинство их не занимались никакой политической деятельностью, тем более не имели враждебных проявлений. Из Софии и других крупных городов выселялись сотни семей, сотни студентов, отнесенных к категории лиц «вражеского или плохого социального происхождения», были исключены из вузов только за один год. В таких действиях явно проявился страх властей перед возможными выступлениями студентов, поскольку в Венгрии события начались именно со студенческой демонстрации. В силу этого органы госбезопасности резко усилили наблюдение за настроениями в высших учебных заведениях[15]. Газеты публиковали материалы, нагнетавшие напряженность и отразившие намерение создать в обществе представление об «активизации классового врага»[16]. Иными словами, страну очень быстро удалось вернуть в обстановку первых лет после 9 сентября 1944 г.

В условиях искусственно подогреваемого психоза в ряде мест экстремистские и люмпенизированные элементы из числа членов БКП и Союза молодежи перешли к активным действиям — угрозам, издевательствам и даже избиениям — против потенциальных «врагов». Во второй декаде ноября 1956 г. ЦК БКП был вынужден принять энергичные меры для прекращения подобных действий, чреватых непредсказуемыми последствиями[17].

Одним из наиболее существенных результатов воздействия венгерских событий на БКП явилось «отвердевание» членской массы компартии, усиление в ее рядах сектантства и ретроградства. Правящие круги решили использовать эти явления, и в конце ноября ЦК направил во все партийные структуры письмо «О некоторых неотложных задачах партийных организаций». Оно содержало призыв усилить «революционную бдительность», провести чистку партийных рядов от «чуждых, карьерист-

ских и случайных элементов», развернуть борьбу против буржуазной идеологии и ревизионизма. Незадолго до этого с аналогичным письмом выступил и ЦК КПСС.

Письмо ЦК БКП способствовало еще большему усилению сектантства: распространение получили призывы к чистке государственного аппарата и преподавательского состава вузов, обузданию «распоясавшейся» художественно-творческой интеллигенции, ведению более результативной борьбы с растущим влиянием Запада среди молодежи и т. д., и т. п.[18] В конце 1956 г. началась чистка рядов БКП, но она имела сравнительно ограниченные масштабы[19].

Усиление ретронастроений в партии нашло отражение и в негативном отношении к решениям XX съезда КПСС, выраженном публично. На местах отдельные члены партии заявляли, что венгерские события опровергли установки съезда о возможности мирного перехода к социализму и об ошибочности сталинского тезиса об обострении классовой борьбы в переходный период. XX съезд КПСС был подвергнут и глобальной атаке: своими решениями он якобы «питал ревизионизм», а «из-за грубой критики Сталина сегодня мы стали свидетелями событий в Венгрии и Польше»[20].

Более того, в связи с полученной в ЦК БКП информацией о том, что новое польское руководство и пришедшее к власти в Венгрии в результате восстания правительство находились под сильным югославским влиянием, усилилась неприязнь болгарских коммунистов к югославам. На партсобраниях звучали вопросы: «Не поспешили ли Хрущев и Булганин, объявив в 1955 г. Тито марксистом-ленинцем?», «Не следует ли вернуться к оценкам Тито, данным Сталиным в 1948 г., которые оказались совершенно правильными?»[21]

Реакционные настроения, характерные для БКП, перекинулись в массовые организации и там сознательно подогревались. Так, например, первым делом организаций Союза молодежи стало исключение из его рядов всех «провинившихся» во время событий 1956 г. Повсюду со своих постов освобождались лица «несоответствующего социального происхождения», несмотря на то, что они в большинстве своем не давали никакого повода для подобного наказания[22].

Сектантские настроения нашли отражение также в наиболее массовой общественной организации — Отечественном фронте (ОФ). Тон задавали коммунисты-члены этой организации. Они настаивали на массовой чистке «врагов» ОФ, на восстановлении практики 1944—1948 гг., когда людей принимали на работу только по справке ОФ о благонадежности, и пр., и пр.[23]

Власти усилили свое внимание к профсоюзам. Осенью 1956 г. по примеру Югославии в Польше и Венгрии стали создаваться рабочие советы на предприятиях, которые быстро оттеснили на задний план прежние закоснелые и безыдейные казенные профсоюзы. Новые руководители обеих стран В. Гомулка и Я. Кадар в целом поддержали создание рабочих советов, высказавшись только против их превращения в общенациональные институты с центральным руководством. Болгарские руководители, проконсультировавшись в Москве, не разрешили создавать рабочие советы в стране. Но в то же время рядом нормативных актов они расширили правомочия профсоюзов и приняли меры для усиления их авторитета в обществе[24].

Венгерские события заставили болгарские власти ускоренными темпами приступить в решению наболевших социальных проблем и внести тем самым успокоение в общество. Одной из таких проблем было снабжение населения хлебом. Из-за плохого урожая 1956 г. и расстройства сельского хозяйства в ходе масштабной коллективизации хлебный баланс в стране был нарушен, что вынудило Совет министров 28 сентября принять решение о восстановлении отмененной в 1952 г. карточной системы снабжения хлебом непроизводительного населения[25]. Несмотря на это, из-за слабой организации во многих городах страны хлеба по-прежнему не хватало, люди с ночи выстраивались в очереди, перед хлебопекарнями возникали столпотворения и беспорядки. Массовое недовольство быстро шло к критической точке[26]. Во властных структурах возникла тревога, что все это спонтанно может привести к событиям, подобным венгерским. В конце октября 1956 г. был срочно запрошен натуральный заем зерна в СССР, который сразу же был предоставлен, хотя незадолго до этого, в сентябре, болгарам было в нем отказано. Уже 1 ноября после получения подтверждения из Москвы о предоставлении займа болгарские средства массовой информации сообщили об отмене решением ЦК партии и Совета министров всех ограничений в снабжении населения хлебом[27].

Основные мероприятия по улучшению дел в социальной сфере не являлись прямым следствием событий в Венгрии: соответствующее принципиальное решение было принято еще на апрельском (1956 г.) пленуме ЦК БКП. Но тогда говорилось о поэтапном — на протяжении двух-трех лет — проведении реформ и с учетом экономических возможностей страны. Теперь же возникла необходимость приступить к преобразованиям в социальной сфере в ускоренном темпе. В ноябре—декабре 1956 г. последовали постановления об увеличении размера низких зарплат и пенсий, а также пособий на детей, о предоставлении пенсий огромной массе

членов сельскохозяйственных кооперативов — ТКЗХ, о принятии государством на себя накладных расходов в рабочих столовых, в результате чего цены в них снизились на 25%. Было отменено также и принятое незадолго до этого решение о проведении в 1957 г. среди населения подписки на внутренний государственный заем, опубликован проект нового закона о пенсионном обеспечении граждан, предусматривавший гораздо более благоприятные условия назначения пенсий для некоторых категорий рабочих и служащих[28].

В этом ряду стояли и другие мероприятия, в частности предоставление преимуществ кооперативному и индивидуальному жилищному строительству, денационализация жилья, которое, как теперь признавалось, было незаконно изъято у собственников в 1948 г., снижение цен на лекарства и пр. Согласно внесенным в 1957 г. поправкам в Кодекс о труде, зарегистрировавшимся на бирже безработным в течение определенного времени обеспечивалась выплата пособий[29].

* * *

Как уже отмечалось, пропагандистская линия режима в это время не была самостоятельной, она полностью повторяла советскую.

Первый болгарский комментарий событий в Венгрии появился в печати лишь 27 октября 1956 г. В нем говорилось о «подъеме фашистских сил» в этой стране и «попытке реставрации капитализма». Отношение к первому правительству Имре Надя было сдержанно положительным. В качестве определяющей называлась тенденция к нормализации обстановки в стране и снятию напряженности[30].

Когда в конце месяца было создано второе правительство Надя, произошел переход к плюралистско-парламентской системе и объявлено о нейтралитете и выходе Венгрии из Варшавского договора, тональность пропагандистских материалов в Болгарии резко изменилась. Новое венгерское правительство оказалось под градом нападок: утверждалось, что теперь «контрреволюция» поднимается не только «снизу», но и «сверху». Появилась и новая оценка положения в стране: полная разруха, анархия, кровавая вакханалия «беснующихся фашистов» и пр. В течение длительного времени информация из Венгрии ограничивалась описанием «контрреволюционного террора»[31]. Действительно, там имелись случаи насилия со стороны отдельных повстанцев[32], но в болгарских средствах массовой информации они непомерно преувеличивались.

Подавление восстания советскими войсками было расценено как «восстановление власти рабочего класса, который, наконец-то, после двенадцатидневных беспорядков взял судьбу страны в свои руки». О сопротивлении населения правительству Яноша Кадара, об огромной волне стачечного движения не давалось почти никакой информации. Только 24 ноября было перепечатано сообщение советского официоза — газеты «Правда» о всеобщей стачке в стране[33].

Во внутриполитическом плане пропаганда велась исходя из задачи «сплочения народа вокруг партии и правительства», «зоркой бдительности против возможной вылазки врага» и пр. Категорически утверждалось, что все усилия изменить режим в Болгарии «разобьются в пух и прах»[34].

В эти дни отчетливо проявилась ущербность официальной пропаганды, выражавшаяся в ограниченности и грубой тенденциозности, страхе ошибиться и отсутствии самостоятельных оценок. На партийных собраниях, несмотря на тщательно подобранный состав выступающих, члены БКП указывали именно на эти негативные черты. Важный акцент в выступлениях на данную тему — слабая эффективность пропаганды, ее оторванность от жизни[35].

Наиболее существенным новым моментом в идеологической работе БКП явилось выведение на передний план борьбы против «ревизионизма», остававшееся вплоть до конца 1950-х годов основным направлением в пропагандистской деятельности. Главным здесь с подачи советской пропаганды было «разоблачение» позиций югославского руководства. Болгарские власти подвергли критике несколько основных установок югославов, в частности определение ими венгерских событий как «народного восстания против существующей системы», деление коммунистических партий на сталинистские и несталинистские и др. Югославских руководителей обвиняли в отрицании руководящей роли коммунистической партии в обществе, равно как и плановой экономики, в допущении свободного распространения буржуазной идеологии и пр.[36]

Вопреки, а, может быть, и благодаря этому, интерес болгарской общественности к позициям югославского и нового польского руководства, как и руководителей итальянской компартии, был весьма велик[37].

События в Венгрии имели резонанс во всем мире. В странах Западной Европы поднялось сильное движение протеста против советского вторжения, причем, в нем участвовали и видные представители левых сил. Обо всем этом рядовой болгарин не был информирован. За период с 23 октября по 31 декабря 1956 г. болгарский официоз напечатал всего два сообщения о движении протеста на Западе, причем оба были перепечаткой

материалов газеты французской компартии «Юманите». В обоих сообщениях, написанных односторонне и тенденциозно, речь шла только о Франции. Массовому читателю не сообщалось о серьезных разногласиях в международном коммунистическом движении, равно как и о тяжелом кризисе, переживаемом теми западноевропейскими компартиями, которые сохранили традиционную просоветскую ориентацию.

Страх руководителей и значительной части членской массы БКП перед возможным крахом режима по примеру Венгрии вызвал мощную волну критики в партии, сходную по своей силе с выступлениями после апрельского пленума. Но если тогда выступления носили главным образом разоблачительный характер, то теперь отчетливо проявилось желание улучшить систему во имя ее сохранения. Настойчиво выдвигались требования скорейшей ликвидации безработицы и жилищного кризиса в городах, устранения серьезных неполадок в снабжении и торговле[38]. Определенную остроту приобрел вопрос о преодолении серьезных недостатков в работе государственного аппарата и особенно милиции, судебных органов и прокуратуры, где наблюдалось массовое нарушение законности. Выдвигались настойчивые требования положить конец практике, делавшей невозможными критические выступления в адрес руководителей, открывавшей простор семейственности, телефонному «праву» и пр.[39]

В январе 1957 г. на пленуме ЦК БКП было принято решение сократить число министерств. По решению Политбюро ЦК от 9 мая 1957 г. в учреждениях стали ликвидировать отделы кадров, являвшиеся фактически подразделениями госбезопасности. Было дано указание очистить личные дела граждан от клеветнических доносов, накапливавшихся годами[40]. Весной и летом произошли изменения в системе образования, которая была освобождена от некоторых нетрадиционных для Болгарии структур, введенных в свое время в результате копирования советской модели[41]. По постановлению Совета министров, принятому летом 1957 г., стали осуществляться меры по сокращению безработицы в городах.

В условиях полного триумфа ретроградных настроений в БКП едва ли не единственным «оазисом» свободомыслия в тот период оставалась парторганизация Союза болгарских писателей. Здесь по-прежнему раздавались критические голоса против шаблона, схематизма и ограничения свободы творчества, выдвигались требования покончить с навешиванием политических ярлыков на любые нестандартные оценки или высказывания[42].

Мастера слова резко осуждали старательно насаждавшиеся критические настроения в обществе в отношении творческой интеллигенции[43]. Действительно, руководство страны на закрытых партийных форумах

крайне негативно оценивало позиции художественно-творческой интеллигенции, старалось сформировать устойчивое отрицательное отношение к ней. Так, на вышеупомянутой встрече 2 ноября 1956 г. Т. Живков выступил против «той гнили [среди интеллигенции], которая пытается поднять в стране знамя изжитых, антимарксистских настроений во имя, не знаю, какой-то там свободы и которая пытается захватить в свои руки редакции некоторых изданий»[44]. На пленуме партии 11—12 июля 1957 г. министр просвещения и культуры Демир Янев заявил: «Грязную пену на идеологическом фронте следует решительно смыть. Нужно навести порядок в среде писателей, журналистов, художников, профессоров и пр.»[45] На заседаниях Софийского городского комитета партии с неприкрытой неприязнью говорилось о Клубе журналистов, кафе «Болгария», где собирались представители художественно-творческой интеллигенции Софии, как о «средоточии сплетен», «центрах анекдотов»[46].

Эта кампания оказывала влияние и на простых граждан. В партийных организациях нередко можно было слышать злые реплики в адрес «разных писак с большими гонорарами, которые не знают счета деньгам в то время, как мы влачим нищенское существование»[47].

Но одновременно партийное и государственное руководство начало активно обхаживать художественно-творческие круги (что до весны 1957 г. делало скрытно) с тем, чтобы на возможно более длительный срок сохранить неприязнь рядовых граждан к деятелям культуры.

* * *

Венгерские события 1956 г. оказали большое влияние на правящий режим в Болгарии и привели к его значительным изменениям. Во внутриполитическом плане власти некоторое время пользовались определенными дивидендами — произошла консолидация существенной части членской массы партии вокруг ЦК и ее активизация в поощряемом руководством направлении. Все это привело к укреплению режима и дало возможность правящей элите более легко и с меньшими потерями проводить свою линию. Рассматривая теперь с критических позиций сложившуюся систему, они более отчетливо стали представлять себе ее разительные недостатки, которые старались преодолеть или хотя бы сгладить.

В более долгосрочной перспективе, однако, венгерские события оказались для правящих кругов миной замедленного действия. Прежде всего рассеялась иллюзия, питаемая болгарским обществом, о гранитной прочности режимов сталинского типа. Кроме того, стало ясно, насколько

хрупким и половинчатым был процесс либерализации этих режимов, коль скоро в Болгарии, например, в течение трех-четырех дней удалось вернуться к «чистому сталинизму» периода 1948—1953 гг. И, наконец, отчетливо проявились сущностные черты официальной пропаганды — грубая тенденциозность, примитивизм и ограниченность, что привело к потере ею в значительной степени и на длительное время влияния на болгарскую общественность.

Примечания

[1] *Баева И.* Източна Европа след Сталин. 1953—1956. Полша, Унгария, Чехословакия и България. София, 1995. С. 287—294.

[2] *Мигев В.* Отраженитето на унгарските събития през 1956 г. върху българския общественополитически живот // Известия на държавните архиви. 1995. Т. 70. С. 17—42.

[3] *Мигев В.* Несъстоялата се «Априлска пролет» на България — 1956 г. // Исторически преглед. 1993. № 4—5. С. 75—94.

[4] Централен държавен архив на Република България (далее — ЦДА). Ф. 1-Б. Оп. 5. А. е. 252; Държавен архив (Далее — ДА) — Бургас. Ф. 2-Б. Оп. 1. А. е. 1342. Л. 184; ДА-В.Търново. Ф. 1-Б. Оп. 1. А. е. 795. Л. 26.

[5] ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 5. А. е. 232. Л. 8—43; Оп. 1. А. е. 83. Л. 3—16, 26, 38, 42, 48, 54, 59—62 и др.

[6] Работническо дело. 1956. 25—30.X, № 299—304.

[7] Архив на Министерство на вътрешните работи (далее — АМВР). Ф. 13. Оп. 1. А. е. 1457, Л. 8—10; ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 5. А. е. 275. Л. 133.

[8] ЦДА. Ф. 1-б. Оп. 15. А. е. 666. Л. 4—8; ДА-София. Ф. 1-В. Оп. 23. А. е. 26. Л. 139, 145, 151; ДА-Варна. Ф. 2-Б. Оп. 1. А. е. 238. Л. 65—69; ДА-Бургас. Ф. 2-Б. Оп. 1. А. е. 1442. Л. 10—13; А. е. 1356. Л. 25—26.

[9] АМВР. Ф. 13. Оп. 1. А. е. 1457. Л. 42; ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 5. А. е. 353. Л. 137.

[10] Там же. ЦДА. Ф. 1053. Оп. 3. А. е. 98. Л. 462—463; Оп. 4. А. е. 301. Л. 61—62; ДА-София. Ф. 3-В. Оп. 13. А. е. 2. Л. 56 и др.

[11] АМВР. Ф. 13. Оп. 1. А. е. 1475. Л. 9; ДА-София. Ф. 1-В. Оп. 24. А. е. 21. Л. 165.

[12] Там же. А. е. 1477. Л. 1—4; А. е. 1478. Л. 4; ЦДА. Ф. 28. Оп. 14. А. е. 27. Л. 52 и др.

[13] ЦДА. Ф. 28. Оп. 14. А. е. 27. Л. 116.

[14] Там же. Ф. 136. Оп. 20. А. е. 147. Л. 1—9; АМВР. Ф. 23. Оп. 1. А. е. 111. Л. 1, 50.

[15] ДА-София. Ф. 1-Б. Оп. 1. А. е. 1131. Л. 47—49; Ф. 131-В. Оп. 1. А. е. 4. Л. 5; Ф. 3-В. Оп. 13. А. е. 2. Л. 22; АМВР. Оп. 13. А. е. 1327. Л. 16. А. е. 1476. Л. 5.

[16] Работническо дело. 1956. 6.XI. № 311, 23.XII. № 358.

[17] ДА-София. Ф. 2-Б. Оп. 1. А. е. 1131. Л. 247—248; Ф. 1-В. Оп. 24. А. е. 1. Л. 43; ДА-Бургас. Ф. 2-В. Оп. 1. А. е. 1427. Л. 12.

[18] ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 5. А. е. 270. Л. 427; А. е. 281. Л. 3—4; ДА-Хасково. Ф. 4-Б. Оп. 2. А. е. 212. Л. 310; ДА-Враца. Ф. 2-Б. Оп. 2. А. е. 52. Л. 24.

[19] Там же. А. е. 252. Л. 13, 30; ДА-София. Ф. 1-В. Оп. 24. А. е. 8. Л. 54—55; Ф. 73-В. Оп. 2. А. е. 6. Л. 9—12.

[20] Там же. А. е. 316. Л. 9; ДА-София. Ф. 407-В. Оп. 2. А. е. 1. Л. 2, 12; ДА-Бургас. Ф. 2-Б. Оп. 1. А. е. 1427. Л. 4—6.

[21] ДА-София. Ф. 50-В. Оп. 2. А. е. 3. Л. 26; ДА-Враца. Ф. 2-Б. Оп. 1. А. е. 544. Л. 107; ДА-Варна. Ф. 2-Б. Оп. 1. А. е. 233. Л. 70—71.

[22] ДА-София. Ф. 2-Б. Оп. 1. А. е. 1121. Л. 96; Ф. 1-в. Оп. 24. А. е. 4.; Оп. 25. А. е. 1. Л. 9—18.

[23] ЦДА. Ф. 28. Оп. 13. А. е. 8. Л. 119, 167; Оп. 14. А. е. 27. Л. 180, 185, 335.

[24] Там же. Ф. 55. Оп. 4-п. А. е. 4. Л. 84; А. е. 10; А. е. 15-б. Л. 123—129; ДА-София. Ф. 830-В. Оп. 1. А. е. 20, 24; Работническо дело. 1957.8.II. № 39; БКП в резолюции и решения на конгресите, пленумите, конференциите и Политбюро на ЦК. София, 1955. Т. IV. С. 106, 114, 209—212.

[25] ЦДА. Ф. 136. Оп. 22. А. е. 358. Л. 1—4.

[26] Там же. Оп. 28. А. е. 27. Л. 183; А. е. 127. Л. 330.

[27] Работническо дело. 1956.1.XI. № 306.

[28] ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 6. А. е. 3147. Л. 110—112, 128; А. е. 3055. Л. 41, 44; Работническо дело. 1956. 24.XI. № 329, 27.XI. № 332. 5.XI. № 340.

[29] ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 6. А. е. 3147. Л. 29, 33; Ф. 136. Оп. 22. А. е. 452; А. е. 429; Оп. 24. А. е. 2. Л. 8; А. е. 262. Л. 24—26.

[30] Работническо дело. 1956. 27.X. № 301, 1.XI. № 306.

[31] Там же. №№ 307—322; Литературен фронт. 1956. 15.XI. № 46.

[32] *Михник А.* Коленичи се само пред бога. София, 1993. С. 83.

[33] Работническо дело. 1956. 6.XI. № 311, 24.XI. № 329.

[34] Там же. 1956. 2, 4, 5.XI. № 307, 309, 310, 3.XII. № 338.

[35] ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 5. А. е. 316. Л. 65; Ф. 28. Оп. 13. А. е. 1. Л. 212—214; Ф. 1053, Оп. 4. А. е. 301, Л. 117—119; ДА-София. Ф. 596—В. Оп. 1. А. е. 70. Л. 7; Ф. 1693-В. Оп. 1. А. е. 77. Л. 54; ДА-Бургас. Ф. 2-Б. Оп. 1. А. е. 1342. Л. 202, 208.

[36] ДА-София. Ф. 3-В. Оп. 13. А. е. 2. Л. 96; Работническо дело. 1956. 27, 29.XI. №№ 332, 334.

[37] ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 5. А. е. 316. Л. 34, 76, 84; ДА-София. Ф. 1-В. Оп. 24. А. е. 3. Л. 37.

[38] ДА-София. Ф. 1-В. Оп. 23. А. е. 26. Л. 141—142; ДА-Бургас. Ф. 2-Б. Оп. 1. А. е. 1342. Л. 203—206, 213—214.

[39] ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 5. А. е. 250. Л. 28, 131; ДА-София. Ф. 2-Б. Оп. 1. А. е. 1132. Л. 69—70; Ф. 3-В. Оп. 13. А. е. 2. Л. 21—22.

[40] ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 5. А. е. 250; Оп. 6. А. е. 3249. Л. 2—3, 9—10.

[41] Там же. Ф. 136. Оп. 24. А. е. 151; А. е. 173.

[42] Там же. Ф. 1-Б. Оп. 5. А. е. 258. Л. 14; Ф. 551. Оп. 1. А. е. 73. Л. 45—46; А. е. 90. Л. 13—14, 71; Литературен фронт. 1957. 21 март. № 12.

[43] ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 5. А. е. 258. Л. 9; А. е. 316. Л. 100; Ф. 551. Оп. 1. А. е. 90. Л. 83—88; Работническо дело. 1957. 1.I. № 1.

[44] ДА-София. Ф. 1-В. Оп. 23. А. е. 26. Л. 147.

[45] ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 5. А. е. 275. Л. 334.

[46] ДА-София. Ф. 3-В. Оп. 13. А. е. 2. Л. 75; Ф. 1343-В. Оп. 2. А. е. 7. Л. 38.

[47] ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 5. А. е. 258. Л. 429; Ф. 551. Оп. 1. А. е. 90. Л. 28, 106.

И. Марчева
(Институт истории БАН)

Георге Георгиу-Деж и Тодор Живков о событиях 1956 года (По материалам болгарских архивов)

Странам восточного блока 1956 год принес целый ряд трудных внешне- и внутриполитических проблем. В их основе — кризис коммунистической системы, начавшийся после смерти Сталина 5 марта 1953 г., и попытки ведущей силы блока — СССР преодолеть его путем контролируемой демократизации, известной как «десталинизация». Либерализация режима началась с мер, направленных на снижение социального напряжения. По команде из Москвы в странах блока были приостановлены форсированная индустриализация и кооперирование сельского хозяйства. В середине 1950-х годов обозначились новые приоритеты в экономике, связанные с удовлетворением нужд потребления.

Наступили перемены в отношениях Кремля к Югославии и защищавшемуся Тито «национальному» пути к социализму. Важное геополитическое положение Югославии, вступление ее в 1953 г. в Балканский пакт, куда входили члены НАТО Греция и Турция, заставили советское руководство предпринимать попытки для примирения. Летом 1955 г. Москва признала свою вину за разрыв отношений в 1948 г. и тем самым косвенно допустила возможность существования отличных от советского путей к социализму.

Определенное смягчение режима, «разрешенная» демократизация и, наконец, прекращение кампании поиска и разоблачения «врага с партийным билетом» нашли отражение в секретном докладе Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС в феврале—марте 1956 г. Критическая направленность доклада по отношению к создателю и руководителю советского блока И. В. Сталину оказала влияние на все коммунистические партии и прорвала плотину недовольства у самых непокорных сателлитов — Польши и Венгрии. Движение за демократию в Венгрии, в отличие от Польши, приобрело открыто антисоветский и антисоциалистический характер. Именно поэтому оно было подавлено советскими танками. Польша же сумела сохранить за собой право самой решать собственные проблемы внутриполитического развития. Произошедшие перемены не могли не сказаться и на остальных странах советского блока и их компартиях. Они поставили правящие элиты перед задачей контролировать порожденные

десталинизацией внутренние и внешние проблемы во имя сохранения власти. В этих условиях Хрущев вновь стал демонстрировать критическое отношение к Югославии, которая продолжала отстаивать «свой», национальный путь к социализму. Более того, она по-прежнему поддерживала попытки восточноевропейских стран выйти за рамки советского шаблона в процессе построения нового общества, а вместе с тем и обрести бульшую самостоятельность в своей внешней политике. На практике это означало, что титовская Югославия продолжала претендовать на оспаривание роли СССР как единственного руководящего центра восточного блока. В силу этого переживавшиеся последним потрясения, вторичное ухудшение отношений с Югославией вынудили советского лидера быть более уступчивым и щедрым по отношению к другим сателлитам. Таков оказался итог первой волны «разрешенной» демократизации коммунистической системы в 1956 г.

Вопрос о том, как два коммунистических лидера Румынии и Болгарии, стран, положение в которых не вызывало беспокойства в Москве, оценивали катаклизмы 1956 года, какие проблемы для своих стран и самих себя они ставили в то время и как с ними справлялись, слабо освещен в исторической науке. Сохраняемая в Центральном государственной архиве Республики Болгарии стенограмма переговоров между Г. Георгиу-Дежем и Т. Живковым, состаоявшихся 30 марта 1957 г. проливает свет на поставленные вопросы и дает возможность сопоставить позиции указанных лидеров.

Переговоры прошли в рамках визита в Болгарию румынской партийно-правительственной делегации во главе с первым секретарем ЦК РРП Г. Георгиу-Дежем с 28 марта по 7 апреля 1957 г.[1] Гостей принимали новые хозяева — лидер БКП Тодор Живков и председатель Совета министров Антон Югов[2].

Эта встреча последовала за визитами на высшем уровне в Москву румынской (конец ноября — начало декабря 1956 г.) и болгарской (февраль 1957 г.) делегаций, в ходе которых балканские лидеры не только сверили часы с советским руководством, но и обговорили ряд уступок для своих стран. Хрущев отблагодарил верных сателлитов новыми кредитами и поставками зерна. Вместе с тем следует отметить, что переговоры между болгарским и румынским партийным и государственным руководством стоят в одном ряду с аналогичными встречами лидеров других восточноевропейских стран, имевшими место на протяжении 1957 г., во время которых были приняты совместные декларации о единстве «социалистического лагеря», опирающегося на экономическую и военную мощь СССР[3].

Выверенным дипломатическим жестом явилось включение в состав болгарской делегации бывшего первого человека в партии и государстве Вылко Червенкова, культ личности которого официально был развенчан в 1956 г. Но на этой встрече он, как и Димитр Ганев, в прошлом деятель румынского коммунистического движения, — важная фигура в переговорах. Присутствие Червенкова — члена нового состава Политбюро ЦК БКП и заместителя председателя Совета министров, его активная роль в переговорном процессе отражали мягкое отношение к сталинистам в Болгарии. А это обстоятельство было важным для румынского гостя, учитывая реальное положение Г. Георгиу-Дежа в структуре власти. Дежу, хотя и возглавившему в 1945 г. руководство компартии* пришлось вести длительную и упорную борьбу за полный контроль над партийной элитой. Важными вехами на этом пути явились смещение генерального секретаря ЦК КПР Ш. Фориша (погиб в 1946 г.), «националиста и шовиниста», сторонника Тито Л. Пэтрэшкану (арестован в 1948 г.), «правых уклонистов» А. Паукер, В. Луки и Т. Джорджеску (устранены с политической сцены на протяжении 1952—1953 гг.). Однако после 1956 г. эти «победы» оказались под угрозой из-за десталинизации режима, к тому же в условиях известного всем негативного отношения Хрущева к действовавшим восточноевропейским лидерам-сталинистам[4]. У Дежа не хватало смелости открыто выступить против Хрущева, особенно после высказанной им уничтожающей критики в адрес РРП во время встречи представителей компартий Венгрии, Болгарии и Румынии в Москве 7 июля 1953 г., целью которой было ознакомление руководства этих стран с параметрами советского «нового курса»[5]. Именно поэтому Деж еще в сентябре 1953 г. на пленуме ЦК РРП заявил о мероприятиях, направленных на улучшение материального положения трудящихся, ликвидацию бюрократизма, подчеркнул необходимость борьбы с бездушием и «проявлениями культа личности» в партии и в ее отношениях с румынским обществом[6]. В апреле 1954 г. Деж, как ранее Червенков, согласился с советским предложением отменить пост генерального секретаря партии, разделить партийную и государственную власть, сформировать расширенный секретариат из четырех человек во главе с первым секретарем. В качестве такового был определен лично преданный Дежу Георге Апостол. За собой Деж оставил пост председателя Совета министров[7]. Одновременно в 1954 г. он устранил и своего потенциального соперника Л. Пэтрэшкану, обвиненного

*Коммунистическая партия Румынии (КПР) была переименована в Румынскую рабочую партию (РРП) после слияния с Социал-демократической партией в 1948 г.

в государственной измене. Казнь Пэтрэшкану лишала Хрущева потенциальной возможности противопоставить эту политическую фигуру Дежу[8].

Аналогичные шаги предпринял и В. Червенков: еще в июле 1953 г. он начал политику, направленную на сглаживание напряженности в обществе путем социально-экономических мероприятий и демонстративного отказа от славословия в его адрес как «вождя» болгарского народа. Однако ему не удалось, несмотря на предпринимавшиеся к тому меры, осуществить следующий шаг: вернуть себе полный контроль над партией, как это сумел сделать Деж в октябре 1955 г.[9] В Болгарии первый секретарь нового расширенного секретариата ЦК (соответствующие изменения произошли в 1954 г.) Тодор Живков, считавшийся верным соратником Червенкова, организовал заговор, и под знаком разоблачения сталинизма на апрельском пленуме ЦК БКП (2—6 апреля 1956 г.) утвердился при поддержке Москвы в качестве партийного лидера, оттеснив Червенкова. Определенное значение в судьбе Червенкова как политика имело негативное отношение к нему югославского руководства, с мнением которого Хрущев, демонстрируя улучшение отношений с Белградом, был вынужден сообразовывать свои действия[10].

Георгиу-Деж не допускал подобного развития событий, сохраняя хорошие отношения с Тито. Вот почему румынский лидер получил шанс сыграть важную роль посредника при очередном ухудшении отношений между Советским Союзом и Югославией в связи с венгерскими событиями летом и осенью 1956 г. Кроме того, он лично был весьма заинтересован в урегулировании положения в Венгрии, так как в Румынии проживало значительное по численности венгерское национальное меньшинство. Это обстоятельство предопределило активную роль Дежа во время венгерских событий. Непосредственно после начала советской военной интервенции румынская сторона направила в Будапешт делегацию, которая провела переговоры с Имре Надем и правительством Яноша Кадара и подписала совместную декларацию. В этом документе «действия Советской Армии» оценивались как «необходимая помощь и интернациональный долг». Более того, называя Имре Надя «бандитом»* Деж предоставил ему политическое убежище под советским контролем, проигнорировав тем самым Югославию, хотя венгерский рефор-

*Г. Георгиу-Деж объяснил столь резкую оценку Надя тем, что, давая в Румынии показания о наличии в компартии оппозиции, тот «не раскаялся». На вопрос В. Червенкова: «Когда вы его расстреляете?» Деж ответил: «Если бы он был наш, то мы давно бы справились с ним», но следует учитывать положение в Венгрии и в целом в мире (См.: Централен държавен архив на Република България. Ф. 1-Б. Оп. 5. А. е. 260. Л. 34).

матор изъявлял желание эмигрировать именно туда. Свои действия Деж объяснял болгарской стороне стремлением «помочь Кадару и не оставить СССР в изоляции в этой борьбе» до тех пор, пока не утихнет международный скандал и можно будет решить, что делать с И. Надем[11]. Югославия выразила официальный протест в связи с похищением Надя и министров его кабинета, которых обманом удалось выманить из здания югославского посольства в Будапеште, после чего они были арестованы советскими военными и депортированы на румынскую территорию в Снагов. Югославские власти выразили также сомнение в связи с официальным сообщением правительства Кадара от 22 ноября 1956 г., согласно которому Надь и его сторонники якобы заявили о своем желании получить политическое убежище именно в Румынии[12]. Позднее Деж специально встретился с Тито, стремясь смягчить негативный эффект, который произвели действия румынской стороны на югославов.

Протест югославской стороны был оставлен без ответа, но умелые действия Дежа были подобающим образом вознаграждены Хрущевым. Это и понятно, поскольку на фоне советской интервенции Румыния удачно продемонстрировала реализацию Декларации советского правительства от 30 октября 1956 г. об устранении всех препятствий, нарушающих равноправные отношения между СССР и странами народной демократии, и невмешательстве в их внутренние дела[13]. Во время пребывания в Москве с 22 ноября по 3 декабря 1956 г. Г. Георгиу-Дежу были сделаны финансовые уступки по погашению старых задолженностей, предоставлены новый кредит в 270 млн рублей на развитие румынской химической промышленности и зерно в кредит в объеме 510 тыс. тонн[14]. Наряду с экономическими мерами Дежу удалось добиться принятия временного Положения о дислоцированных в Румынии советских воинских частях, ставшего первым шагом к их выводу из страны[15]. Иными словами, Георгиу-Деж получил ясное подтверждение своей позиции бесспорного лидера, несмотря на «сталинистское» прошлое.

В отличие от Дежа, Т. Живков обрел шанс встать у руля партийного управления именно в результате десталинизации «по Хрущеву», т. е. через разоблачение прежнего лидера. Утверждение Живкова на партийном Олимпе все еще в большой степени зависело от Кремля, и поэтому он был вынужден балансировать между сталинистами в руководстве БКП, которые, подобно Червенкову, лишились частично своих высоких постов, и другим лагерем, представители которого (А. Югов, Д. Ганев и пр.) помогали Живкову встать во главе партии и сами заняли влиятельные позиции. Кроме того, Живков, в отличие от Дежа, — фигура сравнительно новая в большой политике, не имеющая значимых международных связей и опыта.

Эти существенные различия определяют разные акценты, которые оба лидера делают в отношении наиболее важной проблемы 1956 г. — десталинизации режимов.

На встрече с румынской делегацией весной 1957 г. Т. Живков стремился продемонстрировать собственные заслуги в процессе демократизации страны, не педалируя при этом негативы сталинизма: «Мы не позволили, чтобы на апрельском пленуме и после него работа нашей партии отклонялась на второстепенные вопросы»[16]. Живков констатировал, что удалось быстро подавить «нездоровые настроения и проявления, направленные на разоблачение политики партии, на нарушение партийного единства и дисциплины», когда «среди работников идеологического фронта открыто зазвучали голоса о "свободе творчества", против партийности в искусстве, против руководящей роли ЦК»[17]. В противовес этому были приняты меры по улучшению материального положения значительной части рабочих и крестьян, для чего потребовалось бюджет и капиталовложения резать «по живому»*. Живков поделился с гостями, что политика десталинизации потребовала децентрализации государственного и хозяйственного руководства, приведшей на практике к сокращению администрации и росту безработицы в городах. В качестве третьего направления в процессе демократизации Живков назвал укрепление массовых организаций, прежде полностью обезличенных.

В связи с этим Георгиу-Деж проявил интерес к структуре и деятельности Отечественного фронта и особенно — к факту существования вне его самостоятельной крестьянской партии — Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС). Этот интерес был обусловлен наличием многочисленных кратковременных коалиций, которые имели место в Румынии в первую половину 1940-х годов и использовались румынскими коммунистами для прихода к власти**. В связи с деятельностью БЗНС Деж пояснил, что в Румынии существовал Фронт плугарей***, «но когда

---

*Чтобы уменьшить недовольство населения, в 1956 г. из бюджета страны, равного 18 млрд 500 млн левов, на социальные нужды было выделено 2 млрд 400 млн левов (См.: ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 5. А. е. 260. Л. 5, 11).

**Имелись в виду Единый национальный фронт румынского народа (сентябрь 1941 г.), Союз патриотов (1942 г.), Патриотический антигитлеровский фронт (сентябрь 1943 г.), Единый рабочий фронт коммунистической и социал-демократической партий (1 мая 1944 г.) , Национально-демократический блок (20 июня 1944 г.), Национально-демократический фронт (12 октября 1944 г.).

***Румынское название Фронта земледельцев, руководимого д-ром П. Грозой.

мы ввели народные советы*, то пришли к заключению, что эту организацию следует ликвидировать»[18]. Уточнив, что БЗНС, признав руководящую роль компартии, сохранил свою самостоятельность, Живков, явно иронизируя над югославами, заявил, что это «наш "особый" путь к социализму, ...болгарский путь построения социализма, коренным образом отличающийся от пути других народно-демократических стран и СССР»[19].

Представляется, что предложенная Дежем интерпретация процесса десталинизации в Румынии преследовала цель подтвердить правильность устранения с политической сцены политэмигрантов-«москвичей» Анны Паукер и Васила Луки, чьи позиции в партийном руководстве изначально были весьма сильными. Отсюда основной акцент в информации на том вреде, который они якобы нанесли РРП. Ликвидация этой группы, по всей вероятности, была одобрена Сталиным, если учесть усилившиеся в 1952 г. антиеврейские настроения Кремля в связи с «делом врачей». Еврейка Паукер и венгр Лука были обвинены в «правом уклоне», исключены из партии и объявлены виновными в «извращениях», допущенных в организационном развитии РРП («чрезмерный рост численности, принятие решений без ведома главного секретаря (т. е. самого Дежа. — *И. М.*) и при нарушении организационной процедуры»), в попрании прав крестьян, подвергавшихся тюремному заключению из-за несогласия с кооперированием сельского хозяйства[20]. Деж подчеркнул, что осуждение действий «антипартийной группы» в мае 1952 г. не получило широкой огласки в обществе, в РРП и среди братских коммунистических партий, чтобы «не вызвать напряженности»[21]. Деж не стал подробно информировать болгарских хозяев встречи о сентябрьском (1953 г.) пленуме ЦК РРП, на котором вновь прозвучала критика «извращений» в партийной жизни. Информацию о нем болгарская сторона получила из уст представителя Румынии в международной редакции газеты «За прочный мир, за народную демократию!»[22]

Вместе с чисткой руководства Деж предпринял и чистку партии в целом. Исключения по причине «неблагонадежности» в целях улучшения социального состава партии начались еще в 1948 г. в ходе объединения КПР и социал-демократической партии**. Чистки на рубеже 1940—1950-х годов

* В Конституции 1952 г. политической основой Социалистической республики Румынии провозглашалась широкая сеть народных советов, в которые были избраны более 100 тыс. депутатов — представителей румынского народа, а также венгерского, немецкого и других нацменьшинств.

** Под улучшением социального состава партии понималось увеличение численности рабочих — основной социальной базы режима.

являлись характерной формой политической борьбы во всех странах народной демократии. Болгария и Румыния не были исключением. Но в начале 1950-х годов Деж одновременно с партийными чистками, результатом которых стало исключение более 199 тыс. коммунистов, прекратил прием в РРП. Другим способом сокращения численности партии стал обмен партийных билетов в соответствии с решением ЦК РРП от 17 июня 1953 г.[23]

Георгиу-Деж боялся широкой популяризации доклада Хрущева на XX съезде КПСС, так как осуждение культа личности угрожало его собственным позициям во власти. Дважды он запрашивал Кремль, насколько широк должен быть круг лиц, которых следовало ознакомить с докладом. После того как Москва ответила, что это — внутрипартийный вопрос, который должно решить само румынское руководство[24], Деж значительно ограничил число посвященных. Объяснял это он тем фактом, что, «имея в виду их (партийных членов, проверенных в ходе многочисленных чисток. — *И. М.*) политический и культурный уровень, социальное происхождение и социальное положение, степень развития политической и общественной жизни в Румынии», широкое распространение информации не окажет помощь партии»[25]. Для него оказался абсолютно неприемлемым подход, к которому прибегли в Польше, — свободное обсуждение доклада среди партийцев и симпатизирующих коммунистам. В результате ни один член польского руководства не избежал критики. По мнению Георгиу-Дежа, подобная информированность — «не искра, а огонь, зажженный факел в руках сумасшедшего, который оказался в пороховом погребе»[26]. Вот почему Деж распорядился опубликовать доклад румынской партийной делегации на XX съезде КПСС, а с секретным докладом Хрущева о культе личности следовало ознакомить центральный и областной партактив, причем без права вести какие-либо записи[27].

На встрече, о которой шла речь выше, Г. Деж стремился внушить болгарской стороне, что в Румынии нет необходимости в десталинизации[28]. Одним из доводов стал его тезис о том, что в румынском обществе, среди румынской интеллигенции, в том числе и среди ее старой части буржуазно-либерального происхождения, не наблюдалось якобы антипартийных настроений и сомнений в ее руководящей роли. Критика осуществлялась в форме дискуссии, а не выдвижения каких-либо требований к партии*. Несомненно, ставка делалась и на снижение социальной напряженности: РРП, как и БКП, предприняла шаги к повышению благосостояния

* Этот тезис Г. Дежа был раскритикован и отвергнут лишь на апрельском пленуме РРП 1968 г. (См.: История Румынии. М., 1971. Т. 2. С. 527).

трудящихся путем увеличения зарплат (особенно учителям, профессуре, некоторым категориям рабочих), стипендий студентам, введения надбавок к пособиям на детей, приостановки кооперирования, отмены обязательных государственных поставок сельскохозяйственной продукции[29].

В 1956 г. наиболее важными и тревожными для Георгиу-Дежа оставались не проблемы внутренней десталинизации, а события в Венгрии. Он умело комментировал эти события, именуемые им «контрреволюцией», чтобы оправдать проводимые по его распоряжению чистки, которые фактически проистекали из сталинской теории о необходимости борьбы с «врагом с партийным билетом». Деж считал, что «если бы Венгерская партия трудящихся была закаленной, единой, дисциплинированной, насчитывающей не 900 000 членов — всех этих мелкобуржуазных, оппортунистических и вражеских элементов, которые нашли укрытие в партии, если бы не нарушался марксистский принцип построения партии, если бы партия была воспитана в духе нетерпимости ко всяким отклонениям и нарушениям, то вполне достаточно было бы иметь в ее рядах 100 или 50 тыс. членов, которые могли бы так поставить на место реакцию, что она никогда впредь не подняла бы голову»[30].

Для Дежа важность венгерских событий определялась еще и их резонансом среди многочисленного венгерского меньшинства Трансильвании, выразившимся, в частности, в виде «небольшой неприятности в студенческом центре Трансильвании — г. Темишоаре»[31]. Волнения там, наряду с протестами студентов в Бухаресте и Клуже*, дали Дежу повод обвинить Министерство народного просвещения, в котором, по его словам, «господствовал либерализм»[32]. Несмотря, а, может быть, и благодаря этому, министром образования был назначен новый потенциальный соперник Дежа Мирон Константинеску, выступивший на мартовском пленуме 1956 г. с предложениями по демократизации. Именно с ним уже летом 1957 г. расправится Георгиу-Деж[33].

Но наиболее сильные опасения Дежа вызывала возможность роста венгерского шовинизма и выдвижения территориальных претензий к Румынии. Деж был особенно чувствителен к любому, даже самому малому намеку на территориальные приращения Румынии после Второй мировой войны. Пример такой гиперчувствительности — резкое заявление, сделанное им Т. Живкову в 1962 г. в связи с высказыванием болгарского

* Г. Деж публично не признавал факт студенческих волнений в Бухаресте и Клуже, в ходе которых звучали требования убрать из программ обучения русский язык. При подавлении волнений более 1 тыс. студентов и представителей интеллигенции были арестованы (См.: *Georgescu V.* Istoria românilor. De la origini pînă zilele noastre // Humanitas. 1995. P. 262—267).

посла в Румынии во время заседания болгаро-румынской правительственной комиссии. Посол, явно намекая на Румынию, заметил, что после войны только Болгария не воспользовалась моментом, чтобы расширить свою территорию[34]. На переговорах 1957 г., предупреждая реакцию болгарской стороны, Деж парировал возможную критику в свой адрес, упреки, что «румынские товарищи ссылаются на то, что у них болит». Он заявил, в частности, что следует на протяжении длительного времени прилагать немалые усилия, чтобы дело не дошло до «открытых шовинистических, реваншистских претензий к Румынии, каковые имеются у руководства партии трудящихся в Венгрии»[35]. Г. Деж считал, что активные участники событий 1956 г. — венгерская молодежь и интеллигенция обагрили свои руки кровью, поскольку венгерская интеллигенция являлась носителем реваншистских, националистических и шовинистических взглядов на протяжении всего 20-летнего периода существования хортистского режима, а молодежи не было привито чувство интернационализма[36]. По его словам, румынское руководство старалось держать эти вопросы «герметически закупоренными». «Представьте себе, — пояснял он, — если эти проблемы и эти территориальные претензии по ревизии границ, которые венгры время от времени поднимали, дошли бы до ушей врага. Какое бы заключение они сделали? Что между Венгрией и Румынией существуют противоречия, существуют подобные спорные вопросы? Мы отбросили это и разъяснили, что не согласны, что вообще нельзя публично ставить такие вопросы»[37].

Для Тодора Живкова венгерские события — скорее повод привлечь внимание Дежа к состоянию болгаро-румынских отношений. Он исходил из того, что между двумя соседними странами почти нет постоянных взаимных контактов и обсуждения текущих вопросов. Поэтому он предложил ввести практику регулярного обмена правительственными и партийными делегациями. Обосновывая свое предложение, Живков указал на тесные рабочие контакты околийских и городских партийных комитетов по обоим берегам Дуная во время венгерских событий. В тот момент стороны осуществляли прямую телефонную связь, информировали друг друга о положении на местах, в частности, о том, что эксцессов не наблюдалось, что не было попыток оспорить власть[38]. Этот же пример он приведет еще раз на встрече с Дежем 19—20 января 1962 г., вновь поставив вопрос о более тесных связях между Болгарией и Румынией на высоком уровне[39].

Как указывалось выше, в отношении Польши Деж прежде всего акцентировал внимание на «неправильном» подходе руководства к информированию польского общества о докладе Хрущева. В ходе беседы Жив-

ков полностью согласился с данной оценкой. Как и Деж, он также нашел способ фильтровать информацию, предназначенную болгарскому обществу и политической элите. Политбюро ЦК БКП распространило доклад среди околийского актива, а решения о персональных перестановках в болгарских партийных верхах довело до сведения областных партийных комитетов и таких важных групп общества, как военные, интеллигенция, сотрудники министерств, руководства БЗНС, ДКСМ, посольства народно-демократических стран, СССР и Югославии[40]. Проблема заключалась в том, что даже после такой фильтрации половинчатые решения и мягкая десталинизация вызвали неприятную для власти и лично для Т. Живкова критику, определявшуюся в верхах как «мелкобуржуазная стихия». Но ее удалось быстро блокировать[41].

Продолжавшаяся демократизация в Польше была совершенно неприемлема для Живкова и очень тревожила болгарского руководителя. Применение польского опыта в Болгарии заключало бы в себе опасность разоблачения намерений Живкова дистанцироваться от сталинизации страны, являлось угрозой его лидерству в партии и государстве.

Г. Георгиу-Деж также склонялся к осуждению польского опыта расширения процесса демократизации. Он подчеркивал, что располагает информацией о чистках в польской армии и ПОРП, характеризовавшихся им как «охота за сталинистами» и затронувших, по его словам, «ряд опытных, честных и преданных активистов», которые в результате остались без работы и вынуждены голодать[42].

Хотя оба лидера проявили отрицательное отношение к кампании чистки «сталинистов» в польской компартии, их мотивация различна. Деж, по всей вероятности, исходил из собственных позиций сталиниста, чье укрепление во властных структурах осуществлялось под лозунгом румынизации путем устранения либерально настроенных соперников. А Живков — в силу того, что утвердился у власти в результате компромисса со сталинистами А. Юговым, Г. Чанковым, Д. Ганевым и др., помогавшими ему «свалить» В. Червенкова. Его политическое будущее в значительной степени зависело от способности гибко лавировать и следовать указаниям Москвы в ходе расправы с болгарскими сталинистами в 1957 и 1962 гг.

В обоюдном негативном отношении двух лидеров к процессам, происходившим в Польше, прослеживаются различные нюансы. Так, Живков считал весьма недальновидным шагом союз В. Гомулки с католической церковью, которая во время выборов 1957 г. агитировала за коммунистов. Живков при этом явно исходил из болгарских условий и ошибочно полагал, что таким образом костел за счет коммунистов сможет укрепить свое влияние в стране. «Мы не сектанты. Но разве не ясно, что католическая

церковь сделала ловкий ход, что вокруг нее сегодня группируется реакция, стремясь расширить свое влияние в массах и использовать это влияние, чтобы завтра убить партию», — подчеркнул болгарский руководитель[43]. Георгиу-Деж не склонен к столь категорическим оценкам, проявляя немалую гибкость. С одной стороны, он заявил, что «полностью согласен с оценками тов. Живкова... И если задаться вопросом, кто победил на выборах в Польше, то, действительно, стоит задуматься. Не случайно католическая церковь очень сильна в этой стране»[44]. С другой стороны, Деж заметил, что было бы ошибкой утверждать, что новое польское руководство поступило весьма неосторожно, пойдя на союз с костелом. Эту свою позицию румынский гость объяснил отсутствием ясной и полной информации о положении в Польше[45]. Проведя многие годы в большой политике, Деж, в отличие от Живкова, не склонен поучать и давать советы. Он признал, что «положение в Польше имеет особенности, требующие размышления о том, какую конкретную помощь мы могли бы оказать польским товарищам, учитывая, что у них свой образ мысли и свой метод действия и что они более щепетильны в действиях»[46]. Дипломатичность Дежа можно расценить и как сдержанную поддержку политики польского руководства, направленной на вытеснение «московских» кадров из политической элиты в процессе десталинизации. Заметим, что такой подход в целом импонировал многолетним усилиям Дежа по превращению РРП в партию «национальную», руководимую этническими румынами как доминирующим элементом в государстве. Другое дело, что цель эта достигалась прямо противоположным способом — путем сдерживания процесса десталинизации в Румынии.

Аналогичные и даже еще более четко выраженные различия проявились в отношении Дежа и Живкова к Югославии. Живков старался в ходе встречи в марте 1957 г. убедить румынского гостя в отсутствии добронамеренности Белграда к Болгарии и ее новому руководству, которое югославы не считали «десталинизированным». В Софии видели в подобных оценках как попытку югославов вмешаться во внутренние дела Болгарии. Во время переговоров с Дежем Живков сообщил, что, помимо недружественных выступлений югославской печати, стали известны усилия югославского посланника Милковича, пытавшегося «обрабатывать» отдельных членов ЦК БКП, в том числе ветерана партии, авторитетного в партийных кругах Фердинанда Козовского, настраивать их против Живкова, играть на стремлении некоторых коммунистов к власти. Цель, которая при этом преследовалась, заключалась, по словам Живкова, в том, чтобы эти люди плясали под югославскую дудку[47]. Болгарский руководитель, опираясь на исторические факты и примеры из современной политики,

поддержал советские обвинения Югославии в гегемонизме по отношению к Болгарии. Он рассказал о югославском проекте федерации 1947 г., согласно которому Болгарии предстояло стать 7-й республикой в составе Югославии без собственной армии, командования, центрального планового органа. Изумленный Деж заявил, что впервые (!) слышит об этом[48]. Живков оправдывал свое жесткое отношение к Югославии также и тем фактом, что югославская агентура действовала, по его словам, в рядах партийной оппозиции в Венгрии. Именно с учетом этого его интересовали венгерские события, к которым, в принципе, он не был склонен возвращаться. По его мнению, они показали, насколько важно, чтобы партия занимала марксистско-ленинские позиции, т. е. следовала указаниям Москвы без всяких отклонений[49].

Позиция Живкова в отношении Югославии находила поддержку КПСС. Во время встречи с Хрущевым в феврале 1957 г., на которой прозвучали рекомендации улучшить отношения со странами Балканского пакта, в том числе с Югославией, прежде всего на государственном, культурном и экономическом уровнях, Живков обрел уверенность в собственном праве приступить к «идеологическому» разгрому «оппортунистической и ревизионистской линии югославского руководства». Данное югославами определение венгерских событий как «народной революции», их призывы к «независимости» социалистических стран и компартий от СССР и КПСС для Живкова звучали как «богохульство»[50]. Относить такие оценки только на счет догматического политического мышления болгарского лидера было бы, на наш взгляд, неверно. Они имели — и едва ли не главные — как личные, так и специфические болгарские основания. Во-первых, Живков чувствовал себя лично задетым: уже говорилось о том, что югославское руководство настраивало часть ЦК БКП непосредственно против него, объявляя Живкова недостойной процесса демократизации фигурой. Во-вторых, опыт сопротивления югославов советскому гегемонизму, ставший для большинства компартий стран восточного блока в 1956 г. примером того, как следует избавляться от промосковски настроенных руководителей и защищать особенности национального развития, не срабатывал в условиях Болгарии. Хотя Живкову удалось оттеснить бывшего многолетнего политэмигранта Червенкова, он не мыслил своей дальнейшей политической карьеры вне сени Кремля. Само возвышение Живкова произошло вследствие того, что ему удалось лишить Червенкова монополии на контакты с советским руководством[51]. Ни он сам, ни кто-либо еще из болгарской политической элиты не ставил под сомнение необходимость точно следовать указаниям КПСС. Этот болгарский феномен имеет целый ряд причин — идеологи-

ческих, геостратегических, экономических, ментально-психологических и др. В 1956 г. болгарская политическая элита получила дополнительное подтверждение правильности своей просоветской ориентации и, соответственно, резкого критического настроя в отношении к югославскому руководству. Венгерский бунт наглядно подтвердил, что оспаривание ведущей роли КПСС и значения советской модели невозможно и пагубно для находящихся у руля управления коммунистов. В результате демократизации и следования советам Белграда венгерские коммунисты чуть было не лишились власти. Вполне естественно, что болгарская коммунистическая элита не желала для себя подобной участи и была готова заклеймить и венгерские события, и роль в них Югославии. Иными словами, дело заключалось отнюдь не только в указаниях, поступавших из Москвы.

Но вернемся к мартовским переговорам 1957 г. между болгарским и румынским лидерами. Заслушав пространное изложение болгарской позиции в отношении Югославии, Деж попытался убедить Живкова смягчить свою позицию. Румынский лидер явно стремился играть роль посредника не только между Югославией и СССР, но и между Югославией и другими верными Москве сателлитами. С одной стороны, Деж признавал вмешательство Белграда в венгерские события, наличие связи югославов с кружком имени Петлфи и лично с Имре Надем. Он рассказал о наблюдавшейся им перемене в поведении Тито при его встрече с маршалом в Пуле на острове Бриони: югославский руководитель, поначалу спокойно комментировавший революционные события у своих северных соседей, сильно занервничал, получив сведения о явно антисоциалистическом характере венгерских выступлений, стал груб со своими приближенными и нелицеприятно высказался в адрес Имре Надя[52].

Вместе с тем, однако, Деж прагматично призвал болгарское руководство абстрагироваться от споров принципиального характера и встать на путь улучшения отношений с Югославией, находя точки соприкосновения по конкретным вопросам. Его мотивация заключалась в том, что только таким путем можно будет оказывать влияние на народные массы Югославии[53]. Он привел и другой важный для болгарской стороны аргумент: сбалансированные отношения с Югославией отвечают духу новой советской доктрины об отношениях нового типа между всеми нациями и народами, основанной на решениях КПСС об улучшении отношений с Югославией. Деж попытался убедить болгарскую сторону в том, что и югославское руководство не ищет конфронтации. Он заявил, что в своих беседах с Тито неоднократно подчеркивал руководящую роль СССР и социалистического лагеря и не встречал при этом никаких возражений

со стороны маршала[54]. Не исключено, что эта информация, красноречиво свидетельствовавшая о лояльности румынского лидера к КПСС, предназначалась и для Москвы.

Внушая Живкову необходимость поддерживать добрососедские отношения с югославами, Деж демонстрировал политический прагматизм. На наш взгляд, здесь проявилось сходное с югославами стремление отдалиться от Москвы, хотя следует признать, что действия Дежа в этом направлении не были столь демонстративными и конфронтационными. Дополнительным стимулом для подобной тактики становились проводимая Хрущевым десталинизация и связанные с ней перспективы коммунистической системы в целом, а также стремление Дежа удержаться во власти. Следует учитывать и заинтересованность Румынии в реализации совместного с Югославией проекта строительства на Дунае у «Железных ворот» энергетического комплекса. Кроме того, наличие в обеих странах венгерского нацменьшинства и проводимая в отношении него политика, не подпадавшая под определение «интернационалистской», дополнительно сближала румынского и югославского руководителей. Деж имел возможность пропагандировать собственное отношение к Югославии Тито, поскольку уже укрепил свои позиции и в национальной элите, и в глазах Кремля.

Болгарская сторона в лице Д. Ганева ясно дала румынам понять, что предпочла бы услышать их более четко выраженную критическую позицию в отношении идеологических ошибок Союза коммунистов Югославии. Поскольку, говорил Ганев, югославы «не отказались от вербовки в руководстве отдельных коммунистических партий своих сторонников и адептов», следовало ясно высказаться по вопросам идеологического характера. В противном случае югославы «будут стараться кокетничать и хвалить одних (т. е. румын. — *И. М.*) и бить других (т. е. болгар. — *И. М.*)»[55].

Логичным продолжением курса Дежа на избежание конфликтов, отстаивание права на самостоятельность действий партий и бульший прагматизм явилось его индифферентное отношение к проявленному Живковым беспокойству в связи с ростом критических настроений в Итальянской коммунистической партии ИКП. После XX съезда КПСС в ИКП был осужден сталинизм, старые партийные кадры игнорировались. По оценке Живкова, эти проблемы не были актуальными для Италии, но их обсуждение вело к дискредитации социализма в глазах итальянских трудящихся. Исходя из того, что БКП и РРП считаются «интернационалистскими партиями»[56], Живков полагал, что следует сформулировать четкую позицию по данному вопросу и провести переговоры с итальянскими коммунистами, группировавшимися вокруг Пальмиро Тольятти. Во время

встречи в Софии он, поддержанный Д. Ганевым, призвал к этому и румынскую сторону. Однако Деж вновь проявил осторожность. Он попытался переложить ответственность на КПСС, полагая, что советское руководство должно вмешаться в спор итальянских коммунистов и «вразумить» их. Причина: «Прежде всего Советский Союз и товарищи из КПСС гораздо более компетентны и смогут повлиять на обстановку в ИКП в благоприятном смысле. Естественно, и мы скажем свое слово, в той мере, в какой можем, чтобы поддержать КПСС»[57].

Подобное отношение, неоднократно продемонстрированное и подчеркнутое в ходе встречи, содержало в себе зародыш румынской позиции, которая гораздо более категорично была заявлена в конце 1950-х — начале 1960-х годов, когда, не вступая официально в конфликт с СССР, Румыния поддержала Китай, отстояла право самостоятельно устанавливать и поддерживать контакты с прокитайскими режимами, выступила против углубления интеграции в рамках СЭВ, опасаясь нарушения собственного суверенитета[58].

* * *

Таким образом, анализ стенограммы бесед, состоявшихся в ходе визита румынской партийно-правительственной делегации в Болгарию весной 1957 г., свидетельствует о том, что при оценках событий 1956 г. в странах восточного блока румынский и болгарский лидеры исходили прежде всего из собственных конкретных внутри- и внешнеполитических целей. Сталинист Деж, опираясь в большей степени на прошлое, пытался представить себя давно «десталинизировавшимся», в то время как Живков искал опору власти в извлечении дивидендов из анализа настоящего. В ходе переговоров оба акцентировали внимание на тех проблемах, которые их страны имели с государствами, являвшимися историческими соперниками Румынии и Болгарии. Румыния спорила с Венгрией из-за Трансильвании, Болгария с Югославией из-за македонского вопроса и связанных с ним дополнительных противоречий. Проведенный анализ показывает, что менее опытный в политике и более эмоциональный Живков склонен был вмешиваться в дела других коммунистических партий, стремясь отстаивать идеологический и, как следствие, внешнеполитический курс КПСС, в то время как Деж, обладавший значительным опытом в международных делах, занимал более сдержанную позицию и предпочитал оставить роль контролера за ведущей силой блока — КПСС. Следует признать, что позиция Дежа была гораздо более прагматичной. Складывается впечатление, что в начале 1957 г. Деж, по сравнению с Живковым,

гораздо более уверен в прочности своих позиций как внутри страны, так и перед Кремлем. Все эти обстоятельства отразились на оценках и характеристиках событий 1956 г., данных обоими лидерами. Уместно, на наш взгляд, именно здесь искать истоки дальнейших различий в основных оценках внутри- и внешнеполитических проблем, различий, которые привели впоследствии к двум диаметрально противоположным линиям политического поведения — «патриотическому социализму» Г. Георгиу-Дежа и политике все более полного сближения с СССР Т. Живкова.

Примечания

[1] В состав румынской делегации входили также члены Политбюро ЦК РРП Киву Стойка и Петре Бирола, кандидат в члены Политбюро Леонте Реуту, член ЦК Григоре Преотяса, председатель Государственной плановой комиссии Г. Гастон Марин и кандидат в члены ЦК Михай Рошану. В качестве наблюдателей присутствовали начальник отдела ЦК РРП Андрей Пакурар и заведующий сектором ЦК РРП Константин Лазареску (См.: Централен държавен архив на Република България (далее — ЦДА). Ф. 1-Б. Оп. 5. А. е. 260. Л. 1).

[2] Болгарская сторона была представлена членами ЦК БКП Тодором Живковым, Антоном Юговым и Вылко Червенковым, секретарями ЦК Димитром Ганевым и Бояном Былгарановым, членами ЦК Димо Дичевым и Карло Луканов-вым. В качестве наблюдателей присутствовали член ЦК Катя Аврамова, кандидат в члены ЦК Борис Велчев и заведующий сектором ЦК Найден Вылчев (См.: ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 5. А. е. 260. Л. 1).

[3] Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 1. Становление «реального социализма». 1945—1965. М., 2000. С. 372—374.

[4] История Румынии. Т. 2. М., 1971. С. 650; *Lory B.* L'Europe balkanique de 1945 a nos jours. Paris, 1996. P. 52; *Georgescu V.* Istoria românilor. De la origini pînă zilele noastre. Numanitas, 1995.

[5] *Марчева И.* Тодор Живков — пътят към властта. Политика и икономика в България. 1953—1964. София, 2000. С. 75.

[6] Там же. С. 77; ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 32. А. е. 322. Л. 2—6.

[7] *Lory B.* Op. cit. P. 52.

[8] Scînteja. 1968. 26.IV. (Цит. по: История Румынии. Т. 2. С. 650); *Galați-Fisher St.* România în secolul al XX-lea. 1998. P. 160—163.

[9] *Lory B.* Op.cit. P. 52; *Марчева И.* Указ. соч. С. 37.

[10] *Марчева И.* Указ. соч. С. 45—65.

[11] ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 5. А. е. 260. Л. 45—46.

[12] *Баева И.* Източна Европа след Сталин. 1953—1956. София, 1995. С. 219—220.

[13] История Румынии. Т. 2. С. 581.

[14] Там же. С. 582—583; *Хьош Ед.* История на балканските страни от древността до наши дни. София, 1998. С. 310; Центрально-Восточная Европа... С. 372—373.

[15] *Galaţi-Fisher St.* Op. cit. P. 176—177. Советские войска были выведены из Румынии осенью 1958 г. на основе договоренности между СССР и Румынией от 15 апреля 1957 г. Аналогичные шаги были предприняты Хрущевым в Польше и Венгрии (См.: Центрально-Восточная Европа... С. 379—380).

[16] ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 5. А. е. 260. Л. 2.

[17] Там же. Л. 3.

[18] Там же. Л. 5.

[19] Там же. Л. 6.

[20] Там же. Л. 22—23.

[21] Там же. Л. 26.

[22] Там же. Оп. 32. А. е. 322. Л. 1, 2—6.

[23] История Румынии. Т. 2. С. 527.

[24] ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 5. А. е. 260. Л. 27.

[25] Там же.

[26] Там же.

[27] Там же.

[28] Там же. Л. 29.

[29] Там же. Л. 30—44. Приостановка кооперирования была особенно актуальной для Румынии как страны, давшей в феврале 1956 г. наибольший за всю свою историю прирост населения — 15,9 единиц на 1 000. По численности населения (17,5 млн) Румыния занимала 10-е место в Европе (История Румынии. Т. 2. С. 551, 564).

[30] ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 5. А. е. 260. Л. 32.

[31] Там же. Л. 30—31.

[32] Там же. Л. 31.

[33] *Galaţi-Fisher St.* Op. cit. P. 176.

[34] ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 5. А. е. 487. Л. 75.

[35] Там же. А. е. 260. Л. 33.

[36] Там же. Л. 32.

[37] Там же. Л. 34.

[38] Там же. Л. 12.

[39] Там же. А. е. 487. Л. 41.

[40] Там же. А. е. 196. Л. 21.

[41] *Мигев В.* Несъстоялата се «Априлска пролет» в България — 1956 година // Исторически преглед. 1993. № 4—5. С. 81—91.

[42] ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 5. А. е. 260. Л. 51.

[43] Там же. Л. 17.

[44] Там же. Л. 51.

[45] Там же.

[46] Там же.

[47] Там же. Л. 15.

[48] Там же.

[49] Там же. Л. 18.

[50] Там же. А. е. 256. Л. 17.

[51] *Марчева И.* Указ. соч. С. 45—60.

[52] ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 5. А. е. 260. Л. 34—35.

[53] Там же. Л. 37—38.

[54] *Galați-Fisher St.* Op. cit. P. 167.

[55] ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 5. А. е. 260. Л. 55.

[56] Там же. Л. 13, 19—21.

[57] Там же. Л. 52.

[58] *Марчева И.* Указ. соч. С. 248—249; *Боффа Дж.* История Советского Союза. М., 1994. Т. 2. С. 523.

Н. Христова
(Свободный университет — София)

Конфликт «власть — интеллигенция» в Болгарии. 1956—1957 годы

На протяжении десятилетий политические события 1956 года, последовавшие за XX съездом КПСС и апрельским пленумом ЦК БКП, характеризовались как символ демократизации системы государственного социализма. «Апрельская линия», «апрельский курс», «апрельская оттепель» — именно в этих формулировках обществу внушалась мысль о «больших переменах» в жизни Болгарии, осуществлявшихся одновременно с переменами в СССР и других странах Восточной Европы.

В годы перестройки оценки изменились коренным образом. «Аналитики» начали смотреть на события тех лет с легко уловимым снисхождением, проявляя тем самым определенный комплекс, характерный для интеллектуалов. Причина заключалась в сопоставлении болгарских реалий с процессами, протекавшими в то же время в Польше (события в Познани) и Венгрии (революция). На их фоне Болгария, действительно, смотрелась как государство, которое прошло через первую попытку коррекции политической системы без серьезных общественных потрясений. Но вместе с этой констатацией делался и ошибочный вывод о том, что болгарская интеллигенция осталась верной своему традиционному конформизму и не создала власти никаких проблем.

Между тем обращение к документальным материалам периода 1956—1957 гг. рисует иную картину. Во-первых, они свидетельствуют о весьма острой конфронтации между критически настроенной интеллигенцией (преимущественно партийной) и новым руководством БКП. Во-вторых, убедительно показывают, как после первоначального легкого замешательства и опасения не справиться с оживлением в интеллектуальных кругах власть смогла мобилизоваться и приступить к решительным и умелым действиям в целях нормализации обстановки.

Какие трудности предстоят, стало ясно уже 11 апреля 1956 г., когда Тодор Живков провел встречу с партийным активом г. Софии[1]. На ней в адрес первого руководителя партии были брошены реплики типа: «Что вы задаетесь, товарищ Живков, ваша смелость идет из Москвы» (секретарь парторганизации Механико-электротехнического института (МЭИ) Трайко Петков). Впервые прозвучали голоса о созыве внеочередного съезда партии[2].

Обстановка накалялась вплоть до конца апреля. На собрании БАН академик Цветан Кристанов сравнил сталинский режим с режимом Муссолини в Италии[3]. Члены парторганизации Союза болгарских писателей поставили на голосование резолюцию о непризнании решений апрельского пленума и потребовали созыва съезда БКП для избрания нового состава ЦК. Эти позиции отстаивали Эмил Манов, Михаил Величков, Крум Пенев, Радой Ралин. Последний заявил, что положение рабочих до 9 сентября 1944 г. было лучше, чем ныне. Литературный и художественный критик Борис Делчев выступил против догматической трактовки социалистического реализма, высказался за предоставление большей свободы писателям, выразил недоверие ЦК партии. Людмил Стоянов призвал писателей дистанцироваться от политики. Камен Зидаров заявил, что именно писатели являются подлинной совестью нации[4].

На одной из первых встреч ЦК с «активом» художественной интеллигенции весной 1956 г. журналист Любомир Йорданов выразил сомнение в возможности реализации прокламировавшейся свободы критики независимо от постов и должностей критикуемых лиц. Ангел Вылчанов задался вопросом: «До каких пор ЦК будет на нас ездить ?», а Радой Ралин был раскритикован за «антипартийный» характер опубликованной в газете «Народна младеж» «Сказки о лестнице»[5].

Уже 18 апреля, т. е. через день после официальной отставки Вылко Червенкова на заседании Народного собрания, в газете «Отечествен фронт» (издании с большим тиражом) появилась статья главного редактора Владимира Топенчарова «Урок»[6], в которой культ личности рассматривался как явление общественной и государственной жизни. Статья не только всколыхнула умы граждан, но и обострила чутье управителей.

25 апреля была организована встреча Политбюро с активом и руководством службы государственной безопасности. С докладом выступил Тодор Живков, подчеркнувший, что все призывы провести съезд партии лишены основания. На неоднократно звучавший вопрос, почему не публикуются материалы пленума (следует отметить, что пленум ЦК БКП в апреле 1956 г. прошел в обстановке секретности, почти конспиративно. Общественность узнала о пленуме и обсуждавшейся на нем повестке дня главным образом из передач зарубежных радиостанций и от «нарушивших устав» и проговорившихся участников пленума) Живков ответил, приведя два основных аргумента: материалы пленума не опубликованы, сказал он, «не потому, что мы хотим скрыть что-либо от народа, а чтобы не вызвать волнений, как в Польше» и, во-вторых, чтобы «не дать пищу для критики нас со стороны империалистов»[7]. Производит впечатление и желание Живкова выделиться перед другими руководителями восточ-

ноевропейских коммунистических партий. Он сказал: «Почему этот вопрос не поставлен так остро и так самокритично, как мы его поставили, в других братских партиях? Потому что там положение не было таким... Если наш доклад, наша постановка вопроса на нашем пленуме прозвучали бы там, что бы стало? Вы читали доклад первого секретаря коммунистической партии Польши, и каково положение в Польше сейчас... Сейчас в Польше положение намного острее, чем у нас. Все против Центрального комитета. Члены партии возвращают партийные билеты... Вот видите, к чему приводит, как говорится, умеренная, внимательная, тактичная реакция в таких делах. Спрашивается, такова ли наша реакция? Наша реакция острая...»

Первый секретарь ЦК продолжил анализ ситуации в Болгарии: «Некоторые хотят, чтобы сейчас перед Центральным комитетом выступил каждый член Политбюро и самокритично заявил бы перед всем народом: Центральный комитет виноват. Но дают ли себе отчет некоторые товарищи, что из этого получится, что это будет означать?...»[8]

Свои слова Живков проиллюстрировал следующим образом: «Вчера мы получили резолюцию из партийной организации редакции газеты "Народна младеж»" с требованием немедленного созыва съезда для избрания нового Центрального комитета, поскольку нынешний ЦК не оправдал доверия. Когда мы заинтересовались, в чем там дело, то оказалось, что секретарем первичной партийной организации является бывший анархист...»[9].

Несколькими днями позже, 1 мая, в газете «Отечествен фронт» появились новая статья В. Топенчарова «Интервью с народом о мелочах жизни», фельетон Генчо Узунова «Первомай, Первомай» и карикатуры Марко Бехара[10]. В этих публикациях не было чего-то необычного. Топенчаров, например, использовал популярную тему о «шторках» в машинах с правительственными номерами, которые отделяют «народных представителей» от народа, и призвал охранять прежние, исконные добродетели партии. Но такие выступления переполнили чашу терпения власть имущих. Во время встреч членов ЦК с партийным активом творческих союзов были сформулированы обвинения власти в адрес Топенчарова: «Он ратует за такую свободу, какую хотят в Польше». Начались и первые репрессии. Членов редколлегии печатного органа Отечественного фронта вызвали в ЦК партии, где после резких обвинений было велено выступить с опровержением всего ранее написанного[11].

20 мая в газете «Работническо дело» вышла редакционная статья под заголовком «За правое дело партии, против мелкобуржуазной распущенности»[12]. В ней читателю была предложена партийная классификация

критики: конструктивная, чрезмерная и вредная. Топенчаров обвинялся в том, что подменил свободу критики «пустой болтовней», что действовал против интересов народа. Но публичная санкция показалась недостаточной. Специально созданной комиссии при Президиуме Народного собрания было поручено решить судьбу газеты. Комиссия приняла решение освободить Топенчарова от должности главного редактора и назначила трех депутатов парламента, в том числе Георгия Караславова, кураторами газеты[13].

Эта санкция привела к новому витку конфронтации. Большинство интеллектуалов, особенно писателей, не согласились с обвинениями, выдвинутыми против Топенчарова, и с его наказанием. Они в категоричной форме выразили протест против попыток ограничить свободу слова, вновь запугать людей. Выступая на партийном собрании писателей 16 октября 1956 г., Людмил Стоянов заявил: «Я бы назвал эту статью (в газете «Работническо дело» от 20 мая. — *Н. Х.*) реакционной, так как она тянет назад, а не способствует прогрессу... Она... не только душит критику, она подобна удару ножом в самое сердце сатиры, а, кроме того, по тону оскорбительна для достоинства писателя. Объективно она защищает преступников, жуликов, расхитителей государственной собственности, бюрократов и пр., оправдывает разрыв с народом... Мне кажется, что для правильной организации литературной жизни положения этой статьи следует пересмотреть». Это мнение разделили и Эмил Манов, Радой Ралин, Михаил Величков, Гочо Гочев[14].

На других встречах и в беседах писатели Л. Стоянов, Кр. Пенев, Р. Ралин вновь допускали острые высказывания, за что получили предупреждение о строгом партийном взыскании[15].

В начале октября выяснилось, что некоторые представители творческой интеллигенции внимательно наблюдают за ходом событий в Венгрии и приветствуют их. Наиболее яркий пример — пространное выступление Михаила Величкова на собрании писательского актива 12 октября[16]. А 16 октября, отвечая на очередной встрече на обвинения Г. Караславова, что он якобы плохо информирован о положении в Польше, Величков заметил: «Некоторые говорят, что отдельные видные партийные деятели заявили, что лучше иметь закрытый рот, чем Познань. Я думаю, что Познань порождена не открытыми ртами, а именно закрытыми»[17].

Радой Ралин призывал к плюрализму мнений в партии. Он сочинял, кроме того, и едкие эпиграммы на главного редактора «Работническо дело» Георгия Бокова, открыто заявлял, что ему не нравится содержание газеты, что пора кончать с практикой пожизненного пребывания у власти.

Ответом партийного руководства явились действия, с помощью которых органам партийной пропаганды удалось настроить общество против

писателей. На встрече членов Политбюро ЦК БКП с писателями-коммунистами 7 марта 1957 г. Эмил Манов привел несколько характерных примеров. «Писатель Александр Муратов, — рассказал он, — длительное время пользовался библиотекой Народного банка. После венгерских событий, когда он снова захотел воспользоваться ее материалами, начальник отдела кадров заявил ему: "Мы не можем пускать к нам посторонних. Вы — подобие кружка имени Петёфи..." Или другой яркий пример: полковник Димир Паунов встретил меня словами: "Вас, писателей, надо построить и пройтись по вам автоматной очередью"»[18].

Наибольшее недоверие к правящему после апреля 1956 г. слою испытывали художники. Их робость и осторожность проявились и в реакции на редакционную статью в № 3 журнала «Изкуство» за 1956 г., авторы которой настойчиво приглашали художников и искусствоведов «выговориться», высказаться по наболевшим вопросам изобразительного искусства[19]. Преодоление накопившегося скептицизма и недоверия оказалось делом нелегким. Опасения этой части художественной интеллигенции имели основания. Когда в печати появлялись, хотя и предельно аккуратно сформулированные суждения, по существу, ставившие под сомнение социалистический реализм как художественный метод, призывавшие скорректировать прежнее отношение к художественному наследству или поднимавшие вопросы соотношения традиции и новаторства, личного почерка художника, сразу же следовали коварные удары «сверху» по редакциям, издательствам или по отдельным деятелям культуры. На том этапе, однако, эти удары пока ещё старательно маскировались. Но вскоре об опасности «гнилого либерализма среди интеллигенции», «польской или венгерской заразы» открыто заговорили на верхних «этажах» партийной власти. Реакция последовала незамедлительно. Поэтому, когда в декабре 1956 г. проходило обсуждение «Вопросника», большинство художников уже настойчиво спрашивали: «А каково мнение ЦК?» и в категоричной форме отказывались верить в то, что ЦК будет формировать свое отношение к изобразительному искусству, к принципу социалистического реализма, учитывая их мнения[20].

В мае—июне 1956 г. «апрельский ветер обновления» стал морозным. Общественная и духовная атмосфера, по крайней мере, в отношении художественной элиты, стала, в сущности, более гнетущей, нежели в 1954 и 1955 гг., когда в обстановке эмоционального раскрепощения прошли обсуждения польского плаката[21], выставка итальянского художника Ренато Гуттузо, мексиканская художественная выставка[22]. Если в прессе все же появлялись положительные отзывы об этих иностранных культурных мероприятиях, культуртрегеры от администрации реагировали на

большинство из них когда смущенно и растерянно, а когда и бурно отрицательно.

Надежды театральных деятелей, порожденные апрелем 1956 г., были связаны с возможностью эксперимента, более свободного творческого проявления. На встрече в Отделе науки, образования и искусства в ЦК партии в ноябре 1956 г. Георги Стаматов говорил: «Дайте же возможность молодым режиссерам и актерам дерзать, находиться в постоянной творческой оппозиции Народному театру, чтобы и у нас получилось подобное Югославии»[23].

Месяцем ранее, в октябре, указанный отдел провел встречу с партийным активом высших учебных заведений и научных институтов[24]. С критикой кадровой политики выступил профессор Янко Атанасов: «Надо откровенно признать, что не только в вузах и научно-исследовательских институтах, но, я бы сказал, почти повсеместно в стране требуются кадры с партийным билетом. Обязательно нужно быть членом партии. А где это записано?.. Партия — руководящий фактор. Но у нас путают руководящую роль и роль управляющую, занимаются вульгаризаторством идеи. Нам обязательно нужен член партии. И вот бай Пешо, бывший начальник тюрьмы, руководит экспортом винограда в Норвегию или Швейцарию, не имея ни малейшего представления об этой работе. Его выдвинули на этот пост, потому что он член партии, потому что у него 15-летний партийный стаж. Так нельзя. Мы должны обращать внимание не только на эту сторону вопроса, но, прежде всего, на деловую сторону, на деловые качества людей. А партия пусть контролирует, следит за тем, как он работал. Это относится и к вузам. Профессора и преподаватели-члены партии не имеют дружеских отношений с беспартийными преподавателями и профессорами... Мы плохо используем беспартийные кадры. Когда-то что-то такой беспартийный сказал. Что сказал? Люди меняются. Меня в свое время три года убеждали вступить в партию...»[25] Преподаватель МЭИ Гыдев дополнил: «Нам следует поучиться у беспартийных»[26]. Он поднял вопрос о недопустимости приема студентов в институт «по спискам», в результате чего приоритет получали абитуриенты с более низкими оценками и даже с двойками. На этой встрече почти все ученые искренне возмущались набиравшими силу в обществе и в научных учреждениях порочными нормами и принципами, протестовали против такой практики и настаивали, чтобы ЦК принял соответствующие меры для искоренения подобных явлений и фактов.

Показательно, что такие высказывания прозвучали после двух партийных пленумов, прошедших осенью 1956 г., — сентябрьского[27], на котором была предпринята попытка положить конец «мелкобуржуазной стихии», то есть дискуссии в партии и в кругах интеллигенции, и ок-

тябрьского[28], в ходе которого прозвучали открытые угрозы в адрес представителей интеллигенции — «поставить их на место» (Т. Живков) или дать «кулаком в зубы» (П. Кубадинский)[29]. Крайние меры власти по «овладению ситуацией» окончательно разрушили иллюзии в интеллектуальной среде в отношении перемен, но конфронтация не стихла.

В начале 1957 г. во втором номере нового журнала «Пламък» в разделе «Теория и критика» была открыта рубрика «Беседы и дискуссии». Первыми на поставленные редколлегией 12 вопросов отвечали писатели Людмил Стоянов, Эмил Манов и Эмилиан Станев[30]. Уже сама формулировка вопросов показывала, чту волновало художественную интеллигенцию. Речь шла о зародившемся сомнении в действенности метода социалистического реализма, о свободе стиля и литературных течений, о роли писателя как «мыслящего и ищущего» творца, о необходимости реанимирования таких жанров, как эссе, новелла, диалог, сатира, фарс, о состоянии современной беллетристики по сравнению с периодом до 9 сентября 1944 г., о необходимости создания лирических произведений с «тревожащей и ищущей мыслью», о многообразии форм литературной критики. Все участники отвечали честно и прямо, но впоследствии острейшая реакция со стороны официозных писателей — рупоров власти заставила Эмила Манова серьезно размышлять о социалистическом реализме. Не случайно вопросы, относящиеся к так называемому художественному методу, находились в центре творческой дискуссии. В социалистический период в странах советского блока он был объявлен единственным и господствующим, основным идеологическим постулатом в области художественного творчества. Он использовался для воздействия на сознание людей с целью доказательства преимуществ социализма перед западной демократией, формирования веры в осуществление «светлого коммунистического будущего». Теоретики социалистического реализма отрицали все современное европейское искусство, начиная с импрессионизма, и объединяя все направления в одном понятии — «формализм», и утверждали реализм в сочетании с идеализацией социалистической действительности. Догматическое представление о социалистическом реализме весьма ощутимо ограничивало свободу творчества и вызывало острое противодействие деятелей культуры в кажущейся раскрепощенной атмосфере после XX съезда КПСС и апрельского пленума ЦК БКП. Реакция интеллигенции, являвшаяся, по существу, посягательством на принципы марксизма-ленинизма в культуре, естественно, смущала власть и вызывала ответные резкие меры в целях стабилизации обстановки.

Инициативу парализовать критические настроения путем полемики с чехословацкими писателями взял на себя Тодор Павлов, демонстрировавший подчеркнуто догматический взгляд на метод социалистического

реализма[31]. Но значительная часть болгарских писателей резко дистанцировалась от суждений автора «Теории отражения». Особенно четкую позицию занял Эмил Манов: «...По нашему мнению, вполне достаточно, чтобы писатель в своем творчестве занимал социалистические или искренне демократические позиции — это гарантирует его работам правду жизни. А в отношении всего прочего — метода, стиля, литературного течения, школы и т. п. — давайте предоставим свободу выбора самому писателю. Это абсолютно необходимо, если мы желаем нашей литературе подлинного расцвета»[32].

Высказывания на различных партийных и писательских форумах, нестандартные размышления в прессе обострили отношения как между разными группами в писательских кругах, так и между критически настроенными писателями и властью. Попытка разрядить обстановку и успокоить умы была предпринята на встрече членов Политбюро ЦК БКП с писателями-коммунистами 7 марта 1957 г.

На встрече прозвучали серьезные обвинения в адрес Эмила Манова и других «невосприимчивых» писателей. Характерно в этом плане выступление Ангела Тодорова, который заявил: «Меня, например, настораживают выступления в печати тов. Эмила Манова на протяжении последнего года. Позавчера у нас было собрание, на котором он сказал, что наша литература безжизненна... Он высказал также сомнения в методе социалистического реализма. Назвал этот метод «словечком», без которого можно обойтись. Такие заявления, несомненно, вносят колебания, особенно в нашу литературную молодежь. В протоколах наших собраний и в других материалах имеются просто изумляющие высказывания Михо Величкова и Гочо Гочева. Просто изумляющие антипартийные высказывания»[33].

Против позиции Эмила Манова высказались также Орлин Василев и Георги Караславов.

Последовал обмен острыми репликами, после чего член Политбюро Райко Дамянов и первый секретарь ЦК Тодор Живков заявили, что в данный момент нужно до конца осознать правильность партийной линии, что не следует больше спорить о прошлых ошибках, что только таким путем можно двигаться вперед[34]. Правящие «верхи» уже выработали новую тактику, которой с незначительными изменениями будут придерживаться в последующие десятилетия: избегать острой конфронтации с критически настроенной интеллигенцией (по этой причине и репрессии не были столь суровыми), допускать разумные отступления и умело флиртовать.

В тот конкретный момент четко выраженное «наверху» мнение должно было означать конец острой полемики между официозными писате-

лями и их оппонентами. Однако напряжение в отношениях было столь велико, что легко преодолеть его не представилось возможным. Это стало ясно на годичном отчетно-выборном собрании писательской организации 9 марта 1957 г., т. е. два дня спустя после встречи в Политбюро с писателями-коммунистами. Хотя в отчетном докладе секретаря партийной организации Ангела Тодорова была предпринята определенная попытка сгладить противоречия (в докладе все же упоминались «прегрешения» Людмила Стоянова, Гочо Гочева и Михаила Величкова — каждого поименно, и особо был отмечен Эмил Манов за «неправильные» оценки социалистического реализма), дискуссия выявила, что конфликт продолжается[35]. Самые весомые аргументы, приводившиеся полемично настроенными писателями против обслуживающих власть собратьев по перу, были заимствованы из советской практики — публикаций в журнале «Новый мир» и статьи Ильи Эренбурга в «Литературной газете»[36].

Дискуссии, имевшие место в следующем за апрельским пленумом году, явились демонстрацией искреннего убеждения ряда писателей, что социалистическая действительность нуждается в переменах, что литератор должен отражать новое, искреннее и более глубокое отношение к окружающему миру и переживаниям людей. Все это нашло проявление в произведениях, вышедших из печати летом 1956 и в 1957 г., — романе «Семья Ласковых» Любена Станева, повести «Недостоверный случай» Эмила Манова и пьесе «Страх» Тодора Генова. Книги вызвали острую полемику в прессе и санкции со стороны властей. Были приняты меры, чтобы непокорных «поставить на место», как в конце 1956 г. обещал Т. Живков. Наказания по партийной и административной линии получили Гочо Гочев — главный редактор журнала «Театър», Михаил Величков — автор положительной рецензии на пьесу «Страх»[37], Крум Пенев, Радой Ралин, Людмил Стоянов, Борис Делчев, Младен Исаев, Ламар...[38] Конкретные обвинения сформулировал Андрей Гуляшки в докладе на собрании партийной организации писателей[39].

Именно в 1957 г. власть своими действиями начала «легитимировать» «диссидентов». Цель, которую она ставила перед собой, наказывая известных болгарских авторов и их критические художественные произведения, была достигнута: значительная часть интеллигенции запугана и ушла в себя. Другая, к которой относился и Эмил Манов, отвечала на критику с долей иронии, но не избегала при этом открыто формулировать гражданскую позицию: «Люди, — призывал писатель, — давайте не забывать, что иной раз человек важнее института, что человек — высшая цель, за которую воюет наше общество, давайте не отрывать теорию нашего гуманизма от нашей же практики даже в отдельных случаях, ибо это

наносит подчас больший вред делу Партии, нежели десяток "неправильных" формулировок реализма»[40].

Появлялись и новые книги. Кроме вышеупомянутых трех произведений, нашедших своего читателя и оказавших раскрепощающее воздействие на общество, в 1957 г. вышли в свет сборники стихов молодых либеральных поэтов Любомира Левчева («Звезды мои») и Владимира Башева («Тревожные антенны»), характерной чертой которых были гражданская позиция и подчеркнутая «интеллектуальность»[41]. В то же время сценаристы и режиссеры работали над новыми фильмами — «На маленьком острове» (Валерий Петров, Рангел Вылчанов) и «Жизнь течет размеренно» (Христо Ганев, Бинка Желязкова). Эти фильмы в начале 1958 г. будут подвергнуты уничтожающей критике, а картину «Жизнь течет размеренно» вообще запретят к показу в кинотеатрах. В 1956 г. сильное впечатление на читающую публику произвели рассказы Васила Попова «Иван» и Николая Хайтова «Жалоба Мито»[42].

Отношение власти к отдельным творческим союзам в это время различно. Если писатели и театроведы официально призваны к порядку из-за появления «антипартийных» произведений и их осуждения, то к художникам подход особый. Понятно, что за считанные месяцы они не смогли написать новые картины, в которых цензура была готова искать и находить грубые «формалистские» отклонения. Именно поэтому Общая художественная выставка (ОХВ) 1957 года (как предложенные художественным советом критерии отбора представленных на ней произведений, так и опубликованные в печати отклики) стала удобным поводом, чтобы «наставить на путь истинный» заблудших[43]. Попытку дать объективный и вместе с тем критический анализ состояния болгарской живописи, предпринятую на страницах газеты «Литературен фронт» Борисом Делчевым[44], встретил ожесточенный обстрел.

Первым на мнение Делчева об ОХВ-57 отреагировал секретарь Союза болгарских художников Иван Фунев[45], за ним последовал главный редактор писательской газеты Славчо Васев. Финальный «залп» дал представитель Отдела науки, образования и искусства ЦК БКП Димитр Остоич, являвшийся одновременно и главным редактором журнала «Изкуство». Именно ему пришло в голову заявить: «Пора перестать нагло злоупотреблять установками XX съезда КПСС и апрельского пленума ЦК БКП о культе личности»[46].

Единственный практический результат этой публичной полемики сработал, к сожалению, на пользу власти. В конце концов, художники ополчились друг на друга. Принцип «разделяй и властвуй» был использован не без помощи участников дискуссии, что было весьма удобно для

новых партийных лидеров, утвердившихся у властного руля после событий весны 1956 г.

Для болгарских интеллектуалов период с 1956 по начало 1958 г. — это время иллюзий и их развенчания, время конфронтации и гражданского возмужания. Для власти — это трудный период, отчетливо показавший новому партийному лидеру Тодору Живкову, насколько важно завоевать на свою сторону интеллигенцию. И впредь он будет прилагать к этому немало усилий.

До апреля 1958 г. представители ЦК БКП вели диалог со всей творческой интеллигенцией (исключая художников). На встрече членов Секретариата ЦК с активом партийной организации Союза болгарских писателей критика в адрес власти, прозвучавшая в дискуссии, которая последовала за апрельским пленумом, была охарактеризована как влияние западной пропаганды[47]. Партийному руководству политически невыгодно было признать наличие конфликта между собой и критически настроенными писателями-коммунистами, большинство из которых имели довоенный партийный стаж. Равно как и заняться выявлением истинных причин этого конфликта.

24 января 1958 г. состоялось совещание сотрудников отделов агитации и пропаганды и науки, образования и искусства ЦК БКП с секретарями окружных комитетов партии, курировавшими соответствующие направления партработы, главными редакторами центральных газет и журналов и радио Софии. Особое внимание на нем было уделено кино. «Встал вопрос о грубой тенденциозности. Наши идеи подаются крайне легковесно и навязчиво. Их следовало бы облекать в более художественные формы. А мы до чего дошли? — вопрошал Ганчо Ганев. — Сейчас в сценарные комиссии поступают сценарии фильмов, которые в политическом отношении не наносят вред и не имеют никакой негативной политической подоплеки, но в них вы не услышите слов "партия", "социализм", и даже в таких хороших фильмах, как "На маленьком острове", в фильмах с определенной политической направленностью (по ходу фильма 43 человека пробираются в Советский Союз) вы не услышите слов "коммунист" и "партия". Значит, если мы решаем отказаться от грубой тенденциозности, то немедленно впадаем в другую крайность». Ганев напомнил аудитории о вредном влиянии итальянского неореализма, о скептическом отношении к советской кинопродукции, об исключении из плана показа польских и венгерских фильмов, о высоких оценках западного кино в болгарском обществе[48].

22 марта была организована встреча членов Секретариата ЦК с киноработниками, на которой присутствовал и Тодор Живков[49]. Беспощадной

критике подвергся фильм «Жизнь течет размеренно». Выступление автора сценария Христо Ганева, как и поддержка его Бориславом Шаралиевым, свидетельствовали о том, что конфликту, сущность которого заключалась в отстаивании художниками своих эстетических и гражданских позиций и попытках власти привести их к послушанию, далеко до урегулирования.

Речью Тодора Живкова на отчетно-выборном собрании Союза болгарских писателей 8 апреля 1958 г. «Теснее с народом, ближе к жизни»[50], которая в общих чертах повторяла речь Н. С. Хрущева перед советскими писателями, закончилась длившаяся два года «борьба за завоевание интеллигенции». Если говорить более точно, болгарский лидер как бы смирился с достигнутым к данному моменту состоянием отношений. Это немало, но и не достаточно, чтобы сломить интеллигенцию. Одни ее представители остались верными себе в своих произведениях, другие — их единомышленники — выступали в их защиту. Сопротивление в области культуры продолжалось. Финальный раунд оказался отложенным на несколько лет.

Примечания

[1] Работническо дело. 1956. 14.IV. Бр. 105.

[2] *Живков Ж.* Кръглата маса на Политбюро. София, 1991. С. 25.

[3] *Топенчаров В.* Бесове на моето време. Кладенецът на спомените. София, 1993. С. 267.

[4] *Мигев В.* Българските писатели и политическият живот в България. 1944—1970. София, 2001. С. 137—138.

[5] Централен държавен архив на Република България (далее — ЦДА). Ф. 340-Б. Оп. 1. А. е. 7.

[6] Отечествен фронт. 1956. 8.IV. Бр. 3621.

[7] ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 5. А. е. 199. Л. 8.

[8] Там же.

[9] Там же. Л. 10.

[10] Отечествен фронт. 1956. 1.V. Бр. 3633.

[11] *Топенчаров В.* Указ. соч. С. 242—243.

[12] Работническо дело. 1956. 20.V. Бр. 141.

[13] *Баева И.* Източна Европа след Сталин. 1953—1956. Полша, Унгария, Чехословакия и България. София, 1995. С. 268.

[14] ЦДА. Ф. 357-Б. Оп. 1. А. е. 58. Л. 153 и сл.

[15] Там же. А. е. 50. Л. 8—10.

[16] Там же. Ф. 551. Оп. 1. А. е. 72. Л. 265.

[17] Там же. Ф. 357-Б. Оп. 1. А. е. 58. Л. 184.
[18] Там же. Ф. 1-Б. Оп. 5. А. е. 258. Л. 39—40.
[19] *Аврамов Д.* Летопис на едно драматично десетилетие. София, 1994. С. 66—74.
[20] ЦДА. Ф. 358-Б. Оп. 1. А. е. 41.
[21] Там же. Ф. 133. Оп. 8. А. е. 17.
[22] Там же. А. е. 60.
[23] Там же. Ф. 1-Б. Оп. 5. А. е. 236. Л. 3. и сл.
[24] Там же. А. е. 232.
[25] Там же. Л. 20.
[26] Там же. Л. 39.
[27] Там же. А. е. 220.
[28] Там же. А. е. 223.
[29] Там же. Л. 139.
[30] Пламък. Кн. 2. 1957. С. 44—48.
[31] Литературен фронт. 1957. 4, 21.III. Бр. 11, 12.
[32] Пламък. 1957. Кн. 2. С. 46—47.
[33] ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 5. А. е. 258. Л. 19.
[34] Там же. Л. 40.
[35] Там же. Ф. 357-Б. Оп. 1. А. е. 61. Л. 8—52.
[36] Там же. Л. 52.
[37] *Величков М.* Една съвременна сатира // Пламък. 1957. Кн. 8. С. 63—65.
[38] ЦДА. Ф. 357-Б. Оп. 1. А. е. 67.
[39] Там же.
[40] Литературен фронт. 1957. 23.X. Бр. 43.
[41] *Аврамов Д.* Диалог между две изкуства. София, 1993. С. 378—379.
[42] *Славов А.* Българска литература на размразяването. София, 1994. С. 66, 81—86.
[43] ЦДА. Ф. 133. Оп. 9. А. е. 44.
[44] Литературен фронт. 1957. 6.VI. Бр. 23.
[45] Там же. 1957. 13.VI. Бр. 24.
[46] *Аврамов Д.* Летопис... С. 90.
[47] ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 5. А. е. 314. Л. 2 и сл.
[48] Там же. А. е. 316. Л. 89—95.
[49] Там же. А. е. 325.
[50] *Живков Т.* Изкуството, науката и културата в служба на народа. София, 1965. Т. 1. С. 200 и сл.

Е. Калинова
(Софийский государственный университет)

Интеллигенция и власть между двумя волнами десталинизации в Болгарии. 1956—1961 годы

В годы государственного социализма в Болгарии процессы, протекавшие в среде художественной интеллигенции, и ее отношения с управляющими кругами неизбежно испытывали влияние чисто политических факторов. Если на этапе народной демократии (1944—1947 гг.) политический плюрализм обусловил идейное и творческое многообразие, то утверждение сталинизма после 1948 г. сопровождалось установлением прямого контроля и диктата Болгарской коммунистической партии (БКП) в сфере культуры. Основные характеристики обоих периодов были заданы Москвой, а болгарские правящие круги точно следовали советскому примеру.

Наступившие в СССР после смерти И. В. Сталина перемены в политической и духовной сферах нашли отражение и в Болгарии. Активизация творческой жизни советской интеллигенции, равно как и некоторые изменения в болгарской политической жизни к середине 50-х годов XX в., вызвали определенное оживление среди болгарских интеллектуалов. Оно, однако, было слабым, непоследовательным и колеблющимся и проявилось, прежде всего, в среде писателей и художников. Одному из современников событий искусствоведу Димитру Аврамову принадлежит более точная характеристика атмосферы тех лет: «В воздухе ощущалось что-то “новое” — не как реальность, а, скорее, как предчувствие: надежды на перемены и вместе с тем полная неизвестность. Никто не знал, что нас ожидает»[1]. Умы находились в состоянии брожения, но шаги партийного руководства, направленные на ограничение попыток свободомыслия, долго насаждавшийся страх и отработанные механизмы партийного контроля делали дальнейшую эволюцию художественной интеллигенции на пути собственного раскрепощения весьма проблематичной.

Решающее значение для продолжения процессов обновления болгарской культурной жизни имел XX съезд КПСС (14—25 февраля 1956 г.) и доклад Н. С. Хрущева о преступлениях Сталина. Приведенные в нем факты вызвали сильнейшее потрясение во всем восточном блоке. Болгарским ответом на первую волну десталинизации явился пленум, проведенный в начале апреля 1956 г., в результате которого «болгарский Ста-

лин» — Вылко Червенков был смещен с постов руководителя партии и государства и объявлен виновником всех «прегрешений» предшествовавшего периода[2]. Произведенная перестановка в руководстве носила косметический характер и была вызвана борьбой за власть в высшем эшелоне БКП при решающем влиянии поступавших из Москвы импульсов. В апреле 1956 г. первый секретарь ЦК БКП Т. Живков сумел укрепить свое лидирующее положение в партии, но во главе исполнительной власти до 1962 г. оставался Антон Югов.

Самым важным итогом апрельского пленума следует считать не «смену караула» в партийных верхах, а вызванное им оздоровление атмосферы и стимулирование открытой дискуссии по всем больным для общества проблемам. Среди части интеллигенции оживились надежды на завершение эры сталинизма, продолжение, с официальной санкции власти, попыток положить конец партийному диктату в культуре. На болгарскую интеллигенцию все более сильное влияние оказывали и сведения об охватившей писательские круги Чехословакии, Польши и Венгрии весной—летом 1956 г. «оттепели», хотя официальная власть относилась критически к этому процессу и стремилась блокировать каналы информации[3].

Рост политической напряженности в указанных странах и усиление критических настроений в болгарском обществе[4] вынудили руководство БКП принять меры для предотвращения угрозы своим позициям. 6—7 сентября 1956 г. был созван пленум ЦК партии. Целью его, по определению Т. Живкова, было дать решительный отпор *«нездоровым проявлениям»* со стороны «некоторых коммунистов, забывших о том, что они являются членами партии» и выдвинувших лозунги против руководящей роли БКП и вмешательства ЦК в сферу культуры. Стрелы критики были направлены, прежде всего, против художественной интеллигенции — писателей и художников, а также против журналистов. Т. Живков понимал, что дело заключалось не только в их личных обидах: критические настроения были достаточно сильными, и этому обстоятельству следовало дать сколько-нибудь внятное объяснение. Форма, в какую это объяснение было облечено, была заимствована из арсенала начала 1950-х годов: борьба с классовым врагом и остатками буржуазной идеологии продолжается, носители чуждых настроений проникли в партию вследствие ее чрезмерной массовизации, и эти «случайные, чуждые и карьеристские элементы», вынужденные до апрельского пленума молчать, теперь «забыли, что состоят в организациях коммунистической партии, и болтают как дворовые сплетницы»[5].

Венгерская революция, разразившаяся осенью 1956 г., подтвердила опасения болгарских руководителей, возникшие по ходу процесса либерализации, стала оправданием проводимого ими курса на ограничение и сдерживание перемен и явилась сильным стимулом для его «закрепления». По мнению болгарских «десталинизаторов», еще в апреле 1956 г. была достигнута максимальная либерализация, и любое дальнейшее действие в этом направлении таило в себе опасность для всей системы. Дверь в демократическое будущее, начавшая было приоткрываться по распоряжению Москвы, демонстративно захлопнулась. Ставшее реальностью «закручивание гаек» в конце 1956 г. и усиленная пропаганда, связавшая события в Венгрии и настроения интеллигенции, внушали болгарской общественности, что главная угроза реставрации капитализма заключалась в «значительной концентрации вражеских элементов среди интеллигенции». При этом к призраку кружка имени Петёфи добавился эффект, произведенный на Западе разоблачением культа личности, а также и нестабильные внутриполитические позиции Хрущева и Живкова.

В последующие пять лет, вплоть до новой волны разоблачения Сталина на XXII съезде КПСС в октябре 1961 г., антисталинский пафос правящих кругов значительно ослабел, что не могло не отразиться на политике в области культуры и на отношении к творческой интеллигенции. Однако джинн из бутылки уже был выпущен, и возвращение интеллигенции в состояние начала 1950-х годов оказалось невозможным. Социализм «спасен», но тревога верхов в связи с очевидным оживлением в интеллигентских кругах сохранялась. Т. Живков и его окружение оказались перед трудной задачей. С одной стороны, они должны были ввести интеллигенцию в определенные рамки, не выпустив ее из-под контроля партии, что обусловило преемственность в тональности диалога и средствах воздействия с периодом сталинизма. Вместе с тем власть сознавала, что при таком подходе она еще сильнее оттолкнет от себя этот слой и разрушит имидж обновителей, который сама стремилась создать. Вот почему Живков, проявив политическое чутье начиная с 1957 г. стремился представить себя в более выгодном свете, дистанцируясь не только от манеры, свойственной в разговоре с интеллигенцией В. Червенкову, но и от своего собственного грубого поведения в 1956 г.

В политическом плане 1957 год начался с пленума ЦК БКП по усовершенствованию управления. Было решено сократить число министерств. В феврале впервые руководство сферами образования, науки и художественной культуры было централизовано в рамках нового Министерства просвещения и культуры во главе с бывшим министром просвещения

Демиром Яневым. Министерство претерпело несколько реорганизаций, целью которых было достижение единства руководства указанными областями. О трудностях, с которыми пришлось столкнуться, свидетельствовала, в частности, неоднократная смена министров — пятерых (Д. Янев, В. Червенков, Ж. Живков, Н. Папазов, Г. Ганев) за шесть лет существования министерства до мая 1963 г.

В 1957 г. руководство предприняло попытку создать новые контролируемые каналы воздействия на интеллигенцию. Начала издаваться еженедельная газета «Народна култура» (орган Министерства культуры), главным редактором которой был назначен член ЦК БКП Александр Обретенов. В апреле наконец-то было получено разрешение на открытие в Софии Государственного театра сатиры, которому отводилась роль своеобразного клапана для выхода накопившегося в обществе недовольства, началось издание библиотеки «Стършел» («Оса») — серии книжек карманного формата сатирического содержания. В культурной жизни постепенно нашли свое место новые литературные журналы «Пламък», «Литературна мисъл» и «Родна реч». Их издание было задумано еще вслед за апрельским пленумом 1956 г. с тем, чтобы создать трибуну для выражения различных мнений и проведения дискуссий. Уже в первом номере журнала «Пламък» его создатели заявили, что будут бороться против любых «канонов применительно к литературному методу» и что их детище станет трибуной раскрепощенной писательской мысли. На страницах журнала все чаще стали появляться произведения современных западных авторов, представленных молодым поколением критиков — Минко Николовым, Тончо Жечевым, Цветаном Стояновым, Атанасом Натевым[6]. Грубый тон и угрозы из уст партийных руководителей в конце 1956 г. не принесли желаемых результатов. В 1956—1957 гг. свет увидели произведения, вызвавшие большой общественный резонанс не столько из-за своих литературных достоинств, сколько благодаря реальному, без прикрас, отображению действительности, — повесть Эмила Манова «Недостоверный случай», пьеса Тодора Генова «Страх», повесть «Семья Ласковых» и сборник рассказов «Холодный дом» Любена Станева.

Оживление, наступившее в литературе в 1957 г., поддерживалось стремительным вступлением в нее молодых и способных авторов. В беллетристике появились первые книги Николая Хайтова и Васила Попова, а Любомир Левчев, Владимир Башев, Дамян Дамянов, Пеньо Пенев многообещающе дебютировали в поэзии. Весной журнал «Септември» опубликовал антологию «Молодые поэты», отразившую изменившееся мировосприятие нового поколения — от «кроткого лирика» Дамяна

Дамянова до «ужасного ребенка софийских литературных кафе», «непредсказуемого» Константина Павлова[7]. Само по себе явление «молодая поэзия», ставшее возможным в условиях «оттепели», оказалось столь значимым, что вызвало продолжительную, не лишенную политической окраски, дискуссию в литературных кругах. Новое руководство в лице Георгия Джагарова — председателя Кабинета молодых писателей при Союзе болгарских писателей (СБП) поначалу поощряло «молодых», чтобы создать себе ореол борцов против сталинизма. Но в партийной оценке этих литераторов как «талантливых», но «лишенных идеалов», были заложены семена будущего конфликта[8]. До его возникновения, в обстановке большей свободы творчества, молодые поэты вырабатывали свой индивидуальный художественный почерк. Одни проявляли склонность к самоанализу и созерцанию (Д. Дамянов, Слав Караславов). Другие (К. Павлов, Л. Левчев, Стефан Цанев) открыто выражали недовольство любыми формами опеки. А. Славов охарактеризовал этих литераторов, как «поэтов-интеллектуалов», которые, в отличие от «лириков», мыслили «глобальными категориями», проявляли «буйство и агрессивность», ненавидели догматизм и были готовы бороться «за освобождение интеллектуальной жизни» от контроля бюрократической верхушки[9].

Аналогичные процессы развивались и среди молодых писателей-прозаиков. Поначалу они демонстрировали единые позиции в поисках творческой свободы, но постепенно их разделили личные предпочтения. Одни (В. Попов, Л. Станев, Любен Дилов) откровенно критиковали недуги современности, не обходили острые проблемы и проявляли неподдельный интерес к литературным тенденциям, развивавшимся на Западе. Вследствие этого партийное руководство начало воспринимать их как потенциально опасных. В то же время другие прозаики (Николай Хайтов, Кольо Георгиев) уделяли особое внимание «эмоциональности, ностальгическим проявлениям, сельскому пейзажу и природе»[10]. Таким образом, освобождение от единообразия, утвердившегося в годы сталинизма, вызвало к жизни целую гамму художественных пристрастий и проявлений, что в принципе являлось признаком нормализации в сфере культуры и обогащало литературную жизнь. С другой стороны, естественные различия неминуемо вели к оформлению отдельных направлений в творчестве, т. е. к разъединению. Этим обстоятельством воспользовались новые руководители с тем, чтобы углубить различия, противопоставить литераторов друг другу и обеспечить себе поддержку со стороны тех, кому они покровительствовали. Такой подход постепенно превратился в характерную черту живковизма в культурной политике. Особенно ярко он про-

явился в литературе, поскольку писатели имели возможность непосредственно воздействовать на общественное мнение, а процесс раскрепощения в писательской среде ушел значительно дальше, чем в других сферах культурной жизни.

Еще в январе 1957 г. Политбюро ЦК БКП настояло на проведении встречи с писателями, так как среди них имелось определенное «замешательство». Встреча состоялась 7 марта, отразив как новое размежевание внутри СБП, так и начальную стадию изменений в позиции Т. Живкова. Материалы встречи производят сильное впечатление в связи с изменившейся тональностью выступлений тех писателей, которые годом ранее считались «голосами» «оттепели», — Людмила Стоянова, Эмила Манова, Челкаша, Крума Пенева. Постоянные угрозы властей предержащих, поощряемое ими противопоставление общества и писателей принесли свои плоды. Выступивший первым, еще до открытой критики в свой адрес, Л. Стоянов долго оправдывался за свои, годичной давности, выступления с призывами к писателям дистанцироваться от актуальной политики, если они хотят оставаться творцами. Причину этой, по его словам, «ошибки чувств, а не мыслей», Стоянов увидел в сложной обстановке накануне и после апрельского пленума. Переживавший глубокую душевную драму Стоянов подчинился оказанному на него нажиму[11]. Оправдывался, хотя и не так активно, Э. Манов, подчеркнувший, что после апрельского пленума он, принимая в целом его решения, все же испытывал «некоторые сомнения»[12].

На другом полюсе находились в писательской среде те литераторы, на которых партия могла рассчитывать, — Ангел Тодоров, Орлин Василев и, особенно, Георгий Караславов. Поддержка партийного руководства делала их позицию уверенной и наступательной. Они с готовностью повторяли имена «провинившихся», перечисляли «прегрешения», оценивая их как «отклонения от линии партии», которые предстояло подвергнуть «ожесточенной» критике. В противном случае, считали они, эти «прегрешения» «утвердятся и станут линией»[13]. В отличие от В. Червенкова, который заканчивал подобные встречи оглашением «приговора», Т. Живков предоставил это Г. Караславову. Кандидат на руководящий пост в СБП исполнил поручение с готовностью. Он подробно проанализировал выступления по разным поводам Л. Стоянова, Э. Манова, Эмилиана Станева и др. о свободе творчества и методе социалистического реализма, заявив, что его отрицание представляет собой «попытку оспорить право Партии руководить литературным сектором»[14]. Т. Живков предпочел роль судьи, стоящего «над схваткой», склонного простить вольности 1956 г.,

поскольку «сегодня важно, какие позиции мы занимаем, что думаем, чтобы идти вперед»[15]. Тактика выжидания, пока писатели сами подчинятся требованиям партии, дополнялась увеличением финансирования СБП, хотя в целом расходная часть бюджета на 1957 г. была сокращена[16].

Зримые результаты, однако, задерживались, да и Н. С. Хрущев подавал другой пример, которым Живков не мог пренебрегать, особенно в условиях обострявшейся борьбы за власть в руководстве БКП. В мае 1957 г. на двух встречах с представителями художественной интеллигенции советский лидер выдвинул лозунг укрепления ее связи «с жизнью народа». Хрущев отметил колебания интеллигенции, которая неправильно поняла критику культа личности и сосредоточилась только на «темных сторонах и ошибках»[17]. (Показательно, что болгарское руководство раньше, чем в Москве, заговорило об этом). Хрущев напомнил, что суть вопроса состоит в том, с каких позиций ведется критика, резко высказался по адресу некоторых авторов и редколлегий литературных журналов и заклеймил попытки игнорировать руководящую роль партии в сфере культуры. Эти положения он повторил летом 1957 г. Для Т. Живкова указанные выступления стали сигналом, что пора отбросить тактику ожидания «идейной эволюции» и начать «закручивать гайки».

В конце 1957 г. пришло время в очередной раз призвать писателей к порядку. В середине октября в редакционной статье газеты «Литературен фронт» был произнесен официальный приговор нескольким произведениям, опубликованным после апреля 1956 г. Речь шла о повестях «Недостоверный случай» Э. Манова и «Семья Ласковых» Л. Станева и сатирической пьесе Т. Генова «Страх». Эти произведения были объявлены «документами, отражающими идейные и литературные позиции (нездоровые и чуждые нашей марксистско-ленинской идеологии) и в целом поведение их авторов». Отважная попытка Э. Манова защитить на страницах этой же газеты свою гражданскую и творческую позицию вызвала очередную разгромную реакцию со стороны критиков, обслуживавших линию партии. Иван Руж открыто связал «недостаточную идейно-творческую подготовку» указанных авторов (к ним добавился еще Серафим Северняк) с влиянием ревизионизма и буржуазной литературы, «пустивших дикие побеги среди немалого числа писателей в Польше и Венгрии»[18]. Отныне прямого вмешательства ЦК БКП не требовалось: «правоверные» писатели и партийная организация СБП сами осуждали своих коллег, демонстрировавших «сдержанное отношение к социализму, к партии и ее деятелям», — Э. Манова, Л. Стоянова, Бориса Делчева, Тодора Генова (главного редактора журнала «Театър», в котором была

напечатана пьеса «Страх»), Михаила Величкова (автора положительной рецензии на пьесу), Кр. Пенева и Радоя Ралина (авторов «антипартийных афоризмов и эпиграмм»)[19].

В январе 1958 г. ЦК БКП рассмотрел вопрос о новом руководстве СБП, которое предстояло возглавить Г. Караславову. Нажим на писателей уже дал свой результат: Б. Делчев, М. Величков, Челкаш, Т. Генов, Я. Молхов были вынуждены в течение февраля и апреля того года публично на собраниях литераторов осудить свое поведение. Большинство писателей поддержало обвинения в адрес указанных авторов. Кульминацией партийного «закручивания гаек» стала речь Т. Живкова 8 апреля 1958 г. на годичном собрании СБП «Теснее с народом, ближе к жизни» — аналог призыва Хрущева, прозвучавшего на вышеупомянутых встречах с интеллигенцией в 1957 г.[20] В начале речи Живков пространно объяснил, что апрельский пленум партии стал «историческим» не потому, что на нем был пересмотрен генеральный курс БКП на строительство социализма, а потому, что этот курс был подтвержден, были вскрыты «некоторые серьезные ошибки и недостатки»[21]. Партийная политика в области литературы и искусства также всегда была правильной, независимо от «слабостей и ошибок» периода культа личности, и апрельский пленум не ревизовал ее сущности. В условиях стабилизации восточного блока после кризиса 1956 г. Т. Живков мог позволить себе общение с интеллигенцией в спокойном тоне, без оскорблений и угроз. Он стремился быть убедительным, смягчал критику литераторов, сопровождая ее комплиментами их таланту. Конкретно Живков назвал только два имени — Э. Манова и Т. Генова, обвинив их в отклонении от социалистического реализма. Упреки в адрес литературных критиков были анонимными: Живков ограничился констатацией, что они вместо того, чтобы с энтузиазмом защитить соцреализм, замолчали или даже «повернулись на 180 градусов» и перешли к отрицанию того, что «раньше со страстью утверждали»[22]. Как серьезную опасность для молодых литераторов Живков расценил «вредные влияния модернистских и индивидуалистических школ». Скрывшись под маской руководителя-демократа, он заверил собравшихся, что ЦК выступает за «широкие творческие дискуссии», но на основе марксизма, и за прекращение «постоянного копания в ошибках прошлого». Живков категорически подчеркнул, что БКП и ее ЦК, «руководя всеми сферами нашей жизни, также будут руководить и идеологическим фронтом, литературой и искусством»[23]. Иными словами, запугивание и приведение к порядку интеллигенции были прикрыты проявлениями озабоченности и умеренности. Владимир Топенчаров (главный редактор

газеты «Отечествен фронт», лишившийся своего поста за критические выступления) дал точную характеристику подходов В. Червенкова и Т. Живкова к интеллигенции: «Если Червенков, как правило, хмурился, то Живков улыбался. Если Червенков был резок и груб, то Живков — хитер и ловок. Если Червенков демонстрировал наступательность и прямолинейность, то Живков — гибкость и изворотливость. Если при Червенкове неудобные и опасные лица отправлялись в тюрьму, лагерь или на поселение, то при Живкове — на другую работу или в заграничную "ссылку". Но принцип был один и тот же: этих людей не видно, как будто они не существуют, чтобы не возникла никакая альтернатива существующей реальности. При Живкове репрессии над телом были заменены репрессиями над духом. Это нравилось ремесленнику, но еще сильнее угнетало интеллектуала»[24].

Действительно, в конце 1950-х годов в литературной жизни наблюдались позитивные изменения — растущий интерес к объективному освещению проблем современности, более активное издание переводов произведений западных авторов, амбициозное вступление в литературную жизнь молодых поэтов и критиков, дискуссии по вопросам критики и гласности с целью обеспечить «звучание» противоположных мнений и оценок. Эта ограниченная и робкая либерализация сосуществовала с умеренным, но постоянным давлением на литераторов. Заслужившие партийное порицание авторы были вынуждены выступать с самокритикой на писательских собраниях. «Неудобные» авторы (Э. Манов, Б. Делчев, Г. Гочев, М. Величков, Челкаш, Р. Ралин, В. Акъов и др.) выведены из состава редколлегий газет, журналов и руководства издательствами, некоторым грозило исключение из партии, а органы госбезопасности усилили наблюдение за ними[25]. Ощутимыми были и перемены в отношении к молодым авторам. Руководство СБП настояло на чистке Кабинета молодых литераторов от «политически неблагонадежных». Острой критике были подвергнуты стихи Пеньо Пенева «вредного содержания». Не выдержав нападок, психически неустойчивый поэт в апреле 1959 г. покончил с собой. Власти быстро осознали, что эта смерть могла быть воспринята как прямое обвинение против их методов действия, и реагировали немедленно. Уже на похоронах Пенева писатель Ангел Тодоров, член ЦК БКП, дал творчеству поэта высокую политическую оценку — «поэт Димитровграда», «поэт коммунистического дерзновения». Таким образом, задействовав механизм мифологизации, партия оставила за собой оценки творчества поэта[26].

К середине 1959 г. писатели уже в значительной степени «сплочены» и «приобщены» к политике партии. Секретариат СБП и партбюро Союза применили индивидуальный подход — убеждали, проводили беседы примерно со 120 писателями, сменив при этом тон на более мягкий. На смену прежним острым формулировкам пришла снисходительность к «прегрешениям» тех или иных писателей со времени 1956 г. После их выступлений с самокритикой и попадания, таким образом, в партийную колею, главный секретарь СБП Г. Караславов снисходительно охарактеризовал их поведение, как выражение «неправильных мыслей и позиций», порожденных ошибочным смешением метода соцреализма и индивидуального стиля. Он отказался от предыдущих обвинений литераторов в «рафинированном ревизионизме», расценив их как «чрезмерные и неправильные», поскольку они вносили разброд в писательскую среду и создавали нежелательную атмосферу в Союзе[27]. Караславов с удовлетворением констатировал, что СБП и Кабинет молодых литераторов изжили дрязги и «следуют указанным Партией курсом» — идут «в низы, в народ» и отражают его жизнь.

Призыв Т. Живкова, содержавшийся в его речи от 8 апреля 1958 г., был понят руководством Союза буквально, тем более что осенью того года болгарские правящие круги по китайскому и советскому примеру восприняли идею «скачка» к коммунизму. Это означало резкое ускорение экономического развития, и партийное руководство выражало убеждение, что «главной, решающей силой» в этом процессе являлись энтузиазм и творческая энергия народа[28]. На мобилизацию этих составляющих надлежало направить усилия пропаганды и деятельность художественной интеллигенции. Последнюю вновь следовало привлечь на сторону партии, что и объясняло смягчение тональности в диалоге. Писателей и поэтов призвали отправляться на стройплощадки, на заводы и в сельскохозяйственные кооперативы, где, как правило, не было элементарных условий для работы[20]. Вполне обоснованно Борис Делчев записал в своем дневнике в начале 1959 г., что в подобном призыве «много лицемерия» и что ожидаемые произведения нельзя создать путем «связи с людьми труда по приказу»[30].

Таким образом, в конце 1950-х годов властям удалось в значительной степени «дисциплинировать» писателей. В других творческих союзах процессы обновления 1956—1957 гг. протекали более замедленно, их представители почти не афишировали свои позиции, да и специфика этих сфер искусства требовала большего времени на то, чтобы отчетливо проявились новые тенденции. Поэтому в то время другие творческие

союзы не привлекали такого пристального внимания, как СБП, и упреки в их адрес были значительно слабее. Но уже в начале 1958 г. правящие круги проявили серьезную озабоченность положением дел в киноискусстве, хотя прежде состояние этой сферы, на развитие которой отпускались большие средства, вызывало, скорее, удовлетворение. Вслед за первым после 9 сентября 1944 г. художественным фильмом («Калин Орел», 1950 г.) созданы картины на темы антифашистского Сопротивления, бригадирского движения, кооперирования деревни, «бдительности», экранизировалась классика, например, роман И. Вазова «Под игом». «Оттепель» середины 1950-х годов нашла отражение и в кино. В 1956 г. на экраны вышли две комедии на современную тему, создан первый болгарский цветной художественный фильм «Пункт первый» (режиссер Боян Дановски, сценарий Валерия Петрова), авторам которого удалось в поэтичной форме увязать тему мира с пробудившимся интересом к жизни простых людей. Стремление к жанровому и тематическому разнообразию реализовывалось и в 1957 г. В фильмах проявили себя представители нового талантливого поколения актеров — Апостол Карамитев, Эмилия Радева, Асен Кисимов, Невена Коканова, Георгий Калоянчев, Георгий Георгиев-Гец.

Но уже в первой половине 1958 г. властей встревожили процессы в киноискусстве, вызвавшие вмешательство ЦК БКП и лично Т. Живкова. Оно содержало в себе те же признаки атаки, предпринятой ранее против писателей, и вновь отразило характерную для первого секретаря ЦК тактику — запугивание при одновременном создании видимости невмешательства в творческий процесс. Тревога властей была обусловлена не только появлением фильмов, охарактеризованных как безыдейные, чересчур личные и лишенные воспитательных функций в коммунистическом духе, но и двумя конкретными картинами, отличавшимися от пафосных фильмов первой половины десятилетия и отразившими творческий рост их создателей на фоне оживления культурной жизни в 1956 г. Речь шла о фильмах «Жизнь идет спокойно» (режиссеры Христо Ганев и Бинка Желязкова, сценарий Хр. Ганева) и «На маленьком острове» (режиссер Рангел Вылчанов, сценарий Валерия Петрова). Авторы первой картины подняли сложную тему крушения идеалов, объединявших прежде товарищей-партизан, которые после 1944 г. пошли разными жизненными путями. Фильм был готов в 1957 г., но на закрытом просмотре члены ЦК негативно оценили эту работу, восприняли ее как удар по авторитету партии. Картина «На маленьком острове» без излишней героизации и фальши рассказала о бегстве политзаключенных — участников Сентябрьского восстания 1923 г. из концлагеря на острове Св. Анастасии.

Чтобы блокировать опасные тенденции, ЦК БКП подготовил постановление о состоянии кинематографии. 19 февраля 1958 г. оно было вынесено на предварительное обсуждение кинематографистов, что соответствовало правилам «игры в демократию». Итоги обсуждения стали неприятной неожиданностью для руководства. Кинематографисты не проявили должного пиетета к спущенному «сверху» документу, а резко отреагировали на содержавшиеся в нем оценки. Сильную обиду и огорчение отразило выступление Хр. Ганева, по мнению которого постановление, в том виде, в каком оно обсуждалось, «явится большой ошибкой для кинематографии в целом»[31]. Он протестовал против формулировок о наличии в кинокругах «нездоровой атмосферы и духа карьеризма, интриганства, самоуспокоения и нескромности», против неоправданных обобщений, приводивших к общему знаменателю всю кинопродукцию, и, наконец, против опасного обвинения, что в Студии художественных фильмов якобы отсутствовал «партийный дух». Другие выступавшие подчеркивали, что подобные оценки воспроизводились в печати (в контексте насаждавшихся в определенный период антиинтеллигентских настроений), создавая негативные общественные настроения, а «ЦК не говорит ни “да”, ни “нет” в ответ на выступления газет»[32]. Все собравшиеся настаивали, чтобы отдельным фильмам были даны конкретные оценки, чтобы как и с писателями была организована встреча членов Политбюро ЦК БКП с кинематографистами, в результате которой руководящие структуры смогли бы получить непосредственное представление об их настроениях.

Власть поняла, что необходимы срочные ответные меры. 22 марта 1958 г. Секретариат ЦК БКП провел первую встречу с кинематографистами. Для партийных деятелей она оказалась исключительно трудной. Поначалу Живков предоставил право критики секретарю ЦК Димитру Ганеву, который констатировал откат в развитии болгарского кино, вредные тенденции «объективистского, безыдейного, абстрактно-гуманистического раскрытия тем», а также сознательный уход кинодеятелей от «того, что требует Партия». Конкретная критика была сосредоточена на двух вышеупомянутых фильмах — «Жизнь идет спокойно» и «На маленьком острове». По оценкам Ганева, в первом отразилось неверное представление о партизанах, а во втором сценарист В. Петров якобы подменил принцип партийности «некой отвлеченной гуманистичной» трактовкой проблемы[33].

Официальная оценка Секретариата ЦК не удовлетворила Живкова, и он выступил с пространной и эмоциональной речью. Болгарский руководитель заявил, что испытал сильное разочарование, поскольку двое критикуемых (Хр. Ганев и В. Петров) были коммунистами, которых он

хорошо знал. Живков образно описал свои переживания во время закрытого просмотра фильма по сценарию В. Петрова: «Было очень тяжело. Мы едва выдержали и только в конце просмотра немного пришли в себя. Послушайте, как можно таким образом представлять наше движение в лице его передового авангарда! ... Подождали хотя бы 50 лет, пока все мы умрем, пока наше поколение забудут, пусть тогда снимают такие фильмы»[34]. Живков объяснил «ошибку» В. Петрова его пребыванием в Италии в качестве атташе по культуре («Как сильно его там заразили, что он сделал такой фильм!»). «Объяснение» Хр. Ганева свелось к констатации его оторванности как автора сценария от жизни — в сельских кооперативах не бывал, на предприятия не выезжал, поэтому и описал действительность черными красками. Живков назвал оба фильма вредными, но, стремясь избежать традиций «времен» Червенкова, заявил, что Министерство культуры само решит, выпускать ли картины в широкий прокат, а ЦК якобы дал им «только» политическую оценку.

Большинство кинематографистов не поддались давлению. Борислав Шаралиев и Христо Ганев даже вступили в открытую, острую полемику с Живковым, стремясь защитить свои позиции. Б. Шаралиев утверждал, что хотя указанные произведения и не являются шедеврами, но «это фильмы, позволяющие нам сделать шаг вперед»[35], и что оценка ЦК сознательно негативная. Он и Хр. Ганев отвергли обвинения в отрыве кинематографистов от жизни и непризнании ими руководящей роли партии. Оба указали на атмосферу недоверия, созданную людьми, отвечавшими за кинематографию по линии ЦК, но не имевшими ни малейшего представления о процессах, развивавшихся в этой сфере. Непреклонная позиция Хр. Ганева и Б. Шаралиева заставила партийное руководство занервничать и прямо, без демагогических уверток, выразить свое истинное мнение. Д. Ганев предупредил, что если фильм «Жизнь идет спокойно» будет выпущен на экран, то он будет раскритикован здоровыми партийными силами. Т. Живков также не мог овладеть собой: он вернулся к «языку» 1956 г., заявив совсем не по делу, что ЦК «возьмет за горло тех, кто политически разложился»[36].

После такой эмоциональной вспышки настала очередь безликих выступлений в поддержку линии партии. В конце встречи Живков вновь в заботливой и доброжелательной манере постарался успокоить участников. Он пообещал, что партия «не начнет палкой погонять кинематографию», но потребовал оставить «временные увлечения». Живков признал, что положение в кино не столь серьезно, как у писателей, которые «открыто выступили в защиту неправильных позиций»[37] — при всей своей

смелости кинодеятели не упоминали о свободе творчества и не выразили сомнение в методе соцреализма, хотя оба критикуемых фильма отразили именно такие тенденции.

Большая социальная роль кинематографа заставила партийное руководство, пока не поздно, «затянуть гайки». 5 июля 1958 г. ЦК БКП принял постановление о состоянии и развитии болгарской кинематографии. В нем повторялись ранее высказанные обвинения в игнорировании коммунистической идейности и партийности, абстрактном гуманизме и искажении действительности. Были поставлены также и указанные кинематографистами проблемы — о примитивизме и схематизме в документальных и научно-популярных фильмах, о низком техническом уровне кинопроизводства, о слабой популяризации болгарской кинопродукции за границей и о недостаточной требовательности к идейно-воспитательным критериям при отборе иностранных фильмов для показа болгарскому кинозрителю. В качестве единственного творческого метода был определен социалистический реализм. Перечислялись темы, которые следовало раскрывать языком кино с партийных позиций, — современная жизнь города и деревни, борьба за национальное и социальное освобождение, «семейно-бытовые темы» и даже комедийные, приключенческие и музыкальные фильмы, но в социалистическом плане[38].

1959 год ознаменовался серьезным успехом болгарского кино. Студия художественных фильмов совместно с киностудией «Дефа» (ГДР) выпустила в прокат кинофильм «Звезды» (режиссер Конрад Вольф) по сценарию Ангела Вагенштейна. Фильм воссоздавал эпизоды депортации евреев с побережья Эгейского моря в 1943 г. На Международном кинофестивале в Каннах фильм был представлен от имени Болгарии и завоевал специальный приз жюри, отметившего актуальность поднятой темы. В последующие годы он стал единственным болгарским фильмом, закупленным западными кинопрокатчиками, и демонстрировался в Италии и Франции. В 1959 г. был создан Государственный киноархив (позднее: Болгарская национальная фильмотека). В конце 1950-х годов усилиями, прежде всего, режиссеров Тодора Динова, Радки Бычваровой, Зденки Дойчевой, Стефана Топалджикова серьезных достижений добилось и болгарское анимационное кино[39]. Указанные режиссеры находились вне поля зрения партийного руководства, видимо, в силу того, что глава болгарской анимации Т. Динов пользовался его полным доверием, а, кроме того, характер этого вида искусства оставался не до конца понятым и оцененным партийными властями. Непосредственное воздействие и прямой выход художественной кинопродукции на массового зрителя обусловили вни-

мание партийного руководства, в первую очередь, к деятелям этой сферы киноискусства, в то время как работавшие в области анимационного кино художники остались без идеологического надзора.

В конце 1950-х годов развивавшиеся в сфере изобразительного искусства процессы не создавали беспокойства для власти. Роль барометра, показавшего настроения художников, сыграла художественная выставка в апреле—июне 1957 г. При отборе произведений благоразумие жюри взяло верх над творческим риском, и выставка не поразила зрителя новаторским духом — «все те же иллюстративные и жанровые изображения, выполненные в старомодной академической манере»[40]. Однако и не допущенных к показу «спорных» картин было немного, и сам этот факт свидетельствовал о воздействии художественных установок, характерных для периода сталинизма, на болгарских мастеров. Но, тем не менее, ощущались и перемены. Резко сократились «фотографические» изображения «строек социализма», на смену которым пришли пейзажи и натюрморты, прежде заклейменные как аполитичные и безыдейные творения, как, впрочем, и картины на сюжеты из древней истории[41]. Место казенных портретов партийных функционеров заняли изображения простых людей, интересные воспроизведением психологического состояния героев. Вновь проявился интерес к наиболее ярким художникам межвоенного периода — Владимиру Димитрову-Майстора, Ивану Милеву, Борису Коцеву, Василу Стоилову, Златю Бояджиеву, Цанко Лавренову. В годы сталинизма их произведения не соответствовали требованиям, предъявлявшимся к воспитательной функции искусства. Их новое «приоткрытие» для зрителя стимулировало процесс преодоления описательства.

В последующие годы «закручивание гаек» облегчалось происшедшим среди художников расколом. Поводом для столкновения стал вопрос об Академии художеств. В соответствии с партийным решением (март 1950 г.) от преподавания в Академии были отстранены художники яркого самобытного стиля — профессора Николай Райнов, Кирилл Цонев, Иван Ненов, Найден Петков, а остальные были вынуждены подчиниться, работая в соответствии с методом соцреализма и обучая на его основе своих воспитанников. В Академии нашлось место и не проявившим себя в творческом отношении лицам, сумевшим приспособиться к требованиям партии. После 1956 г. художники, не связанные с Академией (Борис Делчев, Георгий (Джон) Попов, Георгий Павлов-Павлето), резко выступили против нее, указав не только на реально существовавшие слабости, но и отрицая стиль обучения, который подавлял «свойственную молодежи свободную дерзость»[42]. Острая критика заставила преподавателей Акаде-

мии, среди них — Илию Бешкова и Илию Петрова, защищаться, притом, эмоционально. Споры велись по вопросам преодоления догматизма и упрощенчества при обучении студентов, при этом стороны не вдавались в рассмотрение причин, почему в Академии сложилась трудная ситуация. Раскол среди художников облегчил положение руководства Академии — оно взяло на себя роль арбитра и предложило удобную для партии формулировку: хотя в предыдущий период имели место отдельные ошибки, но в целом Академия стояла на позициях соцреализма, поэтому на ее деятельность нельзя смотреть только через «черные очки»[43].

В конце 1950-х годов к положительным моментам в сфере изобразительного искусства следует отнести возвращение к творчеству Общества новых художников. Сформировавшись в 1930-е под влиянием европейского модернизма, члены Общества в начале 1950-х годов были обвинены в «формализме», особенно после удара по одному из выдающихся его представителей — Александру Жендову[44]. «Возвращение» к их искусству началось в 1958 г. через организацию выставок и чествований, а 21 июня того года было отменено исключение А. Жендова из партии. Однако реабилитация не стала полной: помешало личное участие Т. Живкова в кампании против художника[45]. Была устроена выставка Жендова, но в печати не было и намека на случившееся в 1950 г.

Пробудившийся интерес к поиску новых творческих решений, хотя еще и осторожно проявлявшийся, внимательно отслеживался критиками, на которых партия возложила роль охранителей ее линии в искусстве. Партийное руководство вплоть до начала 1960-х годов не проводило встреч с художниками, но его указания являлись призмой, через которую преломлялись все художественные проявления, получая соответствующую оценку. Провозглашенный Т. Живковым на встрече с писателями 8 апреля 1958 г. лозунг «Теснее с народом, ближе к жизни» превратился в основной критерий оценки и объяснения процессов, протекавших в художественной жизни. Выставку софийских художников в конце 1958 г. официальные критики охарактеризовали как «рождавшую тревожные мысли»: среди работ преобладали пейзажи и натюрморты, а это говорило о «заметной оторванности значительной части наших художников от жизни с ее волнениями, тревогами, трудовым энтузиазмом и устремлением к светлому коммунистическому будущему»[46].

Все же в 1958—1959 гг. критика приобрела значительно более мягкий характер и в обязательном порядке предварялась положительными оценками творчества художника. В условиях политической стабильности стремление Т. Живкова привлечь к себе и сплотить людей искусства впи-

сывалось в новый партийный курс, призванный обеспечить экономический «скачок» с последующим постепенным переходом к коммунизму. Исходя из этого, в мае 1959 г. секретарь ЦК БКП М. Григоров так определил место творческой интеллигенции в процессе ускорения развития страны — она должна еще сильнее соответствовать «пафосу социалистического строительства», поскольку для создания серьезных произведений, воспитывающих и мобилизующих народные массы, «одного дарования недостаточно»[47]. Самое важное для различных поколений художников, независимо от того, являлись ли они членами партии или беспартийными, — это сплочение на основе политики БКП. Для достижения такой цели М. Григоров от имени ЦК заверил, что время резкого осуждения «отдельных нездоровых проявлений» в творческих союзах прошло и «полоскание старых ошибок, если они не повторяются, будет только помехой». Изменение позиции произошло в известной степени и под влиянием Москвы. После «затягивания гаек» в 1957 г. сфера культуры не особенно беспокоила Кремль. В июле 1960 г. Н. С. Хрущев заявил на встрече с деятелями культуры, что «ЦК доволен существующим положением» и что «гроза миновала»[48]. Тогда Т. Живков утверждал, что имевшие место колебания после апрельского пленума 1956 г. «уже стали историей», и интеллигенция сплотилась вокруг БКП[49]. Но это спокойствие нарушили драматические события нового десятилетия.

1960-е годы нередко вполне обоснованно именуют временем противоречий. Западные державы реализовывали в тот момент американскую доктрину «наведения мостов» с советским блоком. Это дало толчок культурному обмену, но вызвало у коммунистических руководителей подозрения в «идеологической диверсии». Наступившее десятилетие отмечено усиленным стремлением восточноевропейских стран к либерализации экономики, что, в свою очередь, вело к либерализации и политических режимов. В этих условиях сильнее зазвучал голос интеллигенции с требованиями свободы творчества. Москва советовала БКП принять меры защиты. Политика Т. Живкова в области культуры, однако, имела свои отличительные черты, дающие основание считать ее политикой «кнута и пряника»: старания власти привлечь творческую интеллигенцию уживались с репрессивными действиями в тех случаях, когда установленные партией рамки оказывались тесными для художников.

Начало десятилетия вплоть до второй волны десталинизации, вызванной XXII съездом КПСС (октябрь 1961 г.), характеризовалось устойчивым равновесием в отношениях между властью и художественной интеллигенцией. Управителям было ясно, что давление с целью обеспечить

следование партийным установкам должно быть осмотрительным: амбициозные экономические программы требовали поддержки со стороны интеллигенции. Последняя, в свою очередь, понимала, что свобода имеет определенные партией границы и стоит дорого. Власть была вынуждена приспосабливаться к новым условиям, отказавшись от чрезмерной подозрительности в отношении интеллигенции и стремления плотно и непрестанно контролировать творческий процесс. Со своей стороны, интеллигенция предпочла воспользоваться наступившим потеплением отношений, чтобы сосредоточиться на специфических проблемах литературы и искусства, избегая открытой конфронтации с властью.

Напряжение в отношениях все же сохранялось и проявлялось, в первую очередь, в писательской среде. В начале 1960-х годов оживление в литературной жизни продолжилось. Появились впечатлявшая метафоричностью стиля книга стихов Константина Павлова «Сатира», сборник эпиграмм Радоя Ралина «Безопасные иглы», рассказы Васила Попова, поэма «Мягкой осенью» и пьеса «Когда танцуют розы» Валерия Петрова. Обостренная чувствительность и талант этих авторов открывали возможность для отказа от старых канонов и перехода к экспериментам. Результат такого подхода, хотя и не означал непременное появление шедевров, но все же намечал новый путь возможного творческого развития.

Власть сообразовывалась с новыми тенденциями и щедрой рукой раздавала награды. Оживление наблюдалось и в литературных журналах «Септември», «Пламък», «Литературна мисъл». В мае 1961 г. начала выходить газета «Литературни новини», знакомившая читателя с современными западными авторами и произведениями запрещенных в стране болгарских писателей[50]. В 1961 г. на передний план выходят молодые авторы. Власти демонстрировали терпимость к их творчеству, в основе которой лежало желание привлечь их на свою сторону. В предыдущий год возникли организационные формы поддержки молодых — Кабинеты молодого писателя, молодого композитора, Ателье молодого художника. С 1961 г. начал проводиться международный конкурс молодых оперных певцов[51]. Внимание общества привлекали и молодые поэты, на которых сильное воздействие оказывало творчество советских поэтов Е. Евтушенко, Р. Рождественского, А. Вознесенского[52]. Особенно импонировало публике стремление молодых напрямую общаться с публикой. Болгарские поэты читали свои стихи в клубах, университетах и просто на улице. Немалое впечатление произвело «поэтическое шоу на колесах», организованное Л. Левчевым, Ст. Цаневым и К. Павловым и критиком Цветаном Стояновым. Его участники ездили по городам, где их выступления пользовались огромной популярностью, особенно среди студенческой молодежи[53].

О значении таких явлений, как «молодая поэзия» и «свободный стих», говорит дискуссия, которая началась на страницах литературных изданий в 1961 г. и продолжалась до 1963 г. По существу, молодые поэты вновь открыли для читателя vers libre, давно утвердившийся в мировой поэзии и появившийся в Болгарии еще до Первой мировой войны. В условиях робкой либерализации в свободном стихе молодые видели возможность освободиться от «педантичного поиска точного количества строк, точной литературной стопы, закругленной рифмы» и создавать поэтические произведения, «раскрепощенные, приближенные к простой человеческой речи, построенные на ассоциативной и образной мысли, на внутренней энергии слова»[54]. Именно такими аргументами защищали свободный стих Веселин Ханчев, Стефан Гечев, Владимир Башев, Борис Делчев, Стефан Цанев, вызывая на себя огонь критики за подражание западным образцам.

Оживление в литературных кругах и во всей сфере культуры заставило управлявших принять меры, чтобы этот процесс не выходил за рамки дозволенного с точки зрения интересов БКП. Это было необходимо как в связи с возобновлением культурных контактов с Западом, так и проблемными взаимоотношениями Москвы с Китайской коммунистической партией и Югославией. Из редакций некоторых газет были удалены отдельные «неблагонадежные» писатели, а на партийных форумах прозвучала резкая критика чересчур свободомыслящих авторов[55].

Руководство испытывало опасения и в связи с определенными процессами в изобразительном искусстве. В него влилось новое поколение художников. «Пробудились» и периферийные художественные центры. Начал возрождаться интерес к фольклору и средневековому искусству. Молодые художники усмотрели в этих жанрах возможности для творческого эксперимента и обновления изобразительных средств. Понемногу пробуждался интерес общества к памятникам искусства — эта тема ранее была забыта и закрыта как часть борьбы власти против религии. На страницах журнала «Изкуство» участились призывы к спасению болгарской старины. В течение 1959—1961 гг. в нескольких западных столицах экспонировалась уникальная выставка «2 500 лет искусству в болгарских землях», благодаря которой демонстрировавшиеся древности создавали в мире новый образ нашей страны. Преодолевая косность части партийного руководства, Национальная художественная галерея организовала впечатляющую выставку икон, которая в 1965 г. стала основой постоянной экспозиции в крипте храма Св. Александра Невского в болгарской столице[56]. В начале 1960-х годов возник интерес и к другому, преданному по-

литической анафеме элементу культурной истории страны — Обществу новых художников[57]. Вслед за выставкой работ А. Жендова в конце 1958 г. на протяжении 1960—1961 гг. были проведены выставки и других его членов — Кирилла Цонева, Бенчо Обрешкова и др. Их произведения, на которые благотворно повлияли как болгарская культурная традиция, так и западные художественные школы, стали ярким отрицанием обвинений в формализме, звучавших по адресу этих мастеров в предыдущее десятилетие. Они открыли возможность молодому поколению представить свое понимание традиций и пути, по которому следовало идти.

Власть понимала всю важность привлечения на свою сторону нового поколения. Эта задача была возложена на Ателье молодого художника[58]. Объединение открывало молодым возможность более активно участвовать в художественной жизни, обеспечивая их информацией о предстоящих мероприятиях, предоставляя командировки и право организации персональных выставок, формируя, наконец, уверенность в собственных силах. Дыхание обновления сильно ощущали молодые художники Пловдива. Черпая силы в культурных традициях родного города, Димитр Киров, Георги Божилов, Йоанн Левиев и другие смело искали свой творческий почерк. Их картины вызывали горячие споры. Партийные функционеры утверждали, что в своем стремлении к новаторству молодые отринули соцреализм и впали в манерность, подражательство и формализм. На сторону пловдивцев встала часть их коллег в Бургасе, Русе, Плевене, а также и руководство СБХ во главе со Стояном Сотировым, Александром Обретеновым, Борисом Ивановым[59]. Поведение этих художников контрастировало с действиями их коллег в СБП, что объяснялось близостью последних к высшим партийным структурам, в то время как для сформировавшихся в Обществе новых художников С. Сотирова и Б. Иванова поиски и поддержка современных изобразительных средств были выстраданным убеждением.

Способ, которым власть намеревалась реагировать на нежелательные проявления, не был легким для применения: проявлять бдительность, но не возвращаться к «старым догмам»; демонстрировать терпимость к мастерам культуры, поддавшимся «увлечениям», но критиковать их «заскоки». 6 марта 1961 г. открылась Национальная выставка молодых художников. Это событие вызвало исключительный интерес как первое такого рода публичное выступление молодого поколения и одновременно как лакмусовая бумага, проявляющая отношение более зрелых художников к власти. Критики исключительно высоко оценили произведения Светлина Русева, Георги Баева, Вани Дечевой. Слышны были, однако, и уп-

реки в претенциозности, псевдоноваторстве и «подражательстве заграничным художникам, выросшим в другом мире, с другим мировоззрением»[60]. И Национальная выставка молодых художников, и открывшаяся 12 февраля 1962 г. в Софии Общая выставка провинциальных художников продемонстрировали новое положительное явление — расширение «географии» изобразительного искусства. Целое поколение талантливых художников не только начинали свой творческий путь на периферии, но и продолжали там работать. Помимо руководства СБХ, им оказывали поддержку многие авторитетные столичные искусствоведы, местные партийные органы и администрация, создавая материальные условия для работы. Стимулом являлся и растущий общественный интерес к их работам. В такой обстановке выросли Г. Баев в Бургасе, Св. Русев в Плевене, Ив. Филчев в Ловече, пловдивские художники, некоторые из которых стали не только символами своих родных мест, но и болгарского искусства в целом. Оживление в сфере живописи отражали не только экспонировавшиеся полотна, но и высокий градус дискуссий. Искусствовед Д. Аврамов объяснял: «Тогда нас волновала судьба каждой картины. При отсутствии элементарных условий для свободного политического волеизъявления принятие или отбрасывание любого произведения, автора, стиля являлись одной из скудных возможностей открыто противостоять тупости, догматизму и ретроградству, защитить свободу личного выбора»[61].

В руководстве БКП испытывали обеспокоенность продолжавшимся разъединением среди художников. В значительной степени оно объяснялось существовавшими почти десятилетие проблемами во взаимоотношениях между преподавателями-художниками Института изобразительных искусств и их коллегами в руководстве СБХ: «Институт считает, что Союз не может противостоять западному влиянию, а Союз считает, что Институт сушит искусство»[62]. Отсюда проистекали различия в отношении к периоду культа личности, к новаторству и, в конце концов, деление на «молодых» и «старых». Власть настаивала на том, чтобы «неизжитые настроения прошлого отодвинуть в сторону», не отвлекать мастеров от выполнения их долга — превращения искусства в важный фактор идейного и эстетического воспитания. Такой курс обслуживал партийные интересы, но в то же время способствовал созданию большей терпимости в среде художников.

В начале 1960-х годов развитие музыкального искусства, как и киноиндустрии не вызывало серьезного беспокойства у руководства страны. Упреки свои власть обращала не к композиторам, а, скорее, к эстрадным исполнителям. Инструкции, с которыми 4 марта 1961 г. М. Григоров об-

ратился к секретарям по агитации и пропаганде в окружных партийных комитетах, ясны: «Мы должны действительно покончить с бурным потоком таких современных танцев, такого джаза, которые полностью отброшены на позиции западного искусства». Но время открытых запретов прошло, и М. Григоров счел необходимым перестраховаться: партия вовсе не против танцевальной музыки и джаза, а против «кривляния и ломанья» при исполнении[63].

В киноиндустрии также не было ничего тревожного — производство фильмов росло (в 1960 и 1961 гг. снято по 9 картин), тематика вполне подходящая — жизнь рабочего класса, болгарско-советская дружба, а также и обязательная — о «героической борьбе против фашизма во главе с Коммунистической партией». К этому времени проявился и результат усилий по обеспечению большего жанрового разнообразия. Однако партийные цензоры начеку, стремились не пропустить влияние Запада и «неправильное» освещение тем, особо чувствительных для руководства. «Остановка» и «запуск» фильмов происходили вне творческой среды. В 1961 г. такая участь едва не постигла фильм Бинки Желязковой по сценарию Христо Ганева «А были мы молодыми» из партизанской жизни. Картина отразила высокую степень поэтической условности и философского осмысления Сопротивления с точки зрения современности. Художественный совет почти единодушно оценил фильм как достижение, но вокруг него была создана «закулисная атмосфера подозрения», намеков, что создана «некая франко-итальянская мешанина»[64]. Все же было решено представить фильм на Международном кинофестивале в Москве. В советской столице он получил золотую медаль, что открыло фильму путь в прокат и принесло признание на родине. С подозрительностью был встречен и сценарий Валерия Петрова «Солнце и тень», посвященный актуальной антивоенной теме, но с необыкновенной метафористичной стилистикой. Опасения цензоров сводились к тому, что «здесь нам подносят какую-то буржуазную контрабанду, нечто, что скомпрометирует наше киноискусство». Работа режиссера Рангела Вылчанова над фильмом была продолжена только после того, как известные советские кинодеятели высоко оценили сценарий[65]. Боязнь поэтической условности, модного на Западе «абстракционизма» обусловила вмешательство цензуры и в анимационное кино. В 1961 г. фильм «Дуэт» (режиссерский дебют Тодора Динова, выступившего и как соавтор сценария вместе с Анастасом Павловым) был закрыт по решению нескольких сценарных советов из-за обвинений в абстрактной манере показа «совместного мирного существования». Но в целом начало 1960-х — время серьезных достижений в этом виде киноискусства.

Таким образом, в начале 1960-х годов между властью и интеллигенцией установилось равновесие — активность художников не выходила за опасные для управляющих границы, а партийное давление на них тщательно дозировалось.

Изменения наступили после XXII съезда КПСС. По инициативе Хрущева вновь поднят вопрос о преступлениях Сталина, его тело вынесено из мавзолея. Общественная реакция на эти шаги значительно сильнее, чем в 1956 г. Причина заключалась не только в публичном характере критики, но и в изменениях, наступивших в интеллигентских кругах: антисталинский пафос отвечал их надеждам. Действия Хрущева придали смелость Т. Живкову, готовому приступить к расправе со своими конкурентами в борьбе за власть. Речь шла о функционерах, действовавших в период сталинизма в Болгарии до 1956 г. и все еще занимавших высокие посты в партии и государстве. На пленуме ЦК БКП (28—29 ноября 1961 г.) Живков объявил, что разъяснительная работа в связи с культом личности не была доведена до конца, в результате не понято *«огромное историческое значение»* апрельского пленума 1956 г. В. Червенков был выведен из состава Политбюро ЦК БКП и правительства[66].

Вторая волна десталинизации дала толчок оживлению в среде художественной интеллигенции. Кульминационный момент настал в 1962 г. и связан с решающей фазой в борьбе Живкова за овладение государственной властью. На этом этапе Живков особенно рассчитывал на интеллигенцию. От нее требовалось напомнить обществу о пороках культа личности, оценить апрельский пленум 1956 г. и роль Живкова в борьбе против культа и, наконец, стать надежной опорой лидера. С этой целью Живков на протяжении февраля—апреля 1962 г. провел встречи с членами и руководством творческих союзов, но, в отличие от встреч, имевших место в 1950-е годы, они не были простым партийным инструктажем, а продемонстрировали раскрепощенное мышление части интеллигенции и стали своеобразным «пиком» ее надежд и порыва на пути развития творчества вне партийной колеи.

В период государственного социализма прямая зависимость сферы культуры от политических факторов, как и тесная привязка болгарского руководства к процессам, развивавшимся в Кремле, задавали тон в отношениях власти и интеллигенции. События между XX и XXII съездами КПСС показали, что в этих взаимоотношениях наступил поворот. Независимо от последующих метаний, обе стороны выглядели иначе по сравнению с предыдущим периодом. Но, естественно, наблюдалась и преемственность: Т. Живков продолжил начатые В. Червенковым встречи

с творческими союзами. Цель этих встреч — заставить союзы следовать партийным курсом, завоевать на свою сторону. Обогатился и арсенал применявшихся средств — снисходительное отношение к былым «прегрешениям», включение в партийную и государственную иерархию, материальные льготы, чествования, почетные звания.

«Рецепт» вряд ли заимствован у Москвы. Хронология событий свидетельствует, что Живков стал применять его раньше Хрущева. Результаты также различны. Если Хрущев не смог воспользоваться созданными им в ходе десталинизации благоприятными условиями, чтобы сохранить поддержку интеллигенции, то Живков преуспел во флирте с творческой интеллигенцией, привлек часть ее в союзники и использовал для укрепления собственной власти. Живковизм в сфере культуры с присущим ему сочетанием давления и терпимости, берет начало в 1957 г., в то время как свою линию в сфере политики и экономики Живкову удается утвердить лишь осенью 1962 г., когда он, будучи лидером партии, возглавил и государство.

Примечания

[1] *Аврамов Д.* Летопис на едно драматично десетилетие. София, 1994. С. 74.

[2] Априлският пленум. Пълен стенографски протокол. София, 2002; *Марчева И.* Тодор Живков — пътят към властта. Политика и икономика в България. 1953—1964 г. София, 2000. С. 45—52.

[3] *Баева И.* България и Източна Европа. София, 2001, С. 87—88; *Мигев В.* Несъстоялата се «Априлска пролет» на България — 1956 г.// Исторически преглед. 1993. № 4—5. С. 85.

[4] Об оживлении в кругах болгарской интеллигенции непосредственно после пленума в апреле 1956 г. см.: *Калинова Е., Баева И.* Българските преходи. 1939—2005. София, 2006. С. 131—137, 164—167; *Мигев В.* Българските писатели и политическият живот в България (1944—1970 г.). София, 2001. С. 136—147; *Христова Н.* Власт и художествена интелигенция в България. 1956—1958 година // Проблеми на изкуството. 2000. № 3.

[5] *Живков Т.* Изкуството, науката и културата в служба на народа. София, 1965. Т. 1. С. 117.

[6] *Мигев В.* Българските писатели... С. 151—152; *Славов А.* Българска литература на размразяването. София, 1994. С. 50.

[7] *Славов А.* Указ. соч. С. 103.

[8] Там же. С. 56—57, 102. В своих мемуарах поэт Л. Левчев образно представил, как власть использовала в интересах политики молодых авторов: «Коллапс культуры и напряжение в политике наполняли собственным содержанием наши де-

бюты. Мы как будто были стаканами в трясущихся руках жадных до вина алкоголиков. Нас проливали на грязные столы» (*Левчев Л.* Ти си следващият! София, 1998. С. 100).

[9] *Славов А.* Указ. соч. С. 103—104. Подтверждением подобных настроений стали выступления В. Попова и К. Павлова на обсуждении поэзии молодых в СБП 20—22 июня 1957 г. В. Попов осмелился заявить, что непосредственно после 9 сентября 1944 г. молодые авторы не могли работать в соответствии со своим стилем и природой, в то время как в настоящее время они уже мыслят самостоятельно. Еще более резко высказался К. Павлов: «Для некоторых корень идейности заключен в милицейских уставах. Если это так, то безыдейность молодых поэтов оправданна» (*Мигев В.* Българските писатели... С. 155—156).

[10] *Славов А.* Указ. соч. С. 86—88.

[11] Л. Стоянов оправдывался, как обвиняемый в суде: «Я, товарищи члены Политбюро, твердо убежден, что вы посмотрите на этот вопрос без предубеждения, с чувством доброжелательности и с позиций принципиальной критики, если считаете, что должны мне помочь осознать свою ошибку. Я надеюсь, что на имя писателя, который почти всю жизнь посвятил литературе, народу и партии, не будет брошена тень» (ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 5. А. е. 258. Л. 4—6).

[12] Там же. Л. 7.

[13] Там же. Л. 18—21, 23.

[14] Там же. Л. 25—32.

[15] Там же. Л. 23, 40.

[16] *Мигев В.* Българските писатели... С. 154.

[17] Свет и тени «великого десятилетия». Н. С. Хрущев и его время. Л., 1989. С. 124—126.

[18] *Аврамов Д.* Диалог между две изкуства // Преломни времена. София, 2006. С. 359—362; *Христова Н.* «Недостоверен случай» // Там же. С. 710—715.

[19] *Аврамов Д.* Диалог... С. 362—363; *Делчев Б.* Дневник. София, 1995. С. 53.

[20] *Калинова Е.* Българският вариант на съветското «размразяване» в културата (1953—1963) // България и Русия през XX век. София, 2000. С. 421—423.

[21] *Живков Т.* Указ. соч. С. 173—175.

[22] Там же. С. 186—187, 194—195.

[23] Там же. С. 195, 200—201.

[24] *Топенчаров В.* Бесовете на моето време. Кладенецът на спомените. София, 1993. С. 384.

[25] *Мигев В.* Българските писатели... С. 158, 164—165, 167; *Трифонова Ц.* Писатели и досиета. София, 2004. С. 344—347.

[26] В своих мемуарах Л. Левчев утверждает, что присутствовавшие на похоронах П. Пенева были поражены такой переменой в отношении к поэту, получившему «в первую же минуту после кончины литературное и общественное признание,

отсутствие которого при жизни он воспринимал столь болезненно... Сразу же все его полюбили. Так началась вторая, загробная, жизнь Пеньо» (*Левчев Л.* Указ. соч. С. 125).

[27] ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 5. А. е. 380. Л. 66—67.

[28] *Калинова Е., Баева И.* Указ. соч. С. 148—149; *Живков Т.* Указ. соч. С. 272—273.

[29] В 1958 г. И. Радоев «по собственному желанию» откликнулся на призыв и уехал в Бургас. Но, по словам Г. Караславова, этот «беспартийный, очень талантливый» писатель был вынужден разместиться с женой в крохотной комнатке полтора на два метра, деля это жилище еще с одной пожилой женщиной... и вот уже 11 месяцев никто не обращает на него никакого внимания». Главный секретарь Союза болгарских писателей рассказал и о писателе Ивайло Петрове, направленном в с. Кранево Варненской околии с заданием писать о связи между городом и деревней: «Вопрос о предоставлении ему более светлой комнаты превратился в целое партийное дело... Министр просвещения и культуры тов. Т. Живков должен был сам лично позвонить [в околийский комитет БКП], и только тогда писателю выделили квартиру» (ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 5. А. е. 380. Л. 68—70).

[30] *Делчев Б.* Указ. соч. С. 55.

[31] ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 5. А. е. 322. Л. 11.

[32] Там же. Л. 4, 18, 35.

[33] Там же. Л. 2—8.

[34] Там же. А. е. 325. Л. 11—13.

[35] Там же. Л. 32—40.

[36] Там же. Л. 50—51, 52—53.

[37] Там же. Л. 68—72.

[38] БКП в резолюции и решения на конгресите, пленуми и на Политбюро на ЦК на БКП. 1956—1962. София, 1965. Т. V. С. 284—290.

[39] *Маринчевска Н.* Българско анимационно кино. 1915—1995. София, 2001. С. 67—68, 71—72.

[40] *Аврамов Д.* Летопис... С. 87—88.

[41] Там же. С. 96, 99—101, 102.

[42] Там же. С. 116, 119.

[43] Там же. С. 120.

[44] Политическото убийство на Александър Жендов. Стенографски протокол на годишното отчетно-изборно събрание на първичната организация на БКП при Съюза на художниците в България, състояло се на 7, 8 и 10 юли 1950 г. // Вести на ВС на БСП. 1990. № 4—7; *Калинова Е., Баева И.* Указ. соч. С. 119—120.

[45] В 1950 г. Т. Живкову поручена задача «свести воедино» негативную оценку творчества Жендова, данную высшим партийным руководством. На партийном собрании в Союзе художников Живков обвинил его в оспаривании руководящей

роли БКП, «формализме» и увлечении западным искусством. Поэтому при реабилитации Жендова Политбюро ЦК БКП поручило секретарю ЦК Митко Григорову объяснить художникам, что «Жендов допускал ошибки, не подчинялся отдельным решениям партии, но обвинения против него были чрезмерными, и его исключение из партии было неправильным». Таким образом, вопрос об ответственности партийных руководителей и лично Т. Живкова был исчерпан (См.: Борби и чистки в БКП. 1948—1953. Документи и материали. София, 2001. С. 468—469).

[46] *Аврамов Д.* Летопис... С. 214—216.

[47] ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 5. А. е. 380. Л. 3, 40—42.

[48] *Калинова Е.* Указ. соч. С. 421.

[49] *Живков Т.* Указ. соч. С. 421—424.

[50] В редколлегию выходившей два раза в месяц газеты вошли «стопроцентные радикалы», лишенные ранее занимаемых ими постов из-за открыто выражавшегося несогласия с проводимой политикой, — Васил Акьов, Радой Ралин, Стефан Продев, Симеон Владимиров (*Славов А.* Указ. соч. С. 164—165; *Василев М.* Движение и съзряване по априлски път. Хроника на литературните мнения и дискусии след април 1956 г. София, 1986. С. 30—32, 53—54, 60—67).

[51] ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 6. А. е. 4113. Л. 1—4; А. е. 4528. Л. 1.

[52] В 1960 г. Е. Евтушенко впервые посетил Болгарию, после чего поэт В. Башев смог установить с ним связь. В своих мемуарах Л. Левчев описал восхищение молодых болгарских поэтов творчеством этого поэта «мирового значения» и влияние на них «вольнодумства» Евтушенко (*См.: Левчев Л.* Указ. соч. С. 138—144).

[53] А. Славов опубликовал отрывок из письма болгарского эмигранта в Канаде, который, будучи гимназистом, посещал эти шоу: «Вместе с одноклассниками я впал в экзальтацию, услыхав в голосах бунтарские нотки. Особенно нравился мне Цанев... Его стихотворение «Размышления» я читал каждый день как молитву и выучил его наизусть... Я помню и другие стихи, которые также произвели не меня сильное впечатление... Читая их, чувствовал очищение, как после молитвы...» (*Славов А.* Указ. соч. С. 213).

[54] *Аврамов Д.* Диалог... С. 396—397, 400—401.

[55] ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 6. А. е. 4404. Л. 80—90; *Христова Н.* Петдесет години «Стършел» (Исторически етюд) // Гнездото на стършелите. София, 1995. С. 82—87; *Мигев В.* Българските писатели... С. 175—177.

[56] *Аврамов Д.* Летопис... С. 168, 178—182.

[57] Общество возникло в 1931 г. Оно успешно сочетало индивидуальный талант своих членов с элементами европейского модерного искусства, но с конца 40-х годов испытало на себе всю тяжесть политических обвинений в формализме, верхом которых стала расправа с символической фигурой общества — А. Жендовым. После изоляции 1950-х годов стремление соответствовать европейским тенденциям обусловило усиленный интерес к обществу.

[58] ЦДА на РБ. Ф. 1-Б. Оп. 5. А. е. 452. Л. 62.

[59] При обсуждении выставки в Пловдивском округе в декабре 1960 г. Борис Иванов, член руководства СБХ, один из лидеров Общества новых художников, с воодушевлением приветствовал молодых мастеров: «Обстоятельства переменились — наступила весна! Лед тронулся!.. Мы говорим о дерзновении, а когда кто-либо на самом деле осмеливается действовать дерзко, его хватают за горло, душат его... Эти молодые художники должны быть гордостью вашего города... Радостно, что они не хотят идти старой, заросшей дорогой, а открыли новый, свой, путь развития. Вследствие этого мы не должны препятствовать им, а всячески их поддерживать...» (*Аврамов Д.* Летопис... С. 343—344).

[60] Там же. С. 289—292.

[61] Там же. С. 352.

[62] ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 5. А. е. 452. Л. 77.

[63] Там же. А. е. 448. Л. 70—71.

[64] Там же. А. е. 493. Л. 52—53; *Станимирова Н.* Български кинорежисьори. София, 1984. С. 48—49, 212—213.

[65] Это были Михаил Ромм и Сергей Герасимов (См.: ЦДА на РБ. Ф. 1-б. Оп. 5. А. е. 493. Л. 53); *Станимирова Н.* Указ. соч. С. 102.

[66] *Маринчевска Н.* Указ. соч. С. 104—105.

Л. В. Ревякина
(Институт истории БАН)

Болгарский земледельческий народный союз в кризисном 1956 году

XX съезд КПСС (февраль 1956 г.), развенчав культ И. В. Сталина и сформулировав новые теоретические концепции — о совместном мирном сосуществовании двух мировых систем, возможности предотвращения новой мировой войны, разнообразии форм перехода к социализму и праве народов самим избрать свой путь развития, дал новый импульс общественно-политическим процессам в восточноевропейских странах советского блока. Резонанс от решений XX съезда усилился в связи с проведенными спустя несколько месяцев пленумами ЦК компартий, которые, сообразуясь с обстановкой в собственных странах, рассмотрели вопросы культа личности, осудили репрессии и нарушение законности, ошибки и перегибы при проведении социалистических преобразований и т. д. Критика отрицательных сторон управления советским государством, равно как и деятельности коммунистических партий в странах «социалистического лагеря», способствовала пробуждению общественного сознания, разрушала существовавший страх перед политическими репрессиями, вселяла надежду на возможные в близком времени перемены в общественно-политической жизни.

Восприятие прозвучавшей на XX съезде и пленумах ЦК компартий критики в странах народной демократии происходило на фоне сильных антикоммунистических настроений, наличия оппозиционных движений и нелегальных организаций и групп. Оппозиционные движения и настроения подпитывались и деятельностью политической эмиграции, обосновавшейся главным образом в западных странах и США. Созданные там достаточно сильные политические организации развернули активную пропаганду против СССР и коммунистических режимов, ориентировали своих сторонников на активную оппозиционную деятельность. Почти повсюду во главе оппозиции, как внутри страны, так и в эмиграции, находились бывшие руководители крестьянских партий.

В Болгарии после запрещения в августе 1947 г. оппозиционного Болгарского земледельческого народного союза (объединенного) во главе

с Николой Петковым, известного еще и как БЗНС — Н. Петков*, продолжало действовать одно из крыльев этой партии — БЗНС во главе с Георгием Трайковым, в руководстве которого преобладали лица, сотрудничавшие с коммунистами в 1920—1930-е годы, так называемые единофронтовцы. БЗНС во главе с Г. Трайковым признавал руководящую роль коммунистической партии, воспринял как собственную задачу построения социализма в Болгарии. Он стал преемником всего исторического наследия БЗНС.

Более активные шаги по вовлечению БЗНС в политическую жизнь и в экономические преобразования в стране, особенно в связи с созданием и укреплением трудовых кооперативных земледельческих хозяйств (ТКЗХ), были предприняты после смерти И. В. Сталина в 1953 г., когда начался процесс демократизации. В марте 1954 г. на совместном заседании ЦК БКП и Управительного совета (УС) БЗНС в специальном воззвании была сформулирована задача установления тесного сотрудничества между коммунистами и «земледельцами»** при решении всех вопросов, связанных с укреплением и развитием ТКЗХ и сельского хозяйства в целом и улучшением жизни на селе[1]. На практике, однако, эта задача решалась с большим трудом. Коммунисты не доверяли «земледельцам», в связи с чем руководство БЗНС и его организации на местах — «дружбы» неоднократно констатировали случаи игнорирования интересов крестьянской партии и «нетоварищеского» отношения к ее деятельности.

К 1956 г. положение БЗНС во главе с Г. Трайковым в политической и общественной жизни Болгарии и влияние Союза среди его бывших членов укрепилось, благодаря проведенной ЦК БКП и Постоянным присутствием (ПП) БЗНС акции по приобщению бывших руководителей и членов оппозиционного БЗНС к Отечественному фронту (ОФ)***. К началу

---

*В ноябре 1945 г. два главных крыла крестьянской партии — БЗНС «А. Стамболийский» во главе с Н. Петковым и БЗНС «Врабча I» во главе с Д. Гичевым — объединились в БЗНС (объединенный) с главной целью — сплотить силы для борьбы против БРП(к), все более усиливавшей свои позиции в правительстве Отечественного фронта.

**Традиционное название членов БЗНС.

***Отечественный фронт создан в годы Второй мировой войны по инициативе БРП(к) как широкое движение революционных и демократических сил Болгарии с задачей добиться выхода Болгарии из войны на стороне Германии и установить демократическое правление. В феврале 1948 г. преобразован в Единую общественно-политическую организацию. В ОФ входили БРП(к), БЗНС во главе с Г. Трайковым, БРСДП, НС «Звено», Радикальная партия, различные массовые общественные организации без четкой партийной принадлежности, отдельные лица и пр.

1956 г. 171 из 350 бывших руководящих деятелей БЗНС — Никола Петков выступили с декларациями и статьями, осуждавшими как свою собственную прошлую деятельность в стране и за ее пределами, так и позиции бывших соратников по партии, и приобщились к ОФ. Из их числа более 30 (точнее 31) функционеров принадлежали к высшему эшелону БЗНС: входили в состав ПП и УС БЗНС — Никола Петков, представляли эту партию в Народном собрании в 1946—1947 гг. Среди них такие популярные деятели, как Асен Павлов и Борис Бумбаров — члены первого правительства ОФ, один из главных руководителей БЗНС «Врабча I» Вергил Димов, бывший руководитель оппозиционного Земледельческого союза молодежи Петр Сырбинский, а также вернувшиеся в страну из эмиграции Милорд Младенов и Петр Трифонов и др. Остальные 140 человек являлись руководителями и активистами окружных и околийских оппозиционных «дружб». Их приобщение к ОФ и включение в агитационную работу на стороне БЗНС способствовало переориентации значительной части «земледельцев» и их вступлению в партию Трайкова. До весны 1956 г. было восстановлено 80 «дружб» на местах (2 000 членов), распавшихся после запрета оппозиционной деятельности[2].

Положительное влияние оказало на руководство БЗНС и участие делегации Союза в съезде польской Объединенной крестьянской партии (ОКП) в марте 1956 г. Впервые БЗНС во главе с Г. Трайковым был представлен на международном форуме такого масштаба, а также и на первой встрече представителей крестьянских партий стран с коммунистическим режимом — Польши и ГДР. На встрече руководства ОКП с иностранными делегациями Г. Трайков подчеркнул: «Этот съезд имеет международное значение, так как закладывает основы взаимности и близости между братскими крестьянскими партиями, которые в разных странах работают среди сельских масс, чтобы воспитать из них лучшего союзника рабочего класса и коммунистических партий. Съезд помог взаимному знакомству братских прогрессивных крестьянских партий Германии, Италии, Финляндии и др. Крестьяне будут поддерживать рабочий класс и под руководством коммунистических партий установят власть рабочих и крестьян во всем мире»[3].

В ходе бесед в кулуарах съезда Трайков делился своими впечатлениями: «Интересный народ венгры и румыны. Я и Ракоши и тов. Червенкову прямо скажу — вредным делом был роспуск крестьянских партий в Венгрии и Румынии. Один в поле не воин. Я скажу об этом и тов. Червенкову. В Италии создают такую партию, а чехи объявили всех аграрфашистами и распустили крестьянскую партию. Неужели нельзя было организовать часть ее членов под руководством [ком]партии? Посмотрим, как к такой

политике отнесутся югославы, так как они тоже распустили Земледельческий союз»[4].

На съезде почти не обсуждался, хотя и не был обойден вниманием, вопрос о борьбе с эмигрировавшими на Запад оппозиционными руководителями крестьянских партий народно-демократических стран — Ст. Миколайчиком, д-ром Г. М. Димитровым, Ф. Надем и др. и созданными ими организациями — «Зеленым Интернационалом», Болгарским национальным комитетом (БНК) «Свободная и независимая Болгария» и пр., а также и об использовании с этой целью приобщившихся к коммунистическому управлению бывших руководящих деятелей оппозиционных крестьянских партий[5].

Для установления более тесных связей и конкретного обсуждения вопросов сотрудничества ПП БЗНС пригласило в Болгарию на отдых нескольких руководителей ОКП. Польская делегация, руководимая двумя заместителями председателя А. Юшкевичем и Ст. Игнаром (последний относился ранее к единомышленникам Ст. Миколайчика), прибыла в Болгарию в августе 1956 г. При обмене мнениями по вопросу о борьбе против бывшей оппозиции Юшкевич заметил, что в Польше «поступили не особенно разумно, предоставив [оппозиционерам] широкую амнистию», в результате чего дело дошло до событий в Познани*. По его мнению, ЦК БКП действовал более осмотрительно, проявив индивидуальный подход к амнистируемым. Позитивно он оценил и тесные контакты между БЗНС и БКП[6].

Первая реакция «земледельцев» на решения XX съезда КПСС была неоднозначной. Если руководство БЗНС в лице Г. Трайкова, С. Тончева, П. Танчева и др. рассчитывало на укрепление Союза в условиях обозначившейся демократизации общественных процессов, то в кругах оппозиционно настроенных «земледельцев» зародились надежды на коренные перемены. Так, Константин Муравиев, один из руководителей БЗНС «Врабча I» и глава последнего правительства буржуазной Болгарии (2—8 сентября 1944 г.), считал, что в ближайшие месяцы ситуация «будет стремительно меняться. Наши товарищи в провинции должны сплотиться, потому что нас ждет большая работа. Основой будущего управления будет БЗНС при участии других партий»[7]. Однако в целом среди оппозиционеров оптимистов было немного. Бывший член околийского руководства БЗНС(о) в Стара Загоре Иван Танеев назвал полное отрицание политики правительства глупостью. «События развиваются независимо

*Имелись в виду протестные выступления польских рабочих в начале июня 1956 г.

от нашей воли. Перспективы быстрых перемен нет, а если таковая и возникнет, то под влиянием извне»[8], — полагал он.

Сомнения, не лишенные надежды на перемены, выражали и некоторые приобщившиеся к ОФ деятели БЗНС. Петр Сырбинский, например, заявил: «Все в смятении и говорят: Видите, что происходит? Если уж в Советском Союзе и в его партии действовала такая диктатура, то что говорить о народных демократиях и демократическом характере этих режимов. По вопросу об ошибках Сталина, существует смущение и недоумение. Все же он был знаменем, с именем которого умирали и на котором воспитывались целые поколения. Непросто ликвидировать это имя... У нас предстоит пленум. Все оппозиционеры ждут, что тов. Червенков в связи с культом личности будет отстранен от управления* и вместе с ним уйдет и Георгий Трайков. Тогда должны пройти новые переговоры с ЦК [БКП] и возникнет новый, иной Земледельческий союз»[9]. Б. Бумбаров и А. Павлов, испытывая беспокойство за свою судьбу, обратились к Трайкову с вопросом, чего им следует ожидать. Трайков успокоил: «У нас никаких перемен не будет. У БКП нет таких ошибок. Могут произойти изменения персонального характера...»[10].

Делегация БЗНС присутствовала на апрельском пленуме ЦК БКП (2—6 апреля 1956 г.), обсудившем работу и решения XX съезда КПСС и рассмотревшем положение в болгарской компартии и стране. Пленум констатировал, что генеральная линия БКП на построение социализма в Болгарии в целом правильная, но что новые задачи требуют усовершенствования методов и средств руководства политической, экономической и всей общественной жизнью в стране. Культ личности был увязан единственно с именем и деятельностью Вылко Червенкова, который после смерти Г. Димитрова и В. Коларова возглавил партию и государство. Пленум принял решение о снятии Червенкова с поста руководителя Совета министров, при том что он остался одним из заместителей председателя кабинета. Правительство по рекомендации пленума возглавил член Политбюро Антон Югов. Руководящую роль в Политбюро ЦК БКП начал играть по решению пленума первый секретарь ЦК Тодор Живков. Апрельский пленум принял постановление о борьбе против культа личности и связанных с ним методов работы и руководства, восстановлении законности в стране, активизации и улучшении работы Народного со-

* С поста генерального секретаря ЦК БКП В. Червенков был снят еще в начале марта 1954 г в результате переоценки руководством страны сложившейся обстановки после смерти Сталина. Первым секретарем ЦК был избран Т. Живков. Червенков остался на посту председателя Совета министров и отвечал за работу Политбюро ЦК.

брания, государственного аппарата, массовых общественных организаций, БЗНС и пр.

Представители БЗНС во главе с Г. Трайковым поддержали решения пленума. Они с удовлетворением встретили доклад Живкова, в котором он уделил внимание деятельности БЗНС и охарактеризовал его как верного союзника компартии. В решениях пленума специальный пункт касался отношений БКП и БЗНС: «Уделять больше внимания укреплению единодействия между коммунистами и "земледельцами" и содействовать активному участию членов БЗНС в государственной, политической, хозяйственной и культурной жизни».

В начале мая 1956 г. на совместной встрече Политбюро ЦК БКП и ПП БЗНС, на которой обсуждалась деятельность обеих партий в области сельского хозяйства, были сформулированы задачи по работе с бывшей оппозицией и рассмотрен также вопрос о бюджете БЗНС. При обсуждении первого пункта повестки дня «земледельцы» настояли на предоставлении им бóльших полномочий в отношении новообразованных ТКЗХ и тех хозяйств, в которые массово вступили новые члены, поскольку члены партии были не в состоянии контролировать всю работу на уровне бригад и звеньев. В отношении бывшей оппозиции было решено «довести эту работу до конца».

Представленное руководством Союза обоснование бюджета в размере 4,5 млн левов (организация работы ПП БЗНС, издание газеты «Земеделско знаме», нужды окружных и околийских «земледельческих дружб», проведение предстоящего съезда Союза) получило поддержку. В принципе позитивно было оценено намерение руководства БЗНС провести съезд крестьянской партии с приглашением делегаций из Польши, ГДР, Австрии, Финляндии, Югославии, Италии, Западной Германии, Турции и других стран, но при этом был дан совет не спешить с созывом съезда и лучше подготовиться к нему, чтобы некоторые «нездоровые элементы» не могли «внести смущение» в его работу. А. Югов намекнул, что «земледельцам» следует быть более сдержанными в отношениях с крестьянскими партиями стран народной демократии. Вместе с тем он рекомендовал руководству БЗНС приглашать деятелей крестьянских партий в Болгарию на отдых и лечение и принимать аналогичные приглашения с их стороны, проводить рабочие встречи, в ходе которых подтверждать необходимость еще более тесных контактов с компартиями[11].

Итоги совместной встречи вызвали у членов ПП БЗНС большое удовлетворение. С их стороны прозвучала оценка данного заседания как одного из самых лучших за всю историю сотрудничества. По словам Николая Георгиева, «мы достигли редкого политического единства»[12].

Апрельский пленум возродил прежние надежды оппозиции на коренные перемены. Расчеты на реванш у одних («скоро придет конец коммунистам»[13]) соседствовали с убежденностью других, что «самое тяжелое для "земледельцев" позади и сейчас со дня на день можно ожидать их прихода к власти»[14]. Они с радостью встретили уход В. Червенкова с поста председателя Совета министров. И дело было не только в том, что эта политическая фигура была неприемлемой для оппозиции, но и в расчетах, что в результате неизбежных «стычек и свары [среди коммунистов] полетят многие головы, а это будет на пользу "земледельцам"»[15]. Однако не все члены оппозиции соглашались с обвинениями в адрес Червенкова. По мнению А. Оббова, Червенков — «наиболее подготовленная политически фигура в правительстве, и не только он один должен нести ответственность за допущенные ошибки. Ее должны разделить с ним и другие члены Совета министров и ЦК»[16]. В оценке нового главы правительства А. Югова оппозиционеры были едины: «самая неподходящая кандидатура на этот пост». Причина заключалась в том, что Югов, будучи министром внутренних дел, на протяжении 1944—1949 гг. вел борьбу против оппозиции. В свою очередь, бывшие ее члены, примкнувшие к ОФ, остались довольны назначением Югова, полагая, что тем самым власть дала понять: политика по отношению к оппозиционерам не изменится[17].

Георгий Трайков и его окружение восприняли происшедшее как неизбежную необходимость, отмечая вместе с тем, что Червенков «хорошо относился» к БЗНС[18]. Что касается Югова, то Трайков заявил, что он «очень популярен, тесно связан с народом, поскольку много лет находился на нелегальном положении, и знает обстановку в стране, опытен и энергичен при проведении в жизнь принятых решений». Трайков считал, что перемен в отношении к БЗНС не будет и, ссылаясь на заявление Югова о дружественных отношениях между коммунистами и «земледельцами», предполагал, что отношения с ЦК БКП даже улучшатся. Он также отметил, что «земледельцам» Югов подходит, так как «боролся против Н. Петкова и его соратников и хорошо знает оппозицию». Трайков заметил в связи с этим, что после прихода Югова «температура у неприобщившихся к ОФ оппозиционеров сразу спадет»[19].

В крестьянской партии изменения в руководстве БКП были восприняты через призму ожидавшихся персональных перемен и в «верхах» БЗНС. В этот момент особенно многочисленны нападки на Г. Трайкова. С его именем связывалось политическое обезличивание БЗНС, установление контроля коммунистов над Союзом. Недовольство проводимой Трайковым политической линии существовало во всех кругах «земледельцев». Открыто выступали против руководителя Союза члены Упра-

вительного совета П. Каменов и Я. Марков (последний был также заместителем председателя Софийского окружного народного совета и депутатом Народного собрания), И. Радков, Н. Павлов. Они заявляли, что и в БЗНС следует «отбросить культ личности и потребовать реабилитации невинно пострадавших, в частности, выведенных из состава ПП и УС БЗНС функционеров — жертв диктатуры Трайкова». Они настаивали также на самокритике Г. Трайкова и П. Танчева перед УС, советовали всем пострадавшим от произвола обратиться в ЦК БКП с заявлениями против Трайкова, Танчева, С. Тончева и др. и потребовать созыва УС БЗНС или актива БЗНС[20]. После длительных дебатов Постоянное присутствие БЗНС приняло решение об исключении Каменова, Маркова и других вышеуказанных «земледельцев» из руководящих органов Союза, обвинив их в групповщине и организации борьбы внутри Союза. ЦК БКП поддержал мнение ПП, причем А. Югов даже упрекнул Г. Трайкова в затягивании решения этого вопроса[21].

Многие бывшие оппозиционеры, активно включившиеся в деятельность БЗНС (П. Сырбинский, В. Димов, Б. Бумбаров, А. Павлов, Г. Драгнев и др.), также поднимали вопрос о смене руководства БЗНС или хотя бы включении в его состав некоторых своих представителей. Они чувствовали пренебрежение к себе и настаивали на созыве УС для рассмотрения положения бывших оппозиционеров[22]. Их мнение, однако, также игнорировалось. В ЦК БКП и ПП БЗНС не верили в искренность бывшей оппозиции.

Вместе с тем все без исключения «земледельцы» признавали заслуги Г. Трайкова в сохранении БЗНС как организации в новых политических условиях. Ветеран БЗНС, первый руководитель прокоммунистического крыла партии А. Оббов признавал, что доволен деятельностью Трайкова, сумевшего, в отличие от него, Оббова, «консолидировать Союз» и сохранить его[23].

Ареной для непосредственной агитации и деятельности «земледельческой» оппозиции была деревня. Основное направление агитации — проводившийся БКП курс на массовое кооперирование. Главным аргументом являлась критика в адрес партийного руководства СССР и Болгарии, прозвучавшая на XX съезде КПСС и апрельском пленуме ЦК БКП в связи с допущенными ошибками в организации сельскохозяйственного производства, которые, по мнению оппозиционеров, означали генеральный пересмотр экономической политики партии в деревне. Проводимые прежде партийные и правительственные мероприятия объявлялись ошибочными, крестьян агитировали выйти из ТКЗХ, которые, следовательно, подлежали роспуску. В отдельных местностях дело доходило до разграбле-

ния скота, в Совет министров и Министерство земледелия направлялись протесты крестьян против ТКЗХ. Согласно поступавшим в органы государственной безопасности сообщениям, сразу после Апрельского пленума ЦК БКП оппозиция провозгласила, что «настал момент распускать ТКЗХ и возвращать инвентарь собственникам. В Болгарии грядут перемены, которые потребуют усилий от власти, и она из-за этого не обратит внимания на вас»[24], т. е. на кооператоров. О размахе агитации свидетельствует такой факт: только в селе Нови хан Елин-Пелинской околии девять человек подали заявления о выходе из ТКЗХ, от жителей села в Совет министров поступило восемь обращений о возвращении кооперированного имущества[25].

Отдельные деятели оппозиции ориентировались на острые формы борьбы: угрожали кооператорам, в том числе и рассылая анонимные письма, применяли к ним, а также к партийным и административным органам террор. Лишь в первом полугодии 1956 г. были зарегистрированы 48 случаев угроз в адрес кооператоров[26]. Возросло количество распространенных воззваний и листовок характерного содержания: «Братья-болгары! Все на борьбу против варварского коммунизма, против СССР, который завладел семью странами и грабит их. Вперед к светлому будущему, оно не за горами. Приближается 1957 год — время расцвета», или «Долой СССР! Вперед к победе вместе с США» и пр.[27]

В это время активизировались и боевые отряды (четы) — так называемые горяне*. После апрельского пленума они усилили свою деятельность по созданию новых подпольных организаций[28]. Развернула свою агитацию и радиостанция «Горянин»**, призывавшая воспользоваться создавшейся в результате решений пленума обстановкой для борьбы против власти коммунистов. Комментируя его постановление о снятии Червенкова с поста председателя Совета министров, радиостанция передавала: «Антон Югов избран не по воле народа. Его необходимо сместить, необ-

*Движение горян возникло еще в 1944 г. со вступлением Красной Армии в Болгарию как проявление спонтанного сопротивления процессу советизации страны. В ответ на усиление репрессий сотни людей — «земледельцы», националисты, бывшие коммунисты, полицейские, троцкисты, анархисты, члены ВМРО и др. ушли в горы и леса. Общее число горян достигало 2 тыс., а вместе с помощниками — 10 тыс. человек. Горяне были организованы в 28 относительно крупных отрядов, но, кроме того, существовало множество малочисленных групп. Органы госбезопасности раскрыли более 600 нелегальных организаций. После 1956 г. движение почти прекратило свою деятельность.

**Радиостанция «Горянин» действовала с апреля 1951 по октябрь 1962 г. на территории Греции, в 20 км от Афин у подножья горы Парнас (См.: *Шарланов Д.* Горяните. Кои са те? София, 1999. С. 168—169).

ходимо уничтожить». В тот же день радиостанция разъясняла: «Сегодня, когда затронуты наши интересы, мы должны сами себе помочь. Мы должны бороться за свою землю. БКП слабее, чем когда-либо, и сегодня оказывать сопротивление легче, чем прежде. Так будем же использовать слабость партии, раскол и замешательство в ее рядах. Сталин пал, рухнул Червенков. Коммунистическая империя Хрущева разрушится до основания. Коммунисты напуганы и не знают, что делать. Настало время требовать и протестовать. Настало время завоевывать больше прав. Хочет того или нет БКП, но ей придется отступить. Пора положить конец новой коммунистической кампании насилий, угроз, ночных допросов, с помощью которой БКП хочет загнать нас в ТКЗХ. Коммунисты, прекратите свой позорный поход против нашего крестьянства!»[29]

В середине 1956 г. обстановка осложнилась в связи с разразившимися кризисами в Польше и Венгрии, где национальная непримиримость ко вмешательству СССР во внутренние дела оказалась более глубокой, чем в других странах народной демократии. В Польше первые признаки кризиса проявились в июне 1956 г., когда волнения рабочих в Познани были подавлены силой. Эти волнения отразили политические настроения, вызванные декларированным на XX съезде КПСС правом стран самостоятельно выбирать пути своего развития, проявившимися глубокими разногласиями внутри Польской объединенной рабочей партии (ПОРП), где сторонники политического поворота в идейном плане опирались на концепцию «польского пути к социализму», а также развернувшиеся на предприятиях, в кругах интеллигенции и студенчества дискуссии. Волнения не затихали на протяжении всего лета. В октябре 1956 г. по мере углубления кризиса в стране большинство руководства партии обратилось к пострадавшему от сталинских репрессий Гомулке с предложением занять пост первого секретаря ПОРП. 20 октября он был избран руководителем партии и представил план реформ, соответствовавших концепции «польского пути к социализму». Гомулка подтвердил, что остается верен союзу с СССР, и сумел убедить советское руководство, что программа строительства социализма в Польше и характер советско-польских отношений требуют изменений. Гомулка добился пересмотра некоторых невыгодных для Польши соглашений с СССР и ликвидации института советских военных советников, сменил руководителей политических органов власти, включив в исполнительные органы страны представителей Объединенной крестьянской партии, освободил из заключения главу католического костела кардинала С. Вышинского. Вскоре покинул страну смещенный со своих постов министр обороны и заместитель председателя Совета министров ПНР Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский.

В результате умеренной позиции Гомулки либеральные перемены в Польше прошли относительно спокойно. Советские войска по-прежнему дислоцировались в стране, но была достигнута договоренность об их невмешательстве во внутренние дела.

То, чего удалось тогда избежать в Польше, произошло в Венгрии, где борьба в руководстве компартии оказалась более острой. Все больше нарастало критическое отношение к политике, проводимой руководителем Венгерской партии трудящихся (ВПТ) М. Ракоши. Среди прочих лидеров Восточной Европы Ракоши активнее других приложил руку к насаждению сталинизма. Ему удалось сохранить свою власть в результате острейшей борьбы со сторонником «национального» коммунизма Имре Надем. Лишь летом 1956 г., когда в стране начались студенческие волнения, Ракоши под давлением Москвы ушел с поста первого секретаря ВПТ. На его место был назначен один из соратников И. Надя Эрнё Герё. Однако это не привело ни к изменениям политики правительства, ни даже его состава. Недовольство населения продолжало нарастать. 23 октября в Будапеште началась массовая студенческая демонстрация, закончившаяся ее разгоном. 24 октября Герё обратился к советскому послу в Будапеште Ю. В. Андропову за помощью. В Будапешт вошли советские войска. 27 октября пост первого секретаря ВПТ занял Я. Кадар, а председателя Совета министров — И. Надь. Но их назначения уже не были в состоянии что-либо изменить. Вмешательство, хотя и не активное, дислоцированных в Венгрии советских частей на стороне нового руководства вызвало гнев населения. Вышедшие на улицу рабочие, студенты, члены бывших хортистских организаций и др. требовали вывода советских войск, роспуска органов государственной безопасности, выхода из Варшавского договора, создания коалиционного правительства. Стихийно началось создание революционных комитетов.

28 октября И. Надь выступил по радио с обещанием удовлетворить требования народа. Он заявил, что в стране будет восстановлена многопартийная система, что Венгрия выйдет из Варшавского договора, и обратился к ООН с просьбой рассмотреть создавшееся в стране положение. Через день советские части были выведены из венгерской столицы. Но в Москве испугались, что примеру Венгрии последуют другие страны Восточной Европы, причем главные опасения были связаны с существованием Варшавского договора. 30 октября советское правительство опубликовало декларацию, в которой заявило, что готово пересмотреть экономические отношения СССР со странами народной демократии, а также вопросы присутствия советников и военных частей на их территории. Однако на состоявшемся в Москве 31 октября заседании Прези-

диума ЦК КПСС его участники высказались за подавление восстания в Венгрии с помощью советских воинских частей. Одновременно руководство СССР запросило мнение своих союзников, включая поляков. Все они, в том числе и Китай (лично Мао Цзедун), поддержали план советского военного вторжения[30]. И. Надь был смещен с поста главы кабинета, его место занял Я. Кадар. Он прибыл в Москву и от имени якобы созданного в г. Сольноке правительства Венгрии попросил помощи у советской стороны. В период 4—12 ноября 1956 г. произошло второе силовое вмешательство СССР в венгерские дела. И. Надь укрылся в посольстве Югославии.

Радиостанция «Горянин» регулярно информировала о событиях в «горячих точках» Восточной Европы. Так, уже 8 и 10 июня 1956 г. она сообщила о выступлениях рабочих в Польше. В сообщении говорилось: «Братья болгары! Мы знаем о восстании металлистов в Познани (Польша) столько же, сколько и вы. Тот факт, что по официальному признанию радио Варшавы, самое малое 38 человек убиты и 270 ранены, неопровержимо свидетельствует: рабочие восстали. Своими смелыми действиями они привлекли всеобщее внимание к положению польских рабочих, страдающих под коммунистическим игом».

В начале июля в связи с майской стачкой шахтеров в г. Мадане радиостанция призывала: «Дерзайте, шахтеры! Дерзайте, братья! Наш народ с вами, он братски жмет ваши руки и приветствует вас. И мы, и вы, шахтеры и народ, сплочены. Наша борьба — это борьба за свободу. Наше дело восторжествует. Мы снова будем свободными»[31].

В стране распространялись листовки следующего содержания: «Братья, последуем примеру Польши!», «Да здравствует славное заграничное представительство во главе с г-ном Г. М. Димитровым!», «Смерть Булганину и Хрущеву! Браво, Польша!», «Не отдавайте свои поля ТКЗХ, будете голодать», «Бейте коммунистов! Поднимайтесь на борьбу! От Комитета освобождения Болгарии»[32].

Выступления познанских рабочих большинство «земледельцев» восприняли как «очень радостный факт, показавший, что даже и там, где насажден коммунизм, долго терпеть его не будут». «Земледельцы» рассчитывали, что и в других городах Польши, как и в других странах-сателлитах, «вспыхнут подобные бунты», что коммунисты в Болгарии «будут вынуждены под давлением народов этих стран создать политическую коалицию вместе с “земледельцами”, освободить всех политзаключенных», провести свободные выборы и что приход Земледельческого союза к власти «неизбежен»[33].

Напряженность наблюдалась в различных кругах «земледельцев» — среди последователей Г. Трайкова, приобщившихся к ОФ, и особенно среди оппозиционеров. Последние две группы, тайно или явно, рассчитывали на перемены, учитывая благоприятное развитие событий в Польше. Но очень скоро, еще до подавления восстания в Венгрии, наступило разочарование. Причиной тому стали заявления Гомулки и Надя о верности СССР. В связи с опубликованием в газете «Нова Македония» письма Имре Надя от 27 октября 1956 г., в котором он заявил, что будет строить социализм в Венгрии своим путем, но останется при этом верным Советскому Союзу, Петр Сырбинский отреагировал: «Вообще дела плохи ...Гомулка взял курс на СССР, но он внесет кое-что новое, и, как видно, [коммунисты] поведут большую политику по отношению к крестьянской партии. Они придают большое значение Стефану Игнару* — он сделал доклад об избирательной системе, и его заявления комментирует лондонское радио. Крестьянская партия в Польше получает импульс для движения несколько иным путем». Вместе с тем Сырбинский понимал, что коренных изменений ни в Польше, ни в Венгрии не будет: «Ко мне приходят разные сплетники и говорят о своих надеждах, о помощи со стороны США и т. д. Я им говорю — неужели вы не понимаете, что в результате этот лагерь еще более усиливается. Гомулка и Имре Надь — коммунисты. Миколайчика к власти не допустят»[34].

Не осталась без внимания и опубликованная в «Работническо дело» 27 октября 1956 г. статья «Напрасные надежды». Отраженное в заглавии предупреждение, по словам некоторых оппозиционно настроенных «земледельцев», сыграло свою роль. Уже 28 октября в органы госбезопасности поступила информация, согласно которой ряд оппозиционеров после появления этой статьи проявили беспокойство, что «распустили языки», и пришли к заключению, что «бессмысленно и глупо рассчитывать, что здесь, в Болгарии, события могут повториться»: «У нас нет условий для подобных проявлений». Они надеялись, что правительство «сделает выводы и поймет, что, когда терпение у людей истощится, они с голыми руками выйдут на улицу»[35]. Петр Сырбинский в частных беседах по поводу упомянутой статьи выразил сожаление, что коммунисты снова «пошли по старому пути» угроз, что они выпускают шипы и «скрипят зубами» по поводу любого сказанного против них слова, что «армией и милицией власть нельзя укрепить. Надо завоевать народ». Он обвинил также коммунистов в том, что события в Польше и Венгрии застали Болгарию и БЗНС врасплох, с большим количеством неприобщенных к ОФ «зем-

* Соратник Ст. Миколайчика.

ледельцев», особенно среди молодежи. Недоверие к бывшим оппозиционерам со стороны коммунистов помешало, чтобы «все они были в наших рядах»[36].

Подавление восстания в Венгрии усилило примиренческие тенденции среди основной массы болгарских оппозиционеров. Перемену своих настроений они объясняли по-разному. Одни тем, что «сейчас коммунистов не следует настраивать против себя, иначе они нас уничтожат и экономически». Другие проводили различия между положением в Болгарии и, с другой стороны, в Польше и Венгрии, указывали на отсутствие в БКП политических лидеров типа Гомулки и на наличие «сталинистов» в руководстве БЗНС и т. п. Рухнули былые надежды и на помощь извне со стороны США. Вследствие «бездействия» США во время венгерских событий оппозиционеры уже не верили, что американцы начнут войну из-за «какой-либо другой страны в Восточной Европе»[37]. Возможность «любых более-менее существенных перемен» в Болгарии допускалась лишь в том случае, «когда они произойдут во всех народных демократиях...»[38]

Вместе с тем некоторые бывшие оппозиционные лидеры БЗНС не отказались от попыток использовать сложившуюся обстановку для смены руководства Союза, изменения его политического курса и расширения представительства БЗНС, в том числе и оппозиционных кругов, в управлении страной. По всей вероятности стимулом для подобных настроений явился удачный опыт ОКП в Польше. Их носители объединились вокруг одного из старых функционеров БЗНС Христо Стоянова, который официально заявил, что готов состоять в одном кабинете с коммунистами, но без Г. Трайкова[39]. К Стоянову примкнули и бывшие члены ПП БЗНС(о) Недко Ботев, Атанас Леринский, Стоян Божков, Константин Муравиев, Асен Стамболийский и др. Стоянов объяснял своим сподвижникам, что он не является «орудием коммунистов», а только хочет завоевать их доверие, отстранить Трайкова и с группой подготовленных людей «взять в свои руки все, пока коммунисты будут справляться со своим внутренним кризисом». Он заявил также и о готовности «взвалить на свои плечи» дело «объединения "земледельческих" сил». В июне—июле 1956 г. Стоянов попытался установить контакт с некоторыми руководящими деятелями БКП, которые, как он считал, могли бы поддержать его намерения, и в то же время предпринял зондаж среди представителей различных оппозиционных власти политических группировок, в том числе цанковистов* [40].

* Сторонники А. Цанкова — главы кабинета министров Болгарии в 1923—1925 гг., лидера Народного социального движения, главы эмигрантского правительства, образованного в Вене 15 сентября 1944 г.

Однако даже среди сторонников Стоянова находилось немало скептиков, которые не верили в реальность его планов, как и в его возможности руководителя. Асен Стамболийский, к которому коммунисты относились терпимо как к сыну Александра Стамболийского, хорошо понимал, что Стоянову коммунисты не доверяют и он не найдет у них поддержки[41]. П. Сырбинский вообще не верил, что Стоянов начнет переговоры с представителями ЦК БКП, так как знал, что из бывших оппозиционеров только Асен Павлов и Вергил Димов связаны с ЦК[42]. Недко Ботев заявил, что, хотя и поддерживает Стоянова, но «не полностью на его стороне»[43], и даже признал, что «отдает предпочтение» Г. Трайкову[44]. Н. Ботев не согласился и с планами Хр. Стоянова по объединению «земледельцев» — созвать национальную конференцию членов нынешнего БЗНС и представителей всех бывших организаций Союза, избрать новое руководство, которое поведет переговоры с БКП о более тесном сотрудничестве. По мнению Ботева, единственно возможным путем объединения «земледельцев» в сложившейся обстановке являлись установление контактов и непосредственные переговоры с Г. Трайковым[45].

В ЦК БКП считали, что Хр. Стоянов и его окружение своей агитацией и действиями вселяли недоверие к коммунистам, они противостояли БКП и ее руководящей роли и фактически выполняли указания эмиграции, направленные на создание в стране такой обстановки, которая бы облегчила вооруженную интервенцию и мятежи, подобные венгерским[46]. В начале ноября 1956 г., когда восстание в Венгрии было подавлено, прошли аресты «земледельцев». Санкции были применены к Хр. Стоянову и поддерживавшим с ним связь К. Муравиеву, Н. Ботеву, д-ру Н. Йотову, А. Леринскому, И. Делийскому, Ст. Божкову, С. Найденову, Н. Попову, С. Стефанову и др., а также к другим «земледельцам»-оппозиционерам, подозревавшимся в заговорщической деятельности — С. Гичеву, Й. Петрову и др. В середине ноября начались аресты оппозиционеров, которые, по сведениям госбезопасности, состояли в подпольных группах[47]. В конце года начались судебные процессы против этих лиц.

К развернувшемуся наступлению против оппозиции присоединился и БЗНС. 10 ноября 1956 г. на заседании ПП БЗНС Г. Трайков выступил с докладом «О значении решений XX съезда КПСС и Апрельского пленума ЦК БКП и отношении БЗНС к последним событиям в Польше, Венгрии и Египте»*. Трайков коснулся вопроса об «ошибках Сталина»

*Имелась в виду начавшаяся в результате национализации правительством Г. А. Насера Суэцкого канала англо-французская война в Египте. США, исходя из собственных интересов в арабским мире, высказались за решение вопроса о канале мирным путем. СССР выступил на стороне Египта и предложил США и другим странам-членам ООН использовать объединенные вооруженные силы для разрешения конфликта. 22 декабря 1956 г. вывод английских и французских войск с территории Египта завершился.

и защитил отстаивавшийся в то время коммунистами тезис, что решения XX съезда не имели ничего общего с событиями в Венгрии и Польше, что они вызваны антикоммунистически и антисоветски настроенными реакционными элементами, стремящимися оклеветать социалистический строй. Он внес предложение разослать принятое ПП и Высшим союзным советом (ВСС) БЗНС решение по этому актуальному вопросу руководствам других крестьянских партий, в первую очередь, Венгрии и Польши[48].

Мысль познакомить «братские» крестьянские партии с позицией руководства БЗНС в связи с событиями в Польше и Венгрии исходила, по всей вероятности, от ЦК БКП, поскольку ПП БЗНС получило и 14 ноября 1956 г. обсудило письмо Главного комитета Объединенной крестьянской партии Польши с сообщением об отставке прежнего председателя Ковалевского (сторонника Единого фронта), оргсекретаря Юшкевича и других членов высшего руководства ОКП. В письме, помимо прочего, говорилось, что важные политические события в Польше «завершились полной победой сил социалистической демократии над остатками сталинизма», что силами, поддержанными «огромным большинством польского народа», руководит Польская объединенная рабочая партия и ее новый, избранный на VIII пленуме ЦК ПОРП* во главе с первым секретарем ЦК тов. Владыславом Гомулкой, и что польский народ, «исполненный решимости и энтузиазма» шагает по пути «укрепления суверенитета» польского народа, по пути «полной демократии», чтобы с помощью «наиболее подходящих методов» строить социализм в соответствии с условиями страны. Поляки указывали, что они сообщают о переменах, так как «считают вопрос о демократизации общим для всех стран нашего большого лагеря мира и социализма, важным вопросом для крестьянских масс»[49].

Несмотря на оптимистическую тональность письма, при его обсуждении в ПП БЗНС констатировалось, что по «здоровым» силам в руководстве ОКП нанесен «удар», что на их место выдвигаются и укрепляются в центре и на местах наиболее активные сторонники Ст. Миколайчика, снятые со своих постов на съезде партии в марте 1956 г., и что тем самым расчищается путь правым и антисоветским элементам, стремящимся полностью овладеть руководством ОКП. Выступавшие подчеркивали, что в нынешнем своем составе крестьянская партия способна создать атмосферу, способствующую возвращению Миколайчика в Польшу. Некоторые члены ПП высказали мнение, что польские «земледельцы» стремятся учить руководство БЗНС демократии и строительству социализма «различными путями», снизить эффект от установившихся после

*VIII пленум ЦК ПОРП состоялся в октябре 1956 г.

съезда ОКП контактов между руководителями обеих партий — ОКП и ПОРП, а также и от заявления руководства ОКП, что деятельность БЗНС должна являться для них примером[50]. ПП БЗНС принял решение направить в ОКП ответное письмо, без опубликования его в открытой печати, чтобы «не дать материал в руки вражеской пропаганде», а также переслать в Главный комитет ОКП решения ВСС БЗНС, которые предстояло принять на заседании 24 ноября 1956 г.[51]

Заседание ВСС прошло в расширенном составе: на него были приглашены и около 50 бывших деятелей оппозиции, в том числе Недялко Атанасов, Владимир Вампирский, Петр Сырбинский, Вергил Димов, Светла Даскалова и др. На заседании обсуждались участие членов Союза в кооперативном строительстве, ликвидация недостатков в организации работы ТКЗХ и оплате труда, укрепление трудовой дисциплины, борьба с расхищениями государственной и кооперативной собственности и т. п. Членов БЗНС призвали к совместному с коммунистами переустройству сельского хозяйства[52]. Было принято решение о проведении в начале марта 1957 г. 29-го съезда БЗНС. Выступавшие оценили заседание как историческое (В. Великовский), выразили удовлетворение тем, что БЗНС, наконец, начал откровенно говорить с БКП о своих проблемах и требованиях (Б. Бошнаков)[53].

Привлечение БЗНС в 1956 г. к совместному с коммунистами решению вопросов переустройства сельского хозяйства, активизация деятельности «земледельцев» в народных советах, в Отечественном фронте имело решающее значение для укрепления Союза, повышения его авторитета среди крестьян и бывших членов Союза, укрепления его позиций в общественно-политической жизни. Однако до возможных и необходимых масштабов участия руководства и членов БЗНС в проходивших в стране экономических и политических процессах, в решении касавшихся сельского населения вопросов было еще далеко. Контакты между ЦК БКП и ПП БЗНС по-прежнему имели спорадический характер. БЗНС не участвовал в подготовке обсуждения осенью 1956 г. вопроса о пенсиях крестьянам. Далеко не повсюду «земледельцы» допускались к участию в руководствах ТКЗХ и пр.[54] Внимание, которое власти уделяли БЗНС после 1953 и особенно в 1956 г., не означало предоставление Союзу реального голоса в управлении. Ясно подтвердил это прошедший в апреле 1957 г. съезд БЗНС. В принятой съездом резолюции подчеркивалась задача «земледельцев» — завоевать поддержку всеми крестьянами правительственной аграрной программы, которая, тем не менее, даже не подлежала обсуждению. В кризисном 1956 г. БКП смогла полностью овладеть положением в БЗНС.

В 1956 г. и в последующие годы компартии удалось также усилить процесс приобщения оппозиционно настроенных «земледельцев» к управлению. Многих из них начали выдвигать на ответственную работу в ТКЗХ, включать в руководящие органы местных и околийских организаций БЗНС, которые, со своей стороны, вели пропагандистскую работу среди оппозиционно настроенных крестьян. В конце 1950-х годов напряженность в отношениях оппозиции и власти уменьшилась. К исходу 1958 г. 394 лидера и активиста национального, окружного и околийского масштаба из 465, или 85%, выступили с декларациями о приобщении к ОФ. По сведениям госбезопасности, 280 человек из них имели «положительное и честное отношение к народной власти». К началу сентября 1959 г. из тюрем и лагерей были освобождены почти все бывшие оппозиционные «земледельческие» лидеры, в том числе и арестованные в ноябре 1956 г.

* * *

События в Польше и Венгрии вызвали к жизни надежды всей болгарской политической эмиграции* на возникновение новых возможностей в борьбе с коммунистическими режимами в Восточной Европе. Венгерские события оказались в центре внимания V съезда Международного крестьянского союза (МКС), так называемого «Зеленого Интернационала» (28—30 октября 1956 г., Париж). Накануне съезда председатель МКС Ст. Миколайчик, его заместитель Ференц Надь и генеральный секретарь Союза д-р Г. М. Димитров направили телеграммы генеральному секретарю ООН Д. Хаммаршельду, президенту США Д. Эйзенхауэру, премьер-министру Великобритании Антони Идену и премьер-министру Франции Ги Молле с требованием включить вопрос о событиях в Венгрии и Польше в повестку дня Совета Безопасности ООН.

На съезде присутствовали более 300 делегатов от крестьянских организаций и партий восьми стран Центральной, Восточной и Юго-Восточ-

* В США, Западной Европе и Турции имелось значительное число бывших оппозиционеров из БЗНС Н. Петкова. В США находилось центральное руководство Болгарского национального комитета (БНК) «Свободная и независимая Болгария» во главе с д-ром Г.М. Димитровым. В центральное руководство входили 14 человек, проживавших, кроме д-ра Димитрова, в различных странах Западной Европы и Америки. В США находился и руководящий центр Международного крестьянского комитета («Зеленого Интернационала»), в котором активно принимали участие члены бывшего БЗНС. Генеральное представительство БНК в Европе находилось в Париже и возглавлялось Ц. Баревым. Его отделения имелись в Австрии, ФРГ, Италии, Турции, Австралии, Ливане, Израиле, Канаде, Аргентине и других странах.

ной Европы. Фактически съезд «Зеленого Интернационала» превратился в «собрание солидарности с борющимся венгерским народом». Съезд с удовлетворением воспринял информацию о создании правительства Имре Надя и ноте последнего в ООН о рассмотрении венгерского вопроса в Совете Безопасности. Ст. Миколайчик в докладе о деятельности МКС подчеркнул, что «задача Интернационала заключается в моральной поддержке порабощенных народов и распространении идеологических и политических принципов свободы, демократии». Г. М. Димитров в докладе о политическом положении в «порабощенных СССР странах» специально остановился на событиях в Венгрии и Польше. Он отметил, что, хотя в этих странах поначалу восстали рабочие и студенты, было бы ошибочным считать, что крестьяне остались пассивными. Именно сельские массы своим сопротивлением создали наибольшие затруднения для власти в народно-демократических странах, и именно в этом сопротивлении коренятся причины внутриполитических конфликтов, как и конфликтов с Москвой[55].

Съезд единодушно принял резолюцию по венгерскому вопросу, в которой содержались приветствие венгерским повстанцам и призыв ко всем «земледельцам» восточноевропейских стран поддержать венгров в борьбе против общего «коммунистического врага». Совету Безопасности ООН предлагалось незамедлительно направить в Венгрию специальную комиссию с задачей положить конец кровопролитию и содействовать выводу советских войск с территории Польши, Венгрии и Румынии[56].

Венгерский вопрос оказался в центре внимания и созванной 12—13 ноября 1956 г. в Нью-Йорке третьей сессии Собрания порабощенных народов. Директор Комитета «Свободная Европа» генерал В. Криттенбергер в кратком выступлении подчеркнул, что главной задачей свободного мира является поиск пути разрешения венгерского вопроса и что роль Собрания «может иметь огромное значение». Болгарскую сторону на заседании представляли д-р Димитров, Н. Антонов и В. Вангелов. Д-р Димитров выразил сожаление и разочарование, что ООН не выполнила своей задачи и что «свободный мир упустил возможность помочь порабощенным народам Венгрии и Польши». Сессия приняла декларацию с требованием восстановить независимость и свободу Албании, Болгарии, Венгрии, Польши, Чехословакии, Румынии, Литвы, Латвии и Эстонии. Авторы документа настаивали на том, чтобы Общее собрание ООН рассмотрело положение в Средней и Восточной Европе и потребовало вывести советские войска из стран народной демократии[57].

Руководители Болгарского национального комитета «Свободная и независимая Болгария» развернули широкую кампанию по популяризации

восстания в Венгрии и деятельности политической эмиграции в защиту борцов против коммунистического режима. 4 ноября 1956 г. в зале «Сосьете Саван» в Париже д-р Димитров выступил с лекцией «Критическая фаза народно-освободительной войны», на которой присутствовали эмигранты всех национальностей, проживавшие во Франции. Оратор защищал тезис, согласно которому борьба «порабощенных народов» прошла два этапа. На первом этапе инициатива освобождения «порабощенных народов» от коммунистов находилась в руках дипломатов. На втором инициатива перешла к самим народам, которые не упустят ее до победного конца. Д-р Димитров подчеркнул, что народы должны бороться против коммунизма, который существует «как одно целое», и не поддаваться на обман о наличии его разновидностей — так называемого «национального» коммунизма Гомулки, Тито или Надя[58]. Руководитель отделения Комитета в Италии Иван Барев только в ноябре 1956 г. пять раз выступил с лекциями по римскому радио, знакомя слушателей с венгерскими событиями и деятельностью БНК, МКС и Собрания порабощенных народов[59].

Болгарские политэмигранты-«земледельцы» в Риме в декабре 1956 г. приняли решение об участии в антикоммунистических акциях, проводившихся в Италии в связи с венгерскими событиями, и о подготовке статей соответствующего содержания для публикации в печати. Члены отделения Комитета приняли участие в антикоммунистической демонстрации, организованной на вокзале во время прибытия делегаций — гостей съезда итальянской компартии[60].

Внимание к решениям XX съезда КПСС, апрельского пленума ЦК БКП и к событиям в Болгарии после этих форумов, в частности, к положению БЗНС, поддерживала газета «Свободная и независимая Болгария»[61]. Ц. Барев в статье «Признания ЦК БКП», помещенной в номере от 23 ноября 1956 г., анализируя апрельский пленум и конкретно доклады Т. Живкова о ликвидации культа личности и Д. Ганева о реабилитации Тр. Костова, заключал, что «ЦК БКП охватил глубокий кризис, и руководящий орган партии осознает приближение катастрофы, его ожидающей, и посему старается спасти то, что еще можно спасти»[62]. В связи с намеченным на март 1957 г. съездом БЗНС газета поместила статью «Земледельческий съезд» за подписью «д-ра Михайлова». По мнению автора, этот съезд явится «коммунистической трагикомедией», он необходим коммунистам и «трайковцам», чтобы избежать падения в пропасть, к краю которой они подвели страну, народ и самих себя, и чтобы убедить Запад, что не только рабочие, но и крестьяне «страстно влюблены в красную тиранию и московский империализм»[63].

Из-за границы в Болгарию поступали и инструкции об организации борьбы против власти. Поначалу, до подавления восстания в Венгрии, речь шла о создании новых подпольных организаций, боевых отрядов — чет для борьбы против режима, о развертывании агитации, проведении террористических акций. После ноября указания изменились и свелись к «прекращению конспиративной борьбы» вследствие многочисленных жертв и в соответствии с установкой, согласно которой «путь к свержению власти должен быть не революционным, а эволюционным». Подчеркивалось, что на данном этапе важно проникать в БЗНС Г. Трайкова и содействовать массовизации Союза, в результате чего при хорошей организации работы можно численно превзойти коммунистов и захватить власть[64].

Внутри страны на эти призывы откликались убежденные сторонники д-ра Димитрова, хотя их число неумолимо сокращалось. Большинство же «земледельцев» все менее активно реагировали на поступавшие из-за границы указания. Асен Стамболийский откровенно делился: «Некоторые все еще надеются на возвращение Гемето* в Болгарию. ...Эти люди должны знать, что Гемето и его компании легко лаять за границей и безнаказанно проводить там свою политику, а что касается коммунистов, то их падения [геметовцам] придется ждать десять световых лет»[65].

И в 1957 г. венгерские события продолжали волновать всю политическую эмиграцию в странах Восточной Европы. Во время встречи президента США Д. Эйзенхауэра и председателя Совета министров Великобритании Г. Макмиллана на Бермудских островах (21—24 марта 1957 г.) в связи с провалом англо-французской агрессии в Египте генеральный секретарь Собрания порабощенных народов в телеграммах на их имя просил предпринять «конкретные шаги по восстановлению свободы и независимости народов Центральной и Восточной Европы». Он выразил убеждение, что «если моральный, политический и экономический нажим извне подкрепит натиск изнутри, который наши народы осуществляют неустанно, то может создаться положение, при котором Советы потеряют власть над Восточной Европой». В телеграммах подчеркивалось, что положение всех народов в социалистических странах по существу такое же, что и в Венгрии, где произошла революция[66].

Постепенно политический накал среди эмиграции, связанный с восстанием в Венгрии, стал спадать. Этому способствовал тот факт, что западные страны не пошли на обострение отношений с Советским Союзом и смирились с существующим положением в странах восточного блока.

---

*Аббревиатура от инициалов д-ра Г. М. Димитрова.

В конце 1950-х и начале 1960-х годов, когда начался так называемый процесс разрядки, снизился и интерес Запада к заграничным центрам политической оппозиции из Восточной Европы.

* * *

XX съезд КПСС и апрельский пленум ЦК БКП 1956 г. возродили надежды на демократизацию общества среди всех политических сил Болгарии — как среди членов БКП и БЗНС, так и в оппозиционных кругах, сохранивших свою политическую ориентацию вопреки роспуску или запрету их партий. Эти надежды, однако, оказались кратковременными. Венгерская трагедия показала нереальность расчетов на близкие перемены. Кроме коммунистов, частичное удовлетворение в новой ситуации получил БЗНС, руководимый Г. Трайковым: был сделан шаг к признанию БЗНС союзнической коммунистам организацией и расширению его полномочий. В отношении представителей других бывших политических сил и, прежде всего, оппозиционеров-«земледельцев» БКП не смогла проявить нужной гибкости, чтобы без насилия достичь определенного уровня общественного согласия. Во имя сохранения коммунистического режима БКП вновь прибегла к репрессиям, хотя у оппозиции уже не было сил противостоять власти.

Примечания

[1] Работническо дело. 20 март 1954 г.

[2] Архив на Министерство на вътрешните работи (далее — АМВР). Ф. 13. Оп. 1. А. е. 1293. Л. 1.

[3] Там же. А. е. 1399. Л. 231—232.

[4] Там же. Л. 232.

[5] Там же. Л. 233.

[6] Там же. А. е. 1400. Л. 279—280.

[7] Там же. А. е. 1399. Л. 230.

[8] Там же. Л. 180.

[9] Там же. Л. 227—228.

[10] Там же. Л. 229.

[11] Там же. Л. 322; А. е. 1400. Л. 33—34, 68—70.

[12] Там же. А. е. 1400. Л. 68—70.

[13] Там же. А. е. 1399. Л. 159.

[14] Там же. Л. 326.

[15] Там же.

[16] Там же. А. е. 1401. Л. 20.

[17] Там же. А. е. 1399. Л. 349.

[18] Там же. Л. 322—323.

[19] Там же. Л. 346—347.

[20] Там же. А. е. 1400. Л. 21—22.

[21] Там же. А. е. 1399. Л. 370; А. е. 1400. Л. 68—70.

[22] Там же. А. е. 1399. Л. 370; А. е. 1401. Л. 96.

[23] Там же. А. е. 1401. Л. 122.

[24] Там же. Л. 6.

[25] Там же. А. е. 1464. Л. 1.

[26] Там же. А. е. 1400. Л. 162.

[27] Там же. Л. 25, 28.

[28] Там же. Л. 15.

[29] Там же. А. е. 1402. Л. 1—3.

[30] *Боффа Дж.* История Советского Союза. От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. М., 1994. Т. 2. С. 458—461.

[31] АМВР. Ф. 13. Оп. 1. А. е. 1402. Л. 1—3.

[32] Там же. А. е. 1401. Л. 180, 338.

[33] Там же. Л. 199; А. е. 1400. Л. 207—209.

[34] Там же. А. е. 1401. Л. 131.

[35] Там же. Л. 212.

[36] Там же. Л. 310.

[37] Там же. Л. 310, 333.

[38] Там же. Л. 136—137.

[39] Там же. А. е. 1400. Л. 30.

[40] Там же. Л. 30, 156. А. е. 1401. Л. 12, А. е. 1459. Л. 5—7.

[41] Там же. А. е. 1401. Л. 12.

[42] Там же. Л. 41.

[43] Там же. Л. 121.

[44] Там же. А. е. 1400. Л. 275.

[45] Там же. А. е. 1401. Л. 31.

[46] Там же. А. е. 1462. Л. 24.

[47] Там же. А. е. 1401. Л. 327, 335.

[48] Там же. Л. 313.

[49] Там же. Л. 323—324.

[50] Там же.

[51] Там же. Л. 325.

[52] Стенографски протокол на заседанието на ВСС на БЗНС. 24 ноември 1956 г. С. 36—38; *Кожухаров К.* Страници от най-новата история на БЗНС. София, 1969. С. 114—115.

[53] АМВР. Ф. 13. Оп. 1. А. е. 1401. Л. 364—365.

[54] Там же. Л. 388, 389.

[55] Там же. Ф. 2. Оп. 1. А. е. 1121. Л. 16—17, 24.

[56] Там же. Л. 25.

[57] Там же. А. е. 1187. Л. 1—2.

[58] Там же. Л. 2.

[59] *Василева Б.* Българската политическа емиграция след Втората световна война. София, 1999. С. 73.

[60] Там же. С. 3—75.

[61] АМВР. Ф. 2. Оп. 1. А. е. 1187. Л. 1.

[62] Там же. Л. 2—3.

[63] Там же. Л. 5.

[64] Там же. Ф. 13. Оп. 1. А. е. 1401. Л. 43.

[65] Там же. Л. 11—12.

[66] Там же. Ф. 2. Оп. 1. А. е. 1187. Л. 10.

IV. 1950—1960-е. Экономические и политические последствия

Н. И. Бухарин
(Институт экономики РАН)

Отношения Советского Союза с социалистическими странами Европы в 1950-х — первой половине 1960-х годов

Конец 1940 — первая половина 1950-х годов были периодом создания идейно-политического союза СССР с большинством стран Центральной и Юго-Восточной Европы. В основе союза лежала общая идеология, единые политические и экономические цели, что придало отношениям между указанными странами ряд специфических черт, которые сохранились и в дальнейшем.

Во-первых, отношения социалистических стран носили излишне идеологизированный характер. У международного революционного рабочего был заимствован принцип пролетарского интернационализма с такими его аспектами, как взаимопомощь, единство интересов и политики. При принятии основных решений, касающихся отношений Советского Союза с социалистическими странами, руководствовались не принципами эффективности и рациональности, а идеологией.

Во-вторых, отношения между социалистическими странами развивались одновременно и по партийной, и по государственной линии.

В-третьих, та гегемонистская роль, которую играла КПСС в международном коммунистическом движении, победа Советского Союза над фашистской Германией, его опыт, военная и экономическая мощь определили особую роль СССР в системе отношений социалистических стран. Он как бы возвышался над другими странами: для них считалось обязательным во всем следовать советскому примеру, рекомендациям, советам. Постепенно стала складываться система своего рода патерналистских отношений между Советским Союзом и большинством социалистических стран Европы[1]. Внутреннее развитие в последних оценивалось с точки зрения соответствия советской модели социализма. Это превращало КПСС в своеобразного идеологического контролера.

В первой половине 1950-х годов весьма внушительное влияние на отношения Советского Союза со странами «социалистического лагеря» оказывала личность И. В. Сталина. По методам сталинская политика была политикой диктата, подчинения и неравноправия. Ей были свойственны

подчинение интересов социалистических стран интересам Советского Союза, а их лидеров лично Сталину, чрезмерная опека, командование, навязывание своей роли. Как вспоминал Н. С. Хрущев, «с руководителями этих стран Сталин строил контакты на основе абсолютного их подчинения и не терпел никаких особых мнений, а не только простых возражений. Если в беседе по любому вопросу человек настаивал на своей точке зрения, это его раздражало и порождало сомнения в искренности такого человека, подвергались сомнению его коммунистическая убежденность, его преданность марксистско-ленинскому учению. Отсюда оставался один шаг до его гибели»[2]. В общем, в контактах с лидерами стран народной демократии Сталин как вождь международного коммунистического движения использовал иерархические отношения коминтерновского типа.

Временами он навязывал этим лидерам определенное видение процессов, схемы, темпы и методы преобразований в самих странах, которые подчас вытекали не из реального объективного развития, а из идеологических представлений советского руководителя. Нередко он проявлял чрезмерную осторожность, призывал лидеров стран народной демократии не спешить с преобразованиями. Некоторые советские послы и советники посольств вели себя как наместники, вмешивались во внутренние дела, учили, как строить социализм.

В результате советской политики нарушались такие общепринятые в международных отношениях принципы взаимоотношений, как равноправие, уважение суверенитета, невмешательство во внутренние дела. В советской политике зачастую не учитывалась специфика стран, игнорировались национальные чувства, в то время как некоторые из государств Центральной Европы в культурном и экономическом развитии превосходили Советский Союз. Такая политика неминуемо должна была вызвать антисоветские настроения, что и проявилось в середине 1950-х годов.

До смерти И. В. Сталина в 1953 г. политические отношения между Советским Союзом и странами народной демократии носили неофициальный характер. Обмена официальными делегациями на высшем уровне не было. Сам Сталин из-за подозрительности и состояния здоровья ни в одной из стран народной демократии не был. Их руководители встречались со Сталиным в Советском Союзе в рабочем порядке. В промежутках между встречами они постоянно обменивались письмами. В общем, существовала полная непрозрачность отношений — общественность о них практически не информировалась.

В первой половине 1950-х годов европейские страны «социалистического лагеря», занятые внутренними преобразованиями, были слабы, дискриминировались Западом как сателлиты Советского Союза и не могли претендовать на то, чтобы играть самостоятельную роль на международной арене. Поэтому их интересы представлял и защищал на Западе и в международных организациях СССР.

В эти годы отношения в восточном блоке развивались, прежде всего, на двусторонней основе, а механизмы многостороннего сотрудничества переживали стадию зарождения. У советского руководства тогда не было развернутой концепции многостороннего сотрудничества стран, формирования их международного сообщества. Сталин видел в этом сообществе «социалистический лагерь», противостоявший Западу, столкновение с которым он считал неизбежным. Главной целью являлось сплочение социалистических стран, которое понималось как их безусловное подчинение интересам Советского Союза, как монолитное единство. Соответственно, не виделась необходимость в достижении подлинного единства, основанного на согласовании интересов.

При жизни Сталина состоялось лишь одно совместное совещание руководителей коммунистических и рабочих партий европейских социалистических стран. Оно имело место в начале 1951 г. и было посвящено укреплению обороноспособности государств «социалистического лагеря». В связи с расширением состава Североатлантического пакта, становлением его структуры, выработкой стратегии и созданием армии НАТО, усилением ремилитаризации Западной Германии угроза интересам СССР и всего «социалистического лагеря» обретала реальные очертания и требовала ответных инициатив. На совещании Сталин потребовал от союзников форсировать развитие тяжелой промышленности, увеличить расходы на оборону[3].

СССР, неся огромные расходы и напрягая до предела внутренние силы для восстановления и развития народного хозяйства, а также для создания ядерного оружия в интересах парирования новой военной угрозы, помогал возрождению европейских государств, вошедших в сферу его ответственности.

В первой половине 1950-х годов Советский Союз был для социалистических стран основным источником кредитов, машин, оборудования и сырья. Они получили выход на огромный советский рынок сбыта, техническую помощь и возможность развивать собственную промышленность.

Тогда еще никакой продуманной концепции взаимоувязанного развития народного хозяйства государств — членов возникшего в 1949 г. Совета Экономической взаимопомощи (СЭВ), не было. Практически все они стремились создать по советскому образцу все отрасли тяжелой промышленности. При этом игнорировались отсутствие соответствующих ресурсов, факторы эффективности. В результате под лозунгами индустриализации и сотрудничества усиливались автаркические тенденции, закладывались основы не столько сближения, сколько разобщения национальных народнохозяйственных комплексов. Не был взят курс на создание базы для международного разделения труда, хотя именно тогда, на старте индустриализации, для этого имелись значительные объективные предпосылки. Такой подход стал в дальнейшем источником ряда проблем как в развитии государств Центральной и Юго-Восточной Европы, так и в сотрудничестве между ними. Он породил серьезные диспропорции и перекосы в экономике, толкнул ее на путь экстенсивного развития, явился тормозом для экономической интеграции и, наконец, превратил Советский Союз в поставщика сырья, энергоносителей в страны Центральной и Юго-Восточной Европы.

В первой половине 1950-х годов СЭВ еще не стал важной формой сотрудничества стран «социалистического лагеря» на многосторонней основе. В этом направлении тогда делались лишь начальные шаги. В тот период более эффективно работала Комиссия по координации торговли стран-участниц Совета с капиталистическими странами. В частности, в 1952 г. координация продаж и закупок осуществлялась по следующим товарам: по экспорту — зерновые, сахар, пиломатериалы; по импорту — текстильное сырье (хлопок, шерсть, джут), кожаное сырье, цветные и черные металлы.

С 1949 по 1955 г. состоялось шесть сессий СЭВ; на первых двух обсуждались вопросы развития внешней торговли. В 1953—1954 гг. началась работа по составлению хозяйственных балансов, которые суммировали потребности и резервы стран-участниц СЭВ в важнейших областях производства. В дальнейшем на сессиях уже обсуждались вопросы координации планов на 1956—1960 гг.

В результате в первой половине 1950-х годов экономические отношения Советского Союза с социалистическими странами развивались, как правило, на двусторонней основе, на базе долгосрочных соглашений, заключенных на четыре-пять лет. В этот период взаимный товарооборот стран СЭВ вырос почти в два раза: с 4, 5 млрд до 8,5 млрд рублей. Несмотря на неблагоприятную международную обстановку, доля этих стран

в мировой торговле увеличилась с 6,5% до 8,5%. Завершилась экономическая переориентация стран Центральной и Восточной Европы на Советский Союз. В 1956 г. его доля во внешнеторговом обороте Венгрии составляла примерно 25%, Польши — 27, Чехословакии — более 30, Румынии — около 40, ГДР — свыше 40, Болгарии — почти 50%[4].

В 1947—1957 гг. СССР предоставил странам «социалистического лагеря» кредиты на сумму 28 млрд рублей. Эта операция осуществлялась без начисления процентов или с начислением небольших процентов от 0,5—2 до 3—5% годовых, на длительный срок (в среднем до 10 лет). Предоставленные кредиты погашались в основном поставками традиционных для национальных экономик товаров.

В 1950—1951 гг. в связи с войной в Корее цены на сырье на мировых рынках поднялись в 1,5—2 раза. С общего согласия было решено сохранить в товарообмене уровень цен 1949 — начала 1950 г. Эти «стоп-цены» просуществовали вплоть до 1957 г.

Вместе с тем некоторые аспекты экономических отношений воспринимались в ряде стран как весьма неблагоприятные или неравноправные. В частности, ГДР излишне была обременена расходами на содержание советских войск в стране. К ней продолжали относиться, как к советской зоне оккупации. С 1953 г. власти Восточной Германии ежегодно выделяли на содержание советских войск 1293 млн марок, на содержание инспекции МГБ — 28,1 млн и войск МВД — 24,5 млн марок. Кроме того, 190 млн марок выплачивалось офицерам Группы советских войск в обмен на рубли дополнительно к получаемым ими окладам в марках.

Польша в 1946—1953 гг. поставила Советскому Союзу 49,5 млн т угля по специальным ценам на общую сумму 56,2 млн долларов, т. е. по цене 1,14 долларов за тонну. Стоимость этого угля по мировым ценам составляла бы 577,2 млн долларов. Советская сторона мотивировала поставки угля по специальным ценам необходимостью компенсации за переданные СССР германские активы на территории Польши в соответствии с советско-польским соглашением от 16 августа 1945 г. и протоколами к этому соглашению от 25 ноября 1953 г. Германские активы оценивались приблизительно в 8,9 млрд долларов в довоенных ценах. Что касается репарационных поставок, которые Польша получила из доли СССР, то они были произведены полностью в соответствии с советскими обязательствами и составили 257,9 млн долларов в ценах 1938 г. При перерасчете по индексам цен, опубликованным ООН, это соответствовало 595, 4 млн долларов в мировых ценах за соответствующие годы[5].

После смерти Сталина Н. С. Хрущев и другие советские руководители продолжали считать цели сталинской политики в отношении стран «социалистического лагеря» правильными. Но жизнь заставляла вносить в эту политику коррективы.

Во-первых, политические отношения стали принимать статус официальных — начались обмен визитами партийно-правительственных делегаций, встречи руководства КПСС с руководителями социалистических стран. Расширились возможности получения ими информации о ситуации в Советском Союзе, международном положении и т. д.

Во-вторых, советское руководство оказалось перед необходимостью пересмотра волюнтаристских решений Сталина. На это ушли 1953—1957 годы. В 1953 г. руководители ГДР и Венгрии по совету Москвы были вынуждены внести коррективы во внутреннюю политику своих стран в результате накопившихся глубоких противоречий. Назрел вопрос о нормализации отношений с Югославией. В 1954 г. по инициативе Н. С. Хрущева была создана специальная комиссия для изучения югославского вопроса. В нее вошли, помимо партийных функционеров, и ученые. Опровергая прежние политизированные заключения, комиссия констатировала, что Югославия — социалистическая страна. Исходя из этой оценки, весной 1955 г. ЦК КПСС принял решение о новом подходе к советско-югославским отношениям. В качестве главной была поставлена задача нормализовать и резко улучшить отношения с НФРЮ и Союзом коммунистов Югославии, обеспечить возвращение Югославии в «социалистический лагерь»[6].

Поездка Н. С. Хрущева и Н. А. Булганина в Белград состоялась в мае—июне 1955 г. Сразу же по прибытии Хрущев сделал сенсационное заявление, в котором принес извинения Югославии, лично И. Б. Тито за несправедливые обвинения. После длительной дискуссии стороны подписали правительственную Декларацию о восстановлении в полном объеме дипломатических отношений и развитии сотрудничества на основе взаимного уважения суверенитета, независимости, территориальной неприкосновенности, равноправия и невмешательства во внутренние дела. В ней также были зафиксированы некоторые принципиальные положения, по существу новые для СССР и КПСС. Признавалось, что различия общественных систем и конкретных форм развития социализма являются исключительным делом народов отдельных стран. Иными словами, был зафиксирован отказ от того, чтобы считать законной лишь одну, советскую общественно-политическую модель.

В начале 1956 г. советское руководство подвело первые итоги нормализации советско-югославских отношений. М. А. Суслов, Б. Н. Пономарев и А. А. Громыко подготовили специальную записку, в которой нормализация была оценена как «крутой поворот» в отношениях между Югославией, с одной стороны, и Советским Союзом и всеми государствами «социалистического лагеря», с другой[7].

После создания НАТО и его армии институционализация военно-политического союза европейских социалистических стран становилась неизбежной. 11—14 мая 1955 г. в Варшаве состоялось совещание по обеспечению мира и безопасности в Европе. В нем приняли участие правительственные делегации Албании, Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, СССР и Чехословакии. Итогом совещания стало создание Организации Варшавского Договора (ОВД), завершившее раскол Европы на два военно-политических блока.

Несмотря на то что в военном, как и политическом, сотрудничестве государств-участников Варшавского Договора было провозглашено равноправие сторон, в военных структурах ОВД преобладали советские офицеры. Вооруженные силы оснащались в основном советской военной техникой. Советский Союз нес основную часть расходов (свыше 90%) на содержание Объединенных вооруженных сил и всей военной инфраструктуры Варшавского Договора.

Вторая половина 1950 — первая половина 1960-х годов — это новая фаза в политических и экономических отношениях между СССР и европейскими социалистическими странами. В этот период на развитие отношений существенный отпечаток накладывала личность Н. С. Хрущева со своими плюсами и минусами. Именно под его влиянием в 1956—1957 гг. произошел важный поворот в отношениях между Советским Союзом и странами «социалистического лагеря», давший им возможность освободиться от оков сталинизма и приступить к обновлению своей политики.

События 1956 г. в Польше и Венгрии заставили советское руководство срочно провести ревизию политики СССР в отношении стран Восточной Европы, прежде всего, ее методов. Еще на XX съезде КПСС в Отчетном докладе Хрущев заявил, что «развитие стран социализма характеризуется их полной самостоятельностью и независимостью, как в политике, так и в экономике»[8]. В самих странах этот тезис был воспринят как свидетельство отхода от прежнего сталинского курса.

В начале третьей декады октября 1956 г. Президиум ЦК КПСС четыре дня подряд обсуждал положение в европейских странах социализма, прежде всего в Польше и Венгрии. Советские руководители пришли к выводу

о необходимости установления равноправных отношений, о недопустимости вмешательства в их внутренние дела. О результатах заседаний Президиума были проинформированы приглашенные на 24 октября в Москву лидеры ряда европейских социалистических стран (В. Ульбрихт, О. Гротеволь и В. Штоф, Т. Живков, А. Югов и Э. Стайков, А. Новотный, В. Широкий и А. Запотоцкий).

Уже после заседаний Президиума ЦК КПСС была подготовлена и утверждена Декларация правительства СССР об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами. В документе подчеркивалось, что в предыдущий период «было немало трудностей, нерешенных задач и прямых ошибок, в том числе во взаимоотношениях между социалистическими странами, нарушений и ошибок, которые умаляли принцип равноправия в отношениях между социалистическими странами»[9]. Основополагающее значение имело признание важности соблюдения норм и принципов общедемократического характера — полного равноправия, уважения территориальной целостности, государственной независимости и суверенитета, невмешательства во внутренние дела друг друга.

Декларация стала основой для двусторонних переговоров между партийно-правительственными делегациями СССР и европейских социалистических стран. Они состоялись в конце 1956 — первой половине 1957 г. В ходе их Н. С. Хрущевым были освещены многие вопросы, касавшиеся понимания национального суверенитета, равноправия, задач Организации Варшавского договора и др.[10] Одним из итогов переговоров было списание Советским Союзом долгов социалистических стран на несколько миллиардов рублей и предоставление новых равноценных кредитов. Это была плата за грехи сталинского периода и за укрепление пошатнувшегося единства стран «социалистического лагеря».

Вскоре после этих визитов состоялось подписание соглашений о правовом статусе советских войск, временно находившихся на территории Польши (17 марта 1957 г.), Румынии (15 апреля), ГДР (15 мая) и Венгрии (27 мая 1957 г.). Когда в 1957 г. Н. С. Хрущев предложил вывести советские войска из Польши, В. Гомулка стал резко возражать. Оказалось, что ПНР экономически выгодно получать от СССР валюту за их пребывание. Несмотря на возражения поляков, советские войска на территории Польши были сокращены наполовину. Уменьшилась их численность и в Венгрии. Осенью 1958 г. советские войска по предложению румынской стороны были выведены из Румынии. По инициативе Н. С. Хрущева в социалистических странах Европы прекратила свою деятельность советская внешняя разведка.

В целях осуществления принципа равноправия в отношениях и устранения возможностей нарушения национального суверенитета советская сторона на основе двусторонних договоренностей начиная с 1956 г. постепенно отозвала из стран Восточной Европы своих советников.

СССР благодаря своей военно-экономической мощи оставался единственной сверхдержавой социалистического мира. Это определяло его главенствующую, особую роль в ОВД и СЭВ. Однако идеологические расхождения между КПСС и Коммунистической партией Китая, а затем разрыв между СССР и Китайской Народной Республикой привели к появлению элементов соперничества в социалистическом мире. Возникшей ситуацией вначале воспользовалась Албания, а затем и Румыния. Югославия вообще проводила внеблоковую политику.

Единство большей части стран Центральной и Восточной Европы с Советским Союзом строилось на осознании национальными элитами общности идейно-политических и экономических интересов. Союз с СССР по-прежнему оставался основой внутренней и внешней политики большинства европейских социалистических стран.

Перемены в советской политике привели к тому, что отношения внутри восточного блока стали строиться на более партнерской основе. Москва отныне имела дело не с безголосыми сателлитами, согласными безоговорочно подчиняться «старшему брату». Твердая позиция В. Гомулки, взвешенная политика Я. Кадара способствовали укреплению суверенитета Польши и Венгрии. Во внутренней политике страны «социалистического лагеря» стали практически самостоятельными. Да и во внешней политике они получили значительную свободу маневра, хотя указующий перст Москвы в этой сфере сохранялся. Европейские социалистические страны все более отчетливо осознавали свои национально-государственные интересы.

Как уже отмечалось, с середины 1950-х годов политические отношения Советского Союза с социалистическими странами приобрели официальный, более открытый характер. Систематически осуществлялся обмен визитами партийно-правительственных делегаций, имели место и неофициальные поездки. С 1962 г. ежегодно проходили многосторонние встречи на высшем уровне. Вместо диктата и подчинения возник ритуал неформальных обсуждений, консультаций, согласования политики. Расхождения во взглядах, в подходе к внутренним и внешним проблемам преодолевались именно таким путем. Поэтому говорить о существовании в это время особой иерархичности в отношениях Советского Союза с социалистическими странами не приходится.

В ноябре 1958 г. в ходе советско-польских переговоров Н. С. Хрущев следующим образом охарактеризовал советскую политику в отношении европейских социалистических стран: «По внутренним вопросам мы никому ничего не навязываем, а если что-то советуем, то прямо. Вы все решаете сами. По международным вопросам мы высказываем свое мнение, и здесь мы советуемся. Это — никакое ни руководство или командование, это — учет политики»[11].

Почти регулярно возникали разногласия и споры, нередко достаточно острые, при согласовании списков товаров, подлежавших обмену, во время двусторонних переговоров на высшем уровне. Лидеры европейских социалистических стран пытались «выбить» у Советского Союза побольше валютных товаров, прежде всего сырья, топлива, металлов, зерна.

В такого рода переговорах Н. С. Хрущев был «твердым орешком». По принципиальным вопросам он настойчиво проводил свою линию. Советский лидер, как правило, говорил, что «условия, предложенные вашей стране, такие же самые, как и в отношении других социалистических стран. Ничего больше дать не можем, не можем же мы с вами торговать на особых условиях. Не считайте нас бездонной бочкой»[12]. Впоследствии, будучи на пенсии, он вспоминал, что наличие в СССР больших ресурсов иногда порождало у партнеров желание получить от Советского Союза больше, чем СССР получал от них. «И вот к нам приходят за помощью: "С точки зрения ваших огромных ресурсов что стоит вам помочь? У нас сложилось такое тяжелое положение..." И СССР вынужден, скрепя сердце и отрывая от себя, оказывать содействие. Конечно, это не благотворительность. Тут все оплачивается, но иной раз неравноценно, даже такими товарами, в которых мы не нуждаемся... Любой грамотный экономист, который посмотрит списки поставок в СССР по линии СЭВа, найдет там много ненужного»[13].

В 1960-е годы большинство европейских социалистических стран, адаптируясь к новой советской политике, начали проводить своеобразную политику в отношении Советского Союза, а проще говоря, манипулировать «старшим братом». С этой целью сотрудникам советских посольств, аппарата ЦК КПСС, советским гражданам, связанным по работе с этими странами, стали внушать собственные оценки экономической и политической ситуации, потребностей в тех или иных товарах и т. д.

Что касается Н. С. Хрущева, то он был открытым человеком. Поэтому переговоры с партнерами по «социалистическому лагерю» отличались дружественным, откровенным характером. Вместе с тем его чрезмерная импульсивность, несдержанность создавали дополнительные трудности

в отношениях с лидерами некоторых социалистических стран, прежде всего с Албанией и Румынией.

В основе ухудшения отношений с Албанией в конце 1950 — начале 1960-х годов лежали иждивенческие настроения, чрезмерные экономические требования албанского руководства, а также идеологические расхождения. В 1959 г. Советский Союз предоставил Албании на развитие нефтяной промышленности кредит в 239 млн рублей и товарный кредит в размере 61 млн рублей, а также списал задолженность в сумме 400 млн рублей. Когда в феврале 1960 г. албанские лидеры обратились к странам СЭВ с просьбой о предоставлении кредитов на сумму 500 млн рублей для повышения жизненного уровня населения, то получили отказ. В апреле 1961 г. советское правительство направило в адрес албанского руководства письмо о своем решении впредь строить отношения с Албанией на новой основе, т. е. не в ущерб собственным экономическим интересам.

Вскоре албанская сторона распространила свое враждебное отношение на советских военнослужащих, находившихся на базе ВМС во Влере. Была даже предпринята попытка захвата советских военных судов. В результате в мае 1961 г. советские военнослужащие покинули страну. В конце 1961 г. дипломатические отношения между СССР и Албанией были разорваны. С 1963 г. прекратились прямые двусторонние торговые связи. Тирана полностью переориентировалась на Пекин.

После смещения Н. С. Хрущева новый советский лидер Л. И. Брежнев пытался нащупать возможности примирения. В частности, по случаю национального праздника албанским руководителям было направлено поздравительное письмо, но они вернули его. Брежнев не возражал против возобновления участия Албании в работе ОВД. Однако Тирана на соответствующее предложение даже не отреагировала.

Румыния, стремясь к национальному самоутверждению и будучи недостаточно развитой в экономическом отношении страной, все чаще проявляла свою незаинтересованность в разделении труда в рамках СЭВ. Румыны боялись, что их страна будет превращена в сельскохозяйственный придаток не только СССР, но и других более развитых стран СЭВ. Румыния стала вносить дезинтеграцию в деятельность Варшавского Договора и, в конце концов, отказалась от участия в военных маневрах Объединенных вооруженных сил ОВД, согласившись только на штабные учения.

В конце 1963 г., а затем в марте 1964 г. румынское руководство в письме ЦК КПСС впервые изложило свои разногласия с Москвой. Эти разногласия не были преодолены во время визитов в Румынию в июле и ав-

густе 1964 г. советских руководителей Н. В. Подгорного и А. И. Микояна. В ходе переговоров Л. И. Брежнева 10 ноября 1964 г. с румынскими руководителями последние вновь протестовали против «дискриминационной политики» и попыток внедрения форм и методов, ведущих к нарушению независимости и суверенитета Румынии. Эта же позиция была представлена в письме ЦК РКП ЦК КПСС 4 января 1965 г.

Далее кратко остановимся на деятельности Организации Варшавского Договора и СЭВ.

Вторая половина 1950 — первая половина 1960-х годов стали периодом становления, налаживания, функционирования и укрепления военных и политических структур ОВД, усиления боевой мощи Объединенных вооруженных сил, оснащения их современным вооружением.

Во второй половине 1950-х годов еще сохранялось абсолютное подчинение командования национальных армий стран «социалистического лагеря» верховному командованию в Москве. Однако с начала 1960-х годов объективные качественные перемены в военном деле потребовали укрепления коалиционных органов руководства ОВД с целью создания надежных командных структур.

С 1960 г. стали проводиться ежегодные совещания командного состава или высших представителей армий стран—участниц Варшавского Договора. С 1961 г. — регулярные совещания министров обороны, которые фактически выполняли функции Комитета министров обороны при Политическом консультативном комитете. Еще одной формой взаимных консультаций и обмена опытом стали организуемые с начала 1960-х годов командные сборы Главнокомандующего Объединенными вооруженными силами и крупные оперативно-тактические учения. На них присутствовали министры обороны и начальники генеральных штабов.

В 1957—1962 гг. были сформулированы основные положения новой внешнеполитической и военной доктрины СССР, поддержанные остальными членами ОВД. В ее основу легли три вывода. Первый — это отказ от тезиса о неизбежности войны. Второй — признание того, что в военном отношении СССР обогнал США. Третий — качественное изменение характера вооружений ведет к тому, что будущая война будет ракетно-ядерной войной[14].

Протоколы заседаний постоянных органов ОВД содержат информацию о наличии разногласий между членами Договора и разных подходов к решению тех или иных проблем. В 1956—1958 гг. это было характерно для позиции польского руководства, после 1960 и 1963 гг. — албанских и румынских лидеров. Поляки, руководствуясь идеей об особой роли

Польши в «социалистическом лагере», пытались получить новейшие виды вооружений и выторговать долю в экономически выгодной работе по производству военной техники для всего Варшавского Договора. Они хотели получить доступ к советским ядерным технологиям, что сделало бы их положение действительно особым.

В итоге советская военная промышленность разместила на польских военных заводах производство некоторых видов танков и самолетов. Производились самолеты АН-2 (было выпущено около 2 тысяч), Як-12, Миг-15 бис, Миг-17 Ф/ПФ, Миг-19, вертолеты Ми-1, Ми-2 (в начале 1960-х годов вся его проектная документация была подарена по поручению Н. С. Хрущева), В-3, Ми-4 и др., а также танк Т-55 и др. В начале 1960-х была предоставлена лицензия на производство ракет типа воздух—воздух (К-13) для самолетов МИГ-21. Польский военно-морской флот получил в аренду по символическим ценам корабли и подводные лодки. Соглашение о размещении советских ракет с ядерными боеголовками было подписано в 1967 г., а начало этого размещения было запланировано на 1969 г.[15]

К середине 1960-х годов из-за румынской позиции деятельность руководящих органов Варшавского Договора была во многом парализована. Л. И. Брежнев пытался вдохнуть новую жизнь в ОВД. Были проведены переговоры с румынами и другими партнерами по военно-политическому союзу. Договорились коренным образом усовершенствовать деятельность Политического консультативного комитета, создать штаб министров обороны.

Со второй половины 1950-х годов в деятельности СЭВ и его организационной структуре наметились важные изменения. Члены СЭВ пытались перейти к установлению более прочных и долговременных отношений на основе международной специализации и кооперирования. Получила развитие координация народнохозяйственных планов.

9 июня 1962 г. были приняты «Основные принципы международного социалистического разделения труда». Под разделением труда понималась концентрация определенных видов промышленного и сельскохозяйственного производства на территории отдельных стран сверх их потребностей в расчете на удовлетворение нужд основных участников разделения труда[16].

В 1950 — начале 1960-х годов уже начали складываться определенные контуры новой системы разделения труда между странами СЭВ. Советский Союз стал превращаться в крупного поставщика нефти и нефтепро-

дуктов, сырья для черной металлургии, а также оборудования для предприятий тяжелой промышленности. Под влиянием, прежде всего, советских заказов возникли новые и расширились прежние области экспортной ориентации в восточноевропейских странах. Вместе с тем СЭВ, несмотря на предпринятые усилия, не удавалось решить проблему международной специализации производства, которая являлась важнейшей формой международного разделения труда. В 1964 г. удельный вес специализированной продукции во всем объеме производства членов СЭВ составлял 6%, а в их экспорте — 14%[17].

Существовавший в СЭВ механизм принятия решений обеспечивал суверенитет и равноправие его членов. Органы Совета не могли принимать рекомендации без согласия всех заинтересованных сторон. Эти рекомендации приобретали силу лишь после утверждения их правительствами стран—членов СЭВ. Тем самым Совет не являлся наднациональным, надправительственным органом. Впоследствии такой механизм принятия решений стал тормозом на пути реформирования СЭВ.

Однако импульс, приданный развитию сотрудничества в рамках СЭВ и его координирующей роли, исчерпал себя в середине 1960-х годов. Если в 1956—1960 гг. взаимный товарооборот возрос на 13%, то в 1961—1965 гг. — на 7%. В 1966 г. прирост составил 1%, т. е. торговые отношения между странами вступили в стадию стагнации. Совет экономической взаимопомощи и экономические отношения между его членами оказались в кризисе. Бюрократическая система СЭВ функционировала медленно, слабо реагируя на новые явления и процессы. Специализация и кооперация были самым слабым местом в деятельности этой международной экономической организации. Страны СЭВ стали в своей внешней торговле все больше ориентироваться на Запад. Товары лучшего качества экспортировались в капиталистические страны, худшего — в страны СЭВ. В. Гомулка жаловался советским руководителям: «У чехов, например, мы можем покупать желаемое только в конце года, когда они то, что имели, уже продали на Запад»[18]. Клиринг и отсутствие конвертируемости национальных валют стали тормозом на пути развития экономических отношений.

В ходе советско-польских переговоров в октябре 1965 г. Л. И. Брежнев вынужден был признать: «СЭВ — наша ахиллесова пята. Мы не можем сказать, что мы вообще не движемся вперед, но это не движение, которое бы нас устраивало. СЭВ стал тормозом. Но и отказаться от него нельзя...»[19] Для преодоления кризиса была разработана Комплексная программа социалистической экономической интеграции стран—членов СЭВ.

В заключение необходимо подчеркнуть, что в 1950 — первой половине 1960-х годов отношения Советского Союза с европейскими социалистическими странами эволюционировали существенным образом от диктата и подчинения к политическим, коллективным и консенсусным методам и формам взаимодействия.

Примечания

[1] *Медведев В.А.* Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». М., 1994. С. 8.

[2] Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1994. № 3. С. 77.

[3] См.: «Людям свойственно ошибаться». Из воспоминаний М. Ракоши // Исторический архив. 1998. № 3. С. 11.

[4] Экономическое соревнование двух систем. М., 1957. С. 177, 181.

[5] *Жирнов Е.* Непосильная помощь // Коммерсант-Власть. 2007, 22 января.

[6] Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 5. Оп. 30. Д. 170. Л. 2, 19.

[7] Там же. Л. 19.

[8] XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. М., 1957. Т. 1. С. 12.

[9] Правда. 1956. 31 окт.

[10] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 230. Л. 170.

[11] Tajne dokumenty Biura Politycznego. PRL—ZSRR. 1956—1970. L., 1998. S. 21.

[12] Ibid. S. 104, 210.

[13] Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева. С. 80—81.

[14] *Баев Й.* Съветският Съюз и изграждането на българските въоръжени сили (1956—1964 гг.) // България в сферата на съветските интереси. София, 1998. С. 116.

[15] СМИ: СССР хранил в Польше ядерное оружие // www. podrobnosti.ua (2007, 26 января).

[16] *Богомолов О. Т.* Страны социализма в международном разделении труда. М., 1980. С. 37.

[17] *Богомолов О. Т.* Теория и методология международного социалистического разделения труда. М., 1967. С. 17.

[18] Tajne dokumenty... S. 476.

[19] Ibid. S. 330.

Г. Никова
(Институт истории БАН)

Кризисы экономической системы восточного блока и Болгария*

Экономическая система Восточного блока окончательно оформилась в конце 50-х годов XX в. Заложенная в ней модель базировалась на теоретических установках, игнорировавших имманентные закономерности и механизмы экономики. В 1956 г. формируются и основные принципы «социалистического разделения труда». Именно они на протяжении более трех десятилетий диктовали экономические взаимоотношения в рамках системы. Сконцентрировавший в себе политическую волю и поддержку государственным механизмом всего общества социально-экономический эксперимент сопровождался как временными успехами, так и новыми периодическими кризисами. В конце 1980-х годов его парадоксальный характер и внутренняя противоречивость привели к коллапсу всей системы, обернувшемуся хозяйственной разрухой в странах Центральной и Восточной Европы с длительными и трудно преодолимыми последствиями.

Тем не менее было бы упрощением утверждать, что воспринятая к реализации экономическая модель характеризовалась единственно идеологическими установками. Она включала в себя несомненный прагматизм, идеально обслуживавший советские стратегические цели, а в отдельные моменты удовлетворявший и экономические интересы стран сообщества. Некоторые генетические дефекты модели, как например основополагающий постулат о деспотическом диктате государства и политики в сфере экономики, проистекали из классической марксистской теории*. Тотальная этатизация и централизация хозяйственного управления разрушала традиционные структуры и субъекты национальной экономики и изолировала их от системы международного разделения труда. Эти процессы уничтожали старую элиту, способствовали созданию бюрократической партийно-государственной пирамиды. Практическое применение именно этих догм облегчало советское проникновение в Восточную Европу и ус-

---

*Этот основополагающий постулат был обоснован в «Манифесте коммунистической партии» К. Марксом и Ф. Энгельсом.

тановление длительного контроля Москвы в регионе, открывало возможность для формирования сепаратной международной экономической общности. Сложная корреляция интересов центра и периферии периодически провоцировала разногласия между их руководствами. Но официальная пропаганда не делала их объектом гласности и, как правило, они оставались неизвестными общественности.

Второй основной постулат экономической модели — преимущественное развитие тяжелой промышленности являлся уже продуктом советской практики. Действительно, применение советского опыта ускоряло индустриализацию аграрных стран, но в то же время обслуживало долгосрочные экономические и стратегические интересы советского государства: она обеспечивала рынки сбыта сырья и техники, гарантировала его экономическую независимость от развитого Запада, поддерживала его военную мощь и статус сверхдержавы. Ограниченное производство товаров массового потребления порождало парадоксы социальной политики. Работающая сама на себя «социалистическая» экономика оказывалась антиобщественной. Хронический дефицит товаров на внутреннем рынке вел к накоплению денежной массы у населения, порождал перманентную инфляцию, которую власти пытались ограничить низкой заработной платой. Отсутствие прямой зависимости между высокими темпами экономического развития и жизненными стандартами сковывало личную заинтересованность населения в результатах своего труда и даже очевидные успехи превращало в глазах труженика в некий призрачный и не имеющий к нему отношения фактор. Все это создавало в обществе ошибочное впечатление, что оно несправедливо несет тяжкое бремя из-за своих союзников по блоку.

Основы советской экономической модели в странах Центральной и Восточной Европы были заложены в последние годы жизни И. В. Сталина. Этот процесс начался с изменения направления внешнеторговых потоков, национализации, коллективизации и т. д. Родильным мукам системы сопутствовало ожесточенное политическое насилие, однако эти события оказались скрытыми не только от их современников, но не полностью проанализированы и сегодня, так как многие советские документы того времени остаются на особом режиме хранения.

В январе 1949 г. был учрежден Совет экономической взаимопомощи (СЭВ) — один из основных каналов блоковой и советской внешнеэкономической политики[1]. Уже на второй сессии в декабре 1949 г. был запрещен ввоз западного капитала, машин и технологий в страны советского блока. Были также приняты решения о создании первой многосторонней

комиссии по внешней торговле и об ускоренном формировании двусторонних комиссий по научно-техническому сотрудничеству и обмену научно-технической документацией[2].

Копируя автаркическую советскую модель, СЭВ в 1950 г. стимулировал гигантоманию в тяжелой промышленности и рекомендовал странам-членам планировать более высокие показатели дефицитных производств. В том же году рубль стал основной валютой и были зафиксированы «стоп-цены»*. Торговые потоки концентрировались главным образом в рамках этой организации. Таким путем создавался новый международный рынок, действовавший по отличным от мировых правилам, со своей валютой и ценами. Экономической информации придавалось стратегическое значение, вследствие чего она полностью засекречивалась. Активное научно-техническое сотрудничество, развивавшееся на протяжении 1949—1953 гг., на практике содействовало технологическому вторжению СССР. По всем возможным каналам в странах восточного блока внедрялись советские технологические образцы и стандарты, применялся советский организационный и производственный опыт.

Амбиции болгарского руководства по индустриализации страны берут свое начало со времени восстановления государства в 1878 г.. Они проявились и позже — в отношениях с Третьим рейхом. В 1940 г. была учреждена болгаро-германская промышленная комиссия с подкомиссиями, курировавшими дела в текстильной, кожевенной, химической, керамической, стекольной, бумажной и прочих отраслях промышленности. Основная цель заключалась в «тесном и планомерном сотрудничестве обеих стран в промышленности», чтобы избежать взаимной конкуренции, изучить состояние мощностей традиционных для Болгарии промышленных производств и наметить необходимую техническую помощь в целях их модернизации. Немецкие представители поддержали инициативу болгарской стороны по строительству крупных заводов по производству серной кислоты и соды для нужд всей Юго-Восточной Европы[3]. Однако осуществление этих планов было отложено на послевоенный период, а война, как известно, закончилась катастрофой для обоих союзников. Несмотря на добрые намерения, планы, скорее, помогали ограблению Болгарии. Попытки государственного планирования в сельском хозяйстве предпринимал и И. Багрянов.

---

*Введенные СЭВ «стоп-цены» базировались на международных. Однако они не согласовывались с быстро менявшейся конъюнктурой международного рынка, а оставались неизменными на протяжении пяти лет, т. е. на все время реализации пятилетних планов.

Таким образом, идеи модернизации, более активного вмешательства государства в экономику и экономическое планирование вовсе не были чужды болгарскому послевоенному обществу. Коммунисты видели в Советском Союзе не только идеал, но и надежную опору для достижения хозяйственного расцвета. Это, однако, не означало, что между советскими лидерами и руководителями БРП(к), которую в Москве считали самой верной партией в странах-сателлитах, не существовало противоречий по экономическим проблемам. Одним из нерешенных был вопрос о ценах. Именно его постановка породила недоверие Кремля к Тр. Костову. 7 июня 1947 г. во время переговоров о первом инвестиционном соглашении сотрудник Отдела международных отношений ЦК ВКП(б) Ф. Т. Константинов пригласил его на беседу. Во время встречи Костов откровенно выразил недовольство снижением на 24% цены на основной экспортируемый болгарский товар — табак при одновременном повышении цен на импортируемые советские товары на 22%. Он поделился своей озабоченностью, подчеркнув, что все это «не только болезненно отражается на состоянии народного хозяйства Болгарии, но может помешать выполнению двухлетнего плана и дальнейшему хозяйственному развитию Болгарии»[4]. Документы свидетельствуют, что после этих откровенных высказываний Костов оказался под наблюдением главного советского военного советника в Болгарии генерала Петрушевского и посла Бодрова. Весьма показательно, что вопрос о ценах, поднятый Костовым, и конкретные названные им в беседе с Константиновым цифры, позднее звучали во время допросов и в обвинительном заключении как доказательства антисоветизма Костова.

В. Коларов и Г. Димитров не разделяли идею тотальной национализации. Они считали, что правильнее было бы «осуществлять национализацию не на классовой основе, а применительно к примерно 400 крупным предприятиям с немецким и другими иностранными капиталами». На втором совещании Коминформбюро в июне 1948 г. болгарское руководство было подвергнуто критике за медленные темпы национализации и коллективизации, а также и за сохранение иллюзий о возможном собственном пути к социализму. В. Коларов обвинялся в том, что развивал теорию гармоничного сочетания государственной, капиталистической, общинной и кооперативной собственности. Но вопреки критике на состоявшемся после совещания Коминформа пленуме ЦК БРП(к) он вновь призвал не копировать буквально советский опыт, а применять его сообразно «нашим условиям», добавив, что «национализация чесальных станков и мастерских по производству леденцов была большой ошибкой»[5].

В 1949 г. из руководящей тройки БКП — Г. Димитров, Тр. Костов и В. Коларов — в живых остался только последний (Г. Димитров умер при странных обстоятельствах, Тр. Костов казнен). Но после посещения Москвы в январе 1949 г. В. Коларов тяжело заболел. Правительственный кабинет из-за ареста большей части министров практически не функционировал. Под следствием, которое велось Дирекцией государственной безопасности, находились руководители почти всех хозяйственных министерств, директора промышленных и внешнеторговых объединений, банков и пр. Тридцать восемь человек отданы под суд. Волна репрессий затронула и «старые кадры», в том числе и тех, кто был лоялен к народно-демократической власти.

В первом пятилетнем плане ускоренная индустриализация определялась как главная цель. По рекомендации СЭВ в 1950 г. некоторые показатели в области машиностроения и производства промышленного сырья были пересмотрены в сторону увеличения. В том же году уже 93% болгарского экспорта и 84% импорта ориентированы на СССР и страны-члены СЭВ. В начале 1950-х годов репрессии против хозяйственной элиты в Болгарии продолжались. Прошли судебные процессы против инженерных кадров в строительстве и горнодобывающей промышленности, бульшая часть которых получила в свое время образование в Западной Европе[6]. В хозяйственных и внешнеторговых министерствах и ведомствах чистки приобрели огромный размах, не затронув лишь машинисток и уборщиц[7].

Автаркия вызвала во всех странах советского блока острый продовольственный кризис, за которым летом 1953 г. последовали волнения в ГДР, Чехословакии, Болгарии и других странах. Воспринятый в блоке после смерти Сталина «продовольственный курс Маленкова» снизил темпы индустриализации и цены на продукты питания. Однако в результате снизились и темпы общего развития экономики, возросла безработица. Объем сельскохозяйственной продукции не мог достичь довоенного уровня, и продовольственный кризис усиливался. Пик экономического кризиса пришелся на 1955 г., что и стало одной из причин бурных событий в Венгрии и Польше в следующем году.

СЭВ пытался найти выход из сложившейся критической ситуации. Начиная с 1954 г. эта организация значительно активизировала свою деятельность, создав отраслевые комиссии, которые приступили к поиску новых, более эффективных форм хозяйственного развития и сотрудничества. Комиссии перешли к согласованию народнохозяйственных планов и выработке критериев специализации отдельных стран в промышленном производстве. В процессе координации промышленно развитые

страны ГДР и Чехословакия настаивали, чтобы Болгария специализировалась только в сфере сельского хозяйства и легкой промышленности. Но продукция именно этих отраслей считалась неравноценной при товарообмене, и цены на нее были гораздо более низкими. При обсуждении данного вопроса болгарские представители отстаивали необходимость продолжить уже начатую ускоренную индустриализацию страны. Их позицию поддержали и советские представители, выдвинув идею внутриотраслевой специализации в машиностроении и производстве дефицитного промышленного сырья. Они настояли и на увеличении плановых показателей в тяжелой промышленности.

Принятые СЭВ принципы хозяйственного развития и международного разделения труда были оглашены на седьмой сессии этой организации в 1956 г. после прихода Н. С. Хрущева к власти. В машиностроении каждая страна—член СЭВ специализировалась главным образом на производстве отдельных деталей комплексных объектов. Как правило, комплектование осуществлялось на заводах в СССР. Этот тип специализации вел к органичному сращиванию промышленности Восточной Европы с советским сырьевым и индустриальным потенциалом. СССР, заняв ключевые позиции в начале и конце производственной цепочки, мог диктовать продажные цены. Вместе с тем так называемое социалистическое разделение труда преследовало цель выровнять экономический уровень отдельных стран-членов СЭВ. Это вело к разрушению традиционной пирамидальной структуры метропольно-периферийной системы и обеспечивало доминирование советской экономики.

Прозвучавшие на седьмой сессии СЭВ 1956 г. рекомендации дали Болгарии возможность специализироваться в производстве ряда машин и деталей, создать новые центры металлургии и химической промышленности. Комбинаты и заводы строились главным образом при советской кредитной и технологической помощи. Болгария получала также кредиты от СЭВ для развития специализации в производстве овощей и фруктов. В 1956 г. в стране получают ускорение процессы урбанизации[8]. Начинается постепенное урегулирование и проблемы безработицы. Общие тенденции развития экономической структуры страны и профессиональной стратификации населения стали соответствовать развитым промышленным странам.

Вторая половина 1950-х годов явилась наиболее успешным периодом в деятельности СЭВ. «Социалистический лагерь», который находился все еще на экстенсивной стадии развития, демонстрировал наиболее высокие темпы развития промышленности. В это же время началось и коллек-

тивное наступление на рынки «третьего мира». Успехи этих лет подпитывали ошибочный тезис о преимуществах «социалистической экономики». Этому способствовал и тот факт, что в результате полной изоляции и абсолютной секретности экономической информации до второй половины 50-х годов в странах СЭВ вообще отсутствовала официальная статистика и, как следствие, специалисты в этой области. Соответственно, не проводился сравнительный анализ с данными мировой экономики. К концу десятилетия СЭВ рекомендовал своим членам подготовить рассчитанные на 20 лет программы ускоренного промышленного развития с тем, чтобы превзойти за это время Запад по индустриальным показателям и к началу 1980-х годов приступить к построению коммунизма.

Вследствие воспринятого принципа уравниловки СЭВ предложил Болгарии вдвое более высокие темпы промышленного развития, нежели другим странам. В Болгарии начали говорить о «большом экономическом скачке», что означало бы огромные лишения и рост напряженности в обществе. Но, аргументируя идею «скачка», прагматик Т. Живков смог отвоевать новые позиции в пользу специализации болгарского машиностроения[9].

Первый сравнительный анализ технологического состояния тяжелой промышленности, ее производительности и энергоемкости развеял утопические иллюзии. Необходимость экономических реформ стала очевидной уже в начале 1960-х годов. В условиях начавшейся мировой научно-технической революции советская экстенсивная модель исчерпала свой потенциал. Строительство предприятий-гигантов велось по уже устаревшей технологии. Воспринятые по рекомендациям СЭВ принципы разделения труда все ощутимее проявляли свои недостатки. Несмотря на специализацию, в машиностроении возникла сильная конкуренция. Болгария экспортировала огромное количество техники и металлов, чтобы получить более качественное оборудование и сырье, необходимое для развития обеих отраслей. Болгарская экономики терпела убытки от вывоза промышленных товаров на рынки СССР, так как советские предприятия получали сырье по более низким ценам. Огромный ввоз топлива и промышленного сырья из Советского Союза уравновешивался экспортом продукции сельского хозяйства и легкой промышленности. Но именно эта продукция являлась дефицитом и на внутреннем рынке. Советская сторона покупала болгарские сельскохозяйственные продукты по более низким ценам, нежели платила своим производителям.

Кризисные тенденции заставляли болгарских представителей в СЭВ искать собственную промышленную нишу, которая располагалась, преж-

де всего, в сфере новых технологий. В середине 1960-х годов Болгария отвоевала для себя право специализироваться в электронике. С этого времени начинается активизация ее экономических отношений с Японией, занимавшей ведущие позиции в мире в этой отрасли. Достигшая высокого технического и технологического уровня развития во всех отраслях промышленности «страна восходящего солнца» проводила агрессивную внешнеполитическую экспансию во всем мире[10]. Она оказала технологическую и кредитную помощь в создании болгарской электроники. С середины 1960-х гораздо большее внимание начинают уделять в Болгарии развитию кадрового научно-технического потенциала. Параллельно созданию новых научных центров и институтов растет и аппарат научно-технической разведки.

В начале десятилетия мировая экономика переживала глубокий кризис. Отмена «золотого» покрытия доллара вызвала серьезные потрясения в международной валютной системе. Подталкиваемые потерями, вызванными очередной израильско-арабской войной, страны ОПЕК с конца 1973 г. начали сокращать производственные квоты и резко подняли цены на нефть. Ценовый и валютный шок привел к расстройству мировой торговли и негативно повлиял на темпы развития рыночной экономики. Чтобы избежать финансового обвала, промышленно развитые страны предприняли экспортную экспансию в страны «третьего мира» и Восточную Европу, предлагая кооперировать производство на основе предоставления необходимых кредитов. Складывались условия для промышленной модернизации этих стран, рождалось иллюзорное чувство наступавших в мировом порядке перемен[11]. Болгария в данной ситуации решилась использовать возможность для реструктуризации и модернизации промышленности, однако последующие события показали, что страна оказалась в водовороте иллюзий.

В Советском Союзе также приняли решение поднять цены на нефтепродукты. Резкий рост цен на основные энергоносители оказал более пагубное влияние на плановую, нежели на рыночную экономику, поскольку народное хозяйство соцстран связано долгосрочными планами и соглашениями в производстве и торговле. Кроме того, в рамках СЭВ предстояло подписать долгосрочные соглашения об экономическом и научно-техническом сотрудничестве на период до 1990 г. Болгарское руководство и лично Т. Живков неоднократно поднимали в Москве вопрос о предоставлении кредита в целях компенсации потерь от роста цен на энергоносители, а также и об адекватном увеличении цен на болгарскую сельскохозяйственную продукцию. До решения этих вопросов болгарская

сторона не желала связывать себя новыми договоренностями и сознательно затягивала переговоры о долгосрочном соглашении. Л. И. Брежнев дал согласие предоставить Болгарии кредит лишь в 1978 г. Живкова это известие застало на борту самолета, готовившегося к отлету в Токио, куда болгарский руководитель направлялся, чтобы подписать соглашение о предоставлении кредита Японией. СССР согласился также поставить в Болгарию и дополнительное количество нефти, но отказался поднять цены на импортируемые сельскохозяйственные продукты. Вместо этого советская сторона начала дотировать кредитами их производство. Своеволие болгарского лидера свидетельствовало о том, что Москва в значительной мере утратила контроль над своими сателлитами. Усиливавшаяся болезнь Брежнева положила начало времени «застоя». В советской экономике наступал период длительной стагнации, превратившей метрополию СЭВ в экспортера сырья вместо «ноу-хау». Со второй половины 1970-х годов стоимость экспортируемой Болгарией в СССР техники стала гораздо более высокой, чем импортируемого ею оборудования[12]. Негативные тенденции в политической и хозяйственной жизни Советского Союза явились дополнительным стимулом для экономических реформ в Болгарии.

Седьмая пятилетка (1975—1980 гг.) по праву может быть названа пятилеткой модернизации болгарской промышленности. Предусмотренные планом инвестиции (примерно 30 млрд долларов США) в значительной своей части (40%) предназначались для реконструкции и модернизации имевшихся мощностей, как в тяжелой, так и в легкой промышленности[13]. Однако основной упор был сделан на высокотехнологичные отрасли и производства с быстрым валютным оборотом, ориентированные на рынки за рамками СЭВ.

Несмотря на усиливавшуюся на болгарском рынке конкуренцию в сфере создания комплексных объектов, Япония оставалась для Болгарии одним из основных западных поставщиков. Проекты предусматривали не только совместное строительство и реконструкцию фабрик и заводов, но и кооперирование производства и совместный выход готовой продукции на рынки других стран. В седьмой пятилетке ведущие японские концерны, фирмы и банки участвовали в импорте, строительстве и монтаже 29 болгарских комплексных объектов в таких отраслях, как электроника, металлургия, энергетика, машиностроение, в строительной, химической, пищевой и легкой промышленности. После визита в Москву в 1978 г. Т. Живков по приглашению японской стороны прибыл во главе делегации в Токио. Во время официального посещения обе стороны заключили

Соглашение об экономическом, промышленном и научно-техническом сотрудничестве до 1990 г. Консорциум частных японских фирм и банков отпустил Болгарии кредит в размере 120 млн долларов[14].

Болгария получала также кредиты от Франции, Италии и Австрии. Финляндия поставила оборудование для пяти целлюлозно-бумажных комбинатов[15]. Однако в годы седьмой пятилетки самыми активными были политические и экономические отношения с Западной Германией. В общем объеме торговли Болгарии с развитыми капиталистическими странами ФРГ занимала первое место и пятое — среди всех ее внешнеэкономических партнеров. Двусторонние отношения получили дополнительный импульс после первого официального визита Т. Живкова в Бонн в 1975 г. В результате переговоров НРБ и ФРГ заключили 14 мая долговременное Соглашение о развитии экономического, промышленного и технического сотрудничества. Были подписаны генеральные соглашения о сотрудничестве с концернами «Тиссен», «Даймлер Бенц», «Фр. Крупп», «Хлхст» и «Сименс». В реструктуризации и модернизации промышленности участвовали и другие немецкие концерны — «АЭГ-Телефункен», «ГХХ», «Линде», «БАСФ», «Лурги», «Байер», ведущие банковские и торговые структуры, текстильные, обувные и мебельные фирмы[16]. По западногерманским технологиям и с применением немецкого оборудования только в 1975—1980 гг. были оборудованы 55 крупных заводов и предприятий тяжелой и легкой промышленности. Были подписаны 32 договора о кооперировании производства. Импорт комплексных объектов обусловливался совместным выходом на рынки, а также и созданием в Болгарии и за границей инженеринговых фирм.

Параллельно с модернизацией болгарское производство восприняло экспансионистский характер торговой и внешнеэкономической политики развитых держав. Болгарские внешнеторговые объединения активно искали рынки за пределами СЭВ. В этом они часто использовали и помощь западных концернов. В ряде европейских, азиатских и латиноамериканских стран болгарами было создано около 1600 смешанных предприятий с целью поиска своей «ниши» на рынке и привлечения новых технологий[17]. Болгария активно включилась и в строительство комплексных объектов в странах «третьего мира». Она принимала также самостоятельное участие в тендерах, но в большинстве случаев в качестве соисполнителя проектов крупных западных концернов. Под ввоз оборудования и участие в строительно-монтажных работах в рамках этих проектов страна, как правило, получала кредиты[18].

Результаты этой наступательной экономической и торговой политики не замедлили сказаться. Лишь за три года, с 1977 по 1980 г., удельный вес несоциалистических стран в товарообороте Болгарии возрос с 18 до 30%[19]. В 1980 г. объем внешней торговли между Болгарией и ФРГ достиг уровня 620,5 млн левов, из которых на долю импорта приходилось 288 млн, а экспорта — 392,5 млн левов. Пассивное годовое сальдо почти компенсировалось доходами от туризма, транспортных и прочих услуг. Изменилась и структура болгарского импорта в ФРГ. Доля промышленной продукции в болгарском экспорте превысила 80%, в том числе на химическую промышленность приходилось более 39%, на металлургию — 15, на легкую промышленность — 14 и на машиностроение 13,2%[20].

Начиная с середины 1970-х и до середины 1980-х годов болгарская экономика переживает подъем. Совокупный национальный продукт и прибыль удвоились[21]. В 1980—1985 гг. валютная прибыль от экспорта в развивающиеся страны возросла более чем в три раза[22]. Валютный долг, который в 1977 г. исчислялся 5 млрд левов, в результате роста экспорта и положительного торгового сальдо в 1985 г. сократился более чем в два раза[23]. В 1985 г. 70% болгарского экспорта пришлись на продукцию машиностроения и электроники. При этом доля Болгарии в области электроники среди стран СЭВ составила 52%. Страна первой среди членов СЭВ начала ориентироваться на производство информационных программ и активное обучение кадров программистов[24].

В начале 1980-х годов возникли неблагоприятные тенденции в международной обстановке. После событий 1980 г. в Польше Соединенные Штаты начали бойкотировать социалистические страны. Они перешли к давлению и на собственных союзников с целью ограничить их экономические контакты с Восточной Европой. Прогрессирующее ухудшение торговых и платежных балансов и обострение вопроса о международной задолженности породили напряженность и на мировых рынках кредита[25]. Традиционно агрессивная американская кредитная политика привела к девальвации доллара по отношению к национальным валютам других стран. Девальвация нанесла тяжкий урон и болгарской экономике, поскольку задолженности стран «третьего мира» исчислялись также по долларовому эквиваленту. Мировой кризис не мог не влиять и на сроки и возможности возврата отпущенных торговых и инвестиционных кредитов. До 31 декабря 1984 г. болгарское правительство предоставило кредиты 26 развивающимся странам Азии, Африки и Латинской Америки на общую сумму 3052,2 млн валютных левов (при тогдашнем курсе доллара эта сумма равнялась 3 млрд 336 млн долларов). Ко времени описываемых

событий кредиты были погашены на сумму 307,8 млн валютных левов, просроченные выплаты составляли 22,7 млн валютных левов[26]. Поступление в государственный бюджет остальных сумм было под большим вопросом, так как большинство указанных стран не располагали необходимыми товарными и валютными ресурсами. Большая их часть расплачивалась нефтью, но это создавало дополнительные трудности для болгарской внешней торговли. Чтобы восстановить необходимые запасы валюты, следовало быстро разместить излишки нефти, пусть даже и на самых невыгодных для экономики страны условиях. Вследствие этого Болгария теряла на реэкспорте нефти до 40 млн валютных левов ежегодно.

Анализ инженеринговой деятельности за границей, являвшейся объектом государственного кредитования, показывает, что, в отличие от западных стран, основная часть средств направлялась на финансирование инфраструктуры и бытовых объектов, геологической разведки и других видов деятельности непроизводственного предназначения. Так, например, на все предоставленные кредиты странам Тропической Африки были построены лишь несколько объектов в Танзании, Анголе и Конго, которые производили реальные материальные блага. Качество сооружений и предоставлявшихся услуг оставляли желать лучшего. После формальной предварительной экспертизы или вообще без таковой государственные средства расходовались легко. В 1984 г. болгарское партийно-государственное руководство пошло на новый рискованный шаг. Чтобы стимулировать производство у своих должников, оно приняло решение предоставить им дополнительные субсидии, рассчитывая таким образом вернуть свой кредит[27]. В результате этой амбициозной, наступательной, но непродуманной экономической политики Болгария из водоворота иллюзий попала в омут финансового краха.

Приход к власти в СССР М. С. Горбачева в 1985 г. усилил активность Москвы. Главные акценты «перестройки» делались на смену руководящих кадров, соответственно, критику исторического прошлого и преодоление блоковой конфронтации. Таким путем новый советский лидер надеялся «вдохновить людей» и придать социализму «второе дыхание». Новое советское руководство восприняло ошибочную идею, что экономическая стагнация в стране была вызвана лишь невыгодными для СССР ценами на энергоносители и промышленное сырье, поставлявшиеся в страны—члены СЭВ. Уже в 1986 г. было объявлено, что предстоит реформа ценообразования и валютно-кредитных отношений, смысл которой заключался в подчинении их правилам международного рынка. Согласно новому экономическому курсу преференции при ценообразовании получали только Монголия, Вьетнам и Куба[28].

Решение советской стороны поднять цены на сырье нанесло сильный удар по болгарской экономике. Многостороннее согласование плановых поставок в странах СЭВ на период 1991—1995 гг. в это время близилось к завершению[29]. Вопрос о новых ценах обсуждался при любых возможностях, в том числе и во время личных встреч Т. Живкова с М. С. Горбачевым. Болгарский лидер более всего опасался персональных перемен в высшем эшелоне власти и не имел никакого намерения следовать горбачевским реформам в этой сфере. Вместо этого он спешил продолжить начатые экономические реформы, надеясь таким путем укрепить свой авторитет как реформатора и сохранить личную власть.

24 апреля 1987 г. Политбюро ЦК БКП без предварительных консультаций с Москвой приняло решение о «передаче социалистической собственности трудовым коллективам». Все предприятия получили право самостоятельно решать свои финансовые, производственные и торговые проблемы. Для ведения самостоятельных внешнеторговых операций получили валюту и общины. С этой целью созданы были валютные комиссии во главе с секретарями партийных общинных организаций[30].

Живков посягнул и на другой сакральный столп «социалистической экономики» — тяжелую промышленность. Демиург промышленной мегаломании в конце концов признал, что хронический рыночный дефицит явился результатом деспотического приоритета группы «А». Внутренняя отраслевая структура этой группы была также лишена социальной направленности. Производство товаров широкого потребления составляло всего 5% от продукции машиностроения. Среди стран—членов СЭВ Болгария занимала третье место по доходу на душу населения, но уровень благосостояния был лишен позитивной динамики в условиях низких зарплат и постоянного дефицита товаров широкого потребления. Живков заявил о радикальном изменении пропорций между группами «А» и «Б» в производстве и торговле, об отказе, хотя и временном, от ускоренной индустриализации[31].

Болгарский государственный и партийный руководитель приобрел в глазах Москвы дополнительные «негативы» и в связи с его посещением ФРГ в июне 1987 г. по приглашению канцлера Г. Коля. Визит проходил в исключительно радушной обстановке. Живков просил о содействии с тем, чтобы Болгария, подобно Венгрии, получила преференции при сотрудничестве с ЕЭС. Г. Коль, однако, вернул болгарского лидера с облаков на землю: «Болгаро-германская дружба может служить примером, но не может заменить хорошие отношения Западной Германии с Советским Союзом»[32].

16 октября 1987 г. Живкова вызвали в Кремль, где состоялся драматический по характеру разговор с Горбачевым. Советский генсек выразил недовольство тем, что болгарские реформы не согласовывались предварительно с Москвой, что болгары не приняли советскую модель реформ, посягают на основы «социалистической системы» — государственную собственность и руководящую роль партии в экономике. Иезуитски, почти по-сталински, он обвинил Живкова, что в окружении последнего есть люди, желающие превратить Болгарию в «мини-Японию» и «мини-ФРГ»[33].

Принципиальные расхождения болгарского лидера с инициатором «нового мышления» лишают смысла усилия Живкова представить себя в качестве реформатора. Он понимает, что дни его политической карьеры сочтены. А между тем политический, экономический и социальный кризисы в стране набирают силу. Совокупный национальный продукт и прибыль стремительно падают по своим показателям. Долларовая задолженность достигла шести миллиардов. Под давлением Москвы болгарский товарообмен вновь переориентируется на социалистические страны. В 1988 г. их удельный вес во внешней торговле Болгарии достигает 84,5%[34].

После ухудшения отношений с Москвой «реформаторские усилия» Живкова откровенно сориентированы на личное облагодетельствование высшего партийного эшелона — Политбюро и его ближайшего окружения. Указом № 56 Государственного совета (декабрь 1988 г.) вводится новая форма организации болгарской экономики — фирмы. На практике происходит устранение государственного контроля за финансами, включая валютные средства за границей и в общинах внутри страны.

На заседании Политбюро 7 февраля 1989 г. Живков предложил превратить Пловдив в «зону активной внешнеэкономической деятельности с особыми благоприятными торговыми, налоговыми, таможенными, валютно-финансовыми и прочими условиями, зонами беспошлинной торговли и пр.» Для решения этой задачи в принятом документе предусматривалось развитие в городе быстрыми темпами «современных форм активного усвоения прогрессивного опыта путем долговременного производственного, технологического и хозяйственного кооперирования с иностранными фирмами, ввоза капитала, создания консорциумов и совместных предприятий, совместных банковских и иных взаимных инвестиций, налаживания прямых связей в сфере науки и подготовки кадров». Само предложение подготовили Андрей Луканов* и секретарь

* В то время А. Луканов был кандидатом в члены Политбюро ЦК БКП и министром внешнеэкономических связей.

Пловдивского окружного комитета партии Пантелей Пачов, но явно при поддержке Т. Живкова[35].

Неограниченные экономические привилегии Пловдив получил неожиданно. Ранее речь шла лишь о зонах беспошлинной торговли, причем упоминались в качестве возможных вариантов Видин и Русе. Решение Политбюро было секретным, и возможность воспользоваться им имели только информированные лица. Уже в начале 1989 г. в Пловдиве зарегистрировались многочисленные инженеринговые фирмы с неопределенной собственностью и без четко указанного вида деятельности, через которые началась перекачка средств крупных государственных и общинных организаций. Для остальной части страны преобразование государственных фирм в частные началось только с 4 июля 1989 г.[36]

В апреле Политбюро приступило к обсуждению Указа № 58 Государственного совета, который должен был вступить в силу в конце 1989 г. Он касался реформы в сельском хозяйстве*. Авторы документа предусматривали повсеместное введение арендной и фирменной системы в данной отрасли. Собственность на землю и прочие средства производства оставались государственными. Но государство сложило с себя функцию непосредственной организации сельскохозяйственного производства и дистанцировалось от контроля за самим процессом предоставления аренды. Это право передавалось специальным комиссиям при общинных советах и кметствах, но при этом основные правовые принципы не были четко прописаны и имели откровенно субъективный характер[37]. Проект Указа предусматривал ликвидацию аграрно-промышленных комплексов и формирование акционерных обществ арендаторов. По замыслу Т. Живкова, государство по-прежнему должно было инвестировать сельское хозяйство, но не так, как прежде, а «переливая капиталы» в арендаторские фирмы[38]. В потоке слов трудно было определить суть реформы, но явно ощущались плохо прикрытые аппетиты ее авторов и вдохновителей. В случае реализации Указа результаты едва ли были менее плачевными, чем та разруха, которая наступила в сельском хозяйстве в 1990-е годы.

3 мая 1989 г. болгарский лидер сообщил на заседании Политбюро, что «активы и пассивы капиталовложений» должны быть переданы фирмам. Он предложил члену Политбюро Григору Стоичкову заняться этой работой. Поначалу Стоичков сам должен был подобрать людей себе в помощь, но впоследствии предполагалось обдумать создание некого «параллель-

* Состояние сельского хозяйства было, действительно, далеко от благополучного. При непрерывном росте материальных затрат темпы роста производства в этой отрасли постоянно снижались.

ного органа». На указанном заседании было принято специальное решение о расширении сотрудничества между болгарскими и иностранными фирмами. Живков подчеркнул, что в этом деле очень рассчитывает на «трех товарищей» — Ст. Овчарова, П. Данчева и А. Луканова, курировавших связи соответственно с ФРГ, Японией и Францией[39]. Иными словами, задолго до введения фирменной организации в целом по стране Т. Живков лично выделил тех членов Политбюро, которые получили право неограниченно контролировать перераспределение государственных активов и самостоятельно подбирать объекты субсидирования.

Во второй половине 1980-х годов сотрудничество в рамках СЭВ свелось к координации двустороннего натурального обмена. Самоизоляция этой организации продолжалась. Уже на встрече генеральных секретарей стран—членов СЭВ в Москве в 1986 г. прозвучало, что Совет находится перед дилеммой — или выйти на передовые позиции в научно-технической революции, или погрязнуть в кризисе. Выход из кризисной ситуации виделся в ускоренном создании единого рынка, смешанных предприятий, торговых банков и пр. Однако проблемы, возникшие в связи с введением новых цен на сырье, увели участников встречи в сторону от дискуссии о реформах и обострили разногласия. Серьезные противоречия выявились при выработке общих условий строительства и эксплуатации смешанных предприятий. Среди стран—членов СЭВ возникло несколько групп. Венгрия все сильнее дистанцировалась от проблем СЭВ. Представители СССР, Чехословакии, Польши и Болгарии настаивали на его полной реконструкции. ГДР и Румыния занимали наиболее консервативные позиции. Их представители в СЭВ отвергли бóльшую часть предложений о реформировании организации. Опасаясь потерять свои преференции, Монголия, Вьетнам и Куба также выступили за сохранение статус-кво. Вплоть до краха тоталитарных режимов все споры оставались на теоретическом уровне, и СЭВ не смог принять ни одного конструктивного решения[40].

Еще в 1986 г. Живков заявил Горбачеву, что СЭВ превратился в «административную, представительскую организацию», возможности которой «координировать нашу экономическую политику и осуществлять кооперирование только на государственном уровне давно исчерпаны». Он настаивал на том, чтобы принять политическое решение о создании новой организации. На сессиях СЭВ болгарские представители неоднократно поднимали вопрос о необходимости усиления социальных функций экономики. Но их предложения тонули в хаосе дебатов и разногласий[41].

После революций 1989 г. СЭВ переживает коллапс. Вопрос о его реформе поднят с большим запозданием. И все же на 45-й юбилейной сессии, проходившей 9—10 января 1990 г. в Софии, была принята концепция полного изменения механизмов экономического сотрудничества. На софийской сессии присутствовали наблюдатели из Афганистана, Йемена, Никарагуа, Мозамбика и Югославии. Подготовленный проект Устава новой организации полностью отрицал автаркию и изоляцию от мирового научного и технического прогресса. Выражалась надежда, что новая организация сможет реинтегрировать Восточную Европу в европейские и международные экономические структуры и подчинить торговлю принципам и ценам мирового рынка. Монголия, Вьетнам и Куба теряли свои позиции, обеспечивавшие им режим благоприятствования. Была прекращена практика заключения торговых договоров и соглашений об экономическом сотрудничестве с развивающимися странами. В проекте содержалась рекомендация начать переговоры с Югославией и Финляндией о возможном вступлении их в организацию[42].

Уже из проекта Устава стало ясно, что новая организация не имеет собственного лица и является не более чем утопией. Национальные экономики и старые структуры распадались, инфляция галопировала, долги росли, различия между восточноевропейскими странами углублялись. В этих условиях представители Венгрии, Польши и Чехословакии заявили, что уже не придерживаются общих правил, признают только двусторонние контакты. Лишенные преференций Монголия, Вьетнам и Куба отказались от дальнейшего членства .

Последняя сессия СЭВ была созвана 28 июня 1991 г. в Будапеште. Было принято решение о роспуске СЭВ как институции. От болгарской стороны заключительный протокол подписал заместитель председателя Совета министров А. Томов[43]. Вопрос о создании новой организации вообще не поднимался.

Примечания

[1] Подробнее о первом десятилетии деятельности СЭВ см.: *Никова Г.* Съветът за икономическа взаимопомощ и България (1949—1960 г.) София, 1989.

[2] *Никова Г.* Научно-техническо сътрудничество на България със страните от Съвета за икономическа взаимопомощ (1949—1956 г.) // Исторически преглед. 1977. Кн. 2. С. 47—58; Consolidation of scientific and technical co-operation as a form of mutial assistance between Bulgaria and the CMEA member-countries // Bulgarian historical review. 1988. № 3. P. 10—31.

[3] *Никова Г.* Българското стопанство между Германия и Съветския съюз. Ликвидиране на германското технологично влияние в България // Исторически преглед. 2000. Кн. 3—4. С. 70—112; *Она же.* Стопанската интеграция между България и Германия през 30—40-те години на XX век // Collegium Germania. 3. Sofia, 2000. S. 160—193.

[4] Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 128. Д. 269. Л. 31—34.

[5] Централен държавен архив (далее — ЦДА). Ф. 146-Б. Оп. 1. А. е. 53. Л. 33—89; *Димитров Г.* Дневник. 9 март 1933 — 6 февруари 1949. София, 1997. С. 367.

[6] *Nikova G.* The blow against the state leadership of Bulgaria (1949—1953) // Bulgarian historical review. 1997. № 2—3. P. 108—131; *Она же.* «Големият заговор» в България (1949—1953 г.) // Лица на времето. 1997. Т. 2. С. 69—98; *Она же.* Политическите процеси в България. 1949—1953 г. // България в сферата на съветските интереси. Българо-руски научни дискусии. София, 1998. С. 64—73.

[7] Подробнее см.: *Никова Г.* Процесът на съветизация и преустройството на българската външна търговия (1944—1951 г.) // Исторически преглед. 2002. Кн. 5—6. С. 112—148.

[8] Подробнее см.: *Василева Б.* Миграционни процеси в България след Втората световна война. София, 1991.

[9] Подробнее см.: *Марчева И.* Пътят на Тодор Живков към властта. Политика и икономика в България. 1953—1964. София, 2000.

[10] ЦДА. Ф. 1244. Оп. 1. А. е. 8098. Л. 87.

[11] *Droz B., Rowley A.* L'Histoire générale de XX siècle. T. 4. Crises et mutations de 1973 à nos jours. Paris, 1986. P. 18—19.

[12] ЦДА. Ф. 1244. Оп. 1. А. е. 8098. Л. 17.

[13] Там же. Л. 119.

[14] Там же. Ф. 1-Б. Оп. 66. А. е. 1176. Л. 1—26.

[15] Там же. Ф. 1244. Оп. 1. А. е. 8098. Л. 31—45.

[16] Там же. Л. 26—33.

[17] Там же. Л. 10, 24—25.

[18] Там же. А. е. 6775. Л. 25.

[19] Там же. Ф. 1-Б. Оп. 66. А. е. 1176; Статистически годишник. София, 1989. С. 201.

[20] Там же. Ф. 1244. Оп. 1. А. е. 6775. Л. 10, 24—25.

[21] Статистически годишник... С. 6.

[22] Там же. С. 201.

[23] ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 68. А. е. 3272. Л. 28.

[24] Там же. Оп. 67. А. е. 3090. Л. 3—170; А. е. 3517. Л. 4; Ф. 1244. Оп. 1. А. е. 1207. Л. 177.

[25] Там же. Ф. 1244. Оп. 1. А. е. 6775. Л. 10, 24—25.
[26] Там же. А. е. 8634. Л. 166.
[27] Там же. Л. 141—161.
[28] Там же. А. е. 3517, Л. 204; Оп. 68. А. е. 3276. Л. 6: А. е. 2662-а. Л. 191—194.
[29] Там же. А. е. 2919. Л. 5, 32.
[30] Там же. А. е. 2662-а, Л. 92—168; А. е. 2852, 2856.
[31] Там же. А. е. 3493.
[32] Там же. Ф. 1-Б. Оп. 68-а. А. е. 3037. Л. 40—80.
[33] Там же. А. е. 3272. Л. 11—44.
[34] Там же. Л. 28; А. е. 3297. Л. 214; Статистически годишник... С. 6.
[35] ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 68. А. е. 3585. Л. 74.
[36] Там же. А. е. 3698.
[37] Там же. А. е. 3636. Л. 2—42, 156 и др.
[38] Там же. А. е. 3640. Л. 4—147.
[39] Там же. Л. 3—27.
[40] Там же. А. е. 3529. Л. 3—11; А. е. 3435; А. е. 3570. Л. 13—14; А. е. 3591. Л. 234.
[41] Там же. А. е. 2919. Л. 9—14; А. е. 3192. Л. 23—37.
[42] Там же. Ф. 1244. Оп. 1. А. е. 250 Л. 4; А. е. 1209. Л. 1.
[43] Там же. А. е. 253.

П. А. Искендеров
(Институт славяноведения РАН)

Влияние кризисов 50—60-х годов XX века на модернизационные процессы в Албании

Модернизационные процессы 1950—1960-х годов в Албании, как ни в одном другом восточноевропейском государстве находились в тесной зависимости от расстановки сил в Европе — и в первую очередь, в границах «социалистического лагеря». Именно оттуда албанская экономика черпала жизненно необходимые для нее материально-технические средства, а правящая элита — политическую поддержку. Не случайно внешнеполитический курс Албании в этот период характеризовался односторонней ориентацией на какую-либо одну страну или группу стран с периодическим поворотом на сто восемьдесят градусов в зависимости от изменения ситуации в мировом коммунистическом движении[1]. А у штурвала стоял человек, которому никак нельзя было отказать в умении пресекать любую оппозицию и ловко маневрировать в стремительно менявшихся внутриалбанских и международных реалиях, — бессменный лидер коммунистической партии, глава правительства и председатель Демократического фронта Энвер Ходжа. Его карьера в военные годы оказалась стремительной. Вот лишь некоторые ее эпизоды:

8 ноября 1941 г. в Тиране в условиях итальянской оккупации Албании и глубокого подполья и в присутствии представителей коммунистической партии Югославии открылось совещание шестнадцати делегатов, представлявших три самые крупные коммунистические группы в стране — Шкодринскую, Корчинскую, а также «молодых» коммунистов. Оно продолжалось до 14 ноября, и на нем была образована коммунистическая партия Албании. В качестве ее руководящего органа был сформирован временный Центральный комитет во главе с секретарем, личность которого должна была устраивать все три группы. Такой нейтральной, до последнего времени находившейся в тени фигурой и был Э. Ходжа. Кроме того, ему было поручено отвечать за финансовую деятельность партии.

С этого момента партийная и политическая карьера Э. Ходжи стремительно пошла вверх[2]. В марте 1943 г. уже на первой Всеалбанской партийной конференции, состоявшейся в г. Лябинот, он выступает с докладом по организационным вопросам. К тому времени его роль в партии, по существу, стала определяющей, и поэтому закономерным явилось едино-

душное избрание Э. Ходжи генеральным секретарем Коммунистической партии Албании (КПА)[3]. В июле 1943 г. на совещании в Лябиноте Ходжа был назначен политическим комиссаром Генерального штаба Национально-освободительной армии Албании. Вскоре Э. Ходжа получил еще одну должность, по сути, предрешавшую его руководящую роль в послевоенной Албании. На состоявшемся в мае 1944 г. в городе Пермет первом Антифашистском национально-освободительном конгрессе[4] он возглавил Антифашистский национально-освободительный комитет, наделенный атрибутами временного народно-демократического правительства.

29 ноября 1944 г. Албания была полностью освобождена от иностранной оккупации, а уже через год с небольшим в стране состоялись выборы в Учредительное собрание, принесшие победу кандидатам Демократического фронта (такое название в августе 1945 г. получил Антифашистский национально-освободительный фронт), председателем которого вплоть до своей смерти являлся Ходжа. Первая сессия Учредительного собрания провозгласила 11 января 1946 г. Албанию Народной республикой и утвердила правительство, сформированное Э. Ходжей.

К окончанию Второй мировой войны экономика Албании находилась в плачевном состоянии. В первый послевоенный год производство электроэнергии, в сравнении с предвоенным периодом, снизилось на 58%, производство строительных материалов и текстильной продукции — на 35%; были разрушены нефтедобывающие и горнорудные мощности. Без масштабной иностранной помощи залечить нанесенные войной раны было нереально, и это хорошо понимали новые руководители страны.

Пленум ЦК КПА, состоявшийся в феврале—марте 1946 г., в качестве объекта внешнеполитической ориентации Албании провозгласил Советский Союз, а также Югославию[5]. Однако уже 1 июля 1948 г. — через три дня после известной антиюгославской резолюции Информбюро — Тирана заморозила отношения с Белградом и заявила о расторжении всех предшествующих договоренностей о сотрудничестве в экономической, политической, культурной и военной областях. Как отмечалось в специальном коммюнике ЦК КПА, «Центральный комитет Коммунистической партии Албании целиком и полностью солидаризируется с резолюцией Информационного бюро коммунистических партий... Руководитель Центрального комитета Коммунистической партии Югославии пытался превратить... [наше] отечество в собственную колонию... уничтожить независимость нашей страны и самостоятельность нашей партии»[6].

Характеризуя внешнеполитическую обстановку и место Албании в системе международных отношений конца 1940 — начала 1950 годов, II съезд Албанской партии труда (АПТ) (1952 г.) подчеркнул, что «партия и народ

должны быть полностью готовы встретить трудности, которые создают империалисты и югославские ревизионисты своими непосредственными враждебными действиями, многообразными и непрестанными, против Народной Республики Албания»; «внешние враги» разрабатывают «новые планы, направленные на уничтожение системы народной демократии в Албании. Югославское правительство, сообща с греческим и турецким правительствами, по наущению и при участии американских империалистов» подготавливают «заключение Балканского пакта, пакта агрессивного, направленного против Албании»[7]. Албания в политической, экономической, военной и иных областях стала однозначно ориентироваться на Советский Союз, откуда прибыли около 3000 советников и специалистов, призванных заменить аналогичный югославский контингент[8].

Таким образом, в конце 1940 — первой половине 1950-х годов ориентация Албании на СССР в целом не подвергалась сомнению. Ход модернизационных процессов в Албании на протяжении 1950-х годов напрямую зависел от состояния советско-албанских отношений. СССР поставил 93% оборудования для горнорудной и нефтяной промышленности, около 90% грузового автотранспорта, свыше 80% тракторов и более 65% других машин, занятых в сельском хозяйстве. В 1957 г. в ходе визита в СССР партийно-правительственной делегации Албании была достигнута важнейшая для страны договоренность о том, что Тирана освобождалась от обязательств по погашению кредитов, ранее предоставленных советской стороной на приобретение оборудования и материалов. Это означало, что 25 новых промышленных объектов, сооруженных в Албании на кредитные средства, фактически передавались в дар этой стране. Речь шла о предприятиях, доходы от деятельности которых составляли четверть всех доходов албанской промышленности. Кроме того, делегации удалось добиться от Москвы согласия на предоставление Албании очередных советских кредитов на 1958—1959 гг., а также дополнительных денежных средств и даже продовольственных товаров — без чего была бы невозможна полная отмена в стране в октябре 1957 г. карточной системы и снижение цен в розничной торговле. На рубеже 1950—1960-х годов объемы торговли Албании с СССР превышали 54% всего внешнеторгового объема страны. Так что слова Э. Ходжи, сказанные им еще в июле 1949 г. на заседании Народного собрания, о том, что «строительство основ социализма в Албании невозможно без моральной, политической и материальной помощи Советского Союза», полностью отвечали действительности[9]. Правда, этот факт позднее не удержал Ходжу от соблазна пойти на конфликт со «старшим братом».

С 1953 г. происходило кратковременное — главным образом, под влиянием аналогичных шагов руководства Советского Союза — потепление албано-югославских отношений, носившее, однако, преимущественно формальный характер. 21 декабря 1953 г. албанская сторона предложила Белграду восстановить дипломатические отношения, на что получила положительный ответ. В 1954 г. была открыта граница между двумя странами, а средства массовой информации несколько умерили воинственный тон в отношении друг друга[10].

Однако внешнеполитической ориентации Албании уже предстояло подвергнуться новым испытаниям. Накануне визита Н. С. Хрущева в Белград, в мае 1955 г. руководство КПСС направило албанским «друзьям» письмо, в котором предлагало Тиране дать согласие на денонсирование антиюгославской ноябрьской резолюции Коминформа 1949 г. и пересмотр аналогичного документа от июня 1948 г. (причем данное послание было отправлено всего за два дня до намеченного начала визита, что наглядно демонстрировало формальный характер ожидавшейся поддержки уже по сути свершившегося факта). Кроме того, руководство КПСС потребовало от албанской стороны одобрить текст нового решения по югославскому вопросу, единолично подготовленного в Москве.

В ответном письме от 25 мая 1955 г., адресованном ЦК КПСС, Центральный комитет Албанской партии труда изложил свою неизменную принципиальную позицию в отношении Югославии: «Мы полагаем, что имеется достаточно большая разница между содержанием Вашего письма от 23 мая 1955 г. и принципиальными положениями позиции, которой мы сообща придерживались до сего дня в отношении югославов... Повседневный опыт нашей партии в том, что касается отношений с Югославией, до разрыва в 1948 г., так же как и в последующее время вплоть до сегодняшнего дня, подтверждаемый многочисленными конкретными фактами, ясно и четко демонстрирует, что принципиальное содержание всех относящихся к югославскому вопросу резолюций Коминформа являлось полностью справедливым, за исключением некоторых моментов тактического свойства. Та процедура, которой предлагается следовать и которая предусматривает отмену резолюции, принятой в ноябре 1949 г. на совещании Коминформа, нам представляется неверной... По нашему мнению, скороспелое (и поспешное) решение в столь важном и принципиальном вопросе, без глубокого предварительного анализа, проведенного совместно со всеми заинтересованными партиями, и, тем более, его публикация в прессе по результатам переговоров в Белграде, не только окажется преждевременной, но и нанесет серьезный вред генеральной линии... Мы убеждены, что за несколькими исключениями вто-

ростепенного характера данная генеральная линия нашей партии в отношении Югославии является правильной»[11].

К концу следующего года ситуация окончательно вернулась «на круги своя». Посетив во главе делегации ЦК АПТ Москву в декабре 1956 г., Э. Ходжа в очередной раз изложил советскому руководству позицию своей страны в отношении Югославии и «современного ревизионизма». Информируя 3 января 1957 г. членов Политбюро ЦК АПТ о содержании советско-албанских переговоров, Ходжа заявил о необходимости в сложившейся ситуации «бороться против классовых врагов, против югославских титоистов и других элементов, враждебных марксизму-ленинизму... всех врагов коммунизма»[12].

Замысел о разрыве с СССР вызревал в недрах АПТ. После смерти И. В. Сталина и начала разоблачения культа личности советской компартией аналогичные процессы стали происходить и в албанском коммунистическом руководстве. В частности, рассмотрению данных вопросов были посвящены Пленумы ЦК АПТ, прошедшие в июле 1954 г. и апреле 1955 г., на которых звучала критика в адрес порочной практики возвеличивания Энвера Ходжи и умаления роли народных масс (в том числе и из уст его самого). Однако когда Тук Якова, занимавший в это время пост вице-премьера, выступил с предложением написать подлинную, пересмотренную с вышеуказанных позиций историю Албанской партии труда, а также высказался за реабилитацию жертв репрессий, он был исключен из партии и выслан из столицы «за антипартийную, антимарксистскую, троцкистскую и ревизионистскую деятельность»[13]. Аналогичные санкции на том же 14 пленуме ЦК АПТ в июне 1955 г. были приняты в отношении Бедри Спахиу, занимавшего в то время пост министра культуры и просвещения. Во вспыхнувшей между ним и Ходжей полемике последний назвал Спахиу «фашистом» (он действительно в 1939—1940 гг. являлся членом Албанской фашистской партии; однако уже в 1941 г. стал одним из организаторов коммунистического сопротивления в родном для себя и Э. Ходжи городе Гирокастра, а в 1945 г. выступал в роли общественного обвинителя на судебном процессе над «военными преступниками и врагами народа»), а тот в свою очередь заявил: «Я обучал его (Ходжу. — *П. И.*) азам коммунизма»[14].

Кроме того, в отчете Политбюро, одобренном на июльском пленуме 1954 г., отмечалось, что «Центральный комитет и другие руководящие инстанции нашей партии были проникнуты духом коллегиальности и постоянно трудились над дальнейшим укреплением коллегиальной работы. Центральный комитет нашей партии един как гранитная скала, он мудро и отважно направляет партию по славному пути социализма и коммуниз-

ма. Единство нашей партии подобно стальному блоку, который никакая вражеская сила, внутренняя или внешняя, не сможет поколебать»[15].

В мае—июне 1956 г. в Тиране прошел очередной, III съезд Албанской партии труда (решение о его проведении было принято ЦК АПТ в декабре 1955 г.). На нем много говорилось о поддержке решений XX съезда КПСС, необходимости их применения к ситуации, сложившейся в АПТ. Однако констатация существования в стране «культа личности» Ходжи, сделанная на съезде самим Ходжей, выступившим с докладом о деятельности Центрального комитета АПТ, отнюдь не помешала собравшимся осудить как антипартийные и направлявшиеся югославским руководством через посольство этой страны в Тиране выступления, прозвучавшие в апреле 1956 г. на конференции Тиранской партийной организации. Ораторы призывали к осуждению «культа личности» и насильственных методов осуществления аграрной реформы и других мероприятий социалистического строительства, к пересмотру вынесенных ранее политических приговоров, реабилитации репрессированных и реальному развитию внутрипартийной демократии. Съезд принял резолюцию, в которой целиком и полностью одобрялись меры, принятые партией «против всех антипартийных и уклонистских, ревизионистских, троцкистских, оппортунистических групп и элементов»[16].

Постепенно и словесная критика «культа личности» как Сталина, так и Ходжи сошла на нет. К этому времени в руководящей «обойме» албанский лидер остался единственным членом первого состава Центрального комитета Коммунистической партии Албании, и его лидирующая роль не могла подвергаться ни малейшему сомнению.

В условиях продолжавшегося албано-югославского противостояния возобновилась борьба с «внутренними врагами». В ноябре 1956 г. по обвинению в шпионаже в пользу иностранного государства была расстреляна группа бывших участников национально-освободительной войны, в которую входили Дали Ндреу, его жена Лири Гега (бывший член Политбюро ЦК) и Петро Булати (выходец из Югославии, настоящее имя которого было Петар Булатович), а в мае следующего года в Югославию бежал генерал Панайот Пляку — член ЦК АПТ, депутат Народного собрания, занимавший ранее пост министра обороны, знаменитый герой национально-освободительной войны.

Рассмотрению положения в мире и в международном коммунистическом движении был посвящен пленум ЦК АПТ, состоявшийся в феврале 1957 г. На нем в очередной раз были сформулированы и конкретизированы задачи партии «в революционной борьбе против империализма и ревизионизма»[17]. Как отмечалось в сделанном Ходжей докладе, озаглавлен-

ном «О международном положении и задачах партии», «мы не согласны с теми, кто полностью отбрасывает революционную роль деятельности Сталина... Как известно, Сталин был крупнейшим марксистом, он защищал, после Ленина, марксизм-ленинизм от всяческих врагов и ревизионистов и внес бесценный вклад в дальнейшее развитие этого учения»[18].

В апреле 1957 г. состоялся очередной визит в Москву албанской партийно-правительственной делегации во главе с Э. Ходжей. В ходе его впервые открыто проявились противоречия между сторонами и персонально между лидерами обоих государств — Э. Ходжей и Н. С. Хрущевым. Советский руководитель обвинил албанских коммунистов в необъективности, сектантстве и фанатизме и заявил: «Вы, албанцы, видимо, хотите вернуть нас на путь Сталина... С вами невозможно договориться. Прерываем переговоры»[19].

Выступая на митинге в Тиране после возвращения из Москвы, албанский лидер подчеркнул: «Мы ни на мгновение не прекратим борьбу с теми, кто пытается подвергнуть ревизии идеи марксизма-ленинизма, будь то в Югославии, Албании или где-либо еще»[20].

Однако межличностные противоречия лидеров двух стран пока еще не сказывались на той роли, которую СССР продолжал играть в социально-экономическом развитии Албании. В ноябре 1957 г. в Москве было подписано соглашение о предоставлении Тиране дополнительного долгосрочного кредита на сумму в 160 млн рублей, предназначенного на нужды национальной промышленности и сельского хозяйства. Всего же в 1957—1959 гг. СССР и Албания заключили соглашения о предоставлении последней долгосрочных кредитов на общую сумму 526 млн рублей. Эта помощь позволила значительно расширить спектр албанских экспортных товаров, в который входили теперь хромовая и железная руда, нефть, битум, медь, фанера, табак и табачные изделия, кожевенное сырье, продукты питания[21].

В июне 1960 г. в Бухаресте прошел III съезд Румынской рабочей партии, на котором в качестве почетных гостей присутствовали делегации коммунистов других социалистических стран. В связи с этим в кулуарах съезда был рассмотрен ряд вопросов, связанных с положением и дальнейшим развитием мирового коммунистического движения. В частности, обсуждался вопрос о месте и времени очередного совещания коммунистических и рабочих партий, а также, самое главное, с особой остротой встал вопрос взаимоотношений между двумя крупнейшими коммунистическими партиями — КПСС и Коммунистической партией Китая (КПК). По требованию Хрущева делегации правящих партий стран «социалистического лагеря» договорились провести в Бухаресте специальное заседа-

ние, за несколько часов до открытия которого среди присутствовавших был распространен текст информационного письма, подготовленного КПСС и содержавшего обвинения в адрес КПК. Глава албанской делегации Хюсни Капо срочно сообщил о происходящем в Бухаресте Э. Ходже, который, в свою очередь, направил ему специальное письмо. В нем он изложил позицию АПТ по указанному вопросу, заключавшуюся в признании настоятельной необходимости урегулировать возникшие противоречия в рамках двусторонних контактов КПСС и КПК с тем, чтобы не ставить под угрозу единство социалистического блока и международного коммунистического движения. Руководство же КПСС выступало за организацию широкого обсуждения возникшего конфликта и позиции руководства китайских коммунистов.

Пересмотр принципиальной внешнеполитической ориентации с Советского Союза на Китай наметился в Албании с середины пятидесятых годов. В сентябре 1956 г. Э. Ходжа посетил Китай и лично познакомился с Мао Цзэдуном в ходе работы VIII съезда Коммунистической партии Китая, а в июне 1960 г. Пекин посетила албанская партийно-правительственная делегация, проведшая переговоры с китайскими руководителями по вопросам как двустороннего сотрудничества, так и общей ситуации в международном коммунистическом движении. Представители КНР подвергли жесткой критике внутреннюю и внешнюю политику СССР (в частности, в отношении Соединенных Штатов Америки и Югославии), что произвело сильное впечатление на албанскую сторону и убедило ее в необходимости смены «большого брата».

Выступая на Совещании представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшемся в Москве в ноябре 1960 г., Э. Ходжа подверг резкой критике принципы внешней политики Советского Союза, его позицию в отношении международного коммунистического движения, а также основополагающие решения XX и XXI съездов КПСС[22]. Особое неприятие лидера албанских коммунистов вызвал «антимарксистский» тезис о необходимости мирного сосуществования государств с различным общественным строем как средства сохранения всеобщего мира; кроме того, аналогичным образом он отвергал положение о возможности мирного перехода от капитализма к социализму.

Говоря о своем отношении к югославскому руководству, Ходжа заявил, что «Сталин и Коминформ имели все основания сорвать маску с югославского ревизионизма и разоблачить его как контрреволюционное антимарксистское течение, как агента империализма»[23]. Кроме того, он осудил политику руководства КПСС в области советско-албанских отношений в экономической области, обвинив советскую сторону в не-

выполнении обязательств и оказании экономического давления на Тирану. А в заключение Ходжа подчеркнул: «Право высказывать собственное мнение предоставлено нам марксизмом-ленинизмом, и этого права нас никто не может лишить, какое бы политическое или экономическое давление ни оказывалось на нас, какие бы угрозы ни раздавались в наш адрес, какими бы эпитетами нас ни награждали»[24].

Тем не менее делегация Албанской партии труда подписала итоговые документы форума, не желая идти на окончательный разрыв со странами «социалистического лагеря».

Состоявшийся в декабре 1960 г. пленум ЦК АПТ единодушно поддержал позицию своих представителей на Совещании, оценив ее как «твердую и принципиальную»[25]. Позднее, в резолюции IV съезда АПТ, состоявшегося в феврале 1961 г., была еще раз одобрена «целиком и полностью деятельность делегации Албанской партии труда во главе с товарищем Энвером Ходжей на Московском совещании в ноябре 1960 г., так же, как и исторические документы, которые были на нем приняты»[26].

Тем временем ситуация в советско-албанских отношениях, прежде всего в экономической области, что было особенно пагубно для Албании, продолжала стремительно ухудшаться. В апреле 1961 г. в специальном письме, направленном правительством СССР в адрес кабинета министров в Тирану, было заявлено, что Албания «не может впредь надеяться на получение, как ранее, от Советского Союза помощи, на которую имеют право лишь истинные друзья и братья»[27]. С начала 1961 г. подавляющее большинство социалистических стран (за исключением Венгрии) вслед за СССР заморозили кредиты, ранее предоставленные Албании, и ввели другие экономические ограничения в отношении Тираны, в частности, отозвали своих специалистов. Этот факт оказал серьезное влияние на социально-экономические процессы, происходившие в Албании, ибо кредиты, получаемые от стран—членов СЭВ, составляли около трети всех капиталовложений в албанскую экономику. В результате албанское правительство было вынуждено заморозить полностью или частично возведение более 40 промышленных объектов[28]. Нашедший убежище в Югославии П. Пляку следующим образом охарактеризовал последствия разрыва с СССР и другими соцстранами для Албании: «Хозяйственные последствия разрыва оказались очень тяжелыми, хотя албанское руководство упорно твердило, что в стране все идет наилучшим образом. Не был выполнен годовой план хозяйственного развития, прекратили работу многочисленные фабрики, автомобильный и тракторный парк из-за недостатка запчастей был почти парализован. Исчезли из продажи товары

широкого потребления, и в результате и без того низкий уровень жизни упал еще ниже»[29].

И хотя Албания и Советский Союз продолжали предпринимать попытки нормализовать отношения[30], все их усилия свидетельствовали о нежелании идти на уступки и компромиссы и, в конечном итоге, сводились к взаимным обвинениям в ревизионизме или догматизме.

Выступления Н. С. Хрущева на XXII съезде КПСС в октябре 1961 г.[31] и Э. Ходжи на торжественном заседании, посвященном двадцатой годовщине образования АПТ и 44-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции 7 ноября 1961 г. (в них стороны подвергли друг друга резкой критике, в том числе и личного характера[32] стали новой вехой на пути к полному разрыву между двумя странами. В частности, с подачи Хрущева «албанскому вопросу» было отведено столь значительное место в работе партийного форума, что оно намного превосходило его реальное значение[33].

11 ноября 1961 г. советскому посольству в Тиране было передано письмо, адресованное ЦК КПСС и принятое на пленуме ЦК АПТ 12 октября 1961 г. В нем содержался призыв к новому Центральному комитету КПСС, избранному на ее XXII съезде, «проанализировать объективно и в духе ленинской справедливости тяжелую ситуацию, сложившуюся в советско-албанских отношениях вследствие антимарксистских действий группы Хрущева, и принять необходимые меры в плане нормализации этих отношений»[34].

Данное обращение стало предвестником разрыва дипломатических отношений между двумя странами, осуществленного по инициативе СССР в декабре 1961 г., и полного прекращения экономических, политических и иных контактов[35].

Кризис в албано-советских отношениях потребовал разоблачения новых высокопоставленных «предателей» и «агентов иностранного влияния». На 18 пленуме ЦК АПТ, состоявшемся в сентябре 1960 г., были сняты со всех постов, исключены из партии и преданы суду член Политбюро ЦК Лири Белишова (на пути из Пекина в Тирану она имела встречу с руководителями СССР, в ходе которой проинформировала их о позиции и планах Китая в отношении Советского Союза[36]), ее муж, министр сельского хозяйства Мачо Чомо и председатель Ревизионной комиссии ЦК АПТ Кочо Ташко. Им ставилось в вину проведение «антимарксистской линии советского руководства». В мае следующего года в стране состоялся процесс над группой высокопоставленных военных (среди которых был адмирал Теме Сейко), обвиненных в сотрудничестве с советски-

ми, американскими, греческими и югославскими властями и подготовке антигосударственного заговора, и приговоренных к смертной казни[37].

Принципиальным содержанием внутренней политики албанского руководства стала борьба «за общее укрепление социалистического строя через непрерывную революционизацию жизни страны»[38]. Данным вопросам было посвящено, в частности, выступление Э. Ходжи «О дальнейшей революционизации партии и государства» в феврале 1967 г. перед членами одной из первичных организаций. Во исполнение положений указанного выступления Политбюро ЦК АПТ в апреле 1967 г. приняло постановление о том, что каждый государственный служащий, партийный или общественный функционер, работник умственного труда и офицер обязан отработать 30 дней в году на производстве (для женщин норма снижалась до 15 дней), а свое свободное время посвятить подъему сельского хозяйства[39].

Важным элементом данного курса стал содержавшийся в той же речи Э. Ходжи призыв развернуть борьбу против религии и церковных институтов с тем, чтобы превратить страну в «первое атеистическое государство мира». Позднее Албания была официально провозглашена таковым[40].

Разрыв с СССР поставил перед Албанией традиционный вопрос об источниках и модели развития, как экономического, так и социополитического. Выбор окончательно был сделан в пользу китайской модели и китайских капиталов. Ориентация на Пекин и сотрудничество с ним стали для Албании, по сути, вопросом экономического выживания. К тому же уже в середине 1950-х годов обе страны заложили базу двустороннего экономического сотрудничества. В 1955—1957 гг. совокупный албано-китайский товарооборот вырос в 6 раз, а доля китайских кредитов в кредитном балансе Албании увеличилась с 4,2% до 21,6%[41].

В начале 1961 г. две страны подписали целый ряд соглашений о сотрудничестве в экономической области, призванном компенсировать переставшую поступать помощь со стороны Советского Союза (общая сумма китайской помощи составила 112,5 млн инвалютных рублей). Формула китайского партийно-государственного руководства о необходимости «опоры на собственные силы» трансформировалась в специфических албанских условиях в лозунг «опоры, главным образом, на собственные силы», сформулированный Ходжей в ноябре 1961 г., и дополнялась представлением об Албании как «осажденной крепости». Как отмечалось в совместном китайско-албанском заявлении, принятом по итогам посещения Албании партийно-правительственной делегацией Китая во главе с председателем Госсовета и заместителем председателя Центрального комитета Коммунистической партии Китая Чжоу Эньлаем в декабре 1963 —

январе 1964 г., состоявшиеся переговоры «не только способствовали углублению братской дружбы между китайской и албанской партиями и обеими странами, но также внесли позитивный вклад в укрепление единства социалистического лагеря и международного коммунистического движения»[42]. Только за период с 1958 по 1969 г. включительно Албанию посетили 99 китайских партийных, правительственных, военных, культурных, научных, профсоюзных, спортивных, женских, молодежных, общественных и других делегаций, а 129 албанских делегаций совершили аналогичные визиты в Китай[43]. К середине 1960-х годов товарооборот между Албанией и Китаем увеличился в 10 раз по сравнению с 1960 г. К этому же времени удельный вес Китая в структуре внешней торговли Албании вырос с 7% до 55%; причем почти три четверти объема двусторонней торговли составляли поставки из Китая, осуществлявшиеся на условиях кредита.

Что же касается СССР, то он рассматривался Ходжей в качестве второй — социал-империалистической и ревизионистской — сверхдержавы наряду с США. Причем, обе они, по мысли Ходжи, представляли собой одинаковую опасность для коммунистического движения и всего человечества[44].

Однако руководство Албании не солидаризировалось полностью с позицией руководства КНР в отношении Советского Союза, зачастую оценивая ее как нерешительную и половинчатую, направленную на достижение согласия с «ревизионистами» во имя единства мирового коммунистического движения и создания общего антиимпериалистического фронта[45]. Сам Ходжа следующим образом характеризовал позицию своих китайских коллег: «Чего они ожидают? Вот обстоятельство, которое не объясняется. Вот в чем вопрос относительно будущего. Или бороться с ревизионизмом, или капитулировать! Что касается нас, то мы будем продолжать бороться и наступать»[46].

Кроме того, негативную реакцию со стороны Албании вызвала постановка китайским руководством вопроса о пересмотре советско-китайской границы. Как отмечалось в письме ЦК АПТ, направленном ЦК КПК в сентябре 1964 г., руководство албанских коммунистов считает, что если «поднимать в настоящее время территориальные вопросы в отношении Советского Союза, то это может нанести серьезный ущерб нашей борьбе. Действуя таким образом, мы предоставляем в распоряжение врага мощное оружие, которое он использует против нас, и это затормозило бы наше продвижение вперед.

...Мы полагаем, что...мы не должны начинать борьбу и полемику относительно того, присвоил или нет Советский Союз чужие территории,

а наша единственная, сконцентрированная борьба должна вестись против того великого бедствия, которое представляют собой империализм и современный ревизионизм, группы предателей Хрущева, Тито и все их сторонники»[47].

Отстранение Н. С. Хрущева от власти на октябрьском (1964 г.) пленуме ЦК КПСС не изменило отношения Э. Ходжи к советским партийным и государственным лидерам, которые он называл «новыми хрущевскими руководителями». Позиция ЦК АПТ была подробно изложена в письме ЦК КПК от 5 ноября 1964 г., в котором отвергалось предложение Китая направить в Москву на празднование 47-й годовщины Октябрьской революции албанскую делегацию и воспользоваться удобным случаем «протянуть советским руководителям руку и объединиться с ними в борьбе против общего неприятеля»[48]. В письме, в частности, говорилось: «Мы полагаем, что не можем себе позволить... в современных условиях, в то время как советское правительство разорвало по собственной инициативе дипломатические отношения с нами и предавалось гнусным антимарксистским действиям против нас, игнорировать эти факты на одном-единственном основании — удалении личности Хрущева»[49]. Кроме того, Ходжа в своем докладе на торжественном собрании 28 ноября 1964 г., посвященном 20-й годовщине освобождения Албании, отмечал, что «в первую очередь, следовало бы пересмотреть позицию, занятую [советским коммунистическим руководством] в вопросе о Сталине, полностью его реабилитировать, признать его крупнейшим марксистом-ленинцем. Чтобы оказаться способным возродить единство социалистического лагеря, советское руководство должно отказаться от своей гегемонистской политики и практики в отношениях с социалистическими странами и другими коммунистическими партиями. Советское правительство должно публично признать свои ошибки и материальный ущерб, который был причинен Албании его односторонними антимарксистскими и антиалбанскими действиями»[50].

Сверх того, между лидерами албанских и китайских коммунистов оставались существенные теоретические расхождения, касавшиеся, в частности, подхода к учению о классах и классовой борьбе[51].

В середине шестидесятых годов произошло определенное улучшение албано-югославских отношений, связанное, в первую очередь, с осуждением на Брионском пленуме ЦК СКЮ в июле 1966 г. А. Ранковича, проводившего жесткую политику в отношении Косово. Помимо этого, оба государства выступили с осуждением ввода войск государств Варшавского договора в Чехословакию в августе 1968 г. Албанское руководство в своей оценке данных событий руководствовалось следующими соображения-

ми: «Эти силы оккупировали всю чехословацкую территорию, свергли клику Дубчека, которая позорно капитулировала, не оказав ни малейшего сопротивления, и заменили ее другой изменнической кликой, полностью послушной советскому империализму. Чехословацкий народ, преданный, лишенный всякого руководства, ограничился оказанием пассивного сопротивления»[52].

В совместной декларации ЦК АПТ и Совета министров Албании, обнародованной 22 августа 1968 г., албанское руководство решительно осудило вышеуказанную акцию. Оно расценило ее как «агрессию фашистского типа», которая «является позором для ревизионистской хрущевской клики Брежнева—Косыгина. Она опорочила достоинство и престиж Советского Союза и советского народа». Ее действия — «самое серьезное предостережение для советского народа, народов социалистических стран и стран, управляющихся ревизионистскими кликами, для народов Европы и всего мира об опасности, которую представляет ревизионистская контрреволюционная клика, находящаяся в настоящее время у власти в Советском Союзе»[53]. Одновременно в документе выражались братская поддержка и солидарность с народами Чехословакии и отмечалось, что «единственное средство спасения и восстановления свободы... заключается в бескомпромиссной борьбе до победного конца против иностранных оккупантов, советских, немецких, польских, венгерских и болгарских ревизионистов, в борьбе против американского империализма и немецкого реваншизма, в борьбе против всех местных ревизионистов и реакционеров»[54].

На состоявшемся 5 сентября 1968 г. пленуме ЦК АПТ было принято решение о выходе Албании из Варшавского договора, членом которого она являлась с мая 1955 г., и отмечено, что в сложившейся международной ситуации данный шаг «полностью соответствует нашим интересам»[55]. 13 сентября 1968 г. указанное решение было оформлено специальным законом, принятым Народным собранием страны. Как отметил в выступлении перед депутатами Мехмет Шеху, «агрессия советских ревизионистов и их пособников против ЧССР и чехословацкого народа опозорила имена и честь Советского Союза, советского народа и советских солдат. В то время как при Сталине советский солдат освободил ЧССР во второй мировой войне, сегодня он, слепо выполняя приказы ревизионистской клики Брежнева—Косыгина, предстал перед чехословацким народом в качестве завоевателя, в качестве "захватчика" (в оригинале в русской транскрипции. — *П. И.*), как его по праву назвал народ»[56].

Что же касается албано-югославских отношений, то происходившие в них периодические политические пертурбации не оказывали заметного

влияния на торгово-экономические связи двух государств, в целом остававшиеся стабильными. Этому способствовали, в частности, все более тесные контакты Тираны с автономным краем Косово, на которые югославское руководство во главе с Тито глядело в целом спокойно. Что же касается отношений с Китаем, то в 1970 г. на долю этой страны приходилась примерно половина всего внешнеторгового оборота Албании, причем значительная часть импортных товаров из Китая оплачивалась китайскими же кредитами. Однако очередная «смена вех» во внешнеполитической ориентации Тираны была уже не за горами...

Во всех рассмотренных выше процессах определяющую роль играл Энвер Ходжа. Как же можно оценить его роль в истории Албании XX в., в том числе в 1950—1960-е годы? В качестве одного из основателей коммунистической партии, главнокомандующего Национально-освободительной армией и бессменного первого лица в послевоенной партийно-государственной иерархии ему, безусловно, принадлежали несомненные заслуги в освобождении страны от итало-германской оккупации, экономическом восстановлении, развитии образования, укреплении независимости и обороноспособности Албании и авторитета страны на международной арене. Однако, с другой стороны, не следует забывать о насильственных методах проводившихся социально-экономических преобразований, о массовых репрессиях осуществлявшихся в Албании как в отношении рядовых граждан, так и представителей высшего партийного и государственного руководства. Эти репрессии рассматривались Ходжей, не обременявшим себя морально-этическими соображениями и обязательствами в отношении своих бывших сподвижников и соратников по борьбе, в качестве важнейшего средства сохранения собственной руководящей роли. Э. Ходжа во многом являлся типичной фигурой восточноевропейского коммунистического руководителя, пришедшего к власти на волне патриотического подъема (и благодаря несомненным военным заслугам) и окруженного в условиях созданной им тоталитарной системы ореолом народного вождя и «отца нации». А исторические традиции Албании способствовали тому, что восточноевропейская модель строительства социализма приобрела в стране максимально жесткие и выходившие за рамки здравого смысла особенности — такие как психология «осажденной крепости», шпиономания, «охота на ведьм», пещерная ненависть к интеллигенции, зашоренность внешнеполитического курса при его периодическом резком пересмотре, национализм и ксенофобия. И главная проблема послевоенной истории Албании заключалась не в том, что ее руководство в лице Э. Ходжи и его ближайшего окружения культивировали подобные идеи, а в том, что они оказались широко востребованы народом.

Примечания

[1] Среди первых внешнеполитических шагов правительства Э. Ходжи следует особо отметить участие, хотя и всего лишь с правом совещательного голоса, возглавлявшейся им албанской делегации в мирной конференции в Париже в 1946 г. В докладе на этом форуме он изложил позицию своей страны по вопросу албано-греческого пограничного спора, а также потребовал признать за Албанией все права и завоевания, которыми пользовались государства антигитлеровской коалиции, в том числе и относительно репараций (см.: L'Histoire de l'Albanie. Roanne, 1974. P. 302).

[2] Из тринадцати переживших период оккупации участников исторической конференции в Тиране одиннадцать были физически уничтожены или политически репрессированы в ходе послевоенных внутрипартийных чисток, осуществлявшихся под руководством их тогдашнего соратника и «временного» секретаря.

[3] An Outline of the PSR of Albania. Tirana, 1978. P. 120. Вот что говорил о Ходже М. Попович — секретарь областного комитета Косово и Метохии Коммунистической партии Югославии, которому в сентябре 1939 г. Коминтерн дал указание оказать теоретическую и практическую помощь албанским коммунистам; участник ноябрьского 1941 г. организационного совещания албанских коммунистов, сыгравший важную роль в становлении КПА: «Способный руководитель, быстро растущий, самый решительный борец за чистоту партии, хороший организатор, решителен. Недостатком является то, что он не выделяется из всех своей теоретической подготовленностью. Наипопулярнейшая личность в партии» (Цит. по: Краткая история Албании. М., 1992. С. 358). Справедливости ради следует отметить, что осуществлявшаяся под руководством Ходжи борьба за единство партии не ограничивалась его выступлениями на различных партийных форумах и мероприятиях. Он поддерживал постоянные контакты с региональными органами и комитетами и при необходимости лично посещал те или иные регионы и партийные организации, как это было, в частности, во Влере непосредственно после первой национальной партийной конференции.

[4] Предложение о созыве конгресса было подготовлено ЦК КПА и после обсуждения принято на заседании Президиума Генерального национально-освободительного совета в апреле 1944 г. На самом конгрессе Э. Ходжа от имени Генерального национально-освободительного совета выступил с обширным докладом «О развитии национально-освободительной борьбы албанского народа в контексте международных событий» (см.: L'Histoire du Parti du Travail d'Albanie. Tirana, 1982. P. 163—164).

[5] Показательным является тот факт, что первой страной, которую Э. Ходжа посетил с официальным визитом в июне 1946 г., стала Югославия, а второй — СССР (июль 1947 г.), а первыми иностранными орденами албанского лидера стали орден Народного героя Югославии (наряду с югославской Партизанской звездой) и орден Суворова I степени, полученные им во время этих визитов. Югославия также первой признала Временное демократическое правительство Албании и подписала с ним 9 июля 1946 г. договор о дружбе и взаимной помо.

[6] Цит. по: *Kessle G., Myrdal J.* Die albanische Herausforderung. Frankfurt am Main, 1970. S. 229.

[7] L'Histoire du Parti du Travail d'Albanie. P. 292.

[8] Albanien. Göttingen, 1993. S. 115. Следует отметить, что деятельность советских специалистов, а также предоставлявшиеся Советским Союзом Албании материальная помощь и техническое содействие сыграли незаменимую роль в экономическом развитии страны в послевоенные годы. Так, за период с 1950 по 1955 гг. практически все промышленные отрасли развивались ускоренными темпами, демонстрируя увеличение производства в несколько раз, а общий объем произведенной промышленной продукции вырос в течение пяти лет в 2,75 раза (см.: Aufbau des Sozialismus in Albanien. Berlin, 1972. S. 324.

[9] Краткая история Албании. М., 1992. С. 410.

[10] *Martin N.* La forteresse albanaise. Paris, 1979. P. 111—112.

[11] Цит. по: L'Histoire du Parti du Travail d'Albanie. 1982. P. 306—307.

[12] *Hoxha E.* Vepra. 14. F. 196—197.

[13] Цит. по: Краткая история Албании. С. 421. А вот какая характеристика дается Туку Якове в «Истории Албанской партии труда» в разделе, озаглавленном «Борьба за защиту и дальнейшее упрочение идеологического и организационного единства Партии и за выполнение двухлетнего плана»: «Под давлением классовых врагов... дрогнули отдельные члены Центрального комитета, особенно Тук Якова, член Политбюро и секретарь Центрального комитета по организационным вопросам. В этих его колебаниях не было ничего неожиданного. Его коммунистическая деятельность всегда была отмечена присущим ему оппортунизмом, нехваткой революционной бдительности, недостатками в выполнении своих функций и нежеланием повышать уровень своей идеологической подготовки» (L'Histoire du Parti du Travail d'Albanie. P. 282—283).

[14] Цит. по: Albanien. S. 776. Спахиу получил свободу в 1991 г. и в том же году в специальном письме, адресованном X съезду АПТ, обвинил Рамиза Алию, ставшего после смерти Ходжи первым секретарем ЦК АПТ, в том, что он «хуже, чем Ходжа» (Цит. по: Albanien. S. 776).

[15] Цит. по: L'Histoire du Parti du Travail d'Albanie. P. 305.

[16] Dokumenta Kryesore të PPSH. 2. F.593. Когда в ходе работы вышеуказанной конференции прозвучали первые критические выступления, Э. Ходжа, не удовлетворенный позицией и действиями присутствовавшего на форуме представителя ЦК Бечира Баллуку, принял решение взять инициативу в свои руки и выступил перед участниками конференции, признав справедливость ряда критических замечаний. Одновременно была образована специальная комиссия, в задачу которой входило изучение «антипартийной деятельности» особо активных критиков, которые по старой доброй традиции понесли наказание не только в партийном, но и в уголовном порядке (см.: L'Histoire du Parti du Travail d'Albanie. P. 315—317). В специальном письме от 21 апреля 1956 г., подготовленном ЦК АПТ по итогам Тиранской партийной конференции и направленном во все местные пар-

тийные организации, содержалась строгая директива о том, что «ни при каких условиях мы не можем себе позволить хоть немного ослаблять нашу бдительность, мы не можем себе позволить предаваться чувству самодовольства и предоставлять свободу действий врагам» (См.: L'Histoire du Parti du Travail d'Albanie. P. 317).

[17] L'Histoire du Parti du Travail d'Albanie. P. 327.

[18] История Албанской партии труда. М., 1971. С. 285.

[19] Там же.

[20] Там же. С. 286; Zëri i popullit. 1957. 14.V.

[21] Краткая история Албании. С. 424—425.

[22] Характерно, что в самой Албании данное выступление Ходжи было впервые опубликовано лишь спустя десять лет — в 1970 г. (см.: Albanien. S. 72).

[23] L'Histoire du Parti du Travail d'Albanie. P. 354.

[24] *Hoxha E.* Vepra. 19. F. 422. Вот как сам Ходжа характеризовал ситуацию, сложившуюся на Совещании: «Хрущевцы хотели играть на Московском совещании роль "прокуроров" и усадить делегацию АПТ на скамью подсудимых»; «но вопреки их желаниям, именно мы выступили прокурорами и обвинителями ренегатов и предателей; именно они оказались на скамье подсудимых. Мы высоко держали голову, поскольку были вооружены марксизмом-ленинизмом. Хрущев же закрывал голову руками, когда наша партия обрушивала на него свои бомбы» (Цит. по: L'Histoire du Parti du Travail d'Albanie. P. 357).

[25] L'Histoire du Parti du Travail d'Albanie. P. 359.

[26] Dokumenta Kryesore të PPSH. 3. F. 547.

[27] История Албанской партии труда. С. 328.

[28] Краткая история Албании. С. 430.

[29] *Pljaku P.* Nasilje nad albanskom revolucijom. Beograd, 1984. S. 121.

[30] В том, что касается албанской стороны, следует, в частности, упомянуть письмо ЦК АПТ и Совета министров НРА от 6 июля 1961 г., адресованное ЦК КПСС, в котором говорилось о необходимости «избегать распространения идеологических расхождений, существующих между двумя нашими партиями, на область межгосударственных отношений, как это было с экономическим планом или планами политическим и военным» (Dokumenta Kryesore tl PPSH. 4. F. 60).

[31] Программа КПСС, принятая на XXII съезде КПСС, была квалифицирована руководством АПТ как антимарксистская.

[32] В своем выступлении на XXII съезде КПСС Хрущев назвал руководство АПТ «агентами империализма, продавшимися за 30 сребреников», и призвал албанский народ к его свержению (Цит. по: L'Histoire de l'Albanie. P. 322).

[33] *Floyd D.* Mao against Khrushchev. A Short History of the Sino-Soviet Conflict. New York, 1964. P. 143.

[34] Dokumenta Kryesore të PPSH. 4. F. 151.

[35] К этому времени относится появление в газете «Зери и популлит» ряда статей за подписью Э. Ходжи (позднее выпускавшихся в виде брошюр, переведенных на иностранные языки и зачитывавшихся по радио), в которых развивалась и углублялась критика советского руководства.

[36] Albanien. S. 770. Лири Белишова вышла на свободу лишь в 1991 г., т. е. спустя 31 год.

[37] L'Histoire du Parti du Travail d'Albanie. P. 349; Albanien. S. 66—67, 121.

[38] L'Histoire du Parti du Travail d'Albanie. P. 415.

[39] Albanien. S. 71.

[40] Ibid. S. 70—71.

[41] Краткая история Албании. С. 425.

[42] Gemeinsame sino-albanische Erklarung // Albanien — Vorposten Chinas. München, 1970. S. 134.

[43] *Bartke W.* Hinweise zum Verhaltnis zwischen den Volksrepubliken Albanien und China // Albanien — Vorposten Chinas... S. 267.

[44] Характерно, что сам Хрущев на Совещании 1960 г. откровенно заявил китайской делегации: «Мы потеряли Албанию, а вы ее приобрели» (Цит. по: L'Histoire du Parti du Travail d'Albanie. P. 355).

[45] В частности, как «классовая, политическая и идеологическая ошибка» была расценена Ходжей поздравительная телеграмма, направленная Мао Цзэдуном Хрущеву в апреле 1964 г. по случаю его 70-летия и составленная в восторженных выражениях (Цит. по: L'Histoire du Parti du Travail d'Albanie. P. 405).

[46] Цит. по: L'Histoire du Parti du Travail d'Albanie. P. 404.

[47] Ibid. P. 405.

[48] Ibid. P. 410.

[49] Ibid. P. 410—411.

[50] Ibid. P. 408—409.

[51] Так, во время визитов, которыми обменялись албанская и китайская делегации (последнюю возглавлял Чжоу Эньлай) в мае—июне 1966 г., особой остротой отличалось обсуждение вопроса о существовании в переходный к коммунистическому обществу период класса буржуазии, по которому китайские коммунисты высказывались в утвердительном, а Ходжа в отрицательном смысле.

[52] L'Histoire du Parti du Travail d'Albanie. P. 488.

[53] Dokumenta Kryesore të PPSH. 5. F. 412.

[54] Ibid. F. 413.

[55] Ibid. F. 419.

[56] *Shehu M.* Über die Haltung der Volksrepublik Albanien zum Warschauer Vertrag // Albanien — Vorposten Chinas... S. 153.

И. Баева
(Софийский государственный университет)

Болгария в 60-е годы XX века: ответ на вызовы меняющегося мира

Полувековая история восточного блока — это и история разного рода кризисов, отличавшихся спецификой возникновения и разнообразием последствий. Один из наиболее важных, затронувших структуру режима, — кризис, явившийся следствием либерализации, начало которой положила смерть И. В. Сталина. На протяжении нескольких лет после 5 марта 1953 г., когда официально было объявлено о кончине советского лидера, Советский Союз и большинство стран Восточной Европы испытывали эйфорию в связи с первой волной либерализации системы. Поворотным моментом в этом процессе стал неожиданный десталинизаторский жест Н. С. Хрущева, сделанный в конце работы XX съезда КПСС 25 февраля 1956 г. Верно, что критика «культа личности» Сталина была обусловлена борьбой за власть в руководстве КПСС, но независимо от тактических целей «секретный доклад» Хрущева инициировал глубокие перемены не только в Советском Союзе и Восточной Европе, но и в подходах к советской модели социализма в Европе и мире[1].

Политическая и экономическая либерализация вышла за рамки контролируемых властью реформ и вызвала первое глубокое потрясение в восточном блоке, сопровождавшееся применением военной силы: в подавлении выступлений в Восточной Германии 17 июня 1953 г. и венгерской революции в октябре—ноябре 1956 г. участвовали советские войска, дислоцированные в этих странах. Другие участники блока — Польша, Болгария, Чехословакия, Румыния, Албания справились с нежелательными общественными настроениями своими силами. Кризис показал, что время массовых репрессий сталинской эпохи ушло бесповоротно и государственный социализм советского типа нуждается в глубоких переменах.

Наиболее ускоренно осуществлялись перемены в репрессивной системе: начались постепенное закрытие лагерей и ограничение политических репрессий. Гораздо труднее протекали экономические преобразования. Еще до конца 1950-х годов экономисты получили задание определить параметры новой экономической системы. Однако реализация предусмотренных глубоких экономических реформ откладывалась до начала

1960-х годов. Это десятилетие оказалось не менее напряженным не только для Восточной, но и для Западной Европы, чем предыдущее. Анализу новой ситуации, в которой оказалась Болгария, и попыткам правительства дать адекватный ответ на вызовы времени и посвящена настоящая статья.

Оптимистическое начало 60-х годов

Болгария, как и другие страны восточного блока, вступила в седьмое десятилетие XX века с высоким уровнем социального оптимизма. Он был обусловлен, главным образом, надеждами новых политических руководителей (Н. С. Хрущева, Т. Живкова, В. Гомулки, А. Новотного) на то, что отказа от репрессивной политики сталинизма будет достаточно, чтобы социализм продемонстрировал свои преимущества перед капитализмом. Сильный импульс в этом плане исходил от советского руководителя, которого не смутило увиденное им в Соединенных Штатах во время визита в 1959 г. Хрущев был искренне убежден в неизбежном преимуществе социалистической системы[2].

Не только влиянием пропаганды, но и комплексным воздействием процесса десталинизации (прекращение массовых репрессий) и экономической либерализации можно объяснить утверждение в болгарском обществе настроений социального оптимизма. Приведем характерный для того времени пример. В конце 1961 г. в отчетном докладе одной из низовых партийных организаций говорилось: «Прежде всего, социализм серьезно потеснил капиталистический мир в решающей сфере деятельности — в сфере материального производства. Возросла относительная доля социалистической системы в мировом производстве, а темпы ее развития значительно превысили темпы развития крупнейших капиталистических стран. Все видят, что социалистические страны в состоянии развить колоссальные производительные силы и создать на земле подлинное изобилие материальных и духовных благ»[3].

Наиболее ярким показателем настроений нового советского руководства явилась провозглашенная на XXII съезде КПСС в 1961 г. рассчитанная на 20 лет программа построения основ коммунизма в СССР. Болгария как ближайший советский союзник поспешила поддержать экстравагантную идею Хрущева. На пленуме ЦК БКП 28—29 ноября 1961 г. Тодор Живков заявил: «Историческое значение XXII съезда КПСС состоит прежде всего в том, что он утвердил развернутую программу непосредственного практического построения первого в мире коммунистического общества. Тем самым он открывает перспективу построения коммунизма

и в других странах, обогащает сокровищницу марксизма-ленинизма, его теорию и практику рядом новых исключительно важных положений, знаменует новый этап развития нашего революционного учения»[4]. Как и при старом руководстве БКП продекларировала свою прямую зависимость от КПСС, записав в партийных решениях: «Пленум ЦК от имени всей Партии заявляет, что воспринимает Программу КПСС как свою собственную программу, как руководство к действию для БКП. В ней воплощены жизненные интересы и самые возвышенные идеалы и мечты болгарских коммунистов, всего болгарского народа»[5]. Помимо обязательных комплиментов, слова Живкова отразили и его искреннее желание, чтобы Болгария откликнулась на соблазнительную перспективу: «Завтра наше движение от социализма к коммунизму будет неизмеримо более ясным и легким, поскольку будет опираться на опыт КПСС и СССР в строительстве коммунизма»[6].

Переменами, происшедшими в Москве, новый болгарский лидер воспользовался и во внутриполитическом плане — для наступления на очередную группу сталинистов и их устранения из руководства БКП. Однако в центре внимания Живкова находились проблемы будущего, в первую очередь, возможность нового резкого ускорения экономического развития Болгарии[7]. Такова была основная задача, обсуждавшаяся на следующем, VIII съезде БКП, состоявшемся 5—14 ноября 1962 г.

Форум болгарских коммунистов прошел спустя год после съезда КПСС. По всей вероятности, это время ушло на подготовку болгарского варианта долгосрочной программы наподобие советской. Болгарская программа, рассчитанная на 20 лет, не столь масштабна, как советская, но достаточно амбициозна. В принятых VIII съездом БКП директивах определялась цель: к 1980 г. в Болгарии предстояло «завершить строительство социализма и начать постепенный переход нашей страны к коммунизму»[8].

Что и говорить, планы были вдохновляющими, но уже в начале следующего, 1963 г., власти оказались перед трудной задачей — как обеспечить выполнение подобной программы. Специалисты-экономисты сразу же предупредили, что Болгария не располагает необходимыми природными, материальными, людскими и финансовыми ресурсами. Способ, которым болгарское руководство пыталось справиться с этими проблемами, объясняет статус Болгарии как самого верного советского союзника, подтвержденный многократными декларациями верности Советскому Союзу со стороны нового лидера Т. Живкова.

Уже в 1963 г. обсуждению экономических проблем уделяется огромное внимание. В первую очередь оно сосредоточено на возможности обеспечить ускоренное развитие страны с помощью Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), путем сотрудничества с другими социалистическими странами, но прежде всего при непосредственной экономической помощи Советского Союза.

Болгарские реалии — преобладающий аграрный характер экономики и едва начавшаяся индустриализация — весьма скоро «спускают на землю» болгарское руководство с его мечтой о близком «переходе к коммунизму». Но в целях реализации хотя бы части амбициозных планов стране предстояло изыскивать возможности для значительного экономического ускорения. Уже 3 января 1963 г. Политбюро ЦК БКП рассмотрело эту проблему по ходу обсуждения работы и решений 17 сессии СЭВ и третьего заседания Исполкома СЭВ, состоявшихся 14—20 декабря 1962 г. в Бухаресте. Как всегда, решения Совета были одобрены, однако впервые болгарское руководство выразило свое недовольство направлениями специализации и кооперирования производства в рамках СЭВ, предложенными Болгарии. Политбюро констатировало, что «они не обеспечивают достаточных условий для ускоренного развития машиностроения в НРБ на 1961—1980 гг., предусмотренного решениями VIII съезда БКП»[9]. Через призму экономического развития страны Политбюро рассмотрело и постановление о ценах, по которым предстояло осуществлять торговые операции в рамках СЭВ. Болгарская сторона почувствовала себя ущемленной, поскольку цены должны были сообразовываться с мировыми, а это ставило болгарскую экономику в затруднительное положение: экспорт сельскохозяйственной продукции оказывался весьма неэффективным[10].

Затруднительное экономическое положение Болгарии вынудило руководство обратиться со специальным письмом в СЭВ с требованием согласиться на благоприятную для страны промышленную специализацию «как основу для определения в перспективе путей развития машиностроения». В письме выражалась надежда, что «остальные страны—члены СЭВ с пониманием отнесутся к вышеуказанным затруднениям и проблемам и будут учитывать их при дальнейшем решении вопросов специализации производства»[11].

Попытки болгарского руководства обеспечить выполнение сверхамбициозных экономических планов предпринимались и в последующие месяцы. 8 февраля 1963 г. при обсуждении проблем энергетики в докладе заместителя председателя Совета министров Станко Тодорова прозвуча-

ла тревожная информация: по объему топливно-энергетических ресурсов страны на душу населения Болгария среди стран СЭВ «находится на последнем, шестом месте», для выполнения планов, намеченных к 1980 г., не хватает 50% общего объема ресурсов. Вывод показателен: нехватка должна быть восполнена с помощью Советского Союза — страны с крупнейшими запасами энергетических ресурсов[12]. 9 апреля Политбюро приняло решение создать специальную Комиссию по ценам, чтобы добиться «рентабельности производства», «стимулирования технического прогресса» и «более правильного использования материальных ресурсов»[13]. Вновь было выражено неудовлетворение предусмотренной Советом экономической взаимопомощи специализацией Болгарии в области машиностроения, так как на ее долю приходилось лишь 2% всей машиностроительной продукции, произведенной в европейских социалистических странах[14].

В конечном счете, целенаправленные усилия болгарской стороны принесли желаемый результат. СЭВ зажег перед Болгарией «зеленый свет» для развития производства в следующих отраслях: электротехническая промышленность (электродвигатели, микроэлектродвигатели, электроинструменты, электроаппаратура и электрооборудование для транспортных средств); подъемно-транспортное оборудование, в том числе электрокары и электротелферы; счетно-вычислительные машины, радиоэлектронная промышленность и автоматические телефонные станции, диспетчерское оборудование, приемо-передающие устройства, радиодетали, полупроводниковые и электровакуумные приборы, электромедицинская аппаратура; тракторы, самоходные шасси, сельскохозяйственная техника, автомобильные узлы и детали; текстильное оборудование; кораблестроение; технологические линии и оборудование для пищевкусовой промышленности и холодильной техники; гидравлические приборы[15]. На следующей, 18 сессии СЭВ, прошедшей в Варшаве 10—13 мая 1963 г., данная специализация была подтверждена в принятом решении[16].

В последующие два десятилетия Болгария, действительно, смогла создать базу для производства продукции машиностроения, проводя, таким образом, ускоренную индустриализацию по советской модели. В вышеперечисленном списке можно отметить и те отрасли производства (в первую очередь электрокары, кораблестроение, электронно-вычислительная техника), на основе которых в 1970—1980-е годы будет заложена новая стратегия ускорения и модернизации, отвечающая современному уровню развития науки и техники.

18 июня 1963 г. Политбюро ЦК БКП в очередной раз обсудило возможности обеспечения с помощью СЭВ высоких темпов развития. Постоянный представитель Болгарии в СЭВ Станко Тодоров (в то время и на протяжении многих лет впоследствии — правая рука Т. Живкова) объяснял более развитым партнерам, «в каком отношении отстает наша экономика» и пытался убедить их в том, что «многие наши трудности мы могли бы преодолеть только в самом тесном сотрудничестве с другими странами—членами СЭВ»[17]. Однако надеждам на решение болгарских экономических проблем с помощью СЭВ не суждено было сбыться. На XVIII сессии СЭВ, где обсуждалось болгарское предложение, большинство участников выразили понимание проблемы и даже заявили, что «готовы содействовать», но отказались принять предложение болгар, перенеся его в рубрику «координации народно-хозяйственных планов»[18]. В решение сессии был включен пункт, согласно которому предусматривалось проведение «консультаций относительно уточнения вопроса о поставках машин из НРБ с рассмотрением необходимости организации оптимальных серий производства в нашей стране», а Комиссии по машиностроению предстояло «рассмотреть основные направления развития нашего машиностроения»[19].

Болгарское руководство испытало разочарование отсутствием поддержки в вопросе о развитии национального машиностроения и особенно реализации его продукции (эта проблема наиболее болезненная, поскольку связана с недостаточно высоким качеством продукции, необходимым для ее сбыта на европейском или мировом рынках). Последняя попытка привлечь внимание всего восточного блока к экономическим проблемам Болгарии была предпринята на встрече на высшем уровне в рамках СЭВ 23—25 июля 1963 г. и на заседании Политического консультативного комитета стран-участниц Варшавского договора 26 июля[20]. Но и там Болгария не сумела достичь желаемого. Начались поиски нестандартных путей для решения указанных выше проблем.

Странная идея «16-й республики»

В казавшейся почти безвыходной ситуации Т. Живков проявил присущее ему качество предлагать оригинальные идеи. На заседании ЦК БКП 31 июля 1963 г. он удивил всех неожиданным предложением: «обратиться с письмом в ЦК КПСС и Правительству СССР, в котором поставим вопрос, аргументируем необходимость создания все более тесной связи между советской и нашей экономикой — с перспективой их слияния, а в дальнейшем и политического слияния»[21].

Тодор Живков не просто подбросил экстравагантное предложение, но и попытался его мотивировать, опираясь на авторитет признанного болгарского и мирового коммунистического лидера Георгия Димитрова: «У меня вот уже на протяжении нескольких лет есть одна идея. Но должен сказать, что эта идея не принадлежит мне, это фактически идея тов. Димитрова. Будем учитывать, что собой представляет НРБ, малая страна, отсталая в экономическом отношении по сравнению с другими странами, будем учитывать связи нашей партии, их развитие в постоянной близости с Большевистской партией, рука к руке, плечом к плечу с КПСС при всех условиях, дружбу, которая существует между обеими партиями и странами — нет другой такой дружбы и сотрудничества между коммунистическими партиями, — верность болгарского народа, обеих партий и стран, будем учитывать исторически сложившуюся дружбу наших народов на основе того, что русский народ дважды освободил нас, что все наше развитие, борьба за национальное освобождение, борьба против фашизма, все прогрессивное в НРБ связано с русским, советским народом, что сложилась такая великая дружба между нашими народами»[22]. В этом первом выступлении Живкова в защиту идеи «сближения Болгарии с Советским Союзом» заложены почти все факторы, использовавшиеся и позднее, — экономические, исторические, политические.

Попытки разыскать более глубокие корни идеи превращения Болгарии в нечто подобное «16-й республике» СССР носили, скорее, пропагандистский характер, поскольку центральными были все же экономические мотивы. В чисто популистском виде они были представлены Живковым как перспектива лучшей жизни болгарского народа. Болгарским лидером были обозначены и ступени «сближения», которое следовало начать с создания «планового органа, сектора планирования экономики НРБ с перспективой кооперирования и специализации прежде всего с Советским Союзом». Позднее он говорил об особой роли СССР в развитии Болгарии в рамках общих для стран СЭВ процессов планирования, кооперирования и специализации: идея Живкова заключалась в том, чтобы 50—60% болгарской экономики связать с советской. Расчет при этом был прост: «Я считаю, что Советский Союз убедится, что и для него более выгодно включить нас в свои планы, нежели мы будем мучиться и искать более выгодный режим сотрудничества»[23].

Документы руководства БКП ясно показывают спад его интереса к делам СЭВ во второй половине 1963 г. за счет налаживания двухсторонних контактов с Советским Союзом. На заседании Политбюро 12 ноября 1963 г. развитие машиностроения уже планируется на основе долгосрочного (до

1970 г.) растущего экспорта болгарской техники в СССР[24]. Выражалась надежда на то, что благодаря советской помощи «изменится нынешний облик нашего машиностроения, и мы сможем стать равноценным партнером других социалистических стран с развитым машиностроением»[25].

«Пиком» в тактике Живкова, направленной на привлечение внимания и помощи советского руководства болгарской экономике, явился пленум ЦК БКП, состоявшийся 4 декабря 1963 г. На пленуме «Политбюро выносит на обсуждение... вопрос о дальнейшем развитии связей и более тесном всестороннем сближении, а затем, в перспективе, и об объединении НРБ с Советским Союзом»[26]. В докладе на пленуме Т. Живков обосновал «главные предложения, которые ЦК БКП следовало бы сделать КПСС»: «От активизации и расширения помощи и взаимного сотрудничества сейчас следует перейти к более тесной связи нашей экономики с экономикой Советского Союза, к более тесному сближению и в будущем к слиянию НРБ с СССР». Одновременно Живков предупреждает: «Полное слияние и объединение Болгарии с Советским Союзом не является нашей непосредственной задачей. В проводимом нами курсе на самое тесное сближение объединение с Советским Союзом является нашей конечной целью»[27]. Слова Живкова обращены только к членам ЦК БКП, так как вся работа пленума прошла в обстановке секретности и осталась почти неизвестной до падения режима. Несмотря на это, болгарский руководитель ясно обозначил параметры процесса: сближение — да, слияние — не в настоящий момент, а как конечная цель.

Нет сомнения, что подобное желание — «слияние НРБ с СССР» — явление из ряда вон выходящее. Никакая другая страна восточного блока не позволила себе обсуждать подобную тему. В силу этого, когда в начале 1990-х годов материалы пленума 4 декабря 1963 г. были опубликованы, в стране разразился политический скандал. Они были использованы в политической борьбе как доказательство национального предательства БКП (соответственно, и ее наследницы — БСП). Стенограмма пленума была тайно вынесена из архива и опубликована в 1994 г. под заголовком «1963 год — отказ от Болгарии. Стенограмма пленума ЦК БКП 4 декабря 1963 г. о присоединении Болгарии к Советскому Союзу». Но, на наш взгляд, интерпретация указанной инициативы Живкова как его желание уничтожить суверенное государство Болгарию в высшей степени несерьезна, поскольку, если бы он в самом деле хотел достичь такого результата, едва ли кто-либо смог ему помешать. Для серьезного исторического объяснения столь необыкновенной инициативы следует искать подлинные мотивы.

Обратимся, прежде всего, к мотивации Т. Живкова. В докладе он указал на свою озабоченность тем, «сможем ли мы обеспечить условия для выполнения директив по развитию страны в два последующих десятилетия и ее превращению в высокоразвитую промышленную и сельскохозяйственную страну, чтобы вступить в эру коммунистического строительства»[28]. Директивы VIII съезда определили следующие экономические задачи: до 1980 г. предстояло в 6,5—7 раз увеличить выпуск промышленной продукции, по сравнению с 1960 г.; в 2,5 раза — продукции сельского хозяйства, в 25 раз — химической, в 16—17 раз — машиностроения и, наконец, в 4,5—5 раз увеличить национальный доход. Живков не скрывал: «Показатели ясны, но за цифрами скрывается гора проблем, и если мы их не решим, ничего не получится»[29]. Встает вопрос: «Как же решить все эти проблемы, как создать условия для осуществления директив развития нашей страны в следующие десятилетия?» Ответ Живкова сводился к тому, что достичь этого можно лишь путем кооперирования и сближения национальных экономик социалистических стран[30]. Именно в этой аргументации и кроется настоящая причина обсуждения вопроса о «сближении».

В докладе экономические возможности Болгарии охарактеризованы как недостаточные для превращения ее в высокоразвитую промышленную страну. Однако существовали и дополнительные препятствия: разногласия между соцстранами, трудности в кооперировании производства. Вывод выглядел логичным: «Только с помощью Советского Союза можно за столь краткий исторический срок достичь полной и окончательной победы социализма в Болгарии»[31]. Но этот вывод обращен также и в будущее: «Лишь при самой тесной связи нашей экономики с экономикой Советского Союза, при самом широком кооперировании и специализации советской и нашей промышленности... можно обеспечить крупное серийное производство нашего машиностроения, создать гарантированный рынок для его продукции, поднять его на современный технический уровень, превратить в высокорентабельную отрасль народного хозяйства... Такие же условия необходимы и для нашего сельского хозяйства»[32]. Вся приведенная нами мотивация показывает, что проблема «сближения» с СССР интерпретируется с чисто экономических позиций. Предусматривались и дальнейшие шаги к сближению нашей системы ценообразования с существующей в Советском Союзе, укреплению нашего валютного курса», причем «одновременно с работой по приведению в соответствие внутренней системы цен (это касается средств производства и оптовых цен) следовало бы постепенно предпринимать шаги и к сближению в соотношении розничных цен»[33].

Как бы ни были оригинальны представления Т. Живкова о национальном суверенитете[34], он ни на один момент не позволял себе говорить о непосредственном присоединении Болгарии к Советскому Союзу. Этот процесс виделся ему в более далекой исторической перспективе, сообразованной с общей идеей социалистической интеграции: «Мы не считаем, что объединение и слияние НРБ в одно целое с Советским Союзом является нашей непосредственной практической задачей. Чтобы осуществить такое слияние, следует создать необходимые экономические, политические и идеологические предпосылки, развивать и укреплять и дальше братскую дружбу и единство болгарского и советского народов. Когда условия для слияния будут всесторонне подготовлены, жизнь подскажет и форму объединения... федерация, конфедерация или что-то другое, нет оснований предрешать этот вопрос»[35].

Экономическая мотивация доминировала и в большинстве выступлений на пленуме. Евгений Матеев, например, попытался вписать эту идею в более широкий восточноевропейский контекст: «Два месяца назад на одном из заседаний в редакции журнала "Проблемы мира и социализма»" в Праге этот вопрос рассматривался в теоретическом плане. В докладе главного редактора была обозначена перспектива превращения национальной собственности в интернациональную. Вопрос был поставлен как перспектива. С ней согласились все социалистические страны за исключением Румынии»[36]. Идею «сближения» как общую для всех соцстран проблему защищал и Димо Дичев[37]. Министр иностранных дел Иван Башев путь к осуществлению этой идеи видел не в «перескакивании этапа, а в создании реальных условий, при выполнении которых будет достигнута и конечная цель»[38]. Еще более прагматичным был подход Георгия Павлова: «Объем торговли с вами (СССР) — 70%. Средств покупать товары у капиталистов у нас нет. Есть два выхода — или выделять больше средств и покупать больше товаров у капиталистов, или вы возьмете нас на свой баланс»[39].

Заключительное слово Т. Живкова содержало еще одно многозначительное уточнение: «Политбюро считает, что после этого пленума не следует вести никакие разговоры на эту тему с кем бы то ни было и где бы то ни было... Объявить о слиянии можно будет после соответствующей экономической, политической и идеологической подготовки. Ничто не заставляет нас форсировать слияние — это будет большой ошибкой»[40]. Откладывание решения о «сближении» на далекое будущее говорит о скрытых целях Живкова — использовать данную идею только как тактическое средство в переговорах с советскими руководителями, а не при-

ступать к практическим шагам в этом направлении. Пленум утвердил и текст письма ЦК БКП в ЦК КПСС[41], но все документы пленума были глубоко засекречены.

Подлинную оценку решений декабрьского пленума ЦК БКП можно дать только с учетом временнуй дистанции и последующих действий болгарского руководства. Отношения между Болгарией и Советским Союзом продолжали быть образцом дружественных отношений в рамках единого экономического и политического союза, но в течение последующих месяцев и лет ничто не свидетельствовало о какой-либо резкой перемене. 16—21 февраля 1964 г. во время визита в Москву болгарской партийно-правительственной делегации была создана «межправительственная болгаро-советская комиссия по экономическому и научно-техническому сотрудничеству», которую можно было бы считать шагом в направлении реализации решений пленума, если бы ее создание не сопровождалось оговоркой, что «в соответствии с принципами СЭВ [комиссия] будет способствовать дальнейшему укреплению экономических связей между СССР и Болгарией, как и между всеми странами социалистического содружества»[42]. Если говорить о практическом итоге пленума, то таковым стало предоставление Болгарии советской стороной долгосрочного займа размером в 300 млн рублей[43].

Сильные просоветские ноты звучали и в речи Т. Живкова на митинге в Софии 26 февраля 1964 г.: «Неужели не ясно каждому разумному человеку, что мы не можем дальше развивать современное машиностроение, если ограничимся масштабами только нашей страны... Интересы нашей страны и мировой социалистической системы требуют, чтобы параллельно с нашим участием в международном социалистическом разделении труда на многосторонней основе экономика Болгарии все больше сближалась с экономикой Советского Союза. Это даст возможность поднять экономическое сотрудничество между нашими странами на более высокий уровень»[44]. Однако после этой вспышки просоветских чувств, которые для болгарских коммунистических деятелей являлись не исключением, а, скорее, правилом, наступило затишье. В последующие годы не было предпринято никаких новых шагов ни в экономическом, ни в политическом русле «сближения».

Первая попытка всесторонней экономической реформы

В середине 1960-х годов завершилось первое десятилетие пребывания Т. Живкова на посту руководителя БКП, а, следовательно, и всей страны. Вероятно, благодаря накопленному опыту, он понемногу отказывался от

«чудодейственных» замыслов, подобно вышеуказанному предложению о «слиянии» в далеком будущем с Советским Союзом взамен решения им экономических проблем Болгарии. Болгарское руководство постепенно пришло к пониманию, что следует рассчитывать на собственные силы.

Еще в ходе обсуждения амбициозной 20-летней программы болгарские экономисты выступили с конкретными предложениями о путях достижения большей эффективности национальной экономики. Поиски в этом направлении были характерны и для других стран Восточной Европы, что было связано с проявлением отрицательных сторон строгой централизованной системы планирования, присущей сталинизму. Все страны восточного блока подготовили экономические реформы, направленные, в большей или меньшей степени, на более активное использование принципов рыночной экономики. В этом русле действовали и болгарские экономисты, чей вариант реформ получил наименование «новая система планирования и руководства народным хозяйством».

После длительных дискуссий и практической проверки новых методов руководства в некоторых динамично развивавшихся отраслях осенью 1965 г. (точнее, с 29 октября по 9 ноября) ЦК БКП провел всестороннее обсуждение итогового документа «Основные положения новой системы планирования и руководства народным хозяйством»[45].

Основные экономические недостатки, которые следовало преодолеть, были перечислены в указанном документе следующим образом: «Чрезмерный централизм при планировании и преимущественно административный подход к решению хозяйственных вопросов, принижение роли хозрасчета, доходов, кредитования и других экономических рычагов»[46]. Несмотря на использование в документе этого не совсем точного термина «экономические рычаги», ясно, что речь шла о применении рыночных стимулов, с помощью которых можно было достичь «более ускоренного роста национального дохода страны и на основе этого — бо́льших возможностей увеличить накопление и повысить жизненный уровень трудящихся»[47]. Указанные механизмы базировались на так называемом хозрасчете, который вынуждал предприятия стремиться не просто к выполнению спущенного им «сверху» плана, а и к получению прибыли, а также и на воздействии финансово-кредитной системы на производство[48]. Несмотря на сохранение государственной монополии внешней торговли, в документе было зафиксировано право «отдельных производственных объединений и предприятий устанавливать прямые экономические связи с иностранными фирмами и осуществлять самостоятельную внешнеторговую деятельность под руководством и контролем Министерства внешней торговли»[49].

И обсуждение основных положений документа, и опыт экспериментального введения новой системы вызвали большой интерес у хозяйственных деятелей. Реакция их была почти полностью позитивной, так как все изменения рождали большие надежды на перспективу. Вместе с тем в Болгарии и за рубежом можно было слышать, что основные направления новой системы означают реставрацию капитализма. Т. Живков попытался опровергнуть подобные оценки, выступая на обсуждении, прошедшем 26—28 апреля 1966 г.: «Результаты применения этой системы на практике, итоги проведенного эксперимента на протяжении двух лет являются лучшим очевидным доказательством и опровержением этих оценок, исходящих от реакционных кругов Запада и догматически мыслящих лиц. Оставив в стороне несовершенство системы, как и то, что она имеет немало существенных изъянов, следует отметить, что в целом результаты [эксперимента] прекрасные... достигнуты более высокие темпы экономического развития, обеспечены более интенсивные факторы и условия развития экономики»[50]. «Главное, — продолжал Живков, — добиться рентабельности тех предприятий и отраслей, которые работают на основе новой системы. Главное в ней — повышение производительности, снижение себестоимости в результате экономии сырья и материалов, овеществленного и живого труда»[51]. Эти высказывания ясно свидетельствуют, что для болгарского политического руководства, как, впрочем, и для руководителей других социалистических стран[52], гораздо важнее экономические результаты, нежели идеологическая точность формулировок.

Во второй половине 1960-х годов оптимистические настроения в болгарском обществе, подпитывавшиеся быстрыми темпами развития в начальной фазе индустриализации и представлениями, что достаточно выработать перспективную программу и дело пойдет на лад, еще чувствуются, хотя наступило определенное отрезвление. Несмотря на декларации о преимуществах социалистической экономической системы, эксперимент ясно показал, что источник ускорения следует искать в заимствованных у капитализма рыночных принципах. Введение новой системы планирования и руководства народных хозяйством помогал сохранять надежду, что социализм может быть «успешнее» капитализма, так как дает возможность сочетать принципы социальной справедливости и экономической эффективности. С такими в целом оптимистическими настроениями болгарское общество встретило разразившийся в 1968 г. новый кризис в восточном блоке.

Болгария и «Пражская весна» 1968 года — границы реформирования «по-болгарски»

Новый большой кризис в восточном блоке наступил во второй половине 1960-х годов. В то время восточноевропейские страны одна за другой начали испытывать ограничения, вызванные экстенсивным экономическим развитием, характерным для советской модели государственного социализма, и изыскивать возможности нового развития, сообразованного с ускоренным научно-техническим прогрессом (по терминологии тех лет — научно-технической революцией). Символом этих поисков стали масштабные экономические реформы почти во всех социалистических странах (кроме Албании), интеллектуальное «оживление» (Польша) и последовавшие за ними политические перемены, наиболее ярко проявившиеся в «Пражской весне» 1968 г.

До начала 1968 г. Болгария соревновалась с другими странами восточного блока, скорее, в том, кто из них раньше и успешнее приступил к реализации экономической реформы. Но неожиданно два события — резкие политические перемены в Чехословакии (отстранение Антонина Новотного и занятие всех основных партийных и государственных постов коммунистами-реформаторами Александром Дубчеком, Людвиком Свободой, Олдржихом Черником, Йозефом Смрковским), начавшиеся в январе 1968 г., и студенческий бунт в Польше в марте 1968 г. изменили атмосферу во всей Восточной Европе.

Болгарское руководство благосклонно отнеслось к реформам в Чехословакии. Это проявилось во время визита Т. Живкова в Чехословакию в апреле 1968 г., когда был подписан новый Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между обеими странами[53]. В конце беседы с руководителем КПЧ А. Дубчеком Живков заявил: «Насколько я знаю, наши системы в принципе схожи»[54]. Сходство проявилось при обсуждении экономических проблем обеих стран и их попыток «вписаться» в мировой рынок, а различия — в намерении Живкова научить Дубчека, как можно погасить общественное недовольство (болгарский опыт основывался на практике «закручивания гаек» после кратковременной либерализации, вызванной апрельским пленумом ЦК БКП 1956 г.).

Во время многочисленных встреч с руководителями восточноевропейских стран, на которых обсуждалась «чехословацкая проблема», болгарские представители, скорее, выражали позиции критиков «Пражской весны», нежели пытались, как умеренные коммунистические лидеры (главным образом, Янош Кадар) понять логику действий чехословацких

реформаторов. Мотивы такой позиции болгар были главным образом внешнеполитическими: Болгария под руководством Т. Живкова уже заняла место ближайшего союзника СССР и не имела ничего против того, чтобы стать «рупором» советского лидера, причем любого, кто займет этот пост[55]. С точки зрения обстановки в Болгарии гораздо более важными были экономические последствия подобной антиреформаторской позиции.

Болгарские дипломаты в Праге уже сформировали негативное отношение к политическим реформам, проводимым в Чехословакии. Наиболее пугающими были доклады посла в Праге Стайко Неделчева, генерального консула в Братиславе Стефана Величкова и советника посольства Митю Плахарова[56]. Однако, когда речь заходила об экономических реформах, болгарские оценки учитывали необходимость ориентации закрытой социалистической системы на мировой рынок и элементы рыночных отношений, а именно это характеризовало чехословацкую экономику. Но вопреки экономическому интересу Т. Живков ни на минуту не колебался, когда требовалось выбирать между политической верностью советскому курсу и необходимостью продолжить экономические реформы в Болгарии — он предпочитал политическое решение. По всей вероятности, по той причине, что хорошо понимал логику взаимоотношений в восточном блоке, которая после 21 августа 1968 г. стала известной в мире как «доктрина Брежнева» (ограниченный суверенитет европейских союзников СССР). Эту же позицию Живков занял и во время конфликта между советскими и китайскими коммунистами, и на Международном совещании коммунистических и рабочих партий в Москве 5—17 июня 1969 г[57].

В конце 1960-х годов в Болгарии продолжалось обсуждение и принятие все новых и новых реформ. Осенью 1969 г. был одобрен документ «О последовательном решении проблем концентрации производства, научно-технического прогресса и новой системы руководства»[58]. Однако в нем основной акцент был сделан уже не на децентрализации, а на концентрации и государственном стимулировании научно-технического прогресса. Этот документ оказался далеко не последним, отразившим намерение ускорить экономическое развитие Болгарии. Но он показал, что после подавления попыток Чехословакии выйти за рамки централизованной советской модели социализма болгарское руководство отчетливо осознало, где границы допустимых реформ. И вплоть до середины 1980-х годов оно не переходило эти границы, пока уже из Советского Союза не поступил новый импульс к либерализации, закончившейся крахом всей системы на рубеже 80—90-х годов XX в.

Примечания

[1] Общим процессам перемен в Восточной Европе в первые годы после смерти Сталина была посвящена первая книга автора. (См.: *Баева И.* Източна Европа след Сталин. 1953—1956. Полша, Унгария, Чехословакия и България. София, 1995). В еще более широком контексте данные процессы были рассмотрены автором в статье, написанной в связи с 50-летием XX съезда КПСС (См.: *Баева И.* 1956-та — начало на дългия залез на съветския комунизъм // Култура. 2006. 24.II. Бр. 7. 10—11.

[2] Наивная вера Хрущева в преимущества социализма ясно прослеживается по хронике его визита в США (см.: Лицом к лицу с Америкой. Рассказ о поездке Н. С. Хрущева в США. 15—17 сентября 1959 г. М., 1959).

[3] Централен държавен архив (далее — ЦДА). Ф. 1Б. Оп. 33. А. е. 714. Л. 7. Цитируется доклад в конце 1961 г. на собрании партийной организации болгар, работавших в Кладно Дуби (Чехословакия).

[4] Там же. Оп. 5. А. е. 479. Л. 5.

[5] Там же. Л. 319.

[6] Там же. Л. 6.

[7] Первая инициированная Живковым попытка «большого скачка» была предпринята в 1958 г., когда 11 ноября ЦК БКП принял решение о резком увеличении темпов развития и провозгласил, что пятилетка будет выполнена в 3 года (См.: Там же. А. е. 357). Анализ событий свидетельствует, что на эту попытку повлиял скорее китайский пример, нежели советский.

[8] *Живков Т.* Отчет на ЦК на БКП пред Осмия конгрес на БКП. София, 1962. С. 125.

[9] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 6. А. е. 5015. Л. 6.

[10] Именно поэтому в решениях ЦК было сформулировано следующее требование к болгарским государственным органам: «Принять необходимые меры, обеспечивающие наиболее активное участие нашей страны в работе соответствующих органов СЭВ по изменению контрактных цен во внешней торговле между социалистическими странами, согласно последним решениям Исполкома. При указанных изменениях стремиться установить сбалансированное сальдо для нашей страны, в том числе и путем установления льготных цен на некоторые наши товары. До середины года внести предложения в Совет министров относительно необходимых изменений в производстве и экспорте товаров с тем, чтобы обеспечить бульшую эффективность внешнеторговых операций. Считать необходимым, чтобы соответствующие министерства, комитеты и ведомства наметили дополнительные меры по повышению производительности труда и снижению себестоимости товаров, предназначенных для экспорта, при одновременном сведении до минимума неблагоприятного отражения изменений контрактных цен на платежном балансе и бюджете страны» (Там же. Л. 8).

[11] Там же. Л. 21—22.

[12] Там же. А. е. 5054. Л. 9—10.

[13] Там же. А. е. 5102. Л. 8.

[14] Там же. Л. 85.

[15] Требование предоставить Болгарии право специализироваться в перечисленных отраслях производства было сформулировано в специальном документе болгарского правительства «О развитии машиностроения НРБ», переданном всем странам-членам СЭВ (Там же. Л. 97—99).

[16] Там же. А. е. 5165. Л. 41—42.

[17] Там же. Л. 18—19.

[18] Там же. Л. 24.

[19] Там же. Л. 25.

[20] Външна политика на Народна Република България. Т. II. София, 1971. С. 21—28.

[21] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А. е. 583. Л. 36.

[22] Там же. Л. 35—36.

[23] Там же. Л. 37.

[24] Там же. Оп. 6. А. е. 5315. Л. 200—207.

[25] Там же. Л. 206.

[26] Там же. Оп. 5. А. е. 600. Л. 2.

[27] Там же. Л. 2—3.

[28] Там же. Л. 9.

[29] Там же.

[30] Там же. Л. 10.

[31] Там же. Л. 10—19.

[32] Там же. Л. 23.

[33] Там же. Л. 42,45.

[34] Тодор Живков в 1963 г. следующим образом интерпретировал понятие национального суверенитета: «Суверенитет народ понимает, как возможность иметь пропитание, жить. Счастье и благоденствие народа — вот что такое суверенитет. Мы работаем для народа, а не для формы» (Там же. А. е. 583. Л. 36).

[35] Там же. Л. 32.

[36] Там же. Л. 68—69.

[37] Д. Дичев говорил: «Действительно, задача заключается не в непосредственном присоединении НР Болгарии к Советскому Союзу. Это дело более близкого или более далекого будущего... Мы должны заручиться согласием Чехословацкой, Польской, Венгерской коммунистических партий» (См.: Там же. Л. 72).

[38] Там же. Л. 124.

[39] Там же. Л. 85.

[40] Там же. Л. 127—128.

[41] Письмо адресовано Н. С. Хрущеву и подписано лично Т. Живковым. В отличие от доклада, в письме экономические мотивы остались на втором плане. На первый план была вынесена идеологическая установка о неизбежном сближении социалистических стран (Там же. Л. 136—142).

[42] Външна политика на Народна Република България... С. 49.

[43] Там же.

[44] Там же. Л. 63—64.

[45] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 34. А. е. 16. Л. 258—321.

[46] Там же. Л. 260.

[47] Там же. Л. 262.

[48] Там же. Л. 275—277, 281—282.

[49] Там же. Л. 294.

[50] Там же. А. е. 30. Л. 24—25.

[51] Там же. Л. 25.

[52] Об опасностях, которые уже демонстрирует экономическая реформа в Чехословакии, предупреждал на том же заседании посол Болгарии в Праге Стайко Неделчев (См.: Там же. Л. 60—67).

[53] Архив на Министерство на външните работи (далее — АМВнР). Оп. 24. А. е. 2971. Л. 145—149.

[54] Там же. Л. 188.

[55] Отношение Болгарии к «Пражской весне» 1968 г. хорошо прослежено в современной историографии. См., например: *Баева И.* България и Пражката пролет 1968 г. // Политически изследвания. 1993. Кн. 1. С. 78—79; *Мигев В.* Пражката пролет'68 и България. София, 2005.

[56] Указанные документы сохраняются: АМВнР. Оп. 24.

[57] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 58. А. е. 21.

[58] Там же. А. е. 27, А. е. 28. Л. 154—203.

И. С. Яжборовская
(Институт социологии РАН)

Центрально- и Юго-Восточная Европа в лабиринтах развития второй половины XX века

В первые послевоенные годы страны Центральной и Юго-Восточной Европы закладывали основы нового общественного устройства. На этапе народно-демократических революций творческая идейно-теоретическая работа разворачивалась на фоне общественного подъема, роста свободомыслия, идейного и политического плюрализма. Открывалась перспектива прогрессивного общественного развития в мирных формах, продвижения по этому пути соответствующими каждой стране темпами и методами.

Занявшие ключевые политические позиции коммунистические и рабочие партии в своем идейно-теоретическом багаже имели основополагающие установки Коминтерна — утверждения политической власти рабочего класса и ликвидации частной собственности как обязательных и непременных, первоочередных условий продвижения к социализму. В силу жесткой коминтерновской выучки часть их лидеров (М. Ракоши, Б. Берут и др.) тяготела к скорейшей реализации догматических канонов, другая, обладавшая более творческой, глубокой теоретической и практической подготовкой (Г. Димитров, Д. Лукач, В. Гомулка и др.), исходила из своеобразия открывавшихся возможностей и не торопилась слепо воспроизводить клише сталинизма, форсированно внедрять советские идейно-политические стереотипы и методы сталинщины. Сталин опирался на коминтерновские кадры и весьма недоверчиво относился к деятелям, сформировавшимся в самих странах и особенно в интеллигентской среде.

В 1946—1947 гг. Димитров, Гомулка и ряд других коммунистических руководителей, приняв после решения первоочередных задач революционных преобразований концепцию перехода к социализму, хотели реализовать ее не по советскому образцу, а сообразно условиям и возможностям своих стран, без революционного насилия и гражданской войны, сохраняя многопартийную систему. Значительная часть сил левого политического спектра ориентировалась на мирный, эволюционный путь развития. Коммунисты могли рассчитывать на их поддержку. Национальные фронты различных масштабов заложили основы для достижения политического согласия.

Социал-демократические (социалистические) партии региона придерживались принципов социалистической альтернативы и «национального пути к социализму».

В Чехословакии в концепцию парламентской демократии, многоукладной экономики, сохранения и защиты частной собственности при усилении руководящей роли государства был заложен широкий спектр социалистических идей — как марксистских, так и масариковских, неклассовых идей «эволюционного прогрессивного социализма», реформаторского, ненасильственного «демократизирующегося социализма», без диктатуры пролетариата. Их выразителем выступал президент Э. Бенеш, в прошлом идеолог национально-социалистической партии.

Польская социалистическая партия (ППС) располагала творческими наработками теоретиков (О. Ланге, Ч. Бобровского, Ю. Хохфельда, Я. Стшелецкого и др.), ориентировавшихся на постепенное движение к социалистическому демократизму при соединении революционных и эволюционных методов, волеизъявления масс и самоуправления.

Венгерская социал-демократическая партия (ВСДП) брала курс на эволюционный переход к «демократическому социализму». Эти идеи были близки и Болгарской рабочей социал-демократической партии (БРСДП), и Социал-демократической партии Румынии (СДПР), а также Социал-демократической партии Чехословакии (ЧСДП) и др. Среди них была популярна идея обобществления производства, кооперации и т. д.

Однако во второй половине 1940-х годов в Центральной и Юго-Восточной Европе внешнеполитические условия для эволюционного продвижения по этому пути не были благоприятными. Если после освобождения региона от гитлеровской оккупации Сталин некоторое время не отвергал весьма популярную концепцию народной демократии, то уже в 1947—1949 гг. он при помощи Информационного бюро коммунистических и рабочих партий (Коминформа) резко повернул этот регион к догмам и стратегии сталинизма и стал жестко внедрять единомыслие при помощи претендовавшей на «теорию» установки об «обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму» и постоянного, беспощадного идеологического прессинга на коммунистические и рабочие партии. Механизмы существенной корректировки их внешней и внутренней политики, согласно сталинским концепциям и методам сталинщины, действовали в опоре не только на традиционное утверждение общезначимости советского опыта, но и на «антититовские» стереотипы, на директивное проведение странами «социалистического лагеря» единой политики в условиях «холодной войны»[1].

Идеологический диктат сопровождался воспроизводством системы в расчете на единовластное лидерство вождя и распространением на «социалистический лагерь» сталинистской тоталитарной модели политической культуры, перетряской кадров и ужесточением режимов, последовательной расправой, согласно логике сталинских решений и поступков, с несогласными вплоть до административно-репрессивных мер.

Этому попытался противостоять крупнейший лидер международного коммунистического движения Г. Димитров, накопивший к тому времени богатый опыт в ходе реализации в Болгарии политики народного и национального фронта. Сталин вынужден был считаться с авторитетом болгарского лидера. После освобождения страны в сентябре 1944 г., когда основная часть болгарской коммунистической эмиграции вернулись в Болгарию, он всячески задерживал Димитрова в Москве. Как свидетельствовал М. Джилас, «уже тогда возникали подозрения: Сталин будет препятствовать возвращению [в страну] Димитрова, пока сам не наведет порядка в Болгарии»[2].

После возвращения в декабре 1945 г. в Софию и тщательного анализа ситуации Димитров признал возможным в условиях страны реализовать концепцию народной демократии как нового пути к социализму — при опоре на СССР и без установления диктатуры пролетариата. Однако Сталин не поддержал намерение болгарских коммунистов утвердить эту концепцию на V съезде БКП в декабре 1948 г., предложил трактовку народной демократии как «нечто вроде новой формы диктатуры пролетариата», которую следовало привести к общему знаменателю с советской формой диктатуры[3].

После смерти Г. Димитрова летом 1949 г. позиции сталинистов в руководстве БКП укрепились, что определило еще более благоприятную перспективу внедрения советской общественно-политической модели. Февраль 1948 г. «снял» с повестки дня проблему «национального пути к социализму» и в Чехословакии. В Румынии Г. Георгиу-Деж поддержал концепцию народной демократии как формы диктатуры пролетариата. Сталин добился того, что обвиненный в «правонационалистическом уклоне» В. Гомулка был отстранен от руководства, а убежденный сталинист Б. Берут на Объединительном съезде Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) провел определение политического режима народной демократии как формы диктатуры пролетариата.

Новое идейно-политическое решение было подкреплено крайне жесткими, проведенными согласно практике сталинщины административно-репрессивными мерами: опорочены и казнены сторонники «на-

ционального пути к социализму» в руководстве ряда коммунистических партий — К. Дзодзе в Албании, Тр. Костов в Болгарии, Л. Райк в Венгрии, Л. Пэтрэшкану в Румынии...

Политическая система во всех странах региона подверглась резкой ломке, и в том числе силовыми методами, с отстранением от политической деятельности немалой части левых сил. На унифицированной основе было проведено объединение коммунистических и социалистических (социал-демократических) партий[4]. Жесткой критике были подвергнуты не разделявшие сталинские догмы левые теоретики, в том числе один из наиболее значительных представителей марксистской традиции XX в. венгерский философ, эстетик и литератор Д. Лукач, не одобрявший сталинских идейных деформаций и политической практики. Был арестован и заключен в тюрьму известный своей самостоятельностью и несговорчивостью, отстаивающий свою независимость и «польский путь к социализму» В. Гомулка.

Важно указать на принципиальные расхождения некой части новой властной элиты региона Центральной и Юго-Восточной Европы со Сталиным в области партийного строительства. Именно они наглядно вскрывают суть борьбы вокруг структуры власти, облика и судеб целого эшелона партийно-государственных кадров. Обратимся к польскому примеру.

В. Гомулка, формировавшийся как партийный деятель преимущественно в своей стране и относительно слабо связанный с Коминтерном, изначально ориентировал послевоенные партийно-государственные кадры на демократизацию внутриполитических отношений, на расширение и обновление актива на базе выборности партийных органов, на установление и оптимизацию обратной связи с массами, на возможно более полное артикулирование их интересов. Эта линия сулила определенные возможности демократического развития политической системы.

Однако на деле на всех уровнях формировавшейся системы быстро и прочно укоренялась иная модель, которая конструировалась людьми, прошедшими коминтерновскую выучку, овладевшими сталинскими принципами партийного строительства, методами оргработы периода «большевизации» партий. Утверждались однопартийная система и номенклатурные принципы управления.

В. Гомулка и группа его сподвижников пытались применять демократические принципы строительства партийно-государственной жизни, противодействовать левацким тенденциям в партии и государстве. Однако они все более проигрывали в противоборстве двух концепций и стилей

управления всеми областями общественной жизни. Демократическая модификация формируемой структуры управления страной была весьма затруднена ввиду отсутствия соответствующих механизмов и энергичного внедрения носителей коминтерновских организационных схем и идеологического «единомыслия». Введение принципов жесткого централизма и иерархии опережало попытки распространять демократические формы работы, навязывало номенклатурно-келейную, кланово-бюрократическую модель политических отношений[5].

По мере укоренения в странах региона автократической модели возможности демократических структур и лидеров все более сужались, приток необходимых для обновления политической системы новых кадров все более ограничивался, поддержка снизу не расширялась, а уменьшалась. Набирал обороты процесс догматического окостенения организационно-политических устоев.

Вскоре в государствах социалистической системы была выстроена единая пирамида культов личности во главе с культом личности Сталина. Характеризуя это явление, Гомулка констатировал на VIII пленуме ЦК ПОРП в октябре 1956 г.: «Сущность этой системы заключалась в том, что была создана иерархическая лестница культов. Каждый такой культ охватывал известную территорию, на которой он действовал. В блоке социалистических государств на вершине этой иерархической лестницы стоял Сталин...» И так в каждой стране сверху донизу действовала «лестница культов», которая формировала способ мышления партийных деятелей и членов партии, уверовавших в то, что «единственным безошибочным интерпретатором марксистской науки и человеком, который правильно ее развивает и обогащает, указывает единственно правильный путь к социализму», является Сталин, «следовательно, все то, что не соответствует его мыслям и указаниям, является вредным, должно повлечь за собой отступление от марксизма-ленинизма, является ересью», грозит «неприятными последствиями»[6]. Практических доказательств этого было предостаточно. Например, Я. Кадар и его группа в Венгрии не подчинялись безоговорочно официальному курсу. Кадар по наущению М. Ракоши был в 1951 г. приговорен к пожизненному заключению как «агент хортистской полиции» и «югославский шпион».

В тот же период в Чехословакии ускоренная модернизация экономики (реиндустриализация) по советскому образцу, волюнтаристская ломка традиционной структуры достаточно высоко развитой промышленности с переориентацией ее на тяжелую промышленность, особенно на ВПК, и задачи развития других государств «социалистического лагеря», а так-

же на коллективизацию сельского хозяйства стимулировали снижение жизненного уровня значительных масс населения и быстрый рост напряженности. Этому способствовала энергичная ротация управленцев в промышленности с заменой их «рабочими выдвиженцами», быстро усваивавшими методы административного командования, а с ними — принципы регрессивного развития.

Систематически давал о себе знать вызванный перенапряжением экономики и трудностями в снабжении населения рост общественного недовольства. В конце 1951 г. произошли первые открытые выступления рабочих против социальной политики режима, пресеченные репрессиями в отношении организаторов демонстраций и «вредительских элементов» и сопровождавшиеся периодическими кампаниями по ликвидации мелкотоварного производства в городах и в поддержку форсированной коллективизации сельского хозяйства (с практическим несоблюдением заявленного принципа добровольности). Систематически давал о себе знать вызванный перенапряжением экономики и трудностями в снабжении населения рост общественного недовольства. Продолжение политики «твердой руки» и проведение летом 1953 г. разработанной с помощью советских специалистов рестрикционной денежной реформы спровоцировали массовые выступления в стране под антиправительственными лозунгами. Они были подавлены с помощью воинских подразделений и милиции.

Тем же летом, с эффектом цепной реакции, тысячи забастовок вспыхнули в Берлине и Лейпциге, произошли столкновения демонстрантов с властями. Число арестованных достигло 25 тысяч. Волны массовых выступлений в ГДР, Чехословакии, Польше и Венгрии возникали в 1950-е годы периодически.

Проявления недовольства в Чехословакии и ГДР вызвали предпринятую по рекомендации Москвы некоторую корректировку хозяйственных планов, сокращение военных расходов и поставок в социалистические страны, а также меры по удовлетворению материальных потребностей населения. Несколько усовершенствовав экономическую и социальную политику, руководство Чехословакии было далеко от того, чтобы переосмыслить состояние сферы политики и идеологии, а также правопорядка. В нем обнаружилось соперничество между партийными и государственными органами. Только после XX съезда КПСС, да и то весьма осторожно, зазвучала критика деформаций социализма и партийных функционеров. Политические требования выдвинули студенты. Однако их выступления были разогнаны при помощи рабочих и милиции. Любые высказывания

о необходимости оппозиционных политических партий, проведении свободных выборов и т. д. относились к разряду «отражающих взгляды классового врага». Дальнейшее «закручивание гаек» было напрямую связано с восстанием в Познани, где тысячи рабочих собирались на митинги и создавали рабочие комитеты с требованием реализовать программу «национального пути к социализму», с событиями в Венгрии в октябре—ноябре 1956 г. Они знаменовали пик первого кризиса в регионе.

Ряд стабилизационных мер, в том числе по улучшению положения трудящихся, по борьбе с бюрократией в системе управления и др., позволил несколько консолидировать общество на пути «завершения строительства основ социализма» и декларировать в 1960 г. «всестороннее развитие зрелого социалистического общества» в направлении «постепенного перехода к коммунизму». Форсированное строительство в Венгрии общества советского типа, разорительная индустриальная гигантомания, резкое снижение жизненного уровня населения привели в начале 1950-х годов к общественному недовольству действиями правящей бюрократии, к обострению борьбы в партийной и государственной элите за раздел сфер влияния и уточнение курса. Появились требования снижения темпов индустриализации, расширения производительных возможностей мелкого производителя, плюрализации общественной жизни, придания режиму более гуманного облика. В обществе нарастала открытая напряженность, но реформаторские настроения были на время резко пресечены.

Весной 1956 г., после XX съезда КПСС, в Венгрии, как и в Польше, мощного размаха достигло движение за очищение марксизма от сталинистских «искажений», за политическое обновление и демократизацию политического режима, за совершенствование экономического курса (в Польше удалось снять накал противостояния ценой смены руководства страны и ликвидации института советских советников в силовых структурах).

Известный венгерский философ Д. Лукач констатировал наличие в стране «бюрократического перерождения», инструментальное использование теории для текущих нужд правящего слоя[7]. В самый разгар событий 1956 г. политолог И. Бибо, один из членов правительства И. Надя, разрабатывал идею синтеза демократических и социалистических ценностей, писал о необходимости полного разрыва со сталинистским тоталитаризмом и обеспечения национального суверенитета. Уничтожению частного предпринимательства он противопоставлял необходимость ликвидации несправедливых отношений собственности и рекомендовал изъять экономические рычаги у бюрократических собственников и передать их ра-

бочим коллективам — важной политической силе и альтернативе бюрократическому социализму. Бибо выступал против диктатуры пролетариата и однопартийной системы[8].

В Венгрии, как свидетельствует историк Я. М. Райнер, «несомненно, многие участники революции не разделяли идеалов "подлинного социализма" или "третьего пути", но для ситуации, сложившейся в 1956 г., было характерно, что ни одна значительная сила или личность не выступала за то, что сегодня кажется единственно возможной альтернативой — за капиталистическую экономическую систему со свободным рынком и широкой приватизацией»[9]. Нарастание в октябре массовых наступлений в стране вплоть до вооруженной конфронтации и введения советских танков отодвинуло далеко на задний план лозунги обновления марксизма.

Многомерный и длительный кризис в обеих странах еще не обнаруживал явных черт назревания системных преобразований, хотя уже шел процесс ослабления управленческих и контрольных функций компартий, возрастания роли СМИ и общественных организаций. Движение молодежи и деятельность клубов интеллигенции приобретали черты плюрализма, новые печатные органы и рабочие советы выступали с независимыми политическими, социальными и культурными инициативами вне официальной системы надзора и пропаганды. Социальные контакты, критика властей и системы, обращение к национальным традициям стали свободнее, постепенно появились элементы социальной самоорганизации и наметки программ реформирования общества.

В правящей элите обозначились трещины, обнаружились компромиссные шаги, обеспечивавшие адаптацию части оппозиции и восстановление контроля над прессой и организациями. Венгерский опыт наглядно продемонстрировал предельные возможности перемен и стимулировал симбиоз сопротивления и приспособления. Режим, вынужденный учитывать настроения общества, возникновение элементов политического и идеологического соперничества, на время почувствовал себя прочнее. Однако и в этой противоречивой ситуации польская «октябрьская левая», получившая название «ревизионисты», научилась определять перспективы возможных перемен и начала пестовать зародыши будущей антисистемной оппозиции и альтернативные программы с учетом научного анализа экономической системы, предпринятого видным ученым-социологом В. Брусом. Эти наработки, наполняемые новым содержанием, легли в основу требований участников массовых выступлений в декабре 1970 г., а также в июне 1976 г. и августе 1980 г.[10]

В Югославии сходные проблемы и попытки реформировать тоталитарную модель социализма обнаружились раньше, после разрыва отношений с СССР и возникновения, как казалось, менее обремененных идеологическим диктатом и «единомыслием» условий для демократического развития. Эти проблемы выявил вице-президент страны, до 1953 г. — член Политбюро и Секретариата ЦК КПЮ* М. Джилас, который, почувствовав несколько большую свободу, еще до смерти Сталина, а по ряду вопросов — до XX съезда КПСС обратился к осмыслению путей и методов преодоления тоталитарного режима, монополии компартии на власть, а также расширения политических свобод в стране. Однако вскоре он убедился, что ревниво относившийся к сохранению личной власти Тито не разделяет подобных устремлений и ориентируется на то, что «ведущая роль партии абсолютна и без этого коммунизм развалится»[11]. Позднее Джилас сообщил некоторые детали, характеризующие позицию Тито: «Я сказал Тито, что мы должны разрешить оппозицию и свободные выборы. Тито заявил, что законы должны быть сформулированы таким образом, чтобы свободные выборы фигурировали на бумаге, но чтобы коммунисты могли всегда сохранять монополию на власть»[12].

Дойдя до открытой критики партийно-бюрократических структур, Джилас все же не отступал от социализма. Ему, как он писал в автобиографическом разделе книги «Несовершенное общество», тяжела была мысль, что, отмежевываясь от позиции руководства партии, он на деле порывал с официальной идеологией, становился «антикоммунистом»[13].

Югославский партийный функционер был одним из немногих деятелей коммунистического движения, обратившихся к анализу политологических проблем, в том числе проблем власти и политической элиты. В работах Джиласа весьма интересна характеристика Сталина как прагматика, непосредственно связавшего «свой» марксизм с борьбой за политическую власть, сочетавшего идеологию «с потребностями партии, вернее, партийной бюрократии как новой высшей знати»[14].

Один из наиболее серьезных коммунистов-аналитиков, выступивший с критикой Сталина, сталинизма и сталинщины, он был смещен с руководящих постов и дважды отбывал заключение. Много лет Джилас носил ярлык «диссидента № 1», его работы были запрещены (но во всех странах региона издавались «самиздатами»).

Обратившись к опыту стран «социалистического лагеря», констатируем: и после XX съезда КПСС жесткие идеологические устои не позво-

* С 1952 г. компартия именовалась Союз коммунистов Югославии (СКЮ).

ляли открыто обращаться к обсуждению и критике политических режимов, диктатуры пролетариата, стиля управления, многопартийности и т. д. Репрессивными методами пресекалось любое проявление подобного «ревизионизма».

Попытки улучшения экономической ситуации при помощи мобилизации иссякавших административно-командных возможностей стимулирования роста общественного производства могли обеспечить лишь временное оживление: в начале 1960-х годов экстенсивные источники развития экономики в ГДР, Чехословакии и Венгрии были исчерпаны, остро встал вопрос интенсификации производства и научно-технического прогресса. В Болгарии, Польше, Румынии и Югославии экстенсивные процессы индустриализации завершились, закончилась миграция рабочего класса из деревни в город. В каждой из стран накапливались все более глубокие противоречия, увеличивались крупные диспропорции в промышленности.

В то же время официально было объявлено, что в регионе уже построены «основы социализма» и развернулось строительство «развитого социалистического общества». При этом одни страны заявили о «создании предпосылок и основ развитого социализма», другие — о «начале» его «развернутого строительства», третьи — о создании «всесторонне развитого социалистического общества» и т. д. Однако вопреки идеологическим декларациям экономическая ситуация продолжала ухудшаться, диктуя необходимость комплексного реформирования экономики. Это стимулировало научно-теоретические дискуссии в странах региона о плане и рынке. Поляк В. Брус выдвинул концепции социалистической рыночной экономики, смешанной собственности, а затем и политического плюрализма. «Отец чехословацкой реформы» О. Шик вместе с коллегами увязали идею «гуманного социализма», «социализма с человеческим лицом» с необходимостью преодолеть административно-командную систему как тормоз экономического роста и демократизации общества.

Не выходя за идеологические рамки и внутрисистемные барьеры, пытаясь с переменным успехом внедрять в практику то одни, то другие рыночные механизмы и инструменты, децентрализовать экономику, адепты социализма в странах региона смогли достичь лишь временного ее оживления. Появились программные документы с новыми концепциями. В критике экономического порядка и политических режимов в 1960—1970-е годы вперед вышли Чехословакия, а затем Польша.

В Югославии М. Джилас и Э. Кардель пытались воплотить в жизнь идеи Маркса о «свободной ассоциации производителей». Им удалось убедить

И. Броз-Тито при помощи «самоуправленческого социализма» подтолкнуть экономику страны к рынку. Предложенная ими система воспринималась как крупный шаг вперед в социалистическом обновлении. Однако непредвзятый анализ ситуации вскоре показал, что ни в Югославии, ни в других странах, где предпринимались попытки использовать подобный опыт, эта внутренне противоречивая система не принесла ожидаемых результатов: изменения приобрели формально-декларативный характер. Отношения собственности и стимулирование труда изменились мало. Были сохранены политический режим и однопартийность, жесткий партийный контроль за деятельностью государственных органов, строгая идеологическая дисциплина и т. д. В итоге, Джилас вынужден был признать ошибочность концепции, констатировать, что ее практическое воплощение лишь «замедлило процесс политической демократизации»[15].

Единственная из республик СФРЮ — Словения более оптимально использовала возможности самоуправления для продвижения по пути развития рыночной экономики. Главной причиной этого была позиция Союза коммунистов Словении, быстро эволюционировавшего в направлении социал-демократизации и плюрализации, превращавшегося в реальную реформаторскую силу. Увидев слабости «самоуправленческого социализма», словенское руководство стало искать пути преодоления самой тоталитарно-бюрократической системы.

Утвердившаяся в регионе жесткая, статичная политическая система, используя мобилизационные, фактически принудительные формы политической активизации населения, прибегая к всеобщей идеологической обработке и прямому насилию, способствовала увеличению разрыва уровня жизни бюрократов и трудящихся, отрыва все большей части населения от народа. Она задерживала развитие политических структур и гражданского общества, всячески противодействуя этому процессу. С неизбежностью все насущнее становилась задача радикальной демократизации политической жизни как средства усилить контроль над государственными органами, сблизить власть и народ, пресекая негативные явления в аппарате управления, совершенствовать партийно-политическую систему. Проблему преодоления кризиса системы власти и управления обществом все более вдумчиво пытались решать отдельные деятели и группы правящей элиты, привлекая разработки либерально-просоциалистически настроенной интеллигенции.

В конце 1960-х годов в Чехословакии под руководством профессора О. Шика разрабатывалась хозяйственная реформа, которая предусматривала ограничение централизации управления и расширение прав пред-

приятий и трудовых коллективов и создавала предпосылки для перемен в политической системе. Однако из-за борьбы в партийно-государственном руководстве обсуждение их перспектив стало достоянием гласности. Политическое пространство стали осваивать другие силы, не связанные с командно-административной системой и ищущие новых путей развития страны[16].

Подавление силами Организации Варшавского договора «Пражской весны» — общенационального движения по пути реформ, бурного обновленческого развития событий, — стало «последней попыткой силового решения проблем «реального социализма», которая оказала длительное негативное воздействие на развитие Советского Союза и стран так называемого социалистического содружества, усугубив процесс распада»[17]. Обнаружилось, подводит итоги В. Л. Мусатов, что «силовыми методами нельзя было решать проблемы развития социалистических стран», «предотвратить развал системы "реального социализма"», «обеспечить продолжение старого курса», что «в 60-е годы был упущен исторический шанс для реформирования "реального" социализма»[18]. На последней встрече лидеров европейских социалистических стран в Москве в начале декабря 1989 г. было коллективно решено считать союзническую акцию в Чехословакии в августе 1968 г. необоснованным и ошибочным шагом.

Становилось все более очевидно, насколько неэффективной была пустившая корни в регионе с конца первого послевоенного десятилетия громоздкая, архаичная отраслевая и производственная структура, весьма расточительно использовавшая материальные и трудовые ресурсы, насколько теория и практика «реального социализма» не универсальны и не адекватны мировым тенденциям современного цивилизационного развития. Несмотря на предпринимавшиеся национальным руководством усилия, экономика этих стран оставалась мало восприимчивой к научно-техническому прогрессу.

С 1970-х годов западные экономисты и социологи неоднократно отмечали пороки укоренившейся в регионе самоблокирующейся, отличной от заявленных целей и идеологии, советской модели — усложнение планирования, подчиняемого произвольным изменениям, невозможность приспособить выпуск промышленной продукции к социальным потребностям, истощение возможностей экономического роста и появление симптомов неофициальной децентрализации, ослабления централизованного управления, растущее противоречие между расширением временных горизонтов планирования и фактическими возможностями плановиков[19].

Регион «второго эшелона капитализма» с его низким стартовым социально-экономическим уровнем продемонстрировал, что попытка построения социализма в условиях пересмотра марксовой парадигмы демократизации общественных отношений, при консервации автократической политической культуры, преобладании неправовых отношений, административно-командных методов управления экономикой (после перехода сталинской сверхцентрализованной системы к брежневской административно-распределительной и в связи с исчерпанием потенциала ее нерыночных форм), при безраздельном господстве новой деидеологизированой номенклатуры обречена на провал.

Попытки совершенствования общественных отношений, реформирования экономики предпринимались в Югославии с начала 1950-х годов, в Венгрии — после 1957 г., в Чехословакии — в начале 1950-х, 1957—1958 и 1965—1969 гг., в ГДР — с начала 1950-х и в 1965—1969 гг., в Польше во второй половине 1950-х и в 1965—1969, в 1973—1979 и последующих годах (в Советском Союзе аналогичные явления наблюдались в 1957, 1965—1968 гг. и после 1985 г.).

Эти попытки терпели поражение, причем главным препятствием была позиция Советского Союза. Производственная база устаревала, темпы роста ВВП, промышленного производства и капитальных вложений с 1970-х годов постоянно снижались, а конкурентоспособность продукции падала. В 1980-е годы экономический рост не только замедлился, но вообще прекратился. Вкупе с ухудшением эффективности производства (замедлением темпов роста производительности труда, снижением фондоотдачи и т. д.) понизился уровень потребления и ухудшилось состояние социальной сферы. Обнаружилась существенно более высокая норма эксплуатации, чем при капитализме. Уравниловка диктовала изъятие прибавочного продукта у более эффективного производителя. Общество продемонстрировало неспособность приблизиться к растущим социальным стандартам развитых стран мира[20].

Практически до 1980-х годов почти во всех странах региона немногочисленные партийные реформаторы мыслили преобразование общества возможным только в системных рамках. Реформы объективно направлялись не против какого-либо класса, а против определенного социального слоя — правящей элиты, группировок, сосредоточенных в структурах «партии-государства» и административно-командной системе управления экономической жизнью.

В ряде стран реформы, будучи растянутыми во времени, оказались более последовательными и эффективными. В Югославии они не только

вели к децентрализации управления экономикой, но и вызвали социальные изменения, вовлекая в процесс самоуправления массы. В 1965 г. проводились дальнейшая либерализация экономики и политики ценообразования, осуществлялось расширение прав предприятий. Этот процесс по мере расширения прав работников и децентрализации социально-политической сферы в середине 1970-х годов был углублен.

В Венгрии периодические попытки введения реформ захватывали те или иные сферы хозяйствования, приобретя более-менее комплексный характер лишь в 1966 г. Я. Кадар, завоевав относительную поддержку в обществе, достиг во второй половине 1960-х годов наибольших успехов в деле либерализации экономической сферы, проведения реформаторских экспериментов методом уступок и компромиссов. Но и тогда они не коснулись преобразования политических отношений. Заметный рывок был сделан на исходе 1980-х годов, когда была проведена ограниченная либерализация политического режима, разрешено создание частных предприятий в сфере торговли и услуг, а в руководство государственных предприятий были допущены представители рабочих коллективов.

В Польше после серии пресекавшихся попыток реформировать неэффективную экономику и ввести рабочее самоуправление те же меры были приняты в начале 1980-х годов. Рост социальной активности возродил рабочее самоуправление и придал ему новое качество, ускорив либерализацию экономической жизни в направлении системных перемен, в том числе приватизации государственных предприятий. В Венгрии и Польше реформы вначале трактовались как квазирыночные.

Реформаторы из числа коммунистов в этих, а затем и в остальных странах «социалистического содружества» в 1970—1980-е годы заявляли о попытках совершенствования социалистической экономической системы, в лучшем случае — «социальной», или «социалистической» рыночной экономики. В Албании, Болгарии, ГДР, Румынии и Чехословакии в тот момент еще не ставился вопрос о серьезном реформировании командно-административной системы управления, не говоря уже об изменении характера всей социально-экономической и политической системы.

Советские аналитики подчеркивали, что народное хозяйство в СССР, Чехословакии и ГДР обладает достаточным экономическим потенциалом прогрессивного развития еще лет на пятнадцать[21]. Между тем во всем регионе углублялся кризис «реального социализма», терявшего адаптационные способности, ускорялась его деградация. Социальная стабильность достигалась в 1970 — начале 1980-х годов путем заключения, как вскоре выяснялось, временных социальных контрактов. Длительное урегулирование отношений оказывалось невозможным.

Все очевиднее проявлялась ограниченность отдельных попыток проведения реформ, отчетливее проступали черты системного кризиса, нарушавшего целостность геополитической конфигурации «социалистического содружества» и диктующего переход к глубоким системным трансформациям.

Широкое поле деятельности для реформаторов открылось только с крушением системы «реального социализма». Речь уже не могла идти об «улучшении» режимов, совершенствовании существовавшей политической модели — время для этого безвозвратно ушло.

Выход из кризиса, прокладывание путей дальнейшего общественного развития оказались возможными только через основательное обновление политических структур, изменение принципов их функционирования. После распада автократических режимов в ходе проведения «бархатных» преобразований, после освобождения от пут административно-командной системы управления экономикой, страны региона вступили в стадию структурной перестройки различных областей общественной жизни. В 1989 г. уже во всех правящих партиях региона действовали реформаторы, видевшие необходимость внесения существенных корректив в структуру и функционирование политической системы в направлении демократизации. По-прежнему более энергичными и организационно оформленными они были в странах Центрально-Восточной Европы, где и раньше неоднократно предпринимались попытки развернуть реформы.

Общественные перемены, начавшиеся в регионе на рубеже 1980—1990-х годов, подвели итог завершившемуся экспериментальному циклу исторического развития — неудавшейся попытке форсировать переход от капитализма к социализму, без учета многообразия объективных процессов и их поливариантности.

Даже ГДР и Чехословакия, добивавшиеся временами значительных позитивных сдвигов в росте производительности труда, снижении энерго- и материалоемкости производства, в повышении эффективности капиталовложений, отставали по этим параметрам от развитых капиталистических государств в 1,5—2 раза. Еще хуже был этот показатель в Венгрии — в 2—2,5 раза и прочих странах. По ресурсоемкости производства отставание составляло 1,5—2 и более раз, причем разрыв постоянно увеличивался. Принимавшиеся меры по совершенствованию хозяйственного механизма в большинстве случаев не давали желаемых результатов[22].

Между тем начали прорисовываться контуры объективно назревавших в регионе коренных изменений, детерминированных имевшими свою логику и динамику внутренними процессами, в том числе порождаемых несоответствием автократических политических структур и функциони-

рования политических, а также экономических систем и методов управления экономикой, с одной стороны, социального ресурса общества, — с другой.

Особенно неблагоприятной с точки зрения социально-экономического развития оказалась для региона вторая половина 1980-х годов. Произошло резкое снижение хозяйственной активности и замедление темпов экономического роста в целом. Пик экономических трудностей пришелся на 1989 г. Во всех рассматриваемых странах основные макроэкономические и социальные показатели по сравнению с предыдущими годами отличались в худшую сторону. Имело место дальнейшее замедление темпов прироста национального дохода (ВВП) и продукции основных народнохозяйственных отраслей. В Венгрии, Польше и Румынии наблюдалось абсолютное сокращение национального дохода и промышленного производства.

В социальной сфере ситуация также заметно ухудшилась. В ГДР уровень жизни населения стагнировал, а в Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии и Югославии неуклонно снижался. Разрушительные последствия деформаций общественной жизни стимулировали рост недовольства населения существующими порядками: их недостаточно эффективным исправлением в Венгрии, Польше и Югославии, паллиативами перемен в ГДР, Чехословакии и Болгарии и упорным отказом от каких-либо реформ в Румынии. Социальная напряженность подогревалась принявшими широкий размах явлениями коррупции, незаконного присвоения общественных благ, неоправданными привилегиями власть имущих.

Когда в странах региона стало усиленно внедряться клише, согласно которому они якобы создали на основах «социальной справедливости» («социального равенства») строй «реального», т. е. «фактически существующего», или, как его определяли в Венгрии, «государственного» социализма, уже проявились симптомы исчерпания его экстенсивного роста, приспособляемости к реальным условиям, способности внедрять необходимые новшества и проводить реструктуризацию, минимизировать расходование ресурсов и максимизировать прибыли.

Это были признаки неуклонно растущей неэффективности, неспособности реализовать заявленные задачи в связи с изменением вектора социально-экономического развития: преодоления низкого уровня производства, производительности труда и эффективности капитала, углубления технологического отставания и т. д. Усилилась конкуренция за получение экономической ренты между группами интересов (государственной администрации, партийного аппарата, промышленных предприятий и бюрократической иерархии разного уровня).

Хронический дефицит потребления привел к увеличению общественного неравенства, социальной апатии, дестабилизации официальной политической культуры, падению воздействия на население символики «реалсоциализма» и мотивации к труду, возврату к прежним ценностям, в том числе рыночных отношений, либерализма и социал-демократии, к сохранению и возрождению традиций частной собственности, гражданского общества, культурной дифференциации, системной оппозиционности, ростков плюрализма в литературе и искусстве, в образе жизни и т. д.

Распад, саморазрушение «мутантного», по определению А. В. Бузгалина и А. И. Колганова[23], «реального социализма» явился в значительной степени результатом недостаточного внимания к специфике и перспективам развития региона, к верификации навязываемых стереотипов. Он был следствием их все более убедительного опровержения повседневной практикой и подрыва упрощенных, деформированных схематизированными идеологическими установками официальных теоретических выкладок, торможения назревавшего спонтанного возврата к рыночной экономике.

В условиях дефицита власти возможности бюрократии регулировать все более сложное взаимодействие составляющих экономического организма слабели. Системные кризисы, сочетавшиеся с кризисами социальной интеграции, до поры поглощались деполитизацией и скрытым регулированием, изменением баланса плана и рынка и др. Однако безудержный рост неофициальных регуляторов, консолидация прав собственности номенклатуры выводили их за пределы централизованного управления (его структуры с изменением властных отношений все чаще правили, не управляя) и стимулировали ускорение разрушения системы. Этому способствовал рост связей с глобальной экономикой и зависимости от нее по мере увеличения внешней задолженности.

Процесс общественного развития все более убедительно показывал, что теория и практика «реального социализма» не только не универсальны и не адекватны мировым тенденциям цивилизационного развития, но и не соответствуют условиям и возможностям стран «социалистического содружества», с их разными темпами и продолжительностью этапов социально-экономического процесса, отличиями в динамике и совершенствовании их политической системы. Обострялись политические противоречия, начинали формироваться группы, олицетворявшие перспективы прогрессивного развития, нацеленные на отстранение от управления сил, действовавших сугубо в эгоистических интересах своего социального слоя, на отказ от модели «партии-государства».

Активизацию масс в направлении демократизации общественных отношений стимулировало то, что политическая инфраструктура оставалась весьма примитивной и не опиралась на сколько-нибудь отлаженные политико-правовые механизмы. Не были достаточно определены политический статус правящих партий и их права, ответственность перед государством, формы участия партий в выборах, принципы их действий в представительных органах власти и т. д.

Политические режимы стран «реального социализма» и его идеологическая подоснова практически не оставляли места для преобразований этой сферы, для оптимизации политического устройства. Ответственный работник ЦК КПСС К. Н. Брутенц позже признал недостаточность предлагавшихся реформ: сопротивление экономическим преобразованиям со стороны аппарата всех уровней, а также «масс, находящихся в плену догматических стереотипов», с необходимостью требовали ускорения переноса центра внимания на политическую реформу[24].

Российский философ А. П. Бутенко охарактеризовал политическое развитие стран региона второй половины XX в. как типичную для «исторического забегания» ситуацию с изменением социально-классовой природы политической власти и ее целей, с утратой этой властью народного характера и приверженности идеалам социализма, с переподчинением развития иным задачам и интересам, со ставкой, как оказалось, не на силы прогресса, а на другие общественные силы, с монтированием тандема «партия-государство» и т. д.[25]

Начиная с 1950-х годов постепенно, но все более явственно обнаруживалась потребность социалистических стран в освобождении различных сфер общественной жизни от навязанных им унифицированных идейно-политических установок и централизованно-бюрократических схем развития в экономике и политике.

Периодически, а затем и систематически проявлявшиеся симптомы нараставших на этой основе социально-экономических кризисных явлений вначале приводили к неоднократным малоудачным усилиям власти откорректировать их проявления. Определенные позитивные элементы системных изменений проявлялись в Центрально- и Юго-Восточной Европе в течение нескольких десятилетий в виде более-менее успешных частичных реформ. Попытки перестроить, усовершенствовать существующую систему были нацелены лишь на ее оптимизацию на основе какого-либо повышения экономической эффективности и придания ей социально приемлемого характера.

При всех многочисленных страновых и субрегиональных различиях в механизмах и динамике локальных преобразований их суть сводилась к выбору стратегического курса на стимулирование прогрессивного развития, на сохранение и возрождение элементов рыночной экономики, на преодоление социальной отсталости, на отстаивание гражданских прав и свобод — через попытки отхода от утвердившейся тоталитарно-авторитарной системы, отстранения от власти правящей элиты, действовавшей в собственных корыстных интересах. Потребности прогрессивного общественного развития Центрально- и Юго-Восточной Европы продиктовали в 1980—1990-е годы эффективное проведение оптимизации экономической, политической и социальной жизни.

Примечания

[1] *Яжборовская И. С.* 1948 год: Москва. Варшава. Югославский вопрос. М., 1998. С. 48—49.

[2] *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 29, 86.

[3] Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. I. Становление «реального социализма». 1945—1965. М., 2000. С. 83—85.

[4] *Волокитина Т. В.* «Холодная война» и социал-демократия Восточной Европы. 1944—1948. Очерки истории. М., 1998.

[5] *Яжборовская И. С.* «Согласовать со Сталиным». Советско-польские отношения и проблемы внутреннего устройства Польши в конце 1943 — начале 1945 г. // У истоков «социалистического содружества»: СССР и восточноевропейские страны в 1944—1949 гг. М., 1995.

[6] *Гомулка В.* Речь на VIII пленуме ЦК ПОРП 20 октября 1956 г. Варшава, 1956. С. 38—39, 40.

[7] *Стыкалин А. С.* Дьёрдь Лукач — мыслитель и политик. М., 2001. С. 153, 154, 169.

[8] *Бибо И.* Конспект. Октябрь 1956 года // *Бибо И.* О смысле европейского развития и другие работы. М., 2004. С. 263—279.

[9] *Райнер Я. М.* Имре Надь — премьер-министр венгерской революции 1956 года: политическая биография. М., 2006. С. 16.

[10] *Friszke A.* Polski październik 1956 roku z perspektywy pięćdziesięciljecia // Polski październik 1956 w polityce światowej. Warszawa, 2006.

[11] Между революцией и контрреволюцией (беседа английского политолога Дж. Урбана с М. Джиласом) // Проблемы Восточной Европы. Нью-Йорк, 1989. № 23—24. С. 66.

[12] Там же. С. 44.

[13] *Джилас М.* Указ. соч. С. 538.

[14] Между революцией и контрреволюцией... С. 83.

[15] *Джилас М.* Настоящее и будущее социалистической идеи // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 3. С. 91—93; *Медведев В. А.* Распад: Как он назревал в «мировой системе социализма». М., 1994. С. 245—246.

[16] *Млынарж З.* Холодом веет от Кремля. Нью-Йорк, 1998. С. 112.

[17] *Мусатов В. Л.* Советский Союз и «Пражская весна» 1968 года // Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. В 2-х кн. М., 2005. Кн. 2. С. 222.

[18] Там же. С. 227, 228.

[19] *Ray Larry J.* Social theory and the crisis of state socialism: Studies of communism in transition. Cheltenham, 1996.

[20] *Кудров В.* Рыночная трансформация в странах Центрально-Восточной Европы: К оценке накопленного опыта // Общество и экономика. 2006. № 5. С. 123—125.

[21] *Popov V., Shmelev N.* The turning point: Revitalizing of the Soviet Economy. Doubleday. New York—Moscow, 1990.

[22] Центрально-Восточная Европа... Т. III. Трансформации 90-х годов. М., 2002. Ч. 1. С. 19—20.

[23] *Бузгалин, Колганов А. И.* Глобальный капитал. М., 2004.

[24] *Брутенц К. Н.* Несбывшееся: Неравнодушные заметки о перестройке. М., 2005. С. 327.

[25] *Бутенко А. П.* О скрытых формах изменения социальной природы власти. М., 2004. С. 10—11, 39, 52—57.

П. Е. Кандель
(Институт Европы РАН)

Политическое развитие стран Юго-Восточной Европы после краха социализма*

Политические режимы, установившиеся в европейских странах бывшего «социалистического лагеря» и в большинстве постсоветских государств, принципиально различны — таков главный итог последних пятнадцати лет их эволюции. Если не только в Центральной, но и Юго-Восточной Европе, в конечном счете, утвердилась демократическая политическая система, то на пространстве прежнего СССР возобладали «симулирующие» демократию авторитарные режимы различной степени жесткости. Наиболее тривиальное, и потому, быть может, самое общепринятое, объяснение различия их сегодняшних судеб обычно ищут и находят в давней истории. В первом случае говорят о силе демократических традиций, зрелости гражданского общества и других благоприятных историко-культурных предпосылках, а во втором — об их слабости. Подобный подход небезупречен даже методологически, поскольку сам наличный результат проецируется на определение причинно-следственных связей, невольно побуждая преувеличивать значимость тех или иных факторов, зачастую противоположных. Если же сравнивать постсоциалистические страны не только на финише, но и на старте, сопоставлять не достигнутое, а пути к нему, то очевидные истины выглядят не столь убедительно.

В историческом наследии Польши, Чехии, Венгрии, в отличие от России, нетрудно обнаружить некоторые сравнительные преимущества с точки зрения наличия предпосылок демократического развития. Но и эти страны, как известно, первый «экзамен по демократии» в межвоенный период сдали неудовлетворительно. И хотя в Польше и Венгрии конституционно-парламентские установления имели более давнюю предысторию, именно чехословацкая модель демократии времен первой республики казалась образцом для соседей. Однако и она была не лишена серьезных изъянов, которые, несмотря на огромный временной разрыв и фундаментальные социальные, экономические и политические сдвиги последнего времени, дают о себе знать даже сегодня. И гипертрофиро-

* Статья выполнена в рамках дополнительного проекта РГНФ 2006 г. № 06-01-02104а «Образ России в современном мире».

ванные "партократические" наклонности, и стремление президента к самостоятельной роли за пределами конституционных полномочий, и влечение к монополизации политической жизни в узком кругу политических сил, и сравнительно высокий удельный вес внеинституциональных и безыдейных межпартийных сделок — все это видится как «дежа вю» и в современной Чехии.

А много ли оснований говорить о большей, нежели в России, укорененности демократических институтов и традиций в Болгарии, Румынии, Албании, или на территории бывшей СФРЮ? Этим тем более не объяснить, почему после ее распада Словения, никогда ранее не имевшая даже собственной государственности, пошла по пути устойчивого демократического развития, а Сербия и Хорватия, с куда более богатой демократической «родословной», на десятилетие оказались заложниками новорожденного лево- и правонационалистического авторитаризма? Правда, формально хронологически в большинстве государств этого региона конституционно-парламентские установления и зародышевые формы многопартийности появились на 50—30 лет раньше, чем в Российской империи (парадоксально, но не без ее участия). Правоавторитарные режимы межвоенного периода были, конечно, менее разрушительны для общества, чем советский тоталитаризм, и в большинстве случаев хотя бы внешне сохраняли парламентские институты и многопартийность. Но «школой демократии» они могут считаться, скорее, «от противного».

Не случайно постсоциалистические государства Центральной и Юго-Восточной Европы не пошли на восстановление прежних политических порядков, а «исторические партии», претендовавшие на правопреемство с довоенными предшественницами, в глазах избирателей не приобрели никаких значимых преимуществ и почти нигде не стали ведущей политической силой. Между тем даже краткий обзор их пути к сегодняшнему состоянию показывает, что сделанный на исторической развилке и конституционно-институционально закрепленный выбор демократической модели, а затем и его позитивная инерция, оказываются более значимыми факторами, чем не слишком благоприятная историко-культурная наследственность. Весомость такой зависимости особенно наглядно выявляется там, где сам выбор был иным.

Балканские страны начали переход к новому общественному строю и политической демократии в условиях, которые в современной «транзитологии» принято именовать «структурно неблагоприятными». Не предвещал быстрого успеха сам уровень их социально-экономического развития, более низкий (за исключением Словении), чем в государствах Центральной Европы. Не сулили этого ни острота межэтнических и национально-

территориальных проблем, ни политические традиции, ни сравнительная молодость и недостаточная историческая укорененность парламентарно-конституционных установлений. Как правоавторитарные режимы межвоенной поры, так и социалистические, отличались большей жесткостью и репрессивностью (особенно в Албании и Румынии). В отличие от Польши, Венгрии и Чехии, здесь отсутствовала не только организованная оппозиция, но и сколько-нибудь заметное диссидентское движение (за исключением Хорватии, Словении и Сербии, где они носили не столько демократический, сколько преимущественно националистический характер). Все это давало повод сомневаться, что утверждение демократии в этой части прежнего социалистического мира окажется успешным проектом. Победы наследниц бывших компартий на первых многопартийных выборах в Албании, Болгарии, Румынии, Сербии, Черногории и, отчасти, в Македонии, разгоравшийся югославский кризис, а затем и утверждение авторитарных режимов в Союзной республике Югославии и Хорватии, вроде бы, свидетельствовали об обоснованности пессимистических прогнозов.

Неудивительна в этом свете склонность воспринимать многие государства региона как «неконсолидированные» или даже «дефектные», «фасадные» и «электоралистские» демократии. Но более обоснованным кажется подход известных «транзитологов» Т. Л. Карла и Ф. Шмиттера: «...Вопрос...заключается совсем не в том, почему так много посткоммунистических политий остаются автократиями. Удивительно то, что их так мало». По их мнению, у Болгарии, Хорватии, Румынии и Словении, как бы ни оценивать их нынешние достижения, «судя по всему, не может быть другого будущего, кроме “современной либеральной представительной демократии”, тогда как траектория дальнейшего развития Албании, Боснии и Герцеговины, Македонии, Сербии и Черногории не столь очевидна»[1].

Классифицировать страны региона допустимо и иначе. Среди них стоит особо выделить Словению, выглядящую, особенно на фоне соседей, едва ли не образцовой парламентской республикой. В Болгарии и Румынии установилась функционирующая, пусть и не без изъянов, демократическая политическая система, они избежали соблазнов авторитаризма и вооруженных национально-территориальных конфликтов. И такой результат отнюдь не был гарантирован, учитывая тяжелейшую социально-экономическую ситуацию, жесткость политического противостояния посткоммунистов и их противников, остроту турецкой проблемы в Болгарии и венгерской — в Румынии. Сербия и Хорватия, напротив, оказались не способны противостоять этому искусу. Они прямо или косвенно

втянулись в межнациональные войны на территории бывшей Югославии, а свою демократическую историю им пришлось начинать как бы заново лишь с падением в 2000 г. авторитарных режимов С. Милошевича и Ф. Туджмана. Наконец, Албания (в 1997 г.) и Македония (в 2001 г.) пережили острейшие внутренние вооруженные конфликты (политического характера — в первом случае, и этнополитического — во втором), которые поставили под угрозу саму их государственность. Но и им, пусть и с внешней помощью, все же удалось восстановить внутренний мир и удержать вектор демократического развития.

Даже в столь неодинаковой постсоциалистической истории этих стран можно обнаружить общие черты. Еще важнее единый итог: демократический правопорядок, препятствующий концентрации личной власти и обеспечивающий смену правящей партии по итогам выборов. Не менее примечательно, что и характер смены режимов, и общая логика посткоммунистического политического развития, несмотря на все отличия Балкан от Центральной Европы, повторились и здесь. Уже поэтому характеристикам, которые отличают три региона (Центральную, Юго-Восточную Европу и постсоветское пространство) — уровню социально-экономического развития, историко-культурному наследию и политическим традициям, вряд ли правомерно придавать значение основных факторов, предрешивших ход и исход постсоциалистической политической трансформации.

В современной «транзитологии» обычно выделяются четыре основных типа перехода к демократическому режиму:

«революционный»;

«пактовый транзит», обусловленный договором между сторонниками и противниками старого режима, в данном случае между коммунистической властью и антикоммунистической оппозицией;

«реформистский», определяемый давлением снизу, со стороны относительно мирно настроенных, но мобилизованных на борьбу противников режима;

наконец, «навязанный» сверху какой-то группировкой правящей элиты, вследствие ее раскола на сторонников мягкой и жесткой линии, на «реформаторов» и «консерваторов». Но в реальной истории выделить в чистом виде какой-либо один тип применительно к конкретной стране нелегко.

Исходная инициатива различных местных вариантов «перестройки» практически во всех странах региона принадлежала правящим компартиям. Отличие можно усмотреть лишь в том, что одни начали ее раньше, а другие позже. Одни — в условиях собственного безраздельного господ-

ства и, следуя преимущественно внешним примерам, как это было в Болгарии, Албании и Македонии. Другие — с оглядкой на нарастающее общественное брожение и давление нарождавшейся антикоммунистической оппозиции, стремясь обеспечить политическое самосохранение посредством смены режима, как в Словении и Хорватии. Третьи, как в Сербии и Черногории — в тех же условиях и аналогичными методами канализации общественного недовольства вовне, но с иным расчетом: использовать внутрирежимные изменения для сохранения режима.

Следуя классификации, предложенной Т. Л. Карлом и Ф. Шмиттером, все страны региона относятся к типу «навязанного транзита», хотя ее авторы полагают иначе. Явно выраженные элементы «реформистского» и «пактового» вариантов поначалу можно было усмотреть лишь в Словении и Хорватии, хотя консолидация общества на националистической антисербской и антиюгославской основе была осуществлена без формального договора власти и оппозиции. Правомерно говорить о попытках пакта на этапе демократизации в Албании, Болгарии, Македонии и Румынии: компартии и их правопреемницы, даже обладая полнотой власти, сами старались привлечь к сотрудничеству оппозицию, которая, однако, была гораздо менее склонна к этому. Впрочем, подобное разделение ролей вполне естественно. Правящие партии были вынуждены вести себя именно так, чтобы доказать собственное принципиальное обновление и бесповоротный отказ от монополии на власть. Их противники для утверждения на политической сцене, обретения самостоятельного лица и наращивания политического капитала должны были демонстрировать непримиримость к старому режиму, что стимулировало радикальный антикоммунизм. (Лишь в Сербии и Черногории удачные маневры компартий, заблаговременно обеспечившие им почти полное политическое доминирование, позволили самоуверенно отказаться от какого-либо диалога с оппозицией, перехватив, впрочем, немалую часть ее националистических лозунгов и их приверженцев.)

Посткоммунистические партии и впоследствии мирно уступали власть (опять-таки, за исключением Сербии и Черногории), подчинившись вердикту избирателей, а в иных случаях (как, например, в Болгарии) даже не дожидаясь его. Можно спорить, насколько это отступление было вызвано натиском оппозиционных сил, и в какой мере оно было обусловлено внешними политическими и экономическими условиями, безысходностью социально-экономического кризиса, пониманием правящими кругами бесперспективности сохранения отжившей даже в их глазах экономической и политической системы, или нежеланием брать на себя ответственность за непопулярные, но неизбежные реформы? Бросается, однако,

в глаза, что степень податливости власти везде, кроме Сербии и Черногории, заметно превышала возможное давление со стороны оппозиции.

Особый случай — Румыния. Но и там после революционного низвержения диктатуры Чаушеску в декабре 1989 г., когда массовое народное выступление соединилось с военным переворотом и сговором номенклатурных противников диктатора, последующее развитие событий подчинялось общей логике.

Политические основы нового строя в Болгарии и Румынии, по примеру Польши и Венгрии, закладывались в ходе работы «круглых столов», к которым Болгарская социалистическая партия (БСП) и Фронт национального спасения (ФНС) в Румынии активно привлекали оппозиционные силы. Можно сказать, что демократические конституции этих стран (первые во всей Центральной и Восточной Европе) явились результатом взаимодействия власти и оппозиции, хотя и проходившего в острой политической борьбе.

Все участники политических баталий руководствовались, естественно, не столько абстрактным стремлением к демократии, сколько собственным представлением о своей политической выгоде. Скажем, Демократическая партия Албании первоначально отстаивала вместе с другими новорожденными партиями пропорциональную избирательную систему. Но после первых же выборов она стала выступать за смешанную, систему со значительными элементами мажоритарности, что серьезно ограничило возможности малых партий[2] ФНС в Румынии, уверенный в победе на первых выборах, предоставил широкие возможности своим соперникам, чтобы не дискредитировать себя зажимом оппозиции. Но вскоре озабоченность собственным чрезмерным доминированием сменилась боязнью потери позиций, и, как следствие, подход к новому избирательному закону изменился[3]. При этом первоначальные расчеты сторон по большому счету не оправдались и не раз потом оборачивались против их авторов. Поэтому крайне упрощенно представлять рождение демократии как следствие торжества антикоммунистов над посткоммунистами.

Первые многопартийные «учредительные» выборы в Румынии (20 мая 1990 г.), Болгарии (10 и 17 июня 1990 г.) и в Албании (31 марта и 7 апреля 1991 г.) принесли успех социалистическим партиям, ставшим наследницами коммунистических. Но даже удержав посты президентов за своими ставленниками, сохранив политическое преобладание в парламенте, они во всех трех странах сами стремились разделить власть с новорожденной оппозицией и вовлечь ее в правительственные коалиции[4]. По тому же пути пошла и Македония, где формальным фаворитом выборов (11 ноября и 25 декабря 1990 г.) стала оппозиционная националистическая Внутри-

македонская революционная организация — Демократическая партия македонского национального единства (ВМРО—ДПМНЕ). Она, однако, сама не смогла сформировать правительство и была вынуждена договариваться с другими политическими силами, вышедшими из лона прежнего Союза коммунистов, которые сообща сохранили большинство в парламенте. Главой республики с согласия всех основных политических партий еще ранее был избран бывший видный деятель компартии К. Глигоров, пользовавшийся репутацией реформатора со времен Тито[5].

Пакты, однако, оказались недолговечны, поскольку оппозиция была бескомпромиссно настроена на отстранение от власти посткоммунистов, усматривая в этом залог смены режима. Проиграв первые выборы, она вскоре по собственной инициативе отказалась от участия во власти и начала наращивать внепарламентское давление, прибегая к агрессивным выступлениям массового протеста, сопровождавшегося актами насилия, бойкотом законодательного органа, блокадой дорожного движения и голодовками. Под этим прессингом социалистические партии в Болгарии и Албании постепенно сдавали позиции, уступив и посты главы государства, и руководство коалиционными или «экспертными» кабинетами, хотя формально вовсе не обязаны были это делать. В Румынии ФНС ответил на подобную тактику оппозиции аналогичными действиями: мобилизацией своих сторонников среди шахтеров, совершивших поход на Бухарест и своими погромными акциями заставивших оппозиционные партии уйти с улицы. И в Македонии переход ВМРО—ДПМНЕ в оппозицию не принес ей успеха. Социал-демократический союз Македонии (в который преобразовался бывший Союз коммунистов) во главе с Б. Црвенковским сумел в 1992 г. возглавить правительственную коалицию и сохранить власть[6].

В Словении и Хорватии правопреемницы компартий, возглавившие движение за демократизацию и отделение от СФРЮ, все же проиграли первые выборы (состоявшиеся соответственно 8—22 апреля 1990 г. и 24 апреля — 7 мая 1990 г.), но с разным результатом и исходом. В Словении Председателем Президиума республики, а затем и президентом был избран бывший лидер компартии М. Кучан. Да и в парламенте партии, сформированные бывшими коммунистами, остались влиятельным политическим фактором, хоть и вынуждены были уступить исполнительную власть и перейти в оппозицию. В условиях борьбы за признание независимости и ориентации на согласие всех политических сил для достижения этой цели демократическая конституция явилась результатом их сотрудничества. В Хорватии же первые выборы привели к ярко выраженному политическому доминированию в законодательном органе крайне на-

ционалистического Хорватского демократического содружества и победе ее лидера Ф. Туджмана на выборах главы Президиума республики, а затем и президента. Сложились подходящие условия для формирования президентской республики. Подобная конструкция власти в условиях начавшейся войны, развязыванию которой правящая партия активно содействовала, обеспечила формирование правоавторитарного режима при формальном сохранении многопартийности[7]. Утверждение аналогичного режима (но левонационалистического толка) в Сербии и Черногории стало следствием столь же сокрушительной победы на первых выборах партий—правопреемниц коммунистов и их лидеров С. Милошевича и М. Булатовича. Соответственно и здесь появилась возможность «протащить» новые конституции, скроенные «под себя», без участия оппозиции и не взирая на ее протесты[8].

В результате Словения избрала почти классическую парламентскую модель со скорее символическими полномочиями главы государства, Болгария, Румыния и Македония — парламентско-президентскую, а в Сербии, Черногории и Хорватии утвердилась президентская республика, по форме напоминавшая «голлистскую» Францию, — с широкими полномочиями главы государства и весьма расплывчатыми их ограничениями. В Албании характер нового политического устройства первоначально был определен лишь в самых общих чертах «переходной конституцией» — законом «Об основных конституционных положениях» (апрель 1991 г.) — и долгое время оставался предметом политического противоборства. Однако попытка президента С.Бериши, лидера Демократической партии, добиться принятия в 1994 г. проекта конституции президентской республики с практически неограниченными прерогативами главы государства закончилась неудачей. Несмотря на политическое господство его партии и складывавшийся режим личной власти, конституция была отвергнута на референдуме.

Любопытно, что именно политическая жизнь Албании посткоммунистической эпохи отмечена событиями и явлениями, вызывающими навязчивые ассоциации с Россией, хотя между двумя странами, казалось бы, так мало общего. Иногда речь идет о символичном, но внешнем сходстве: навязывании авторитарной конституции методами, которые выглядят едва ли не как копирование российского образца, обрушении «финансовых пирамид», чрезмерной амбициозности и взаимной нетерпимости двух главных действующих лиц политической сцены — вождя «демократов» С. Бериши и лидера «социалистов» Ф. Нано. Всему этому нетрудно подыскать параллели в России. Но небезосновательны и сущностные аналогии: наличие сильной посткоммунистической партии как главной

силы оппозиции новому режиму, попытка не допустить ее к власти любой ценой, в том числе откровенной фальсификацией парламентских выборов 1996 г., появление демократической оппозиции президенту-«демократу» из рядов его былых соратников, силовая развязка политического кризиса в 1997 г.

Политическая трансформация началась в Албании позже, чем у всех ее соседей. Переход к новому общественному строю, как и в России, во многом приобретал характер обвального, неуправляемого процесса. Он проходил гораздо более бурно, чем в других странах региона, дважды (в 1991 и 1997 гг.) погружая страну в состояние анархии и хаоса, почти все избирательные кампании сопровождались массовыми нарушениями и острыми политическими столкновениями, а для утверждения демократии поражения «демократов» оказались не менее важны, чем их «виктории». Все это неудивительно для самой бедной страны Европы, фактически никогда не имевшей демократических традиций. Тем не менее, пройдя через те же драматические повороты, что и Россия, Албания нашла другие, более удачные выходы. Попытки концентрации личной власти в руках главы государства или правительства все же закончились провалом. Албании, в конечном счете, удалось уже трижды добиться смены власти по итогам выборов, пусть и не без внешней помощи, и через острые внутриполитические кризисы.

Анализ начального этапа перехода к демократии в странах Юго-Восточной Европы приводит к выводу, что «транзитологическая» дифференциация его типов весьма формальна и далека от реальности. В действительности «навязанный» транзит вскоре принимал форму «пактового», столь же быстро оказываясь, по существу, «реформистским». Но с переменами во власти давление снизу принимало принципиально противоположную политическую окраску, а политическое доминирование «демократов» нередко несло не меньшую угрозу демократии, чем былое политическое всевластие их противников.

Лишь внешне кажутся логичными бытующие среди «транзитологов» догмы: будто бы наиболее типичными и, одновременно, самыми успешными были «реформистские» (проводимые под давлением снизу) «транзиты», а в становлении демократии логика конфронтации оказалась продуктивнее линии на сотрудничество[9]; главным залогом успешного перехода к демократии являлась-де победа демократической оппозиции на фазе смены режима[10]. Разумеется, утверждение политической конкуренции как нормы предполагает борьбу сил нового и старого порядка, а переход власти к противникам прежнего режима устанавливает формальную границу между двумя политическими системами. Но на практике

там, где давление снизу было наиболее зримым (в Хорватии и Албании), результаты оказались весьма сомнительными. В других же странах демократический правопорядок утверждался, несмотря на сравнительно короткие сроки первого пребывания у власти «демократов» и их зачастую антидемократическую практику. Наконец, самоцельная конфронтация, вырождавшаяся в оголтелый антикоммунизм, или более того в антилевый фундаментализм, оказалась крайне ущербной политической стратегией для «демократических» сил, во многом способствовавшей их неудачам.

Более содержательными и значимыми представляются иные параметры переходного процесса: скорость его протекания, достигнутая степень реальной демонополизации политической жизни, наконец, уровень институциализации, в которую удалось претворить исходный демократический потенциал общества в момент его наивысшего подъема.

Важнейшей характеристикой «транзита» в странах региона был его в целом эволюционный, не обвальный характер (сравнительно с Россией и странами СНГ), что обусловило относительную плавность перехода. Это дало время правящей элите для собственного обновления и адаптации к новым условиям, а оппозиции — для партийной самоорганизации и относительного «дозревания» до власти. Там, где острота социально-экономического кризиса (как в Албании в 1991 г., когда создалась реальная угроза массового голода и полного паралича всей экономики) резко ускоряла процесс смены режима, воцарившийся хаос ставил под вопрос само существование государства.

Переходный процесс, что наиболее существенно, развивался, а отчасти и был движим, весьма динамично менявшимся, но все же относительно сохранившимся примерным равновесием сил основных политических факторов. Возможности каждого из них были постоянно ограничены достаточно высоким уровнем противодействия соперника. Когда это правило нарушалось (как, например, после первых выборов в Хорватии, Сербии, Черногории, Румынии, после вторых — в Албании, после краха режима Милошевича — в Сербии) и наблюдалась фактическая монополизация политической сцены, безразлично правыми или левыми, посткоммунистами или антикоммунистами, начиналась реанимация антидемократических тенденций. При этом, дела не меняло, шла речь об авторитаризме старого или нового чекана.

Немаловажно и то, успели ли реформаторы немалый начальный «капитал демократии» «конвертировать» в демократические конституции и создание политических основ демократического правопорядка, или же попусту растранжирили, злоупотребив в далеких от демократии целях. Там, где демократическая институциализация произошла на ранних ста-

диях, как в Словении, Болгарии, Румынии, Македонии, последующее нарушение установленных «правил игры» было сопряжено со слишком высокими внутри- и внешнеполитическими рисками и требовало такого перевеса в силах, которым практически никто уже не обладал. Не случайно утверждение демократии оказалось наиболее успешным в тех странах региона, где наблюдалось совмещение трех отмеченных выше условий.

Минимальная проверка демократичности политической системы, или консолидации демократии по С. Хантингтону[11], — проведение двух свободных выборов или осуществление двукратной смены власти в соответствии с конституцией. Если на «учредительных» выборах силы, оппозиционные коммунистическому режиму, пришли к власти лишь в Словении и Хорватии (1990 г.), то на вторых — в Албании (1992 г.) и Болгарии (1991 г.), на третьих — в Румынии (1996 г.) и Македонии (1998 г.). В Сербии это случилось лишь в 2000 г. одновременно с падением левоавторитарного режима С. Милошевича. В Черногории этого фактически не произошло до сих пор даже после обретения государственной самостоятельности. Правда, существовавший в этой республике с конца 1980-х годов режим после раскола в 1997 г. доминировавшей посткоммунистической партии на сепаратистов и федералистов эволюционировал: реальная состязательность политических сил возросла, а партийный состав правящей коалиции менялся неоднократно. Но неизменным осталось одно — сохранение основных властных полномочий у М. Джукановича (он последовательно занимал посты премьера, президента и снова премьера), а роли ведущей политической силы у руководимой им Демократической партии социалистов Черногории.

Следующая смена власти была связана с «поворотом влево», наблюдавшимся раньше или позже почти во всех странах Центральной и Восточной Европы, — возвращением к кормилу партий социал-демократического толка, созданных бывшими коммунистами-реформаторами, по большей части на основе преобразованных компартий.

В Словении это произошло уже в 1992 г., еще до состоявшихся тогда же вторых парламентских выборов. В результате распада антикоммунистической коалиции «Демос» ведущей силой нового правящего большинства стала Либерально-демократическая партия. Первоначально созданная на основе бывшей молодежной организации Союза коммунистов, она впоследствии приняла в свои ряды «зеленых», часть социалистов и членов расколовшейся Демократической партии. Ее лидер Я. Дрновшек, в прошлом видный государственный деятель СФРЮ, возглавил кабинет, куда, среди других, вошли и коммунисты-реформаторы из блока «Единый список социал-демократов». С тех пор Я. Дрновшек (за исключением недол-

гой паузы в 2000 г., когда его противникам удалось взять кратковременный реванш) неизменно занимал пост премьер-министра (лишь с 2002 г. став президентом), а его партия оставалась ведущей во всех коалиционных правительствах до 2004 г., хотя их состав претерпевал самые неожиданные метаморфозы.

Болгарская социалистическая партия формально вернулась к власти в 1994 г. на третьих парламентских выборах. Фактически это произошло еще раньше, поскольку радикально-антикоммунистическое правительство Союза демократических сил продержалось менее года. На смену ему пришел формально беспартийный кабинет Л. Берова, который, однако, просуществовал до 1994 г. лишь благодаря парламентской поддержке БСП.

В Албании социалисты вновь пришли к власти в 1997 г. после драматичного падения режима С. Бериши. В результате бунта «обманутых вкладчиков», вооруженных выступлений на юге страны, паралича армии и полиции государство оказалось в состоянии коллапса. Лишь ввод европейских миротворческих сил и посредническая миссия ОБСЕ позволили постепенно восстановить порядок в стране, наладить межпартийный диалог, сформировать переходное коалиционное правительство и провести внеочередные выборы (29 июня и 6 июля 1997 г.), принесшие убедительную победу Албанской социалистической партии. Только после этого Албания обрела демократическую конституцию, разработанную при активном содействии ОБСЕ и принятую на референдуме в 1998 г., несмотря на бойкот со стороны приверженцев С. Бериши.

В Румынии Партия социальной демократии — наследница ФНС вновь стала правящей после победы на четвертых выборах в 2000 г., а И. Илиеску после четырехлетнего перерыва вернулся на пост президента.

В Македонии четвертые выборы в 2002 г. принесли победу СДСМ, а его лидер Б. Црвенковски занял президентский пост в 2004 г.

В Хорватии смена власти стала возможной лишь в 2000 г. после смерти Ф. Туджмана, когда его партия — ХДС потерпела поражение и на президентских, и на парламентских выборах. Коалиционное правительство, возглавляемое лидером СДП И. Рачаном, активно взялось за демонтаж авторитарного режима, что увенчалось изменением в 2001 г. конституции: были сокращены и уточнены полномочия президента, усилена роль правительства и его главы, ликвидирована вторая палата парламента. Правда, раздоры в коалиции и своекорыстные узкопартийные расчеты ее участников не позволили перейти к модели парламентской республики[12].

Следующая рокировка была вызвана очередным смещением политического маятника вправо. В 1996 г. кандидат «демократов» П. Стоянов становится президентом Болгарии, а на следующий год, одержав победу

на досрочных парламентских выборах, «демократы» возглавили правительство. В 2001 г. уже становившееся традиционным чередование у власти социалистов и «демократов» было прервано новым явлением в политической жизни страны: возвратившийся в страну за пару месяцев до выборов экс-монарх Симеон Сакс-Кобург-Готский возглавил «Национальное движение Симеон II». Оно завоевало половину мест в парламенте и принесло своему лидеру пост главы правительства[13]. Избрание президентом в том же году представителя социалистов Г. Пырванова, их относительный успех на следующих парламентских выборах в 2005 г. и формирование коалиционного кабинета БСП, НДСП и ДПС, свидетельствуют, что двухполюсная политическая конфигурация болгарского политического спектра претерпевает дальнейшую эрозию.

В Словении «движение вправо» и попытка отстранить от власти непобедимого Я. Дрновшека и его партию в 2000 г. оказались малоуспешными: правоцентристский кабинет продержался у власти немногим более полугода, до последовавших вскоре выборов. Только в 2004 г. победа давних противников «либеральных демократов» положила конец их почти двенадцатилетнему пребыванию у власти.

В Хорватии ХДС (правящая партия во времена Ф. Туджмана), распростившись с наиболее одиозными фигурами в своих рядах и убавив националистическую риторику, попыталась откреститься от своего прошлого и предстать респектабельной консервативной силой, открытой для сотрудничества с Европой[14]. Это позволило ей вновь завоевать доверие избирателей на парламентских выборах 2004 г. и вернуться к власти.

Правым партиям удалось вновь отодвинуть от власти социал-демократов после выборов 2004 г. в Румынии, 2005 г. — в Албании, 2006 г. — в Македонии.

На сегодняшний день соревновательные многопартийные парламентские выборы в странах региона были проведены, по меньшей мере, пять раз. Правда, в 1994 г. в Македонии и 1996 г. в Албании оппозиция не признала их честными. В результате опасавшаяся поражения ВМРО—ДПМНЕ отказалась от участия во втором туре и на четыре года оказалась вне парламента. Грубейшая фальсификация голосования в Албании в 1966 г., признанная ОБСЕ, привела к бойкоту законодательного органа со стороны АСП. Впрочем, в этих двух странах едва ли не все избирательные кампании 1990-х годов сопровождались обвинениями (иногда небезосновательными) в антидемократическом манипулировании законодательством, массовых нарушениях и фальсификациях. Это же характерно для СРЮ времен С. Милошевича, и Хорватии — при правлении Ф. Туджмана. Однако и в Сербии, и в Черногории подобная практика продолжи-

лась и после падения авторитарного режима. Монополия на власть черногорского лидера М. Джукановича и нового премьера Сербии З. Джинджича была для них и их приверженцев значимее, чем утверждение декларируемого демократического правопорядка. Результатом трехлетнего правления «Демократической оппозиции Сербии», где доминировала возглавлявшаяся главой правительства Демократическая партия, стало воспроизводство в новых условиях сущностных характеристик низвергнутого режима: законодательная и судебная власть, как и большинство средств массовой информации, вновь оказались под контролем исполнительной власти, а «инакомыслящие» деятели и партии постоянно сужавшегося демократического блока вытеснялись в оппозицию. Лишь гибель нового «сильного лидера» (в 2003 г.), а затем и поражение его партии на досрочных парламентских выборах, создали условия для демонополизации политической жизни и вернули Сербию на путь демократического развития[15].

Конституционные сроки парламентских выборов по большей части выдерживались, но в Албании (1997 г.), Болгарии (1994, 1997 гг.), Хорватии (1992, 1995 гг.), Сербии (1993, 2000, 2003 гг.) и Черногории (1998, 2001, 2002 гг.) были досрочными. Однако на пять, в среднем, легислатур за время постсоциалистического развития в странах региона приходится около 10 кабинетов — немногие правительства смогли доработать до временнуго предела своего мандата. Принципиальная смена правящей партии происходила в Албании трижды, в Болгарии — пять раз, в Македонии — четырежды, в Румынии — четырежды, в Словении — пять раз, в Хорватии — трижды, в Сербии — трижды, и лишь в Черногории этого не случилось.

Подавляющее большинство кабинетов имело коалиционный характер, даже если это не диктовалось политической необходимостью и парламентской арифметикой. Правда, при авторитарных режимах речь шла, скорее, об имитации коалиционности, поскольку правящие партии нуждались в своих слабосильных партнерах, главным образом, для декорирования недемократических методов властвования.

Сложилась относительно стабильная партийная система. Ведущие политические партии в большинстве стран возникли еще в начале переходного периода и с тех пор неизменно представлены в парламенте наиболее значимо. В законодательном органе появляются, естественно, и новые политические образования. Однако новички, за исключением новейшего примера Болгарии, нигде не проявили способности успешно оспорить позиции ветеранов политической сцены.

В целом конкурентная многопартийность и демократический механизм смены власти стали в странах региона нормой политической жизни. Минимальную, но принципиально важную проверку демократия прошла.

Общей характеристикой политического ландшафта Юго-Восточной Европы остается доминирующий политический раскол на посткоммунистов и их противников. Соответствует ему и биполярность политического спектра. Так, в Албании политическая жизнь определялась соперничеством социалистической (АСП) и демократической (ДПА) партии, в Болгарии — БСП и фигурировавшего под разными наименованиями СДС, в Македонии — СДСМ и ВМРО—ДПМНЕ, в Румынии — ПСДР и объединения «исторических» партий. Двухполюсность менее выражена лишь в Словении, где спектр политических сил изначально был многоцветнее, а их соотношение более сглажено. Она усложнена размежеваниями по иным линиям в Хорватии (европеисты — традиционалисты), Сербии (к двум отмеченным выше расколам добавилось разделение на умеренных и радикальных реформаторов) и в Черногории (там доминировало разделение на федералистов и сепаратистов).

Несколько мелких и маловлиятельных партий, претендующих с «центристских» позиций на заполнение ниши между двумя полюсами, неизменно оказывались в тени двух наиболее мощных сил. Они, однако, стали едва ли не непременными, а во многих случаях неизбежными участницами правящих коалиций. В государствах с довольно значительным национальным меньшинством, как Болгария, Македония и Румыния, именно малые этнические партии турок, албанцев и венгров успешно выполняют функцию того политического разновеса, который не раз предрешал как соотношение сил «великанов» в законодательном органе, так и судьбу кабинетов. Поэтому и при доминирующем в обществе биполярном расколе конфигурацию политической сцены можно условно определить как «двух с половиной партийную».

Лишь в Словении изначально утвердилась и стабильно воспроизводится «n-партийная» структура: ни одна из партий (в том числе Либерально-демократическая, с наибольшим стажем пребывания у власти) не имела единоличного большинства, и любое правительство обречено было быть коалиционным. Аналогичная тенденция, хотя и менее выпукло, на протяжении последних лет стала обнаруживаться в Болгарии, Сербии, Хорватии и Черногории.

Биполярный политический раскол гарантирует сохранение конкурентной среды в политике и страхует от монополизации политической сцены. Однако он превращает любую избирательную кампанию в «игру с нулевой суммой», придавая ей чрезмерную остроту и усиливая беском-

промиссность сторон. К тому же подобный, не типичный для «Старой Европы» и в этом смысле архаичный раскол свидетельствует, что большинство государств региона до сих пор пребывают в постсоциалистическом периоде своей истории. Следовательно, «транзит» в политическом плане все еще рано считать завершенным.

Двухполюсное противостояние отчасти смягчают малые партии. Вместе с тем сама ситуация, когда они объективно способны играть лишь дополнительную, но не самостоятельную роль, способствует их перерождению в своеобразные «малые предприятия» по беспринципной торговле голосами и политическим весом. Это, в свою очередь, не способствует росту их популярности и долговечности, хотя само их постоянное воспроизводство на политической сцене подтверждает сохранение запроса на политические силы центристской ориентации и немаловажность выполняемой ими функции.

Звучит парадоксально, но «демократические» партии, выросшие из оппозиции коммунистическому режиму, которые провозглашали переход к демократии своей целью, в ее условиях преуспели гораздо менее своих противников из числа посткоммунистов. На их счету меньше электоральных побед и короче стаж пребывания у власти. Демократы «по происхождению» нередко проявляли воинствующий антидемократизм, оказывались гораздо более подверженными расколам и много менее договороспособными, демонстрируя зачастую вопиющий непрофессионализм и как политики, и как управленцы.

Подобный феномен лишь отчасти можно объяснить естественными болезнями роста молодых политических сил. В гораздо большей степени он обусловливался их ошибочной стратегией тотальной и скорейшей «декоммунизации» любой ценой, стремлением полностью вытеснить из политической и общественной жизни всю прежнюю элиту. В социально-экономическом плане это означало перечеркивание всех значимых завоеваний социализма, затрагивавшее жизненные интересы широчайших слоев населения, гарантировало новым социал-демократам сохранение традиционного электората бывших компартий. В экономике — посягало на позиции обладавшей наибольшим влиянием и управленческим опытом бывшей «хозяйственной» номенклатуры, побуждая ее к поддержке той силы, из лона которой она и вышла. В политике подобное антикоммунистическое сектантство, огульно распространявшееся на всех «бывших», вело к самоизоляции «демократов» и дополнительной консолидации их противников, хотя элементарный расчет требовал прямо противоположного.

В результате «демократические» партии замкнули себя в правой части политического спектра, предоставив не только левый фланг, но и центр иным политическим течениям. «Перенаселенность» узкого правого сегмента политического рынка дополнительно способствовала его фрагментации. Заведомо сузив возможности укрепления и расширения своей политической базы демократическими методами, провозвестники демократии должны были довольно скоро скатиться к таким способам завоевания и удержания власти, которые имеют мало общего с демократической политической культурой. Наглядной иллюстрацией того, как это происходит, стала политическая жизнь Албании в период первого правления С. Бериши, Хорватии — времен Ф. Туджмана, Сербии — под управлением З. Джинджича. Неправомерно поэтому, связывать утверждение и развитие демократии в странах региона лишь с деятельностью сил, выросших из оппозиции коммунистическому режиму. По крайней мере, не меньшую роль в этом сыграли и социалистические партии с посткоммунистической «родословной». Это, впрочем, и неудивительно: учитывая свое прошлое, они вынуждены были больше заботиться о своей демократической репутации. К особой заботе о своем демократическом имидже их обязывала и евроатлантическая внешнеполитическая ориентация, и стремление получить международный сертификат на свое обновление посредством приема в Социалистический Интернационал. История стран региона после крушения социализма в очередной раз подтвердила, что становление демократии — саморазвивающийся процесс, который не может быть монополизирован никем из его участников.

Оборотной стороной относительной стабилизации партийного спектра в рамках «двух с половиной-партийной системы» стала тенденция к превращению партий в «элитные» или «картельные» самоцельные образования, которые не выполняют функцию представительства и опосредования общественных интересов[16]. Характеристика сложившейся системы как партократии типична для многих стран региона. Это, естественно, самым негативным образом сказывается на авторитете и популярности как самих партий, так и власти в целом. Не случайно опросы общественного мнения показывают, что в странах региона политические партии среди всех общественных и государственных институтов пользуются наименьшим доверием. Не многим больше верят граждане национальным парламентам и правительствам. Так, например, по опросам «Евробарометра» в феврале—марте 2004 г., партиям, правительству и парламенту доверяло в Болгарии (соответственно 6, 19, 13%), в Румынии (14, 36, 30%), в Словении (16, 27, 25%). Для сравнения: армия, религиозные институты,

ЕС и ООН пользовались доверием 58, 36, 66, 55% респондентов в Болгарии; 77, 84, 72, 64% — в Румынии; 43, 29, 47, 46% — в Словении[17]. Не лишним, поэтому, звучит предостережение, что «дефектная нелиберальная демократия заплатит за кратковременную стабильность ценой ее долгосрочных шансов на стабилизацию»[18].

Не может не настораживать заметный и угрожающий рост популярности в последние годы национал-популистских партий антисистемной оппозиции в Румынии («Великая Румыния», Партия национального единства румын), Сербии (Сербская радикальная партия) и Болгарии (коалиция «Атака»). Лидеры румынских и сербских радикальных националистов, удачно окрещенные «политическими экстрасенсами»[19], занимали почетное второе место в соревновании за пост президента. Болгарские парламентские выборы 2001 г., когда движение, возникшее за несколько месяцев до их проведения, сумело завоевать половину мест в парламенте и взять власть, показали какую мощь и с какой скоростью, могут набрать внесистемные силы при кризисе доверия. Поэтому при накоплении потенциала социального протеста, он, вероятнее, будет искать пути самореализации вне право-левых координат и привычного чередования у власти двух партий, расширяя радиус действия национал-популистских течений.

Важнейшую, а в отдельные моменты и решающую, роль в укреплении и стабилизации демократии в Юго-Восточной Европе играл внешний фактор. Речь идет не только о силе примера избранного европейского образца демократии и необходимости придерживаться ее стандартов, диктуемых из Брюсселя, но и о прямом экономическом и политическом воздействии, нередко весьма настойчивом и мощном, на политические события в странах региона со стороны ЕС и США. Не всегда, правда, их роль может быть оценена однозначно позитивно с точки зрения демократизации. Скажем, слишком долгое попустительство с их стороны таким лидерам, как С. Бериша, Ф. Туджман или М. Джуканович, явно задержало демократическое развитие Албании, Хорватии и Черногории. Явный антисербский внешнеполитический курс западных держав долгое время помогал С. Милошевичу удерживаться у власти, разыгрывая роль защитника национальных интересов, а сегодня способствует росту популярности радикальных националистов. Еще существенней, что внешний фактор, компенсирующий недостаточность собственных внутренних ресурсов демократии, сохраняет свою действенность до тех пор, пока перспектива приема в ЕС — главный инструмент влияния — видится близкой и сохраняет свою привлекательность. Если же эта цель станет миражом, а возникшие проблемы в связи с принятием европейской конституции позволяют предполагать притормаживание дальнейшего

расширения ЕС на Балканах, понизится и степень внешнего влияния на укрепление демократии в государствах Юго-Восточной Европы. Не приведет ли это и к замедлению их демократического развития — вопрос открытый.

Демократия в странах региона бесспорно далека еще от избранного европейского образца. Условна консолидация весьма несовершенной партийной системы, проблематична независимость судебной власти и ее эффективность. Свобода средств массовой информации постоянно является предметом политических и общественных баталий. Коррупция и клиентелизм остаются наиболее распространенными социальными и политическими недугами. Но при избранной ориентации на вступление в ЕС и постоянном, требовательном надзоре с его стороны за функционированием демократических институтов демократия сохраняет характер безальтернативного выбора. Попятное движение может стать вероятным лишь при утрате европейской перспективы или в случае взрывной дестабилизации ситуации в отдельных странах и в регионе в целом.

Примечания

[1] *Карл Т.Л., Шмиттер Ф.* Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы // Полис. 2004. № 4. С. 8—9.

[2] Подробнее см.: *Лолочи К.* Албания. Формирование избирательных законов // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1994. № 2 (7). С. 4—11.

[3] *Стефои Е.* Румыния. Формирование избирательных законов // Конституционное право... 1994. № 2. (7). С. 15—18.

[4] Болгария в XX веке. Очерки политической истории. М., 2003. С. 421—428; *Смирнова Н. Д.* История Албании в XX веке. М., 2003. С. 361—381.

[5] *Oschlies W.* Makedonien im Sommer 1998 // Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale studien. Köln, 1998. ą 39. S. 18.

[6] *Hoppe H.-J.* Die politische Szene der Republik Makedonien // Berichte des Bundesinstituts... 1995. № 47. S. 7—13.

[7] *Hoppe H.-J.*. Die neue politische elite Kroatien // Berichte des Bundesinstituts... 1997. № 7. S. 7—26, 33—38; *Bacić A.* Izborni zakoni i polupredsednicki sistem // Politicka misao. 1992. № 2. S. 39—47; *Kasapović M.* Izborni i stranacki sustav Republike Hrvatske. Zagreb, 1993. S. 61; *Zakosek N.* Struktura i dinamika hrvatskog stranackog sustava // Revizja za sociologiju. 1994. № 1—2. S. 91.

[8] *Pribićević O.* Vlast i opozicija u Srbiji. Beograd, 1997. S. 75—80; *Hoppe H.-J.* Die politische Fuhrung des Miloschević-Regimes // Berichte des Bundesinstituts... 1999. № 26. S. 7—32.

[9] *McFaul M.* The Fourth wave of democracy and dictatorship. San Francisko, 2001. P. 2001. P. 16—17.

[10] *Байхельт Т.* Демократия и консолидация в постсоциалистической Европе // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей. СПб.; М.; Берлин. 2003. Т. I. С. 486—489.

[11] *Hungtington S. P.* The third wave. Democratization in late Twentieth century. London, 1991. P. 267.

[12] *Кусовац З.* Хорватия после Туджмана: перспективы изменений // Конституционное право... 2001. № 2 (35). С. 121—122; № 3 (36). С. 156.

[13] *Пеева Р.* Избрание царя: выборы-2001 и болгарская демократия // Конституционное право... 2001. № 4 (№?). С. 88—92.

[14] *Кричкович А., Фиш С.* От коричневого цвета — к синему. Станет ли ХДС христианско-демократической партией? // Конституционное право... 2004. № 1 (46). С. 61—70.

[15] *Кандель П.* Двойной портрет на фоне Сербии // Мир перемен. 2004. № 1. С. 168—180.

[16] *Меркель В., Круссан А.* Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // Повороты истории... С. 273—274.

[17] Eurobarometer 2004. 1. Public opinion in the acceding and candidate countries. Annex tables, first results. Spring 2004 (europa.eu.int/comm/public opinion).

[18] *Меркель В., Круассан А.* Указ. соч. С. 274.

[19] *Байме К.* Партии в процессе демократической консолидации // Повороты истории... С. 90.

Оглавление

К читателю 3

I. 1953—1956. Преддверие

В. Тошкова
Противостояние США и СССР в 50-е годы XX века: эпизоды психологической войны (*Перевод с болг. Т. В. Волокитиной*) 9

Л. Огнянов
Сталинизм в политической жизни Болгарии (1948—1956 годы) (*Перевод с болг. Т. В. Волокитиной*) 46

В. В. Волобуев
Зарождение и развитие ревизионизма как оппозиционной марксистской мысли в Польше в 1950-е годы 69

М. Г. Лёшин
Участие Группы советских оккупационных войск в Германии в разрешении кризиса 1953 года в ГДР: фактор риска или залог стабильности? 77

Т. В. Волокитина
Борьба за политическое лидерство в СССР и Болгарии. 1953—1956 годы (Исторические параллели) 109

II. 1956, февраль. XX съезд. Что это было?

Ю. С. Новопашин
Доклад Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС: внешнеполитические аспекты. 149

А. Ф. Носкова
XX съезд КПСС и «секретный доклад» Н. С. Хрущева: что это было? 166

В. В. Марьина
XX съезд КПСС и Коммунистическая партия Чехословакии. 182

А. С. Стыкалин
XX съезд КПСС: отклики в Венгрии и Австрии 220

С. А. Шерлаимова
XX съезд КПСС и чешская литературная «оттепель» 236

С. Миланова
Апрельский пленум ЦК БКП 1956 года в восприятии журналистских кругов Болгарии (*Перевод с болг. Т. В. Волокитиной*) 249

III. 1956. Реакция властных структур и общества социалистических стран на первые удары по сталинизму

Н. В. Васильева

Отечественная историография о военной роли СССР в венгерских событиях 1956 года 267

В. Мигев

Отзвуки венгерской революции 1956 года в Болгарии (Некоторые аспекты проблемы) (*Перевод с болг. Т. В. Волокитиной*) 285

И. Марчева

Георгиу-Деж и Тодор Живков о событиях 1956 года (По материалам болгарских архивов) (*Перевод с болг. Т. В. Волокитиной*) 297

Н. Христова

Конфликт «власть — интеллигенция» в Болгарии. 1956—1957 годы (*Перевод с болг. Т. В. Волокитиной*) 316

Е. Калинова

Интеллигенция и власть между двумя волнами десталинизации в Болгарии. 1956—1961 годы (*Перевод с болг. Т. В. Волокитиной*) 329

Л. В. Ревякина

Болгарский земледельческий народный союз в кризисном 1956 году 357

IV. 1950—1960-е. Экономические и политические последствия

Н. И. Бухарин

Отношения Советского Союза с социалистическими странами Европы в 1950-х — первой половине 1960-х годов 383

Г. Никова

Кризисы экономической системы восточного блока и Болгария (*Перевод с болг. Т. В. Волокитиной*) 398

П. А. Искендеров

Влияние кризисов 50—60-х годов XX века на модернизационные процессы в Албании 417

И. Баева

Болгария в 60-е годы XX века: ответ на вызовы меняющегося мира (*Перевод с болг. Т. В. Волокитиной*) 436

И. С. Яжборовская

Центрально- и Юго-Восточная Европа в лабиринтах развития второй половины XX века 454

П. Е. Кандель

Политическое развитие стран Юго-Восточной Европы после краха социализма 474

Научное издание

1956 год

Российско-болгарские научные дискуссии

Сборник статей

Редакционная коллегия:
Г. Г. Литаврин,
Т. В. Волокитина,
Р. П. Гришина

Обложка — *М. И. Леньшиной*

Сборник подготовлен к печати
в отделе редакционной подготовки рукописей
Института славяноведения РАН

Подписано в печать 27.05.2008. Печ. л. 31,0.
Тираж 300 экз. Цена договорная.

1956 год

Российско-болгарские дискуссии

Узловые событ
XX века